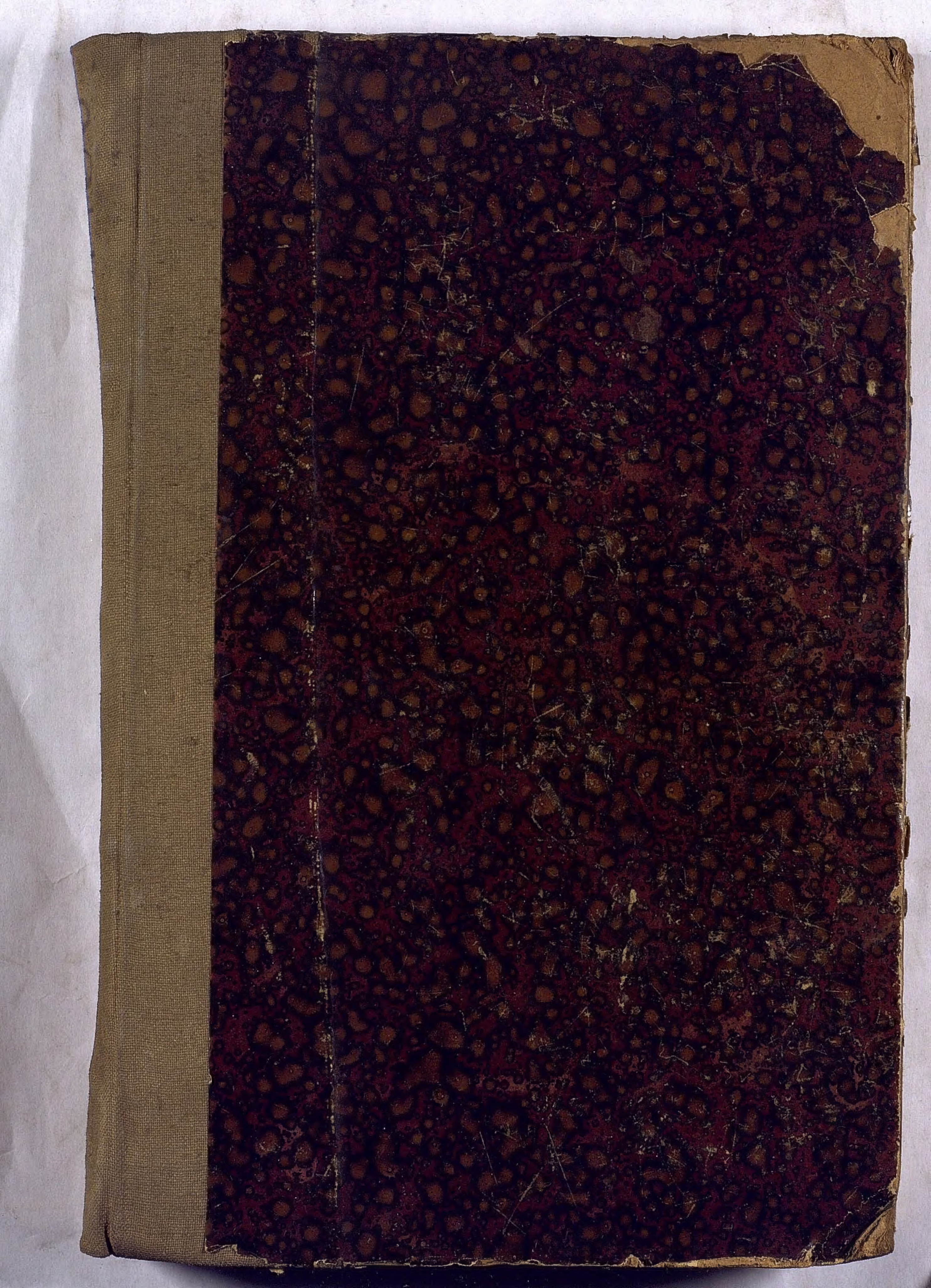

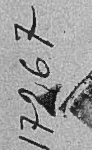
Заемъ Свободы 1917 г.,

выпускаемый на основанiи постановленiя Временнаго Правительства

отъ 27 марта 1917 года.

Облигацiи займа выпускаются достоинствомъ въ 50, 100, 500, 1.000, 5.000, 10.000, и 25.000 рублей и приносятъ 5% годовыхъ, уплачиваемыхъ два раза въ годъ, 16 марта и 16 сентября.

Облигацiи сего займа выпускаются на 54 года и погашаются по нарицательной цѣнѣ, въ теченiе 49 лѣтъ, тиражами, производимыми одинъ разъ въ годъ, въ декабрѣ, начиная съ 1922 года.

Доходъ, приносимый облигацiями, освобожденъ навсегда отъ сбора съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

До 16 марта 1927 года не будетъ приступлено къ досрочному погашенiю ни посредствомъ усиленныхъ тиражей, ни путемъ конверсiи или выкупа.

Облигацiи сего займа принимаются въ Конторахъ и Отдѣленiяхъ Государственнаго Банка, Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ на безплатное, простое храненiе или съ управленiемъ (гдѣ таковое имѣется), безъ взиманiя до 1 iюля 1918 года гербоваго сбора.

Облигацiи займа будутъ приниматься въ казенные залоги по нарицательной цѣнѣ, въ обезпеченiе же задатковъ и ссудъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченiе разсрочиваемаго акциза, а равно таможенныхъ пошлинъ по цѣнамъ, назначаемымъ министромъ финансовъ.

Подписка на означенный заемъ будетъ приниматься съ 6 апрѣля по 1 іюня с. г. включительно:

въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка,

въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ,

въ Казначействахъ (постоянныхъ, полевыхъ и крѣпостныхъ),

въ Городскихъ общественныхъ банкахъ,

въ Обществахъ взаимнаго кредита,

въ учрежденіяхъ мелкаго кредита,

въ Городскихъ и Земскихъ Управахъ, Нотаріальныхъ Конторахъ, союзахъ и организаціяхъ, о коихъ будетъ объявлено особо на мѣстахъ.

въ Правленіяхъ частныхъ коммерческихъ банковъ и во всѣхъ ихъ Отдѣленіяхъ

и въ Банкирскихъ Домахъ и Конторахъ.

Подписная цѣна назначается въ 85% съ прибавленіемъ текущихъ процентовъ съ 16 марта с. г. по день уплаты.

Въ уплату по займу могутъ быть представляемы 5% краткосрочныя обязательства Государственнаго Казначейства съ учетомъ изъ 5% годовыхъ.

Облигаціи новаго займа могутъ быть принимаемы какъ при самой подпискѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Банка, въ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ и въ Казначействахъ, въ коихъ введена ссудная операція, отъ ихъ держателей въ залогъ, изъ льготнаго процента по $5^3/_4$% годовыхъ по срокъ 1 іюля 1918 г., съ освобожденіемъ отъ уплаты Государственнаго сбора, установленнаго по спеціальнымъ текущимъ счетамъ, и вексельнаго сбора по срочнымъ ссудамъ. Размѣръ ссуды при подпискѣ установленъ 75% номинальной суммы.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ.

МАРТЪ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе", Петроградъ, Забалканскій пр., д. 75.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ТРЕТЬЯ. — МАРТЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Редакція открыта для справокъ и личныхъ объясненій по средамъ отъ 2 до 4 ч. по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

ВѢТЕРЪ.

(РОМАНЪ) [1].

XXXVII.

— Скажите мнѣ, что съ вами? — повторялъ Крутовской, поддерживая Наталью Никаноровну.

Она сидѣла рядомъ съ нимъ въ дрожкахъ, опираясь о его плечо, и всхлипывала. Къ счастью, на улицахъ было пусто, городъ точно вымеръ, и никто ихъ не могъ увидѣть. Меринъ бѣжалъ быстро; его не нужно было направлять — онъ самъ хорошо зналъ дорогу. Оставивъ вожжи, Леонтій Алексѣевичъ силился отвести руки молодой женщины, закрывающія лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, оставьте меня, — бормотала она, отворачиваясь: — это сейчасъ пройдетъ. Я сама не знаю, что со мною... Глупые нервы...

По скату на мостъ лошадь понеслась быстрѣе, дрожки, подпрыгивая, застучали по комьямъ высохшей глины.

Наталья Никаноровна испуганно ахнула и, опустивъ руки, схватилась за рукавъ Крутовского. Занятый дорогой, онъ сказалъ, не глядя на нее:

— Не бойтесь, мы сейчасъ выѣдемъ на большакъ, и тамъ будетъ мягче.

Она шепнула, прижимаясь къ нему:

— Я ничего не боюсь съ вами.

Онъ обернулся, пораженный ея словами, смутно сознавая ихъ значеніе, охваченный приступомъ настоящей жалости. И внезапно почувствовалъ прикосновеніе горячихъ губъ къ своей рукѣ. Она сползла къ его ногамъ, уронивъ голову на его колѣни. Онъ забормоталъ, потрясенный, растерянный, взволнованный до того, что не находилъ словъ.

---

[1]) Продолженіе. См. Февраль. 1917.

— Что съ вами? Наталья Никаноровна... встаньте, ради Бога встаньте... вы можете упасть...

Но она не поднимала головы; она плакала, вздрагивая плечами, всѣмъ тѣломъ, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ и покрывая ее поцѣлуями.

Тогда, склонившись надъ нею и самъ готовый заплакать отъ своей безпомощности, онъ схватилъ ее за плечи и съ силой приподнялъ, заставляя сѣсть рядомъ съ собою.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ, — шептала она: — мнѣ такъ сладко у вашихъ ногъ. Я гадкая, я отвратительная, и онъ былъ правъ, предложивъ мнѣ это...

— Но что такое, въ чемъ дѣло?..

Она не слушала его. Она шептала все быстрѣе, все порывистѣе, точно хотѣла вылить все сразу, все, что было у нея на душѣ. Глаза ея были сухи.

— О, какъ я презираю себя, какъ я себѣ омерзительна! Мнѣ хочется иногда рвать на себѣ волосы отъ отвращенія. Онъ предложилъ мнѣ деньги, и онъ правъ. Почему я обидѣлась? Развѣ я не брала денегъ тогда, когда продавала того, кого я любила, кого люблю до сихъ поръ? Почему мнѣ не продать себя, мое тѣло, которое я отдавала другому не любя. Какъ смѣю я быть гордой? Какъ могу требовать уваженія? Почему вы тогда не убили меня, почему не задушили, не растоптали ногами? О, какъ все это ужасно, какъ ужасно, какъ ужасно...

Она снова опустилась, точно придавленная тяжестью, и зарыдала, но теперь это были громкія, истерическія рыданія. Не сознавая, что дѣлаетъ, Крутовской остановилъ лошадь, сошелъ съ дрожекъ и схватилъ Смоличъ на руки. Онъ хотѣлъ нести ее или положить на траву, онъ самъ не зналъ, что онъ хотѣлъ дѣлать, лишь бы не слышать ея слезъ, не слышать того, что она говоритъ. Мысли его путались, голова шла кругомъ. Онъ поднялъ ее, не чувствуя ея тяжести, слыша только глухое біеніе своего сердца, тупые удары пульса въ вискахъ. И тотчасъ же почувствовалъ, что не можетъ дышать, что задыхается. Обвивъ тѣснымъ кольцомъ его шею, Наталья Никаноровна приникла къ его губамъ, всасывая, вбирая въ себя его дыханіе. Онъ пошатнулся, готовый упасть, потомъ оторвавшись впился снова въ этотъ красный, полуоткрытый ротъ, подсознательно чувствуя, что дѣлаетъ больно, и радуясь этому. Онъ слышалъ изрѣдка ея заглушенныя поцѣлуями слова:

— Убей, убей меня...

Незамѣтно онъ донесъ ее до канавы и опустился на колѣни, но внезапно она выскользнула изъ его рукъ и побѣжала по хлѣбамъ, крича задыхающимся голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Ошеломленный Крутовской остался неподвижнымъ, растерянно смотря ей въ слѣдъ, не пытаясь даже догнать ее или окликнуть. Черезъ минуту она скрылась среди волнующихся ржаныхъ колосьевъ.

Шатаясь, Леонтій Алексѣевичъ поднялся. По привычкѣ онъ провелъ ладонью по колѣнамъ, счищая пыль. Медленно подошелъ къ дрожкамъ. Сѣрый меринъ, повернувъ морду, покосился на него внимательнымъ влажнымъ глазомъ. Крутовской сѣлъ и, сгорбившись, закрылъ руками нестерпимо пылающія щеки.

Лошадь дернула разъ, другой и сама побѣжала къ дому.

XXXVIII.

Людмила сидѣла на качеляхъ и, тихо раскачиваясь, положивъ книгу на колѣни, оперлась лицомъ о ладони и закрыла глаза. Она не спала, но должно быть о чемъ-нибудь упорно думала и не слыхала, какъ подкрался къ ней Смоличъ. Подойдя сзади, онъ качнулъ качели и, смѣясь, остановился. Отъ неожиданности она слабо вскрикнула и, открывъ глаза, посмотрѣла на Константина Никаноровича. Ея взглядъ поразилъ его — такъ онъ былъ далекъ и печаленъ. Невольно усмѣшка соскользнула съ его лица. Онъ проговорилъ смущенно:

— Прости меня... я не думалъ, что ты такъ испугаешься.

Постепенно выраженіе лица ея измѣнилось — оно стало обычно-сдержаннымъ. Она отвѣтила, останавливая носкомъ туфли расходившуюся качель:

— Ты подошелъ очень тихо, я не слыхала твоихъ шаговъ.

Помявшись, Константинъ Никаноровичъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Скажи мнѣ, почему ты меня такъ не любишь?

Людмила возразила:

— Если хочешь знать, я не не люблю тебя — за что же мнѣ тебя не любить или любить? — но я тебѣ не довѣряю.

— Какъ мнѣ понять это?

— Понять легко. Въ тебѣ мало прямоты и искренности и съ тобой трудно говорить. Должно быть, потому, что ты слишкомъ занятъ собою. Я никогда не знаю, чего ждать отъ тебя, и всегда чувствую какую-то связанность — это непріятно.

Онъ улыбнулся заискивающе, подбирая нужныя слова и чувствуя, что опять начинаетъ злиться.

— Ты еще болѣе непонятна мнѣ; ты странная дѣвушка — я никогда такихъ не видѣлъ. Ты очень упряма и скрытна... Чтобы я далъ, чтобы расшевелить тебя!

— Тебѣ, должно быть, это не удастся, пока ты не перестанешь злиться и не станешь самимъ собою.

— Но съ чего ты взяла, что я злюсь?

— Когда ты говоришь со мною, у тебя срывается голосъ, точно ты не находишь нужнаго тона, и потомъ ты всегда начинаешь съ намековъ, за которыми ничего нѣтъ, кромѣ раздраженія.

— Однако, ты читаешь мнѣ нотацію, — пробормоталъ Смоличъ.

— Ты самъ хотѣлъ знать, что я о тебѣ думаю.

— Но если мое волненіе объясняется другой причиной,— съ жаромъ воскликнулъ Константинъ Никаноровичъ: — если я не злюсь, а смущаюсь. Если при видѣ тебя у меня сердце начинаетъ стучать быстрѣе. Если боясь и не зная тебя, я все же влекусь къ тебѣ. Если твое лицо, твои глаза, твои волосы приводятъ меня въ трепетъ. Если меня бѣситъ, когда ты бываешь съ другими. Если я злюсь потому, что хочу видѣть тебя только около себя, хочу касаться твоихъ рукъ, чтобы почерпнуть ту силу, которой такъ много въ тебѣ. Что если ты узнаешь, что я впервые въ жизни понялъ, что такое настоящая женщина, увидѣвъ тебя? Развѣ это только раздраженіе? И если даже раздраженіе, то не раздраженіе ли это сердца, нервовъ, мыслей, влекущихъ къ тебѣ, жаждущихъ тебя?

Онъ придвинулся къ ней еще ближе и жарко дышалъ на нее. Пальцы его касались ея колѣнъ. Но она, казалось, слушала его, не слыша; ни одна черточка не дрогнула въ ея лицѣ, едва замѣтно поблѣднѣвшемъ.

Осмѣлѣвъ, онъ припалъ къ ея плечу, повторяя:

— Ты должна быть моей, ты должна быть моей...

Тогда, спокойно отведя его руки, она встала съ качели и холодно промолвила:

— Если ты не хочешь, Костя, совсѣмъ потерять мое уваженіе, ты долженъ оставить этотъ разговоръ и этотъ тонъ. Онъ мало идетъ тебѣ, потому что въ тебѣ нѣтъ чувства, которое бы оправдывало тѣ пошлости, что были сказаны тобою. Я не дѣвочка и не наивная барышня, чтобы возмущаться отъ твоихъ словъ, но мнѣ стыдно, Костя, мнѣ стыдно за тебя. Неужели въ тебѣ такъ мало чутья и такта, что ты не понимаешь, какъ ты смѣшенъ въ роли соблазнителя, ты, не обладающій и малой долей настоящей страсти, настоящаго увлеченія!

Первое мгновеніе Константинъ Никаноровичъ молчалъ, пристыженный, но, тотчасъ же приходя въ ярость, онъ закричалъ, съ налитыми кровью глазами:

— Что, что, что ты говоришь? У меня нѣтъ страсти, я говорю пошлости? Но ты смѣешься надо мной! Конечно, мое увлеченіе глупо, конечно, мое увлеченіе смѣшно тебѣ, разъ ты любишь другого!

Выкрикнувъ это, онъ остановился, не зная, что сказать еще, чувствуя, что говоритъ вздоръ, и не находя, чѣмъ отплатить за оскорбленіе.

Онъ повторилъ, сжимая зубы, кривя ротъ:

— Да, да, конечно, ты любишь другого, какого-нибудь мужика и грубіяна, у котораго бѣшеный темпераментъ животнаго!..

Вспыхнувъ и напрягшись какъ струна, но сдерживая себя, Людмила подняла голову и, въ упоръ смотря на названнаго брата, отвѣтила:

— Да, ты угадалъ — я люблю другого, можетъ быть, мужика, но вѣдь и я мужичка!

Онъ не ожидалъ этого простого отвѣта, этой искренности, этого спокойствія. Онъ смотрѣлъ на нее испуганно и безпомощно, тщетно ища словъ, могущихъ оправдать его грубость, могущихъ вывести его изъ того унизительнаго положенія, въ какомъ онъ себя чувствовалъ.

Подойдя ближе и ухватившись рукою за одну изъ веревокъ качели, Людмила добавила совершенно спокойно, точно ничего и не произошло:

— Костя, уходи теперь, пройдись. Оставь меня, мнѣ хочется побыть одной.

Эта сцена вспоминалась Смоличу каждый день. Онъ не могъ забыть ее. Она заставляла его краснѣть и сжиматься. Даже тогда, когда онъ былъ одинъ и никто его не

видѣлъ. Людмила спокойно прогнала его послѣ того, какъ чуть ли не обозвала дуракомъ, послѣ того, что высмѣяла его самымъ наглымъ образомъ. И онъ ушелъ, онъ покорно всталъ и ушелъ, точно побитая собака. Дрянная, самоувѣренная дѣвчонка! Онъ бы съ наслажденіемъ уѣхалъ въ тотъ же день изъ „Самолюбова", если бы не думалъ, что она сочтетъ это за малодушное бѣгство, за трусость.

Поневолѣ пришлось ходить по идіотскимъ болотамъ, кормить комаровъ, задыхаясь отъ жары, дрожать въ предразсвѣтномъ туманѣ — лишь бы не видѣть ея, не встрѣчаться съ ней, не лицезрѣть ея невозмутимой физіономіи. Онъ шипѣлъ отъ злости... „Но я тебѣ еще устрою штуку, — думалъ онъ: — ты еще у меня запляшешь".

Они лежали на жесткомъ сѣнѣ въ сѣновалѣ у лѣсника — всѣ четверо — Смоличъ, Витя и братья Ерандаковы. Витя спалъ, должно быть спалъ, такъ какъ давно пересталъ отвѣчать на вопросы, а Фепта и Фроша продолжали пить водку.

— Вы мнѣ нужны будете, — сказалъ Константинъ Никаноровичъ, — я хочу подѣлиться съ вами однимъ планомъ — вы не очень пьяны?

— Чепуха! — крикнулъ Фроша: — вздоръ! Почему пьяны? И вообще наплевать. Мы съ братомъ въ реальномъ были, и вмѣстѣ насъ выгнали. Мы всегда вмѣстѣ. Кромѣ того, ваша сестра неподражаема, умопомрачительна... Ради нея мы готовы на все и между прочимъ — слушаемъ. Опредѣленно!

XXXIX.

Вѣра Владиміровна закрыла глаза, отдаваясь равномѣрному покачиванію вагонныхъ рессоръ. Такъ колесный говоръ умѣрялъ стукъ сердца, заглушалъ біеніе крови, убаюкивалъ разбѣжавшіяся мысли. Открывъ глаза, она не могла бы сосредоточиться, ей нужно было бы все увидѣть, во всемъ разобраться съ тѣмъ особеннымъ нервнымъ напряженіемъ, похожимъ на паническій ужасъ, когда каждый пустякъ, каждый вздорный предметъ пріобрѣтаетъ особое значеніе, особый зловѣщій смыслъ.

— Мамочка, ты спишь?

Вѣра Владиміровна почувствовала прикосновеніе дочерней руки, но не шевельнулась, не отвѣтила. Она сидѣла, откинувъ на полосатый чехолъ спинки голову, съ плотно сомкну-

тыми губами, съ страдальчески опущенными углами рта, съ темными тѣнями подъ глазами. Особенно рѣзко выступали румяна на поблѣднѣвшихъ, опавшихъ щекахъ, тронутыхъ у подбородка и висковъ дряблой старческой желтизной. Блѣдныя руки съ вздувшимися у кисти синими жилками и съ тонкими пальцами, каждый суставъ которыхъ выдавался впередъ, подчеркивая ихъ худобу, лежали тяжело и безпомощно на колѣняхъ.

Наконецъ пришелъ день, рѣшающій ея судьбу. Она ѣхала на свиданіе съ мужемъ. Она, наконецъ, его увидитъ, послѣ долгаго ряда дней, вызывавшихъ такую боль въ оскорбленномъ, измаявшемся сердцѣ. Она начнетъ прежнюю жизнь, кровать рядомъ съ нею не будетъ пуста, все пойдетъ, какъ шло раньше. Они будутъ вмѣстѣ спать, вмѣстѣ ѣсть, вмѣстѣ думать о мелочахъ, наполняющихъ ихъ размѣренную жизнь. Она подойдетъ къ нему, дотронется до его плеча, заговоритъ съ нимъ. Она даже посмотритъ ему въ глаза. Да, она увидитъ его глаза и должна будетъ попрежнему улыбнуться имъ. Посмѣетъ ли она сдѣлать это? Какія нелѣпыя мысли... Вѣдь она такъ этого хотѣла. Онъ обниметъ и поцѣлуетъ ее; онъ имѣетъ полное право сдѣлать это — и она приметъ его поцѣлуй. Значитъ, она простила, значитъ, она забыла? Значитъ, ничего не было?.. Но вѣдь она мечтала о его поцѣлуяхъ, нужно сознаться, она хотѣла ихъ, ну да, хотѣла, ждала, сходила съ ума по нимъ! Почему это звучитъ такъ непріятно сейчасъ, когда ея желанія близки къ осуществленію? И потомъ, зачѣмъ объ этомъ думать, когда все придетъ само собою. Нужно только знать, что все это необходимо. Необходимо для нея, для мужа, для дѣтей, для общества. Конечно, такъ. Наташа совершенно права. Нужно поскорѣй покончить съ этимъ. Она должна. Да, нѣтъ — не должна, а не можетъ иначе.

Когда пришла телеграмма, извѣщавшая, что Карышевъ выѣзжаетъ въ Смоленскъ, Вѣра Владиміровна еще не была причесана. Она сидѣла въ спальнѣ передъ зеркаломъ и расчесывала волосы. Наташа вошла къ ней, плотно притворила двери и съ таинственнымъ и многозначительнымъ лицомъ протянула клочекъ бумажки. Испуганная Вѣра Владиміровна взяла его и, прочтя, почувствовала, что краснѣетъ, краснѣетъ до корня волосъ, точно пойманная въ чемъ-то постыдномъ. Она не смѣла поднять глазъ на дочь, не смѣла отложить въ сторону телеграмму, не смѣла ничего сказать.

— Мама, ты счастлива?

Она съежилась отъ этого вопроса, показавшагося ей безстыднымъ. Дочь не могла, не смѣла спрашивать объ этомъ. Дочь не должна была читать телеграмму и приносить ее сюда, не должна была стоять тутъ и смотрѣть на свою мать, не одѣтую, съ распущенными волосами — теперь, въ эту минуту, самую большую, страшную минуту ея жизни. До боли остро показалось ей, что Наташа видитъ ее голой, читаетъ въ ея душѣ. Вѣра Владиміровна проговорила черезъ силу:

— Хорошо, спасибо, Наташа, а теперь уходи — мнѣ нужно одѣться.

Знала, что отъ нея ждутъ другихъ словъ, что смотрятъ на нее съ удивленіемъ, но не могла себя пересилить. И когда дочь ушла, она, все такая же простоволосая, оставалась сидѣть предъ зеркаломъ, съ каменнымъ неподвижнымъ лицомъ.

И до отъѣзда это были мучительные, нелѣпые часы, въ которые она не знала, куда себя дѣвать; вздрагивала отъ каждаго слова, отъ каждаго шума, ходила, опустивъ голову, растерянная и жалкая. Она боялась вопросовъ, разговоровъ, избѣгала своихъ дѣтей, чувствуя, не зная сама почему, странную робость передъ ними и даже непріязнь. Особенно ей была непріятна Наташа; а встрѣчаясь съ молчаливымъ взглядомъ Людмилы, она краснѣла и потуплялась, сознавая, что съ нею она должна быть откровенна, желая этой откровенности и не имѣя силъ ее выказать. Какъ, когда поѣдетъ, — она не знала, боялась думать. И уже подъ вечеръ спохватилась, что завтра должна быть въ Смоленскѣ и что сейчасъ, сію минуту ей нужно собраться и ѣхать. Она остановилась, холодѣя, не зная, на что рѣшиться, какъ поступить. Хватала нужныя въ дорогу вещи и, запрятывая ихъ кое-какъ въ баульчикъ, повторяла: „Нѣтъ, нѣтъ — я не поѣду, я не могу ѣхать“... почти теряя сознаніе при одной мысли, что это случится завтра, черезъ нѣсколько часовъ, что все и безповоротно рѣшится. Одѣтая по-дорожному, съ сумочкой въ рукахъ, еще не знала, поѣдетъ ли. Она прошла по всѣмъ комнатамъ своего дома, точно прощаясь съ ними, точно желая найти въ нихъ, въ ихъ спокойной неизмѣнности, покинувшее ее самообладаніе. Она остановилась передъ вазой съ розами и долго перебирала дрожащими пальцами влажные податливые лепестки, постепенно погружаясь въ оцѣпе-

нѣніе, тупое безразличіе. Она могла бы простоять такъ еще долго, если бы стукъ колесъ не пробудилъ ее, вновь не заставилъ судорожно забиться сердце. Тогда она бросилась къ комнатѣ дочери, крича испуганно:

— Наташа, Наташа!

Съ внезапной увѣренностью сознавала она, что ей необходима дочь, что безъ нея потеряется, замучается, выскочитъ съ поѣзда на какой-нибудь станціи и не поѣдетъ дальше.

— Ты звала меня, мама?

— Да, да — ѣдемъ, ѣдемъ скорѣе.

Вѣра Владиміровна не удивилась тому, что Наташа была уже готова, и спокойно, безъ возраженій взяла ее подъ руку и сѣла рядомъ съ нею въ коляску.

„Мнѣ нужно было взять съ собою Людмилу, — проплыло гдѣ-то далеко въ ея мысляхъ, но она сейчасъ же забыла объ этомъ, пристально всматриваясь въ широкую спину кучера, показавшуюся ей почему-то особенно милой и вѣрной. — Вотъ такъ, хорошо, что онъ тутъ передо мною и что я вижу его, а онъ меня не видитъ, — подумала она, успокаиваясь и плотнѣе забившись въ уголъ коляски.

XL.

Цѣлую ночь нужно было ѣхать, и только на другое утро онѣ прибыли въ Смоленскъ.

— Мы остановимся въ „Дворянской“, — сказала Наталья Никаноровна, — гдѣ остановился Александръ Ясоновичъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, только не тамъ, — испуганно возразила Вѣра Владиміровна. — Гдѣ угодно, только не тамъ...

Смоличъ пожала плечами, но рѣшила не спорить — скорѣй бы только кончилась эта комедія, начинающая раздражать ее. „Совсѣмъ институтка“ — подумала она о матери. Въ вагонѣ было душно, окна нельзя было открыть, потому что тотчасъ же сыпала пыль, и Наталья Никаноровна проклинала поѣздку. Отъ жары она много пила и теперь боялась за свое горло.

— Хорошо, мы поѣдемъ въ другую, — отвѣтила она, стараясь не раскрывать рта. — Я зайду за полковникомъ и приведу его...

— Ты приведешь его?

Такъ неужели же правда, что она его сейчасъ увидитъ? Вотъ тутъ, въ этомъ городѣ. Вѣра Владиміровна только теперь поняла по-настоящему все, что происходитъ. Волнуясь,

схватила дочь за руку и быстро, торопясь, срывающимся голосомъ заговорила:

— Наташа, милая, ради Бога помоги мнѣ, успокой меня, дай собраться съ силами. Я сама не своя, я волнуюсь, какъ дѣвчонка. Мнѣ стыдно, мнѣ до ужаса стыдно. Мнѣ всегда казалось, что это не случится, и вотъ теперь, когда остался одинъ шагъ къ примиренію, я робѣю, я не вѣрю въ себя, въ свои силы. Ты не знаешь, чего мнѣ это стоитъ. Совѣстно сознаться тебѣ, но были минуты, когда я хотѣла броситься съ поѣзда. Это малодушіе, конечно, но что дѣлать. Господи, что я скажу ему? Если онъ будетъ просить прощенія, я не выдержу, я расплачусь, я убѣгу отъ него...

Она помолчала, собираясь съ мыслями, потомъ зашептала заискивающе:

— Наташа, я прошу тебя, не приводи его въ гостиницу — я не могу его тамъ принять. Пусть лучше мы встрѣтимся въ саду, гдѣ-нибудь на улицѣ, только не въ комнатѣ. Я буду чувствовать себя спокойнѣе, когда буду знать, что вокругъ меня люди, шумъ. Сдѣлай это ради меня!

Она склонялась къ дочери съ трогательной мольбой, точно то, о чемъ она просила, было почти невыполнимо. Тронутая этой безпомощностью, этой слабостью, Наталья Никаноровна поцѣловала мать и, смѣясь, отвѣтила:

— Ну, конечно же, мамочка, какая ты потѣшная! Я все, все сдѣлаю, что ты хочешь.

Они остановились въ большой шумной гостиницѣ съ лифтомъ и кафе-концертомъ въ примыкающемъ саду... Въ ней останавливались военные, дѣльцы, пѣвички, разный темный, крикливый, кутящій людъ — вотъ почему полковникъ Карышевъ предпочелъ хотя и не столь нарядную, но тихую „Дворянскую". Онъ считалъ, что она болѣе подходитъ къ серьезной минутѣ свиданія его съ женой, но Вѣра Владиміровна растроила его планы. Онѣ заняли единственный оставшійся свободнымъ номеръ, выходящій окнами въ лѣтній садъ, и стали приводить себя въ порядокъ. Рѣшено было, что Смоличъ проведетъ мать въ Лопатинскій садъ, предупредивъ полковника по телефону.

Вѣра Владиміровна старалась ни о чемъ не думать. Она поспѣшно мылась, причесывалась, переодѣвалась. За стѣною два голоса, мужской и женскій, разучивали пѣсенку.

— Должно быть, пѣвцы съ открытой сцены, — сказала Наталья Никаноровна.

— Да, да, должно быть, — конфузливо улыбаясь, согласилась Вѣра Владиміровна: — и поютъ, кажется, что-то веселое... Я когда-то въ Кіевѣ слыхала...

При этомъ воспоминаніи она опять вспыхнула и, глянувъ искоса на дочь, засуетилась.

Завтракъ имъ подали въ номеръ; дочь ѣла съ аппетитомъ, мать сдѣлала видъ, что ѣстъ. Отъ утомленія, отъ безсонной ночи, отъ мыслей у ней разболѣлось сердце.

„Я недоживу, я заболѣю“, — думала она тоскливо.

Потомъ онѣ шли по улицѣ, обѣ въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, обѣ одного почти роста, и сзади мать казалась легче и моложе дочери.

Онѣ поднялись въ гору, гдѣ разбитъ былъ паркъ, густой и темный. Съ Лопатинскаго сада виденъ былъ весь Смоленскъ, бѣлыя стѣны кремля, излучины Днѣпра. Все залито было ослѣпительнымъ солнцемъ. Стоя на самомъ высокомъ мѣстѣ у обрыва, заросшаго орѣшникомъ и липою, онѣ смотрѣли передъ собою, невольно жмуря глаза, восхищенныя зрѣлищемъ этого древняго города, дремавшаго среди своихъ садовъ, блистающаго куполами своихъ церквей.

„Я хорошо сдѣлала, что пришла сюда“, — подумала Вѣра Владиміровна, чувствуя, какъ постепенно сладкій покой разливается по всему ея тѣлу. — Здѣсь такъ благостно, такъ высоко... Хорошо было бы здѣсь остаться надолго“. — Сквозь листья солнце грѣло ей затылокъ и спину, и ей казалось, что горячіе лучи добираются до ея сердца и согрѣваютъ его.— „Если бы я была моложе, я бы непремѣнно сбѣжала бы внизъ по этому откосу. Тутъ такая зеленая и, должно быть, мягкая трава. Лечь вотъ такъ на спину въ эту траву, подложить подъ голову руки и лежать, и ни о чемъ не думать“... мелькало въ уставшей ея головѣ. — Почему я всегда тормошусь, всегда волнуюсь и собственно, что мнѣ нужно? — Она печально пожала плечами и улыбнулась тихой, успокоенной улыбкой. — Ничего, пусть все такъ и будетъ, какъ должно быть, какъ хочетъ Богъ...

— Ты не устала, мама? Что же онъ не идетъ, — волновалась Наталья Никаноровна, которой надоѣло стоять на припекѣ.

Вѣра Владиміровна посмотрѣла на нее и впервые за эти часы увидѣла въ ней дочь. „Вотъ она какая“, — почти вслухъ подумала она и сейчасъ же отвѣтила:

— Нѣтъ, Наташа, я не устала. Его должно быть что-нибудь задержало, но онъ, конечно, скоро будетъ. Если хо-

чешь, можешь вернуться въ городъ, я и одна подожду его...

Смоличъ внимательно глянула на мать, стараясь понять, какая перемѣна произошла въ ней. „Она боится, что убѣгу отсюда,—догадалась Вѣра Владиміровна,—какъ странна и неестественна эта ея забота обо мнѣ. Неужели ее волнуетъ мое будущее, моя одинокая старость..." Онѣ смотрѣли другъ на друга молча, приглядываясь, изучая выраженіе лица.—„У меня очень взрослая дочь и совсѣмъ женщина... Да, она, конечно, уже не дѣвушка—вотъ что",—рѣшила Вѣра Владиміровна, удивляясь спокойствію, съ какимъ это она подумала.

— Ну вотъ и полковникъ!—неожиданно вскрикнула Смоличъ и, сдѣлавъ два шага въ сторону, заулыбалась и закивала головой. Вѣра Владиміровна оглянулась. Къ нимъ навстрѣчу по песочной дорожкѣ шелъ легкой, свободной поступью плотный, средняго роста офицеръ, придерживая одной рукой шашку, другою прикладываясь къ козырьку. Несмотря на замѣтное желаніе быть серьезнымъ, онъ весело улыбался, скаля подъ свѣтлыми пушистыми усами ровные крупные зубы и глядя сѣрыми живыми глазками попеременно то на вѣру Владиміровну, то на Смоличъ.

Похрустывая по песку мягкими, хорошо пригнанными сапогами онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, пріостановился, снялъ фуражку и, слегка согнувъ круглую спину, сутулясь и склонивъ голову, пробѣжалъ мелко сѣменя ногами отдѣляющее его пространство отъ жены и, чуть оттопыривъ губы для почтительнаго поцѣлуя, нагнулся къ ея рукѣ.

— Вѣра, Вѣрочка,—вскрикнулъ онъ два раза дребезжащимъ баскомъ и задохнулся, не подымая лица своего.

„У него лысинка стала больше,—невольно подумала Вѣра Владиміровна и сейчасъ же, начиная волноваться, вспомнила:—когда онъ жилъ со мною, онъ не лысѣлъ, потому что велъ правильный образъ жизни, а теперь его эти француженки и вино заѣздили..."

— Ну, Господь съ тобою,—произнесла она, цѣлуя его въ лобъ и удивляясь тому, что сейчасъ она такъ спокойна и что сердце не болитъ, и она жива, и такъ хорошо во всемъ разбирается.

Наталья Никаноровна скромно отошла въ сторону, потомъ и совсѣмъ скрылась за деревьями.

Они остались вдвоемъ, высоко надъ городомъ, въ чужомъ саду, не зная, что сказать другъ другу.

— Пойдемъ, пройдемся, — сказала Вѣра Владиміровна, испытывая странное раздраженіе, какую-то неловкость.

— Да, пройдемся, — повторилъ полковникъ и, выпрямившись и беря себя за пуговицу тужурки, зашепталъ, напрягшись:

— Повѣрь мнѣ, Вѣра, я понимаю...

Жена остановила его движеніемъ руки, и они стали прохаживаться по площадкѣ туда и обратно, въ глубокомъ молчаніи.

„Онъ все такой же, — безпомощно морща лобъ, думала Вѣра Владиміровна, чувствуя, какъ непонятная тоска опять начинаетъ сковывать ея душу: — онъ ничуть не постарѣлъ и такъ же здоровъ, какъ былъ, но у него покраснѣлъ носъ и сталъ толще — это оттого что онъ много пилъ, конечно, и даже, кажется, сейчасъ отъ него пахнетъ виномъ“.

— Саша, — наконецъ сказала она, останавливаясь и смотря на мужа, скромно опустившаго глаза, — мы оба виноваты во всемъ, что случилось. Мы слишкомъ жили жизнью тѣла, мы не уважали другъ друга. Постараемся стать другими...

„Я совсѣмъ не то говорю, что надо, — морщась, думала она, — совсѣмъ не то и потомъ я обманываю себя, я и теперь люблю его какъ мужчину“.

Александръ Ясоновичъ схватилъ ея руку и, тиская ее въ своихъ полныхъ рукахъ, воскликнулъ:

— Ахъ, Вѣрочка, ты слишкомъ великодушна! Ты святая женщина! Я страшно виноватъ передъ тобою и готовъ искупить, а ты ангелъ... Когда ты вернешься ко мнѣ, мы станемъ жить по-другому, я исправлюсь и, конечно, вздоръ, что я говорилъ тогда о полнокровіи... это пройдетъ...

„Зачѣмъ, зачѣмъ эти слова, — продолжала думать Вѣра Владиміровна: — и онъ тоже обманываетъ и не вѣритъ тому, что говоритъ. Но развѣ это не все равно? Я вернусь къ нему, вѣдь я не могу иначе. Я даже готова пойти на униженіе, лишь бы снова принадлежать ему. Да развѣ все это сейчасъ не униженіе?“

Она устало закрыла глаза, чувствуя все свое тѣло, истомленное жарой и волненіемъ. „Это проклятіе должно быть мое, что я никакъ не могу успокоиться, что у меня такія грязныя мысли и что до сихъ поръ я женщина и всегда ношу съ собою это свое женское. Господи, Боже мой, помоги мнѣ“.

— Ну идемъ теперь домой, — черезъ силу сказала она: —

у меня начинается мигрень — должно быть отъ жары, проводи меня до извозчика.

— Конечно, конечно, дорогая, — засуетился и забасилъ полковникъ. — Солнце печетъ адски, а мы и не думали уйти въ тѣнь. Полежи, отдохни, потомъ я зайду за тобою пообѣдать, и тогда мы все обсудимъ.

Онъ радъ былъ, что все такъ гладко и скоро обошлось, безъ лишнихъ слезъ и сценъ: онъ немного трусилъ, когда шелъ на это свиданіе.

— Хорошо, мой другъ, — отвѣчала Вѣра Владиміровна, опираясь на его руку и мысленно добавила: — „вотъ я иду со своимъ мужемъ и все кончено. Зачѣмъ же было такъ волноваться, такъ мучиться. Боже, какъ все это не то, не то“...

XLI.

Ровно въ шесть часовъ Александръ Ясоновичъ ждалъ жену въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана. Бубня себѣ подъ носъ новый, недавно слышанный имъ куплетъ, ходилъ онъ по комнатѣ и расправлялъ усы, пахнувшіе „L'origan“. Онъ заказалъ простой, но вкусный обѣдъ и приказалъ заморозить шампанское своей любимой марки. Настроеніе было у него чудесное, хотя онъ и вообще не могъ пожаловаться на свое настроеніе. Онъ привыкъ, что ему во всемъ везетъ, что у него крѣпкое здоровье и хорошій заработокъ. Его безпокоила только одна мысль — удастся ли ему сегодня вечеромъ попасть въ лѣтній садъ, гдѣ пѣла, какъ онъ узналъ, одна француженка, интересовавшая его еще въ Кіевѣ.

Въ половинѣ седьмого въ кабинетъ вошла Наталья Никаноровна и сказала, что Вѣрѣ Владиміровнѣ нездоровится; что обѣдать она не будетъ и проситъ мужа придти къ ней послѣ обѣда вечеромъ.

Полковникъ слегка поморщился, его планы, кажется, разстраивались.

— Но какъ она себя чувствуетъ, она не нервничаетъ? — съ безпокойствомъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все въ порядкѣ, — смѣясь отвѣтила Смоличъ: — не бойтесь, она больше не убѣжитъ отъ васъ — птичка поймана и, повѣрьте мнѣ, навсегда!

Тогда глядя въ смѣющіеся глаза падчерицы и вновь приходя въ игривое и радостное настроеніе, онъ воскликнулъ потирая руки:

— Что же дѣлать, мы выпьемъ за здоровье нашей старушки, и вы, я надѣюсь, не откажетесь раздѣлить со мною скромную мою трапезу.

Онъ помогъ Натальѣ Никаноровнѣ снять шляпку, перецѣловалъ ей каждый пальчикъ, стягивая перчатки; суетился, басилъ, нюхалъ и мѣнялъ закуску; вскочивъ изъ-за стола, послѣ жаркого, сыгралъ ей новую французскую шансонетку смѣялся полнымъ, круглымъ, довольнымъ смѣхомъ и игралъ глазами, томно вздыхалъ и грозно кричалъ на лакея, принесшаго для шампанскаго не тѣ фужеры. Словомъ, чувствовалъ себя въ своей тарелкѣ и увлеченъ былъ своей дамой, ничуть отъ него не отстававшей. За все время обѣда не было произнесено ни одного серьезнаго, скучнаго слова, кажется, даже не поминалось и имя Вѣры Владиміровны, если не считать того, что раза два полковникъ шутя, но вовсе не зло назвалъ ее „моя старушка", „моя старушенція". Пили за будущее, за встрѣчу въ Кіевѣ, пили молча, многозначительно и быстро взглядывая другъ на друга, пили такъ, просто потому что хотѣлось пить и въ кабинетѣ было жарко. Вмѣсто одной заказанной выпили двѣ бутылки шампанскаго.

„C'est une belle fille, vraiement, rudement gentille,
Je la regarde, elle me rigolle, ça va ça va ça colle"...

размахивая руками и топыря усы, пѣлъ Карышевъ.

Наконецъ лакей внесъ свѣчи, и они вспомнили, что пора ѣхать въ гостиницу. Тогда, у самыхъ дверей, Александръ Ясоновичъ остановился на полусловѣ (онъ говорилъ какой-то французскій каламбуръ), наморщилъ лобъ и дѣлая серьезное лицо, спросилъ озабоченно:

— Ахъ да, кстати, что съ моей дочерью, съ Людмилой? Вы мнѣ писали о ней что-то. Надѣюсь ничего серьезнаго?

Наталья Никаноровна не отвѣтила; она почла за лучшее разговоръ этотъ отложить до болѣе благопріятнаго случая.

XLII.

Сославшись на мигрень, Вѣра Владиміровна отослала дочь къ мужу, чтобы эти часы побыть одной, разобраться въ себѣ, обдумать свою дальнѣйшую жизнь.

Вотъ вскорѣ пріѣдетъ ея мужъ, и они заговорятъ, какъ и куда ѣхать, что куда уложить, сколько будетъ стоить перевозка ея вещей и мебели обратно въ городъ. Они будутъ говорить съ озабоченными серьезными лицами, можетъ быть

поспорятъ и погорячатся такіе разговоры никогда безъ этого не обходятся. И такъ пойдетъ изо дня въ день, точно ничего не случалось, точно между ними ничего и не произошло, начнется та жизнь, по которой такъ тосковала Вѣра Владиміровна. „Но вѣдь нужно было бы какъ-нибудь иначе“, — тоскливо шептала Карышева, смотря на рисунокъ обоевъ и прислушиваясь къ музыкѣ за стѣною, гдѣ кто-то игралъ: „Я помню все и голосъ милый“...

„Это какой-то очень старый романсъ, — невольно перебивая главную, самую важную мысль, которую нужно было додумать поскорѣе, соображала лѣниво Вѣра Владиміровна: — помнится мнѣ, я пѣла его еще барышней. Да, да помню. Это было тоже лѣтомъ, въ Павловскѣ. Я была совсѣмъ молоденькой, только что окончившей институткой и этотъ романсъ казался мнѣ особенно грустнымъ. Ника, пріѣзжая изъ лагерей, любилъ его слушать. Странно, что вотъ тутъ, сейчасъ его играетъ пѣвичка изъ сада... Ну да, вотъ это и было тогда то же, что теперь и что нужно измѣнить во что бы то ни стало... И этотъ звонъ въ ушахъ, и то, что я румянюсь, все это одно и то же, — снова, напрягаясь переходила она къ самому важному: и до тѣхъ поръ пока это будетъ, я не смѣю гордиться и думать, что я лучше той вотъ пѣвички, что играетъ за стѣною“.

Она встала и прошлась по комнатѣ, брезгливо глядя на бархатную пунцовую и уже потертую мебель, на прожженную въ нѣсколькихъ мѣстахъ скатерть покрывавшую круглый столъ, на бамбуковыя ширмы, на коврикъ, гдѣ выткана была бѣлая собака съ куропаткой въ зубахъ, на картины въ золоченыхъ рамахъ, изображающія дочь фараона съ младенцемъ Моисеемъ въ синемъ тростникѣ и пріемъ Колумба испанскимъ королемъ. „Да, да, и эта вотъ обстановка, и это пѣнье за стѣной, и крики пьяныхъ на лѣстницѣ — это именно то, чего я достойна, пока я такая“, — томительно влачилась мысль въ уставшей головѣ. — Всю жизнь я пила изъ одного источника, который сталъ теперь мутнымъ и грязнымъ и отъ котораго я все-таки не могу оторвать губъ. Боже, какой это камень и какъ мнѣ его сдвинуть, но я не могу, не могу иначе, у меня нѣтъ ничего другого, я растеряла все, пока жила такъ — сначала съ Никой, потомъ съ Сережей и Сашей, я изсушила свою душу и мнѣ нужна страсть, чтобы согрѣвать ее. Я никогда не была матерью, я стыдилась своихъ дѣтей, я заботилась о нихъ только потому, что, устраивая

свое счастье и видя ихъ передъ собою, я не хотѣла, чтобы они, болѣя или шаля, разстраивали это мое счастье. Но не видя ихъ, я о нихъ не думала, не знала, какъ о нихъ думать — во мнѣ ничего не оставалось для нихъ. И вотъ почему я теперь не могу вѣрить Наташѣ, не могу съ нею посовѣтоваться, я даже почти ревную къ ней... Ахъ, — стискивая зубы и открывая широко скорбныя глаза, продолжала думать Вѣра Владиміровна, — напрасно я не встрѣтилась съ мужемъ впервые здѣсь, въ этомъ загаженномъ номерѣ, напрасно этого брезгала: вѣдь все равно я не откажусь остаться здѣсь сегодня съ нимъ ночью и лечь въ эту кровать... Да, да, не для дѣтей и не для того, чтобы вести разумную жизнь семьянинки и чтобы не состарѣться въ одиночествѣ, я согласилась примириться съ мужемъ, а ради этого, только ради этого... Потому-то я и не повѣрила Наташѣ въ ея участьѣ, — она все знаетъ, обо всемъ догадывается и смѣется надо мною"...

Въ комнатѣ становилось темнѣе, и изъ окна принесло вмѣстѣ съ пылью вечернюю прохладу. Вѣра Владиміровна наклонилась надъ окномъ и посмотрѣла въ садъ. Между тощихъ липокъ зажигались газовые фонари, рабочіе прибирали столы и стулья, скребли дорожки, передъ открытой сценой возились съ нотами и инструментами заспанные музыканты, помятые лакеи звенѣли тарелками и стаканами, изъ кегельбана раздавался четкій стукъ шаровъ и грохотъ кегель.

— Что же они не идутъ? — прошептала Карышева, сразу забывая все, о чемъ она думала только что и поспѣшно поправляя прическу. — Уже должно быть восьмой часъ.

Оглаживая юбку, она сняла съ нея нѣсколько пушинокъ, расправила кружева кофточки, потомъ, быстрымъ шагомъ подойдя къ баульчику, достала духи и пудру и, нагибаясь передъ зеркаломъ на комодѣ, становясь на цыпочки и похрустывая косточками корсета, провела нѣсколько разъ пуховкой по тонкому своему носу, по лбу и подбородку. Затѣмъ, выпрямившись, налила на ладонь духовъ и медленно проводя рукой по груди, плечамъ и подъ мышками вдыхала, зажмурясь, ихъ нѣжный и дѣвическій запахъ.

Пріятная бодрость и свѣжесть наполнили тѣло. Она снова прошлась по комнатѣ, по привычкѣ зорко оглядываясь и переставляя стулья, обмахивая скатерть, оправляя постель. Поджавъ губу, она провѣряла, лучше ли, уютнѣе ли стало отъ ея уборки. Заслышавъ шаги поблизости, подбѣжала къ дверямъ и прислушалась, но ключъ щелкнулъ въ сосѣднемъ

номерѣ, женскій голосъ вскрикнулъ радостно, треснула крышка рояля и чмокнулъ сочный, беззастѣнчивый поцѣлуй.

— Чортъ возьми, я усталъ порядкомъ. Будь она проклята эта идіотская пьеса, — отчетливо прозвучалъ мужской голосъ, точно говорившій былъ въ одномъ номерѣ съ Карышевой.

Вѣра Владиміровна на цыпочкахъ отошла отъ двери, улыбаясь многозначительно, но тотчасъ же улыбка стала печальной, и она прошептала нетерпѣливо:

— Да что же они не идутъ, наконецъ!

Легкая дрожь прошла вдоль спины и заставила поежиться. Тоскливо еще разъ оглянула она комнату, уже занавѣшенную неподвижными сумерками.

Внезапно грянулъ оркестръ, тамъ, внизу. Вѣра Владиміровна встрепенулась, сердце ударило разъ-другой и болѣзненно замерло. Она стиснула зубы отъ острой боли и, сейчасъ же приходя въ нервное возбужденіе и безпокойство, стремительно выбѣжала въ коридоръ.

„Съ нимъ что-нибудь случилось, — мелькнула привычная мысль, всегда терзавшая ее, когда мужъ долго не возвращался, — но почему же Наташа...“

Стараясь не додумать до конца, Карышева стала спускаться по лѣстницѣ, рѣшивъ позвонить по телефону въ тотъ ресторанъ, гдѣ обѣдалъ полковникъ.

Она опустилась на второй этажъ, когда услышала гудѣнье подымающагося лифта. Предположивъ, что это, быть можетъ, ѣдетъ мужъ, она остановилась, прислонясь къ периламъ. Каюта медленно подымалась вверхъ. Сначала показались чьи-то головы: женская шляпа и военная фуражка.

„Ну да это они, — подумала Вѣра Владиміровна, вспыхивая и отъ волненія не имѣя силъ подойти къ дверцѣ и крикнуть.

И точно, сейчасъ же выплыли изъ-подъ пола во весь ростъ Наталья Никаноровна и полковникъ. Они смѣялись. Александръ Ясоновичъ, вытягивая пухлыя губы и жмурясь, ловилъ руки Наташи, которая махала ими въ воздухѣ. Потомъ онъ наклонился къ ея локтю, мыча и фыркая, какъ молодой бычокъ.

Уже видны были только ихъ ноги, когда со взрывами смѣха до Карышевой донесся обрывокъ фразы: „Насъ приколотитъ моя старушка“... и все скрылось.

XLIII.

Одеревенѣвъ, стояла Вѣра Владиміровна у перилъ, все еще смотря вверхъ передъ собою. Щеки ея жгло такъ, что она чувствовала кожу на нихъ, губы дрожали, но слезы не шли изъ глазъ; не глядя по сторонамъ, она сошла въ вестибюль, прошла безъ шляпки мимо озадаченнаго швейцара и медленно пошла по улицѣ. Случайно ей попался какой-то скверъ, она вошла въ него и, пройдя по аллейкѣ, сѣла на скамью.

Мимо нея проходили гуляющіе, но она не глядѣла на нихъ, не замѣчала ихъ взглядовъ. Ей было только одно пріятно, что сумерки совсѣмъ низко упали на землю и свѣтъ не рѣзалъ глазъ и можно было глубже заглянуть въ свою душу. Мысли ея стали глубоки и ясны, но онѣ не передавались словами — тайный ходъ ихъ она лишь чувствовала въ себѣ, не умѣя дать имъ обличье живыхъ словъ. Иногда только она шептала ссохшимися губами: „и я того же хотѣла для себя", когда передъ ней, уплывая вверхъ, опять стояли мужъ и дочь.

Она сидѣла такъ и часъ и два. Стало совсѣмъ темно, гуляющіе скрылись, только листъ шуршалъ надъ головою въ вѣтвяхъ да издали, оттуда, изъ лѣтняго сада заносило дуновеніемъ вѣтра обрывки музыки.

Наконецъ, она поднялась, чувствуя тяжесть и разбитость во всемъ тѣлѣ, каждая косточка болѣла и ныла. „Старушка, — прошептала она, слабо улыбаясь, но безъ горечи. — Конечно, я старушка; что же тутъ обиднаго. Но если такъ, то почему я не иду къ нимъ... я должна пойти къ нимъ и сказать, что ничуть не зла на нихъ, вѣдь они ничего дурного не дѣлали, это была только легкая шалость, конечно, маленькая, дѣтская шалость. Но я ревную... Да, ревную, — повторила она громко, — мнѣ все еще кажется, что я имѣю право ревновать, какъ женщина; но почему же я не ревную какъ человѣкъ? Къ душѣ ихъ не ревную, къ душѣ своей дочери, которую я не знаю"... — Она застонала, закусывая губы, готовая упасть наземь, но пересилила себя и, тяжело пригибаясь къ землѣ, какъ вѣтвь, отягченная созрѣвшими плодами, побрела по скверу, переходя съ одной дорожки на другую.

Нежданно она остановилась у чьей-то высокой темной фигуры. Это былъ памятникъ Глинкѣ, золотые значки нотъ поблескивали на узорѣ рѣшетки. „Я въ Блокѣ, —

подумала она, — у ногъ любимаго композитора и скоро ночь, а я одна и безъ шляпки. Вотъ куда завели меня мои мысли. Если бы я не была старухой, я навѣрно расплакалась бы у этой рѣшетки. Но развѣ я способна чувствовать романтизмъ во всемъ этомъ? Я кажусь себѣ только смѣшной и жалкой... очень смѣшной и постыдно жалкой"...

Она стояла такъ нѣсколько минутъ, стараясь разобрать золотыя ноты, но было совсѣмъ темно, и глаза ея плохо видѣли.

— Пора уходить, госпожа, — услышала она охрипшій голосъ, — потому мы садъ запирать будемъ.

Она поспѣшно отошла, испуганная и вновь возвращенная къ жизни. Выйдя за ворота, еще долго бродила по улицамъ, блуждая въ мало знакомомъ городѣ. Наконецъ, почувствовала, что не въ силахъ идти дальше. Она подозвала извозчика и приказала ему ѣхать въ гостиницу. Дорогой думала: „Если я стала другой, если у меня есть силы побороть въ себѣ все темное и грязное, я останусь съ мужемъ"...

Пріѣхавъ, она поднялась наверхъ. Коридорный принесъ ей ключъ отъ номера.

— Барышня и баринъ ушли въ лѣтній садъ, — сказалъ онъ услужливо, — они просили доложить вамъ, ежели вы изволите прійтить раньше ихъ, что они будутъ обратно не позже часу...

— Хорошо, голубчикъ, — произнесла она спокойно, и, чувствуя какъ съ новой силой вспыхиваютъ въ ней возмущеніе и ревность, тотчасъ подумала: „Да, иначе нельзя", — и стала поспѣшно укладывать вещи и накалывать шляпку. — „Въ двѣнадцать идетъ поѣздъ на „Самолюбово", — я буду далеко, когда они вернутся".

И сидя черезъ полчаса въ темномъ углу вагоннаго дивана, подложивъ подъ голову подушку изъ розовыхъ лепестковъ и сомкнувъ отяжелѣвшія вѣки, она шептала въ тоскѣ и страхѣ: „Господи, Господи, помоги мнѣ снести мою ношу. Господи, помоги. Ты видишь, я слабая и грязная и у меня нѣтъ силъ потушить темный огонь, такъ дай мнѣ перегорѣть въ себѣ, чтобы предстать предъ Тобой чистой. Господи, не оставь меня"...

XLIV.

Въ отсутствіе Вѣры Владиміровны, за Яковомъ Владиміровичемъ ухаживала Людмила. Она приготавливала ему лѣкарства (онъ принималъ какія-то микстуры, увѣряя, что

у него до сихъ поръ катарръ въ легкихъ и больныя почки), носила ему то пледъ, то карты, то книжку романа, иногда читала ему или играла съ нимъ въ безикъ.

— Ты мой ангелъ, душа моя, — говорилъ Тулубьевъ, слѣдя за ней покраснѣвшими кофейными своими глазами, кажущимся всегда подернутыми слезой умиленія: — у тебя золотыя руки, des mains de Sylfe. Онѣ дѣлаютъ все неслышно, быстро и удивительно красиво, точно два одушевленныхъ существа, увѣряю тебя. Ты меня трогаешь, мнѣ стыдно своей безпомощности, я чувствую себя до безобразія ничтожнымъ при видѣ того, какъ ты ухаживаешь за мною... Ахъ, — вздыхая, шепталъ онъ: — если бы я былъ моложе, если бы ко мнѣ вернулись мои былыя силы, я стоялъ бы передъ тобою на колѣняхъ и ждалъ бы твоихъ приказаній... но увы, я только старый рамоли, ни на что не нужный старикъ, годный развѣ лишь на то, чтобы на мнѣ ты лишній разъ испытала свое золотое сердце...

— Ну что вы, дядя, какъ вамъ не стыдно, — возражала, улыбаясь, Людмила и, садясь рядомъ съ нимъ, гладила его по рукѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, душа моя, это такъ, я не тѣшу себя иллюзіями, какъ моя сестра, Богъ ей прости! Я хорошо знаю что я такое — une vielle rosse — et rien que a![1]). И меня нисколько это не смущаетъ, повѣрь мнѣ, я не жалуюсь. Ба, я сумѣлъ взять все, что могъ, въ свое время, больше чѣмъ могъ... Каюсь, душа моя, я любилъ въ жизни только двѣ вещи — праздность и смѣхъ, смѣхъ и праздность... я всегда и во всемъ находилъ только смѣшное, и это на мой взглядъ самое большее, чего достойна наша жизнь... Я всегда слѣдовалъ принципу мудраго Босюэтта: il faut rire avant que d'être heureux, de peur de mourir sans avoir ri“[2]). Это великій завѣтъ, повѣрь мнѣ... Чѣмъ бы я былъ сейчасъ, если бы не мое чувство юмора... Что подѣлаешь, я не вѣрю ни во что другое, никакая ложь не скрыла бы отъ меня истину — а она всегда вызывала во мнѣ только снисходительную улыбку. Ты молода еще, дитя мое, ты очень серьезна. У тебя прекрасная душа, ты глубоко чувствуешь, но ты не умѣешь еще смѣяться. Это большое твое несчастье. Нельзя быть всегда серьезной, этого не выдержатъ никакіе нервы, никакая воля...

---

1) Старая кляча — и ничего больше.

2) Нужно смѣяться, не будучи даже счастливымъ.

Ты знаешь, чего больше всего мнѣ жаль изъ того, что я утратилъ — это мой цилиндръ. Не смѣйся, мой другъ, — мой послѣдній цилиндръ утонулъ, когда я переплывалъ Ламаншъ. Съ тѣхъ поръ я не покупалъ себѣ другого. Я сказалъ себѣ, что это указующій знакъ. Когда у порядочнаго человѣка цилиндръ начинаетъ ходить за водою, вмѣсто того, чтобы сидѣть на головѣ, это значитъ, что такому человѣку слѣдуетъ надѣть чепецъ и забиться въ свое кресло. Душа моя, утративъ респектабельность джентельмена, уже ничѣмъ не вернешь ея. Все остальное относительно, даже здоровье, увѣряю тебя... Я прожилъ бурную, безтолковую, врядъ ли разумную и полезную жизнь, но больше всего я смѣялся, это сохранило мнѣ мой желудокъ и душевное равновѣсіе. Вотъ почему я такъ люблю Парижъ. Тамъ люди хорошо усвоили себѣ этотъ принципъ, у нихъ есть чувство юмора — это помѣшало имъ стать ханжами и мистиками, несмотря на то, что у нихъ въ центрѣ Парижа стоитъ изумительная Sainte Chapelle, приводящая даже скептика въ религіозный экстазъ; и они ничуть не пришли въ ужасъ и не утратили вѣры въ свой художественный вкусъ, увидя въ одно прекрасное утро Эйфелеву башню. Они нашли для характеристики этого пошлѣйшаго сооруженія одно mot, геніальность котораго ты оцѣнила бы тотчасъ же, если бы я рѣшился произнести его при тебѣ вслухъ... Ахъ, дитя мое, для твоего счастья, я хотѣлъ бы чаще видѣть на лицѣ твоемъ улыбку, улыбку снисходительности и превосходства. Я знаю, ты мечтаешь побѣдить жизнь, но это потому, что ты молода. У насъ есть только одно оружіе противъ нее — это смѣхъ. Даже побѣжденными, улыбаясь, мы будемъ сознавать себя выше ея. Говоря о жизни, я могъ бы перефразировать стихи венеціанскаго поэта Бурати на знаменитую Болонскую пѣвицу изъ романа Стендаля „Пармская Шартреза“: Желать и не желать, любить и ненавидѣть, въ одно и то же время довольствоваться лишь непостоянствомъ, презирать то, что уважаетъ человѣчество, въ то время какъ человѣчество ею восторгается — жизнь полна пороковъ. Поэтому не стремись *познать* эту змѣю. Если ты серьезно станешь изучать ее, безумный, ты позабудешь ея капризы; если будешь имѣть смѣлость *прислушаться къ ней*, — ты позабудешь самого себя, и въ одно мгновеніе любовь сдѣлаетъ изъ тебя то, что нѣкогда Цирцея сдѣлала съ товарищами Уллиса“.

Яковъ Владиміровичъ засмѣялся, беря руку Людмилы и цѣлуя ее.

— Вотъ видите, моя очаровательная племянница, какой философъ вашъ дядя, — сказалъ онъ. Когда боишься своихъ мыслей, самое лучшее ихъ высказывать. Должно быть, всѣ философы были большіе трусы... имъ слѣдовало бы тоже чаще смѣяться...

Онъ откинулся на спинку кресла и, дыша какъ рыба, чуть раскрывъ ротъ, посмотрѣлъ въ потолокъ.

— Я чувствую, что изъ этого ничего не выйдетъ, — пробормоталъ онъ совсѣмъ тихо. — Она никогда не знала мѣры... ахъ, знаю ли я эту мѣру?..

Вечеромъ Тулубьевъ, Людмила и Витя, сидя за чайнымъ столомъ, играли въ домино. У всѣхъ у трехъ были серьезные, встревоженныя лица, всѣ они невольно мыслью возвращались къ Вѣрѣ Владиміровнѣ, у нихъ у всѣхъ должна была измѣниться жизнь. Можетъ быть, у нихъ были еще и свои заботы, но никто не высказывалъ ихъ.

Константинъ Никаноровичъ не выходилъ изъ своей комнаты: онъ писалъ дѣловыя письма.

На верандѣ, у чайнаго стола, подъ лампой-молніей, никто не произносилъ ни слова. Слышны были придушенные вздохи самовара, трескъ опаленныхъ бабочекъ и сухой стукъ костяшекъ.

Наконецъ Яковъ Владиміровичъ прервалъ молчаніе, проговоривъ убѣжденно:

— Я говорю вамъ, изъ этого ничего не выйдетъ, Вѣра не можетъ жить для другихъ... Мнѣ непріятна вся эта затѣя... я не сочувствовалъ ея разрыву съ мужемъ, но еще менѣе сочувствую ея возвращенію къ нему... Это все очень непріятно и только Наташѣ могла придти въ голову такая мысль...

Никто не отвѣтилъ ему. Людмила и Витя опустили головы, Тулубьевъ пожевалъ губами и сказалъ тише.

— Вообще у насъ творятся странныя вещи за послѣднее время... on sant la poudre, боюсь, что братъ и сестра Смоличъ слишкомъ шумливы для здѣшнихъ мѣстъ. Il y a des gens qui veulent être, il y a des gens qui veulent paraître [1]: они изъ числа послѣднихъ... Однако, вы меня, кажется, не

---

[1]) Есть люди, которые хотятъ быть, а есть люди, которые хотятъ только казаться.

слушаете? — добавилъ онъ, улыбаясь: — но я не въ претензіи, когда человѣкъ говоритъ, онъ больше всего думаетъ о собственномъ удовольствіи... Уже поздно, я что-то усталъ, моя бѣдная голова не выдерживаетъ большого напряженія... Покойной ночи, Людмила...

Онъ наклонился съ особенной почтительностью, цѣлуя руку дѣвушки, она поспѣшно поднялась и въ свою очередь поцѣловала его въ лобъ.

— А ты, Витя? — спросилъ Тулубьевъ, оборотившись къ племяннику, — не захочешь ли ты проводить меня въ спальню?.. Пожелавъ нашимъ дамамъ счастливыхъ сновъ, мы, какъ старые, завзятые холостяки, поболтаемъ еще часокъ о своихъ слабостяхъ... Не такъ ли?..

Онъ посмотрѣлъ на Витю внимательнымъ многозначительнымъ взглядомъ. Бунаковъ, взглянувъ на дядю, тотчасъ же вскочилъ и, кивнувъ головою, послѣдовалъ за нимъ.

Придя къ себѣ, Яковъ Владиміровичъ заперъ дверь на ключъ, осмотрѣлся и, подойдя развинченной своей походкой къ Витѣ, положилъ ему на плечо руку.

— Я получилъ письмо, — сказалъ онъ строго, — оно касается Людмилы...

— Это письмо отъ Кости, — поспѣшно перебилъ его Бунаковъ.

— Не знаю, оно безъ подписи... я не пытался разузнавать, кто писалъ его, но оно настолько гнусно, что говоритъ само за себя...

— Я знаю, что его писалъ Костя... — проговорилъ настойчиво Витя, — вѣрнѣе оно написано подъ его диктовку... Что же вы думаете съ нимъ дѣлать?..

Яковъ Владиміровичъ не отвѣтилъ. Онъ подошелъ къ ночному столику, досталъ оттуда листокъ бумаги и, развернувъ его двумя пальцами, точно боясь запачкаться, показалъ Витѣ.

— Вотъ оно, — сказалъ онъ все такъ же тихо, строго и медленно: — я думаю тебѣ не интересно знать его содержаніе...

— Нѣтъ, конечно, нѣтъ!..

— Тѣмъ лучше...

И сложивъ листокъ опять, Тулубьевъ медленно протянулъ его надъ пламенемъ свѣчи. Письмо задымило, съежилось и, мгновенно вспыхнувъ, превратилось въ пепелъ.

— Да, да, — произнесъ Яковъ Владиміровичъ: — его

больше не существуетъ. Я сдѣлалъ бы это и раньше, но почелъ необходимымъ предупредить тебя... Теперь ты видѣлъ... поступай самъ, какъ считаешь нужнымъ...

Онъ устало опустился на стулъ рядомъ съ кроватью и, положивъ на колѣни руки, закрылъ глаза.

Витя подошелъ къ нему и сказалъ рѣшительно:

— Я знаю, что дѣлать... спасибо вамъ, дядя...

Тулубьевъ молчалъ, не отрывая глазъ; потомъ, когда племянникъ щелкнулъ замкомъ, собираясь выйти, Яковъ Владиміровичъ движеніемъ руки остановилъ его.

— Подожди, — сказалъ онъ чуть слышно: — знай, что я ничему не вѣрю, и потомъ вотъ... когда увидишь завтра Людмилу, поцѣлуй ее... отъ меня поцѣлуй... и скажи, что у нея есть два друга... два преданныхъ друга... Я хотѣлъ бы, чтобы ты сказалъ ей это... только ты... понимаешь?

XLV.

Константинъ Никаноровичъ запечатывалъ послѣднее письмо: онъ писалъ своему кредитору, Маѳинькѣ (замѣняющей ему экономку и кухарку на его холостой квартирѣ, старой, но дѣятельной женщинѣ — молодыхъ онъ у себя не держалъ, считая это дурнымъ тономъ) и кое-какимъ своимъ пріятелямъ. Рѣзкій стукъ заставилъ его вздрогнуть отъ неожиданности.

— Войдите, — крикнулъ Константинъ Никаноровичъ и, мелькомъ взглянувъ на входящаго брата, снова занялся своей корреспонденціей.

— Садись, я сейчасъ! — сказалъ онъ. — Ты хочешь поговорить со мною?

— Да, я принужденъ говорить съ тобою, — отвѣчалъ Бунаковъ, не садясь и остановившись посреди комнаты, — хотя мнѣ это крайне непріятно...

— Въ чемъ дѣло? — недоумѣвая, проговорилъ Смоличъ, оставивъ недописаннымъ адресъ, отложивъ ручку и оборачиваясь къ брату.

— Ты поступилъ подло, и я пришелъ сказать тебѣ это, — твердо и стараясь не повышать голоса, молвилъ Витя.

Константинъ Никаноровичъ привскочилъ на мѣстѣ: онъ болѣзненно сморщился и закричалъ пронзительно:

— Что за тонъ, что за манеры! Кто тебѣ далъ право врываться ко мнѣ съ такими разговорами?

— Не кричи, — холодно возразилъ Бунаковъ: — уже ночь, и ты можешь разбудить сестру и дядю. Я пришелъ къ тебѣ вовсе не для того, чтобы вступать въ препирательства. Если бы ты не приходился мнѣ братомъ, я нашелъ бы другой способъ воздѣйствовать на тебя и, конечно, не приходилъ бы къ тебѣ въ комнату. Но мы живемъ у мамы, ты, къ сожалѣнію, мойбратъ, и я не вижу другого пути для того, чтобы выразить тебѣ все мое презрѣніе...

— Но это чортъ знаетъ, что такое! — вставая и садясь на край стола, но значительно тише возразилъ Смоличъ: — что онъ отъ меня хочетъ? Я ничего не понимаю ..

— Изволь, — я объясню тебѣ, — отвѣтилъ Витя: — за множествомъ дѣлъ ты забываешь то, что дѣлаешь. Не далѣе, какъ третьяго дня ты послалъ анонимное письмо дядѣ...

— Это клевета!...

— Нѣтъ, это не клевета. Я самъ слышалъ, какъ ты просилъ Ерандаковыхъ написать его...

— Хорошенькая манера изыскивать способы выказать свое благородство, — криво усмѣхаясь, пробормоталъ Константинъ Никаноровичъ: — но вы все-таки плохо слышали...

— Я слышалъ именно то, что говорилось, — медленно и не двигаясь съ мѣста, сказалъ Бунаковъ: дядя показалъ мнѣ это письмо и, конечно, не повѣрилъ ни одному его слову. Не желая разбираться въ цѣляхъ твоего пасквиля, я предлагаю тебѣ одно — уѣхать отсюда какъ можно скорѣе...

— Что-о?

— Да, ты долженъ уѣхать.

Смоличъ принужденно расхохотался. Блѣдность сошла съ его лица. Онъ держался руками за край стола, раскачивался и смѣялся.

— Нѣтъ, это мнѣ нравится, — вскрикивалъ онъ: — нѣтъ, это великолѣпно!.. онъ, видите ли, пришелъ для того, чтобы выгнать меня изъ моего же дома...

— Этотъ домъ принадлежитъ моей матери...

— Ха-ха, но ты забываешь, что она и моя мать, и я такое же имѣю право жить въ немъ, какъ и ты...

— Ты долженъ отсюда уѣхать, — вспыхивая и сжимая кулаки, до жуткаго тихо еще разъ сказалъ Бунаковъ: — и ты уѣдешь...

Тогда презрительно морщась и отходя отъ стола, Смоличъ возразилъ съ вызовомъ:

— Ну, это мы еще посмотримъ... можетъ быть, я скоро и уѣду отсюда, но только тогда, когда самъ захочу этого... А прежде всего, милѣйшій, я переговорю съ матерью... она должна, наконецъ, понять, что творится вокругъ нея... Не безпокойся (Константинъ Никаноровичъ потрясъ рукой въ воздухѣ), это такъ не пройдетъ... Если вы здѣсь влюбились въ эту дѣвчонку...

— Молчи...

Витя сдѣлалъ два шага впередъ, рука его поднялась было и опять опустилась, глаза налились кровью, губы побѣлѣли.

— Молчи, — хрипло повторилъ онъ.

Смоличъ попятился назадъ, но тотчасъ же закричалъ, подпрыгивая; въ его голосѣ слышались страхъ и ненависть:

— Убирайся, убирайся, убирайся отсюда... я тебѣ говорю, убирайся...

И когда младшій братъ, сдерживаясь и боясь за самого себя, повернулся съ усиліемъ и пошелъ къ двери, Константинъ Никаноровичъ, наскакивая на него, шипѣлъ, захлебываясь:

— Мальчишка, щенокъ, наглый хамъ! Онъ смѣетъ кричать на меня!

XLVI.

Людмила встала, по обыкновенію, рано. Еще только выглянуло солнце. Дѣвушка подбѣжала къ окну, всю ночь открытому настежь, и полной грудью дохнула въ себя росный, густой, медвяный воздухъ. Иволги перекликались въ саду, то громко высвистывая, то скрипя, точно колеса; пчелы гудѣли надъ липами — все тучно наливалось, золотѣло, улыбчиво поблескивало. Стоя, опершись ладонями на подоконникъ и полураскрывъ полныя губы, Людмила не могла не дышать и не наслаждаться своимъ дыханіемъ, несмотря на то, что ей вовсе не было весело и легко. Но даже и наединѣ съ самой собою, она умѣла сдерживаться и не давать волю своимъ чувствамъ — молодое ея тѣло не знало еще слабости. Какое бы горе ни томило ея душу, Людмила никогда не опускала рукъ, не сидѣла въ бездѣйствіи. Она неизмѣнно вставала въ урочный часъ, купалась или обливалась холодной водою и бѣжала исполнять свою работу. Ея губы невольно улыбались солнцу, кровь ровно и сильно билась въ ея крѣпкомъ тѣлѣ. Какое бы душевное страданіе ни испытывала

она, какъ ни были бы тягостны ея мысли, она никогда не оставляла того, что привыкла дѣлать изо дня въ день; напротивъ, чѣмъ сильнѣе и тяжелѣе былъ грузъ, давившій ея сердце, тѣмъ съ большимъ напряженіемъ и охотой отдавалась она дѣятельности, тѣмъ острѣе становился ея глазъ и проворнѣй руки. Только въ глубинѣ ея глазъ, за привычной ихъ зоркостью и здоровымъ матовымъ блескомъ, можно было читать ея взволнованныя мысли. Эти глаза — не очень большіе, темно-сѣрые, иногда казавшіеся карими, обыкновенные глаза русской дѣвушки съ чуть уловимой разсѣянной печалью — всегда уходили вглубь, точно прислушивались чутко и ждали и вотъ-вотъ готовы были заговорить, но, никогда не убѣгая въ стороны, умѣли таить въ себѣ самое завѣтное. И сейчасъ, смотря передъ собою на цвѣтущую землю, на небо, отдавая обнаженныя свои круглыя плечи, тронутыя загаромъ, лучамъ солнца, Людмила казалась спокойной, увѣренной и такой же здоровой и крѣпкой, какъ и все вокругъ. Она не стала долго смотрѣть въ бездѣйствіи передъ собою. Она дохнула разъ-другой, мягко и свободно потянулась, расправляя чуть онѣмѣвшія отъ сна руки и ноги, отчего все тѣло ея напряглось подъ крѣпкой, плотной кожей, и сейчасъ же, быстро накинувъ шершавый бѣлый халатикъ, закрутивъ проворной рукой на затылкѣ густую косу, захвативъ узелокъ съ бѣльемъ и платьемъ, босая сбѣжала внизъ и по саду спустилась въ купальню.

Еще лучи солнца не успѣли согрѣть остывшую за ночь воду и только вкось скользили по ея гладкой поверхности. Кое-гдѣ прозрачный дымокъ курился надъ ней, и ласточки, взвизгивая, стремительно разсѣкали его.

Бойко скрипнула досчатая дверца, бодрый смоляной духъ намокшихъ бревенъ ударилъ въ лицо, большая пузатая лягушка, сидѣвшая на краю помоста, грузно шмякнулась въ воду.

Скинувъ халатикъ и рубашку и осторожно снявъ нагрудный золотой крестикъ на серебряной тонкой цѣпочкѣ, Людмила подошла къ лѣсенкѣ и пальцами ноги провела по водѣ. Стайка серебрянокъ, неподвижно сгрудившаяся на поверхности, тотчасъ же разсыпалась въ стороны, синяя рябь, вспыхивая искорками, правильнымъ кругомъ ушла подъ стѣну на просторъ; желтыя полосы, проходя сквозь доски, забѣгали по спинѣ и затылку дѣвушки, а перевернутое отраженіе смуглаго отъ загара тѣла ея дрогнуло и заколебалось.

Людмила протянула руки вверхъ, шагнула впередъ и, нырнувъ, выплыла изъ купальни, а вода долго еще бурлила и плескалась за нею, ударяясь о лѣсенку и намокшія бревна.

Искупавшись и обождавъ, пока вода сама сойдетъ подъ лучами солнца, Людмила быстро одѣлась и, поднявшись по откосу, вышла на проѣзжую дорогу. Увлаженная за ночь земля еще не пылилась, и двѣ глубокія коллеи отъ колесъ, уходя вмѣстѣ съ извивами дороги, блестѣли росою... Дѣвушка, поправляя намокшіе волосы, глядѣла впередъ и, слѣдя передъ собою этотъ гладкій путь, невольно вспомнила о Вѣрѣ Владиміровнѣ и объ отцѣ. Она всей душой привязана была къ пріемной матери. Зная всѣ ея слабости, всѣ ея мелкіе недостатки, изо дня въ день наблюдая за нею, Людмила почти угадывала, что должна была переживать въ эти минуты Вѣра Владиміровна. Тягостный разрывъ съ мужемъ прошелъ на глазахъ у дѣвушки; несдержанная женщина часто посвящала пріемную дочь свою въ то, чего бы она не сумѣла замѣтить и понять. И несмотря на это Людмила умѣла любить Карышеву любовью сдержанной, но вѣрной. И теперь, думая о примиреніи Вѣры Владиміровны съ полковникомъ, она не очень радовалось этому, слишкомъ хорошо зная характеръ обоихъ. Людмила никогда не могла простить себѣ холодности къ своему отцу, развившейся въ ней еще въ дѣтствѣ, когда жива была ея мать: этотъ человѣкъ былъ совсѣмъ чуждъ, совсѣмъ далекъ отъ нея, она стояла передъ нимъ съ омертвѣлой душой, она не знала, о чемъ говорить съ нимъ, когда онъ былъ съ нею, можетъ быть, потому, что угадывала его къ ней равнодушіе. То, что, уѣзжая къ нему, Вѣра Владимировна не простилась съ нею, не взяла ее съ собой, не подѣлилась своею радостью, ничуть не оскорбляло Людмилу. Чутьемъ она догадывалась, что не равнодушіе, не пренебреженіе къ ней были тому причиной. Она сама не поѣхала бы въ Смоленскъ. То, что касается только двухъ, не должно быть извѣстно третьему. Если поѣхала Наташа, то это дѣло ея совѣсти, къ тому же она, пожалуй, могла помочь матери. Но Людмила не хотѣла думать о названной своей сестрѣ. Она и такъ слишкомъ много и долго думала о ней. Она не смѣла, и страшно было ей судить ее.

„Нѣтъ, нѣтъ, я не вправѣ этого дѣлать, — повторяла она, — я слишкомъ пристрастна“. И снова думала и снова мучилась.

Людмила шла по дорогѣ, стараясь отвлечь свои мысли. Смотрѣла на Ящуръ и тотчасъ же вспоминались ей вечернія прогулки ея въ лодкѣ съ Крутовскимъ. Она смотрѣла на берегъ, гдѣ въ низинѣ за густотой зеленью скрывался раевскій домъ, и сейчасъ же слышала голосъ Марьи Васильевны и то, что она говорила ей въ тотъ вечеръ послѣ пикника. Вспомнивъ пикникъ, вспомнила она и Шишикторова. Думая о непонятной его выходкѣ и его слезахъ, она печально улыбнулась. „Нѣтъ, это не могло быть настоящей любовью,—покачавъ головой, рѣшила она, — такъ не любятъ".

И тотчасъ же, точно затѣмъ, чтобы остановить ея мысли, на дорогѣ показался Ильюша. Онъ шелъ скорбившись, размахивая длинными своими руками, и смотрѣлъ себѣ подъ ноги. Увидавъ его, Людмила остановилась. Она рѣшила, когда онъ подойдетъ къ ней, сказать ему что-нибудь ласковое, ободрить его, увѣрить его въ томъ, что ничуть на него не сердится и рада считать его своимъ другомъ.

Почувствовавъ должно быть на себѣ ея взглядъ, Шишикторовъ поднялъ глаза и, пошатнушись, замеръ. Онъ стоялъ шагахъ въ двадцати отъ дѣвушки. Она увидала, какъ жалко и испуганно стало его лицо, потомъ видѣла, какъ, содрогаясь и дергаясь, онъ сталъ шарить что-то въ карманахъ и поспѣшно вытянулъ правую руку, точно угрожая ей.

Раздался негромкій, короткій хлопокъ, тонкая пелена дыма заволокла на секунду Ильюшу. Не понимающая и обезпокоенная, Людмила сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и, только вновь увидя Шишикторова, припавшаго къ землѣ, поняла, какая опасность угрожала ей. „Онъ стрѣлялъ въ меня, — не вѣря и приходя въ ужасъ не за себя, а за него, подумала дѣвушка: — что же это такое? Господи, какъ могъ онъ..." и уже бѣжала къ Илюшѣ, крича съ мольбой и страхомъ:

— Ильюша, Ильюша, встаньте, что съ вами?..

Но онъ поднялся и, пятясь отъ нея, шепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не подходите... умоляю васъ не подходите... я гадина, я трусъ, я хотѣлъ убить васъ...

— Но за что, за что? — повторяла Людмила, невольно останавливаясь и чувствуя, что она начинаетъ, какъ и Шишикторовъ, дрожать всѣмъ тѣломъ, отвратительной мелкой дрожью, — за что, Ильюша?

Онъ не отвѣтилъ, онъ все еще продолжалъ пятиться, безпомощно кривя ротъ и поднявъ руки, точно боясь удара.

Потомъ повернулся и побѣжалъ внизъ къ рѣкѣ и скрылся въ заросляхъ.

Людмила, блѣдная, стояла неподвижно, дрожь постепенно затихла, замѣняясь страннымъ оцѣпенѣніемъ и равнодушіемъ. Замѣтя у ногъ своихъ что-то тускло поблескивавшее, она нагнулась и увидала револьверъ.. Взяла его въ руки. Брезгливое и горькое чувство охватило ее; все живое, все здоровое въ ней возмутилось. Легкая судорога при мысли о томъ, какъ близко была отъ нея смерть, снова пробѣжала по тѣлу. Она подошла къ краю берегового ската и бросила револьверъ въ воду. „Онъ и этого не могъ сдѣлать, — горько улыбаясь, невольно подумала Людмила о Шишикторовѣ: — а я могла бы? — тотчасъ перебила она себя: — И не могла бы, и не стала бы, — твердо и въ слухъ отвѣтила дѣвушка своимъ мыслямъ: — убійство ничего не мѣняетъ, нужно умѣть такъ подойти къ людямъ, чтобы ихъ жизнь была бы и твоей жизнью. А я хочу жить, я должна жить, — подумала она, чувствуя ускоренные удары своего сердца: — и у меня достанетъ силъ на жизнь“.

Внезапно раздавшійся скрипъ и звяканіе заставили ее оглянуться. Она увидала катящуюся по дорогѣ старенькую таратайку, влекомую пузатой лошаденкой. На козлахъ сидѣлъ сѣденькій мужичокъ; онъ, не переставая, нукалъ и дергалъ веревочными вожжами. Людмила приглядѣлась внимательнѣе. За мужичонкомъ сидѣла на скамеечкѣ, согнувшись, какая-то женщина.

— Тетя, тетя! — вскрикнула Людмила, кидаясь къ таратайкѣ, — это вы, тетя?

Лошадь остановилась, мужичонка соскочилъ съ козелъ. На скамеечкѣ сидѣла Вѣра Владиміровна. Усталое, блѣдное лицо ея со слѣдами слезъ оборотилось къ дѣвушкѣ, губы дрогнули въ робкой и извиняющейся улыбкѣ, глаза просіяли и въ мигъ заволоклись туманомъ. Она слабо вскрикнула и протянула Людмилѣ руки.

— А гдѣ же Наташа? — спросила было дѣвушка, но сразу поняла все, все до конца почувствовала и припала къ этимъ вздрагивающимъ, прозрачнымъ, худымъ рукамъ, судорожно сжимающимъ ея голову.

— Ты не оставишь меня, Людмила?.. Не уйдешь отъ меня? — шептала Вѣра Владиміровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, тетя, никогда...

XLVI.

— Вотъ я и дома, — проговорила Вѣра Владиміровна, входя въ спальню и снимая запыленную шляпку, точно послѣ долгаго-долгаго пути. А между тѣмъ, букетъ съ розами еще не успѣлъ завять, и также лежатъ на комодѣ, тогда, передъ отъѣздомъ, кинутыя ею перчатки. Она присѣла на край кровати и прикурнула къ подушкѣ, съ наслажденіемъ чувствуя прикосновеніе свѣжаго полотна къ горящей щекѣ.

Сѣдѣющіе ея волосы, которые она забыла почернить, лежали на подушкѣ сбившимся комкомъ.

— Тетя, хотите я помогу вамъ раздѣться? — сказала Людмила, ставя передъ нею на ночной столикъ стаканъ молока, — выпейте вотъ, раздѣньтесь и усните. Вы очень устали.

— Да, я очень устала, — повторила Вѣра Владиміровна, не размыкая глазъ, — но ты не безпокойся, я сама...

Людмила постояла, посмотрѣла на съежившуюся ея фигуру и, неслышно ступая, вышла изъ комнаты.

Такъ наполовину дремля, наполовину бодрствуя, смутно припоминая пережитое, Вѣра Владиміровна пролежала до обѣда. Постучавшись у двери, Людмила предложила ей принести обѣдъ въ спальню, но она отказалась и сказала, что сама выйдетъ къ столу.

„Я должна себя взять въ руки, — подумала она: — мнѣ нечего ихъ стыдиться... каждый можетъ нести тяжесть по силамъ...“

Въ столовой всѣ сидѣли молча и смотрѣли себѣ въ тарелки. Первый поднялся ей навстрѣчу Витя, крѣпко обнялъ ее и, не говоря ни слова, поцѣловалъ; Константинъ Никаноровичъ почтительно приложился къ рукѣ; къ Якову Владиміровичу она сама подошла.

— Здоровъ? — спросила его Вѣра Владиміровна, стараясь, чтобы голосъ ея звучалъ ровно: — позаботились о тебѣ?..

— Все, все, ma chère, было въ порядкѣ, — въ образцовомъ порядкѣ, не исключая и меня, — стараясь шутить и улыбаться, отвѣчалъ Тулубьевъ.

Она сѣла на свое мѣсто, во главѣ стола у дымящейся супницы. Привычнымъ взглядомъ оглядѣла столъ: все ли на своихъ мѣстахъ; потомъ медленно разлила по тарелкамъ

супъ и слѣдила за тѣмъ, какъ, стараясь ступать неслышно, двигалась горничная вокругъ стола. У нея начиналась обычная мигрень, но на душѣ было необычайно покойно. „Вотъ моя семья, мои дѣти, мой братъ...“ думала она, глядя на медленно опускающіяся и подымающіяся головы: — я нужна имъ и они нужны мнѣ и не за чѣмъ мнѣ туда ѣздить“. Она вспомнила номеръ гостиницы и поцѣлуй за стѣною и романсъ: „Я помню все, и голосъ милый...“ „Нѣтъ, лучше сидѣть тутъ въ своемъ домѣ, за своимъ столомъ, со своими близкими. Господи, дай только силы вынести, перегорѣть, почувствовать любовь и забыть себя“.

Когда горничная ушла за жаркимъ, Вѣра Владиміровна подняла голову и еще разъ обвела всѣхъ глазами; тонкіе пальцы правой руки быстро и съ напряженіемъ теребили кусочекъ хлѣба.

— Я должна сказать вамъ, — проговорила она охрипшимъ голосомъ, задохнулась и докончила совсѣмъ тихо, но спокойно: — что больше не вернусь къ мужу и навсегда останусь здѣсь. Мы помирились, но жить вмѣстѣ не будемъ.

Никто не отвѣтилъ ей, всѣ молчали и молчали долго. Передъ дессертомъ Константинъ Никаноровичъ, наконецъ, рѣшился спросить:

— Вы не знаете, maman, когда вернется Наташа?

— Думаю, что сегодня вечеромъ, какъ было рѣшено... какъ должны мы были пріѣхать, — поправилась Вѣра Владиміровна: — во всякомъ случаѣ, я пошлю за ней экипажъ.

— Это очень кстати, — возразилъ Смоличъ: — вы, конечно, разрѣшите мнѣ воспользоваться имъ, чтобы уѣхать отсюда...

— Ты уѣзжаешь? Куда?..

— Къ сожалѣнію, мнѣ нужно ѣхать въ Петроградъ. Очень непріятно оставлять васъ, особливо теперь, но я вынужденъ...

Вѣра Владиміровна удивленно смотрѣла на сына, не понимая внезапности этого рѣшенія и нервности этого тона.

— Тебя вызываютъ? — спросила она.

— Да... то есть нѣтъ... нѣтъ, конечно, никто меня не вызываетъ, — повышая голосъ, начинавшій срываться, отвѣчалъ онъ: — но я потомъ объясню вамъ причины... вообще, долженъ сказать, что меня давно возмущаетъ, оскорбляетъ до глубины души все, что здѣсь происходитъ... Я болѣю душой, видя, какъ васъ обманываютъ...

— Обманываютъ? Меня? Да объяснись ради Бога! Я ничего не понимаю.

Смоличъ готовъ былъ отвѣтить, но Яковъ Владиміровичъ остановилъ его. Сидя рядомъ, онъ стиснулъ ему подъ столомъ до боли локоть и сказалъ шутливо:

— Костя погорячился... и потому вышло все такъ страшно. Дѣло гораздо проще. Вчера Людмила дала ему провѣрить счета, предъявленные арендаторомъ, и онъ возмутился наглости этого стараго плута. Я давно говорилъ, что его нужно выгнать.

— Но я не понимаю, почему же уѣзжаетъ Костя — сжимая виски отъ новаго приступа мигрени, слабо возразила Вѣра Владиміровна: — при чемъ тутъ арендаторъ?..

— Онъ уѣзжаетъ потому, что я просилъ его объ этомъ, — медленно отвѣтилъ Витя.

— Ты? Да не мучайте меня, говорите скорѣе...

— Онъ самъ скажетъ тебѣ причину.

— Я скажу ее, если вамъ угодно, — отвѣтилъ Смоличъ, — но въ другой разъ...

Онъ поднялся изъ-за стола и пошелъ благодарить.

Со слезами на глазахъ Вѣра Владиміровна схватила его за руку.

— Костя, милый, успокой меня, скажи, въ чемъ дѣло... Витя, иди сюда.

Но Бунакова не было въ столовой. Она опустила голову, подавленная новымъ испытаніемъ, посланнымъ ей. Людмила подносила ей стаканъ воды. Вѣра Владиміровна судорожно глотала воду, стуча зубами о край стакана. Пристально глядя въ глаза племяннику, Яковъ Владиміровичъ проговорилъ:

— Онъ повздорилъ съ братомъ, вотъ и все. Два молодыхъ человѣка не могутъ долго ужиться вмѣстѣ. Ихъ увлекла какая-нибудь Дульцинея, и они оскалили зубы. Оставь ихъ, Вѣра, все равно ты ихъ не поймешь и не разсудишь. А Костя давно скучалъ здѣсь, въ то время какъ министерство скучало по немъ... имъ вредно разставаться надолго...

Черезъ часъ, одѣтый по-дорожному, Костя зашелъ къ матери проститься. Онъ пробылъ у нея довольно долго и вышелъ блѣдный, но улыбающійся. Всю дорогу до вокзала онъ насвистывалъ вальсъ изъ „Люксембурга" и, пріѣхавъ, далъ хорошо на чай кучеру... Видимо, онъ былъ въ вели-

колѣпномъ расположеніи духа, потому что ходилъ по платформѣ медленно и съ достоинствомъ, а на поклонъ начальника станціи небрежно махнулъ у лица двумя пальцами. Когда подошелъ поѣздъ, онъ сразу же увидалъ сестру и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Костя, ты чего здѣсь? — спросила его Наталья Никаноровна.

Онъ вкратцѣ передалъ ей все происшедшее.

— Но ты глупъ. Боже, до чего ты глупъ! — съ досадой перебила его разсказъ сестра. — Я тебя не узнаю, Костя.

— Мудрено узнать, — зло отвѣчалъ онъ, — эта деревня хоть кого доведетъ до идіотизма. Но, кажется, и ты не отличаешься большимъ умомъ. Мамаша опять на старомъ мѣстѣ. Было бы благоразумно тебѣ послѣдовать моему примѣру. Сидѣть тутъ въ ожиданіи какихъ-то метаморфозъ. Слуга покорный! Достаточно съ меня деревенскихъ прелестей... Мамаша — выжившая изъ ума старуха, а дѣтки... но лучше не говорить о нихъ... даже дядя — этотъ старый кретинъ — разыгралъ изъ себя Донъ-Кихота. Положительно они всѣ влюблены въ дѣвчонку... Но, въ концѣ концовъ, пусть снюхиваются какъ угодно, je m'en fiche! Баста! Моя нога здѣсь больше не будетъ... Желаю тебѣ всяческихъ успѣховъ... но сильно сомнѣваюсь въ нихъ... Долженъ замѣтить, этотъ народецъ не такъ простъ, какъ кажется съ перваго раза... A rividerci!

Онъ поцѣловалъ ей руку, махнулъ шляпой и вскочилъ на подножку уже тронувшагося поѣзда.

— До свиданія!

Въ тотъ же вечеръ, ложась спать, Вѣра Владиміровна позвала къ себѣ Людмилу. Она посадила ее къ себѣ на кровать, какъ дѣлала не разъ. Обняла за талью и медленно и тихо разсказала ей все, что пережила и какъ рѣшилась вернуться обратно. Она не искала на этотъ разъ въ пріемной дочери участья, открывала ей свою душу, потому что ей и самой хотѣлось знать, что на душѣ у этой дѣвушки.

— Я не знаю ни Кости, ни Вити, — говорила она: — но Витя все-таки мнѣ ближе, потому что я привыкла видѣта его около себя. И мнѣ не вѣрится, чтобъ онъ могъ изъ-зъ пустяка повздорить съ Костей.

— Да, тетя, — согласилась Людмила.

— Въ такомъ случаѣ, это что-нибудь серьезное. Можетъ быть, ты знаешь, что именно?..

— Нѣтъ, тетя, я сама не понимаю...

Вѣра Владиміровна крѣпче прижала къ себѣ станъ дѣвушки, думая: „Въ нее и въ самомъ дѣлѣ можно влюбиться“.

— Если Витю и Костю я не знаю, то тебѣ вѣрю, — молвила она, — и дорожу твоей искренностью... Видишь ли, Костя передъ отъѣздомъ сказалъ мнѣ, что Витя потому будто бы требовалъ его отъѣзда, что приревновалъ тебя къ нему...

— Какая нелѣпость, — вскрикнула Людмила, оскорбленная при одной мысли объ этомъ, и тотчасъ же вспомнила объясненіе свое съ Костей и жалкое и злое его лицо.

— Подожди... онъ говорилъ еще о Шишикторовѣ, о томъ, что онъ не лгалъ, когда намекалъ на тебя... однимъ словомъ, что ты сама виновата...

Людмила порывисто встала. Вся нелѣпая и ужасная сегодняшняя сцена на дорогѣ прошла передъ нею — неужели же и точно она виновата? Виновата въ томъ, что не любитъ этого несчастнаго.

— Вы, тетя, не должны меня спрашивать, — отвѣтила она, едва слышно, — можетъ быть, я и виновата, но я никогда не давала ему повода думать, что люблю его, потому что я, дѣйствительно, никогда его не любила. Его можно только жалѣть, тетя...

Вѣра Владиміровна вздохнула съ облегченіемъ. Конечно же, Людмила говоритъ правду. Какъ она могла сомнѣваться въ ней?

— Спасибо, спасибо тебѣ, — молвила она, — подойди ко мнѣ, дай я еще посмотрю на тебя...

И наклоняя къ себѣ лицо дѣвушки, она прошептала:

— Прости меня и ты... я отняла у тебя отца, но я постараюсь замѣнить его... не суди меня строго, люби меня.

XLVII.

Крутовской чувствовалъ, что все валится у него изъ рукъ, что прежнее хладнокровіе и увѣренность покинули его. Онъ самъ не зналъ, что съ нимъ. Ему и стыдно, и больно было, и невольный трепетъ охватывалъ его каждый разъ, какъ только вспоминалъ Наталью. Работалъ онъ эти дни, можетъ

быть, и больше прежняго, но работа плохо спорилась. Онъ дѣлалъ ее лишь для того, чтобы какъ-нибудь успокоить себя. До отъѣзда Смоличъ съ матерью въ Смоленскъ, онъ видѣлъ ее еще два раза. Первый разъ встрѣтилъ ее у Марьи Васильевны. Онъ только что вернулся съ поля жатвы и никакъ не думалъ увидать Наталью. Густой румянецъ залилъ ему щеки, когда онъ взглянулъ на молодую женщину — до боли ясно увидалъ онъ себя на колѣняхъ, въ канавѣ, и ее, убѣгающую отъ него. Но Смоличъ улыбнулась ему съ дружеской, ободряющей привѣтливостью. Сіяя глазами и въ то же время смущаясь, она пожала ему руку. Послѣ, сидя за чаемъ, еще разъ, украдкой коснулась его руки. Она была такъ тиха, такъ скромна этотъ вечеръ. Она почти не говорила съ нимъ, степенно разспрашивая Марью Васильевну объ ея учительствѣ, о ребятишкахъ, о народныхъ школахъ. Даже волосы причесала просто, низко опустивъ ихъ на уши; ровная бѣлая дорожка разрѣзала пополамъ ея голову и убѣгала къ полному затылку. Леонтій Алексѣевичъ краснѣлъ, мялся и смотрѣлъ на эту дорожку и самъ не зналъ, что съ нимъ — счастливъ онъ или несчастливъ. Она казалась моложе, проще и тише. „Неужели она измѣнилась? — съ отчаяніемъ и надеждой спрашивалъ себя Крутовской. — Неужели она меня любитъ...“ Онъ просидѣлъ бы такъ всю ночь у самовара между Натальей Никаноровной и теткой, то готовый провалиться сквозь землю отъ стыда, то забывая все и только исподлобья слѣдя за молодой женщиной. Наконецъ она поднялась и сказала, что пора ей идти домой. Онъ вскочилъ растерянно, точно его разбудили, оторвавъ отъ тревожнаго, но сладкаго сна. Она наклонилась къ Марьѣ Васильевнѣ и поцѣловала ей руку. Старушка съ удивленіемъ и тревогой на нее посмотрѣла, но Смоличъ точно не замѣтила этого. Кивнула Леонтію Алексѣевичу головой.

— Вы совсѣмъ спите, — сказала она съ лаской въ тихихъ глазахъ.

Онъ сконфуженно предложилъ ей проводить ее до дому — онъ ждалъ и боялся этой минуты.

Нѣтъ, она хочетъ пройтись одна. Теперь такъ хорошо и тепло на воздухѣ. Она любитъ въ такія ночи побродить въ одиночествѣ.

Крутовской не сталъ ее упрашивать. „Такъ лучше“, — подумалъ онъ.

— Ты хоть пойди, посвѣти до крыльца, — сказала ему Марья Васильевна, видя его нерѣшительность.

Онъ зажегъ свѣчу и пошелъ за Наташей. Она шла быстро и не оглядывалась. Когда они вышли на крылечко, Смоличъ остановилась. Лунный свѣтъ упалъ на ея лицо, на бѣлую прямую дорожку ея прически. Она ухватилась одной рукой за колонну и долго, не отрываясь, посмотрѣла на Крутовского. Онъ тяжело дышалъ, свѣча въ его рукахъ колебалась; нѣсколько разъ пытался онъ заговорить и не имѣлъ силъ, наконецъ, порывисто наклонился къ ней, но она сбѣжала съ лѣсенки и изъ сада крикнула ему: „Покойной ночи“. Мертвая голова налетѣла на свѣчку и, треснувъ, загасила огонь. Крутовской остался въ темнотѣ. Онъ долго еще смотрѣлъ въ гущу сада, на мутныя пятна, плывущія по дорожкамъ.

Слѣдующіе два дня онъ ея не видѣлъ. Каждый вечеръ выходилъ на крылечко и потомъ, низко опустивъ голову, ходилъ по дорожкѣ до самаго моста въ „Самолюбово“, но дальше не шелъ.

На третій день Крутовской былъ въ полѣ. Испортилась жатвенная машина, и онъ пришелъ взглянуть, что слѣдуетъ починить... Потомъ по межѣ возвращался домой. У самаго сада остановился передохнуть. Внезапно шуршаніе чьихъ-то спѣшныхъ шаговъ привлекло его вниманіе. Навстрѣчу ему изъ сада шла Наталья Никаноровна. Запыхавшись, подошла къ нему и поспѣшно сказала:

— Я всюду искала васъ, хорошо что нашла... Мы сегодня уѣзжаемъ съ мамой въ Смоленскъ, она встрѣтится тамъ съ мужемъ... Думаю, что черезъ день или два вернемся обратно... Я должна съ ней ѣхать...

Крутовской не зналъ, что отвѣтить. Стоялъ передъ нею, какъ и въ первый разъ, смущенный и самому себѣ жалкій.

Опуская глаза и медля минуту, Смоличъ добавила:

— Мнѣ очень тяжело было эти дни, но я нарочно не приходила. Я должна была себя провѣрить?..

— Ну и что же,—наконецъ промолвилъ Леонтій Алѣксѣевичъ глухимъ, точно чужимъ голосомъ. — Вы провѣрили!..

— Да, — не шевелясь и не подымая глазъ, едва слышно отвѣчала Наталья Никаноровна: — и я поняла, что люблю васъ... подождите... (она отстранила Крутовского, приблизившагося къ ней) люблю васъ и никогда не переставала любить. То, что было, то, что я сдѣлала, тотъ ужасъ, который я создала

та грязь, въ которую я втоптала вашу любовь (голосъ ея зазвенѣлъ), этого я никогда не забуду, этого нельзя смыть. Это было сумасшествіе, ядовитый туманъ, отравившій мой мозгъ, мое сердце. Я ревновала васъ, любила, мучилась и сама отдалась другому и предала васъ. Я продавала свою любовь къ вамъ за деньги и страшнѣе всего то, что чувствовала себя почти счастливой. Не перебивайте, я должна все сказать вамъ. Это тянулось очень долго. Порою я просыпалась точно отъ кошмарнаго сна и тогда готова была во всемъ признаться, валяться у вашихъ ногъ, вымолить у васъ прощеніе. Но я не дѣлала этого, я сама ожесточала себя, падала все ниже. Гордость и упрямство мѣшали мнѣ просто подойти къ вамъ. И знайте, когда вы, наконецъ, все узнали и хотѣли убить, а потомъ взяли меня...

При этихъ словахъ Крутовской почувствовалъ, какъ вся кровь ударила ему въ лицо, отхлынувъ отъ сердца.

— Я презирала себя больше, чѣмъ вы меня, и любила васъ сильнѣе, чѣмъ кого-либо... Но вы ушли, и я написала вамъ. Я написала потому, что хотѣла спасти васъ, и смѣялась надъ вами, чтобы не выдать своего чувства... Вы спаслись, вы уѣхали за границу — если бы вы знали, какъ я была счастлива, что хоть это удалось мнѣ... Я тогда же разошлась съ ротмистромъ, который до того дѣлалъ со мною, что хотѣлъ, онъ зналъ, что имѣетъ власть надо мною, власть тѣла... Потомъ я уѣхала въ провинцію, у меня были связи, былъ ребенокъ, о которомъ я писала вамъ — жизнь брала свое, но я васъ помнила... Хотя мнѣ казалось, что любовь къ вамъ прошла почти безслѣдно... и это понятно... я начала успокаиваться... только иногда мнѣ хотѣлось увидѣть васъ, я слыхала, что вы занялись хозяйствомъ, что вы счастливы... Захотѣлось посмотрѣть на васъ, мнѣ казалось, что, увидя ваше счастье, вашъ покой, я сама успокоюсь и забуду свой проступокъ, сумѣю простить себя... Я пріѣхала, мы встрѣтились... Леонтій Алексѣевичъ...

Наталья Никаноровна подняла глаза и протянула Крутовскому руку:

— Леонтій Алексѣевичъ, — повторила она, — вѣрьте мнѣ, я и сейчасъ не хотѣла говорить вамъ этого, какъ обѣщала... но я не могу... не могу...

Она вскрикнула. Голова ея странно зашаталась. Крутовской подхватилъ ее. Тогда, схвативъ руками его голову, она стала цѣловать его. Потомъ вырвалась и тихо пошла по дорогѣ

черезъ садъ въ „Самолюбово". Леонтій Алексѣевичъ слѣдовалъ за ней. Онъ пытался говорить и не понималъ того, что говорилъ. На мостикѣ они разстались.

— Когда пріѣду, я приду къ тебѣ, — сказала она, — помни, что и сейчасъ я отъ тебя ничего не жду, ничего мнѣ не нужно. Но такъ легче, потому что ты знаешь правду.

Нѣтъ, онъ отказывался понимать... Неужели все это время онъ ошибался, совсѣмъ не зналъ эту женщину?

Чувствуя, что ему не подъ силу разобраться во всѣхъ этихъ мысляхъ, Крутовской пошелъ вечеромъ къ теткѣ.

Марья Васильевна сидѣла у себя въ своемъ креслѣ. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею, не рѣшаясь заговорить, да и не зналъ, съ чего начать разговоръ... Старушка тоже, казалось, была не расположена къ бесѣдѣ. Наконецъ она молвила:

— Ты, какъ погляжу, опять захандрилъ. Иди спать: намаялся, поди...

— Нѣтъ, тетя, я не усталъ, у меня просто что-то голова не въ порядкѣ.

— Чего ужъ тутъ, — заговорила Крутовская, — и печной горшокъ лопнетъ! Дѣла какія!... И хозяйство на рукахъ большое и разводы съ узорами во всю ширину — хоть по швамъ рвись...

— Я не понимаю васъ, тетя...

— Чего понимать!... косноязычная — кружевъ не плету; дай Богъ веревку сучить... объяснять только мнѣ, вишь, недосугъ — лапоть порвался.

Леонтій Алексѣевичъ махнулъ рукой и отвернулся.

— Вы бы, тетя, лучше совсѣмъ не говорили, чѣмъ такъ-то... — произнесъ онъ.

— Значитъ, держи языкъ за зубами, ѣшь пирогъ съ груздями, — усмѣхаясь, опять заговорила Марья Васильевна, — только ты мнѣ вотъ что скажи, почему у насъ Людмила давно не была?

— Не знаю, право...

— Не знаешь?

Старушка потянула за рукавъ племянника и посмотрѣла ему въ глаза.

— Чего не нужно, то знаешь, — молвила она, — а подумать не можешь?

— О чемъ же думать? Не говорите загадками, прошу васъ, — тоскливо отвѣтилъ Крутовскій, — мнѣ и такъ не сладко...

Старушка отпустила его рукавъ и снова углубилась въ кресло.

— Чужая душа всегда загадка, — сказала она строго, — такъ и знай. А разумъ человѣку данъ, чтобы ее разгадывать, только для этого туману не слѣдъ въ голову напускать. Отъ туману какъ разъ не въ ту сторону угодишь, заплутаешь и на старое мѣсто вернешься. Знаешь поговорку: „старое мѣсто, что прокисшее тѣсто — поднялось высоко, а нѣту прока..."

— Вы бы и помогли разгадать мнѣ эту загадку.

— Разныя загадки бываютъ, — неохотно отозвалась Крутовская, — иную и разгадывать тошно...

— Нѣтъ, нѣтъ все-таки, — поворотясь къ ней и въ свой чередъ беря ее за руку, взмолился Крутовской, — я прошу васъ, скажите, что вы думаете о Смоличъ, о Натальѣ Никаноровнѣ... какая она?...

Не глядя на него и затормошившись, точно что-то ища на полу, Марья Васильевна отвѣтила:

— Вотъ ужъ о комъ говорить не хочу. Уволь, будь добръ... Очки свои потеряла, никакъ не найду...

— Очки передъ вами — берите, — возразилъ Леонтій Алексѣевичъ, — только вы ужъ не отказывайтесь.

Старушка взяла очки, разложила ихъ, поднесла къ носу и опять опустила на колѣни. Видимо она была не на шутку растревожена.

— Тебѣ, племянничекъ, какъ будто бы виднѣй должно быть, — отвѣтила она, нахмурясь, — не первый день знакомъ. А мнѣ вѣдомо, что люди знаютъ.

— Что же именно?

— А то, что она актриса, — почти закричала Марья Васильевна, — въ театрѣ играетъ...

— Да-да, это само собою, — морщась точно отъ зубной боли и не понимая тетки, возразилъ Крутовской, — но какъ человѣкъ... Что вы думаете о ней какъ о человѣкѣ?

Тетка посмотрѣла на него не то съ сожалѣніемъ, не то съ испугомъ и развела руками.

— Ну, родной, ты и впрямь ополоумѣлъ, — сказала она, — что же мнѣ съ тобою еще говорить?

И тотчасъ же, видя, какъ жалко и убито стало лицо племянника, какъ весь онъ опустился, точно обмякъ, всѣмъ своимъ большимъ тѣломъ съежившись на стулѣ, она взяла его за плечи и, тихонько оглаживая, промолвила:

— Леня, голубокъ мой, да оправься ты, будь мужчиной... актриса она, актерка — какъ самъ не поймешь!...

Крутовской не возражалъ, не перечилъ ей. Но уходя спать, думалъ: „Нѣтъ, тетка ошибается... такъ не играютъ... Она просто неуравновѣшенная натура, да, да, просто несчастное, исковерканное больное существо, сбившееся съ пути. Какъ не понять этого?“

XLVIII.

Какъ и въ ту ночь, когда получилъ письмо отъ Наташи, пошелъ Крутовской въ залу, собираясь поиграть на рояли, но открывъ крышку, задумался, да такъ и просидѣлъ, ни разу не ударивъ по клавишамъ. Потомъ поднялся и, стараясь не шумѣть, чтобы не разбудить тетку (Богъ вѣсть почему казалось ему, что шаги его могутъ разбудить ее), онъ прошелъ къ себѣ въ спальню и легъ въ постель. Комары жужжали все время у самаго лица, подушки жгли голову, въ комнатѣ казалось нестерпимо душно — онъ промаялся до разсвѣта и всталъ разбитымъ. Но все же пересилилъ себя и пошелъ въ поле. Накаленныя солнцемъ земля и небо привели его въ оцѣпенѣніе и, слѣдя, какъ жатвенныя машины, точно огромные жуки, жужжа и потрескивая на ходу, ровной полосой сжирали высокую рожь, онъ постепенно забывалъ о себѣ и своихъ сомнѣніяхъ. Крѣпкія потныя лица рабочихъ, яркіе сарафаны бабъ, — все было давно знакомое, понятное и привычное. Крутовской видѣлъ, что все идетъ по заведенному, и это невольно успокаивало его, но, вернувшись домой, онъ почувствовалъ сильнѣйшую головную боль и намучился съ нею до слѣдующаго утра. Тогда онъ рѣшилъ остаться дома. Пробовалъ взяться за книгу, но голова плохо его слушалась, а сидѣть, сложа руки, было нестерпимо. Онъ вышелъ въ садъ и пошелъ осматривать плодовыя деревья. Этой весной цвѣтъ былъ очень хорошъ, и надо было ждать урожая, но на большинствѣ деревьевъ Леонтій Алексѣевичъ увидѣлъ коконы; гусеницъ не было на нихъ, но онѣ оставили по себѣ слѣды: большинство завязей было съѣдено. Весною слѣдовало осмотрѣть деревья, а садовникъ должно быть не подумалъ объ этомъ. „Я и хозяинъ скверный“, — досадливо рѣшилъ Крутовской, угрюмо глядя на длинные ряды деревьевъ молодого фруктоваго сада. Низкія густыя шапки яблонь надъ бѣлыми

стволами, вымазанными известкой, точно зыбились въ парномъ воздухѣ, дыша горьковатымъ дыханіемъ своихъ листьевъ. Засѣянный подъ ними овесъ чуть волновался Богъ вѣсть отъ какой причины — вѣтра не было и помину.

— Леонтій Алексѣевичъ, — услышалъ Крутовской чей-то негромкій зовъ.

Онъ оглянулся на него и увидалъ за заборомъ голову съ сбившимися желтыми волосами и худыя угловатыя плечи Шишикторова.

— Здравствуйте, Ильюша, — сказалъ Крутовской, подходя къ забору и приминая ногами разросшуюся около него высокую крапиву, — почему вы въ садъ не зашли?

— Ничего, это не важно . . . вздоръ, — отвѣчалъ Ильюша.

Леонтій Алексѣевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на юношу. Лицо Шишикторова, несмотря на палящій жаръ, было землисто-блѣдно; углы рта примѣтно дрожали, носъ заострился.

— Что съ вами? — съ безпокойствомъ спросилъ Крутовской, — вы нездоровы . . .

— Нездоровъ? — проговорилъ Ильюша, беря себя за лобъ, — нѣтъ, я здоровъ, не въ этомъ дѣло . . . Я пришелъ сказать вамъ, что я потерялъ вашъ револьверъ, не ищите его.

— Мой револьверъ?

— Да, я взялъ его у васъ, когда лежалъ . . . помните, въ тотъ день, ну, когда пьянъ былъ . . . мнѣ онъ былъ нуженъ . . .

— Вамъ нуженъ былъ мой револьверъ? — переспросилъ Леонтій Алексѣевичъ, заражаясь волненіемъ Шишикторова и смутно догадываясь о причинѣ, — да постойте, вы никакъ чепуху какую-то затѣяли? . . . Сознайтесь, стрѣляться хотѣли? . . . Такъ и слава Богу, что потеряли (Крутовской началъ сердиться). Да говорите же, чортъ васъ возьми совсѣмъ!

— Нѣтъ, — тихо пробормоталъ Ильюша, и пальцы его забарабанили по колышкамъ забора, — хотя и это . . . но я раздумалъ . . . Я хотѣлъ выскочить изъ себя . . .

— Что за вздоръ!

— Помните, я разъ говорилъ вамъ объ этомъ . . . объ убійствѣ . . . о томъ, что я не могу . . . сдѣлать прыжокъ . . . Ну вотъ . . . я и рѣшилъ попробовать . . . испытать себя . . .

— Убить?

— Да, убить... самое дорогое, понимаете?... перейти черезъ это. Это очень трудно, почти невозможно... но мнѣ ничего не оставалось больше... всѣ думали бы, что изъ ревности, но это не такъ... я не ревновалъ...

— Послушайте, вы что-то путаете, — блѣднѣя и придвигая лицо свое къ лицу Ильюши и съ силой сжимая его плечи, глухо проговорилъ Крутовской, — вы не въ своемъ умѣ. Говорите скорѣе и безъ увертокъ, кого вы хотѣли убить? Ну!

Сгибаясь отъ боли, Ильюша отвѣтилъ беззвучно, поблѣднѣвшими губами:

— Людмилу...

— Что?

Крутовской поднялъ руку, готовясь ударить, синія жилы напряглись у него на вискахъ. Шишикторовъ склонилъ голову на заборъ.

— Убить Людмилу? Да послушайте, вы и впрямь сумасшедшій, хуже того, — овладѣвая собой и отпуская плечо Ильюши, прошепталъ Леонтій Алексѣевичъ, — вы понимаете, что вы хотѣли сдѣлать?..

— Да, — едва слышно произнесъ Шишикторовъ, — но мнѣ не удалось это... Я самъ испугался, я трусъ, я несчастный... я потомъ лежалъ въ кустахъ и молился, благодарилъ Бога, что она осталась жива... конечно, это былъ какой-то порывъ, жалкая выходка, которая могла бы стать преступленіемъ... Я понимаю... мнѣ только остается перестать жить...

Крутовской перебилъ его. Онъ не успѣлъ подумать, что говоритъ: волненіе еще его не покинуло.

— И великолѣпно, — сказалъ онъ рѣзко, — это самое лучшее, что вы можете сдѣлать...

И сейчасъ же закрылъ глаза отъ непріятнаго сквернаго чувства досады и раздраженія. „Это маньякъ, больной человѣкъ, — тотчасъ же подумалъ онъ, — развѣ онъ знаетъ, что дѣлаетъ? Съ нимъ не такъ, совсѣмъ не такъ слѣдовало говорить“.

— Ильюша! — окликнулъ Крутовской, открывая глаза.

Но Шишикторовъ отошелъ отъ забора. Онъ медленно, едва передвигая ноги, шелъ по лугу къ рѣкѣ.

— Ильюша, — снова позвалъ его Леонтій Алексѣевичъ, но тотъ не обернулся, какъ будто даже не слышалъ, продолжая медленно и неровно ступать по травѣ.

„Надо бы догнать его, — думалъ Крутовской, слѣдя за нимъ изъ за забора, — привести домой, сдать на руки теткѣ“.

И все же оставался на мѣстѣ и только смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся съ необъяснимымъ равнодушіемъ, точно заранѣе рѣшивъ предоставить все судьбѣ. Леонтій Алексѣевичъ съ собой теперь не могъ бороться. „У него нѣтъ револьвера, — успокаивалъ онъ себя, отходя отъ забора и возвращаясь домой.

XLIX.

Наталья Никаноровна не на шутку была растревожена, не заставъ мать въ номерѣ, и, узнавъ отъ коридорнаго, что старая барыня взяла вещи и уѣхала на вокзалъ, вышла изъ себя и раскричалась на растерявшагося полковника. Потомъ отогнала его и въ условленный часъ на другое утро, проклиная все и всѣхъ за неудачу, выѣхала сама въ „Самолюбово“.

Встрѣча на вокзалѣ съ братомъ и разговоръ съ нимъ въ конецъ испортили ей настроеніе, но усѣвшись въ коляску и глядя на развертывающіяся передъ нею въ спокойномъ бѣгѣ поля, успокоилась и улыбнулась. Она сама себѣ не вѣрила. Воспоминаніе о Крутовскомъ, о смущенномъ лицѣ его, о послѣднемъ съ нимъ свиданіи сладко и странно взволновало ее. Она вспомнила то, что говорила ему, и не могла рѣшить, обманывала ли его или все это было правдой. Нѣтъ, нѣтъ, она не только играла, въ ея словахъ была доля правды. Въ концѣ концовъ, факты не искажены, а чувства... Богъ вѣсть, трудно разобраться въ своихъ чувствахъ... Она и точно никогда его не забывала... она всегда о немъ помнила, этого нельзя отрицать... почему, по какой причинѣ, что заставляло ее писать ему письма, наконецъ, почему такъ рѣшительно захотѣла она пріѣхать сюда... Ей даже не хотѣлось думать, серьезно разобраться... Внѣшняя матеріальная цѣль была ясна, но другая, духовная... развѣ на ней она хоть разъ остановилась?... А вѣдь она все-таки любила Крутовского. Она пошла ради него на все, она отдалась ему и даже не хотѣла слышать о бракѣ. Правда, это ее забавляло, въ этомъ была доля нѣкотораго своеволія, легкомыслія... но развѣ это что-нибудь мѣняетъ...

Отдавая вѣтру лицо свое, Наталья Никаноровна не пе-

реставала улыбаться. И ровный бѣгъ коней, и мягкое журчаніе шинъ по дорогѣ, и эти меланхолическія, вечеромъ затѣненныя поля, и тихое сладостное біеніе сердца, и печальный крикъ какой-то птицы. Все дополняло другъ друга, все сливалось въ одно немного грустное, пѣвучее цѣлое. Она старалась подобрать этому слова, вспоминала партіи, которыя пѣла, и за всѣмъ этимъ видѣла крѣпкую, чуть грубоватую фигуру Крутовского, такъ идущаго къ простой, спокойной картинѣ, открывающейся передъ ея глазами. „Почему бы мнѣ не вернуть ему то, что я отняла отъ него?— думала Смоличъ:—онъ теперь боится меня, но потомъ будетъ благодаренъ... Развѣ это такъ дурно?.. Развѣ въ этомъ кроется какая-нибудь ложь, какой-нибудь обманъ?..
Объ отъѣздѣ брата и обо всемъ, что касалось Вѣры Владиміровны, Наталья Никифоровна точно забыла и только послѣ вечерняго чая, вставъ изъ-за стола и желая матери покойной ночи, шепнула чуть слышно:

— Я понимаю тебя, мама...

На другой день она не сразу пошла въ „Рай“, а вышла изъ дома въ четвертомъ часу. Въ усадьбѣ рабочій, попавшійся ей навстрѣчу, сказалъ, что Леонтій Алексѣевичъ былъ въ полѣ, а теперь, должно быть, на мельницѣ. Наталья Никаноровна не стала заходить къ Марьѣ Васильевнѣ, и, разспросивъ дорогу, побѣжала, куда ей указывали.

Мельница стояла въ полуверстѣ отъ усадьбы, на высокомъ холмѣ, засѣянномъ гречихой; къ ней вела проселочная дорога, оживлявшаяся только осенью, когда крестьяне возили свой хлѣбъ. Вѣтеръ всегда гулялъ въ ея крыльяхъ и жалобно гудѣлъ подъ крышей. Пройдя немного по полю, Смоличъ сразу увидѣла сѣрыя растрепанныя крылья, замершія неподвижно въ синемъ небѣ. Поднявшись на холмъ и съ усиліемъ отрывая цѣплявшіеся за ноги и юбку вьюнки, лиловымъ ковромъ застлавшіе землю вокругъ каменнаго фундамента, Наталья Никаноровна вошла въ настежь растворенныя низкія дверцы и, поднявъ голову, крикнула:

— Леонтій Алексѣевичъ, ау!

Крутовской возился наверху у жернова, что-то объясняя и показывая старику-мельнику, на все кивавшему головою, но ничего не понимавшему. Смоличъ прислушалась къ звонкому гулу, разносящемуся въ пустыхъ, забѣленныхъ мукою стѣнахъ. Двѣ голубки взвились и пронеслись надъ нею, свистя упруго сизыми крыльями. Большой паукъ-кре-

стовикъ испуганно поднялся къ потолку. Наталья Никаноровна присѣла на порогѣ. Немного затхлый, сыроватый воздухъ, напитанный запахомъ источеннаго дерева и пропыленной муки, проникъ ей въ горло и носъ. Она чихнула и разсмѣялась.

— Леонтій Алексѣевичъ, идите сюда,— снова позвала она и тотчасъ же услышала по лѣсенкѣ его торопливые шаги и въ золотой полумглѣ увидала плотную его фигуру, спускающуюся внизъ.

— Наталья Никаноровна!

Онъ остановился передъ нею, не смѣя подать ей испачканную руку, сконфуженно и счастливо улыбаясь.

Она приблизилась, взяла его за плечи и, прижавшись къ нему всѣмъ тѣломъ, выгнувъ спину и откинувъ голову и зажмурясь, поцѣловала его въ губы.

Онъ поддался впередъ, охнувъ, замыкая ее въ своихъ рукахъ, показавшихся ей желѣзными. Немного испуганная, съ бьющимся сердцемъ, она попыталась отодвинуться отъ него и, обезсиленная, побѣжденная, снова отдала свое лицо, свои губы, всю себя медленнымъ его поцѣлуямъ. Потомъ пробормотала охрипшимъ, задыхающимся голосомъ.

— Довольно, довольно, Леня, оставь... послѣ, послѣ... ты долженъ провѣрить себя, подумать...

И увлекая его за собою на порогъ, садясь рядомъ съ нимъ и беря его руки, выпустившія ее, она молвила совсѣмъ тихо:

— Леня, вѣришь мнѣ? Я искуплю, я искуплю все... только не гони меня... Если хочешь, я останусь тутъ жить, на мельницѣ, гдѣ угодно... я буду работать съ тобой, помогать тебѣ... и ты не думай, что я боюсь, только сейчасъ этого не нужно... понимаешь. Мнѣ некого стыдиться, мнѣ все равно, пусть думаютъ, что хотятъ... лишь бы ты простилъ мнѣ... вѣришь? Да?...

Онъ не отвѣчалъ ей, пряча голову свою въ ея колѣняхъ, стараясь умѣрить глухіе удары крови.

L.

Возвращаясь съ мельницы, они встрѣтили Людмилу у самаго моста. Дѣвушка шла медленно, опустивъ голову, и не слыхала какъ къ ней приблизились.

— Людмилушка, куда ты? — окликнула ее Наталья Никаноровна.

Людмила ухватилась за перильца моста и испуганными и строгими глазами посмотрѣла на названную сестру, потомъ на Крутовского.

— Я шла къ тетѣ, къ Марьѣ Васильевнѣ, — отвѣтила она тихо и хотѣла пройти мимо, кивнувъ головой Леонтію Алексѣевичу, на его смущенный поклонъ. Но Наталья Никаноровна остановила ее. Она обняла дѣвушку за талію и, цѣлуя, шепнула на ухо:

— Какъ я счастлива...

Людмила съ удивленіемъ взглянула на Смоличъ.

— Да, я очень, очень счастлива, — повторила Наталья Никаноровна громко: — меня больше не давитъ моя вина. Я во всемъ призналась Леонтію, и онъ простилъ меня.

Она оборотилась къ Крутовскому, остановившемуся поодаль и смущенно обрывавшему листья съ вербы. Онъ покраснѣлъ и потупился.

— Я сказала, что любила, никогда не переставала любить и люблю его, — немного торжественно произнесла Смоличъ.

„Зачѣмъ это, — все болѣе смущаясь и чувствуя непріятную раздражающую неловкость, подумалъ Крутовской, — развѣ нужно говорить объ этомъ. Какая она...“ Онъ не докончилъ своей мысли и исподлобья посмотрѣлъ на Людмилу. Она, какъ стояла, такъ и осталась стоять неподвижно, одной рукой опершись о перила моста, другую опустивъ внизъ. Она не наклонила головы, лицо ея не выражало удивленія. Оно показалось Крутовскому необычайно спокойнымъ, окаменѣвшимъ, холоднымъ. Губы ея плотно были сжаты, на щекахъ чуть выступили скулы, глаза подъ сдвинутыми бровями, минуя стоящихъ передъ нею, смотрѣли и будто ничего не видѣли. „Что съ нею? — спрашивалъ себя Крутовской, — откуда такое безразличіе, такая холодность!“ Но не понимая, онъ смутно почувствовалъ, что нужно положить конецъ этому, и сдѣлалъ движеніе, чтобы идти дальше. Наталья Никаноровна задержала его, улыбаясь счастливо и торжествующе.

— Нѣтъ, постой, — молвила она, — я хочу, чтобы Людмила передала тебѣ все, что я говорила ей о своей любви. Ты ей вѣришь, пусть она тебѣ скажетъ...

— Ну зачѣмъ это? — мягко, но настойчиво возразилъ Крутовской, — я и такъ вѣрю...

— Нѣтъ, нѣтъ, — она должна сказать, — воскликнула Наталья Никаноровна, точно безпокоясь и боясь чего-то. — Людмилушка, родная, разскажи ему... мнѣ такъ сладко будетъ самой услышать это, ты знаешь, какая ты мнѣ теперь родная и близкая...

Не шевелясь, Людмила подняла на названную сестру глаза и глухо, но ровно отвѣтила:

— Ты сказала мнѣ, что любишь и любила Леонтія Алексѣевича, и я рада за тебя, что онъ сумѣлъ повѣрить тебѣ. Но то, что ты считаешь меня родной и близкой — этому я не вѣрю. И мнѣ непріятна твоя откровенность.

И тотчасъ же, опустивъ голову, она пошла дальше, легкимъ быстрымъ шагомъ.

Наталья Никаноровна посмотрѣла на Крутовского, хотѣла что-то сказать, но громкій крикъ помѣшалъ ей. Къ нимъ бѣгомъ спускался Витя. Онъ былъ въ парусиновой охотничьей рубахѣ, патроташъ билъ его по боку, ноги были въ грязи, и все на немъ было мокро.

— Леонтій Алексѣевичъ, — кричалъ онъ еще издали, — ради Бога... идите скорѣй, зовите людей... Шишикторовъ утонулъ...

Крутовской дрогнулъ и замеръ минуту на мѣстѣ, точно пришитый къ землѣ. „Вотъ оно, — мелькнуло у него смутно, — началось... то, что я хотѣлъ“...

— Что ты, что ты говоришь? — испуганно спросила Смоличъ, кидаясь къ брату: — почему ты знаешь?..

Людмила, блѣдная, съ сразу запавшими глазами, тихо подходила къ нимъ, держа на груди руку.

— Мнѣ сказали мальчишки, пастухи... — торопясь и задыхаясь, говорилъ Витя: — я охотился по Ящуру... они кинулись ко мнѣ... и сказали, что утопъ молодой барчукъ... съ длинными волосами, худой, высокій... онъ бродилъ второй день... потомъ пошелъ купаться съ ними и утонулъ... Они показали мнѣ мѣсто, гдѣ это случилось, я кинулся туда, нырялъ, искалъ и ничего не нашелъ... Они принесли его платье, по немъ я и узналъ, что это Илюша... Леонтій Алексѣевичъ, нужно найти его, я возьму лодку, а вы зовите рабочихъ, тащите багры...

Онъ снова побѣжалъ къ рѣкѣ, хлюпая на ходу.

— И я съ тобой, — закричала Смоличъ, но Крутовской остановилъ ее за руку.

— Останься, — шепнулъ онъ ей, — посмотри на Люд-

милу. Людмила Александровна, вамъ плохо? — спросилъ онъ громко подходя къ дѣвушкѣ.

Она тяжело дышала, губы ея побѣлѣли и полураскрылись.

— Нѣтъ, ничего, это пройдетъ... я испугалась, — едва слышно отвѣтила Людмила. — Я пойду домой...

— Леонтій Алексѣевичъ, ну что же вы! Скорѣе! — кричалъ съ рѣки Витя.

— Сейчасъ, сейчасъ, — отвѣчалъ Крутовской. — Наташа, да помоги же ей!

LI.

Шишикторова похоронили на тильскомъ кладбищѣ у самой ограды, среди кустовъ сирени. Его такъ и не удалось найти, когда искали, а онъ самъ выплылъ на другой день недалеко отъ самолюбовскихъ купаленъ. Страшно было глядѣть на него, такъ измѣнила его смерть. Крутовской долго не могъ забыть его остеклѣвшихъ, вылѣзшихъ глазъ и зеленаго распухшаго лица, которое казалось улыбающимся. Все его голое худое тѣло отяжелѣло и раздулось, руки были поджаты и пальцы растопырены. Всѣ увѣрены были, что Илюша попалъ въ омутъ и утонулъ. Крутовской хотѣлъ этому вѣрить и не могъ. „Я не долженъ былъ, я не смѣлъ говорить ему этого, — тоскливо и съ болью думалъ онъ: — Богъ знаетъ, можетъ быть, мои слова такъ на него подѣйствовали. Онъ пришелъ ко мнѣ, боясь самого себя, и я долженъ былъ не отпускать его. Мнѣ никогда не забыть этого“.

На похоронахъ былъ почти весь Тильскъ. Гимназистки возложили вѣнокъ отъ гимназіи: Шишикторовъ давалъ лѣтомъ уроки музыки. За гробомъ шла его старушка-мать, вдова письмоводителя изъ земской управы. Это была высокая, худая женщина, съ остановившимся, почти прозрачнымъ лицомъ. Илюша очень походилъ на нее. Во все время похоронъ она не плакала, лицо ея оставалось неподвижнымъ и, только когда зарыли сына въ могилу, она пошатнулась и чуть не упала. Фепта и Фроша поддержали ее. Изъ „Самолюбова“ пріѣхали Людмила и Витя; у Людмилы глаза были красны отъ слезъ, Витя смотрѣлъ мрачно и даже зло.

Во все время службы Крутовской бродилъ между поросшими могилами. Мысли о Шишикторовѣ и Натальѣ связывались, переплетались у него въ отяжелѣвшей головѣ. Онъ

чувствовалъ себя виноватымъ. Почему? Его страсть къ Натальѣ тяготила его. Онъ боролся съ нею и не зналъ, какъ побороть ее. „Но что же тутъ дурного, — спрашивалъ себя ежеминутно. — Почему я не могъ снова полюбить ее?“ — Насмѣшливая улыбка трогала его губы. — „Полно, развѣ я люблю ее? Еще ни разу не сказалъ ей этого... просто не думалъ объ этомъ... не приходило въ голову... да развѣ я вообще что-нибудь говорилъ ей?“

Еще вчера пришла она къ нему ночью. Онъ никакъ не ждалъ ее. Осторожный стукъ въ окно разбудилъ его. Онъ вскочилъ недоумѣвая и взглянулъ черезъ стекло въ садъ. Долго не могъ одѣться, вертѣлся по комнатѣ и, спѣша, только путалъ. Наконецъ, отворилъ окно. Смоличъ сѣла на подоконникъ и обняла Крутовского.

— Ты сердишься? — спросила она.

— За что?

— За то, что я открылась Людмилѣ.

— Нѣтъ, почему же...

— Я видѣла это по твоему лицу, сознайся, что ты очень дорожишь ея мнѣніемъ.

— Мы съ ней были большими друзьями, я ничего не скрывалъ отъ нея... не знаю, какъ это вышло, но мнѣ дорого было ея вниманіе... она очень хорошая, умная дѣвушка...

Наталья отодвинулась и посмотрѣла на него съ боку.

— Ты, кажется, неравнодушенъ къ ней, — тихо и грустно произнесла она.

— Что за вздоръ, какъ тебѣ не стыдно! Я люблю ее почти какъ сестру, я привыкъ къ ней...

— Да, да... конечно...

Она больше ничего не сказала. Нужно было это какъ-нибудь уладить. Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать. Она не противилась, но казалась безчувственной и печальной. „Что съ нею?“ — думалъ онъ досадливо и настойчивѣе привлекалъ къ себѣ, потому что съ раздраженіемъ въ немъ просыпалось желаніе, непобѣдимое, злое, почти ревнивое, мстительное желаніе взять наконецъ эту женщину, подчинить ее себѣ, заставить ее опять почувствовать, что она въ его власти.

Но она произнесла спокойно, безъ тѣни волненія:

— Оставь меня, Леня, я не хочу этого... это придетъ потомъ... мнѣ нужно знать, что ты меня любишь... я только

пришла за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на тебя... мнѣ было грустно... меня мучили сомнѣнія, я не знаю, что я думала... Но это прошло, я вѣрю тебѣ... и мнѣ нужно идти домой. Покойной ночи...

Неужели она ревновала? Что за вздоръ...

Вспоминая это ночное свиданіе, Крутовской сѣлъ на скамейку у одной изъ могилъ съ большимъ деревяннымъ крестомъ. „Андрей Степановичъ Креозотовъ", — прочелъ онъ и грустно улыбнулся: — Какая нелѣпая фамилія... А развѣ смерть Шишикторова менѣе нелѣпа? А все, что теперь дѣлается со мною развѣ имѣетъ какой-нибудь смыслъ, не кажется ли такимъ же нарочнымъ, какъ этотъ умершій рабъ Божій Креозотовъ? Нѣтъ, во мнѣ еще очень мало настоящаго, подлиннаго, крѣпкаго. Тетка права, червь гложетъ яблоко, а можетъ быть съѣстъ цѣликомъ. И тогда зачѣмъ были всѣ эти долгіе, тяжкіе годы внутренней ломки, борьбы воли съ заѣзженной, измытаренной душой, если вся эта постройка въ одинъ прекрасный день должна была рухнуть только отъ того, что пришла женщина изъ сквернаго прошлаго и снова разбудила во мнѣ страсть, грязное, звѣриное чувство, которое я самъ, даже сейчасъ, не могу оправдать любовью?.. Что за нелѣпость! Что за креозотовщина!..— пробормоталъ, усмѣхаясь Леонтій Алексѣевичъ. — Будь бы я моложе, это было бы понятнѣй, — но мнѣ тридцать четвертый годъ, я здоровый, бородатый мужчина и могу отвѣчать за свои поступки. Для чего же тогда вся эта канитель, къ чему она можетъ привести? Жениться на Наташѣ? Теперь, послѣ всего, что было... Ну, положимъ, что такъ... но развѣ мы можемъ жить вмѣстѣ? Положа руку на сердце, могу я сказать, что хорошо ее знаю и увѣренъ въ ея искренности и въ то, что она можетъ раздѣлить со мною эту сѣрую жизнь средней руки помѣщика?.. Развѣ мы въ чемъ-нибудь съ ней сходимся? Даже тогда, въ молодости, наше сожительство привело къ катастрофѣ, ну а теперь, развѣ я не дальше отъ нея, чѣмъ тогда?.. И это полбѣды, — съ настойчивостью мысленно топтался все на одномъ мѣстѣ Крутовской, сжимая руками виски и смотря тупо на могилу Креозотова: — съ этимъ можно было бы какъ-нибудь сладить. Она не хотѣла бы бросить свое пѣніе (что она будетъ жить на мельницѣ, какъ она сказала, это, конечно, чистѣйшій вздоръ), — но я самъ могъ бы бросить имѣніе и переселиться въ городъ?.. Ради чего? Ради чего я тебя

спрашиваю. Все, чѣмъ жилъ такъ долго, все, что стало своимъ, необходимымъ, выбросить съ мусоромъ въ помойку и только потому, что тебѣ нужна женщина, потому, что ты здоровъ, какъ быкъ, и поцѣлуй, грязныя воспоминанія, ревность къ прошлому сдѣлали тебя тряпкой, ты раскисъ?.. Но почему же тогда не поѣхать тебѣ, какъ ты это не разъ дѣлалъ, къ Софьѣ Даниловнѣ?.. Не то же ли это самое?.. Зато тамъ все просто, ясно, ничего не мутитъ душу"...

Краснѣя и моргая, поднялъ Леонтій Алексѣевичъ глаза и увидѣлъ передъ собою Витю. Людмила остановилась въ сторонѣ.

— Вы задумались? — спросилъ его Бунаковъ: — идемте, все уже кончилось...

Крутовской поднялся, смущенно улыбаясь.

— Да, я задумался, — сказалъ онъ. — Посмотрите, какая дикая фамилія — Креозотовъ. Какъ вы полагаете, зналъ умершій, что она означаетъ?..

Витя посмотрѣлъ на крестъ и надпись, потомъ перевелъ взглядъ на Крутовского и отвѣтилъ:

— Не думаю, право, должно быть не зналъ... Большинство людей не знаетъ, для чего и зачѣмъ они живутъ на свѣтѣ, гдѣ ужъ разбираться въ своей фамиліи... Вы, кажется, разстроены?.. Я хотѣлъ предложить вамъ вернуться съ нами... но какъ видно вамъ недосугъ... всего добраго!..

Онъ протянулъ Крутовскому руку и поклонился необычно сухо. Леонтій Алексѣевичъ хотѣлъ возразить, хотѣлъ остановить его, но потомъ раздумалъ и, издали глядя на удаляющуюся Людмилу, побрелъ въ клубъ.

„Пойду, сыграю на билліардѣ, — рѣшилъ онъ, — это меня разсѣетъ... на жнитвѣ и безъ меня управятся... давно я не сражался съ Падалкой".

Возвращался изъ города онъ поздно ночью. Сѣрый меринъ лѣниво перебиралъ ногами — бѣжалъ и останавливался, когда хотѣлъ. Леонтій Алексѣевичъ сидѣлъ, сгорбившись, и бубнилъ себѣ подъ носъ какую-то пѣсню. Иногда махалъ рукой, точно отгонялъ комаровъ, хотя ихъ и помину не было. Во рту у него дымилась папироска, которую онъ не умѣлъ курить: она палила ему усы и дымъ ея заставлялъ его чихать. Но все же давно уже Крутовской не былъ въ такомъ безмятежномъ и умиротворенномъ настроеніи...

LII.

Этой же ночью Витя сидѣлъ у Людмилы въ ея комнатѣ въ мезонинѣ. На столѣ, рядомъ съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ, горѣла лампа, вокругъ нея суетилась мошкара. Въ темное окно иногда залеталъ вѣтеръ и шевелилъ занавѣски.

Людмила сидѣла у стола, подперевъ рукою подбородокъ. Витя напротивъ нея перелистывалъ, не читая, страницы книги.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты только напрасно себя мучишь, — говорилъ онъ, — это совсѣмъ ни къ чему. Все равно не узнаешь и не воскресишь. Утонулъ ли онъ или утопился, дѣло оттого не мѣняется. Онъ не умѣлъ и не хотѣлъ жить по-настоящему и умеръ. Самъ ли онъ ускорилъ свою смерть или смерть предупредила его желаніе — судьба или случай игралъ тутъ роль — я считаю, что онъ умеръ во-время. Такимъ людямъ, какъ онъ, жить не слѣдуетъ, они только мѣшаютъ другимъ. Ты сама говорила мнѣ, что это былъ какой-то добровольный мученикъ, который страдалъ, не потому, что ты его не любила, а потому, что онъ не хотѣлъ не страдать. Да что я говорю, страдалъ... это не страданіе, это не настоящее чувство здороваго человѣка, это просто-напросто неврастенія, болѣзнь, безволіе...

Витя всталъ и заходилъ по комнатѣ. Людмила, глядя на него, молвила:

— Мнѣ непріятно, Витя, слышать это... я не думала, что въ тебѣ такъ мало сердца.

Бунаковъ пожалъ плечами и усмѣхнулся угрюмо.

— Мало сердца, говоришь ты? — повторилъ онъ, — Богъ знаетъ, я объ этомъ не думалъ... хотя, нѣтъ, нѣтъ, я не скажу, что не умѣю чувствовать... Да, что тамъ! Что можетъ быть глупѣе и безсмысленнѣе разговоровъ о себѣ... По правдѣ сказать, если я и вспомнилъ Шишикторова, то только потому, что мнѣ непріятно твое настроеніе. Я привыкъ видѣть тебя всегда дѣятельной и бодрой. Я знаю твое сердце, и что оно у тебя есть, я не сомнѣвался, — добавилъ Витя, мягко взглядывая на сестру, — но я также не сомнѣвался въ твоемъ здравомъ смыслѣ. Жалѣть Ильюшу можно, и тебѣ въ особенности: онъ другъ твоего дѣтства, но приписыватъ себѣ его смерть, болѣе чѣмъ дико.

— Ахъ, Витя, ты не хочешь понять, — тихо и печально возразила дѣвушка, — ты говоришь совсѣмъ не то...

— Да, да, я говорю не то, говорю сбивчиво... но ты должна выслушать... Я хорошо тебя знаю, привыкъ наблюдать за тобою и, можетъ быть, догадываюсь о многомъ... ты молчалива, какъ всѣ сильные люди, но и я не слѣпъ...

Людмила шевельнула плечами, точно отъ холода, и отняла отъ лица руку. Она испытующе посмотрѣла на брата.

— Что ты хочешь сказать этимъ? — спросила она.

— То, что такъ дальше не должно продолжаться... то, что нельзя испытывать такъ свои нервы, то, что ты можешь не выдержать...

— И что тогда, Витя? — едва слышно переспросила Людмила, — что не должно продолжаться?

— А то, что тогда однимъ здоровымъ человѣкомъ станетъ меньше, — отвѣчалъ горячо Бунаковъ, — ты думаешь, я не понялъ все, что здѣсь происходитъ... все рѣшительно... И не я одинъ. Дядя Яша просилъ передать тебѣ, что у тебя есть два друга...

— Дядя Яша?

— Да... и онъ былъ правъ, у тебя есть два друга. Тебѣ нужно уѣхать отсюда, заняться другимъ дѣломъ, подышать другимъ воздухомъ. У тебя крѣпкіе нервы, свѣжая голова и сильное тѣло, но тебѣ нужно увидѣть другихъ людей. Поѣзжай со мной въ Петроградъ, поступай на курсы, на службу, куда хочешь, читай, но не только читай, этого и тутъ было достаточно, но поговори съ такими, какъ ты, молодыми дѣвушками, побѣгай по театрамъ, по улицамъ, по лекціямъ, послушай поэтовъ, не поспи нѣсколько ночей въ кругу знакомыхъ. Поволнуйся и поголодай даже... Дѣлай все, что дѣлаютъ тысячи другихъ дѣвушекъ, какъ бы это на первый взглядъ ни казалось глупымъ, ничто тебя не измѣнитъ, не собьетъ, не развратитъ и не сдѣлаетъ пустою, потому что ты и сильна достаточно и умна... Но ты узнаешь жизнь, людей, учтешь свои силы и найдешь свой путь... Пусть даже вернешься сюда обратно, но освѣженной, съ новымъ запасомъ впечатлѣній и опыта... Чтобы жить и работать разумно, нельзя быть одному, нужно знать, что дѣлаютъ рядомъ другіе... Я и кутилъ, и не спалъ ночей, и дѣлалъ глупости, и недоѣдалъ, но отъ этого не сталъ похожъ на Ильюшу... Все это вздоръ!.. У насъ съ тобой здоровые корни, у тебя отъ матери, должно быть, а у меня чортъ его знаетъ откуда, можетъ, быть самъ ихъ развилъ въ себѣ, мы родились для того, чтобы дѣло дѣлать, это у

насъ въ крови, и ничѣмъ этого не вышибешь... Разъ есть вѣра въ себя, въ свое дѣло — ничто не страшно. На что ужъ крѣпкое дерево дубъ, а и его кладутъ въ воду, въ болото, чтобы тамъ оно закалилось, стало желѣзнымъ, тогда какъ другія деревья гніютъ въ водѣ. Тебѣ необходимо испытаніе жизнью. Но безсмысленно, преступно испытывать свои чувства, они пригодятся на что-нибудь лучшее...

Витя замолкъ, сразу оборвалъ свою рѣчь и, пройдя еще разъ по комнатѣ, подошелъ къ Людмилѣ и коснулся ея руки, лежащей безпомощно вдоль стола.

— Людмила, — проговорилъ онъ необычнымъ для себя мягкимъ голосомъ, — послушай меня... повѣрь мнѣ, я молодъ, но я достаточно распозналъ людей... Онъ мягкій, честный, неглупый человѣкъ, но онъ не для тебя... Подожди, постой... пусть я ошибаюсь, пусть это мнѣ только кажется... тѣмъ лучше... Ему еще нужно многое убить въ себѣ, чтобы стать дѣйственнымъ человѣкомъ... дадимъ ему время для этого, пусть перегоритъ въ немъ и то, что опять владѣетъ имъ... это хорошо, это испытаніе... если онъ побѣдитъ — онъ спасенъ, если нѣтъ — все равно никто ему не поможетъ... Тебѣ нужно подумать о себѣ, позволь помочь тебѣ въ этомъ... обѣщай мнѣ уѣхать со мною...

Онъ наклонился надъ дѣвушкой и поцѣловалъ ее въ голову. Она не шевельнулась, не отвѣтила, руки ея все такъ же лежали вытянутыми на столѣ, глаза смотрѣли, не мигая, на огонь лампы.

— Я цѣлую тебя за дядю, — стараясь улыбнуться, проговорилъ Витя, — онъ просилъ меня объ этомъ...

Потомъ, оживляясь и точно отгоняя отъ себя тягостныя мысли, Бунаковъ схватилъ Людмилу за руки, крѣпко сжалъ ихъ и потянулъ слегка къ себѣ, заставляя этимъ дѣвушку оглянуться.

— Ну, улыбнись, — сказалъ онъ, — посмотри на меня... вотъ такъ... и скажи, что ты согласна.

Людмила подняла на названнаго брата глаза, минуту смотрѣла на него серьезно и молча и наконецъ промолвила тихо и рѣшительно:

— Ты правъ, Витя... мнѣ нужно уѣхать... только дай мнѣ подумать, дай время...

Бунаковъ отвѣтилъ весело:

— Ну еще бы... у насъ времени хоть отбавляй, но нужно рѣшиться, это самое главное...

И садясь снова рядомъ съ дѣвушкой, онъ опять заговорилъ о Петроградѣ, о своихъ планахъ, о томъ, какъ они устроятся и гдѣ будутъ жить. Онъ говорилъ долго, горячо и съ молодой искренностью.

Людмила слушала его внимательно и только разъ перебила его.

— Послушай, Витя, зачѣмъ ты прогналъ Костю? — спросила она, быстро взглядывая на названнаго брата.

Бунаковъ сразу не понялъ ее; онъ занятъ былъ всецѣло своими мыслями и потому отвѣтилъ послѣ минутнаго молчанія:

— Затѣмъ, что онъ позволилъ себѣ говорить дурно о человѣкѣ мнѣ близкомъ... Но что тебѣ до этого?.. Лучше послушай...

И онъ опять вернулся къ прерванному. Людмила ему не возражала. Глаза ея опять устремились на огонь лампы, и Богъ вѣсть гдѣ были ея мысли.

LIII.

Вѣтры снова понеслись надъ „Самолюбовымъ" и „Раемъ", но въ этотъ разъ они, что ни день, то нагоняли новыя тучи. Утромъ выглянетъ солнце, освѣтитъ все, высушитъ, пригрѣетъ, а съ двѣнадцати небо начнетъ хмуриться, посѣрѣетъ, закурится точно отъ дыма, упадетъ одна лѣнивая крупная капля, другая, и хлынетъ дождь и будетъ идти, то утихая, то усиливаясь, до самаго вечера. Вечеромъ тучи будто испугаются чего-то, разбѣгутся въ стороны, и заря вспыхнетъ такая алая, такая яркая и радостная, что такъ и кажется: никогда больше не пойдетъ дождь и настанетъ ведро. Но на другой день все начиналось сызнова.

Жнитва была въ полномъ разгарѣ, и арендаторъ Вѣры Владиміровны рвалъ на себѣ волосы. Крутовской ходилъ угрюмый и злой: у него и другія были причины къ неудовольствію. Марья Васильевна, посмѣиваясь, припѣвала:

— Дождикъ онъ хитрый, не идетъ, когда просятъ, а когда косятъ, не когда ждутъ, а когда жнутъ.

Даже Витя застрялъ дома. Собака плохо ходила по мокрому слѣду и могла застудить ноги. Студентъ вспомнилъ зимнія свои занятія и засѣлъ за чертежи. Наталья Никаноровна часами стояла у книжнаго шкапа, полнаго французскихъ романовъ: отвернетъ желтую, потрепанную обложку,

прочтетъ заглавіе, остановится гдѣ-нибудь въ серединѣ книги, заглянетъ въ конецъ и броситъ пренебрежительно въ сторону.

— Боже, какая скука, — говорила она черезъ плечо дядѣ Яшѣ, сидѣвшему неподалеку въ своихъ креслахъ: — ничего новаго, ничего интереснаго...

— Другъ мой, — возражалъ шутливо Тулубьевъ, не подымая съ кофейныхъ своихъ глазъ тяжелыхъ вѣкъ: — запомни это: французскую литературу всю можно раздѣлить на двѣ категоріи — littérature des gargotes et des gourmands. По существу это одно и то же, ибо любить устрицы или гречневую кашу, значитъ любить ѣсть, значитъ обжираться — все дѣло во вкусовыхъ ощущеніяхъ. Французы — сластены, а мы, русскіе, увы, просто голодны. Бульваръ, смѣющійся, беззастѣнчивый и гривуазный намъ претитъ, а изящнаго, „spirituel", мы не понимаемъ. Захлопни дверцы этого шкапа, въ которомъ нѣтъ ничего любопытнаго для очаровательной женщины, открывающей всѣ сердца... Я готовъ по секрету сказать тебѣ одну истину: les femmes qui lisent des romans sont celles qui n'en ont pas dans leur vie... и я думаю она тебя утѣшитъ...

Звонко смѣясь, Наталья Никаноровна грозила дядѣ Яшѣ пальцемъ.

— Vous n'ajouterez pas un mot, pas une syllabe, — говорила она, притворно хмурясь: — Vilain moqueur.

Людмила попрежнему занята была по хозяйству, дождь не могъ ей помѣшать ходить по двору, въ курятникъ, въ ледникъ, въ сараи. Ея похудѣвшее, осунувшееся лицо, съ темными кругами подъ запавшими глазами, казалось еще строже, еще сосредоточеннѣе; непоколебимая рѣшимость проглядывала въ каждомъ ея движеніи. Иногда только среди дѣла, она вдругъ остановится, опуститъ руки и стоитъ, безучастно глядя передъ собой.

По вечерамъ, когда утихалъ дождь, Вѣра Владиміровна, какъ и раньше, выходила изъ дому и шла гулять. Но теперь она полюбила болѣе далекія прогулки. Она надѣвала глубокія калоши, укутывалась въ темный платокъ и садомъ, мимо розъ, истрепанныхъ дождемъ, выходила за околицу въ поле... Она шла по обычаю быстрыми, молодыми шагами, вытянувъ голову чуть впередъ, крѣпко держа на груди края платка. Можно было подумать, что она куда-нибудь спѣшитъ, чѣмъ-нибудь озабочена. Но она никуда не спѣшила, ни о чемъ не волновалась. Никогда такъ ровно не былоу

ней на душѣ, какъ въ эти минуты. Она дышала, смотрѣла вокругъ себя, слѣдила свой легкій шагъ, жила тѣмъ, что было передъ нею. Она начинала любить свое одиночество, оно учило ее понимать людей, а до сихъ поръ она только жила собою. Міръ начиналъ проясняться передъ нею, какъ бываетъ въ тихіе, осенніе дни, когда воздухъ такъ рѣдокъ, такъ чистъ, что все кажется прозрачнымъ, легкимъ и яснымъ. Она съ изумленной радостью смотрѣла передъ собой и ни до чего ей не хотѣлось коснуться. Въ одну ночь, въ одинъ часъ, вернувшись изъ Смоленска, почувствовала она міръ вокругъ себя дивно перестроеннымъ. Да, да — не она измѣнилась, а міръ. „Пришла осень, — думала она безъ печали, — я могу идти куда угодно, ничто меня не замыкаетъ, не связываетъ, я наконецъ свободна отъ всего... какъ далеко я стала видѣть... А камень! я его почти не чувствую. Во мнѣ еще есть женщина и еще много во мнѣ темнаго и грязнаго, но теперь не это меня занимаетъ, потому что я умѣю видѣть вокругъ себя". Она улыбалась, она нашла наконецъ оріаднину нить въ путаной своей жизни. „Имъ кажется, что я теперь ничего не вижу, ни о чемъ не догадываюсь, — думала она о своихъ дѣтяхъ: — а я вижу все лучше, чѣмъ тогда, когда я няньчилась съ ними, когда они были маленькими". Ей было по-новому пріятно думать о дѣтяхъ, которыхъ она только теперь начинала разглядывать. Ей пріятно было вотъ такъ, завернувшись въ теплый старушечій платокъ, идти одной на вечерней зарѣ по взмокшей дорогѣ и разбираться въ людяхъ, почти незнакомыхъ ей и вмѣстѣ близкихъ — въ своихъ дѣтяхъ. Она спрашивала себя, любитъ ли она ихъ и какъ любитъ; она бережно и по мелочамъ вспоминала ихъ дѣтство, ихъ капризы, ихъ недостатки. Она чувствовала, что можетъ судить о нихъ безпристрастно и безъ того холоднаго отчужденія, какое она всегда чувствовала къ нимъ, занятая собою. „Мнѣ ничто теперь не мѣшаетъ думать о нихъ", — съ радостью повторяла она. Она нашла въ этихъ одинокихъ далекихъ прогулкахъ, въ этихъ одинокихъ медлительныхъ думахъ особенное утѣшеніе, особую сладость. Это отдаляло ее отъ себя, очищало ее, помогало ей перегорѣть въ себѣ самой.

Какъ-то вечеромъ, послѣ одной изъ такихъ прогулокъ, Вѣра Владиміровна сидѣла въ гостиной въ углу у рабочаго своего столика и, склонясь надъ лампой съ краснымъ абажуромъ, вышивала. Яковъ Владиміровичъ сидѣлъ въ ка-

бинетѣ и черезъ отворенную дверь, Карышева видѣла, подымая время отъ времени глаза, какъ братъ ея, откинувшись на спинку кресла, отодвинувъ далеко отъ глазъ книгу въ вытянутой рукѣ, то читалъ, то, начиная безпокойно вертѣться на мѣстѣ и капризно ворча, бросалъ книгу на колѣни и смотрѣлъ въ потолокъ.

Приглядываясь къ нему, съ той особенной внимательностью, которая теперь не покидала ее и какъ-то вошла въ ея привычку, все представляя ей въ подчеркнутомъ, яркомъ свѣтѣ театральной рампы, гдѣ она отыграла свою роль, оставшись лишь зрительницей, Вѣра Владиміровна старалась угадать, что безпокоитъ ея брата. Она привыкла къ нему и по-своему любила его. Капризы его порой раздражали ее, порой смѣшили; онъ казался ей избалованнымъ, вывихнутымъ человѣкомъ. Но она никогда не задумывалась надъ тѣмъ, что сдѣлало его такимъ, и кажется сильно сомнѣвалась, что онъ можетъ что-нибудь по-настоящему чувствовать.

— Тебѣ, я вижу, не по себѣ, Яша, — сказала Вѣра Владиміровна мягкимъ, настороженнымъ голосомъ, какимъ она также стала говорить совсѣмъ недавно (точно она вывѣдывала, выщупывала человѣка, стороной подходя къ нему, боясь сразу повѣрить ему и полюбить), — можетъ быть, тебѣ нездоровится? Теперь такъ легко простудиться...

— Ахъ, ma chère, laisse moi, — досадливо перебилъ ее Тулубьевъ: — у меня нервы, ты хорошо это знаешь... mais nerfs... Когда покойная матушка, царство ей небесное, бранила нашего отчима, прекраснаго кавалерійскаго полковника Дымшу, онъ всегда виновато говорилъ: „Madame a ses nefts!“ и этимъ все было сказано... Я весь пошелъ въ мамашу, съ той только разницей, что мои нервы, увы, болѣе не выражаются въ дѣйствіи!

Улыбаясь смягченно и знающе, Вѣра Владиміровна подумала:

„А вѣдь онъ шутитъ, когда что-нибудь его мучитъ... я только теперь это замѣтила... Онъ сидитъ у себя въ креслѣ, читаетъ и волнуется чего-то... Можетъ быть, онъ такъ же, какъ и я сейчасъ, все видитъ, все понимаетъ, самъ не участвуя въ жизни. Какъ странно“.

Она наклонилась надъ своей вышивкой и нѣкоторое время сидѣла молча, чутко прислушиваясь къ каждому звуку — вотъ съ жолоба капаетъ въ бочку вода, вотъ зашумѣли деревья, вотъ кто-то въ дальнихъ комнатахъ хлопнулъ дверью, и разнесся крикъ Варвары: „самоваръ ставьте“.

— Яша, — снова обратилась Карышева къ брату, — скажи мнѣ, почему уѣхалъ Костя? Ты не знаешь?

Яковъ Владиміровичъ зашевелился въ креслѣ:

— Откуда мнѣ знать? — брюзгливо отвѣтилъ онъ: — развѣ меня когда-нибудь предупреждаютъ, со мною совѣтуются? Въ одинъ прекрасный день я вижу, что однимъ приборомъ за столомъ стало меньше — et voila tout! Мнѣ предоставляется право обсуждать перемѣны, происходящія вокругъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Это сдѣлало меня философомъ, и я ничему не удивляюсь. Жизнь проходитъ мимо меня, — она течетъ, какъ вода, и, по правдѣ сказать, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія утолить свою жажду. Я верблюдъ, который можетъ не пить и не ѣсть, питаясь своимъ жиромъ. Когда говорятъ мнѣ: „Боже, какое несчастье — мы его не ожидали“... я всегда отвѣчаю: „Но это понятно, потому что вы заняты были своей игрой“. „Но что же намъ дѣлать“, кричатъ они. И развѣ меня можно назвать жестокимъ, если я имъ отвѣчаю: „Продолжайте въ томъ же духѣ...“ Кто захочетъ сѣсть на мое мѣсто и превратиться въ стараго рамоли? Кто добровольно откажется отъ своей глупости?..

„Я, я откажусь и уже отказалась“, — хотѣла воскликнуть Вѣра Владиміровна, но, удержавшись, повторила свой вопросъ.

— Такъ ты не знаешь, почему уѣхалъ Костя? Мнѣ помнится, ты намекалъ на что-то...

— Мои намеки похожи на вольный переводъ въ нѣмецкой хрестоматіи, — еще болѣе ворчливо перебилъ ее Тулубьевъ: — въ нихъ столько же красоты, сколько и смысла: — „что за странный шумъ въ сосѣдней комнатѣ? Это мой глухонѣмой дядя кушаетъ сыръ“... Чортъ возьми, я до сихъ поръ не знаю, какъ кушаетъ сыръ глухонѣмой дядя, но какъ онъ воспринимаетъ окружающее, это мнѣ доподлинно извѣстно... Я глухъ и нѣмъ, потому что никому не нужны ни глаза мои, ни совѣты. А ты спрашиваешь меня, почему уѣхалъ Костя...

Онъ замолчалъ на время, то раскрывая, то захлопывая книгу. Вѣра Владиміровна пристально смотрѣла на него изъ подъ краснаго абажура. Она отложила вышивку и чуть согнулась, чтобы лучше видѣть.

— Ты спрашиваешь меня объ этомъ, — снова началъ онъ: — но почему же ты не спрашиваешь меня о томъ, какъ поступать тебѣ съ обманувшимъ тебя мужемъ? — возвращаться тебѣ къ нему, или остаться дома?.. Почему ты не полюбопытствовала узнать, что представляютъ собою

твои дѣти? О, Іа, Іа! ты собрала ихъ всѣхъ подъ крылышко и не потрудилась узнать, понравится ли имъ такое милое уединеніе... Ты не поразспросила меня, какъ и чѣмъ жила Наташа, съ кѣмъ она была знакома, — тихо добавилъ Тулубьевъ: — ты, наконецъ, ничего не видѣла въ Людмилѣ и теперь ничего не видишь...

Блѣднѣя и волнуясь, Вѣра Владиміровна перебила его:

— Нѣтъ, я знаю, она очень измѣнилась, она, кажется, страдаетъ...

— Кажется, страдаетъ? — почти закричалъ Яковъ Владиміровичъ, ударяя обѣими руками по ручкамъ кресла: — это мнѣ нравится... Она жила съ дѣтства въ одномъ съ тобою домѣ, и ты ничего, н и ч е г о о ней не знаешь. Ты была занята своей любовью и не могла понять, что другіе могутъ любить и страдать и никому не говорить объ этомъ.

Вѣра Владиміровна встала, руки ея дрожали, глаза широко открылись. Она слушала, слушала брата и боялась проронить слово. „Такъ мнѣ и надо, — мелькало у нея въ головѣ, — такъ и надо“...

— Ты радовалась пріѣзду Наташи, — говорилъ Тулубьевъ, — потому что она должна была помирить тебя съ мужемъ, и ты ходила вокругъ своихъ розъ, какъ институтка, которая мечтаетъ о суженомъ. Тебя не удивляли странное шпіонство и доносы Кости, ты почти имъ вѣрила... Да нѣтъ, какое! Ты просто была равнодушна. При тебѣ пьяный, больной человѣкъ оскорблялъ твою пріемную дочь, явно намекая на подстрекательство Кости, и ты не думала утѣшить ее, разспросить ее, успокоить и объясниться съ сыномъ, пристыдить его. Ты бросила Людмилу и уѣхала съ Наташей, потому что та говорила о полковникѣ. Твой младшій сынъ выгоняетъ изъ дому старшаго, и ты спрашиваешь у меня, глухонѣмого дяди, — почему уѣхалъ Костя!

— Да, да, правда, правда, — шептала Карышева, не шевелясь, не отводя глазъ, пришибленная словами брата.

— Ты дѣлаешь повѣренной свою старшую дочь, — значительно тише продолжалъ Яковъ Владиміровичъ: — не зная ее, ея цѣлей, ея жизни, ты сознаешься ей въ своихъ слабостяхъ и позволяешь везти себя на свиданіе съ мужемъ и потомъ бѣжишь оттуда, понявъ, но уже поздно. Какъ все это глупо и смѣшно! Ты не видишь некрасивой, недостойной игры... да что тамъ. Слѣпой не можетъ стать зрячимъ!

Тулубьевъ махнулъ рукой и, снова успокаиваясь и принявъ обычный свой насмѣшливый тонъ, спросилъ: — Скажи, Костя у тебя не просилъ денегъ?..

— Просилъ, — тихо отвѣчала Вѣра Владиміровна.

Она смотрѣла на брата со страхомъ и надеждой, точно была маленькой его дочерью.

Яковъ Владиміровичъ разсмѣялся.

— И ты дала ему? — спросилъ онъ: — ну, конечно! онъ добился своего, онъ уѣхалъ удовлетвореннымъ... Кому не везетъ въ любви... старая истина. Будь покойна, душа моя, если бы его не выгнали, онъ самъ скоро отсюда испарился бы. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и вполнѣ счастливъ. Если его доносъ, его пасквиль остался безъ послѣдствій, то все же онъ получилъ за него звонкой монетой. Вѣра, сядь пожалуйста, и не безпокойся... все идетъ отлично... да сядь, я тебѣ говорю... вотъ такъ... Когда мы сидимъ, мы лучше мыслимъ... Ты не обижаешься на меня за то, что я тебя сравниваю съ собою?.. Иногда выгодно назвать себя старикомъ: старикамъ все прощаютъ... Я только боюсь одного, какъ бы моя прелестная племянница не оказалась упрямѣе своего брата... ея голосъ сильно пострадаетъ отъ нашего вѣтра...

— Ты хотѣлъ бы, чтобы она отсюда уѣхала? — боязливо спросила Карышева.

— Хотѣлъ бы я? — переспросилъ Тулубьевъ, усмѣхаясь: — я ничего не хочу, съ тѣхъ поръ, какъ я занялъ эту позицію (онъ указалъ на свое кресло). Но такъ было былучше для другихъ... Теряя аппетитъ къ жизни, поневолѣ становишься альтруистомъ. Ты спрашиваешь у меня совѣта? Изволь, я тебѣ дамъ одинъ: будь довѣрчива къ постороннимъ, осторожна съ близкими и никогда не вѣрь самой себѣ. Со стороны всегда виднѣе. Наши чувства насъ обманываютъ, и мы становимся несправедливы. Я не берусь судить, но мнѣ кажется, что было бы лучше всего, если бы всѣ разъѣхались, а мы остались одни... Когда у птенцовъ выростаютъ крылья, мать не собираетъ ихъ въ гнѣздо, а отправляетъ летать по свѣту...

Вѣра Владиміровна печально улыбнулась.

— Ты, какъ всегда, шутишь, — сказала она: — и раньше я не понимала тебя... но теперь мнѣ самой многое стало ясно, сколько все-таки нужно любви и мудрости, чтобы хоть ненадолго забыть себя.

Юр. Слезкинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Не говори: „Весна еще не скоро“...
Уже подходитъ радужный апрѣль,
И хоть не слышно праздничнаго хора, —
Весна уже настроила свирѣль.

Не говори: „Лазурною улыбкой
Увы, еще не блещутъ небеса“...
Взгляни впередъ: какой прозрачно зыбкой
Покрылись дымкою далекіе лѣса.

Не говори: „Еще бушуетъ вьюга,
Быть можетъ, вновь подкрадется морозъ“.
Пойми, дитя, что эта вьюга съ юга,
Изъ царства радостныхъ, изъ царства алыхъ розъ.

Зинаида Ц.

СТАТИСТЪ.

О главныхъ лицахъ этой жизненной пьесы разскажу потомъ, а теперь начну съ себя, хотя я тутъ не при чемъ, я — лишь зритель и статистъ. Иногда произношу нѣсколько фразъ, иначе подумаютъ, что дуюсь, или примутъ мое смирное молчанiе за признакъ ухудшенiя здоровья.

Организацiя у меня прескверная съ самаго рожденiя. Тощее тѣло, впалая грудь, искривленныя съ дѣтства ноги. Хорошъ образецъ человѣческой породы! И зачѣмъ только производить такихъ на свѣтъ?

Появился я на этой планетѣ безъ всякаго желанiя съ моей стороны. Напротивъ, говорятъ, протестовалъ по мѣрѣ силъ.

Но это было давно, много лѣтъ назадъ, и всѣ детали исчезли изъ памяти. Вообще, помню себя только такимъ какъ сейчасъ — сухой вѣткой, мечтающей быть сочнымъ растенiемъ.

Увы! сколько горечи въ этой мечтѣ. Иногда въ весеннiе, безоблачные дни я стараюсь убѣдить себя, что „это“ пустяки, пытаюсь выпрямить слабую, впалую грудь, высоко поднять узкiя, немощныя плечи. Но стоитъ взглянуть на свою ковыляющую тѣнь, какъ исчезаетъ вся бодрость, вся вѣра, всѣ мечты. Я испытываю невыносимую душевную боль и озлобленiе и потрясаю кулаками, точно угрожая ясному небу, которое не даритъ меня ничѣмъ...

Вокругъ крымскiй пейзажъ — голыя, близкiя горы, перламутровое искрящееся море, котораго я не люблю, несмотря на всю его красоту.

Я удобно лежу на террасѣ, на мягкой, широкой кушеткѣ и думаю о жизненныхъ противорѣчiяхъ. Почему, собственно, я въ Крыму, когда не люблю и не переношу ни горъ, ни моря.

Дѣло въ томъ, что горы и море любитъ мой другъ Сер-

гѣй, а, главное, онъ любитъ Наталью Дмитріевну, мою дальнюю родственницу Наташу.

Вотъ почему я очутился здѣсь, почему привезъ сюда свои искривленныя колесомъ ноги, впалую грудь, узкія плечи.

Мы живемъ втроемъ въ маленькомъ крестьянскомъ домикѣ-дачѣ. Намъ отмежеванъ небольшой квадратъ земли, на которомъ копошится цѣлая орава домашней птицы, три комнаты, терраса, видъ на море и большой голубой пластъ неба.

Всѣмъ этимъ собственно пользуюсь я одинъ. Сергѣй и Наташа великодушно уступаютъ это богатство мнѣ, сами же, какъ подобаетъ идеалистамъ, забираютъ себѣ все остальное, именно то, чѣмъ не даритъ меня жестокое небо.

Съ утра начинаются великодушныя заботы обо мнѣ.

— Коля, — ласково говоритъ Наташа, укрывая мои бѣдныя ноги плэдомъ, — лежи на солнышкѣ. Тебѣ это такъ полезно. Какое сегодня чудесное небо, а горы легкія и воздушныя!

— Спасибо, Наташа, — отвѣчаю я, хотя плэдъ мнѣ совершенно не нуженъ, а море и горы раздражаютъ до отчаянія. — Не утруждай себя, иди лучше на берегъ.

Наташа благодарно вспыхиваетъ, беретъ зонтикъ и книжку и торопливо направляется къ морю.

Теперь надо спровадить Сергѣя. Онъ топчется возлѣ меня и нервно перебираетъ бахрому злополучнаго плэда.

— Коля, — конфузливо начинаетъ онъ, — какое сегодня горячее солнце! Для тебя это, должно быть, очень полезно!

— Да, да, — перебиваю я его, — въ высшей степени полезно. Но теперь, не взыщи, закрою глаза, буду молчать и наслаждаться покоемъ.

— Отдыхай, отдыхай, голубчикъ, — радостно подхватываетъ онъ. — А я немножко пройдусь, обдумаю кое-что, статейку одну...

— Врешь, друже, — хочется мнѣ сказать, — никакой статейки обдумывать не станешь, а мигомъ пойдешь вслѣдъ за Наташей.

Но я политично молчу и закрываю глаза. Сквозь опущенныя рѣсницы вижу, что Сергѣй все еще топчется на мѣстѣ, какъ будто чего-то ждетъ, потомъ быстро поворачивается и идетъ по пыльной крутой дорожкѣ, ведущей къ тому же перламутровому морю, къ которому направилась Наташа.

Я — одинъ. Лежу тихо, какъ неживой. Полуголый

взъерошенный цыпленокъ медленно входитъ на ступеньки террасы, пугливо оглядываясь по сторонамъ. За нимъ безъ стыда и совѣсти мчится наглая пестрая курица и, опередивъ цыпленка, подхватываетъ лежащія подъ столомъ хлѣбныя крошки.

Опять закрываю глаза и слышу унылое тукъ-тукъ-тукъ. Мягкій цыплячій клювъ тщетно нащупываетъ несуществующія крошки. Пестрая курица успѣла уже всѣ съѣсть, но этимъ не удовлетворилась, вскочила на столъ и хватаетъ хлѣбъ прямо съ тарелки.

Я возмущенъ, замахиваюсь книгой. Она не изъ трусливыхъ. Нагло смотритъ мнѣ въ глаза и ни съ мѣста. У нея физіономія злой бабы-сплетницы, и мнѣ отъ души хочется ее ударить, но для этого надо встать, а силъ такъ мало!

— Кишъ! — кричу я, — кишъ! — Но пугается только и безъ того на смерть перепуганный цыпленокъ, который, поджимая ноги, убѣгаетъ во дворъ.

Давно не видалъ такой солнечной осени. Послѣдніе годы, вопреки предписаніямъ врачей и совѣтамъ друзей, живу въ столицѣ, въ верхнемъ этажѣ большого каменнаго дома. Увѣряютъ, что этимъ гублю себя, сокращаю свою жизнь. Возможно, но это обстоятельство мало меня тревожитъ. Все равно проживу столько, сколько мнѣ жить положено. Отъ мірскихъ благъ откажусь спокойно, ибо тѣмъ, что мнѣ дано, не дорожу, а большаго не жду...

Я — большой эстетъ. Не смѣшно ли? Но почему, собственно, если природа надѣлила меня кривыми ногами, я долженъ отвернуться отъ красоты? Наоборотъ, мучительно люблю гармонію красокъ, звуковъ, движеній, словъ.

Какъ люди жестоки! Однимъ предоставляютъ все, другимъ во всемъ отказываютъ. Почему-то мнѣ самому иногда кажется смѣшнымъ мое преклоненіе передъ красотой.

Я живу далеко отъ людей. Иногда по нѣсколько дней не спускаюсь со своего пятаго этажа. Не хочется волочить кривыя ноги по шумнымъ, люднымъ улицамъ. Немощное тѣло требуетъ покоя, но духъ силенъ и подвиженъ.

Прежде много путешествовалъ, много перевидалъ людей и странъ. А вотъ въ послѣдніе годы какъ-то притихъ. Возможно, что просто кончился мой періодъ накопленія. Теперь трачу накопленное.

Для себя, изъ-за себя ни за что не пріѣхалъ бы сюда. Я сдѣлалъ это для Наташи, для Сергѣя, для обоихъ вмѣстѣ.

Они любятъ другъ друга. Наташу чувство озарило, Сергѣй имѣлъ неосторожность полюбить. Но теперь оба влюблены, оба эгоистичны и думаютъ только другъ о другѣ.

При чемъ я тутъ, сухая вѣтка, калѣка, не утолившій своей жизненной жажды, угрюмый больной? Почему именно я долженъ сыграть незавидную роль статиста?

Мнѣ кажется, горы давятъ меня, надвигаются плотной стѣной, а переливы моря утомляютъ напряженные нервы.

Сергѣй и Наташа не замѣчаютъ, какъ вредно дѣйствуетъ на меня Крымъ, не знаютъ, какъ болитъ у меня грудь, какъ часто повышается температура.

— Хорошо, Коля, что ты пріѣхалъ сюда, для твоего здоровья хорошо, — часто говоритъ Наташа.

Но при этомъ даже не смотритъ на меня. Ея взглядъ застѣнчиво встрѣчается со взглядомъ Сергѣя.

Я тихонько вздыхаю. Въ этой пьесѣ только два главныхъ дѣйствующихъ лица. Кто обращаетъ вниманіе на статистовъ!

Сергѣй женатъ съ перваго курса. Я попалъ въ его гнѣздо, когда тамъ уже копошилось два краснощекихъ бутуза съ грязными носами. Жена Сергѣя, тощая, измученнаго вида блондинка, мнѣ не по душѣ. Она — фребеличка и воспитываетъ дѣтишекъ по какой-то системѣ. Забылъ, какъ она называется. На стѣнахъ висятъ изображенія разноцвѣтныхъ ромбовъ и пирамидъ. Ребята испачканы цвѣтной глиной, изъ которой лѣпятъ какихъ-то уродовъ.

Жена Сергѣя убѣждала меня, что этимъ способомъ развивается у дѣтей вкусъ, понятіе о формахъ и цвѣтахъ. Возможно; но почему у нихъ такіе грязные носы? Неужели она этого не замѣчаетъ? Или великій Песталоцци забылъ упомянуть въ своей системѣ процедуру сморканія дѣтскихъ носовъ?

Изъ-за какой-то нелѣпой студенческой исторіи Сергѣй не кончилъ университета. Онъ служитъ въ управѣ, немного подрабатываетъ литературой и въ общемъ едва сводитъ концы съ концами. Не понимаю, чѣмъ прельстила Наташу безцвѣтная личность Сергѣя. Именно Наташу, она такъ требовательна къ жизни и людямъ. Женщины — непонятныя существа. До сихъ поръ мнѣ казалось, что знаю Наташу насквозь, теперь она стала неузнаваемой и непонятной.

Я помню Наташу дѣвочкой, гимназисткой. Удивительно, какъ быстро изъ шаловливаго ребенка она превратилась въ замкнутаго, запуганнаго жизнью человѣка.

Въ послѣдніе годы мы особенно подружились. Она часто приходитъ ко мнѣ со своими горестями и радостями, сидитъ часами въ моемъ кабинетѣ. Мы говоримъ о многомъ, о многихъ. Наташѣ нравится мой кабинетъ. Въ этой квадратной комнатѣ съ одноцвѣтными, гладкими обоями, книжными полками и мягкой тахтой — весь мой міръ. Здѣсь проходитъ моя жизнь, вспыхиваютъ и тускнѣютъ мои мечты, умираютъ надежды и увы! зарождаются новыя.

Наташа слушаетъ внимательно, но грустно, точно ждетъ чего-то недосказаннаго мной. И она права. Я говорю о красотахъ Италіи, о своеобразной граціи Флоренціи, о строгомъ, прекрасномъ Римѣ съ его богатыми древностями и ликующими красками, но, но... Недаромъ Наташа — женщина, она чувствуетъ недосказанность, недоговоренность въ моихъ словахъ, чуетъ неудовлетворенность въ моихъ восторгахъ.

Если бы я откровенно сказалъ ей:

— Наташа, родная, я — эстетъ, обожаю прекрасное, оживаю среди красотъ природы и искусства, я гордъ сознаніемъ того, какъ близка и понятна моей душѣ эта красота, но, Наташа, какимъ несчастнымъ, раздавленнымъ червякомъ я себя чувствую среди здоровой, жизнерадостной толпы. Какъ я бѣденъ любовью, какъ одинокъ!..

Почему-то этого я сказать не могу. Должно быть, самолюбіе не позволяетъ.

И вотъ теперь Наташа платитъ мнѣ той же монетой, недоговоренностью. Она любитъ Сергѣя. Я это вижу, знаю, но не отъ нея. Я самъ это замѣтилъ и долго не вѣрилъ своимъ глазамъ. Такой нелѣпостью мнѣ казалось увлеченіе Наташи!

А вотъ сейчасъ мнѣ стоитъ приподняться на локтѣ, и я увижу пыльную крутую дорожку, по которой они возвращаются съ моря. Бѣлый зонтикъ закрываетъ Наташино лицо, но я знаю, что оно сіяетъ.

Вотъ они завернули за уголъ, я слышу уже шаги на террасѣ.

— Ты спишь, Коля? — наклоняясь надо мной, спрашиваетъ Наташа. Не та искренняя, большеглазая Наташа, которая приходитъ въ мою келью на пятомъ этажѣ каменнаго дома, а другая, счастливая, озаренная любовью и до отчаянія неискренняя...

— Немножко вздремнулъ, — безсовѣстно лгу я, — и очень освѣжился. А вы?

— Мы? — Наташа густо краснѣетъ. — Мы, то-есть, я — читала на берегу, а потомъ случайно подошелъ Сергѣй Павловичъ, и мы вмѣстѣ отправились домой.

Зачѣмъ эта ложь, невинная и ненужная? Она меня огорчаетъ, оскорбляетъ. Я злюсь и молчу. Чего я собственно хочу, и самъ не знаю. Развѣ отъ чистосердечнаго Наташинаго признанія мнѣ стало бы легче и веселѣе? О нѣтъ!

Наташу я не ревную, я просто завидую имъ обоимъ, завидую низко, подленько, гадко.

Когда они сидятъ вдвоемъ на берегу, тѣсно прижавшись другъ къ другу, когда Сергѣй чувствуетъ теплоту маленькихъ Наташиныхъ рукъ, я лежу одинъ, какъ никому ненужная, колченогая кочерга. Почему?

Когда я закрываю глаза, мнѣ грезится, будто чья-то женская рука опускается на мою голову и гладитъ мои рѣдкіе, нелѣпо растущіе клочками, волосы.

Мнѣ грезится, что весь я обвѣянъ женской лаской, женской любовью...

Но когда я открываю глаза, надъ головой лежитъ все тотъ же пластъ голубого неба, того солнечнаго, безоблачнаго неба, которое не даритъ меня ничѣмъ...

За обѣдомъ насъ четверо — неизмѣнный четвертый участникъ нашей трапезы котъ Свѣчка. Я привыкъ къ его курносой кошачьей физіономіи и однообразному мяуканію. Котъ Свѣчка — олицетвореніе пассивности. Лучшіе куски отнимаютъ у него, стыдно сказать, куры, и пугливый полуголый цыпленокъ и тотъ умудряется обворовать Свѣчку.

— Стыдно, братъ, — говорю я ему. — Въ жизни надо умѣть отстаивать свои права, надо защищаться, даже кусаться.

Свѣчка лѣниво слушаетъ меня и нехотя отстраняется отъ рѣшительнаго удара клювомъ, которымъ награждаетъ его пестрая курица.

— У тебя жалкій и глупый видъ, — говорю я ему.

Какъ-то незамѣтно мы оказываемся съ нимъ вдвоемъ. Наташа и Сергѣй ушли въ примыкающую къ террасѣ комнату, сидятъ и о чемъ-то разговариваютъ, тихо, съ перерывами. Мнѣ кажется, во время этихъ перерывовъ они цѣлуются.

— Свѣчка, — задумчиво повторяю я, — у тебя удивительно глупый видъ.

Онъ сочувственно поднимаетъ на меня сонные полузакрытые глаза. Если бы онъ умѣлъ говорить, непремѣнно сказалъ бы мнѣ:

— А у тебя, братецъ, не менѣе глупый!

Къ счастью, Свѣчка только мурлыкаетъ, и мы тихонько обмѣниваемся многозначительнымъ понимающимъ взглядомъ.

* * *

Съ каждымъ днемъ все больше и больше хочется домой. Мнѣ кажется, пластъ голубого неба лежитъ у меня на груди, тяжелый, какъ чугунъ. Я оторванъ отъ всего, къ чему привыкъ.

Для Сергѣя и Наташи сейчасъ единственные прекрасные дни. Когда снова обрѣту свое „я", когда перестану быть напряженно-безмолвнымъ статистомъ, они вернутся къ жизненнымъ буднямъ, къ сѣрымъ дождливымъ днямъ и утомительной повседневности.

Иногда осторожно заговариваю объ отъѣздѣ. Большіе глаза Наташи наполняются испугомъ, потомъ слезами...

Противъ этого я безсиленъ и опять возвращаюсь къ своей незавидной роли.

* * *

Въ послѣднее время они надолго оставляютъ меня одного.

— Тебѣ необходимъ покой, — философствуетъ Сергѣй. Я ненавижу его за эту ложь.

Наташа утвердительно киваетъ головой, но не рѣшается посмотрѣть мнѣ въ глаза.

— Мы съ Сергѣемъ Павловичемъ рѣшили осматривать окрестности, — виновато говоритъ она. — Здѣсь такія красивыя мѣста!

О да, я вполнѣ съ этимъ согласенъ и милостиво отпускаю ихъ, какъ старый папаша или отжившій дядюшка. Я даже растягиваю ротъ въ привѣтливую улыбку, киваю имъ вслѣдъ, слѣжу за ихъ удаляющимися фигурами.

Но потомъ, когда они исчезаютъ изъ поля моего зрѣнія, сразу снимаю маску.

Господи, какъ томитъ одиночество, особенно въ тѣни любви!

Сжимаю кулаки (опять угрожаю синему небу) и съ грустью замѣчаю, что изъ моихъ глазъ выкатилась крупная, круглая, соленая капля. Вотъ до чего я дошелъ! Но они этого не замѣчаютъ...

Иногда злорадно ухмыляюсь и думаю о препятствіяхъ

на пути ихъ любви, о женѣ Сергѣя, о фребелевски-воспитываемыхъ дѣтяхъ, наконецъ, о нерѣшительности моего друга.

Онъ не порветъ цѣпей, не вырвется на свободу, не завоюетъ своего счастья...

Наташа это знаетъ, она боится будущаго и все же осторожно, трепетно надѣется на что-то, на какой-то счастливый исходъ изъ тяжелаго положенія.

Небо цвѣта дешевой бирюзы, и перламутровые переливы моря не восхищаютъ меня.

Наташа долго плакала вчера вечеромъ, я это слышалъ благодаря тонкимъ дощатымъ стѣнамъ. Она плакала и металась на постели. Измучилась, бѣдняжка и томительно ждетъ исхода, а Сергѣй попрежнему молчитъ.

Они сегодня идутъ въ сосѣднюю деревню. Дорога туда крутая, извилистая, у самой пропасти. Неосторожный шагъ и... прости земныя радости.

Наташа любитъ опасности и презираетъ трусость. Тѣмъ не менѣе, она не замѣчаетъ, какъ непозволительно труслив Сергѣй, какъ усиленно отговариваетъ ее отъ опасной прогулки, при мысли о которой у него ёкаетъ сердце.

Наташа любитъ, а любовь слѣпа и временами глупа.

Съ ихъ уходомъ почему то начинаю безпокоиться. Мнѣ начинаетъ казаться, что Наташа въ своей тоскѣ способна на страшный шагъ и даже Сергѣй... Нѣтъ, нѣтъ, Сергѣй этого не сдѣлаетъ, за него я спокоенъ.

Въ послѣдніе дни Наташа сама не своя, то печальна и задумчива, то неестественно-весела. Я чувствую, она обдумала, рѣшила что-то. Но что?

Бѣдная ты моя, полюбившая Наташа, напрасно хочешь удержать въ сердцѣ счастье, оно, какъ солнечный лучъ ускользаетъ отъ тебя...

Теперь я уже привыкъ лежать на кушеткѣ и дремать. Въ эти минуты грезы такъ сладки, такъ далеки отъ дѣйствительности.

Вотъ опять я слышу шаги, потомъ чья-то легкая женская рука касается меня, одинокаго, колченогаго калѣки. Солнечный лучъ согрѣлъ на мгновеніе и ускользнулъ обратно въ страну счастья...

Нехотя открываю глаза. Передо мной стоитъ живая женщина и черты ея лица хорошо знакомы мнѣ, слишкомъ знакомы.

Увы, это жена Сергѣя. Она взволнована и заплакана.

— Здравствуйте, Николай Петровичъ, — говоритъ она, и голосъ ея вибрируетъ отъ волненія. — Васъ удивляетъ мое появленіе здѣсь, въ этомъ поэтичномъ крымскомъ уголкѣ.

Она быстро оглядываетъ маленькую террасу, небесную синеву, меланхолично зѣвающаго кота Свѣчку и начинаетъ громко плакать.

Внимательно смотрю на ея вздрагивающія плечи, но при этомъ не ощущаю ничего, абсолютно и рѣшительно ничего, ни состраданія, ни печали. Только одна мысль неизмѣнно мелькаетъ въ моемъ эгоистичномъ мозгу:

„При чемъ я тутъ? Одна женщина заставляетъ меня быть свидѣтелемъ ея хрупкаго счастья, другая—жизненнаго горя. Обѣ онѣ далеки отъ меня, обѣ мнѣ безразличны, я самъ хочу радоваться и страдать, вѣдь, я живой, голодный... пусть узнаютъ, пусть почувствуютъ это!“

— Надежда Гавриловна, — неожиданно говорю я, — успокойтесь, не плачьте. Такъ больно видѣть ваши слезы!

Неужели я это сказалъ? Неужели такъ лицемѣрно солгалъ?

Она поднимаетъ глаза.

— Понимаете, Сергѣй... Она отнимаетъ у меня Сергѣя. Она сама написала мнѣ, что возьметъ его и отвоюетъ свое счастье!

Ахъ, вотъ, отчего такъ измѣнилась Наташа, отчего такъ долго плачетъ по ночамъ и мечется безъ сна.

Она рѣшила дѣйствовать помимо Сергѣя, рѣшила сама свершить тяжелый шагъ. Бѣдная, бѣдная Наташа!

Жена Сергѣя сидитъ напротивъ меня и долго сбивчиво говоритъ избитыя слова о разбитомъ счастьѣ и семейномъ долгѣ, о дѣтяхъ и домашнемъ очагѣ...

Но время идетъ. Скоро вернутся тѣ съ прогулки. Надо что-нибудь предпринять.

Сцена представляетъ маленькую террасу крестьянскаго домика-дачи. На фонѣ синяго неба вырисовываются горы, громоздкія, скалистыя горы. На кушеткѣ, свѣсивъ кривыя ноги, сижу я, рядомъ худая, несимпатичная блондинка.

Главныя дѣйствующія лица за кулисами. Изъ роли статиста поневолѣ перехожу на роль резонера.

— Надежда Гавриловна, поймите, — суфлирую я самъ себѣ и чувствую, что мой суфлеръ глупъ и пошлъ, какъ старый сапогъ, — жизнь полна неожиданностей, иногда самыхъ нелѣпыхъ. Они любятъ, вопреки разсудку, вопреки логикѣ,

Жена Сергѣя, она же тощая блондинка, играющая въ данной пьесѣ второстепенную роль, дѣлаетъ возмущенный жестъ.

— Отстранитесь — продолжаю я, — уступите мѣсто ихъ любви. Силкомъ не удерживайте Сергѣя...

Это тоже сказалъ я.

Она громко всхлипываетъ и прижимаетъ платокъ къ глазамъ.

Та женщина, которую люблю въ грезахъ, такъ не всхлипываетъ и у нея нѣтъ безцвѣтнаго слабохарактернаго мужа по имени Сергѣй.

Начинаю осваиваться съ положеніемъ точно играю не экспромптомъ, а послѣ тщательной репетиціи. Конечно, во многомъ помогаетъ до отчаянія пошлый суфлеръ.

Солнце медленно поднимается выше и освѣщаетъ все ту же маленькую террасу. Теперь я и она сидимъ у чайнаго стола. Надежда Гавриловна значительно спокойнѣе. Ей, видимо, начинаетъ казаться, что она просто пріѣхала къ мужу отдохнуть отъ утомительной сутолоки и бѣдности столичной жизни.

Будь я внѣ пьесы, несомнѣнно, раскритиковалъ бы въ пухъ и прахъ всю позицію и дѣйствующихъ лицъ, но, когда самъ участвуешь, тогда совсѣмъ другое дѣло.

Мнѣ надо о чемъ-нибудь говорить съ ней, хотя, видитъ Богъ, охотнѣе предавался бы своимъ грустнымъ размышленіямъ.

— Взгляните на эту даль — храбро начинаю я, взгляните и оцѣните всю красоту красокъ, которой не дастъ ни одинъ художникъ, кромѣ природы. Деревушка, въ которой мы живемъ, далека отъ курортной жизни. По утрамъ я часто наблюдаю неопредѣленнаго вида фигуры. Онѣ направляются къ морю съ полотенцами и простынями. Возможно, что это женщины, опредѣленно сказать этого не могу, во всякомъ случаѣ, человѣческія существа, которыя идутъ купаться. Какъ я имъ завидую! Но вѣдь, завидовать мое обычное состояніе. Докторъ, хмурый, сѣдобородый, съ очень неразборчивымъ почеркомъ, воспретилъ мнѣ это жизненное наслажденіе. „Купаться въ открытомъ морѣ для васъ — ядъ“, сказалъ онъ и въ сотый разъ нацарапалъ на листкѣ бумаги какое-то латинское назначеніе, которое послѣ его ухода весело загорѣлось въ моемъ каминѣ.

— А Сергѣй купается? — безсмысленно спрашиваетъ Надежда Гавриловна и, не дождавшись отвѣта, смиренно слушаетъ меня.

— Подумайте только, голубушка, — не выходя изъ роли, горячусь я. — Подумайте только, какъ сѣро и безцвѣтно ваше совмѣстное житье съ Сергѣемъ. Искусственная нить, связывавшая васъ, порывается. Сергѣю скучно ежедневно подниматься по грязной лѣстницѣ, пахнущей кошками и капустными щами, скучно слушать ваши разговоры о дѣтяхъ, о дороговизнѣ, о вашей любви...

— Молчите, — вскакивая съ мѣста, говоритъ она. — Какъ вы смѣете?

Но мой суфлеръ, видимо, ушелъ изъ будки, я забылъ свою роль, мной овладѣло свободное вдохновеніе.

— Поймите, какъ они счастливы, Сергѣй и Наташа, знаете, ихъ все радуетъ — солнце и дождь, утро и вечеръ. Они видятъ, чувствуютъ, ощущаютъ только другъ друга. Имъ хорошо! А мы съ вами нахохлились, какъ воробьи зимой. Я расплываюсь въ неопредѣленныхъ грезахъ о счастьѣ въ будущемъ, вѣрнѣе, въ несуществующемъ времени, вы — цѣпляетесь за клочки прошлаго и пытаетесь изъ этихъ лохмотьевъ создать узоръ для будущаго. Ложь и обманъ! Только сегодняшній день — дѣйствительность, сегодняшній поцѣлуй, пожатье руки, сжимающей вашу руку. Хотите, я покажу вамъ счастье. Оно краткое, мимолетное, но жжетъ даже на разстояніи.

Она удивленно смотритъ на меня. Кажется, я пугаю ее.

А тамъ на дорогѣ мелькаетъ бѣлый Наташинъ зонтикъ, скрывающій ея улыбающееся лицо, порозовѣвшее отъ счастья.

Мнѣ приходитъ жестокая мысль въ голову. Мы, колченогіе, обиженные любовью, калѣки, бываемъ непозволительно жестоки.

— Хотите вполнѣ уяснить себѣ положеніе дѣлъ, Надежда Гавриловна? — говорю я. — Хотите доказать, что вы сильны и не закрываете глазъ на дѣйствительность?

Она испуганно, но утвердительно киваетъ головой.

— Въ такомъ случаѣ, идите поскорѣе сюда, въ эту комнату рядомъ съ террасой, — говорю я. — Стойте у дверей и смотрите. Они возвращаются съ прогулки и не подозрѣваютъ о вашемъ пріѣздѣ. А я приму обычную позу больного человѣка, наслаждающагося солнцемъ и покоемъ.

Меня охватываетъ непостижимое злорадство. Чего я хочу? Доставить боль безразличной мнѣ Надеждѣ Гавриловнѣ, родной, но не пощадившей меня Наташѣ или безцвѣтному даже въ сіяніи любви Сергѣю? Можетъ быть, отомстить объ-

имъ женщинамъ вмѣстѣ? Или просто выяснить положеніе имъ и, пожалуй, себѣ!..

Бахрома плэда щекочетъ носъ и щеки, а шаловливые солнечные лучи стараются забраться сквозь опущенныя вѣки, но я лежу тихо и неподвижно. Я симулирую глубокій исцѣляющій покой.

Я слышу, что Надежда Гавриловна тяжело дышитъ Кажется, даже плачетъ. Пускай, мнѣ не жаль ни ея, ни себя, ни тѣхъ.

— Онъ спитъ, — входя на террасу, тихо говоритъ Наташа съ такой непоколебимой увѣренностью, что я самъ начинаю этому вѣрить. — Какой онъ хорошій, правда, Сергѣй?

— А я — хорошій? — шутливо спрашиваетъ тотъ, крѣпко сжимаетъ руки и настойчиво заглядываетъ ей въ глаза.

— Ты... — Наташа останавливается.

Я хочу пошевелиться, сказать, что вовсе не сплю, и мнѣ кажется, что тамъ за дверью тоже слышно движеніе.

Нѣтъ, я и она, Надежда Гавриловна, должны увидѣть все до конца. Такъ надо. Наташа смѣется тихимъ счастливымъ журчащимъ смѣхомъ, котораго я не знаю.

Она уже не обращаетъ вниманія на меня, на мой болѣзненно-удивленный взглядъ.

— Милый милый, — говоритъ она, и я вижу, хотя стараюсь не смотрѣть, я вижу, какъ ея руки тихо гладятъ его растрепавшіеся волосы и вся она трепетнымъ движеніемъ прижимается къ нему.

— Сергѣй, милый, любимый, — шепчетъ она.

Изъ моихъ зажмуренныхъ глазъ, ослѣпленныхъ солнцемъ, выкатывается круглая, крупная, соленая слеза. Если они увидятъ эту предательскую каплю, они подумаютъ, что мнѣ снится тяжелый, кошмарный сонъ. И будутъ правы!

Вѣдь въ моихъ грезахъ все было именно такъ!..

— Сережа, — повторяетъ Наташа, и ея губы нѣжно касаются его губъ.

Пора прекратить этотъ спектакль. Тамъ, за дверью, есть второстепенное дѣйствующее лицо, съ минуты на минуту готовое выступить на сцену. Этого я не хочу допустить.

Собираю всѣ свои силы, громко зѣваю и потягиваюсь.

— Ты, кажется, крѣпко спалъ, родной? — спрашиваетъ Наташа, и я молча утвердительно киваю головой.

— Сергѣй, — спокойно говорю я, — тутъ... новость для тебя.

Онъ испуганно смотритъ на меня.

— Что такое? Письмо, телеграмма?

— Не волнуйся, дорогой, — лицемѣрно успокаиваю я его, — ничего серьезнаго, просто твоя жена пріѣхала сюда на нѣсколько дней и собирается вмѣстѣ съ тобой вернуться домой.

Наташа, бѣдная голубка, что я съ тобой сдѣлалъ?

Она до крови кусаетъ губы, неподвижная, поблѣднѣвшая.

А лицемѣріе, необходимое въ нашей нелѣпой повседневной жизни, заставляетъ меня снова притворяться.

— Надежда Гавриловна устала съ дороги и легла отдохнуть въ твоей комнатѣ, — громко говорю я Сергѣю и ясно слышу тамъ за дверью шуршаніе юбокъ и женскіе шаги.

Сергѣй безпомощно оглядывается на неподвижную, точно застывшую Наташу.

Мнѣ кажется, все въ ней замерло, даже поцѣлуй на губахъ.

Я молчу. Теперь я доволенъ своей ролью статиста и не хотѣлъ бы очутиться на мѣстѣ кого-либо изъ дѣйствующихъ лицъ, ни главныхъ, ни второстепенныхъ...

За обѣдомъ насъ сегодня пятеро, считая кота Свѣчку.

Сквозь закрытыя двери я слышалъ бурную супружескую сцену, жестокій натискъ Надежды Гавриловны, тихія реплики слабохарактернаго Сергѣя. Мнѣ казалось, что онъ оправдывался въ чемъ-то...

Къ обѣду жена Сергѣя вышла заплаканная и сильно напудренная. Наташа притихла и погасла. Если ея взглядъ вспыхиваетъ, то загорается лишь тихой печалью.

Сергѣй ѣстъ, не поднимая глазъ. Атмосфера напряженная. Все понятно безъ словъ.

Осенніе солнечные лучи скользятъ по Наташинымъ вьющимся волосамъ, ласкаютъ ея большіе глаза, полуоткрытыя губы и ускользаютъ обратно въ далекую страну счастья.

— Сергѣй, неестественно — громко говоритъ Надежда Гавриловна, и при звукѣ ея голоса Наташа вздрагиваетъ и откидывается на спинку стула, — Сергѣй, покажи мнѣ ближайшія окрестности, горы, море, эту деревушку, все. Вѣдь мы ѣдемъ черезъ два дня, — побѣдоносно напираетъ она на слово мы, я все хочу видѣть, слышишь, все!

Мнѣ кажется, за эти часы Наташины глаза стали еще глубже и больше, а шея тонкая, какъ ниточка.

Мнѣ кажется, пластъ голубого неба давитъ ее, какъ чугунъ, горы обступаютъ плотной стѣной.

Все для нея погасло — солнце, море, счастье...

Теперь я чувствую, что не буду говорить съ Наташей только о красотѣ Италіи и своеобразныхъ древностяхъ Рима.

Когда она наклонится, чтобы укрыть меня неизмѣннымъ клѣтчатымъ плэдомъ, я смѣло возьму обѣ ея маленькія, безпомощныя ручки, бережно поцѣлую каждую изъ нихъ и тихо, безъ стыда и ложнаго самолюбія, разскажу ей, какимъ раздавленнымъ червякомъ я себя чувствую среди здоровыхъ людей, какъ я бѣденъ любовью, какъ одинокъ!..

Наташа пойметъ меня, тихо вздохнетъ и печально и ласково проведетъ рукой по моимъ непослушнымъ, жесткимъ волосамъ.

Я знаю, въ эту зиму она часто будетъ приходить ко мнѣ.

Я знаю это и жду ее.

Л. Арисова.

ИЗЪ АЛЬФРЕДА МЮССЕ.

I.

Пѣсня Фортуніо.

(Изъ комедіи „Le Chandelier".)

О, если бъ ту, кого люблю я,
Могли вы знать!
Ее за царство не хочу я
При васъ назвать.

Она мила, какъ ангелъ чистый,
Въ своей красѣ,
И вьется волосъ золотистый
Въ ея косѣ.

Ея капризамъ я послушно
Готовъ служить,
Для милой голову, гдѣ нужно,
Пойду сложить.

Ужъ тайной страсти всѣ мученья
Я перенесъ:
Душа изныла отъ томленья
И грудь — отъ слезъ.

Но имя милой не хочу я
Сказать при васъ:
Его на сердцѣ схороню я
Въ послѣдній часъ!

II.

Въ дурную погоду.

(Par un mauvais temps.)

Съ той поры, какъ васъ люблю я
(Ужъ давно, а можетъ, вѣчно),

Сколько платьевъ — не сочту я,
Износили вы безпечно.

Но я помню день дождливый
(Холодъ былъ невыносимый), —
Съ вами парочкой счастливой
Въ рощѣ подъ руку брели мы.

Вы такъ весело шутили,
Пробираясь по дорожкѣ,
И въ грязи тогда смочили
Восхитительныя ножки.

Ты мечтала ль той минутой, —
Эта ножка дорогая, —
Башмачками быть обутой
Изъ парчи и горностая?...

Если время въ сердцѣ выжжетъ
У меня тотъ мигъ блаженный, —
Пусть лицо мнѣ грязь забрызжетъ
Изъ-подъ ножки незабвенной!

С. Андреевскій.

Іюль, 1877 года.

ТРЕТЬЕ ОТДѢЛЕНІЕ
СОБСТВЕННОЙ Е. И. В. КАНЦЕЛЯРІИ
О СЕБѢ САМОМЪ.

(Неизданный документъ.)

Просуществовавшее болѣе полувѣка (1826—1880 г.), такъ соотвѣтствовавшее природѣ правительственной власти своего времени и такъ рельефно выявлявшее самую ея сущность, знаменитое учрежденіе это не только не имѣетъ еще своей „біографіи“, но къ нему, можно сказать, и не прикасалась съ подобною цѣлью рука историка. Конечно, фактъ этотъ, свидѣтельствующій, между прочимъ, объ ощутительномъ пробѣлѣ въ области нашихъ познаній исторіи Россіи XIX вѣка, произошелъ отнюдь не отъ того, чтобы историки не находили нужнымъ заняться такимъ предметомъ, а по той причинѣ, что этого не желала власть, ревниво оберегавшая отъ „постороннихъ взоровъ“ дѣянія рыцарей третьяго отдѣленія.

Это до такой степени вѣрно, что даже въ офиціальныхъ „историческихъ очеркахъ“ дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ за столѣтіе его существованія, составленныхъ „по мысли покойнаго министра внутренныхъ дѣлъ егермейстера Д. С. Сипягина“, на основаніи документовъ, „хранящихся въ архивахъ министерства внутренних дѣлъ, департамента полиціи (куда по наслѣдству перешли и дѣла III отдѣленія) и др.“ [1]), — даже въ этомъ изданіи „Третьему отдѣленію“ и „Отдѣльному корпусу жандармовъ“, вмѣстѣ взятымъ, удѣлено всего четыре страницы, при чемъ и тутъ занавѣсъ, — конечно, надъ чрезвычайно разукрашенной сценой, — приподнята всего до 1849 года!.. [2])

[1]) Министерство внутреннихъ дѣлъ. 1802—1902. Историческіе очерки, предисловіе.

[2]) Ibid. — Третье Отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи и Отдѣльный корпусъ жандармовъ стр. 97—101.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о III отдѣленіи (съ приведеніемъ цитатъ изъ „Записокъ“ гр. Бенкандорфа) содержатся въ извѣстномъ трудѣ Шильдера [1]), а также въ мемуарахъ Корфа, Фишера и немногихъ другихъ.

Книга г. Лемке „Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.“ касается, какъ это слѣдуетъ и изъ самаго названія книги, также исключительно николаевской эпохи. Сюда же надо отнести и только что появившую въ печати работу барона И. В. Дризена „Изъ исторіи драматической цензуры при императорѣ Николаѣ I“ [2]), такъ какъ эту отрасль литературы вѣдало въ ту эпоху также III отдѣленіе.

Этимъ почти и ограничивается касающаяся III отдѣленія скудная литература, при чемъ и она касается почти исключительно эпохи царствованія Николая I; — дѣятельность же III отдѣленія въ царствованіе слѣдующее обслѣдована и того слабѣе [3]).

Мы уже указали на главную причину такой скудости свѣдѣній о III отдѣленіи, но причина эта не единственная. Существуетъ и другая: надо отдать справедливость „голубому вѣдомству“, — оно весьма тщательно умѣетъ хранить свои секреты. Лишь въ совершенно исключительную эпоху середины перваго десятилѣтія текущаго вѣка историкамъ общественною движенія въ Россіи удалось достать и опубликовать такіе, напр., важные для исторіи этого движенія документы, какъ ежегодные „Обзоры“, составлявшіеся департаментомъ полиціи. До того же времени, ни полностью, ни въ извлеченіяхъ, ни въ обычной, ни въ „подпольной“, ни въ русской заграничной, ни въ иностранной печати ни одинъ изъ такихъ „Обзоровъ“ не появлялся, а между тѣмъ составлялись, печатались и разсылались они, какъ секретное пособіе, „къ свѣдѣнію и руководству“ всѣмъ жандармамъ, офицерамъ и другимъ „чинамъ“, служащихъ въ томъ же „вѣдомствѣ“, начиная съ 1881 года. Это значитъ, что въ теченіе 25 лѣтъ „Обзоры“, несмотря на множество существовавшихъ по всей Россіи экземпляровъ ихъ, за предѣлы „вѣдомства“ не вышли. Благодаря также совершенно исключительнаго характера счастливой случайности, оказались въ рукахъ пишущаго эти строки и, составленный самимъ III отдѣленіемъ, „Отчетъ“

---

[1]) Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе. стр. 464—470.

[2]) „Русское Богатство“, 1914. Іюнь и далѣе.

[3]) Даже въ общемъ трудѣ С. С. Тащева — „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“ о III отдѣленіи говорится чрезвычайно мало.

освоей дѣятельности за 50 лѣтъ, называющійся также „Обзоромъ“. Отчетъ этотъ составленъ въ 1876 году, т. е. окола сорока лѣтъ тому назадъ, а между тѣмъ о самомъ существованіи его и не подозрѣвалось. Сохранять столько времени въ тайникахъ канцеляріи этотъ документъ было, впрочемъ, для правительства гораздо легче, чѣмъ уберечь отъ чужихъ взоровъ вышеназванные „Обзоры“, ибо, какъ это видно изъ самой формы отчета, — при чемъ онъ не печатный, а рукописный, — составленъ отчетъ не для широкаго оглашенія по „вѣдомству“ (до этого надумались только въ 1881 году,— раньше же не дѣлалось и того), а лишь для императора Александра II.

Ниже мы воспроизведемъ дословно этотъ „Обзоръ“ и дадимъ къ нему небольшое съ своей стороны „послѣсловіе“, а теперь, для возможной полноты дѣла, приведемъ изъ книги „Министерство внутреннихъ дѣлъ“ тѣ свѣдѣнія, которыя заключаются въ ней о III отдѣленіи и неразлучномъ съ нимъ корпусѣ жандармовъ. Свѣдѣній этихъ тамъ очень немного, но и изъ нихъ мы опустимъ тѣ, которыя читатели найдутъ въ гораздо болѣе подробномъ видѣ въ „Отчетѣ“ и заимствуемъ лишь такія (главнымъ образомъ о корпусѣ жандармовъ), которыхъ въ отчетѣ нѣтъ.

„Отдѣльный корпусъ жандармовъ, — читаемъ мы въ этой книгѣ, — сложился изъ двухъ элементовъ: изъ жандармскаго полка, несшаго военно-полицейскую службу въ войскахъ, и ихъ жандармскихъ частей корпуса внутренней стражи. Жандармы при войскахъ впервые появляются 10 іюня 1815 года, когда главнокомандующій Барклай де Толли предписалъ избрать въ каждомъ кавалерійскомъ полку по одному благонадежному офицеру и пяти рядовыхъ, на коихъ возложить наблюденіе на бивуакахъ и на кантониръ-квартирахъ, отводъ раненыхъ во время сраженій на перевязочные пункты, поимку мародеровъ и т. д. Чины эти наименованы жандармами и отданы въ распоряженіе корпусныхъ командировъ. 27 августа того же года отдѣльныя жандармскія команды уничтожены, а взамѣнъ того Борисоглѣбскій драгунскій полкъ переименованъ въ жандармскій, и на него возложена полицейская служба при войскахъ. Корпусъ внутренней стражи образованъ въ 1810 году; чины его несли обязанности воинскія по обученію запасныхъ рекрутъ и полицейскія — по содѣйствію гражданскимъ властямъ при поимкѣ воровъ и разбойниковъ, въ случаяхъ

неповиновенія власти, при взысканіи податей и недоимокъ и. т. д. Въ непосредственномъ распоряженіи каждаго губернатора находилась полицейская драгунская команда, числившаяся въ составѣ корпуса внутренней стражи, но подчиненная гражданскому начальству. Послѣднее обстоятельство признано было неудобнымъ и повело къ преобразованію въ 1817 году: полицейскія драгунскія команды уничтожены, а въ составѣ внутренней стражи сформированы жандармскія части, распредѣленныя по столицамъ, губернскимъ и главнымъ портовымъ городамъ; при этомъ столичные жандармскіе дивизіоны подчинены оберъ-полицеймейстерамъ столицъ, а губернскія и портовыя жандармскія команды — командирамъ мѣстныхъ гарнизонныхъ батальоновъ. Высочайшимъ приказомъ 25 іюня 1826 года учреждена новая должность шефа жандармовъ. На этотъ постъ былъ назначенъ А. К. Бенкендорфъ, и ему подчинены всѣ жандармы, какъ состоящіе при войскахъ (жандармскій полкъ), такъ и числящіеся по корпусу внутренней стражи, но жандармскій полкъ до 1842 года вѣдался шефомъ только въ инспекторскомъ отношеніи.

Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ такъ объясняетъ возникновеніе ввѣреннаго ему учрежденія: „Императоръ Николай стремился къ искорененію злоупотребленій, вкравшихся во многія части управленія, и убѣдился изъ внезапно открытаго заговора, обагрившаго кровью первыя минуты новаго царствованія, въ необходимости повсемѣстнаго болѣе бдительнаго надзора, который окончательно стекался бы въ одно средоточіе. Государь избралъ меня для образованія высшей полиціи, которая покровительствовала бы утѣсненнымъ и наблюдала бы за злоумышленіями и людьми, къ нимъ склонными. Такимъ образомъ императоръ создавалъ органъ, при помощи котораго онъ могъ непосредственно слѣдить не только за появленіемъ антигосударственныхъ элементовъ въ обществѣ, но и за дѣйствіемъ всей сложной административной машины. Поэтому высочайшее повелѣніе объ учрежденіи III отдѣленія гласитъ между прочимъ: „Предписать всѣмъ начальникамъ губерній и сообщить другимъ лицамъ, до которыхъ сіе касаться можетъ, дабы они о всѣхъ предметахъ, въ составъ III отдѣленія собственной моей канцеляріи входящихъ[1]), доносили прямо на имя мое, съ надписью — по III Отдѣленію сей моей канцеляріи“.

[1]) Мы ниже увидимъ, до какой степени многочисленны и разнообразны были предметы, вѣдавшіеся III отдѣленіемъ.

Гр. Бенкендорфъ оставался во главѣ отдѣленія до самой своей смерти (15 сентября 1841 г.); преемникомъ его былъ князь А. Ф. Орловъ (по 5 апрѣля 1856 г.)[1].

Спеціальными мѣстными органами III отдѣленія были жандармскія части, которыя постепенно обособлялись отъ военнаго вѣдомства и становились въ тѣснѣйшую связь съ отдѣленіемъ. Такъ, въ 1836 году всѣ жандармскія части, находившіяся въ вѣдѣніи корпуса внутренней стражи, выдѣлены и включены въ составъ вновь образованнаго корпуса жандармовъ, подчиненнаго исключительно своему шефу (онъ же главный начальникъ III отдѣленія). Въ 1839 году должность начальника штаба корпуса жандармовъ соединена съ должностью управляющаго III отдѣленіемъ. Въ 1842 году жандармскій полкъ, состоявшій при войскахъ, подчиненъ шефу жандармовъ во всѣхъ отношеніяхъ и включенъ въ составъ корпуса жандармовъ. Для ближайшаго управленія сѣтью жандармскихъ командъ, раскинутыхъ по всей имперіи, образовано въ 1826 году пять округовъ (въ 1843 число ихъ возросло до восьми); округа эти раздѣлены на отдѣленія съ штабъ-офицерами (начальниками отдѣленій) во главѣ; дѣятельность каждаго отдѣленія распространялась на 2—3 губерніи.

Съ 1826 года важнѣйшею обязанностью жандармскихъ чиновъ, помимо прежней полицейской службы, становится и наблюдательная дѣятельность. Приказомъ шефа жандармовъ отъ 31 августа 1826 г. предписано всѣмъ начальникамъ жандармскихъ частей доносить ему (Бенкендорфу) „обо всѣхъ происшествіяхъ“ въ мѣстахъ квартированія частей, а также „о всѣхъ примѣчательныхъ фактахъ“, о которыхъ „чины“ узнають; свѣдѣнія, „заслуживающія особаго вниманія“, предписывалось посылать въ конвертахъ съ надписью „въ собственныя руки“. Въ началѣ 1827 года была издана особая инструкція, опредѣляющая обязанности жандармскихъ чиновъ „по наблюдательной части“.

---

[1]) Офиціальное изданіе и кончаетъ кн. Орловымъ перечень лицъ, состоявшихъ шефами жандармовъ. Даже о томъ, кто были шефами жандармовъ въ царствованіе Александра II, изданіе это почему-то умалчиваетъ. Дополнимъ поэтому, такой странный пробѣлъ: съ 1856 по 1866 шефомъ жандармовъ былъ кн. Вас Анд. Долгорукій; съ 1866 по 1874 — гр. Петръ Андр. Шуваловъ; съ 1874 по 1876 — Ал. Льв Потаповъ; съ 1876 по 4 августа 1878 (въ этотъ день онъ былъ убитъ революціонеромъ Кравчинскимъ) Ник. Вл. Мезенцовъ; съ 1878 по 1880 г., когда III отдѣленіе было (при гр. М. Т. Лорисъ-Меликовѣ) упразднено, — Ал. Ром. Дрентельнъ. Всѣ эти лица, конечно, были генералъ-адъютантами.

Далѣе офиціальное изданіе, изъ котораго мы заимствовали эти строки, касается въ весьма немногихъ словахъ самой дѣятельности III отдѣленія, но мы, по указанной уже причинѣ, воспроизводить этого не будемъ и вмѣсто того приведемъ здѣсь тотъ „обзоръ", о которомъ мы упомянули выше.

Онъ гласитъ слѣдующее:

Обзоръ дѣятельности III отдѣленія собственной вашего императорскаго величества канцеляріи за 50 лѣтъ.

1826—1876 гг.

Третьяго іюля настоящаго года исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня учрежденія третьяго отдѣленія собственной вашего императорскаго величества канцеляріи. Въ высочайшемъ указѣ по сему предмету, данномъ 3 іюля 1826 года управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, изображено:

„Признавая нужнымъ устроить подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа третье отдѣленіе при собственной канцеляріи, я повелѣваю: особенную канцелярію министерства внутреннихъ дѣлъ уничтожить, обратя по выбору генералъ-адъютанта Бенкендорфа часть чиновниковъ оной, подъ управленіемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника фонъ-Фока, въ составъ сего отдѣленія.

Предметами занятій сего третьяго отдѣленія собственной моей канцеляріи назначаю:

1) Всѣ распоряженія и извѣстія по всѣмъ вообще случаямъ высшей полиціи.

2) Свѣдѣнія о числѣ существующихъ въ государствѣ различныхъ сектъ и расколовъ.

2) Извѣстія объ открытіяхъ по фальшивымъ ассигнаціямъ, монетамъ, штемпелямъ, документамъ и проч., коихъ розысканія и дальнѣйшее производство остаются въ зависимости министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

4) Свѣдѣнія подробныя о всѣхъ людяхъ, подъ надзоромъ полиціи состоящихъ, равно и всѣ по сему предмету распоряженія.

5) Высылка и размѣщеніе людей подозрительныхъ и вредныхъ.

6) Завѣдываніе наблюдательное и хозяйственное всѣхъ мѣстъ заточенія, въ кои заключаются государственные преступники,

7) Всѣ постановленія и распоряженія объ иностранцахъ, въ Россіи проживающихъ, въ предѣлы государства прибывающихъ и изъ онаго выѣзжающихъ.

8) Вѣдомости о всѣхъ безъ исключенія происшествіяхъ.

9) Статистическія свѣдѣнія, до полиціи относящіяся".

Кругъ дѣятельности III отдѣленія, опредѣленный при самомъ его учрежденіи, оставался въ теченіе пятидесяти лѣтъ почти безъ измѣненія. Только высочайшее повелѣніе отъ 22 апрѣля 1828 года поручило отдѣленію театральную цензуру, остававшуюся въ его вѣдѣніи 37 лѣтъ, по 6 апрѣля 1865 г., когда она передана была вновь образованному при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главному управленію по дѣламъ печати.

Но неизмѣнная по предметамъ вѣдѣнія дѣятельность III отдѣленія по самому существу своему неизбѣжно измѣнялась соотвѣтственно измѣненіямъ въ строѣ и направленіи государственной и общественной жизни Россіи. Не теряя изъ виду ни одного изъ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, отдѣленіе тѣмъ не менѣе постоянно обращало преимущественное вниманіе на тѣ вопросы, которые, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, получали преобладающее значеніе, и расширяло тѣ стороны своей дѣятельности, которыя въ данное время получали особенную важность.

Тайныя общества, образовавшіяся въ послѣдніе годы царствованія императора Александра Павловича и подготовившія 14 декабря 1825 года, привлекли въ свою среду почти всѣ революціонные элементы, существовавшіе въ то время въ Россіи. Поэтому, когда слѣдствіе раскрыло всѣхъ участниковъ преступнаго покушенія и приговоръ суда выдѣлилъ ихъ изъ общества, то спокойствіе было обезпечено надолго. Вотъ почему дѣятельность III отдѣленія по части собственно политической въ первые годы по его учрежденіи ограничивалась почти исключительно распоряженіями, относящимися до осужденныхъ декабристовъ: размѣщеніемъ ихъ въ Сибири и въ другихъ мѣстностяхъ, устройствомъ для нихъ необходимыхъ помѣщеній, установленіемъ надзора за ними и тому подобными мѣрами. Наблюденіе вскорѣ убѣдило, что преступные замыслы не оставили въ обществѣ почти никакого слѣда. Оренбургское дѣло [1]) и ничтожная попытка образовать

---

[1]) Очевидно, созданное первымъ провокаторомъ (въ прямомъ смыслѣ этого слова) Ипполитомъ Завалишинымъ, дѣло Колесникова, Таптыкова и др. Объ этомъ см. нашу статью „Провокаторъ двадцатыхъ годовъ XIX вѣка" въ № 38 „Кіевской Мысли" за 1914 г.

тайное общество въ Москвѣ [1]) были единственными, можно сказать, исключительными случаями, обратившими на себя вниманіе отдѣленія въ первыя пять лѣтъ его существованія. Тѣмъ съ большею энергіею направлена была его дѣятельность на внимательное и всестороннее изученіе современнаго положенія Россіи и на раскрытіе тѣхъ сторонъ государственной и народной жизни, которыя не соотвѣтствовали потребностямъ страны или могли, хотя бы въ далекомъ будущемъ, угрожать ея спокойствію. Наблюденіе, поставившее своею цѣлью такія задачи, получало, такимъ образомъ, значеніе истинно государственное и постепенно подготовляло матеріалы, послужившіе впослѣдствіи основаніемъ для важнѣйшихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій.

Польскій мятежъ, вспыхнувшій 17 ноября 1830 г., вызвалъ новое расширеніе дѣятельности III отдѣленія. До 1831 года наблюденіе не распространялось на Царство Польское, и потому замыслы поляковъ не могли быть извѣстны отдѣленію. События 1831 г. показали необходимость измѣненія существовавшаго порядка и расширенія круга дѣйствій наблюденія на часть имперіи, особенно въ немъ нуждавшуюся.

Когда возстаніе было окончательно подавлено, тысячи бѣглецовъ, покинувъ умиротворенное отечество, разсѣялись почти по всей Западной Европѣ, преимущественно по Франціи, Англіи и Бельгіи. Правительства этихъ государствъ, принявъ эмигрантовъ подъ свое покровительство, не только допускали частные сборы денегъ въ ихъ пользу и выдавали бѣднѣйшимъ изъ нихъ пенсіи и пособія, но и своими заявленіями возбуждали въ нихъ несбыточныя надежды на защиту державъ Западной Европы. Пользуясь полною свободою въ своей дѣятельности, выходцы образовали во Франціи, Англіи и Бельгіи политическія общества и комитеты, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, заключалось истинное правительство Царства Польскаго. Эти комитеты собирали деньги для будущаго возстанія и, подготовляя для него почву, посылали въ царство и въ западныя губерніи тайныхъ эмиссаровъ. Такая дѣятельность эмиграціи вызывала распространеніе наблюденія и за предѣлы имперіи, и съ 1832 г. начинается рядъ командировокъ чиновъ III отдѣленія за границу, какъ для изученія на мѣстѣ положенія дѣлъ, такъ и для пріиска-

[1]) Очевидно, дѣло бр. Критскихъ. О немъ см. ст. М. К. Лемке „Тайное общество бр. Критскихъ“ въ іюньской книжкѣ „Былого“ за 1906 годъ.

нія надежныхъ агентовъ и организаціи правильнаго наблюденія въ важнѣйшихъ пунктахъ.

Слѣдя за дѣятельностью польскихъ выходцевъ, поселившихся въ Западной Европѣ, III отдѣленіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало точныя свѣдѣнія о внутреннемъ, политическомъ положеніи европейскихъ государствъ, о дѣятельности и направленіи различныхъ политическихъ партій, о силѣ и настроеніи правительствъ и объ отношеніи ихъ къ Россіи. Таковыя свѣдѣнія, провѣренныя различными путями, отдѣленіе постоянно представляло на высочайшее воззрѣніе. Время показало ихъ основательность и оправдало многія изъ указаній отдѣленія. Такъ, еще въ тридцатыхъ годахъ оно усматривало неискренность расположенія къ Россіи со стороны Австріи, разгадывало ея расчеты на сближеніе съ Франціею для уравновѣшенія возрастающаго могущества нашего отечества и не упускало изъ виду двухсмысленной ея политики относительно поляковъ. Еще въ 1839 г. отдѣленіе замѣчало недовѣріе Англіи къ азіатской политикѣ Россіи и опасенія этой державы, возбуждаемыя возрастаніемъ нашего вліянія въ Азіи и усиленіемъ нашей отпускной торговли на востокѣ. За восемь лѣтъ до февральской революціи оно видѣло въ Луи Филиппѣ послѣдній оплотъ монархизма во Франціи и предсказывало, что послѣ него въ этой странѣ учредится республика, хотя бы на годъ, и возникнутъ серьезныя замѣшательства, которыя найдутъ отзывъ во всей Западной Европѣ. Въ 1846 г. отдѣленіе обращало вниманіе на распространеніе разрушительныхъ революціонныхъ теорій въ Швейцаріи и въ Германіи, гдѣ онѣ достигли крайней необузданности, предвидѣло близкій взрывъ революціи и выражало опасенія, чтобы по сосѣдству къ намъ Германіи нравственная зараза не проникла и въ наши предѣлы.

Впрочемъ, главное вниманіе наблюденія за границею постоянно обращено было на происки польскихъ выходцевъ и на попытки ихъ возбудить возстаніе въ Польшѣ и въ западныхъ губерніяхъ. Отдѣленіе учредило наблюденіе за всѣми польскими комитетами за границею и, увѣренное въ крайней неблагонадежности польскаго населенія имперіи, зорко слѣдило за посланными изъ-за границы эмиссарами. Дѣло Канарскаго показало, что мѣры предосторожности были не напрасны, и вполнѣ оправдало недовѣріе къ полякамъ. Наконецъ, отправленіе Чайковскаго эмиссаромъ въ Турцію заставило усилить наблюденіе на южной границѣ и учредить секрет-

ную полицію на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, особенно въ Одессѣ и Бессарабіи. Между тѣмъ, какъ польскія провинціи вызывали усиленную дѣятельность III отдѣленія въ политическомъ отношеніи, внутреннія, чисто русскія области имперіи оставались попрежнему спокойными и не возбуждали ни малѣйшихъ опасеній. Польскій мятежъ усилилъ общее патріотическое настроеніе населенія и не только поколебалъ, но скорѣе укрѣпилъ общую преданность царю и существующему государственному строю. Такое направленіе общества и всего народа, неизмѣнно сохранявшееся до 1848 г., дозволило отдѣленію неуклонно продолжать изученіе внутренняго состоянія Россіи, начатое въ первые годы его существованія. Изслѣдуя всѣ стороны народной жизни, отдѣленіе обращало особенное вниманіе на тѣ вопросы, которые имѣли преобладающее значеніе, и результаты наблюденія повергло на высочайшее благовоззрѣніе.

Между этими вопросами въ теченіе многихъ лѣтъ первенствующее мѣсто занимало положеніе крѣпостного населенія. Третье отдѣленіе обстоятельно изучало его бытовыя условія, внимательно слѣдило за всѣми ненормальными проявленіями крѣпостныхъ отношеній и пришло къ убѣжденію въ необходимости, даже въ неизбѣжности отмѣны крѣпостного состоянія. Въ нравственно-политическомъ отчетѣ за 1839 годъ, отдѣленіе указывало, что „весь духъ народа направленъ къ одной цѣли — къ освобожденію", что „крѣпостное состояніе есть пороховой погребъ подъ государствомъ и тѣмъ опаснѣе, что войско составлено изъ крестьянъ же и что благоустройство удѣльныхъ крестьянъ и оказываемая имъ защита сильно подѣйствовали на возбужденіе еще большаго омерзѣнія къ крѣпостному состоянію".

Не рѣшаясь высказаться за немедленное освобожденіе крестьянъ, которое въ то время могло бы повести къ безпорядкамъ, отчетъ тѣмъ не менѣе признаетъ настоятельность мѣръ переходныхъ, подготовительныхъ. Теперь, — указывается въ отчетѣ, — крѣпостные люди не почитаются даже членами государства и даже не присягаютъ на вѣрность государю. Они стоятъ внѣ закона, ибо помѣщикъ можетъ безъ суда сослать ихъ въ Сибирь. Можно было бы начать тѣмъ, чтобы утвердить закономъ все существующее уже на дѣлѣ (de facto) въ хорошо устроенныхъ помѣстьяхъ. Это не было бы новостью. Такъ, напримѣръ, можно было бы учредить волостныя управленія, сдачу въ рекруты по жребію, или по

общему приговору старшинъ волости, а не по прихоти помѣщика. Можно было бы опредѣлить мѣру наказанія за вины и подвергнуть крѣпостныхъ людей покровительству общихъ законовъ; а что всего важнѣе, раздѣливъ Россію на полосы по качеству почвъ, климату и промышленному положенію края, опредѣлить, по мѣрѣ занимаемой крестьяниномъ земли, число рабочихъ дней на господина и размѣръ оброка.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, третье отдѣленіе признавало своимъ долгомъ постоянно обращать вниманіе на всѣ особенности крѣпостныхъ отношеній и доводить о нихъ до высочайшаго свѣдѣнія. О всѣхъ случаяхъ неповиновенія и буйства крестьянъ, убійства помѣщиковъ и управителей или посягательства на убійство, а также жестокаго обращенія со стороны помѣщиковъ, немедленно было представляемо государю императору, и, независимо отъ сего, въ ежегодныхъ отчетахъ излагались результаты дознаній и мѣры, принятыя къ прекращенію безпорядковъ и обличенію или наказанію виновныхъ. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ отдѣленія сосредоточивались и сохранялись обширные матеріалы для изученія многихъ сторонъ крестьянскаго вопроса, которые, быть можетъ, оказались не безполезными въ то время, когда ваше величество соизволили признать необходимымъ окончательное его разрѣшеніе.

Озабочиваясь положеніемъ сельскаго населенія, отдѣленіе въ то же время обращало вниманіе и на нужды рабочаго класса въ столицахъ. Въ 1841 г. была учреждена, подъ предсѣдательствомъ генералъ-майора корпуса жандармовъ графа Буксгевдена, особая комиссія для изслѣдованія быта рабочихъ людей и ремесленниковъ въ С.-Петербургѣ. Представленныя ею свѣдѣнія были сообщены подлежащимъ министрамъ и вызвали нѣкоторыя административныя мѣры, содѣйствовавшія улучшенію положенія столичнаго рабочаго населенія. Между прочимъ, на основаніи предположенной комиссіи, по инициативѣ III отдѣленія, была устроена въ С.-Петербургѣ постоянная больница для чернорабочихъ, послужившая образцомъ подобному же учрежденію и въ Москвѣ.

Высказывая опасенія, внушаемыя крѣпостнымъ правомъ, отдѣленіе указывало на возможность подстрекательства крестьянъ со стороны раскольниковъ, которыхъ преслѣдованіе вооружило противъ правительства, такъ что скиты ихъ сдѣлались центромъ этого зла. Собираніе свѣдѣній о рас-

кольникахъ постоянно входило въ кругъ дѣйствій III отдѣленія; назначеніе же управляющаго отдѣленіемъ въ 1836 г. членомъ секретнаго комитета о раскольникахъ доставило высшему наблюденію возможность ближе слѣдить за ходомъ раскольничьихъ дѣлъ. Оставаясь на почвѣ основныхъ законовъ, дарующихъ каждому повсемѣстно право свободнаго отправленія его вѣры и богослуженія, отдѣленіе не могло не признавать, что послѣдовавшее въ сентябрѣ 1826 г. воспрещеніе раскольникамъ не только строить новыя церкви и часовни, но и передѣлывать или возобновлять старыя — не согласно съ коренными нашими законоположеніями и составляетъ сильнѣйшее преслѣдованіе, ведущее прямо къ уничтоженію богослуженія раскольниковъ. Точно также отдѣленіе находило несогласнымъ съ установленною у насъ вѣротерпимостью преграждение раскольникамъ возможности получать себѣ вновь священниковъ, а тѣмъ болѣе правило, по коему браки раскольниковъ, по ихъ обрядамъ совершенные, не признаются за браки, и дѣти, отъ тѣхъ браковъ рожденныя, не считаются законными. Въ отчетѣ за 1837 г. указывается, въ какой степени вредно и даже опасно для правительства имѣть въ различныхъ краяхъ государства значительныя массы людей недовольныхъ и стѣсненныхъ въ исполненіи обрядовъ своего вѣрованія, людей, которые при какихъ-либо неблагопріятныхъ для правительства обстоятельствахъ могутъ сдѣлаться орудіемъ неблагонамѣренныхъ лицъ и вызвать затрудненія. Не высказываясь въ пользу полной свободы раскольниковъ въ ихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, отчетъ полагаетъ необходимымъ строго наблюдать, чтобы они не совращали когolибо въ расколъ, не разводили скитовъ, не скрывали бѣглыхъ и вообще не уклонялись отъ обязанностей своихъ къ правительству и мѣстнымъ властямъ, но признаетъ вреднымъ и противнымъ духу нашего правительства стѣснять ихъ въ отправленіи богослуженія и лишать церквей и священниковъ, однимъ словомъ, не распространять на нихъ тѣхъ правилъ, коими правительство наше руководствуется въ отношеніи всѣхъ другихъ исповѣданій, не только христіанскихъ, но и магометанскаго и даже еврейскаго.

Въ связи съ положеніемъ народа стоялъ вопросъ и о состояніи арміи, выходившей изъ его же среды. Высшее наблюденіе слѣдило за всѣми, даже малѣйшими измѣненіями въ духѣ и настроеніи войска и заботливо относилось не только къ возвышенію его нравственнаго достоинства, но и

къ его матеріальнымъ интересамъ и удобствамъ. Не разъ указывая на злоупотребленія по снабженію солдатъ пищею и амуниціею, оно въ то же время (еще въ 1843 г.) настаивало на необходимости измѣненій въ обмундированіи и замѣны прежнихъ мундировъ казакинами и панталонами съ гульфомъ, мѣра, которая „спасала бы треть рекрутовъ отъ госпиталей и смерти". Но еще настойчивѣе обращало отдѣленіе вниманіе на упадокъ воинскаго духа въ арміи, замѣчая, напр., въ 1841 г., что „духъ войска вовсе не тотъ, какъ было за 25 и за 30 лѣтъ предъ симъ; въ массѣ офицеровъ замѣтно какое-то уныніе, какая-то неохота къ дѣлу... Теперь почти нѣтъ генераловъ ни въ гвардіи, ни въ арміи, о которыхъ можно было бы сказать, что они обожаемы офицерами и солдатами, а между тѣмъ тишина и порядокъ въ войскахъ примѣрные".

Какъ одно изъ средствъ къ поднятію воинскаго духа и нравственнаго уровня въ арміи, отдѣленіе указывало на отмѣну наказанія шпицрутенами, унизительнаго не только для воинскаго, но и для человѣческаго достоинства.

Въ числѣ предметовъ наблюденія, указанныхъ III отдѣленію непосредственно высочайшею волею, важное мѣсто занимали дѣйствія администраціи. Отдѣленіе зорко слѣдило за неизбѣжными во всѣхъ отрасляхъ управленія ошибками и злоупотребленіями и обо всѣхъ доходившихъ до него случаяхъ немедленно сообщало подлежащимъ министрамъ, а особенно важные представляло на высочайшее усмотрѣніе. Въ Бозѣ почившій государь императоръ придавалъ особенное значеніе этой части дѣятельности отдѣленія и требовалъ, чтобы подобныя сообщенія принимались къ свѣдѣнію и не проходили безслѣдно. Въ 1838 году главный начальникъ III отдѣленія, доводя до высочайшаго свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ по вѣдомству путей сообщенія и о мѣрахъ, принятыхъ имъ для ихъ полнаго раскрытія, присовокупилъ, что онъ не сообщалъ о семъ главноуправляющему путями сообщенія по той причинѣ, что генералъ-адъютантъ графъ Толь не удостаиваетъ принимать его предупрежденія и замѣчанія съ тою благосклонностью, какъ то дѣлаютъ другіе министры. Вслѣдствіе чего, его величество соизволилъ положить слѣдующую собственноручную резолюцію. „Всѣ министры обязаны (подчеркнуто въ подлинникѣ) принимать свѣдѣнія, отъ васъ сообщаемыя; поэтому ихъ благосклонности вовсе не нужно".

Такая монаршая воля значительно облегчила дѣятель-

ность отдѣленія по раскрытію злоупотребленій административныхъ учрежденій и лицъ, дозволяя дѣйствовать открыто и въ случаѣ необходимости настойчиво. Но независимо отъ наблюденія за дѣйствіями низшихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій, главный начальникъ III отдѣленія, по высочайшей волѣ, представлялъ государю императору, при обозрѣніи нравственно-политическаго состоянія Россіи, обзоръ главныхъ учрежденій, заключавшій въ себѣ характеристику министровъ и ихъ дѣятельности и оцѣнку важнѣйшихъ мѣръ, принятыхъ въ истекшемъ году по каждому вѣдомству, при чемъ съ полною откровенностью излагались и слабыя стороны управленій и тѣ улучшенія, которыя вызывались потребностями времени или общимъ движеніемъ къ нравственному возвышенію всѣхъ отраслей государственнаго состава. Въ этихъ обзорахъ нерѣдко встрѣчались чисто практическія замѣчанія и доводились до высочайшаго свѣдѣнія желанія и ожиданія общества. Такъ, напр., въ 1838 г. указывалась польза проведенія желѣзной дороги между столицами, вопреки мнѣнію министра финансовъ и главноуправляющаго путями сообщенія. въ 1841 г. представлялось о необходимости большей заботливости со стороны правительства о народномъ здравіи; въ 1842 г. приводятся всеобщія жалобы на высокіе тарифы, служащіе къ обогащенію немногихъ крупныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ и задерживающіе развитіе торговли, въ 1838 и 1847 гг. обращается вниманіе на ропотъ народа противъ тягости постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, неоднократно приводятся общественные отзывы о стѣснительности и вредѣ откупной системы, какъ для народнаго благосостоянія, такъ и для народной нравственности.

Изъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій особенное вниманіе III отдѣленія обращало судебное вѣдомство, о которомъ постоянно получались самыя безотрадныя свѣдѣнія. Наблюденіе неоднократно указывало, что не только низшія и среднія судебныя мѣста, но даже и сенатъ, руководствуясь устарѣлыми формами, производятъ дѣла съ неимовѣрною медленностью, что теченіе суда останавливается сверхъ сего, къ стѣсненію тяжущихся, справками, часто произвольными, письменными сношеніями о томъ, что можно узнать безъ всякой переписки, аппеляціонными сроками и переходами дѣла по инстанціямъ, число коихъ могло бы быть сокращено наполовину; что при такомъ многосложномъ и затруднительномъ производствѣ дѣла продолжаются въ каждомъ судебномъ

мѣстѣ по нѣсколько лѣтъ, иныя, проходя черезъ всѣ инстанціи, оканчиваются черезъ десятки годовъ; что злоупотребленія и лихоимство безнаказанно господствуютъ не только въ уѣздныхъ судахъ и губернскихъ палатахъ, но и въ сенатскихъ канцеляріяхъ, такъ что и въ сенатѣ дѣла производятся и рѣшаются не даромъ, что по общему мнѣнію, имѣть въ судебныхъ мѣстахъ дѣла есть величайшее несчастье, и что ропоть на нихъ повсемѣстный и громкій.

Въ полной неудовлетворительности нашихъ судебныхъ мѣстъ III отдѣленіе имѣло возможность убѣдиться и изъ многихъ поступавшихъ въ него просьбъ и жалобъ частныхъ лицъ. Вообще эта часть дѣлопроизводства отдѣленія отличалась особенною обширностью, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ ежегодно поступало отъ двухъ до пяти съ половиною тысячъ просьбъ, кромѣ всеподданнѣйшихъ прошеній, подаваемыхъ во время высочайшихъ путешествій, число коихъ колебалось между четырьмя и десятью тысячами. Отъ лицъ всѣхъ сословій, безъ изъятія, какъ русскихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ, проживающихъ и въ Россіи и за границею, поступали просьбы и жалобы по частнымъ дѣламъ самаго разнообразнаго содержанія

Предметами просьбъ были въ особенности:

а) Содѣйствіе къ полученію удовлетворенія по документамъ, не облеченнымъ въ законную форму.

б) Освобожденіе отъ взысканій по безденежнымъ заемнымъ письмамъ и тому подобнымъ актамъ.

в) Пересмотръ въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ дѣлъ, рѣшенныхъ въ низшихъ инстанціяхъ, остановленіе исполненія судебныхъ постановленій, отмѣна распоряженій правительственныхъ мѣстъ и лицъ.

г) Возстановленіе права аппеляціи на рѣшенія судебныхъ мѣстъ.

д) Домогательство о разборѣ тяжебныхъ дѣлъ, внѣ порядка и правилъ, установленныхъ законами.

е) Помѣщеніе дѣтей на казенный счетъ въ учебныя заведенія.

ж) Причисленіе незаконныхъ дѣтей къ законнымъ, вслѣдствіе вступленія родителей ихъ въ бракъ между собою.

з) Назначеніе денежныхъ пособій, пенсій, арендъ и наградъ.

и) Разсрочка и сложеніе казенныхъ взысканій.

і) Возвращеніе правъ состоянія, облегченіе участи состо-

ящихъ подъ наказаніемъ, освобожденіемъ содержащихся подъ стражею.

к) Съ представленіемъ проектовъ по разнымъ предпріятіямъ и изобрѣтеніямъ.

Жалобы были двухъ родовъ:

1) На поступки частныхъ лицъ

и 2) На дѣйствія присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ.

Жалобы перваго рода преимущественно подавались:

а) на личныя оскорбленія,

б) на нарушеніе супружескихъ обязанностей съ просьбами женъ о снабженіи ихъ видами для отдѣльнаго проживанія и обезпеченіи ихъ существованія на счетъ мужей;

в) на обольщеніе дѣвицъ;

г) на неповиновеніе дѣтей родителямъ и на злоупотребленіе родительскою властью;

д) на неблаговидные поступки родственниковъ по дѣламъ о наслѣдствѣ;

е) на злоупотребленія опекуновъ;

ж) по дѣламъ о подлогѣ и несоблюденіи формъ въ составленіи духовныхъ завѣщаній и

з) помѣщиковъ на крестьянъ и обратно.

Жалобы второго рода преимущественно обращены были:

а) на бездѣйствіе или медленность по денежнымъ взысканіямъ;

б) на пристрастіе, медленность и упущенія при производствѣ слѣдствій при разсмотрѣніи дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, при исполненіи судебныхъ рѣшеній и приговоровъ и

в) на оставленіе просьбъ и жалобъ безъ разрѣшенія со стороны начальствующихъ лицъ.

Въ нѣкоторыхъ просьбахъ и жалобахъ заключались, кромѣ того, указанія на злоупотребленія частныхъ лицъ по взносамъ казенныхъ пошлинъ, по порубкѣ и поджогу казенныхъ лѣсовъ, по питейнымъ откупамъ, по подрядамъ и поставкамъ и т. п.

Каждой просьбѣ или жалобѣ, поданной въ III отдѣленіе, давалось направленіе не иначе, какъ по убѣжденіи въ ея основательности. Смотря по свойству дѣлъ, онѣ или представляемы были на высочайшее благовоззрѣніе съ испрошеніемъ надлежащаго разрѣшенія, или оканчивались примирительнымъ соглашеніемъ истца и отвѣтчика, или же передава-

лись на зависящее распоряженіе подлежащихъ властей. По нѣкоторымъ дѣламъ оказывалось необходимымъ настаивать на скорѣйшемъ и правильномъ ихъ разрѣшеніи чрезъ начальствующихъ лицъ, къ вѣдомству которыхъ они, по роду своему, относились. Просьбы и жалобы, оказавшіяся неосновательными, оставляемы были безъ движенія. Число просьбъ и жалобъ, оставленныхъ безъ движенія, составляло обыкновенно отъ десяти до пятнадцати процентовъ общаго ихъ количества.

Февральская революція во Франціи и рядъ политическихъ безпорядковъ, почти одновременно взволновавшихъ въ 1848 г. всю западную Европу, не могли пройти совершенно безслѣдно и для нашего отечества, въ особенности для западной его окраины.

Еще въ 1846 г. смуты въ Познани, Краковѣ и Галиціи вызвали въ населеніи Царства Польскаго и западныхъ губерній сильное возбужденіе умовъ и, если бы познанскіе и галиційскіе поляки успѣли произвести полное возстаніе, то нѣтъ сомнѣнія, что и въ Царствѣ многіе, сбросивъ съ себя личину, послѣдовали бы заграничному примѣру.

Такое настроеніе поляковъ поддерживалось прибывавшими изъ-за границы эмиссарами.

Въ 1848 г. поляки съ живѣйшимъ участіемъ слѣдили за политическими событіями на западѣ и возлагали свои надежды на успѣхи заграничныхъ революціонеровъ. Общее тревожное настроеніе умовъ выразилось разными слухами и толками, храненіемъ оружія и возмутительныхъ сочиненій, появленіемъ прокламацій, отдѣльными случаями злоумышленія и безпорядковъ и, наконецъ, бѣгствомъ за границу, принявшимъ столь значительные размѣры, что только въ 1848 и 1849 гг. изъ одного Царства Польскаго бѣжало болѣе 1500 человѣкъ. Если общественное спокойствіе и не было нарушено, то единственно вслѣдствіе энергическихъ мѣръ, своевременно принятыхъ, и сосредоточенія въ краѣ достаточнаго числа войскъ.

Собственно въ Россіи не было никакого повода опасаться волненій или безпорядковъ. Общее настроеніе русскаго общества отличалось не только полнымъ спокойствіемъ, но даже нѣкоторою вялостью. Еще въ 1843 г. наблюденіе указывало, что „высшее общество, которое въ прежнее время дозволяло себѣ разсуждать о дѣйствіяхъ правительства, гласно хваля или порицая принимаемыя имъ мѣры, уклоняется нынѣ отъ подобныхъ сужденій и ко всему хранитъ какое-то равнодушіе

то же самое замѣчается и въ другихъ слояхъ общества — всѣ какъ будто поражены какою-то апатіею". Но и въ этомъ апатическомъ обществѣ молодежь не могла остаться ко всему безучастною, и въ средѣ ея начинали мало-по-малу распространяться ученія, увлекавшія юные умы новизною. Первые рѣзкіе признаки проникновенія къ намъ западныхъ соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій представило дѣло Петрашевскаго. Хотя здѣсь не было, собственно говоря, ни заговора, ни даже организованнаго тайнаго общества, но все-таки нельзя было не обратить особеннаго вниманія на сборище молодыхъ людей, которые, заразившись заграничнымъ ученіемъ соціализма и гражданскаго равенства, мечтали о распространеніи ихъ и въ Россіи, для произведенія политическаго переворота.

Въ видахъ охраненія нашего отечества отъ наплыва разрушительныхъ теорій, волновавшихъ западную Европу, высочайше повелѣно было принять рѣшительныя и энергическія мѣры, большая часть коихъ была возложена на III отдѣленіе: послѣдовало распоряженіе о строжайшемъ наблюденіи за всѣми иностранцами, въ особенности же французами, проживающими въ предѣлахъ имперіи, запрещенъ былъ въѣздъ въ Россію первоначально французамъ, а вскорѣ и прочимъ европейцамъ, за весьма незначительными исключеніями, русскимъ подданнымъ выѣздъ за границу разрѣшался не иначе какъ но особо важнымъ, исключительнымъ причинамъ, тѣмъ же, которые находились уже за границею, сдѣлано было приглашеніе возвратиться въ отечество; ввозъ иностранныхъ книгъ былъ подвергнутъ новымъ правиламъ, лишавшимъ книгопродавцевъ возможности съ прежнею легкостью распространять запрещенныя сочиненія; произведены были обыски во многихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, Москвы, Риги и Дерпта, причемъ найденныя въ значительномъ числѣ недозволенныя цензурою книги были конфискованы, а виновные книгопродавцы преданы суду; усилено наблюденіе за ходомъ воспитанія въ Россіи, за литературою и особенно за журналистикою, учреждены особые комитеты — одинъ для разсмотрѣнія всѣхъ русскихъ журналовъ послѣднихъ лѣтъ и другой для наблюденія за всѣми журналами и книгами, выходящими въ Россіи, повелѣно дополнить цензурный уставъ, а цензорамъ подтверждено обращать бдительное вниманіе на журнальныя статьи. Особенно сильное развитіе получила при этомъ одна отрасль дѣятельности III отдѣленія — на-

блюденіе за иностранцами, которые обязаны были, немедленно по прибытіи ихъ въ столицу, являться въ отдѣленіе. Собираніе о нихъ подробныхъ справокъ и свѣдѣній, личный распросъ являвшихся, разрѣшеніе прибыть въ имперію или остаться въ Россіи, высылка за границу, принятіе ихъ въ подданство — входили въ кругъ обязанностей отдѣленія. Кромѣ того, ежегодно былъ командируемъ особый чиновникъ, на время навигаціи, въ Кронштадтъ для повѣрки видовъ прибывавшихъ иностранцевъ и для зависящихъ распоряженій о пропускѣ ихъ въ предѣлы имперіи или о неразрѣшеніи имъ пребыванія въ ней.

Точно также усилилось въ это время наблюденіе, устроенное за границею, какъ вслѣдствіе расширенія революціонной дѣятельности польской эмиграціи, такъ и потому, что въ это время начинаетъ зарождаться и собственно русская эмиграція.

Еще въ 1843 г. III отдѣленіе обратило вниманіе на дѣятельность первыхъ русскихъ выходцевъ: князя Петра Долгорукова и Ивана Головина во Франціи и Бакунина въ Швейцаріи. Послѣдній затѣмъ прибылъ также во Францію, гдѣ сблизился съ поляками, и хотя передъ февральскою революціею былъ высланъ оттуда вмѣстѣ съ Головинымъ, но при перемѣнѣ обстоятельствъ немедленно возвратился въ Парижъ. Послѣ того онъ принималъ участіе въ безпорядкахъ во Франкфуртѣ и Прагѣ, былъ однимъ изъ главныхъ руководителей мятежа въ Дрезденѣ и, наконецъ, взятый съ оружіемъ въ рукахъ, былъ выданъ австрійскому правительству, которое препроводило его въ 1850 г. въ наши предѣлы.

Въ 1848 г. къ числу русскихъ выходцевъ присоединился и Герценъ, поселившійся въ началѣ пятидесятыхъ годовъ въ Лондонѣ. Здѣсь въ 1852 г. онъ основалъ русскую типографію и напечаталъ въ ней первые свои возмутительные листки: „Юрьевъ день", „Воззваніе къ русскому народу" и „Крещеная собственность", съ цѣлью распространенія ихъ въ Россіи. Все это требовало особыхъ усиленныхъ мѣръ, усиленнаго наблюденія, какъ за границей, такъ и въ Россіи. А между тѣмъ наступало тяжелое время для нашего отечества. Началась турецкая война, наступала крымская кампанія. Обстоятельства требовали крайняго напряженія всѣхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ Россіи. Правда, внѣшняя опасность вызвала общее патріотическое настроеніе и сплотила всѣхъ преданностью царю и отечеству: со времени объявленія войны повсюду въ Россіи водворилось совершенное спокойствіе и

даже всѣ недоброжелательные безыменные доносы, такъ часто тревожившіе правительство, внезапно прекратились; но тѣмъ не менѣе многія еще обстоятельства требовали неусыпнаго наблюденія и вызывали усиленную дѣятельность III отдѣленія.

Всѣ польскія провинціи имперіи находились въ глухомъ броженіи и, разсчитывая на пораженіе русскихъ войскъ, готовились возстать при помощи иноземцевъ и втайнѣ мечтали объ освобожденіи. Польская и русская эмиграція посылали въ Россію эмиссаровъ и стремились наводнить ее возмутительными воззваніями и брошюрами, изготовлявшимися лондонскою польско-русскою типографіею. Даже въ русскихъ губерніяхъ не рѣдко распоряженія правительства, вызванныя потребностями военнаго времени, вызывали недоумѣнія, которыя могли повести къ прискорбнымъ безпорядкамъ, въ особенности между крѣпостнымъ населеніемъ. Такъ, въ 1854 г. послѣ обнародованія правилъ относительно пріема крестьянъ, желающихъ поступить въ военную службу и въ морское ополченіе, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ первоначально Тамбовской губерніи, разнеслись превратные слухи, будто тѣ семейства, изъ которыхъ поступятъ на службу охотники, будутъ освобождены отъ крѣпостного состоянія и казенныхъ повинностей. Вслѣдъ затѣмъ, многіе помѣщичьи крестьяне являлись въ Тамбовъ, не имѣя на то дозволенія. Ихъ отправляли обратно къ помѣщикамъ, но они начали тайно уходить въ Москву, распространяя на пути тѣ же слухи и увлекая за собою жителей другихъ губерній. По полученіи первыхъ о томъ извѣстій, предписано было мѣстнымъ жандармскимъ штабъ-офицерамъ содѣйствовать губернскимъ начальствамъ къ опроверженію слуховъ, удерживать бѣжавшихъ и стараться обнаруживать подстрекателей, а затѣмъ командированы были флигель-адъютанты для производства дознаній. Между тѣмъ въ Москвѣ было задержано и выслано обратно, подъ воинскимъ конвоемъ, до 1500 крестьянъ Тамбовской, Рязанской, Нижегородской и Владимірской губерній. Многіе изъ скрывавшихся, узнавъ объ этомъ, возвратились въ дома свои добровольно, и, такимъ образомъ, волненіе было прекращено.

Подобное же движеніе крестьянъ происходило и въ нѣсколькихъ имѣніяхъ губерній Воронежской, Пензенской, Тверской и въ одномъ помѣстьѣ С.-Петербургской, но по принятымъ мѣрамъ бѣжавшіе крестьяне были скоро возвращены на свои мѣста и порядокъ вездѣ возстановленъ.

Высочайшій манифестъ о сборѣ государственнаго ополченія во всѣхъ губерніяхъ былъ принятъ съ чувствомъ глубокаго патріотизма, но были и частные случаи неблагонамѣреннаго характера, какъ между дворянами, такъ и между сельскимъ населеніемъ. Въ Кіевской губерніи, особенно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ еще памятно казачество, помѣщичьи крестьяне православнаго исповѣданія просили дозволенія ополчиться всѣмъ съ зачисленіемъ ихъ въ казаки и съ освобожденіемъ отъ работъ на помѣщиковъ. Между ними явились и подстрекатели: одинъ изъ нихъ читалъ крестьянамъ воззваніе будто бы англичанъ и французовъ о возмущеніи противъ правительства.

Крестьяне силою отобрали у него воззваніе, но онъ успѣлъ скрыться и потомъ пробраться за границу. Хотя это обстоятельство и показываетъ, что цѣлью крестьянъ было не возмущеніе, но тѣмъ не менѣе безпорядки усиливались, такъ что въ нѣкоторыя селенія пришлось ввести воинскія команды, а въ другихъ дѣйствовать вооруженною силою. Подобное же движеніе обнаружилось и въ Воронежской губерніи, гдѣ тоже пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, а также въ Пермской и Нижегородской.

Продолжительная война оставила тяжелые слѣды на населеніи. Первоначальный энтузіазмъ остылъ, жертвы и лишенія становились ощутительнѣе, общая нужда возростала. III отдѣленіе видѣло все это и еще въ началѣ 1855 г. всеподданнѣйше представляло, что война чрезвычайно тягостна для Россіи: „рекрутскіе наборы, ополченіе, прекращеніе торговли и промысловъ умножаютъ нужды и бѣдность, и хотя русскіе готовы переносить и дальнѣйшія бѣдствія, но если бы правительство, сохраняя твердость и свое достоинство, достигло мира, на условіяхъ честныхъ, то это было бы общею радостью въ имперіи“.

Восшествіе на престолъ вашего императорскаго величества возродило надежды Россіи, возлагавшей свои упованія на давно извѣстную всѣмъ благость вашего сердца. Тяжки были первые мѣсяцы вашего царствованія, но рука Всевышняго отвратила дальнѣйшія бѣдствія отъ нашего отечества. Миръ, дарованный вашимъ величествомъ, былъ первымъ шагомъ къ быстрому возрожденію Россіи. Тяжкія стѣснительныя мѣры, вызванныя необходимостью въ послѣдніе годы царствованія августѣйшаго вашего родителя, были отмѣнены, милости, дарованныя государственнымъ и полити-

ческимъ преступникамъ, освобожденіе ссыльныхъ и снятіе со многихъ лицъ полицейскаго надзора оживили надеждою сердца всего населенія; облегченіе цензурныхъ условій возродило литературу; расширеніе доступа къ высшему образованію успокоило родителей за участь дѣтей, общія льготы и мѣры экономическія, какъ, напримѣръ, указъ о сооруженіи первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, дали новую жизнь торговлѣ и промышленности, наконецъ, обнародованіе перваго высочайшаго рескрипта объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ положило краеугольный камень новому гражданскому устройству русскаго народа.

Польская эмиграція съ безпокойствомъ слѣдила за всѣми дѣйствіями нашего правительства. Амнистія 15 мая 1856 г. была для ея вождей первымъ ударомъ: несмотря на ихъ противодѣйствіе, въ одинъ годъ болѣе тысячи польскихъ выходцевъ воспользовались царскою милостью. И въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ все было спокойно, но, какъ кажется, это спокойствіе было только наружнымъ. По крайней мѣрѣ, въ это же время распространялась рукопись „Pro publico bono", въ которой студентамъ московскаго университета совѣтовалось избѣгать сборищъ, возбуждающихъ подозрѣніе правительства, тайно поддерживать другъ въ другѣ любовь къ родинѣ, трудиться въ самомъ центрѣ Россіи, Москвѣ для приготовленія людей, которые, при первомъ удобномъ случаѣ, были бы готовы стать въ ряды поборниковъ польской независимости. Въ то же время на дворянскихъ выборахъ въ Каменецъ-Подольскѣ и другихъ губерніяхъ, гдѣ въ средѣ дворянства преобладалъ польскій элементъ, между дворянами замѣчалась какая-то небывалая прежде самонадѣянность, большее чѣмъ когда-либо отчужденіе отъ чиновниковъ правительства и явное къ нимъ нерасположеніе.

Русскіе выходцы тоже употребляли всѣ усилія, чтобы возбудить волненіе умовъ въ Россіи. Изданія князя Долгорукова и въ особенности Герцена, основавшаго въ 1857 г. „Колоколъ", проникали всевозможными путями въ наше отечество, гдѣ производили вредное вліяніе въ особенности на молодежь высшихъ учебныхъ заведеній, требовавшую себѣ все большей и большей свободы и самостоятельности. Нерѣдко слабость начальства, искавшаго популярности между молодыми людьми, давала поводъ къ безпорядкамъ. Такъ, въ университетѣ св. Владиміра было еще въ 1857 г. нѣсколько случаевъ неприличнаго поведенія со стороны сту-

дентовъ вслѣдствіе потворства начальства, дозволившаго имъ учредить свое судебное общество. Въ Казани и въ Москвѣ студенты предъявляли даже профессорамъ требованія о выходѣ ихъ въ отставку, а въ Петербургѣ заставили попечителя принять отъ нихъ просьбу объ утвержденіи за ними гражданскихъ правъ. Студенты медико-хирургической академіи, получивъ копію съ этого прошенія, прислали отъ себя депутатовъ въ университетъ съ объявленіемъ, что президентъ академіи принялъ въ ихъ дѣлѣ живое участіе. Всѣ эти волненія, происходившія отъ тлетворнаго вліянія заграничныхъ изданій, а также и нашихъ журналовъ, наполнявшихся толками о необходимости измѣненій въ порядкѣ общественной жизни, не могли не обращать на себя вниманія III отдѣленія, которое указывало на нихъ подлежащимъ начальствамъ и постоянно настаивало на устраненіи такихъ ненормальныхъ явленій въ средѣ учащагося юношества.

Наша періодическая печать, нерѣдко злоупотребляя дарованнымъ ей облегченіемъ цензурнаго положенія, постепенно принимала исключительно обличительный характеръ, направленный, если не противъ правительства, то противъ администраціи. Журналистика подвергала обсужденію, иногда легкомысленному, самыя основы государственнаго и общественнаго строя: религія, авторитетъ государства, семья — все подвергалось колебанію и отрицанію, обезпеченіе за всѣми членами государства гражданской и политической полноправности становилось общимъ требованіемъ. Такое направленіе нашей печати возбуждало и поддерживало общее броженіе умовъ и какъ бы подавало руку тайно водворяемымъ изъ-за границы русскимъ революціоннымъ изданіямъ, направленнымъ противъ существующаго въ Россіи порядка и противъ самой монархіи. Число этихъ изданій съ 1857 г. начинаетъ быстро возрастать; многіе парижскіе, лейпцигскіе и берлинскіе книгопродавцы принимаются за изданіе русскихъ запрещенныхъ сочиненій, русскія типографіи, кромѣ Лондона, открываются въ Парижѣ, Берлинѣ, Карсруэ, Гамбургѣ и особенно въ Лейпцигѣ. Всѣ эти изданія проникали въ Россію, несмотря на неоднократныя распоряженія къ строжайшему наблюденію по границамъ, и распространялись въ значительномъ числѣ, сперва въ столицахъ, а потомъ и внутри имперіи. Мало того: въ 1859 г. начали появляться литографированныя копіи съ запрещенныхъ сочиненій, и III отдѣленіе успѣло открыть нѣсколько виновниковъ въ подобныхъ попыткахъ.

Даже въ высшемъ сословіи русскаго народа — дворянствѣ — замѣчалось особенное, ненормальное настроеніе. На дворянскихъ выборахъ въ Твери, Рязани, Владимірѣ и Орлѣ обнаружилась незаконная агитація; при выборахъ въ Псковѣ дворяне выражали открытое противодѣйствіе губернатору и всему, что прежде имѣло вліяніе.

Между тѣмъ и сельское населеніе не было совершенно спокойно. Съ одной стороны, ожиданіе освобожденія, часто нетерпѣливое, съ другой — стѣснительныя мѣры нѣкоторыхъ помѣщиковъ для заблаговременнаго обезземеленія крѣпостныхъ, все это вызывало нерѣдкія волненія въ средѣ помѣщичьихъ крестьянъ, не съ прежнимъ терпѣніемъ сносившихъ свое крѣпостное положеніе. Число случаевъ неповиновенія крестьянъ и безпорядковъ между ними постоянно возростало. Въ 1858 г. случаевъ неповиновенія крестьянъ было 86, при чемъ замѣчено 22 подстрекателя; убито крестьянами 4 помѣщика и 10 управителей, безуспѣшныхъ покушеній было 14. Въ 1859 г. случаевъ неповиновенія крестьянъ 90, подстрекателей 36, убито 4 помѣщика и 9 управителей, безуспѣшныхъ покушеній 16. Въ 1860 г. случаевъ неповиновенія 108, подстрекателей 55, убито 5 помѣщиковъ и 16 управителей, безуспѣшныхъ покушеній 33. Точно также возрастаетъ и съ другой стороны число случаевъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крѣпостными. Въ 1858 году въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами изобличено 48 помѣщиковъ и 11 управителей, случаевъ смертельнаго наказанія 46, отъ жестокихъ наказаній было 16 мертворожденныхъ младенцевъ. Въ 1859 г. въ дурномъ обращеніи съ крестьянами изобличено 56 помѣщиковъ и 23 управителя, случаевъ смертельнаго наказанія 55, мертворожденныхъ младенцевъ 17. Въ 1860 г. въ жестокомъ обращеніи обличены 69 помѣщиковъ и 32 управителя, случаевъ смертельнаго наказанія 65, мертворожденныхъ 25. Въ виду этихъ прискорбныхъ фактовъ, III отдѣленіе энергически указывало на необходимость скорѣйшаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, указывало и въ 1858, и въ 1859, и въ 1860 гг., обращая вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе правительства и на тѣ стороны этого вопроса, которыя требовали особенно тщательнаго обсужденія, и на тѣ изъ нихъ, которыя могли подать поводъ къ недоумѣніямъ или раздраженію. Въ то же время отдѣленіе заботливо обсуждало и предпринимало мѣры, необходимыя для сохранія общественнаго спокойствія въ моментъ окончательнаго разрѣшенія.

Когда этотъ благословенный для всей Россіи день наступилъ, когда узы, связывавшія милліоны населенія, пали по волѣ монарха-освободителя, отдѣленіе обратило особенное вниманіе какъ на то впечатлѣніе, которое освобожденіе крестьянъ произвело на всѣ классы народа, такъ и на образъ дѣйствія лицъ, на которыхъ возложено было исполненіе монаршей воли. Отдѣленіе засвидѣтельствовало передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что обнародованіе высочайшаго манифеста объ освобожденіи крестьянъ сопровождалось вездѣ тишиною и замѣчательнымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи проявленіемъ трезвости. Къ сожалѣнію, этотъ порядокъ былъ вскорѣ нарушенъ, но при тщательномъ изысканіи причинъ крестьянскихъ возмущеній, постояннаго злоумышленнаго подстрекательства нигдѣ не обнаружено и намѣреннаго неповиновенія высочайше утвержденнымъ правиламъ не оказалось: одно опасеніе уклониться отъ царской воли и вновь подвергнуться крѣпостной зависимости доводило крестьянъ до ослушанія, по сомнѣнію вообще въ помѣщикахъ и чиновникахъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ обвиняли въ сокрытіи настоящаго манифеста.

Точно также сочувственно относилось отдѣленіе и къ дѣятельности первыхъ мировыхъ посредниковъ, большинство которыхъ безпристрастнымъ и дѣльнымъ разбирательствомъ недоумѣній и споровъ оказались весьма полезными въ дѣлѣ устройства крѣпостного состоянія; но тѣмъ не менѣе обращало вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на дѣйствія тѣхъ изъ нихъ, которые выказали себя несоотвѣтствующими своему значенію.

Въ то время, когда великое дѣло освобожденія милліоновъ осуществлялось съ такимъ спокойствіемъ, на дворянскихъ выборахъ все еще продолжалось, и даже усиливаясь, то движеніе, которое началось еще въ 1858 г. На выборахъ въ Тульской губерніи составленъ былъ всеподданнѣйшій адресъ объ образованіи комиссіи изъ выборныхъ отъ каждой губерніи собственниковъ для обсужденія изготовляемыхъ узаконеній. Въ Твери дворянство составило всеподданѣйшее прошеніе, въ которомъ заявило: 1) несостоятельность закона 19 февраля 1861 г., 2) необходимость предоставленія земли крестьянамъ въ собственность, 3) несостоятельность сословныхъ привилегій и 4) несостоятельность правительства удовлетворить потребностямъ общества, при чемъ указывался и единственный, неизбѣжный къ этому путь — собраніе пред-

ставителей всего народа, безъ различія сословій. Въ томъ же 1861 г. начали появляться и распространяться возмутительныя воззванія „Великоросъ“ и „Къ молодому поколѣнію“, подстрекавшія къ измѣненію существующаго образа правленія и потрясенію общественнаго порядка. III отдѣленіе дѣятельно разыскивало составителей и распространителей преступныхъ воззваній, и они были, по открытіи ихъ, преданы суду.

Но, преслѣдуя и раскрывая виновныхъ, отдѣленіе не разсчитывало на одну грозу казни для успокоенія взволнованнаго общества и главную силу правительства видѣло въ его передовой, преобразовательной дѣятельности. „Правительство, — замѣчаетъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1861 г., — составляя стражу государства, должно употреблять всѣ средства, дабы удержать въ рукахъ своихъ знамя начатаго имъ движенія, неуклонно руководствуясь правиломъ подавлять преступные замыслы возмутителей систематическою послѣдовательностью дѣйствій, безпристрастною справедливостью и силою закона.

Безпорядки въ университетахъ продолжались и даже возростали, принимая отчасти политическій характеръ. Правительство увидѣло необходимость возвратить учащееся юношество къ его истинному назначенію — занятію наукой; учрежденъ былъ особый комитетъ для обсужденія мѣръ о надзорѣ за студентами, и составленныя имъ правила удостоились высочайшаго утвержденія. Но новыя правила показались университетской молодежи, успѣвшей уже привыкнуть къ своеволію и распущенности, слишкомъ стѣснительными. Къ тому же явились подстрекатели, разсчитывавшіе воспользоваться увлеченіемъ и довѣрчивостью юности для своихъ преступныхъ цѣлей. Возникли безпорядки, первоначально въ петербургскомъ университетѣ, потомъ въ Москвѣ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ и даже въ петербургской духовной академіи. Безпорядки въ с.-петербургскомъ университетѣ, вызвавшіе сочувствіе воспитанниковъ другихъ учебныхъ заведеній, молодыхъ офицеровъ и лицъ разныхъ званій, приняли, благодаря подстрекательствамъ, уличный характеръ, и для ихъ усмиренія потребовалось содѣйствіе войскъ. Виновные, въ числѣ 327 человѣкъ (въ томъ числѣ 63 постороннихъ) были заключены въ крѣпость, и дѣло о нихъ поручено особой слѣдственной комиссіи. Въ Москвѣ также изъ 39 зачинщиковъ оказалось 17 постороннихъ университету лицъ.

III отдѣленіе обратило особенное вниманіе на участіе въ

университетскихъ безпорядкахъ постороннихъ подстрекателей и вскорѣ пришло къ убѣжденію въ тѣсной связи ихъ съ распространителями возмутительныхъ воззваній и вообще съ тѣмъ враждебнымъ правительству кружкомъ, который слѣдовалъ внушеніямъ лондонскихъ выходцевъ.

Къ Герцену еще въ 1857 году присоединился другъ его дѣтства и единомышленникъ Огаревъ, а въ концѣ 1861 года, прибылъ туда же и Бакунинъ, успѣвшій бѣжать изъ Сибири. Этотъ новый тріумвиратъ заправлялъ изъ Лондона всею русскою революціонною партіею и поддерживалъ съ нею постоянныя тайныя сношенія. Наблюденіе успѣло раскрыть эти отношенія, и своевременный арестъ одного лица, прибывшаго изъ Лондона съ бумагами и письмами, повелъ къ обнаруженію главныхъ виновниковъ. Участники злонамѣренныхъ дѣйствій оказались не только въ столицахъ, но почти во всѣхъ частяхъ Россіи, даже самыхъ отдаленныхъ: въ Сибири, на Кавказѣ, въ Оренбургской губерніи. Дѣло о нихъ передано было въ секретную слѣдственную комиссію, учрежденную подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Голицына.

Въ ту же комиссію было передано дѣло о распространителяхъ возмутительныхъ воззваній, появившихся въ столицѣ весною 1862 г. Распространеніе ихъ, случайно или умышленно, совпало съ страшными пожарами, почти одновременно вспыхнувшими въ разныхъ, отдаленныхъ одна отъ другой, частяхъ Петербурга. Пожары эти, которые и общественное мнѣніе и озлобленіе народа приписывало возмутителямъ, произвели отрезвляющее впечатлѣніе на большинство и побудили многихъ осторожнѣе относиться къ общимъ передъ тѣмъ увлеченіямъ.

Но особенно благотворное, можно сказать, дѣйствіе произвелъ на весь русскій народъ польскій мятежъ, вспыхнувшій въ январѣ 1863 г. Третье отдѣленіе непрерывно слѣдило за кознями и происками поляковъ за границею и въ Россіи и давно уже указывало на тревожные симптомы пробужденія польскаго патріотизма. Такъ, еще въ 1857 г. обращено было вниманіе на польскихъ эмигрантовъ въ Турціи и въ особенности въ Добруджѣ и на дѣятельность Чайковскаго. Въ 1857 г. не прошло незамѣченнымъ опредѣленіе дворянства Ковенской, Виленской, Минской и Волынской губерній — собрать въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сумму для вспомоществованія возвращеннымъ изъ ссылки и изъ-за границы полити-

ческимъ преступникамъ изъ дворянъ. Въ томъ же году отдѣленіе указывало на возможность вреднаго вліянія и политическаго значенія учрежденнаго въ Царствѣ Польскомъ агрономическаго общества, подъ предсѣдательствомъ графа Замойскаго, которое въ короткое время привлекло до 4 тысячъ членовъ, на мечты о возстановленіи польской народности въ юго-западномъ краѣ, мечты, выразившіяся въ адресѣ, заготовленномъ польскимъ дворянствомъ, на политическое вліяніе католицизма на поляковъ и на двусмысленную роль польскаго духовенства, явно непріязненнаго Россіи. Въ 1860 г. въ Западномъ краѣ указывалось на возбужденіе польскаго патріотизма и въ особенности между молодежью, на родъ политическаго сообщества, существующій между студентами всѣхъ областей прежней Польши, на съѣздъ въ Вильно, во время вакацій, до 180 студентовъ изъ поляковъ разныхъ русскихъ университетовъ и академій, на отчужденіе кіевскихъ студентовъ-поляковъ отъ русскихъ, на появленіе между ними національныхъ польскихъ костюмовъ и на всеподданнѣйшее прошеніе о введеніи въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія польскаго языка. Въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ Варшавѣ, польское движеніе сдѣлалось вполнѣ явнымъ: начался рядъ политическихъ и религіозныхъ демонстрацій самаго возмутительнаго характера, не оставлявшій ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ ихъ конечной цѣли. Упоминая о нихъ, отчетъ за 1860 г. присовокупляетъ: „Будущія событія покрыты мракомъ, но могутъ быть крайне горестны, если мѣры къ возстановленію порядка въ Царствѣ будутъ приняты несвоевременно или несоотвѣтственно обстоятельствамъ. Каждый день для сего драгоцѣненъ“.

Въ 1862 г. наблюденіе получило свѣдѣнія объ образованіи уже складовъ оружія на границѣ Познани и прусской Силезіи и въ Молдавіи, и заказахъ оружія въ Англіи и Бельгіи, о сформированіи Миньковскимъ въ Молдавіи изъ бѣглыхъ поляковъ отряда и о появленіи въ лѣсахъ Галиціи шаекъ, составленныхъ изъ выходцевъ не простого званія. Тайная организація, образовывавшаяся въ Царствѣ Польскомъ, также не была тайною для наблюденія.

Польское возстаніе и дипломатическое вмѣшательство западныхъ державъ вызвали единодушный взрывъ патріотизма въ Россіи. Безчисленные адресы, обращенные къ вашему величеству отъ всѣхъ сословій и изъ всѣхъ мѣстностей имперіи, представляли непреложное доказательство неизмѣнной преданности русскаго народа царю и отечеству.

Энергическія мѣры, принятыя для подавленія мятежа, дѣлали для усмиренія возмутившихся поляковъ только вопросъ времени; когда же кончилось вооруженное возстаніе, наступила пора мѣръ государственныхъ, предназначенныхъ не только успокоить потрясенный и разоренный возмущеніемъ край, но и предотвратить возможность новыхъ потрясеній.

Но ни внутреннія смуты, ни польскій мятежъ не задержали предначертаннаго вашимъ величествомъ хода обновленія Россіи. Освобожденіе крестьянъ быстро подвигалось впередъ, и хотя, съ одной стороны, естественныя въ такомъ сложномъ дѣлѣ недоразумѣнія, а съ другой — преступные происки подстрекателей вызывали во многихъ мѣстностяхъ безпорядки и неповиновеніе закону и властямъ, однакоже здравый смыслъ народа вскорѣ взялъ верхъ, волненіе постепенно стихало и въ 1864 г. дѣло приняло правильный ходъ. Такъ въ 1861 г. временнообязанными крестьянами оказано было неповиновеніе въ 1176 имѣніяхъ, при чемъ обнаружены 422 подстрекателя; воинскія команды введены въ 337 имѣніяхъ, предано суду 480 крестьянъ, наказано розгами 1807 человѣкъ. Въ 1862 г. неповиновеніе обнаружилось въ 400 имѣніяхъ, при 401 подстрекателѣ, воинскія команды введены въ 193, предано суду 510 и наказано розгами 1546 человѣкъ. Въ 1863 г. число имѣній, гдѣ обнаружилось неповиновеніе, простиралось до 386 при 206 подстрекателяхъ; предано суду 223 и подвергнуто исправительному наказанію 1280 крестьянъ. Наконецъ, въ 1864 г. уклоненія крестьянъ отъ исполненія повинностей и законныхъ требованій большею частью прекращались одними разъясненіями недоразумѣній, и число случаевъ неповиновенія понизилось до 75, при чемъ предано суду 126 человѣкъ и подвергнуто исправительному наказанію 230.

Принимая участіе въ предупрежденіи крестьянскихъ волненій, III отдѣленіе не ограничивало однакоже только этимъ участіемъ дѣятельности своей при введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. Оно въ то же время слѣдило за безпристрастнымъ и правильнымъ ходомъ дѣла и постоянно обращало особенное вниманіе на тѣ уклоненія отъ закона, которыя извращали высочайшую волю. Еще въ 1862 г. оно представляло о двусмысленномъ образѣ дѣйствій мировыхъ посредниковъ западныхъ губерніяхъ, которые, дѣйствуя постоянно въ пользу помѣщиковъ, посѣвали въ средѣ сельскаго поселенія недовѣріе къ правительству. Въ 1865 году отдѣленіе съ особеннымъ вниманіемъ отнеслось къ положенію кре-

стьянъ въ прибалтіискихъ губерняхъ и указывало необходимость содѣйствія имъ въ пріобрѣтеніи земли. Въ 1865 году отдѣленіе доводило до высочайшаго свѣдѣнія объ отягченіи положенія сельскаго населенія владѣльческихъ имѣній Пермской губерніи послѣ введенія уставныхъ грамотъ, вслѣдствіе неправильнаго, исключительно въ пользу помѣщиковъ, окончанія этого дѣла. По сношеніи по сему предмету съ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія было внесено и затѣмъ высочайше утверждено распоряженіе объ отмѣнѣ неправильныхъ дѣйствій и объ облегченіи крестьянамъ выкупа надѣла. Въ этомъ же году было также обращено вниманіе на вопросъ о надѣлѣ землею царанъ Бессарабской области.

Рядомъ съ приведеніемъ въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г. разрабатывались и вводились иныя преобразованія, имѣвшія важное значеніе въ жизни русскаго народа. Въ 1864 г. обнародовано было положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и затѣмъ новые судебные уставы. Введеніе земскихъ учрежденій вызвало расширеніе наблюденія, такъ какъ земскія собранія первое время нерѣдко выходили изъ предназначеннаго имъ круга дѣйствія и вступали въ неумѣстныя пререканія съ администраціею, какъ было, напр., въ Петербургской губерніи, гдѣ правительство даже вынуждено было прекратить на время дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

Еще большее значеніе для дѣятельности III отдѣленія имѣло введеніе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., начавшееся съ 1866 г. Отдѣленіе, въ теченіе сорока лѣтъ существованія, весьма часто вынуждено было, вслѣдствіе крайней неудовлетворительности прежнихъ судебныхъ учрежденій, принимать къ своему разбирательству дѣла спорныя и тяжебныя, подлежавшія по закону разбирательству судебному. Въ иныхъ же случаяхъ со стороны отдѣленія принимались мѣры къ устраненію злоупотребленій или непомѣрной медленности, равномѣрной иногда совершенному отсутствію правосудія. Такъ, напр., въ мартѣ 1865 г. севастопольскій купецъ Диковскій подалъ въ отдѣленіе жалобу на медленность дѣйствій присутственныхъ мѣстъ Таврической губерніи по дѣлу, возникшему въ 1844 г., о взысканіи въ его пользу съ почетнаго гражданина Короткова 13 т. рубл. Оказалось, что дѣло Диковскаго въ іюнѣ 1844 г., было передано изъ таврическаго губернскаго правленія въ бердянскую ратушу для разсмотрѣнія предъявленнаго Коротковымъ спора; но ратуша, кромѣ медлен-

ности, обычной въ низшихъ учрежденіяхъ, допустила съ Думысломъ или по безпечности утрату представленныхъ Диковскимъ документовъ. Начавшаяся послѣ того переписка о разысканіи утерянныхъ бумагъ продолжалась безплодно 10 лѣтъ. Въ 1854 г. губернское правленіе назначило формальное о томъ слѣдствіе, которое, переходя отъ одного чиновника къ другому, производилось еще 10 лѣтъ и, наконецъ, въ 1865 г. вновь поступило въ бердянскую ратушу. Такимъ образомъ, по прошествіи 21 года истецъ не только не былъ удовлетворенъ, но и доказательства его претензіи утрачены, а слѣдствіемъ никакихъ слѣдовъ ихъ существованія не обнаружено. Къ сожалѣнію, это былъ далеко не единственый фактъ въ нашемъ прежнемъ гражданскомъ судопроизводствѣ, и для устраненія многихъ подобныхъ явленій единственнымъ средствомъ представлялась, какъ неоднократно указывало III одѣленіе, коренная судебная реформа. Поэтому, со времени введенія въ нашемъ судопроизводствѣ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. III отдѣленіе, въ видахъ укрѣпленія авторитета новыхъ судебныхъ учрежденій, приняло за правило невмѣшательство въ дѣла, имѣющія характеръ спорный и потому подлежащія судебному разсмотрѣнію. Отступленія отъ этого правила допускаются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и для тѣхъ мѣстностей, гдѣ не введены еще въ дѣйствіе новые судебные уставы. Для тѣхъ же губерній, гдѣ уже дѣйствуютъ эти уставы, отдѣленіе не отказывало въ своемъ содѣйствіи исключительно въ такихъ случаяхъ, гдѣ денежные сдѣлки и договоры, по большей части заключенные между двумя сторонами еще до преобразованія судебнаго производства и нотаріальной части, совершены были на вѣру и на честное слово, безъ формальныхъ, письменныхъ обязательствъ между договаривавшимися сторонами и гдѣ, по отсутствію этихъ формальныхъ доказательствъ, потерпѣвшей сторонѣ не представлялось возможнымъ получить законное удовлетвореніе путемъ судебнаго производства. По уваженію къ этому обстоятельству, дѣла такого рода назначались къ примирительному разбирательству, которое въ большинствѣ случаевъ сопровождалось успѣхомъ при однѣхъ только нравственныхъ мѣрахъ безъ распоряженій понудительныхъ: но и по тѣмъ просьбамъ, по которымъ не достигалось совершенно удовлетворенія, разультатомъ соглашеній происходило возстановленіе, для судебнаго иска, правъ, потерянныхъ какими-либо упущеніями формальными. Когда же входить въ разбирательство жалобъ представлялось

неудобнымъ, то просителямъ разъяснялся порядокъ веденія такихъ дѣлъ, или же прошенія ихъ передавались въ подлежащія управленія.

Но несмотря однакоже на принятое отдѣленіемъ правило невмѣшательства въ дѣла, подлежащія судебному разбирательству, оно вынуждено прибѣгать къ весьма частымъ исключеніямъ изъ этого правила въ дѣлахъ, такъ называемыхъ, семейныхъ, т. е. возникающихъ по разнаго рода несогласіямъ и взаимнымъ неудовольствіямъ между лицами, находящимися въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ законъ допускаетъ зависимость личную или имущественную однихъ лицъ отъ другихъ, въ особенности же между супругами. Дѣла этой категоріи, при разбирательствѣ даже въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, не стѣсненныхъ въ своихъ приговорахъ неизбѣжною въ прежнее время формальностью, тѣмъ не менѣе не всегда приводятъ спорящихъ супруговъ къ такому судебному рѣшенію, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы самой строгой справедливости и сколько-нибудь примиряло ссорящихся между собою. Причина этого заключается въ несовершенствѣ нашихъ законоположеній, касающихся внутренней жизни супруговъ и вообще лицъ, связанныхъ узами родства, законоположеній неопредѣляющихъ съ достаточною точностью взаимныя ихъ отношенія въ случаѣ какихъ-либо между ними столкновеній, личныхъ или имущественныхъ. Законъ нашъ, повидимому, предвидѣлъ только счастливые браки и потому направленъ лишь къ тому, чтобы сдѣлать эту жизнь неразрывною; между тѣмъ при отсутствіи у насъ по закону всякихъ временныхъ сепарацій между мужемъ и женою, и при крайнихъ затрудненіяхъ и злоупотребленіяхъ, съ коими сопряжено самое производство дѣлъ бракоразводныхъ, разбирающихся до сего времени судомъ духовныхъ черезъ консисторіи, нерѣдко встрѣчаются такіе случаи, когда, при неимѣніи достаточныхъ по закону причинъ къ формальному разводу, отношенія между супругами тѣмъ не менѣе таковы, что дѣлаютъ совмѣстное сожительство положительно невозможнымъ и даже опаснымъ. Далѣе, при ихъ разлученіи, снова являются вопросы, также не разрѣшенные въ нашихъ законахъ съ достаточною точностью, относительно опредѣленія правъ на дѣтей, назначенія женѣ содержанія и т. п. Неоднократно встрѣчались случаи, что мировые судьи, видя неизбѣжность дозволить одному изъ супруговъ отдѣльное проживаніе отъ другого и затѣмъ опредѣлить права ихъ на дѣтей, и не усмат-

ривая на этотъ предметъ никакихъ указаній въ нашемъ законодательствѣ, сами обращали спорящихъ для разбирательства ихъ дѣлъ въ III отдѣленіе, которое, являясь въ подобныхъ случаяхъ единственнымъ прибѣжищемъ для терпящей стороны, принимаетъ въ ея защиту экстренныя мѣры, а при обстоятельствахъ особой важности доводитъ о нихъ до свѣдѣнія вашего величества.

Добавленіе.

Дѣлопроизводство III отдѣленія первые годы сравнительно незначительное, постепенно, по мѣрѣ развитія дѣятельности и расширенія круга дѣйствія, возростало и усиливалось. До 1838 г. ежегодное число входящихъ бумагъ колебалось между 10 и 12 тысячами, исходящихъ было до 4 тысячъ, всеподданнѣйшихъ высочайшихъ повелѣній объявлялось до двухсотъ, новыхъ дѣлъ заводилось около тысячи. Съ 1839 г. по 1861 г. исходящихъ отъ 5 до 7 тысячъ, всеподданнѣйшихъ докладовъ — отъ 300 до 600, высочайшихъ повелѣній объявлялось отъ двухсотъ до четырехсотъ пятидесяти, новыхъ дѣлъ заводилось отъ 1400 до 2 тысячъ. Съ 1862 г. по 1870 г. число входящихъ бумагъ возросло до 19—21 тысячи въ годъ, исходящихъ — до 7—8 тысячъ, всеподданнѣйшихъ докладовъ отъ 600 до 900, высочайшихъ повелѣній объявлялось отъ 400 до 800, новыхъ дѣлъ заводилось отъ 1700 до 2600. Но особенно усилилось дѣлопроизводство въ послѣднее пятилѣтіе съ 1871 г., когда число входящихъ бумагъ доходило ежегодно до 22—25 тысячъ, исходящихъ до 10—13 тысячъ, всеподданнѣйшихъ докладовъ до 1200—1570, объявленныхъ высочайшихъ повелѣній до 900—1129 и новыхъ дѣлъ до 2200—2459.

Все это обширное дѣлопроизводство велось и нынѣ ведется настоящимъ весьма незначительнымъ составомъ чиновниковъ, на которыхъ, кромѣ того, часто возлагаются весьма важныя порученія и командировки, какъ въ Россіи, такъ и за границей по дѣламъ не только отдѣленія, но и другихъ вѣдомствъ, по личнымъ просьбамъ министровъ.

Изъ этого же личнаго состава назначаются также члены во всѣ тѣ многочисленные комитеты, въ коихъ по роду возложенныхъ на нихъ занятій необходимо участіе III отдѣленія. Расходы, производимые отдѣленіемъ, точно также возростали, какъ и его дѣятельность. Въ первыя 16 лѣтъ его существованія, они постепенно возвышались отъ 70 до 165

тысячъ руб. ассигнаціями и 8600 червонцевъ, затѣмъ до 1843 года держались между 62 и 77 тысячами руб. сер. 3 и 6 тысячъ червонцевъ, съ 1844 по 1865 колебались отъ 100 до 150 тысячъ, иногда понижаясь до 90 и 85 тысячъ, и только въ 1865 г. дошли до 328 тысячъ; въ 1866 г. составили около 250 тысячъ, въ 1867 г. слишкомъ 320 тысячъ, а въ послѣднія 8 лѣтъ постоянно держались между 400 и 500 тысячъ руб. и 2100 червонцевъ. Въ этой цифрѣ расходовъ содержаніе личнаго состава отдѣленія постоянно составляло незначительный процентъ (въ настоящее время около 12—15%). Съ 13 ноября 1841 г. штатная сумма въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ оставалась почти безъ измѣненія между 40 и 43 тысячами и только съ 1 января 1873 г. ваше императорское величество всемилостивѣйше соизволили увеличить оклады служащихъ назначеніемъ имъ, кромѣ жалованія, и столовыхъ; квартирныхъ же денегъ чины отдѣленія не получаютъ и только 4 пользуются квартирой въ натурѣ".

Читая этотъ „Обзоръ", нельзя, конечно, отдѣлаться отъ мысли, что онъ является не болѣе, какъ иллюстраціею къ знаменитой легендѣ о новомъ платкѣ для „утиранія слезъ", переданномъ въ 1826 году на просьбу объ „инструкціи" для III отдѣленія его главному начальнику гр. Бенкендорфу. Но прекраснымъ отвѣтомъ на эту легенду, а слѣдовательно и на „Обзоръ" могутъ служить слова біографа императора Николая Павловича Н. К. Шильдера, котораго ужъ, конечно, никто не заподозритъ въ „лѣвизнѣ" убѣжденій: „если даже и справедлива легенда объ историческомъ платкѣ, — говоритъ Шильдеръ, — то намѣченная благая цѣль не была достигнута, а случилось какъ разъ обратное. Именно этотъ платокъ еще болѣе оросился слезами, вызванными дѣятельностью новаго учрежденія, созданнаго въ 1826 году, а первоначальная руководящая цѣль отступила на задній планъ, какъ бы стерлась въ памяти призванныхъ къ дѣлу исполнителей, и скопленное вѣками зло осталось неприкосновеннымъ на многіе годы" [1]).

И странное дѣло! Почему отчетъ за пятьдесятъ лѣтъ существованія III отдѣленія, составленный въ 1876 году, обры-

---

[1]) Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Т. I, стр. 467.

вается на первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ? Точно не было каракозовскаго дѣла и всего того „бѣлаго террора", который за этимъ дѣломъ послѣдовалъ, точно терроръ этотъ явился исключительно дѣломъ Муравьевской комиссіи, а III отдѣленіе оставалось всѣмъ послѣдовавшимъ за 4 апрѣля 1866 года событіямъ совершенно чуждымъ. Но допустимъ, что даже такъ, — ну а послѣ того какъ закономъ 19 мая 1871 года всѣ дознанія по политическимъ дѣламъ были сосредоточены въ рукахъ подчиненныхъ III отдѣленію жандармскихъ офицеровъ, начавшихъ въ одномъ только 1874 году буквально сотни дѣлъ (изъ нихъ и возникъ въ 1877 году между прочимъ процессъ 193-хъ), — почему обо всемъ этомъ секретнѣйшій „обзоръ" хранилъ столь упорное молчаніе?..

Начиная съ 1871 года, дѣятельность III отдѣленія по политическимъ дѣламъ приняла очень обширные размѣры, но оно и тогда продолжало оставаться, сверхъ того, въ своихъ занятіяхъ чрезвычайно „энциклопедичнымъ". Вотъ перечень „предметовъ занятій", которыми завѣдывали три „экспедиціи" III отдѣленія въ 1878 году[1]):

1-я экспедиція.

1. Разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ по оскорбленіямъ величества и другимъ государственнымъ преступленіямъ, составленіе по симъ дѣламъ всеподданнѣйшихъ докладовъ и объявленіе по онымъ высочайшихъ повелѣній, а иногда и мнѣній III отдѣленія.

2. Переписка о политическихъ преступникахъ изъ польскихъ уроженцевъ, ихъ заключеніи и пребываніи, о перемѣщеніи ихъ, облегченіи ихъ участи и помилованіи.

3. Переписка о выходцахъ и эмисарахъ изъ поляковъ.

4. Разсмотрѣніе и повѣрка доносовъ и заявленій политическаго свойства (смотря по содержанію).

5. Свѣдѣнія о раскольникахъ и религіозныхъ движеніяхъ.

6. О злоупотребленіяхъ и противозаконныхъ поступкахъ разныхъ лицъ, переписка о высылкѣ лицъ и установленіи за ними надзора (не политическихъ).

7. О злоупотребленіяхъ въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ (смотря по тому, какія злоупотребленія).

[1]) Приводимъ дословно.

8. О поддѣлывателяхъ фальшивыхъ денегъ.
9. О рекрутскомъ наборѣ.
10. О дѣлахъ, касающихся военнаго времени.

2-я экспедиція.

1. Весьма обширная въ настоящее время переписка по всѣмъ дѣламъ политическаго характера, производящимся въ имперіи, оканчивающимся въ правительствующемъ сенатѣ и административнымъ порядкомъ по закону 19 мая 1871 года (кромѣ дѣлъ объ оскорбленіи величества, находящихся въ 1-й экспедиціи) [1].

Произведенныя жандармскими чинами по этимъ дѣламъ на мѣстахъ дознанія передаются прокурорамъ судебныхъ палатъ, которые съ своимъ заключеніемъ представляютъ дѣла къ министру юстиціи, а отъ сего послѣдняго поступаютъ на заключеніе шефа жандармовъ.

2. Особая секретная переписка. Извлекаемыя изъ этой переписки свѣдѣнія докладываются государю императору, сообщаются гг. министрамъ памятными записками, а иногда и къ возникновенію особыхъ дѣлъ.

3. Собираніе свѣдѣній о разныхъ лицахъ, о которыхъ поступаютъ запросы изъ комиссіи прошеній насчетъ узаконенія дѣтей, изъ главнаго управленія по дѣламъ печати на счетъ разрѣшенія изданій газетъ и журналовъ, отъ с.-петербургскаго градоначальника насчетъ дозволенія открывать библіотеки, типографіи, насчетъ выдачи свидѣтельства о поведеніи для полученія права на педагогическую дѣятельность и многія другія.

4. Переписка о высылкѣ подъ надзоръ административнымъ порядкомъ лицъ политически неблагонадежныхъ.

5. Переписка по заграничнымъ свѣдѣніямъ.

6. Высылка за границу иностранцевъ.

7. Представленіе 3-дневныхъ и 7-дневныхъ вѣдомостей о происшествіяхъ въ имперіи.

---

[1]) Тутъ есть противорѣчіе, ибо 1-я экспедиція, какъ указано выше, въ перечнѣ „предметовъ своихъ занятій“ указывала прежде всего на „разсмотрѣніе слѣдственныхъ дѣлъ по оскорбленіямъ величества и другимъ государственнымъ преступленіямъ“, а 2-я экспедиція считаетъ, что въ этой области, за исключеніемъ дѣлъ объ оскорбленіи величества, все остальное лежитъ на ней. Настоящія, вѣроятно, даже не „межвѣдомственныя“, а „межэкспедиціонныя“ тренія.

8. Переписка, возникающая по агентурнымъ свѣдѣніямъ.

9. Переписка объ увольненіи за границу русскихъ подданныхъ и о принятіи въ русское подданство иностранцевъ.

3-я экспедиція.

1. Переписка по опредѣленію, перемѣщенію и увольненію лицъ, служащихъ въ III отдѣленіи, а также по представленію ихъ къ денежнымъ пособіямъ и наградамъ и вообще вся инспекторская часть относительно чиновъ отдѣленія.

2. Переписка относительно удовлетворенія служащихъ въ III отдѣленіи жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ и вообще по всѣмъ предметамъ счетной части отдѣленія.

3. Переписка по просьбамъ частныхъ лицъ объ оказаніи имъ денежнаго вспомоществованія отъ щедротъ монаршихъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

Пособія эти испрашиваются или по личнымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ главнаго начальника III отдѣленія или же черезъ сношеніе съ министромъ финансовъ, если испрашиваемая сумма не превышаетъ 100 рублей или проситель уже получалъ такія пособія въ прежніе годы. Нѣкоторымъ же лицамъ выдаются незначительныя пособія изъ отпускаемой въ отдѣленіе по смѣтѣ въ безотчетное распоряженіе главнаго начальника, такъ называемой, секретной (шефской) суммы.

4. Разбирательство и разрѣшеніе, такъ называемыхъ, семейныхъ дѣлъ, т. е. дѣлъ, возникающихъ по разнаго рода несогласіямъ и взаимнымъ неудовольствіямъ между лицами, находящимися въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ законъ допускаетъ зависимость личную или имущественную однихъ лицъ отъ другихъ, въ особенности же между супругами.

При разбирательствѣ этихъ дѣлъ III отдѣленіе вообще старается, путемъ убѣжденій, привести стороны къ миролюбивому соглашенію; если же такой результатъ не достигается, то отдѣленіе принимаетъ на себя разрѣшеніе подобныхъ дѣлъ на основаніи собранныхъ данныхъ, а при обстоятельствахъ особой важности представляетъ о нихъ на высочайшее разрѣшеніе.

5. Разсмотрѣніе и разрѣшеніе поступающихъ въ III отдѣленіе отъ лицъ всѣхъ сословій просьбъ и жалобъ *самаго разнообразнаго содержанія* (подчеркнуто въ оригиналѣ), кромѣ предметовъ политическаго свойства.

По подобнымъ просьбамъ и жалобамъ III отдѣленіе, смотря по ихъ содержанію, или сносится съ кѣмъ слѣдуетъ, въ видахъ оказанія просителямъ соотвѣтственнаго содѣйствія, или передаетъ просьбы на зависящее распоряженіе подлежащихъ властей; иногда же, по неосновательности ходатайствъ, оставляетъ ихъ безъ послѣдствій".

Таковъ безбрежный океанъ „предметовъ занятій", которымъ предавалось III отдѣленіе, искренно убѣжденное, что ему, по всѣмъ законамъ божескимъ и человѣческимъ, надлежитъ являться высшею инстанціею, творящею судъ и расправу, награждающею добрыхъ, карающею злыхъ, приводящею, „путемъ убѣжденія, къ миролюбивому соглашенію" строптивыхъ мужей и женъ, отцовъ и дѣтей, разбирающею и разрѣшающею частныя дѣла россійскихъ гражданъ „самаго разнообразнаго содержанія"... Что же касается дѣлъ политическихъ, то тутъ главному начальнику III отдѣленія, — онъ же шефъ жандармовъ, — представлялись всѣ они „на заключеніе", послѣ того, какъ дѣла эти уже разсмотрѣны прокурорами судебныхъ палатъ и министрами юстиціи. „Заключеніе" шефа, — вотъ что опредѣляло собою окончательно судьбу людей...

Уже изъ этого видно, до какой степени далекъ отъ истины вышеприведенный „Обзоръ" о дѣятельности III отдѣленія за 50 лѣтъ, имъ самимъ составленный. Истинный и безъ сомнѣнія многотомный „отчетъ" объ этомъ предметѣ, отчетъ, въ которомъ неизвѣстно, какихъ будетъ больше страницъ, — драматическихъ или юмористическихъ, — дѣло безъ сомнѣнія будущаго историка этого траги-комическаго учрежденія.

И историкъ этотъ будетъ руководствоваться навѣрно при составленіи исторіи III отдѣленія не одними только дѣлами, въ архивахъ отдѣленія хранящимися, ибо едва ли и сохранились тамъ слѣды многихъ „дѣлъ" не въ канцелярскомъ смыслѣ этого слова, а въ значеніи общечеловѣческомъ, окристаллизовавшемъ въ себѣ людскія страданія, людскую кровь и людскія слезы.

Иллюстрируемъ нашу мысль примѣромъ: въ 1914-мъ году въ Москвѣ вышла, принадлежащая перу В. Г. Черткова, маленькая книжечка, называющаяся „Страница изъ воспоминаній" (подзаголовокъ: „Дежурство въ военныхъ госпиталяхъ"). Книжечка эта прошла въ нашей печати почти незамѣченною, а между тѣмъ она очень интересна и въ частности содер-

житъ въ себѣ разсказъ про одинъ, прошедшій на глазахъ В. Г. Черткова, фактъ, весьма поучительный и имѣющій прямое отношеніе къ темѣ настоящей статьи. В. Г. Чертковъ былъ въ половинѣ 70-хъ годовъ блестящимъ офицеромъ конногвардейскаго полка. „Я тогда, — говоритъ онъ, — прожигалъ свою жизнь „во всѣ нелегкія“. Всѣмъ тремъ классическимъ порокамъ — вину, картамъ и женщинамъ, — я предавался безъ удержу, живя какъ въ чаду, съ рѣдкими промежутками душевнаго отрезвленія. Въ эти періоды внутренняго просвѣтленія я чувствовалъ отвращеніе къ своему безпутному поведенію и мучительно тяготился своимъ положеніемъ. Ища изъ него выхода, я напряженно задавался основными вопросами жизни и религіи. Однимъ изъ обстоятельствъ, имѣвшихъ на меня нравственно-благотворное вліяніе, были повторявшіяся отъ времени до времени мои дежурства въ военныхъ госпиталяхъ“. Тутъ авторъ воспоминаній встрѣчался и бесѣдовалъ съ врачами, — людьми изъ другого для него міра, — но настоящую изнанку россійской дѣйствительности открыли ему не эти бесѣды, а наблюдавшіеся имъ въ военныхъ госпиталяхъ факты самой жизни, среди которыхъ былъ и такой: во время одного изъ дежурствъ г. Черткова въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ жандармскій офицеръ привезъ туда „секретнаго“ для заключенія въ арестантское отдѣленіе въ качествѣ „душевно-больного арестанта“. Далѣе зимою 1876 года, будучи старшимъ дежурнымъ по Николаевскому госпиталю, г. Чертковъ зашелъ побесѣдовать съ дежурившимъ по арестантскому отдѣленію прикомандированнымъ къ конногвардейскому полку портупей-юнкеромъ П. „Онъ, — вспоминаетъ г. Чертковъ, — съ недоумѣніемъ разсказалъ мнѣ, что дѣлали, — какъ онъ узналъ, кажется, отъ фельдшера, — съ содержавшимся въ одиночной камерѣ политическимъ заключеннымъ: у него черезъ день то накаливали печку до послѣднихъ предѣловъ, а форточку наглухо затворяли, то вовсе не топили, держа форточку цѣлый день открытой“.

„Почти не вѣря своимъ ушамъ“, г. Чертковъ отправился къ одиночнымъ камерамъ.

„Ко мнѣ, — продолжаетъ онъ свой разсказъ, — подошелъ вышедшій изъ своего помѣщенія въ дальнемъ концѣ коридора заспанный служитель. Я его спросилъ, въ которомъ номерѣ находится политическій арестантъ. Онъ съ видимой неохотой указалъ. Я ему велѣлъ отперетъ дверь. Сразу встрепенувшись, онъ отвѣчалъ:

— Никакъ невозможно, ваше благородіе, это секретно.

— Все равно, отвори, — сказалъ я.

— Не могу-съ, не велѣно.

— Какъ не велѣно? Вѣдь, я же твой начальникъ, и я велю.

— Никакъ не могу, ваше благородіе. Самъ господинъ смотритель строго-настрого приказалъ, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не отпирать.

Не помню, чтобы во все время моей службы я когда-либо въ другой разъ кричалъ на нижняго чина. Но на этотъ разъ меня взорвало, и я накричалъ на это несчастное человѣческое существо, грозя посадить его подъ арестъ, если онъ тотчасъ же не исполнитъ моего приказанія.

Дверь отворилась.

Я вошелъ въ тѣсную камеру. Меня обдало невыносимо горячимъ, сухимъ воздухомъ. Дышать было трудно. Передо мной на узкой койкѣ сидѣлъ человѣкъ, обросшій бородой, но еще не старый. Лицо его было мертвенно-блѣдно, по цвѣту мало отличаясь отъ его рубашки. Сидѣлъ онъ, немного нагнувшись впередъ, хрипло, съ трудомъ переводя дыханіе, казалось, задыхаясь.

Подошедши къ нему и поздоровавшись, я спросилъ, чѣмъ онъ страдаетъ.

— Чахоткой, — отвѣчалъ онъ. Потомъ, взглянувъ на меня съ невыразимо страдальческимъ выраженіемъ, онъ прибавилъ:

— Не замѣчаете ли вы, какъ здѣсь натоплено?

Говорилъ онъ съ напряженнымъ усиліемъ, шопотомъ, медленно и съ разстановкою выговаривая каждое слово.

— Разумѣется, замѣчаю, — отвѣтилъ я, повернувшись къ печи и приближая къ ней руку, но не рѣшаясь ея коснуться, такъ она была накалена.

— Это они нарочно, — продолжалъ больной. — Одинъ день вотъ какъ натопятъ и форточку запрутъ, а на слѣдующій день, — вчера такъ было, — вовсе не топятъ, но форточку откроютъ. То поджариваютъ меня, то замораживаютъ. Видите, до чего довели?

— Да для чего же они это дѣлаютъ?

— Изморить хотятъ, со свѣту сжить.

— Возможно ли это? — воскликнулъ я. — Такъ оставить нельзя. Я распоряжусь, чтобы васъ перевели въ другое помѣщеніе.

Больной съ удивленіемъ на меня посмотрѣлъ. Потомъ прибавилъ.

— Нѣтъ, не дѣлайте этого. Бѣду на себя накличете. Это все по распоряженію начальства. Если переведете меня, вамъ не сдобровать. А мнѣ все равно — одинъ конецъ [1]).

В. Г. Чертковъ, тѣмъ не менѣе, заставилъ перевести больного въ другое помѣщеніе.

Мы не будемъ передавать дальнѣйшихъ перипетій этого событія, но вскорѣ больной, — тогда г. Чертковъ такъ и не узналъ его фамиліи — умеръ.

Уже впослѣдствіи, соображая, кто могъ это быть, г. Чертковъ полагаетъ, что былъ Падлевскій, на похоронахъ котораго произошла студенческая демонстрація [2]).

Читатели уже знаютъ изъ всего предыдущаго, что всѣ безъ исключенія политическія дѣла вѣдало до 1880 года III отдѣленіе. Вѣдало оно, значитъ, и дѣло Падлевскаго или того лица, которое изображено въ воспоминаніяхъ В. Г. Черткова [3]). Оно погибло трагически, будучи доставлено въ госпиталь въ качествѣ „душевно-больного" по загадочнымъ мотивамъ. Но развѣ можно предполагать, чтобы о подобнаго рода фактахъ III отдѣленіе помѣстило въ своихъ „отчетахъ" истину? Такое допущеніе было бы, разумѣется, крайнею наивностью.

И, тѣмъ не менѣе, „показаніе" III отдѣленія о самомъ себѣ, при научно-критическомъ отношеніи къ этому показанію, имѣетъ свою несомнѣнную цѣнность уже по одному тому, что оно прекрасно выражаетъ психологію памятныхъ землѣ русской „утирателей ея слезъ".

В. Богучарскій.

[1]) В. Чертковъ — Страница изъ воспоминаній (дежурство въ военныхъ госпиталяхъ). Москва 1914 г. стр. 27—32.

[2]) Демонстрація эта описана въ № 1 нелегальной газеты „Начало" за 1878 годъ.

[3]) По нѣкоторымъ соображеніямъ мы думаемъ, что это былъ не А. А. Падлевскій, а кто-то другой.

ВЕЧЕРОМЪ.

Тихій и радостный вечеръ
Не утоляетъ тоски...
Наши случайныя встрѣчи —
Такъ коротки.

Въ тихомъ безлюдьи квартала
Домикъ знакомый. Темно...
Мимо иду я устало —
Не суждено...

Слиты съ вечернею бездной,
Въ небѣ стоятъ облака...
Въ улицѣ тихой, уѣздной —
Сонъ и тоска...

Н. Лубнинъ.

ИЗЪ СОБРАНІЙ
ПУШКИНСКАГО ДОМА
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

II.

Письма К. Д. Кавелина къ А. И. Скребицкому.

1862—1883.

Письма Кавелина къ Александру Ильичу Скребицкому поступили въ Пушкинскій Домъ въ числѣ прочихъ бумагъ архива Скребицкаго; архивъ этотъ былъ завѣщанъ Скребицкимъ въ распоряженіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которое и передало его въ Пушкинскій Домъ. Среди матеріаловъ архива имѣются письма къ Скребицкому Тургенева, Герцена, Анненкова, А. Н. Пыпина, баронессы Э. Ѳ. Раденъ, Я. А. Соловьева, А. Ѳ. Кони, бар. Н. А. Корфа, К. К. Грота, А. М. Жемчужникова, В. А. Гольцева, И. И. Мечникова, Н. Х. Бунге и другихъ дѣятелей и писателей 1840—1890-хъ гг. Изъ переписки Скребицкаго мы извлекаемъ на первый разъ письма къ нему Кавелина какъ потому, что они представляютъ собою цѣнный самъ по себѣ матеріалъ, такъ и потому еще, что Кавелинъ особенно близокъ „Вѣстнику Европы“, въ которомъ онъ сотрудничалъ въ продолженіе многихъ лѣтъ; на страницахъ того же „Вѣстника Европы“ появились въ 1886—1888 гг. цѣнные очерки Д. А. Корсакова: „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина. Изъ семейной переписки и воспоминаній“, основанные на неизданныхъ документахъ и обширной его переписке. Сообщаемыя нынѣ письма дополняютъ опубликованные ранѣе матеріалы и дорисовываютъ ту картину, которая была дана Д. А. Корсаковымъ въ его другой статьѣ: „Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862—1864 гг.“, написанной на основаніи переписки Кавелина и напечатанной въ „Русской Мысли“ за 1899—1900 гг. Письма къ Скребиц-

кому вносятъ нѣкоторыя новыя черты для портрета Кавелина и сообщаютъ подробности его жизни какъ разъ за 1862—1864 гг. дополняя, такимъ образомъ, ранѣе собранный матеріалъ; въ то же время письма эти, писанныя къ лицу, съ которымъ Кавелинъ былъ связанъ многолѣтними дружескими отношеніями, отличаются большою искренностью (какъ, впрочемъ, и всѣ вообще письма Кавелина) и непосредственностью и раскрываютъ намъ его душу во всѣхъ главнѣйшихъ его переживаніяхъ: мы видимъ въ нихъ Кавелина-гражданина, болѣющаго сердцемъ за судьбы родины, Кавелина-ученаго, отзывающагося на научныя явленія, слышимъ ласковый и нѣжный голосъ Кавелина-отца, видимъ его, какъ безпристрастнаго друга— то суроваго къ ошибкамъ своего пріятеля, то веселаго и шутливаго въ минуты ощущенія товарищеской близости, — вездѣ и всегда искренняго и прямого.

Личность корреспондента Кавелина — Александра Ильича Скребицкаго, хорошо знакомая его сверстникамъ, для людей нашего времени уже мало извѣстна, а потому мы сообщимъ здѣсь краткія біографическія о немъ свѣдѣнія.

Скребицкіе считали себя по происхожденію малороссами, выходцами изъ Польши: дѣдъ Александра Ильича служилъ въ военной службѣ при Екатеринѣ II, а отецъ — Илья Никифоровичъ, былъ, въ чинѣ капитана, оберъ-гевальдигеромъ Луцкаго гренадерскаго полка, входившаго въ составъ Литовскаго отдѣльнаго корпуса, состоявшаго въ командованіи цесаревича Константина Павловича. Женатъ И. Н. Скребицкій былъ на Флорѣ Антоновнѣ Врубель (ум. въ іюнѣ 1886), родная сестра которой, Евфросинія Антоновна, была замужемъ за Антономъ Ѳедоровичемъ Арцимовичемъ, (совѣтникомъ отъ короны въ 1-мъ департаментѣ бѣлостокскаго главнаго суда)— отцомъ извѣстныхъ дѣятелей эпохи реформъ — Виктора, Адама и Антона Арцимовичей. Полкъ, въ которомъ служилъ И. Н. Скребицкій, квартировалъ въ Бѣлостокѣ, Гродненской губерніи, гдѣ А. И. Скребицкій и увидѣлъ свѣтъ 1-го мая 1827 г., при чемъ воспріемниками его были: его родной дѣдъ — совѣтникъ 4-й экспедиціи 2-го отдѣленія бѣлостокскаго областного правленія Антонъ Францовичъ Врубель и родная тетка — упомянутая Евфросинія Антоновна Арцимовичъ, рожд. Врубель [1]).

[1]) У И. Н. Скребицкаго, кромѣ сына Александра, были дочери: Анна впослѣдствіи вышедшая за А. В. Прорвича, и Софія, бывшая замужемъ за Бубновымъ.

„Въ 1837 году“, разсказываетъ Скребицкій въ черновомъ наброскѣ своей автобіографіи [1]): „я поступилъ во 2-й классъ гимназіи въ моемъ родномъ городѣ, гдѣ и пробылъ до мая 1841 г., когда былъ переведенъ въ Петербургъ, въ Инженерный кадетскій корпусъ; однако, „пишетъ онъ далѣе“: я уже въ сентябрѣ того же года вернулся домой, съ намѣреніемъ осуществить свои гимназическіе планы и вступить въ университетъ. 9-го августа 1844 г. [2]), послѣ вступительнаго экзамена, я былъ принятъ въ число студентовъ медицинскаго факультета московскаго университета. Такъ былъ я близокъ къ цѣли своихъ стремленій,—но судьба отторгла меня отъ нея, если не навсегда, то надолго. Моя мать, представлявшая себѣ обязанности врача во всей ихъ суровости, сомнѣвалась въ томъ, что ея сынъ способенъ будетъ къ этому тяжелому служенію, и запретила мнѣ занятія медициной. Я перешелъ на юридическій факультетъ, который въ то время, благодаря свободѣ, коею пользовался университетъ въ эпоху до 1848 года, насчитывалъ много хорошихъ силъ. Общенію съ ними и ихъ поощренію обязанъ я многимъ въ своемъ образованіи [3]). Особыя обстоятельства заставили меня, въ февралѣ 1847 г., покинуть московскій университетъ [4]) и перейти въ петербургскій, гдѣ я продолжалъ мои занятія до 1849 г. [5]).

---

[1]) На нѣмецкомъ языкѣ; сохранилась въ его архивѣ (№ 3653, XX б. 42).

[2]) По окончаніи курса въ бѣлостокской гимназіи. *Б. М.*

[3]) Скребицкій по его словамѣ, былъ тогда близокъ къ Герцену и его кружку. *Б. М.*

[4]) Эти „особыя обстоятельства“ заключались въ слѣдующемъ: передъ лекціей Грановскаго 22-го января 1842 г., Скребицкій занялъ для себя мѣсто у каѳедры профессора и, положивъ на него какую-то свою вещь, вышелъ, а когда вернулся, то нашелъ мѣсто свое занятымъ нѣкіимъ Соймоновымъ или Соковнинымъ, изъ группы студентовъ „аристократовъ“. На требованіе уступить мѣсто, Соймоновъ отвѣтилъ дерзостью, Скребицкій вспылилъ и бросилъ ему въ лицо чернильницей. Въ результатѣ разыгравшагося скандала Скребицкій былъ посаженъ въ карцеръ на недѣлю и только благодаря снисходительности попечителя, гр. Строганова былъ исключенъ изъ университета съ правомъ перехода въ другой университетъ. Скребицкій выѣхалъ изъ Москвы съ письмами Грановскаго къ П. А. Плетневу и И. И. Панаеву, а также съ рекомендательнымъ письмомъ Кавелина.

[5]) Скребицкій окончилъ курсъ юридическаго факультета со степенью дѣйствительнаго студента. Одно время онъ жилъ у своего богатаго дяди, тайн. сов. Александра Никифоровича Скребицкаго, имѣвшаго единственнаго сына Константина, который умеръ отъ чахотки. Ранѣе, въ Москвѣ, онъ жилъ у другого своего дяди, Степана Никифоровича Скребицкаго.

До 1853 г. я нѣсколько разъ вступалъ въ службу и снова оставлялъ ее; было бы излишне перечислять всѣ эти мѣста; коротко говоря, я перемѣнилъ мѣстъ больше, чѣмъ прослужилъ мѣсяцевъ. Преслѣдуемый постоянною мыслью объ изученіи медицины, я не могъ хорошо чувствовать себя ни на одномъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока моя мать не разрѣшила мнѣ отдаться занятіямъ медициной. 7-го августа 1853 г. отправился я съ этою цѣлью въ Дерптъ, гдѣ, въ качествѣ вольнослушателя медицинскаго факультета, посѣщалъ занятія ученой коллегіи, въ декабрѣ 1855 г. окончилъ свои общія экзамены (Philosophicum) и въ ноябрѣ 1858 г. — спеціальные (Rigurosum), а 18-го декабря того же года мнѣ была обѣщана степень доктора медицины, по предоставленіи мною требуемой фалькутетской работы. По указанію моихъ высокоуважаемыхъ учителей-профессоровъ Б. и Ш., я выбралъ себѣ тему „De succi pancreatici ad adipes et albuminates vi atque effectu“ (Dorpati Liv. 1859)“.

Дальнѣйшіе факты біографіи Скребицкаго, а также довольно подробныя свѣдѣнія о его научной и литературной дѣятельности[1]) находятся въ словарѣ Броккауза-Ефрона (т. XXX, стр. 265—266), куда мы и отсылаемъ интересующагося этими подробностями; здѣсь же мы приведемъ сохранившуюся въ его архивѣ справку о его энергичной дѣятельности на пользу слѣпыхъ, — дѣятельности, по преимуству дающей Скребицкому право на признательное воспоминаніе и благодарную память потомства.

„Работы А. И. Скребицкаго по вопросу о слѣпыхъ появляются въ печати съ 1879 г. послѣдовательно до 1903 г. Приводимъ ихъ заглавія: I. „Между слѣпыхъ солдатъ („Голосъ“, № 315, 1879 г., и „Новое Время“, № 1334); II. „Вновь открываемое въ Петербургѣ училище для слѣпыхъ дѣтей“, 1881 г., издано Маріинскимъ попечительствомъ; III. „Zur Blindenfrage in Russland“, 1882 г. „Вопросъ о слѣпыхъ въ Россіи“, — рѣчь, произнесенная на съѣздѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ, помѣщена въ „Bericht über den vierten Blindenlèhrer-congress“, стр. 154—до 187; IV. „Valentin Hauy à St.-Pétersbourg“, Paris, 1844. Переводъ, сдѣланный женою автора, Маріей Семеновной, съ рукописи. Монографія эта издана на счетъ-

---

[1]) Въ частности, въ „Вѣстникѣ Европы“ Скребицкій помѣстилъ статьи, „Очерки изъ ист[illegible]іи крестьянства въ Западной Европѣ“ (1867 г.); „А. фонъ-Гумбольдтъ“ [illegible]69 г., № 9, 10 и 12) и „А. фонъ-Гумбольдтъ въ Россіи и послѣдніе [illegible] труды“ (1871, № 7).

французскаго правительства, ко дню столѣтняго юбилея Гаюи. Впослѣдствіи подлинникъ появился въ русскомъ оригиналѣ подъ заглавіемъ: V. „Создатель методовъ обученія слѣпыхъ, Валентинъ Гаюи въ Петербургѣ; по архивнымъ источникамъ" (въ „Наблюдателѣ" 1886 г., февраль, стр. 138 до 167, мартъ стр. 301 до 340, и отдѣльной брошюрой); VI „In welchem Ver- hältnisse stehta in Russland die Fürsorge für die Blinden zu de- ren Zahl?", Bonn am Rhein, 1885. (Докладъ, сдѣланный на амстердамскомъ съѣздѣ: „Въ какомъ отношеніи находится призрѣніе слѣпыхъ въ Россіи къ ихъ числу?"); VII. „О рас- пространенности слѣпоты и распредѣленіи слѣпыхъ въ раз- ныхъ мѣстностяхъ Россіи". Рѣчь, произнесенная на первомъ Пироговскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ (помѣщена во „Врачѣ" 1886 г., № 1-й и 3-й); VIII. „Къ вопросу о чрезмѣрной рас- пространенности глазныхъ болѣзней въ Россіи и средствахъ ея предупрежденія" (написана по приглашенію С. П. Боткина для комиссіи, состоявшей подъ его предсѣдательствомъ, по улучшенію санитарныхъ условій Россіи; монографія на 54-хъ страницахъ in-folio, 1886 г.); IX. „О распространенности гной- наго воспаленія глазъ новорожденныхъ въ Воспитательныхъ домахъ и дѣтскихъ амбулаторіяхъ обѣихъ столицъ" („Труды пятаго съѣзда русскихъ врачей", 1895 г., томъ 2-й, стр. 753— 764); X. „Историческая справка по поводу распространенной у насъ глазной болѣзненности и слѣпоты" („Врачъ" 1894 г., № 20, стр. 585—587, и № 22, стр. 641—643); XI. „Обзоръ результатовъ дѣятельности попечительства о слѣпыхъ въ Россіи за 14 лѣтъ, на основаніи его отчетовъ, съ 1881 по 1894 г." (въ „Трудахъ 2-го съѣзда представителей профес- сіональнаго образованія въ Москвѣ", 1895—96. Секція XII-я); XII. Zur Blindenfürsorge in Russland, Phylantropiè und Bureau- kratie, Berlin 1899; XIII. „Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ", С.-Пб., 1903, XVI+1024 стр.

„Кромѣ того, объ участіи А. И. Скребицкаго въ первона- чальной дѣятельности совѣта Маріинскаго попечительства находятся нѣкоторыя неполныя указанія въ отчетахъ послѣд- няго: за 1881—82 г., стр. 2, 4, 14, 18—21, 25, за 1882—83 г., стр. 5, 41—42; послѣдующая же дѣятельность его, какъ упо- мянуто выше, являясь вполнѣ независимою, тѣмъ не менѣе не оставалась безъ вліянія при выясненіи разныхъ вопросовъ, касающихся нашихъ слѣпыхъ.

„Первые же слѣды участія А. И. Скребицкаго въ во- просѣ о слѣпыхъ находимъ гораздо ранѣе открытія дѣятель-

ности Маріинскаго попечительства, на страницахъ 25 до 31 отчета 1880 г. о дѣятельности главнаго попечительства для пособія нуждающимся семействамъ воиновъ послѣ окончанія послѣдней Восточной войны съ Турціей 1877—78 г.“.

Живя въ Боннѣ, Скребицкій познакомился тамъ съ молоденькою нѣмкою изъ Везеля, Маріею Stromberg, въ Россіи именовавшеюся потомъ Маріей Генриховной; она съ 1862 г. служила въ домѣ доктора Лео, у котораго квартировалъ Скребицкій, и поразила его своею кротостью и миловидностью. На ней онъ черезъ нѣкоторое время и женился, былъ счастливъ въ этомъ бракѣ, обожалъ свою жену (къ ней ниже обращены два письмеца Кавелина), но она скончалась 12-го января 1878 года. Съ 1871 г. Скребицкій жилъ въ Петербургѣ, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ № 62 [1]), принадлежавшемъ Маріи Семеновнѣ Красовской, рожд. Юрьевичъ [2]), дочери генералъ-адъютанта С. А. Юрьевича, одного изъ воспитателей Александра II и его братьевъ. Мужъ М. С. Красовской, Аполлинарій Каетановичъ, профессоръ архитектуры въ петербургскомъ университетѣ, бывшій ранѣе инспекторомъ строительнаго училища, извѣстный ученый теоретикъ и практикъ, приходился Скребицкому кузеномъ, такъ какъ первымъ бракомъ былъ женатъ на его двоюродной сестрѣ, Пелагеѣ Антоновнѣ Арцимовичъ; она скончалась въ 1863 году, 3 февраля, едва достигнувъ 40-лѣтняго возраста, а черезъ два года (въ 1865 г.) Красовскій женился вторично — на М. С. Юрьевичъ, потерявшей 13 іюня 1865 г. своего слѣпого отца, самоотверженному уходу за которымъ она отдала цѣлый рядъ лѣтъ своей молодой жизни. Когда черезъ 10 лѣтъ, 9 іюня 1875 г., М. С. Красовская овдовѣла, она въ А. И. Скребицкомъ нашла дружескую дѣйственную помощь, опору и поддержку въ житейскихъ дѣлахъ; какъ сказано, онъ нанималъ въ ея домѣ квартиру (въ которой у него была и глазная лѣчебница) и сношенія ихъ были постоянны. Черезъ нѣсколько лѣтъ добрососѣдскія отношенія завершились бракомъ, состоявшимся 2 мая 1882 г. Въ 1894 году, осенью, М. С. Скребицкую постигъ тяжелый

---

[1]) Томъ самомъ, въ которомъ жилъ и въ 1889 г. умеръ М. Е. Салтыковъ. Въ архивѣ Скребицкаго есть одно письмо Салтыкова къ М. Скребицкой.

[2]) Она унаслѣдовала этотъ домъ отъ своей родной бабки — Глафиры Сергѣевны Ниротморцовой.

недугъ (апоплексическій ударъ съ параличемъ лѣвой руки и языка), отъ котораго черезъ шесть лѣтъ она и скончалась — 22 марта 1900 г., на виллѣ Prélaz, близъ Лозанны[1]). Преданность супруговъ другъ другу была изумительная, и потому смерть Марьи Семеновны для престарѣлаго ея мужа была жестокимъ ударомъ. Слѣдующіе за симъ годы, а — ихъ судьба дала Скребицкому еще 15, — онъ медленно угасалъ, отдавшись воспоминаніямъ о женѣ и завѣщанному ею завершенію своего большого труда „Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ“ (Спб. 1903, XVI + 1024 стр.); книга эта посвящена памяти жены. Скребицкій скончался въ октябрѣ 1915 года, 88 лѣтъ отъ роду[2]). Состояніе свое онъ оставилъ на дѣла просвѣщенія и благотворенія, а свою библіотеку и собраніе гравюръ и портретовъ еще при жизни принесъ въ даръ московскому Румянцовскому Музею.

Въ рукописяхъ М. С. Скребицкой сохранилось три записи разсказовъ ея мужа объ отношеніяхъ послѣдняго къ Кавелину; мы предпосылаемъ письмомъ Кавелина эти разсказы, которые вводятъ насъ въ кругъ ихъ взаимныхъ отношеній.

„Съ Кавелинымъ [у Скребицкаго] [3]) возобновились отношенія въ Петербургѣ благодаря случайности.

„Поступивъ въ петербургскій университетъ, Скребицкій неохотно бывалъ на лекціяхъ: профессора его не удовлетворяли; онъ работалъ дома, живя скудно. Разссорившись съ дядей Александромъ Никифоровичемъ, онъ часто довольствовался однимъ чаемъ съ хлѣбомъ и сыромъ. Посѣщая изрѣдка университетъ, разъ, проходя по коридору, ему попался на глаза абонементный билетъ на журналъ „Современникъ“ съ фамиліей и адресомъ проф. Кавелина. А. И. не слыхалъ съ Москвы о Кавелинѣ и не подозрѣвалъ его присутствія въ Петербургѣ. По означенному адресу Скребицкій разыскалъ Кавелина, который принялъ его радушно, просилъ зайти еще, говоря, что ждетъ скоро жену изъ деревни. Абонементный билетъ былъ выроненъ Валентиномъ Ѳеодоровичемъ Коршемъ, братомъ жены Константина Дмитріевича Кавелина. Послѣдній

---

[1]) Біографія — въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, т. XXX, стр. 266; некрологъ въ „Вѣстн. Европы“ 1900 г., кн. 6, стр. 832—834.

[2]) Некрологи: въ „Новомъ Времени“ 1915 г., № 14184; „Историч. Вѣстникъ“ 1915 г., ноябрь, стр. 702—703.

[3]) Онъ былъ знакомъ съ Кавелинымъ съ 1844 г., когда поступилъ въ московскій университетъ. *Б. М.*

поручилъ зятю взять № журнала, потеряннаго билета искали всюду и, наконецъ, перестали искать. Кавелинъ и Скребицкій стали пріятелями и, наконецъ, близкими людьми. Скребицкій очень привязался къ семьѣ друга. любилъ жену и дѣтей его, съ которыми много возился. Обмѣнъ мыслей случался часто, спорили не рѣдко, однако, не расходились ни въ стремленіяхъ, ни во взглядахъ.

„За границей Кавелинъ живалъ тамъ, гдѣ Скребицкій, т. е. въ Боннѣ; семью поручалъ другу на долгіе мѣсяцы. Валентинъ Ѳедоровичъ [Коршъ] вѣрилъ Скребицкому, ихъ разговоры бывали весьма одушевленные, такъ какъ одна острота вызывала другую. Дочь Кавелина, Соня, послѣ Брюллова, очень любила Александра Ильича и съ ранняго возраста привыкла звать его Киба; такъ и звали его въ семьѣ Кавелиныхъ.

„Антонину Ѳедоровну [1]) Скребицкій звалъ „матушка". У Кавелина былъ сынъ, умершій лѣтъ 12; онъ многое обѣщалъ; дочь, совсѣмъ выдающаяся личность, умерла 25 лѣтъ. Софью Константиновну Брюллову Тургеневъ передалъ потомству [2]), очертивъ ея рѣдкія достоинства. Умная и ученая, она была необыкновенно весела, проста и мила.

„Съ Константиномъ Дмитріевичемъ Кавелинымъ Скребицкій имѣлъ разъ тяжелое столкновеніе.

„Какъ юристу и другу, въ затруднительную минуту Александръ Ильичъ обратился къ Кавелину, прося разсмотрѣть спорное его дѣло и рѣшить третейскимъ судомъ, приложивъ всѣ имѣющіяся доказательства.

„По условію великая княгиня Елена Павловна обязалась платить Скребицкому за все время, проведенное имъ, по ея просьбѣ, у гр. Киселева, лишнихъ 160 талеровъ помѣсячно, но уплачивать она не могла тотчасъ, а въ послѣдствіи желала выплатить по частямъ.

„Скребицкій, пробывъ три года съ гр. Киселевымъ, разстался, желая быть свободнѣе. Великая княгиня поручила фрейлинѣ своей, Эдитѣ Федоровнѣ Раденъ, сдѣлать расчетъ. Раденъ, не разсмотрѣвъ достаточно всѣ доказательства, не включила суммы 9600 таллеровъ.

„Для Скребицкаго эти деньги составляли капиталъ, — онъ не могъ добровольно отказаться отъ нихъ и сталъ наста-

---

[1]) Кавелину, рожд. Коршъ.

[2]) Въ ея некрологѣ, помѣщенномъ въ „Вѣстн. Европы" 1877 г., № 11.
Б. М.

ивать на пересмотрѣ его документовъ. Кавелинъ былъ друженъ съ Раденъ и, надо полагать, отнесся не безпристрастно. Замѣсто помощи отъ Кавелина онъ получилъ отъ него тяжелое письмо, въ которомъ онъ прочелъ себѣ упрекъ и негодованіе друга. На это холодное письмо [1]) Скребицкій отвѣтилъ тѣмъ же, — и отношенія порвались.

„Прошло не мало времени, когда, при содѣйствіи бар. Гаксхаузена, спорный вопросъ о 9600 талерахъ окончился въ пользу Скребицкаго. Кавелинъ, узнавъ объ этомъ, написалъ извинительное и дружное письмо Скребицкому [2]), которое осталось безъ отвѣта.

„Нѣсколько лѣтъ длилась размолвка. Вернувшись въ Россію въ 70 году, Скребицкій не собирался возобновлять сношеній съ Кавелинымъ; любя его семью, онъ желалъ съ ней повидаться и просилъ письменно устроить свиданіе.

„Скребицкій въ ту пору былъ уже женатъ на Маріи Генриховнѣ (Stromberg) Штромбергъ. Они жили весьма скромно на Васильевскомъ Островѣ и тѣснились въ 2-хъ комнатахъ, отыскивая лучшее помѣщеніе.

„Какъ практическому глазному доктору, Скребицкому нужна была просторнѣе квартира.

„Услыхавъ разъ звонокъ, Скребицкій вышелъ отворить дверь, ему бросилась на шею Соня Кавелина, за нею стоялъ самъ Кавелинъ; она, сближая обоихъ, обняла ихъ руками и заставила поцѣловаться. Съ этого дня прежніе друзья снова видѣлись“.

„Несмотря на то, что Кавелинъ и Скребицкій снова сблизились въ 1870 году и часто видались другъ у друга и въ средѣ тѣснаго кружка друзей: Тютчевыхъ, Арцимовича Викт. Ант., Коршъ, Валентина Өедоровича и Деонисіи Андреевны, Грота Константина Карловича, съ которымъ А. И. совсѣмъ впослѣдствіи разошелся, Стасюлевича, женатаго на Утиной, Даниловича, назначеннаго послѣ воспитателемъ дѣтей государя Александра III, и нѣкоторыхъ другихъ, — различіе взглядовъ постепенно охлаждало ихъ отношенія.

„Послѣ смерти дочери Кавелина и жены его, почти одновременно и Скребицкій овдовѣлъ; узы, связывавшія когда

---

[1]) См. его ниже, подъ № 21. *Б. М.*

[2]) Письма этого въ архивѣ Скребицкаго не оказалось. *Б. М.*

то единомышленниковъ, разорвались; они только изрѣдка видались; все же не разъ проявлялось послѣ теплое чувство Кавелина къ Скребицкому и обратно.

„Когда Скребицкій вторично женился и, задержанный при больной матери въ Бѣлостокѣ, увѣдомилъ Кавелина, что жена его, Марья Семеновна, рожд. Юрьевичъ, въ Петербургѣ и желала бы съ нимъ познакомиться, Кавелинъ тотчасъ пришелъ. Говоря съ М. С. о ея мужѣ, онъ сказалъ ей: „Не только окулистъ А. Скребицкій, но — писатель историкъ, а какой у него слогъ!“

„Послѣ знакомства Кавелина съ М. С. онъ сталъ снова бывать, и Скребицкій съ женой изрѣдка навѣщалъ его на Васильевскомъ Острову“.

Prelaz, 30 іюля нов. ст. 1889.

„Передъ кончиной Кавелина Скребицкій, узнавъ о его тяжкой болѣзни, навѣстилъ его. Больной временами приходилъ еще въ себя; узнавъ Скребицкаго, сказалъ ему: „дружище!“

„Тяжко ложится всякая близкая утрата на А. И. Скребицкаго. Смерть Кавелина вызвала въ немъ самыя жгучія страданія, и все прошедшее возникло въ его памяти.

„К. Д. Кавелинъ жилъ послѣднее время рядомъ со своимъ зятемъ Брюлловымъ; двое внуковъ его были его отрадой. Кавелинъ любилъ зятя, его вторую жену бывшую подругу его дочери, и малютокъ ихъ.

„Взгляды друзей разнились въ томъ, что Скребицкій смотритъ печально на все, что творится вокругъ него, и, сознавая все невѣжество русскаго народа, не ждетъ отъ мужика, пока онъ не разовьется и не получитъ хоть начальнаго образованія, сознанія и пробужденія. Кавелинъ же видѣлъ въ русскомъ народѣ задатки такіе, которые убѣждали его, что унывать нельзя, и эта мысль его поддерживала, и онъ съ нею не разставался“.

Всѣхъ писемъ и записокъ къ Скребицкому въ архивѣ послѣдняго сохранилось 57; изъ нихъ мы печатаемъ здѣсь 44 письма; остальныя по своему содержанію не представляютъ общаго интереса: это — пригласительныя открытки,

извѣщенія и сообщенія по различнымъ незначительнымъ поводамъ и т. п.; одна изъ нихъ — на визитной карточкѣ Кавелина: онъ рекомендуетъ на ней неизвѣстному намъ лицу Скребицкаго, котораго именуетъ при этомъ „однимъ изъ своихъ лучшихъ друзей“.

Б. Модзалевскій.

1.

Эмсъ. $\frac{5}{17}$ Іюля 1862. Четвергъ.[1])

Любезнѣйшій и дорогой другъ Александръ Ильичъ! Несмотря на хинину, лихорадка не только не уменьшилась, но усилилась; послѣдній припадокъ былъ злѣе прежняго. Вслѣдствіе этого мы рѣшились перемѣнить мѣсто пребыванія, и въ субботу утромъ уѣзжаемъ отсюда въ Карлсруэ. Считаю необходимымъ извѣстить Васъ объ этомъ, согласно съ нашимъ условіемъ.

Вы можете, сколько Вамъ угодно, пестировать противъ гомеопатіи, но вѣры въ аллопатію черезъ это не увеличите. Ген.-адъют. Путята[2]) и богатъ, и имѣетъ всѣхъ возможныхъ аллопатическихъ врачей въ своемъ распоряженіи, а вотъ ужъ 3 мѣсяца не можетъ отдѣлаться отъ лихорадки. Богъ Васъ разберетъ, какая метода лучше, и Ваши гнѣвы другъ на друга для насъ, безстрастныхъ паціентовъ, похожи на ссоры Триссотиновъ и Вадіусовъ[3]).

Цѣлую Васъ въ Вашу драгоцѣннѣйшую плѣшь или, точнѣе, лысину и остаюсь Вашимъ искреннѣйшимъ любителемъ

К. Кавелинъ.

---

[1]) Въ Боннъ на Рейнѣ. Любопытное письмо Кавелина изъ Эмса же, отъ 15/27 іюня 1862 г., къ К. К. Гроту, съ разсказомъ о предшествующихъ переѣзду въ Эмсъ работахъ въ Парижѣ, см. въ „Русск. Стар.“ 1899 г., стр. 139—141.

[2]) Дмитрій Васильевичъ Путята 1-й, генералъ-адъютантъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, членъ комитета о раненыхъ, и членъ трехъ соединенныхъ конференцій и совѣта имп. военной академіи, непремѣнный членъ совѣта и ученаго комитета военно-учебныхъ заведеній. Кавелинъ зналъ Путяту по своей прежней службѣ, въ 1850—1853 гг., начальникомъ воспитательнаго отдѣла въ штабѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній: Д. В. Путята былъ тогда директоромъ 2 кадетскаго корпуса; онъ умеръ 20 марта 1889 г., 83 лѣтъ отъ роду.

[3]) Дѣйствующія лица, — типы двухъ педантовъ, изъ комедіи Мольера „Les femmes savantes“.

Жена, дочь[1]) и Фейеръ[2]) безъ сомнѣнія поручили бы мнѣ выразить Вамъ свои респективныя чувства, если бъ были дома. Но они въ сію минуту гуляютъ и не вѣдаютъ о томъ, что я пишу Вамъ.

Сегодня пойду прощаться съ Милютинымъ[3]) и объясню ему Ваше порученіе относительно В. Кн.[4]) и Вашей работы. Изъ разговоровъ съ нимъ третьяго дня я убѣдился, что онъ питаетъ къ Вамъ самыя хорошія чувства, что меня очень радуетъ. Кланяйтесь Утину[5]). Какъ было бы хорошо, если бъ мы могли съ нимъ увидаться.

---

[1]) Съ 1845 г. Кавелинъ былъ женатъ на Антонинѣ Өедоровнѣ Коршъ (ум. 30 сентября 1879 г.), отъ брака съ которой имѣлъ сына Дмитрія (род. 1846, ум. 1861; ему давалъ уроки Добролюбовъ), юношу весьма даровитаго, и дочь Софью Константиновну, которой въ это время было 10 лѣтъ (род. 16 декабря 1851 г.); впослѣдствіи она вышла замужъ за Павла Александровича Брюллова (сына извѣстнаго архитектора) и скончалась, всего 21 года отъ роду, 5 октября 1877 г. О ней см. подробнѣе въ статьѣ Д. А. Корсакова: „Матеріалы для біографіи К. Д. Кавелина" въ „Вѣстн. Евр." 1887 г., февр., стр. 608—612 и 643—645, и стр. 480—485. Нѣкоторыя письма къ ней Тургенева напечатаны въ „Русск. Мысли" 1897 г., іюнь, стр. 18—29. Ея письма къ М. М. Стасюлевичу (1871—1877 г.) напечатаны во II томѣ изданія „М. М. Стасюлевичъ и его современники", подъ ред. М. К. Лемке, С.-Пб. 1912, стр. 209—211; некрологъ ея, написанный Тургеневымъ, — въ „Вѣстн. Европѣ" 1877 г., кн. 11.

[2]) Нѣмецъ медикъ, пріятель Кавелина; см. „Русск. Стар." 1899 г., январь, стр. 139.

[3]) Николай Алексѣевичъ Милютинъ (род. 1818, ум. 1872), бывшій передъ тѣмъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ (1860—1861), затѣмъ управляющій канцеляріею по дѣламъ Царства Польскаго (1863—1866). Съ нимъ и его женою, Маріею Аггѣевною, рожд. Абаза (ум. 1903), Кавелинъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и имъ былъ представленъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Его некрологъ, написанный Кавелинымъ, — въ „Вѣстникѣ Европѣ" 1872 г., кн. 3.

[4]) Великой княгини Елены Павловны, по порученію которой Скребицкій составилъ свою книгу, печатавшуюся тогда въ Боннѣ, — „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II. Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ. По офиціальнымъ источникамъ. Губернскіе комитеты, ихъ депутаты и редакціонныя комиссіи въ крестьянскомъ дѣлѣ", т. I—V (томъ II въ двухъ книгахъ), Боннъ на Рейнѣ, 1862, 1863, 1865, 1866, 1868 гг., 8⁰. За эту работу Скребицкій получилъ отъ имп. Академіи Наукъ, въ 1871 году, премію графа Уварова; отзывъ о сочиненіи его писалъ сенаторъ Н. П. Семеновъ.

[5]) Борисъ Исаковичъ Утинъ (род. 1832, ум. 1872), другъ Скребицкаго профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ сравнительной исторіи законовѣдѣнія, покинувшій университетъ въ 1861 г., одновременно съ Кавелинымъ, Стасюлевичемъ, Пыпинымъ и Спасовичемъ. Его архивъ переданъ М. К. Лемке въ Пушкинскій Домъ, вмѣстѣ съ архивомъ М. М. Стасюлевича. Б. И. Утину принадлежитъ отзывъ о трудѣ А. И. Скребицкаго въ статьѣ: „Источники крестьянскаго дѣла" — въ „Вѣстн. Европы" 1870 г., № 11. Письмо Утина къ Кавелину отъ декабря 1858 г. въ „Русск. Мысли" 1892 г., кн. 5.

Передъ отъѣздомъ изъ Карлова Покоя[1]) напишу Вамъ, согласно съ нашимъ условіемъ.

Внизу страницы помѣта карадашомъ: А. И. Скребицкому въ Bonn.

На оборотѣ письма, рукою А. И. Скребицкаго: 15 Іюля 1862. О болѣзни и перемѣнѣ Адреса.

2.

Парижъ 29 Іюля / 10 Авг. 1862. Воскресенье[2]).

Милѣйшій паркетъ! Посылаю Вамъ мою физіономію, на память, не смотря на омерзѣніе, которое возбуждаютъ въ Васъ мои гомеопатическія симпатіи. — Жена хандритъ въ Montreux, Сонька измѣряетъ достоинство и пріятность обитаемыхъ ею странъ количествомъ и дешевизною фруктовъ. Вопреки Вашимъ медицинскимъ злостямъ я здоровъ.

Вѣсти изъ Россіи очень неутѣшительны. Ходятъ слухи, что болѣе 1000 человѣкъ подъ арестомъ, что одинъ изъ Ростовцовыхъ сидитъ[3]), что Тверскихъ депутатовъ осудили на трехълѣтнее содержаніе въ смирительномъ домѣ[4]). Если за ними нѣтъ другихъ винъ, кромѣ ихъ протеста, то либо слухи вздоръ, либо правительство совсѣмъ съ ума спятило.

Объ арестѣ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича Вы знаете уже[5]).

Въ Карлсруэ видѣлъ Ковалевскаго Егора[6]), видѣлъ Утина[7]) и Брохоцкаго[8]). Къ послѣднему пишу. Онъ очень милый господинъ и пользуется въ Гейдельбергѣ большимъ уваженіемъ между нашими земляками.

---

[1]) Т. е., изъ Carlsruhe. Въ письмѣ къ К. К. Гроту отсюда отъ 9 (21) іюля Кавелинъ писалъ: „Видѣлъ Скребицкаго въ Боннѣ и потомъ въ Эмсѣ. Онъ крѣпко работаетъ и очень Вамъ кланяется. Милютина оставилъ въ Эмсѣ, куда онъ пріѣхалъ для жены“...

[2]) Въ Боннѣ.

[3]) Слухъ этотъ былъ не вѣренъ.

[4]) Имѣется въ виду дѣло тверскихъ дворянъ, вынесшихъ извѣстное постановленіе отъ 1 февраля 1862 г., равно какъ адресъ тверскихъ же дворянъ и арестъ 13 мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ.

[5]) Чернышевскій и Н. А. Серно-Соловьевичъ были арестованы 7 іюля 1862 г. За три дня до того, 4 іюля, былъ арестованъ Д. И. Писаревъ.

[6]) Егоръ Петровичъ Ковалевскій (род. 1812, ум. 1868), генералъ-лейтенантъ, бывшій директоръ азіатскаго департамента министерства дѣлъ, членъ совѣта этого министерства (1862), одинъ изъ основателей литературнаго фонда.

[7]) Б. И. Утинъ.

[8]) Константинъ Станиславовичъ Брохоцкій, въ 1861 г., окончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ кандидатомъ правъ и затѣмъ по-

Обнимаю Васъ отъ души, хотя Вы и коситесь на меня. Въ Баденъ-Баденъ не ѣздилъ на поклоненіе къ земнымъ божествамъ, хотя очень хотѣлось видѣть Раденъ[1]). Атеизмъ очевидно распространяется, какъ Вы можете изъ этого заключить.

Спасовичъ[2]) перешелъ въ Варшавскій Университетъ. Я чуть-чуть не заплакалъ, узнавъ объ этомъ. Мало кого я такъ люблю; общее дѣйствіе противъ Путятина[3]) насъ сблизило больше прежняго, и тутъ можно было видѣть, какой это умъ, золотое сердце и непоколебимая ничѣмъ честь. Утину обрадовался въ Карлсруэ, какъ ребенокъ. И какъ на горе, милый другъ: только что успѣлъ завязаться узелокъ въ Университетѣ, какъ буря опять разметала по бѣлому свѣту! Сны и мечты летятъ. Вѣра хоть въ личное счастіе и та улетѣла безвозвратно[4]).

Обнимаю Васъ крѣпко.

К. Кавелинъ.

NB. Забылъ номеръ Вашего дома и адресую къ Бушу.

3.

$\frac{7}{19}$ февр. 1863 года Гёттингенъ[5]).

Дорогой другъ Александръ Ильичъ! Если когда-нибудь Вы писали некстати, то именно теперь; и, радуясь Вашему письму, я вмѣстѣ съ тѣмъ ругаю Васъ, мою жену и даже дочь, если она заставила Васъ писать ко мнѣ.

полнявшему свое юридическое образованіе въ боннскомъ университетѣ. Отзывъ о немъ Кавелина, очень рѣзкій, см. ниже, — въ письмѣ отъ $^{17}/_{29}$ октября 1863 г. и $^{4}/_{16}$ февраля 1864 г.

[1]) Баронесса Эдита Өедоровна Раденъ, извѣстная фрейлина великой княгини Елены Павловны. Ея переписка съ Кавелинымъ опубликована Д. А. Корсаковымъ въ „Русской Мысли“ 1909—1900 гг.

[2]) Воспоминанія В. Д. Спасовича о Кавелинѣ см. въ „Вѣстн. Европы“ 1898 г., кн. 2, стр. 589—628, и въ Собр. Соч. Кавелина, т. II., стр. VII—XXXI, гдѣ приведены также отрывки изъ писемъ Кавелина къ Спасовичу отъ 1862 г.

[3]) Графъ Ефимъ Васильевичъ Путятинъ, кратковременный министръ народнаго просвѣщенія, при которомъ, 24 сентября 1861 г., былъ закрытъ университетъ въ Петербургѣ. Объ этомъ см. статью Спасовича „Пятидесятилѣтіе петербургскаго университета“ — „Вѣстн. Евр.“ 1870 г., кн. 4 и 5.

[4]) Кавелинъ еще не могъ оправиться отъ потери сына, умершаго 11 февраля 1861.

[5]) Въ Боннъ.

Die Sache verhält sich folgendermassen. Когда я сюда пріѣхалъ, проректоръ на бѣду уѣхалъ въ Ганноверъ, для какихъ-то совѣщаній по церковнымъ дѣламъ. Exprorector, Калифъ на часъ, не рѣшился сообщить мнѣ письменные матерьялы, въ которыхъ я нуждаюсь по устройству университета, и кормилъ завтраками. Наконецъ проректоръ пріѣхалъ, но больной. Въ понедѣльникъ пригласилъ меня къ себѣ и передалъ 4 страшныхъ фоліанта: черпайте де изъ нихъ, что Вамъ угодно, Вы лучше знаете, что Вамъ нужно. Вотъ я и сижу надъ этими уродами, отмѣчая, что мнѣ нужно, цѣлый день, такъ что голова трещитъ. Перепишется послѣ меня. Дня въ четыре думаю кончить совсѣмъ, хотя никакъ не могу побожиться за это.— Что касается до Антонины[1]), то ея фантазіи и пари, что я не буду отвѣчать, меня нимало не удивляютъ. Къ этому въ 17 лѣтъ супружества, слава Богу, привыкъ. Удивляюсь я только одному: какъ таки въ 40 лѣтъ у женщины скапитализировалось такъ мало прозаическаго, полагаю здраваго смысла. Она больше, чѣмъ кто-нибудь знаетъ, что я никогда не участвовалъ ни дѣломъ, ни моральнымъ участіемъ въ заговорахъ и возстаніяхъ. Но это еще можно было до 19 февр. 1855 года[2]), съ этого времени это сдѣлалось для меня нравственно невозможно. Я отшатнулся отъ всѣхъ партій и мнѣній, желавшихъ добиться лучшаго другими путями, кромѣ реформы. За что же меня потребуютъ въ Петербургѣ, куда теперь только требуютъ тѣхъ которые дѣломъ, а не мнѣніями участвуютъ въ практическихъ дѣлахъ? Пора бы, кажется, это понять и успокоиться. Правительство можетъ меня не любить, мнѣ не довѣрять, искать случая поймать меня въ какомъ-нибудь злоумышленіи — это очень вѣроятно, и я, конечно, не буду нимало стараться о томъ, чтобъ оно меня обожало. Но чтобъ оно меня ни съ того ни съ сего засадило, вытребовало и т. п., — для этого нѣтъ никакой причины, повода — и не будетъ. Въ этомъ отношеніи возможно минутное недоразумѣніе, ни какъ не болѣе.

Что касается до ея анти-нѣмецкихъ симпатій, то я приписываю ихъ общему расположенію на что-нибудь гнѣваться, изыскивать, за отсутствіемъ настоящихъ, вымышленныхъ поводовъ себя мучить чѣмъ-нибудь. Я вынесъ изъ моего пу

---

[1]) А. Ѳ. Кавелина, рожд. Коршъ.

[2]) Т. е., до смерти императора Николая Павловича. *Б. М.*

тешествія по Германіи совсѣмъ иныя впечатлѣнія. Люблю Россію больше всего на свѣтѣ, но думаю, что ей еще сотни двѣ лѣтъ надо пожить, пока она выработается во что нибудь похожее на Германію. Мы, русскіе, куда какъ прытки надо всѣмъ глумиться, благо за спиной ничего нѣтъ, да и въ головѣ пустота — ширь да гладь, да Божья благодать. На плевки мы очень щедры, какъ всѣ дикари; а посади за дѣло — только и есть, что способности да будущность; въ настоящемъ — ничего или очень мало. Если вся Россія будетъ такъ разсуждать, какъ моя жена, такъ со всѣми нашими способностями мы скоро просвистимся. Какому нибудь ярыгѣ Буткову[1]), Ростовцову[2]) или Николаю Павловичу смотрѣть на все съ высоты величія, — все де намъ трынъ трава — позволительно; но такой дикости я не понимаю въ образованныхъ людяхъ.

Dixi. Хоть Вы мнѣ и помѣшали, за что я Васъ проклинаю, а все таки Вы милый человѣкъ, за что я Васъ крѣпко и крѣпко цѣлую. — Теперь скверная погода и дождь, — отъ того я въ кусательномъ расположеніи духа.

Женѣ привередницѣ жму руку; Соньку обнимаю, если ея толщина это позволяетъ, и везу Брауншвейгскихъ солдатъ въ подарокъ. Вашъ отъ души К. Кавелинъ.

4.

Дармштатъ. $\frac{27\ \text{Февр.}}{11\ \text{Марта}}$ 1863. Среда[3]).

Друже! Я ночую въ Дармштадѣ, въ отелѣ Koeler'а, вмѣсто Карлсруэ и Марабу. Скотина и сукинъ сынъ кондукторъ не подумалъ мнѣ сказать, что нужно перемѣнить вагонъ — и я остался. Когда я сталъ ему выговаривать, подлецъ этотъ еще сталъ мнѣ говорить наглости. Билетъ мнѣ переписали на завтра 7 часовъ, но я этимъ не удовольствовался и принесъ на анафему жалобу, въ надеждѣ, что его по крайней мѣрѣ въ Сибирь на вѣчную каторгу сошлютъ за его тяжкое преступленіе.

Все это глупо и комично. Серьознѣе вотъ что: мнѣ кажется, что я въ своемъ Schriebbureau въ Боннѣ забылъ свою

---

[1]) Статсъ-секретарь и государственный секретарь Владиміръ Петровичъ Бутовъ.

[2]) Яковъ Ивановичъ. О немъ см. въ письмѣ Кавелина къ П. И. Бартеневу отъ 11 января 1873 г. по поводу письма Ростовцева къ декабристу Е. П. Оболенскому отъ 18 ноября 1858 г., гдѣ говорится о Кавелинѣ.

[3]) Въ Боннъ.

статью о нѣмецкихъ университетахъ[1]). Я въ этомъ совсѣмъ не увѣренъ, потому что мои вещи уѣхали въ Карлсруэ и слѣд. произвести повѣрку я не могу. Это меня тревожитъ, и я попрошу Васъ, отче Николае, зайти въ № 52, отворить бюро, открыть ящикъ А и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ бумагъ. Если есть, то перешлите мнѣ, poste restante, въ Гейдельбергъ; если нѣтъ, то значитъ онѣ у меня въ чемоданѣ. Во всякомъ случаѣ, я не вызываю Васъ нимало на корреспонденцію, и найдутся или не найдутся бумаги утѣшительныхъ объясненій не жду отъ Васъ.

Моя жена будетъ торжествовать, узнавъ, что мнѣ неудача съ поѣздкой, и что сомнѣнье меня грызетъ на счетъ бумагъ. Жалости не жду. Это, дескать, съ нимъ вѣчно; а взаправду это первое со мной событіе съ тѣхъ поръ, что ѣзжу.

Цѣлуя Васъ во всю ширину мелкимъ кустарникомъ покрытой лысины, остаюсь,

святителю отче Николае,

Вашимъ наипреданнѣйшимъ

К. Кавелинъ.

P. S. Если бы бумаги нашлись въ Боннѣ (кромѣ бюро они нигдѣ не могутъ быть, и если они не въ ящикѣ А, то навѣрное, у меня въ чемоданѣ), — постарайтесь переслать ихъ съ наименьшими издержками.

Дѣвчоночку мою поцѣлуйте, женѣ пожмите руку. То то небось радуется моимъ досадамъ.

Гейдельбергъ. 28 Февраля / 12 Марта. Четвергъ.

Святителю отче! Всѣ мои дорожныя несчастія кончились благополучно. Въ Карлсруэ я удостовѣрился, что статья со мной — и успокоился. Въ Министерствѣ выписалъ все, что мнѣ нужно въ теченіе часа. Здѣсь столько же милы и откровенны на счетъ финансовыхъ дѣлъ, какъ чопорны и таинственны въ Саксоніи и Берлинѣ. Какъ только прибылъ въ

---

[1]) Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1863 г. была напечатана статья Кавелина: „Свобода преподаванія и ученія въ Германіи“. Около того же времени было напечатано отдѣльною брошюрою „Извлеченіе изъ письма проф. Кавелина отъ 25 марта (6 апрѣля) 1863 г. изъ Тюбинчена къ министру народнаго просвѣщенія“ [А. В. Головнину], С-Пб. 1863.

Гейдельбергъ, — тотчасъ отправился къ Пирогову[1]), но увы! его ждутъ въ Воскресенье или въ Понедѣльникъ назадъ изъ Берлина. Онъ тоже объѣзжаетъ У—ты. Стало быть Вы его увидите раньше чѣмъ я. Это неудача. Но я расчитываю, что на Васъ она не будетъ имѣть вліянія, потому что съ Пироговымъ можно объясняться прямо и смѣло. Я имѣю данныя (а не слова), что онъ отличный господинъ.

Пріѣхавши въ 7 часовъ въ Гейдельбергъ, я ничего еще не видалъ.

Святителю отче Николае, моли Бога о насъ! Слава отцу и сыну и святому духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь! (при этомъ я кажу Вамъ въ носъ ладаномъ).

5.

Тюбингенъ $\frac{\text{26 Марта}}{\text{7 Апрѣля}}$ 1863. Вторникъ[2]).

Святителю отче! Отсутствіе нѣкоторыхъ профессоровъ изъ Тюбингена, по случаю вакансій, удержитъ меня въ семъ богоспасаемомъ градѣ еще съ недѣлю, т. е. вмѣсто пятницы я уѣду вѣроятно во Вторникъ или среду (14-го или 15-го). И такъ, на Васъ возлагается священная обязанность нанять мнѣ Privatwohnung къ Средѣ, на 2 мѣсяца, съ тѣмъ, чтобъ я имѣлъ право прожить и дольше, съ платой по расчету. Условія квартиры примѣнно вотъ какія:

1) Комната по нуждѣ одна, а лучше съ канурой для спанья, — но это не есть необходимость, — довольно обширная, свѣтлая и высокая, чтобъ было по-больше воздуху и гдѣ двигаться.

2) Письменный столъ, еще лучше бюро съ ящиками. Вообще побольше комодовъ, шкаповъ и другой мебели съ ящиками, чтобъ было гдѣ разложиться и повѣсить платье.

---

[1]) Пироговъ жилъ тогда за границей въ качествѣ наблюдателя за молодыми русскими учеными, командированными въ гейдельбергскій и другіе германскіе университеты для усовершенствованія въ наукахъ. Письма Пирогова изъ Гейдельберга за 1862 г. напечатаны С. Я. Штрайхомъ „Русск Стар.", 1917 г., кн. 1 и 2, а письма отъ 24 марта — 5 апрѣля 1863 г., 3/15 октября 1863 г., 13/25 ноября 1863 г. и 12/24 января 1864 г., между прочимъ съ отчетами о занятіяхъ командированныхъ русскихъ — см. въ Сочиненіяхъ Пирогова, изд. 2-е, т. I, Кіевъ 1914, ст. 517—632.

[2]) Въ Боннъ. Наканунѣ Кавелинъ закончилъ обширное письмо-донесеніе А. В. Головнину о нѣмецкихъ университетахъ; оно было издано по распоряженію Головина особою брошюрою, не для продажи (Спб. 1863, 8⁰, 27 стр.); перепечатано въ т. III Собранія сочиненій Кавелина, Спб. 1899, стр. 71—92. См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

3) Коверъ передъ постелью; два подсвѣчника; сторы на окнахъ или занавѣски.

4) Такъ какъ постельное бѣлье не вездѣ въ Германіи одинаково понимается, то уговоритесь, что я желаю имѣть простыню подъ собой и на себѣ, которыя бы мѣнялись черезъ двѣ недѣли.

Подушка — крѣпкая (Borsten).

5) По утру кофе съ молокомъ и два хлѣбца съ приличнымъ количествомъ масла. Если будутъ давать дрянь или грязно, или уменьшая до непомѣрности порціи сахару (Erlebtes), то я удерживаю право устроить эту статью особо, въ другомъ мѣстѣ и потому и счетъ ей особый.

6) Обратите вниманіе прежде всего, чтобъ прислуга была, конечно, женскаго пола, молодая, красивая и любезная. Это, conditio sine qua non. Особенное наблюденіе по этому пункту возлагается на Антонину[1]) и ея тонкій вкусъ. Такъ какъ въ ея эстетическомъ чутьѣ я не сомнѣваюсь, то за тѣмъ всѣ остальные пункты особенно прошу Васъ, святителю, принять во вниманіе и устроить такъ, чтобъ послѣ скитаній долгихъ и скучныхъ, мои старыя кости могли отдохнуть. Цѣны Вы сами знаете; я крѣпко надѣюсь, что Вы мой карманъ наблюдете и будете торговаться, какъ жидъ. Часть города, близко или далеко, высоко или низко, на дворѣ или подъ дворомъ — это мнѣ совершенно все равно. Лишь бы было тихо, спокойно, свѣтло, воздушно, удобно и просторно. Будьте благодѣтель, за что я вамъ пропою акафистъ съ кондакомъ и ѵрмосомъ, съ подобающимъ количествомъ свѣчь и ладана, которымъ буду подкуривать священному Вашему лику отчаянно.

Что то дѣлается въ драгоцѣнномъ отечествѣ? Мои опасенія, ожиданія сильной катастрофы, сильнаго переворота, котораго смысла я самъ хорошо не понимаю, опять возобновились. Чую бѣду, хотя и не знаю, откуда ее ждать. Въ одномъ письмѣ изъ Петербурга встрѣчаются замѣчательныя слова: „Вообще что-то грустно смотритъ опять около насъ и сердце сжимается отъ инстинктивнаго чувства скрытаго зла, еще болѣе, чѣмъ зла открытаго, котораго тоже не мало“. Отсюда чувствуется, что мы въ какомъ-то provisoire, что все, что дѣлается, — не то, что нужно, а преходящее, неважное, пальятивное и въ сущности пустое. Что то придетъ? Минутами бываетъ страшно и жутко. Въ самомъ дѣлѣ, какая то

---

[1]) Жена Кавелина.

болѣзнь глубоко сидитъ въ насъ и не даетъ поправиться. Видишь много глупостей и пошлостей, которыя можно было бы избѣжать, многое, что можно было бы сдѣлать лучше и иначе; а между тѣмъ сознаешь живо, что и все, что бы сдѣлалъ хорошаго, было бы однако не то, что нужно, а что нужно — того не умѣешь выговорить. Я давно, давно понималъ теперешнюю нашу историческую минуту, какъ глубокій, радикальный переломъ въ новый періодъ, — переломъ въ родѣ того, какой совершился у насъ въ концѣ XVI и началѣ XVII в., а потомъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII. Кажется, это въ самомъ дѣлѣ такъ. Въ народѣ есть вѣра, что скоро конецъ міру — неизмѣнный признакъ большого предстоящаго переворота во всей жизни и бытѣ. Да, подходятъ тяжелыя, страшныя времена! Кто вытерпитъ до конца, тотъ будетъ спасенъ! Дѣти мы были, надѣясь, что столько злодѣйствъ, преступленій, ужасовъ, попранія самыхъ святыхъ человѣческихъ и народныхъ правъ, сколько совершилось въ теченіи послѣднихъ полутораста лѣтъ русской исторіи, могутъ кончиться и пройти идиллически, закончиться свѣтлымъ весеннимъ вечеромъ. Теперь тѣнь зарѣзанной Польши не даетъ нынѣ покою; завтра встанутъ изъ гробовъ другія тѣни, чтобы произнести проклятіе надъ нами. Жаль только, что невинные будутъ отвѣчать за виноватыхъ

Антонинѣ особо не пишу. Вы ей скажите, что я живъ и здоровъ и поклонитесь, а Соньку поцѣлуйте [1]). Если Антонина будетъ сопротивляться найму квартиры, — не слушайте ее и только не совѣщайтесь съ нею, въ наказаніе, по части эстетическаго пункта.

Вашъ К. Кавелинъ.

6.

$\frac{15}{27}$ Апрѣля 1863. [Боннъ.]

Святѣйшій Отецъ! Не признаете ли за благо прислать мнѣ всѣ книги и бумаги, какіе у Васъ еще есть изъ моихъ? Это будетъ отлично, потому что мнѣ они нужны теперь.

Вы мнѣ говорили, что Godesberg лежитъ отъ Бонна въ разстояніи часа ходьбы. Оказывается, что туда и назадъ (съ выпивкой стакана пива на горѣ) нужно четыре часа. Какъ это Вы еще не отучились надувать родъ человѣческій? Не понимаю! Ноги болятъ отъ такой безобразной ходьбы.

---

[1]) Примѣчаніе А. И. Скребицкаго: Жена Антонина Кавелина, Сонька ея — дочь; они жили въ Боннѣ подъ моимъ попеченіемъ.

Пришлите также 204 и 205 страницы Вашей книги [1])

Что Ваши шишечки въ задничкѣ? Еслибъ простились со мной, ихъ сегодня не было бы.

Поручаю себя Вашимъ молитвамъ и заступничеству передъ Всевышнимъ.

К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Herrn Herrn Doctor Screbitzky. Coblenzerstr. № 8. Bei D-r Leo.

7.

С.-Петербургъ. 29 Іюля / 10 Августа 1863. Васильевскій О. 13-я л., отель Кейзеръ, 5 [2]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ!

Я пріѣхалъ, какъ полагалъ, благополучно въ Питеръ и послѣ завтра ѣду въ деревню. Всѣ Ваши знакомые и друзья объ Васъ очень разспрашивали и Вами сильно интересуются. Въ Ораніенбаумѣ [3]), гдѣ я былъ въ самый день пріѣзда, въ среду, меня объ Васъ много разспрашивали и находятъ, что Вы дурно дѣлаете, что слишкомъ надрываете себя работой, въ оскоромъ окончаніи которой нѣтъ никакой надобности, особенно въ сію минуту, когда всѣ и все исключительно занято Польскими дѣлами и иностраннымъ вмѣшательствомъ. Все это было мнѣ сказано съ большимъ участіемъ къ Вамъ [4]).

До какой степени сильны здѣсь озлобленіе противъ Поляковъ, національное чувство и преданность народа къ Государю, — объ этомъ Вы не можете составить себѣ понятія, не бывши здѣсь. Повѣрите ли, что народъ находитъ, что мало берутъ рекрутъ; извощикъ, съ которымъ я ѣздилъ дѣлать визиты, говорилъ мнѣ, что они „съ робятами“ положили, если будетъ война, самимъ идти и все что у нихъ есть отдать Государю на войну. Бывали случаи, что депутаты отъ мужиковъ являются къ нему, настаиваютъ, чтобъ видѣть его самого и передаютъ ему изъ рукъ въ руки деньги, — на войну. Такой преданностью, такой любовью, такимъ безграничнымъ

---

[1]) „Крестьянское дѣло“ въ царствованіе Императора Александра II, печатавшееся тогда въ Боннѣ.

[2]) Въ Боннъ. — Въ Петербургъ изъ-за границы Кавелинъ возвратился въ іюлѣ и прожилъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Самарскомъ имѣніи, а затѣмъ снова въ Петербургѣ до начала октября 1863 года.

[3]) Гдѣ жила великая княгиня Елена Павловна.

[4]) Польскій вопросъ крайне волновалъ тогда Кавелина и служилъ главной темой въ его письмахъ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ; см. ихъ въ „Русск. Мысли“ 1899 г., кн. 8, стр. 4 и слѣд.

довѣріемъ не пользовался еще ни одинъ русскій царь въ народныхъ массахъ. Это народный царь въ полномъ смыслѣ слова. Онъ можетъ все, стоитъ ему сказать слово. Война была бы самая популярная. Говорятъ, въ Москвѣ сожалѣютъ, что ее, повидимому, не будетъ.

Объ нашихъ войскахъ слышалъ множество похвалъ. Видъ ихъ меня очень порадовалъ. Это не прежніе истуканы, чувствующіе „лѣвымъ локтемъ праваго товарища", а люди. Рекрутство отбывается легко, безъ бѣговъ и страха, потому затылки и лба не брѣютъ, въ рекрутское присутствіе вводятъ въ рубашкѣ и не одѣваютъ предварительно въ какую то одежду каторжнаго, а прямо въ солдатскій мундиръ; не бьютъ и кормятъ какъ слѣдуетъ. Словомъ, солдатъ сталъ у насъ, наконецъ, тоже человѣкомъ.

Крестьянскій вопросъ идетъ своимъ чередомъ. Остается тысячу съ чѣмъ то неконченныхъ еще сдѣлокъ. Число оброчныхъ было прежде какъ 3 къ 7, теперь 7 къ 3. Выкупныя сдѣлки съ Литовскими Губерніями и Кіевскаго Генералъ Губернаторства (на дняхъ распространенъ и на нихъ обязательный выкупъ; тоже ожидается вскорѣ и для Бѣлоруссіи) составляютъ 30%. Всего утверждено 4 тысячи сдѣлокъ, ждутъ утвержденія 6 тысячъ, такъ что выкупная коммиссія не успѣваетъ работать. Земскія учрежденія въ ходу, судопроизводство тоже. Извощикъ мнѣ сказывалъ и многіе потомъ подтверждали, что полиція не дерется съ народомъ и блаженныя времена, когда сѣдокъ могъ преспокойно и совершенно безнаказанно наколотить шею извощику — миновали.

Вообще впечатлѣніе то, что въ 16 мѣсяцевъ моего отсутствія много, много измѣнилось къ лучшему. Массы и общество какъ то стали живѣе; нѣтъ того китайства, которое такъ тяготило прежде.

Университетскаго Устава [1]) не видалъ еще; но Петербургскій Университетъ наполненъ всякимъ хламомъ, Никитенкой, Рѣдкинымъ и проч.

Мое положеніе такое же неопредѣленное, какъ прежде. Самое невѣроятное то, чтобъ я остался здѣсь и не возвратился на неопредѣленное время заграницу. Чувствую, что сильно отвыкъ отъ Петербурга; вижу успѣхи, радуюсь имъ отъ чистаго сердца, но здѣсь мнѣ не по себѣ — заграницей спокойнѣй, тише. Прибавьте возмутительнѣйшій Петербургскій кли-

---

[1]) Онъ былъ Высочайше утвержденъ 18-го іюня 1863 г.

матъ! Соня и слышать ничего не хочетъ объ отъѣздѣ отсюда и плачетъ навзрыдъ, когда ей объ этомъ говорятъ. Если удастся продать имѣніе, какъ бы мнѣ желалось, я уѣду жить постоянно заграницей. Если неудастся, надо будетъ отложить этотъ проэктъ; но во всякомъ случаѣ хоть на время, я буду въ Германіи.

Передайте мой поклонъ всѣмъ знакомымъ, особенно Александрѣ Петровнѣ и поцѣлуйте Фюрста[1]). Портретъ я передалъ въ Ораніенбаумѣ, но къ несчастію съ адресомъ; послѣ по памяти искалъ Ал. Влад.[2]) — но не нашелъ. По возвращеніи изъ деревни отъищу непремѣнно.

Будьте здоровы, милый другъ! Жена и дочь Вамъ кланяются, равно какъ и всѣ Ваши пріятели. Почтительно смотрю на Вашу лысину и остаюсь всегда и вездѣ Вашъ

К. Кавелинъ.

8.

С. Петербургъ. 30 Сентября 1863 года[3]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ!

Я, и я одинъ, безъ семьи ѣду опять Боннъ на 6 мѣсяцевъ, въ качествѣ частнаго человѣка, доработывать статьи о нѣмецкихъ университетахъ[4]). По этому „почтительнѣйше" прошу Васъ зайти къ M-lle Schmitz и условиться съ ней или съ M-lle Sommer насчетъ квартиры, считая съ 1-го ноября Вашего басурманскаго стиля. Обговорите, что осень и зима — время глухое, посему бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ она уступила что нибудь изъ 9-ти талеровъ. Уговоритесь также на счетъ топки и поосновательнѣе соблюдая мои интересы. Если она будетъ дорожиться, пригрозите тѣмъ, что въ отелѣ мнѣ будетъ осенью и зимою жить дешевле, чѣмъ у нея. Наконецъ, — и это важный артикулъ — примите мѣры, чтобъ я не былъ обиженъ прислугой, какъ я уже имѣлъ случай неоднократно представлять сію статью и рекомендовать ее особенному Вашему, Милостивый Государь, вниманію.

Моя жена взяла квартиру между Среднимъ и Малымъ проспектами, на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ Матиссенъ.

---

1) Л. П. Голохвастова и ея племянникъ, маленькій князь Львовъ. См. ниже, въ письмѣ № 9.

2) Голохвастову. См. тамъ же.

3) Въ Боннъ.

4) На самомъ дѣлѣ Кавелинъ прожилъ за границей больше года и возвратился въ Петербургъ лишь въ началѣ ноября 1864 г.

Сонька таки взяла свое, настояла на томъ, чтобъ остаться въ Петербургѣ, и ея консеквентное, настойчиво и на безъ нѣкотораго искусства проведенное желаніе восторжествовало, наконецъ, надъ колебаніями и нерѣшительностью Антонины [1]), которая въ Петербургѣ дѣлала почти тоже, что и въ Боннѣ, т. е. бранила Петербургъ и стремилась за границу. Мои совѣты и совѣты пріятелей нечего не помогли, а Сонька добилась, чего хотѣла. Столько выдержки я въ ней никакъ не подозрѣвалъ. Celle-lâne se fera pas dérouter!

Теперь жена очень проситъ Васъ выслать ей, и какъ можно скорѣе, съ пароходомъ, ея сундукъ съ теплыми одѣяньями. Безъ нихъ приходится плохо, потому что хотя осень стоитъ удивительная, погода великолѣпная, но становится холодно.

Сонька поступила вольноприходящей въ женскую гимназію, въ 4 классъ, и торжествуетъ! Васъ цѣлуетъ [2]).

Я былъ, какъ располагалъ, на Волгѣ и въ имѣніи [3]) и очень доволенъ своей поѣздкой, хотя она далеко не такъ удобна какъ у Васъ, въ Вашихъ басурманскихъ краяхъ. Видъ простого народа очень отраденъ и усладителенъ. Высшіе, въ особенности такъ называемые образованные классы полиняли, сморщились, жизнь въ нихъ какъ будто замираетъ и переносится въ другой. Такъ мнѣ кажется. Народъ сильно пьянствуетъ и доволенъ своимъ положеніемъ. Солдата вы не узнаете и никакія предубѣжденія и пристрастія не въ состояніи опровергнуть, что онъ чуть чуть не переродился совсѣмъ. Его содержаніе, ученіе, одежда, внѣшній видъ — все это отлично отъ прежняго, какъ небо отъ земли. Но такъ какъ я на старости лѣтъ не могу стать ни мужикомъ, ни солдатомъ, то я предпочитаю, по крайней мѣрѣ теперь, пока, пожить съ Вами въ Боннѣ, до окончанія моихъ работъ объ университетахъ. А тамъ, — что Богъ дастъ.

Смотрите же, голубчикъ, порадѣйте о моихъ интересахъ, потому что много денегъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ и не скоро будетъ. Даю вамъ полномочіе поселить меня гдѣ хотите, лишь бы было тепло, уединенно и уютно, т. е. тихо, дешево, и со всѣми удобствами. Если мои старушки не очень

---

[1]) Жена Кавелина.

[2]) С. К. Кавелина поступила тогда въ Василеостровскую женскую гимназію, гдѣ въ 1867 г. окончила курсъ, а затѣмъ была преподавательницей исторіи, пользуясь общею симпатіею.

[3]) Въ Самарской губерніи.

будутъ ломаться, то я предпочту жить у нихъ, потому что привыкъ и очень тихо. Только бы было тепло; а будетъ ли у нихъ тепло, — не знаю. Это Ваше дѣло разузнать.

При свиданіи поговоримъ о многомъ. Милютинъ [1]) ѣдетъ на дняхъ, т. е. въ концѣ этой недѣли, въ Варшаву на мѣсяцъ, по крестьянскому дѣлу, съ Самаринымъ [2]) и Черкасскимъ [3]). Гротъ [4]) вамъ кланяется, равно жена и дочь и всѣ Ваши друзья.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

P. S. Поклонитесь моимъ пріятелямъ и знакомымъ, кого увидите. Отвѣтъ напишите, если успѣете, въ Берлинъ, poste restante. Очень не медлите, потому что дней черезъ 10 или 12 я ѣду изъ Петербурга. До свиданья!

9.

Берлинъ. $\frac{17}{29}$ Октября 1863 [5]).

Дражайшій другъ Александръ Ильичъ! Получилъ Ваши два письма только нѣсколько часовъ тому назадъ, по пріѣздѣ сюда, и спѣшу побесѣдовать съ Вами, хоть на бумагѣ, если не удается лично. Разныя разности удерживаютъ меня здѣсь и либо въ Лейпцигѣ, либо въ Брауншвейгѣ, такъ что въ Боннъ я поспѣю не прежде 2-го Ноября къ вечеру. Мнѣ тутъ обиднаго только то, что я съ Вами не увижусь; что до поѣздки въ Висбаденъ [6]), то я очень даже радъ, что буду

[1]) Н. А. Милютинъ; на него тогда возложено было порученіе по преобразованіямъ въ Царствѣ Польскомъ. Отзывъ о немъ Кавелина въ письмѣ къ баронессѣ Раденъ отъ 8 (20) октября 1863 г. см. въ „Русск. Мысли" 1899 г., кн. 12, стр. 3—4.

[2]) Ю. Ѳ. Самаринъ, тогда камеръ-юнкеръ, правитель канцеляріи кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора. Кавелину принадлежитъ некрологъ Самарина, напечатанный въ „Вѣст. Европы" 1876 г., кн. 4.

[3]) Князь В. А. Черкасскій ѣхалъ тогда въ Польшу съ Самаринымъ и Милютинымъ по дѣламъ крестьянской и судебной реформъ въ Польшѣ; въ 1864 г. онъ вступилъ въ управленіе комиссіею внутреннихъ дѣлъ Царства Польскаго.

[4]) К. К. Гротъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Кавелина; 21 письмо Кавелина къ Гроту за 1862—1863 гг. опубликовано Д. А. Корсаковымъ въ „Русск. Стар." 1899 г., январь и февраль.

[5]) Въ Боннъ.

[6]) Гдѣ въ то время была великая княгиня Елена Павловна со своею гофмейстериною баронессою Э. Ѳ. Раденъ; см. „Русск. Мысль" 1899 г., кн. 12, стр. 6—7.

имѣть предлогъ не ѣхать, потому что не могу забыть, какъ насъ трактуютъ различно въ Европѣ и Азіи и чѣмъ будутъ внимательнѣй, тѣмъ отвратительнѣй мнѣ будетъ казаться. Словомъ, дѣло рѣшенное, что въ Висбаденъ я не поѣду ни за что; мнѣ бы только съ Вами видѣться, потому что и очень хочется, да и нужно. Я везу матеріалы для Вашей работы отъ Милютина [1]) съ словесными порученіями отъ него же.

Скажите княжнѣ Львовой [2]), что я и тронутъ и почти обиженъ тѣмъ, что она меня уговариваетъ не перемѣнять намѣренія жить въ Боннѣ. Отсутствіе Ваше мнѣ будетъ досадно, но и присутствіе семейства на Coblenzer Str. № 97 очень пріятно. Я выбралъ Боннъ потому, что мнѣ это мѣстопребываніе вообще понравилось и всѣ мои книги и бумаги тамъ; есть знакомые, наконецъ, есть удовольствія, словомъ, я знаю обстановку и она мнѣ по нутру. Скажите Александрѣ Петровнѣ [3]), что я везу съ собой для нея: 1), $17^1/_2$ фридрихсъдоровъ, 2) цѣпочку для часовъ (я думаю) въ футлярѣ, 3) игрушку отъ Александры Владимировны [4]) для Анеты [5]), кромѣ потого, поклоны всѣмъ, поцѣлуи дѣтямъ, Фюрсту [6]) много поцѣлуевъ отъ себя. Разбойникъ мальчишка, русскій человѣкъ, совсѣмъ на мой вкусъ.

Прошу Васъ, сходите опять къ моимъ старушкамъ и скажите, что если онѣ согласны оставить за мной мою прежнюю квартиру на 5 мѣсяцевъ, считая съ 1-го Ноября, по 8 талеровъ, то я переѣду къ нимъ жить. Больше пробуду — заплачу по расчету, но во всякомъ случаѣ дольше 1-го Мая обязуюсь не жить по зимней цѣнѣ. Къ 1-му Мая возвращаюсь; а если бы, паче чаянія, остался, то пусть разочтутъ по 97 талеровъ, какъ жилъ прежде. Это мое послѣднее слово. Признаюсь, хотѣлось бы остаться на старой квартирѣ, потому что привыкъ къ ней и дорожу тишиной, уединеніемъ и порядочностью. Одно благочестіе чего стоитъ!

Одно, что меня коробитъ при мысли, что ѣду въ Боннъ,—

---

1) Н. А. Милютина.

2) Княжна Екатерина Владиміровна Львова, фрейлина великой княгини Елены Павловны (род. 30-го января 1807, ум. 25-го іюня 1880).

3) Голохвастовой, племянницѣ жившаго въ Боннѣ князя Г. В. Львова.

4) Голохвостова, рожд. княжна Львова (род. 30-го апрѣля 1809, ум. 7-го апрѣля 1870), жена Петра Владиміровича Голохвостова (род. 24-го августа 1803, ум. 14-го января 1887).

5) Княжна Львова, дочь князя Георгія Владиміровича.

6) Маленькій князь Евгеній Львовъ, сынъ князя Георгія Владиміровича.

это присутствіе Брохоцкаго![1]) Ужасъ какой навязчивый. Называетъ меня другомъ,—съ какой стати? Давно ли я сталъ его другомъ! Кромѣ того, вѣтромъ подбитъ и казовымъ концемъ дѣло показываетъ, чего ненавижу! У него есть хвастливый шикъ, который мнѣ претитъ и дѣйствуетъ на мои нервы. Кстати объ andringliche Leute: Vetterlein[2]) передалъ мнѣ бумажку для передачи Вамъ. Я ее влагаю въ письмо. Не знаю, какъ другіе, а я обрадовался, узнавши, что Вы ѣдете къ Киселеву[3]). В. Кн.[4]) по моему доказала много знанія людей, уцѣпившись за Васъ. Киселеву нужно теперь именно такого любящаго, нѣжнаго друга и опекуна, какимъ только Вы и можете быть,—близкаго довѣреннаго человѣка. Поменьше свирѣпости, чѣмъ у Васъ, конечно бы не мѣшало; но чтожъ съ Вами будешь дѣлать! Византійскія оговорки, чтобъ старикъ, называющій всѣхъ, кому не 60 лѣтъ, „ты" и „мой милый", называлъ Васъ непремѣнно „Вы" заставили меня улыбнуться. Точно будто Киселевъ можетъ манну съ небесъ на Васъ ниспослать. Никакъ не можетъ человѣкъ взглянуть на вещи просто, а непремѣнно придя сперва въ ярость. Я убѣжденъ, что черезъ два мѣсяца Вы сами будете смѣяться надъ собой. Киселевъ смотритъ въ могилу и Вамъ въ голову не придетъ съ нимъ считаться, повѣрьте мнѣ! А субъектъ для изученія онъ прелюбопытный! Это живая раз-

---

[1]) См. выше, въ письмѣ 29-го іюля (10-го августа) 1862 г. и ниже, въ письмѣ отъ 4—16-го февраля 1864.

[2]) Вѣроятно, Карлъ Федоровичъ Феттерлейнъ, тогда преподаватель нѣмецкаго языка въ 1-й петербургской гимназіи, а потомъ библіотекарь и вице-директоръ Имп. Публичной Библіотеки, гдѣ завѣдывалъ отдѣленіемъ Rossica.

[3]) Графу Павлу Дмитріевичу Киселеву, члену Государственнаго Совѣта и генералъ-адъютанту, за годъ передъ тѣмъ уволенному отъ должности россійскаго посла въ Парижѣ. Біографъ графа Киселева, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, разсказывая о свиданіи Киселева съ великою княгинею Еленою Павловною въ Уши, близъ Лозанны, 2-го октября 1863 г., пишетъ „Великая княгиня окружала своего гостя самою предупредительною заботливостью, къ которой было только способно ея прекрасное сердце и въ которой выражалось, насколько она умѣла цѣнить высокія качества и заслуги графа Киселева. При преклонности лѣтъ, безъ семейства трудно было оставаться ему въ совершенномъ одиночествѣ, — потому великая княгиня прислала графу Павлу Дмитріевичу, въ видѣ частнаго секретаря-компаньона, своего библіотекаря, а когда ему нужно было уѣхать, то на мѣсто его прислала доктора А. И. Скребицкаго" (Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. III, Спб. 1882, стр. 350—351).

[4]) Великая княгиня Елена Павловна.

валина конца Александровскихъ временъ и времени Николая. Сколько въ его памяти анекдотовъ, расказовъ, любопытныхъ чертъ. Другой человѣкъ на Вашемъ мѣстѣ пороть бы себя далъ, чтобъ только стать поближе къ такому документу и пососать изъ него побольше, пока смерть не сомкнетъ на вѣки его уста. А Вы кочевряжетесь чортъ знаетъ изъ чего! Чудакъ Вы, чудакъ! Васъ обдало варомъ, что онъ Вамъ предлагаетъ 100 фр. въ мѣсяцъ. Это конечно не много. Но Вы думаете, что онъ много понимаетъ? Еслибъ онъ больше понималъ въ практическихъ дѣлахъ, повѣрьте слову, онъ бы не надѣлалъ столько кричащихъ глупостей по своему управленію госуд. крестьянами, которыя говорятъ, что подъ нимъ жить было невыносимо[1]), подъ Шереметевымъ[2]) стало лучше, а подъ Муравьевымъ[3]) вовсе хорошо. Такъ-то, мой дорогой! Все Вы не туда гнете, золотой Вы мой, и ищете полдня, когда ужъ 14 часовъ. Пребываніе въ Парижѣ и тѣмъ будетъ для Васъ хорошо, что выдернетъ Васъ изъ жизненной колеи, въ которой Вы совсѣмъ исхандрились; Васъ давно нужно было встряхнуть порядкомъ, можетъ быть отъ толчка и волосы опять станутъ показываться на головѣ, а это, въ видахъ общественной нравственности и приличій, тоже результатъ будетъ немаловажный!

Если я Васъ не захвачу въ Боннѣ, то надѣюсь, что Вы поѣдете въ Парижъ черезъ Боннъ? Все же увижу Васъ хоть на минутку, чтобъ передать словесныя порученія Милютина[4]).

Скажите Эдитѣ Ѳедоровнѣ[5]), что я ей писалъ большое письмо. Получила ли она его?[6]) Крѣпкій и дружескій ей поклонъ отъ меня. О причинѣ моего непріѣзда солгите поудачнѣй. Боннскимъ знакомымъ очень кланяюсь, предоставляю себѣ удовольствіе сдѣлать это скоро лично.

Вашъ весь К. Кавелинъ.

---

[1]) Графъ П. Д. Киселевъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ съ 27-го декабря 1837 по 29-е августа 1856 г.

[2]) Преемникъ Киселева, Василій Александровичъ Шереметевъ (род. 1795, ум. 1862), былъ министромъ лишь съ 30-го августа 1856 по по 17-е апрѣля 1857 г.

[3]) Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, впослѣдствіи графъ былъ министромъ государственныхъ имуществъ съ 17-го апрѣля 1857 по 1-е января 1862 г.

[4]) Н. А. Милютина.

[5]) Баронессѣ Раденъ.

[6]) Это письмо, отъ 8-го—20-го октября 1863 г. изъ Петербурга, напечатано въ „Русск. Мысли“ 1899 г., кн. 12, стр. 3—6.

10.

Боннъ. $\frac{1 \text{ Дек.}}{19 \text{ Ноябр.}}$ 1863. Baumschulallee. 11 [1]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ! Получивъ Ваше письмо, я было готовилъ для Васъ, совокупно съ Броцкимъ [2]), разныя пакости. Мы ихъ проектировали и въ головѣ, и отчасти на бумагѣ, но по разнымъ обстоятельствамъ это дѣло затянулось, а я, между тѣмъ, спѣшилъ переписывать свою статью (половина вышла — переписывать 58 почтовыхъ страницъ, большого формата). Такъ замедлился мой отвѣтъ до сегодня. Сегодня же я не могу болѣе откладывать послѣ вчерашняго свиданія съ Львовыми [3]) и прочтенія Вашего письма. Долженъ Вамъ сознаться, что мы, боннскіе колонисты, Вами недовольны, и недовольны по очень основательнымъ причинамъ. Ваши жалобы въ письмѣ къ Княжнѣ насъ потѣшали не мало; забавно, въ самомъ дѣлѣ, когда человѣкъ жалуется на то, что не имѣетъ причины жаловаться. Это хоть бы капризной брюхатой барынѣ шло къ лицу. Но письмо Ваше къ князю отъ 24 Ноября меня и всѣхъ насъ напугало. Ваши капризы и интересничанье становятся серьозны, грозятъ испортить Вамъ Ваше положеніе и Вашу будущность, и къ этому мы не могли остаться равнодушны. У меня сердце захолонуло, когда я прочелъ Ваше письмо. Что жъ это все значитъ? Вы, великодушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, становитесь и не великодушны, и мелочны, ниже себя. Великая Княгиня просила Васъ, изъ дружбы къ ней, принять мѣсто при Киселевѣ [4]). Можно было, сообразивъ все, не принять: это я понимаю; можно спорить о томъ, хорошо ли это, или дурно; но за тѣмъ у всякаго есть

---

[1]) Въ Парижъ, гдѣ Скребицкій тогда проживалъ у графа П. Д. Киселева.

[2]) См. выше, въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) Семейство больного князя Георгія Владиміровича Львова (род. 1821, ум. 1873), жившее также въ Боннѣ и знакомое Кавелину по Петербургу. Семья состояла изъ самого князя, его жены — княгини Елизаветы Львовны, рожд. Давыдовой (родной племянницы Дениса Давыдова, скончавшейся 26-го декабря 1900 г.), двухъ ихъ малолѣтнихъ дѣтей, сестры князя, упомянутой въ предыдущемъ письмѣ фрейлины великой княгини Елены Павловны — княжны Елизаветы Владиміровны, и двухъ племянницъ, дѣвицъ Голохвастовыхъ — Александры Петровны и Екатерины Петровны, фрейлины („Русск. Мысль“ 1899 г., кн. 12, стр. 12). Другая сестра князя, княжна Елизавета, впослѣдствіи (1875) выступила на литературномъ поприщѣ, одобряемая Тургеневымъ (см. „М. М. Стасюлевичъ и его современники“, т. III).

[4]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

свои причины, свои непреодолимыя извращенія и наклонности, которыя и рѣшаютъ въ томъ или другомъ смыслѣ. Но разъ Вы приняли и, замѣтьте, приняли на срокъ, до весны только, надобно было имѣть больше великодушія и не напоминать В. К. и Киселеву на каждомъ шагу, что, дескать, Вамъ великую, неизрѣченную милость оказываю, что принялъ ваше предложеніе; вы, дескать, у меня смотрите: чуть что не такъ,—я поклонъ да и вонъ; мнѣ, дескать, все это—дрянь, наплевать! Вы не пишете, вслѣдствіе какого разговора съ старикомъ у васъ вышла размолвка, но догадаться не трудно: Вы, по своему обычаю, хватили ему такую бѣшеную фразу о Россіи и правительствѣ, что у него, бѣднаго, поджилки задрожали! Что онъ отъ Васъ услышалъ въ эти двѣ недѣли, того, конечно, не слыхалъ онъ во всю свою жизнь, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ. Признаюсь Вамъ, въ такомъ санфасонномъ бросаньи въ глаза почтенному старику перваго попавшагося подъ языкъ крѣпкаго словца о предметахъ, о которыхъ онъ имѣетъ свои установившіяся понятія, о которыхъ онъ привыкъ слышать выраженія сдержанныя, въ которыхъ содержаніе выпукло выходитъ именно вслѣдствіе прозрачности тонкой формы,—я не вижу ни великодушія, ни демократическаго достоинства, которымъ вы такъ дорожите. Истинный демократизмъ именно и состоитъ въ силѣ спокойнаго убѣжденія, которое потому и спокойно, что глубоко. Какая Вамъ надобность заводить съ паціентомъ и старикомъ такіе раздражительные разговоры, которые произведутъ въ немъ приливы крови къ головѣ и волненіе? Я думаю, это вредно его здоровью, которое Вы взялись оберегать. Я краснѣлъ за Васъ, когда онъ протянулъ Вамъ руку на примиреніе, потому что здоровый и врачъ въ этомъ случаѣ былъ онъ, а больной и притомъ капризный, своенравный, вѣтренный были Вы. Ваши роли въ этомъ случаѣ перемѣнились и, къ сожалѣнію, вовсе не въ Вашъ авантажъ. Вы самолюбивы, но въ этомъ случаѣ поступили не какъ самолюбивый человѣкъ! Дать гр. Киселеву поводъ быть съ Вами великодушнымъ—гдѣ жъ тутъ самолюбіе? Если Вы на него смотрите какъ на аристократа, такъ не слѣдуетъ Вамъ, демократу, съ Вашей точки зрѣнія, давать ему шагъ передъ собой; а это вовсе не значитъ отвѣчать на дурака дуракомъ, это значитъ поставить себя такъ, чтобъ онъ не имѣлъ никакого повода сказать дурака съ своей точки зрѣнія.

Мнѣ ужасно досадно видѣть, что Вы ломаетесь, позиру-

ете, интересничаете, хвастаетесь Вашимъ плебействомъ, тѣмъ, что Вы демократъ. Вы такъ щекотливы и наружно щекотливы на этотъ пунктъ, какъ тотъ англичанинъ, который воображалъ, что у него стеклянныя ноги и боялся, чтобъ кто нибудь неосторожно ихъ не задѣлъ и не разбилъ. В. К.[1]) спрашиваетъ, какъ идетъ Ваша работа?[2]) Бѣда! посягательство на Вашу честь! Точно будто В. К., давая деньги на этотъ трудъ, ужъ и не имѣетъ права, не оскорбляя никого, спросить: а какъ идетъ работа.

Вообразите же себѣ вотъ что: въ одинъ прекрасный день Киселеву надоѣстъ до смерти эта роль няньки при Васъ; ему, по его лѣтамъ и слабости, покажется это вѣчное опасеніе задѣть за Ваши стеклянныя ноги страшно стѣснительнымъ и невыносимымъ, и онъ придетъ къ справедливому заключенію, что вы — человѣкъ, правда, отличный и достойный во всѣхъ отношеніяхъ, но нестерпимый для больного и вѣтхаго старика. Въ этомъ смыслѣ онъ, положимъ, напишетъ В. К. и скажетъ, что она ошиблась, что она вѣрно хотѣла его приставить къ вамъ въ видѣ няньки, а ему совсѣмъ не то нужно: ему самому нужна нянька. Какъ вы думаете, что подумаетъ объ этомъ В. К.? Вѣроятно она разсудитъ такъ: Скребицкій, при всѣхъ его достоинствахъ, — человѣкъ слишкомъ самолюбивый и честолюбивый. Я просила его, изъ дружбы ко мнѣ, оказать мнѣ услугу; а онъ понялъ это такъ, что я не могу безъ него обойтись, что безъ него я пропаду. Это можно терпѣть, какъ странность, какъ причуду, но не тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросѣ, особенно меня интересующемъ, и гдѣ такія претензіи приносятъ положительный вредъ. И такъ, wohlan, пусть оставитъ свое мѣсто при Киселевѣ и возвращается себѣ въ Боннъ; я пріищу ему преемника.

Вы, конечно, будете очень счастливы; но я послѣ того, никакъ, ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы быть въ Вашей кожѣ; у Васъ останутся еще, по Вашей работѣ, отношенія къ В. К., останутся и послѣ, въ теченіи 3-хъ лѣтъ, пока Вы будете получать отъ нея пенсію, и эти отношенія будутъ для Васъ очень тяжкія. Теперь Вы ее одолжаете; тогда вы будете чувствовать, что она Васъ одолжаетъ. Съ точки зрѣнія демократической независимости это

---

[1]) Т. е., великая княгиня Елена Павловна.

[2]) Составленіе и печатаніе книги, „Крестьянское дѣло“.

нестерпимо. Я бы по крайней мѣрѣ далъ все на свѣтѣ, чтобъ не поставить себя такимъ образомъ. Не забудьте, что Ваше отношеніе къ В. К. очень деликатное. Сказать ей завтра, — „я тебя знать не знаю и знать не хочу“ Вы не можете никоимъ образомъ; стало быть Вамъ надобно, до совершеннаго прекращенія всякихъ сношеній съ нею, держать себя такъ, чтобъ Вы были въ роли великодушнаго, а никакъ не она. Ваше чрезвычайно легкомысленное поставленіе вопроса Вашихъ отношеній къ Киселеву показываетъ, что Вы совсѣмъ не взвѣсили еще болѣе тонкихъ и деликатныхъ отношеній Вашихъ къ В. К., въ которыхъ достоинство Ваше дѣйствительно можетъ очень пострадать, если Вы будете также безразсудно вести себя въ Парижѣ, какъ Вы начали и кажется намѣрены продолжать, воображая, что это прекрасно и предостойно.

Передъ отъѣздомъ Вашимъ въ Парижъ мы съ Вами нѣсколько часовъ сряду протолковали о томъ, что можетъ принести Вамъ Ваше новое положеніе. Объ этомъ я уже говоритъ теперь не стану. Для меня вполнѣ сдѣлалось ясно, что этого Вы не понимаете и понять не можете, потому что природа отказала Вамъ вовсе въ добродѣтеляхъ, которыми такъ щедро надѣлила доктора Крупова[1]). И такъ свобода, плебейскія наклонности и привычки во всю Ивановскую. Боннъ — который, въ скобкахъ сказать, прошлымъ лѣтомъ вовсе не представлялся Вамъ послѣднею степенью благополучія, — интимныя отношенія, какъ Эльдорадо и проч. и проч., вотъ къ чему Вы будете себя готовить. Прекрасно! Только вотъ въ чемъ сила: въ сію минуту и до весны 1864 года Вы связаны словомъ, даннымъ В. К. быть при Киселевѣ, и намъ, Вашимъ друзьямъ, понятно, очень, очень хочется, чтобъ Вы кончили Вашу миссію съ совершеннымъ сохраненіемъ Вашего личнаго достоинства и чести. И такъ, скажите себѣ, что Ваше положеніе теперь, до весны — скучное, тягостное, мерзкая стоянка, гнусный переѣздъ, который надобно какъ-нибудь да совершить благополучно, до возвращенія во свояси, т. е. въ Боннъ, конечно. Но, сказавши себѣ это, смотрите же на свое теперешнее положеніе какъ на преходящее, рѣшитесь твердо не спускаться въ мелочи и дрязги, которыя по необходимости втягиваютъ насъ тамъ, гдѣ мы пускаемъ корни глядите на все окружающее à vol d'oiseau съ равнодушіемъ

[1]) См. „Записки доктора Крупова“ — Герцена. *В. М.*

странника и проѣзжаго; избѣгайте рѣшительно всякихъ столкновеній со старикомъ, всякихъ разговоровъ, которые могли бы подать поводъ къ столкновеніямъ; пусть думаетъ что хочетъ; для Васъ онъ только до весны, и только больной старикъ. За тѣмъ, за мѣсяцъ до отъѣзда, т. е. до окончанія срока, напишите В. К., что это положеніе для Васъ тяжело, что Парижъ Вамъ не нравится, что Вы, желая сдѣлать пріятное В. К., приняли это положеніе условно, на срокъ, и теперь, когда онъ кончается, твердо рѣшились его оставить и просите пріискать себѣ преемника. Сказавши это разъ, держитесь крѣпко и ничѣмъ въ мірѣ, никакими мольбами, не дайте отвратить себя отъ намѣренія оставить свое мѣсто. Вотъ какъ Вамъ надобно дѣйствовать! Киселевъ будетъ Вами доволенъ, В. К. тоже, Вы сохраните свою честь, свое достоинство, добьетесь чего хотите, и отношенія Ваши съ В. К. останутся безупречны: она останется la bien obligée, а Вы, вы ее одолжили, она у Васъ останется морально въ долгу. Дѣйствуя же такъ ребячески, по минутнымъ вспышкамъ и увлеченіямъ, ежеминутно мучась мыслью, что гдѣ нибудь и кто нибудь задѣваетъ Ваши стеклянныя ноги и того и гляди ихъ подшибетъ, Вы влезите въ такую трясину, что послѣ никакими святыми изъ нея не выкарабкаетесь. Припомните мои слова! Взвѣсьте ихъ, какъ подобаетъ человѣку, qui frise la quarantaine, и не дѣлайте пустяковъ, пока не нарѣзались на бѣду.

Нужно ли Вамъ говорить, что во мнѣ говоритъ двадцатилѣтняя безпорочная къ Вамъ дружба, безъ которой мое письмо было бы неслыханною и непростительною наглостью, вдобавокъ неудобною, потому что она только поссорила бы меня съ Вами лично, безъ всякой пользы для васъ или для меня. Свѣтски, — моя изба съ краю, я ничего не знаю. Но такъ къ Вамъ относиться я не хочу и не могу. Вы это очень хорошо знаете.

Mehreres später. А пока обнимаю Васъ отъ всего сердца.

Вашъ К. Кавелинъ.

Къ этому письму приложена слѣдующая позднѣйшая записка, писанная не рукою Скребицкаго, но, очевидно, подъ его диктовку:

„Письмо Кавелина къ Скребицкому отъ 1 Декабря 1863 г. лишній разъ доказываетъ его ко мнѣ дружбу, но единовременно убѣждаетъ, что онъ, не испытавъ лично положенія

друга своего, составилъ о послѣднемъ фальшивый взглядъ. Никогда въ жизни его не былъ въ такомъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ очутился его другъ. Скребицкій былъ задушенъ трудомъ[1]), выпавшимъ на его долю. Сложная громадная разработка историческаго матеріала, за которую онъ при каждой строкѣ чувствовалъ себя отвѣтственнымъ предъ потомствомъ, душила его, при чемъ трудъ этотъ совершался одновременно на двухъ языкахъ, русскомъ и нѣмецкомъ. Къ этому труду присоединялось еще печатаніе этого матеріала, не менѣе отвѣтственное, чѣмъ первая работа.

„Кавелинъ, самъ много работавшій, никогда, однако, не испытывалъ и не переживалъ волненій, выпадавшихъ на мою долю со стороны здоровья паціента, попеченіе о которомъ мнѣ было навязано нежданно, негаданно.

„Я знаю, какъ Кавелинъ, принимаясь за свои работы и не имѣя другихъ заботъ, запиралъ на ключъ свой кабинетъ, не открывая его не только для приходящихъ знакомыхъ, но даже отъ дѣтей, жены. Словомъ, какъ бы ни были справедливы изложенные имъ выше взгляды на мое положеніе, Кавелинъ смотрѣлъ на него съ точки зрѣнія не компетентнаго человѣка. И это положеніе, длившееся мѣсяцами, предстояло мнѣ переживать неопредѣленное время. Понятно, что въ письмахъ, касаясь такого положенія къ другу, онъ невольно затрагивалъ больныя стороны такого періода своей жизни. Выходило такъ, что сѣтованія Скребицкаго казались неумѣстными и даже неприличными со свѣтской точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе, что ему приходилось намекать объ нихъ лицамъ высокопоставленнымъ.

„Въ письмѣ отъ 25 Іюня 1864 Кавелинъ ссылается на вознагражденіе, но дѣло не въ награжденіи, а въ невозможности выполнить въ одно и то же время двѣ такія задачи".

11.

Bonn. $\frac{4}{16}$ Февр. 1864. Baumschulallee, 11[2]).

Ваше Свирѣпство[3])!

Примите скромную дань моихъ нижайшихъ извиненій за столь продолжительное молчаніе. Такъ сказать, въ нѣкото-

[1]) „Крестьянское дѣло". *Б. М.*

[2]) Въ Парижъ.

[3]) Прим. А. И. Скребицкаго: Кличка, данная мнѣ пріятелями за рѣзкость (по ихъ мнѣнію), вѣрнѣе — за неуклонное отстаиваніе моихъ убѣжденій и проведеніе ихъ въ жизни.

ромъ родѣ, за отечество чернила проливали-съ! Написана и только на-дняхъ послана въ Петербургъ длинная статья о земскихъ учрежденіяхъ[1]); такъ некогда-съ было-съ отвѣчать-съ.

Въ Боннѣ, если хотите, много новаго, а между тѣмъ все по старому. Новаго то, что въ Lese-Gesellschaft опять допущена, послѣ возстановленія закона о прессѣ „Kreuzzeitung", послѣ чего офицеры желали, чтобъ ихъ попросили-пригласили возвратиться туда, и объявили, что если попросятъ, то они милостиво на это согласятся; но Lese-Gesellschaft такой дуракъ, что, вообразите, не просилъ и не будетъ просить. Просто скоты!

Другая новость та, что у Бинца[2]) былъ блистательнѣйшій вечеръ, съ великолѣпнѣйшимъ ужиномъ, продолжившимся $2^1/_2$ часа. Совершенный bourgeois-gentilhomme! Общество было очень пестрое.

Третья новость та, что въ Боннѣ читаются въ пользу Шлезвига-Гольштейна публичныя лекціи[3]). Я присутствовалъ на двухъ — Wachsmuth'а[4]) и Sybel'я[5]). Была еще лекція Maurenbrecher'а[6]), но я былъ въ гриппѣ, а можетъ быть у меня былъ бронхіальный катарръ (употребляю это выраженіе, чтобъ Вы меня очень не презирали; я вѣдь знаю: употребить, говоря съ Вами, совершенно непонятное медицинское выраженіе, это Васъ рублемъ подарить). Лекція Wachsmuth'а была — такъ себѣ, Sybel'а, о потерѣ Даніей нѣмецкихъ вла-

---

1) „По поводу губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій"; напечатана была въ издававшихся шуриномъ Кавелина, В. Ѳ. Коршемъ, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1864 г., № 49, 51 и 53, и издана отдѣльнымъ оттискомъ, Спб. 1864, 66 стр. См. Собр. соч. Кавелина, т. II.

2) Karl Binz (род. 1832), врачъ и фармакологъ, профессоръ фармакологіи въ боннскомъ университетѣ, при которомъ онъ основалъ фармакологическій институтъ; авторъ многихъ трудовъ по своей спеціальности.

3) Пользовавшійся до этого самостоятельностью, Шлезвигъ-Гольштейнъ въ 1864 г., подъ предлогомъ неисполненія Даніею принятыхъ ею обязательствъ и притѣсненія ею нѣмецкаго населенія, подвергся со стороны германскаго союза экзекуціи, исполнителями которой сдѣлались Пруссія и Австрія, принудившія Датское королевство уступить имъ свои права на герцогство.

4) Вѣроятно, Эрнстъ-Вильгельмъ Ваксмутъ (ум. 1866), нѣмецкій историкъ, профессоръ въ Лейпцигѣ.

5) Генрихъ фонъ-Зибель (род. 1817, ум. 1895), знаменитый нѣмецкій историкъ, тогда профессоръ боннскаго университета.

6) Вильгельмъ Мауренбрехеръ (род. 1838, ум. 1892) былъ профессоромъ въ Дерптѣ, Кенигсбергѣ и затѣмъ — въ Боннѣ и Лейпцигѣ; историкъ, поклонникъ Прусской политической системы.

дѣній въ началѣ XII вѣка, выбрана недурно и кстати, изложена хорошо, но по моему Sybel дурно и аффектировано читаетъ; главное же, что мнѣ показалось ошибочнымъ и устарѣлымъ, — это основной мотивъ лекціи. Это было поученіе и воззваніе къ нѣмцамъ быть единодушными, потому что, когда они единодушны, то и сильны противъ внѣшнихъ враговъ. Признаюсь, я нашелъ этотъ мотивъ очень жалкимъ, pisseux; такъ когда то Шафарикъ выплакивалъ у публики любовь и почтеніе къ Славянскимъ племенамъ. Отъ Зибеля я ждалъ болѣе глубины и трезвости историческаго пониманія. Лекція Мауренбрехера блистала, говорятъ, удивительными вещами: онъ восхвалялъ Филиппа II, оправдывалъ его фанатизмъ и будто бы выразилъ такую мысль, что для защиты святыни религіи всѣ средства хороши; замѣтьте, что онъ протестантъ. Что въ этихъ отзывахъ правда, что нѣтъ, объяснится, когда лекціи будутъ напечатаны. Тотчасъ по прочтеніи лекція возбудила жаркіе толки и большое негодованіе въ протестантскомъ лагерѣ.

Этимъ исчерпывается кругъ всѣхъ боннскихъ новостей, мнѣ извѣстныхъ. Перейду къ нашему русскому кружку Князь [1]) слабѣе и слабѣе. Я видаю его рѣже, потому что къ нему ужъ не такъ часто пускаютъ. На него и особенно на его бѣдную жену [2]) жалко смотрѣть. На дняхъ была или будетъ консультація, кажется, по желанію княгини. Приглашенный — Wolf [3]). Анюта [4]) учится музыкѣ, но не дома, а у учителя, къ которому отправляется. Fürst [5]) — милъ до нельзя; болтаетъ безпрерывно и все, что ему разсказываютъ, представляетъ тутъ же, тотчасъ же, въ лицахъ. Продѣлкамъ его нѣсть конца, одна другой уморительнѣе.

Нижній этажъ № 97 [6]) все по прежнему. Послѣ очень долгихъ наблюденій я начинаю приходить къ заключенію, что кромѣ дружбы и расположенія очень искренняго, тутъ ничего

[1]) Князь Георгій Владиміровичъ Львовъ (см. въ предыдущемъ письмѣ).

[2]) Княгиня Елизавета Львовна Львова, рожд. Давыдова, дочь Льва Васильевича Давыдова.

[3]) Докторъ

[4]) Дочь князя Г. В Львова.

[5]) Маленькій сынъ князя Г. В. Львова — князь Евгеній.

[6]) Семья Голохвастовыхъ, сестры князя Львова. Одна изъ Голохвастовыхъ, Александра Петровна, была болѣзненная дѣвушка, жившая у дяди, а другая, Екатерина Петровна, фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны (дочери великой княгини Елены Павловны), только гостила у него въ Боннѣ („Русск. Мысль“ 1899 г., кн. 12, стр. 12).

больше нѣтъ. Можетъ быть и ошибаюсь; но по крайней мѣрѣ то вѣрно, что я не имѣлъ ни малѣйшаго повода, ниже тѣни повода заключить что-нибудь другое. Думаю, по этому, что Вамъ надо быть чрезвычайно осторожнымъ въ выводахъ и заключеніяхъ, чтобъ не испортить отношеній, которыя, можетъ быть, только дружескія. Ко мнѣ обѣ [1]) неизмѣнно привѣтливы. Тетенька [2]) претонкая и преумная старушка. Съ ней очень весело, потому что она наблюдательна, и умъ у нея очень злой. Я помираю со смѣху отъ разныхъ ея разсказовъ. Читаетъ — удивительно, неподражаемо. Словомъ, я у нихъ не скучаю и бываю часто, а по Воскресеньямъ непремѣнно.

Спѣшу къ главному предмету русскаго населенія — къ достойнѣйшему Константину Станиславичу [3]). Ну, батюшка! Я видалъ животныхъ довольно; ну а такихъ, по правдѣ, еще не видывалъ! Конечно, онъ не воръ и не шулеръ, слѣд. не мерзавецъ, въ пошломъ смыслѣ слова; но за то животное — въ полнѣйшемъ смыслѣ слова, — хвастунишка, лгунишка, фатъ, франтъ и скотѣйшія понятія обо всемъ. Весь Боннъ въ него влюбленъ; вездѣ онъ является перломъ (textuel), барыни желаютъ цѣловать у него руку, онъ въ нихъ влюбляется, но черезъ нѣсколько часовъ излечивается отъ любви порціей биштекса и шопеномъ пива; во время маскарадовъ перемѣняетъ въ день три костюма, во всѣхъ обворожителенъ, за то — рѣшительно не читаетъ газетъ и не знаетъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ; я ему разсказываю за обѣдомъ объ открытіи массы людей, принадлежащихъ къ Варшавской народной организаціи, а онъ перерываетъ меня, чтобъ разсказать о томъ, какъ онъ былъ хорошъ въ костюмѣ французскаго мужика и какой то старой бабы. Наши раздоры съ Польшей безпокоятъ его только въ томъ отношеніи, что онъ состарѣется, не составивъ карьеры (textuel), что, если ему нельзя быть профессоромъ (при чемъ расчитываетъ на аудиторію въ 200 слушателей! Каковъ гусь?), то онъ „съ большою пріятностью" поступилъ бы на службу во 2-е Отдѣленіе Собственной Е. В. Канцеляріи, au pis aller — предсѣдателемъ Судебной палаты Губерніи. Вонъ его куда закидываетъ! Женщинъ онъ на-

---

[1]) Т. е. обѣ сестры Голохвастовы; изъ нихъ Александрѣ Петровнѣ было въ это время уже 34 года, а Екатеринѣ Петровнѣ — 26 (род. 13-го іюня 1828, ум. 28-го февраля 1903). Ихъ родители были тогда живы.

[2]) Княжна Екатерина Владиміровна Львова, фрейлина великой княгини Елены Павловны; ей было тогда уже 57 лѣтъ.

[3]) Брохоцкому, уже упоминавшемуся выше.

зываетъ не иначе, какъ бабами и дѣвками, и питаетъ къ нимъ глубочайшее презрѣніе. Будь этому господину лѣтъ двадцать — я бы могъ еще думать, что его испортило воспитаніе, но вѣдь этому скоту 27 лѣтъ! Его политическій индеферентизмъ мнѣ омерзителенъ, онъ не дѣло убѣжденія или страсти къ наукѣ, а плодъ пустѣйшей, вонючей, гадостной, самодовольной пустоты. Я понимаю поляка, который съ убѣжденіемъ не идетъ подъ польское знамя, но ненавижу польскаго барчука, который равнодушенъ къ горю своихъ и якшается съ русскими, потому что неспособенъ ни къ какому честному политическому убѣжденію и кадитъ своей собственной фигурѣ, проводя время въ абсолютной праздности, въ совершенномъ презрѣніи всѣхъ интересовъ, которые, положительно или отрицательно, невольно волнуютъ каждаго мало мальски мыслящаго и порядочнаго человѣка. Да, такихъ презрѣнныхъ тварей, такихъ животныхъ и скотовъ въ человѣческомъ видѣ я мало встрѣчалъ на своемъ вѣку въ нашихъ кружкахъ. Видалъ я фатовъ и пустыхъ людей; ну, зато тѣ ужъ и не толковали, что изучаютъ римское право; да случалось, что эти пустые люди вдругъ влюблялись, вдругъ набѣгала на нихъ минута великодушія, состраданія, раздумья; а эта деревяшка страстно влюбленная только въ самого себя, — расчетливая, холодная, исполненная презрѣнія ко всему, что не онъ самъ и не его успѣхи. Омерзительнѣйшій господинъ! Я понимаю, что поляки его ненавидѣли. И между ними онъ выродокъ! Они умѣютъ хоть драться и умирать за свое отечество. А эта гадина! Спѣшу Вамъ прибавить, что глубокое отвращеніе и презрѣніе къ этому господину во мнѣ чисто безкорыстное и не имѣетъ никакой личной причины. Мы ни разу не ссорились, также мирно сидимъ рядомъ за обѣдомъ и разговариваемъ, сообщая другъ другу новости и смѣшные случаи и замѣчанія. Онъ даже не въ состояніи понять, какъ онъ мерзокъ, и потому высказывается на голо самъ. Еслибъ онъ не былъ дуракъ, онъ замѣтилъ бы, какъ разныя его разсужденія и повѣствованія о себѣ самомъ меня коробятъ.

Алферова[1]) видаю изрѣдка и получаю черезъ него СПБскія вѣдомости.

Спасибо за присылку „Nord'a"[2]). Изъ маленькой под-

---

[1]) Богатый помѣщикъ, отъ ревматизма не владѣвшій сочлененіями и лѣчившійся въ Боннѣ, въ больницѣ.

[2]) Газета, издававшаяся въ Брюсселѣ на субсидію русскаго правительства.

строчной замѣтки я тотчасъ же догадался, кто ученый M. A. S.[1]) которому Моллеръ[2]) обязанъ сообщеніемъ таблицы. Она очень, очень интересна. Жаль только, что „Nord'а“ кромѣ русскихъ никто не читаетъ. Плохо онъ издается. Вообще я не вѣрю, чтобы когда-нибудь въ Европѣ насъ путемъ узнали, а еще того меньше, чтобъ къ намъ стали справедливы. Мы слишкомъ, слишкомъ разнимся отъ Европы всѣми Voraussetzungen нашей общественной жизни и нравственной природы. Такъ какъ мы еще полудики и довольно безобразны, то они хотѣли бы смотрѣть на насъ совсѣмъ свысока; но этого нельзя, потому что мы слишкомъ для этого сильны и громадны. Они насъ и побаиваются, и не понимаютъ, и все вмѣстѣ производитъ какое то отчужденіе, которое многіе изъ насъ спѣшатъ вполнѣ оправдать своими безобразными поступками.

На этотъ разъ будетъ, Ваше Свирѣпство, надѣюсь, что искупилъ, хоть отчасти, мое долгое молчаніе.

Мы Васъ ждемъ сюда въ началѣ Марта. Почему — хорошенько самъ не знаю, но ждемъ. Ваша хандра насъ печалитъ и тревожитъ. Ваши отношенія съ Киселевымъ и смѣшное заподозриваніе въ Васъ Поляка[3]) очень досадно. Но мнѣ представилась при этомъ живо die Starrheit 80-ти лѣтняго мозга, и я невольно расхохотался, читая Вашъ печальный разсказъ.

Обратили Вы серьозное вниманіе на Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ? По моему это, въ своемъ родѣ, chef d'oeuvre, по зрѣлости, обдуманности, основательности и осторожности. Меня оно привело просто въ восторгъ. Такъ не писали у насъ законы давно, очень давно! Вспомните, что это первый шагъ на пути къ самоуправленію, и онъ сдѣланъ мастерски.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

12.

Боннъ. $\frac{28}{16}$ Марта 1864. Baumschulallee, 11[4]).

Я имѣю привычку, милый другъ, не баловать своихъ близкихъ быстрыми отвѣтами, но на этотъ разъ считаю обя-

---

[1]) Т. е., Monsieur Alexandre Screbitzky.

[2]) Моллеръ — авторъ сочиненія на французскомъ языкѣ о Польшѣ, изданнаго въ 1863 г., въ самый разгаръ возстанія. Примѣчаніе А. И. Скребицкаго. Книга эта, Alexandre de Moller — „Radicalisme Russe et liberalisme Français en Pologne“, Paris. 1864, 4⁰.

[3]) Скребицкій, уроженецъ Бѣлостока, зналъ польскій языкъ; между прочимъ, въ его архивѣ сохранилось письмо къ нему Спасовича, писанное по-польски.

[4]) Въ Боннъ.

занностью отступиться отъ этого Moralitätsprincip. Вы больны, и больны отчасти по своей винѣ, за что и должны получить отъ меня, совокупно съ Кн. и Княг. Львовыми[4]) достодолжную руганцу. Разговаривая объ Васъ вчера, мы въ одинъ голосъ завопили противъ Вашей наклонности къ п і а н с т в у. Вспомнили, какъ Вы опивали Брохоцкаго[5]) въ Отель-Роялѣ, вспомнили, что изъ какихъ-то удивительныхъ демократическихъ щепетильностей Вы не потребовали себѣ у Гр. Киселева бутылки легкаго французскаго вина за обѣдомъ, а дуете хересъ и другія vins capiteux, которыя, при Вашемъ образѣ жизни, гемморояхъ и печеночной боли, — ядъ, исподоволь усиливающій Ваши болезненныя расположенія. Изъ всего этого мы заключили, что друзьямъ прилично, и не только прилично, а должно выругать Васъ порядкомъ. Вы въ тѣхъ уже лѣтахъ, когда нужно побольше наблюдать за собой, и нельзя больше вѣрить въ неистощимую силу физическаго организма, нельзя больше неэкономически, расточительно обращаться съ самимъ собою. Меня удивляетъ, что Вы, будучи медикомъ, такъ мало держитесь во всемъ естественнаго метода, трезваго и ужасно благоразумнаго. По вашему обращенію съ самимъ собою судя и вглядываясь въ ваши понятія о людяхъ и обществѣ, я скорѣе бы подумалъ, что Вы богословъ или хоть послѣдователь Гегельянизма, — такъ отъ Васъ и разитъ абсолютными воззрѣніями на себя и на другихъ!

На этомъ останавливаюсь, зная необходимость быть деликатнымъ къ страдающимъ печенью, которая, надѣюсь, не воспламенилась и только нѣсколько неделикатно напомнила о своихъ правахъ на уваженіе и Anerkennung. Мнѣ и вашимъ Боннскимъ прочимъ друзьямъ особенно желательно, чтобъ Вы внявъ гласу этихъ напоминаній о себѣ разныхъ конститутивныхъ частей Вашего тѣла, обратились изъ Николая Павловича, абсолютнаго тирана Вашего тѣла, въ конституціонную Англійскую королеву и исполняли бы свято справедливыя и законныя требованія Вашего народа, представляемаго печенью, кишками, заднимъ проходомъ etc. etc.

Спѣшу отвѣчать теперь на Ваши запросы по пунктамъ:

1) Брохоцкій уѣзжаетъ въ самыхъ первыхъ числахъ апрѣля. Ко всѣмъ его прочимъ добродѣтелямъ онъ еще и позорнѣйшій трусишка.

---

[4]) О нихъ см. выше.

[5]) См. въ предыдущемъ письмѣ.

2) Я остаюсь до конца Августа, но думаю черезъ недѣлю или двѣ предпринять маленькую поѣздку, на недѣлю примѣрно, чтобъ освѣжиться. Засидѣлся въ Боннѣ, и потому слабо и вяло работается. Хочу разсѣяться и протрястись. Куда поѣду, — еще самъ хорошенько не знаю.

3) Типографщику Вашу записку передалъ. На нее онъ мнѣ сказалъ, что листы 35-ый и 36-ой посланы[1]) къ Вамъ первый 20-го, второй 22-го. Но такъ ли это, — я сомнѣваюсь и не знаю, потому что въ записной книжкѣ правильныхъ и точныхъ отмѣтокъ я не нашелъ. 37-ой долженъ былъ быть посланъ къ Вамъ 26-го (въ субботу) ввечеру.

4) Отъ Утина[2]) получилъ, давно уже, длинное предлинное письмо. Но потомъ онъ заговѣлся. Пропала и у него охота переписываться, какъ и у всѣхъ насъ. Такъ я себѣ объясняю его молчаніе. Вообще въ нынѣшній пріѣздъ за границу пишу самъ меньше и почти ни отъ кого не получаю писемъ.

Съ Вашимъ замѣчаніемъ, что у Александра Николаевича[3]) сердце человѣческое, а голова баранья — никакъ не могу согласиться, извините. Изъ того, что у него поскудные друзья, а онъ, несмотря на то, дѣлаетъ дѣла, которыя обезсмертятъ его въ исторіи, я заключаю, наоборотъ, что у него баранье сердце и человѣческая голова. Вотъ, выбери онъ въ друзей насъ съ Вами, т. е. отличныхъ людей (это я говорю изъ скромности) и не соверши ни одного изъ великихъ дѣлъ, которыя совершилъ, — тогда я охотно согласился бы съ Вашимъ приговоромъ! Вообще Вы со мной объ Алекс. Ник. не говорите и не задѣвайте его при мнѣ. Не имѣя никакихъ причинъ лично его любить и имѣя напротивъ очень много причинъ лично его ненавидѣть[4]), я однако долженъ сказать, что такого великаго, національнаго, человѣческаго, блистательнаго царствованія Россія съ Петра[5]) не видала. По мнѣ ни

---

[1]) Листы печатавшагося тогда въ Боннѣ III тома труда Скребицкаго ст. „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II".

[2]) Бориса Исааковича, связаннаго узами большой пріязни съ Кавелинымъ.

[3]) Императора Александра II.

[4]) Какъ извѣстно, Кавелинъ въ 1857 г. былъ приглашенъ императоромъ Александромъ въ наставники по русской исторіи и гражданскому праву къ наслѣднику Николаю Александровичу, но, оклеветанный передъ императоромъ, уже въ началѣ 1858 г. долженъ былъ оставить свои занятія съ наслѣдникомъ.

[5]) Извѣстно преклоненіе Кавелина передъ личностью и дѣятельностью Петра Великаго.

Екатерина, ни Александръ I въ подметки ему не годятся! Душа подымается, когда подумаешь, сколько онъ сдѣлалъ въ какихъ-нибудь $7^1/_2$ лѣтъ! Какъ онъ поднялъ наше національное сознаніе, сколько порѣшилъ мучительнѣйшихъ вопросовъ, которые насъ давили и душили, — и какой легкой рукой! Алекс. Ник. стоитъ точно также въ началѣ новаго періода русской исторіи, какъ Петръ Великій. Ему выпало на долю вывести ее изъ плѣна и мрака на свѣтъ Божій. Я передъ нимъ преклоняюсь и не знаю мѣры глубочайшаго уваженія и сочувствія этому великому изъ великихъ русскихъ царей. Исторія, которая будетъ судить дѣла и результаты, оцѣнитъ его царствованіе, въ которомъ многаго начало въ немъ самомъ, и всё сдѣлалось по крайней мѣрѣ съ его согласія. Сравните ка его съ другими современными потентатами и скажите, не выше ли онъ ьсѣхъ ихъ тремя головами? Удивительный человѣкъ и удивительное царствованіе!

Чтобъ перейти отъ великаго къ смѣшному, разскажу Вамъ анекдотъ о Фюрстѣ [1]); я не могу объ немъ вспомнить, не надрываясь отъ смѣха. Frau Forst [2]), ночью, назвала его Schwein за то, что онъ описался. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, княжна Е. В. [3]) показываетъ ему книжку съ картинками. Нарисовано, между прочимъ, изображеніе Ксантиппы. Онъ спрашиваетъ: „Was ist das", — Xanthippe. — „Was ist das?" — Eine böse Frau. Затѣмъ, съ его стороны слѣдуютъ одинъ за другимъ три вопроса:

— Ist sie nicht lieb gewesen?
— Hat sie pipy gemacht?
— Ist sie ein Schwein?

Вотъ Вамъ Beytrag къ изслѣдованію о томъ, что такое и какъ образуются человѣческія понятія о вещахъ. Я чуть не умеръ, узнавши этотъ разговоръ.

Спѣшу къ концу. Читалъ въ профессорскомъ обществѣ двѣ лекціи о значеніи освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ историческомъ явленіи, т. е. какъ результатѣ предшествующаго развитія. По этому поводу сдѣлалъ бѣглый обзоръ внутренней нашей исторіи и бросилъ нѣсколько Blicke in die Zukunft. Удалось прочесть хорошо, безъ тетради (хоть

---

[1]) Маленькомъ князѣ Евгеніи Львовѣ, сынѣ князя Георгія Владиміровича.

[2]) Нянька князя.

[3]) Тетка мальчика, фрейлина княжна Екатерина Владиміровна Львова.

она и лежала передо мною) и возбудить большой интересъ и сочувствіе[1]).

У насъ здѣсь все по старому. Князю[2]) какъ будто получше; онъ посвѣжѣе и желудочныя страданія уменьшились. Васъ любятъ; но, повторяю, особеннаго до сихъ поръ ничего не замѣчаю, т. е. особеннаго въ извѣстномъ Вамъ смыслѣ. Вижу только большое дружеское, искреннее участіе и благорасположеніе къ Вамъ[3]). — Раза два встрѣчалъ М. на улицѣ съ миленькимъ ребенкомъ, котораго она водитъ гулять. Похудѣла и подурнѣла она съ тѣхъ поръ, что я ее видѣлъ у Leo[4]).

Вотъ и все-съ! Былъ въ концертѣ въ Кёльнѣ. Давали Passion Sebastian'a Bach'a. Это неописуемая прелесть!

Жена хвораетъ сердцемъ по старому и пишетъ тяжелыя письма, жалуясь на всѣхъ и на всё, мечтая о за границѣ. Сонька[5]) счастлива, здорова, весела и довольна всѣмъ на свѣтѣ и очень философски относится къ фантазіямъ матери. Удивительный и милѣйшій ребенокъ, воплощенная правда и искренность!

Обнимаю Васъ отъ всей души.

Вашъ К. Кавелинъ.

13.

$\frac{25}{13}$ Іюня 1864. Боннъ. Baumschulallee, 11.

Дорогой другъ Александръ Ильичъ! Какъ подобаетъ истинному Россіянину, я въ точности выполнялъ всѣ Ваши приказанія, по мѣрѣ того, какъ они ко мнѣ прибывали, но не отвѣчалъ на Ваши письма. Говорятъ, Вы скоро будете; говорятъ, Вы очень деморализованы, что видно и изъ Вашихъ писемъ. Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ, наконецъ, писать къ Вамъ. Убѣленный собственнымъ горькимъ житейскимъ опытомъ съ высокопоставленными особами, я въ сотый разъ и подъ страхомъ заслужить руганцу отъ Васъ, пишу Вамъ опять дружескій совѣтъ. Вы на

---

[1]) Лекція эта была прочитана Кавелинымъ, съ цѣлью ознакомленія нѣмцевъ съ русской исторіей, въ боннскомъ Docent-Verein'ѣ, на нѣмецкомъ языкѣ; сущность своихъ лекцій онъ разсказалъ въ письмѣ своемъ къ баронессѣ Раденъ отъ 26-го мая — 7-го іюня 1864 г.; см. „Русск. Мысль“ 1899 г., кн. 12, стр. 13—15.

[2]) Князю Г. В. Львову.

[3]) Со стороны дѣвицъ Голохвастовыхъ. Ср. выше.

[4]) Докторъ, у котораго Скребицкій жилъ въ Боннѣ.

[5]) Дочь Кавелина.

В. К. [1]) гнѣваетесь и хандрите. Ея предложенія для Васъ могутъ быть невыгодны; противъ этого я не спорю; но съ ея стороны онѣ очень широки. Je vous prie extrêmement de faire cette distinction. По этому то, — именно, что она даетъ много, но для Васъ оно мало, — Вамъ надобно въ сношеніяхъ съ ней быть очень осторожнымъ, чтобъ не напакостить самому себѣ безъ малѣйшей надобности. Чѣмъ Вы спокойнѣе и толковѣе объяснитесь съ нею или съ M-lle Rahden [2]), тѣмъ лучше для Васъ и—прибавлю—тѣмъ справедливѣе Вы будете. Фейеръ [3]), которому я расказалъ Ваше положеніе въ нѣскольких словахъ, чрезвычайно умно и практически замѣтилъ, что предложенія В. К. для Васъ невыгодны; но что она и не можетъ предложить Вамъ другихъ, потому что ея дѣло, собственно говоря, сторона; а всего ближе и приличнѣе было бы, чтобъ Киселевъ, у котораго нѣтъ дѣтей, обезпечилъ Васъ par une pension viagère, и В. К. всего бы лучше могла навести на это старика. Не знаю, какъ Вы на это посмотрите; а мнѣ эта мысль кажется очень справедливой и ее бы надо было пустить тѣмъ или инымъ путемъ въ ходъ. Но такъ или иначе, но будьте какъ можно осторожнѣе и осмотрительнѣе; въ объясненіяхъ ne montrez pas de l'humeur, а говорите прямо, спокойно и просто, почему Вы находите условія для себя невыгодными и какія могли бы принять. Повѣрьте, что въ житейскихъ дѣлахъ нужна, при голубиной чистотѣ, и змѣиная мудрость, т. е. большая разсудительность, спокойствіе и соображеніе всѣхъ обстоятельствъ за и противъ, и съ точки зрѣнія Вашей и тѣхъ, съ кѣмъ Вы имѣете дѣло. Страстью, хандрой, досадой и своей правотой ничего не возьмешь. Станьте на ту точку зрѣнія, что В. К. предлагаетъ отъ себя много, больше чѣмъ можно отъ нея требовать, и что, слѣд., она благорасположена къ Вамъ вполнѣ. Это будетъ сущая правда. Но для Васъ ея предложенія невыгодны, и это Вы должны ей объяснить безъ сердца и досады. Скажите ей или Раденъ, чего Вы хотите и почему, но Бога ради безъ озлобленія. Они подумаютъ, особо если Вы дадите имъ понять, что Киселевъ, для котораго Вы просите жертву, дол-

[1]) Т. е., на великую княгиню Елену Павловну, рекомендовавшую Скребицкаго къ графу П. Д. Киселеву въ Парижъ, гдѣ Скребицкій и прожилъ болѣе 2-хъ лѣтъ.

[2]) Баронесса Эдита Θеодоровна, флейлина и гофмейстерина великой княгини Елены Павловны, другъ Кавелина.

[3]) Докторъ, нѣмецъ.

женъ и позаботиться о томъ, чтобы вознаградить Васъ, тѣмъ болѣе, что у него нѣтъ семейства. Остальное, если Вы введете барынь въ свою мысль, онѣ обдѣлаютъ сами.

Вотъ Вамъ мысль и тэма. Бога ради подумайте, не горячась и не увлекаясь, прежде чѣмъ будете объясняться, и приготовьтесь. Помните, что подводная скала для Васъ вотъ какая: В. К. можетъ подумать, что Вы считаете себя незамѣнимымъ и потому капризничаете и ломаетесь. Если она остановится на этой мысли, отношенія Ваши будутъ очень неловкія. А удалить эту мысль Вы можете только спокойнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ всего положенія для Васъ въ настоящемъ и будущемъ. Не нужно задѣвать ее за живое, не нужно раздражать ея самолюбія; вотъ гдѣ весь ключъ вопроса. Остальное все можетъ уладиться благопріятно для Васъ. Не могу Вамъ довольно повторять этого. Скрѣпя сердце, будьте спокойны и разсудительны, разсудительны и осторожны.

Корректуры держу.

М. передалъ лекарство вчера только, потому что она приходила въ Воскресенье, когда меня не было въ Боннѣ. По воскресеньямъ я чѣмъ свѣтъ отправляюсь въ Крейцнахъ къ семейству. Жена будетъ рада Васъ видѣть. Говоритъ, что подпилочки припрятала. Соня меня радуетъ какъ нельзя болѣе: объяденье что за ребенокъ! Вообразите, по 13-му году и уже регулы, вотъ три мѣсяца, совершенно правильныя и обильныя! Что это можетъ значитъ? Здорова дюжа, весела, умна и всего больше — добра, правдива и честна.

Эйхель поправляется.

М. я передалъ и конверты съ Вашимъ адресомъ и переведенное на нѣмецкій языкъ изъ Вашего письма наставленіе насчетъ лекарства, діэты и проч.

Карлсбадскую соль принималъ три недѣли; первые дни стало было лучше; но потомъ тѣже приливы крови къ головѣ, тѣже... Хандра и тяжесть такая, что хоть пулю въ лобъ посадить. Александра П. [1]) надоумила посовѣтоваться съ Вольфомъ [2]). Я послушался, потому что дошелъ до отчаянья, не зная, что съ собой начать. Вольфъ объявилъ мнѣ, что никакія воды мнѣ не помогутъ, а что мнѣ нужно лечиться простоквашей. Теперь три недѣли, что я ею пользуюсь и нахожу, что это лекарство для меня преполезное. Приливы

[1]) Голохвастова.

[2]) Докторъ.

крови къ головѣ уменьшились на столько, что этого давящаго состоянія головы, какъ прежде, я совсѣмъ больше не чувствую... Хандра прошла..., прибавилось бодрости, какой давно не чувствовалъ. По всѣмъ видимостямъ Вольфъ попалъ въ туза. Забылъ прибавить, что перемѣны погоды почти на меня не дѣйствуютъ; къ дождю только звѣнитъ въ ушахъ и лицо краснѣетъ, но моральной перемѣны нѣтъ никакой.

Завтра отправляюсь въ Крейцнахъ, оттуда въ Швальбахъ къ Тютчеву [1]) и потомъ въ Висбаденъ; во вторникъ ввечеру возвращусь въ Боннъ. Оттого спѣшу кончить это письмо и послать до отъѣзда.

Обнимаю Васъ.

Вашъ К. Кавелинъ.

14.

2 Іюля / 20 Іюня 1864. Боннъ. Baumschulallee, 11 [2]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ.

Спѣшу отвѣчать на Ваше письмо по пунктамъ:

1) добродѣтельная Паскаль отдаетъ Вамъ комнату поденно за 10 грошей; помѣсячно за 8 талеровъ. Вы ее можете beziehen во всякое время. Эта бывшая комната Кн. Е. В. Львовой [3]), въ которой жилъ Fürst [4]) послѣ отъѣзда родителей въ Скевнингъ. Но вчера уѣхали туда на 2 недѣли и остальные обитатели Coblenzstr. 97. А. П. [5]) можетъ быть останется и дольше купаться; за то ждутъ сюда черезъ 2 недѣли ея мамашу [6]). 2) письма (перваго) не переслалъ, потому что не ѣздилъ еще

---

[1]) Николай Николаевичъ Тютчевъ (род. 1815, ум. 1878), членъ совѣта департамента удѣловъ, пріятель Бѣлинскаго, Тургенева (одно время онъ управлялъ дѣлами Спасскаго-Лутовинова), Анненкова, Кавелина (съ которымъ жилъ на одной квартирѣ въ Петербургѣ въ 1842 г.) и др. писателей. Его некрологъ написанъ былъ Кавелинымъ и помѣщенъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" 1878 г., № 348, перепечатанъ въ собраніи сочиненій Кавелина, т. II, ст. 1233—1234, гдѣ, на ст. 1234—1237, помѣщена также рѣчь Кавелина, сказанная имъ въ честь Тютчева на обѣдѣ 19-го февраля 1879 г (см. „Голосъ" 1879 г., № 64).

[2]) Въ Парижъ.

[3]) Фрейлины (см. выше).

[4]) Маленькій князь Евгеній Георгіевичъ Львовъ, сынъ князя Г. В. и княгини Е. Л. Львовыхъ.

[5]) Александра Петровна Голохвастова.

[6]) Александру Владиміровну Голохвастову, рожд. княжну Львову.

въ Крейцнахъ[1]); оно получено во время моего отсутствія, и я собирался отвезти его завтра; вмѣсто него отвезу второе завтра же. Думаю, впрочемъ, что эти предосторожности напрасны; получитъ ли она письмо отсюда или оттуда — во всякомъ случаѣ это письмо и, слѣд., возбуждаетъ подозрѣніе 3) въ это воскресенье мнѣ нельзя не быть въ Крейцнахѣ; а если Вы меня предупредите на слѣдующей недѣлѣ, когда Вы думаете ѣхать туда, то я или пріѣду невзначай, или — если Вы отправитесь не на слѣдующей недѣлѣ, а на второй, — то я не поѣду въ Воскресенье и предупрежу объ этомъ семейство; 4) о пребываніи Амурскаго[2]) въ Крейцнахѣ ничего не слыхалъ, и кажется его тамъ нѣтъ.

Изъ свѣдѣній о награжденіи Арцимовича[3]) орденомъ Святаго Станислава 1-й степени я умозаключаю, что Вы проникаетесь чиновнымъ честолюбіемъ. Сочувствую Вамъ въ этомъ вполнѣ, расчитываю съ карандашемъ въ рукѣ и съ тяжкимъ чувствомъ на сердцѣ, сколько упущено нами съ Вами времени для украшенія нашей шеи и груди кавалеріями, а личнаго нашего достоинства — чинами[4]). Здоровье мое въ самомъ удовлетворительномъ состояніи, въ какомъ давно не было. Изчезла проклятая тяжесть въ затылкѣ, которая доводила меня до отчаянія; хандра тоже изчезла; приливы крови къ головѣ продолжаются, но они меня по крайней мѣрѣ не одуряютъ; работать могу довольно и не чувствую малѣйшей перемѣны погоды. Досадно то, что геморрой нашелъ себѣ самый непріятный для меня исходъ...[5]). Я говорилъ объ этомъ Вольфу, который посмотрѣлъ...

Послѣ этихъ афродизіальныхъ подробностей справедливо

---

[1]) Гдѣ лѣчились жена и дочь Кавелина.

[2]) Т. е., графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

[3]) Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ (ум. 2-го марта 1893), тогда сенаторъ; двоюродный, по матери, братъ А. И. Скребицкаго. Въ книгѣ „Викторъ Антоновичъ Арцимовичъ. Воспоминанія. Характеристики“, Спб. 1904 помѣщены отрывки изъ писемъ Арцимовича къ Скребицкому за 1860—1868 гг. (стр. 808—813). Въ его перепискѣ со Стасюлевичемъ въ 1880-хъ гг. часто упоминается имя А. И. Скребицкаго („М. М. Стасюлевичъ и его современники“, т. IV, Спб. 1912).

[4]) Оставивъ занятія съ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ въ 1856 г., Кавелинъ отказался отъ предложеннаго ему чина дѣйств. статскаго совѣтника, а въ 1865 г., поступивъ на службу къ К. К. Гроту въ департаментъ неокладныхъ сборовъ, выговорилъ себѣ право не получать ни чиновъ, ни орденовъ.

[5]) Выкидываемъ, какъ и выше, подробности болѣзни.

обращаюсь къ предмету болѣе серьезному, — обратить Ваше вниманіе на книгу Schenkel'я: „Das Charakterbild Jesu“.

Всю божественность Христа онъ отрицаетъ и говоритъ, что она — остатокъ язычества. А между тѣмъ онъ Oberkirchenrath въ Баденскомъ В. Герцогствѣ и не только профессоръ Гейдельбергскаго университета, но даже — о ужасъ! — начальникъ Семинаріи, выпускающей поповъ и приготовляющей ихъ къ духовному сану. Die Frommen пришли въ неописанный ужасъ и составляютъ адресъ, на которомъ уже подписалось болѣе 100 поповъ, объ изгнаніи такого богохульника изъ Семинаріи и богословскаго факультета. Словомъ — скандалъ страшный. Я теперь читаю эту книгу. По мнѣ, сколько можно судить изъ первыхъ страницъ, Шенкель задалъ себѣ задачу неразрѣшимую; отвергая божественность Христа, онъ хочетъ удержать его центромъ церкви, какъ великаго учителя, который жизнью и дѣлами обновилъ міръ и родъ человѣческій. Съ этой точки зрѣнія онъ старается возстановить исторически его образъ. И такъ, Вы видите, Шенкель далеко не радикалъ и хочетъ утвердиться на лезвеѣ ножа. Какъ знаменіе времени, мысль его, лучше сказать, его стремленіе очень интересно; но мнѣ никакъ не думается, чтобъ оно могло повести къ положительнымъ результатамъ.

Міръ трясется на своихъ основаніяхъ, и что ни дѣлай дипломатія, какъ ни приноси Англія въ жертву свою національную честь и свое политическое значеніе, чтобъ сохранить миръ, война здѣсь или тамъ прорвется и крушеніе совершится, громадное, ужасающее. Оно обусловлено не Наполеономъ, не запутанностью политическаго положенія, между-народныхъ и соціальныхъ вопросовъ, а общею гнилостью всего, отсутствіемъ всякихъ твердыхъ руководящихъ началъ и въ наукѣ, и въ жизни. На человѣческомъ умѣ и сердцѣ лежатъ тяжкія оковы, имъ душно, а выхода нѣтъ; отъ того какая то мертвенность, сдавленность. Искусства нѣтъ, вѣры нѣтъ и даже невѣрія нѣтъ (оно бы могло быть плодотворно, какъ въ XVIII вѣкѣ), а какая то вялость и болезненное, скорбное равнодушіе и больной сонъ души. Голоса, въ родѣ Шенкеля, раздающіеся въ пустынѣ, свидѣтельствуютъ только о нравственномъ маразмѣ, заѣдающемъ родъ человѣческій.

И вотъ гдѣ, по моему глубокому убѣжденію, скрывается причина упадка, глубокаго упадка философіи, къ которой, рано или поздно, съ той или съ другой стороны люди должны будутъ опять возвратиться. То, что теперь считается послѣд-

нимъ ея словомъ, такъ гнило, такъ безжизненно, такъ безрезультатно, что чуть чуть не напоминаетъ блаженной памяти схоластики; но что противополагаютъ этой гнили — чуть ли еще не хуже того. Смѣхъ и досада беретъ, слушая и читая высокомѣрныя нападки на то, что имѣло когда то смыслъ, съ точки зрѣнія, не имѣющей никакого смысла. Теперешнюю философію нужно разрушить до конца, въ самомъ корнѣ, а не обдирать ея сучья и вѣтьви, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Копаютс въ навозной кучѣ и перекладываютъ то же дермо на разный манеръ, — и только.

На эти мысли наводитъ меня умная книга Шенкеля, который чувствуетъ, гдѣ корень зла, понимаетъ, что нужно воскресить христіанскій идеалъ, очистивъ его отъ историческихъ наростовъ и высвободивъ изъ мусора, который намъ выдаютъ попы и лицемѣры за самую суть христіанства. Но христіанскій идеалъ далеко уже не можетъ быть идеаломъ для насъ, ни для послѣдующихъ поколѣній. Ему можно удивляться, передъ нимъ можно благоговѣть, имъ можно восторгаться, но наполнить имъ душу современнаго человѣка нельзя. Онъ относится къ другому времени, къ другимъ обстоятельствамъ.

Хотѣлъ сказать два слова и написалъ большое письмо. Предметъ слишкомъ увлекателенъ.

Прощайте, милый другъ! До свиданья. Да благословитъ Саваоѳъ Вашу развратную лысую голову.

Вашъ К. Кавелинъ.

P. S. Бога ради не горячитесь въ разговорѣ съ В. К.[1]) Помните, что разумъ управляетъ дѣлами, а не чувства, какъ бы они благородны и справедливы ни были. Современный человѣкъ понимаетъ только разумное — а это прогрессъ.

15.

5-го августа [1864 г.]. Боннъ[2]).

Рукою Сони Кавелиной:

Милый Кибка!

Вчера только узнала отъ папы, что ты въ Баденъ-Баденѣ, и потому прошу тебя, пришли мнѣ слѣдующія Баденскія марки:

---

1) Т. е., великой княгиней Еленой Павловной.

2) Въ Баденъ-Баденъ.

1xr черную.
18xr зеленый, четвероугольныя.
2 круглыя: 3xr голубой.
6xr желтый.
9xr розовый.
12xr коричневый.
18xr красный.

Пожалуйста, Киба, достань мнѣ эти марки. Я очень желаю ихъ имѣть.

Мы уже, слава Богу, въ Боннѣ и уже устроились у Fräulein Schmitz. Пробудемъ мы здѣсь недѣли двѣ, не болѣе, а потомъ будемъ пробираться въ Питеръ.

Надѣюсь, что мы еще увидимся въ Боннѣ, а то намъ будетъ скучно цѣлую зиму и лѣто не видѣть твою лысенькую головку. Мама все такая же хандрунья, впрочемъ, она хандритъ меньше тебя. Ей все чудится, что у нее параличъ. Впрочемъ, и Кибушка иногда бываетъ faiblis biliosum maladoushiensis[1]). Это не похвально, особенно для доктора, который долженъ полировать кровь своему паціенту.

Пожалуйста, Кибуша, пріѣзжай къ намъ въ Боннъ. Мы всѣ, какъ мухи, накинемся на твою милую лыску.

Прощай, Киба, больше рѣшительно нечего писать.

Поклонись отъ меня Киселеву[2]). Цѣлую тебя 100 разъ и остаюсь твоей ex-невѣстушкой Сонькой.

Пятница, 5-го августа.
Боннъ.

P. S. Папушка и мамушка кланяются тебѣ. Послѣдняя все такая же быстроногая.

Соня.

Рукою К. Д. Кавелина: P. S. Это письмо требуетъ поясненія: *xr* при означеніи марокъ, которыя я принялъ за русское *хъ*, означаетъ kreuzer, т. е. цѣну марокъ, а вовсе не во 1-хъ, въ 18-хъ и т. д. Прошу принять это въ самое серьезное вниманіе.

Бѣдный Эйхель таки умеръ на-дняхъ, именно во вторникъ. Остались жена и 5-ро дѣтей. Бѣдные!

Получили Вы телеграмму изъ Петербурга о смерти

---

[1]) Примѣч. К. Д. Кавелина: Неправильная трансскрипція особенной болѣзни: febris biliosa maloduschiensis.

[2]) Графу П. Д. Киселеву.

дяди?[1]). Мы было телеграфировали въ Рагацъ, думая, что Вы тамъ.

На Ваши комментаріи къ письму полупомѣшаннаго Гаксгаузена[2]) — смѣялся и сердился. Надобно особенно болезненно-раздраженное воображеніе, чтобъ найти въ немъ что-нибудь другое, кромѣ капризовъ полоумнаго старика. Е. П.[3]) не станетъ пускаться съ нимъ ни въ какія откровенности касательно Васъ, — будьте благонадежны. Да и вообще между нею и имъ нѣтъ особенной близости. Ужъ если на Васъ напустить, такъ она сдѣлала бы это иначе, а не черезъ чужого. Какъ вы не видите, что баронъ раздраженъ старостью, нашимъ русскимъ безбожіемъ и въ особенности неудачами въ Россіи и Польшѣ католичества, которое, какъ говорятъ, поплатится въ Литвѣ и Польшѣ монашескими орденами, — главной своей силой?

---

[1]) Дядя А. И. Скребицкаго — тайный совѣтникъ Александръ Никифоровичъ Скребицкій, умершій 19-го іюля 1864 г. (Петербургскій Некрополь, т. IV, стр 93); онъ былъ въ отставкѣ уже съ 1834 г., при чемъ въ 1839 г. произведенъ былъ въ тайные совѣтники („С.-Петерб. Вѣд." 1839 г., № 133). Служилъ онъ, кажется, по провіантской части и былъ человѣкъ очень богатый.

[2]) Баронъ Августъ фонъ-Гакстгаузенъ, извѣстный нѣмецкій экономистъ, вскорѣ умершій — въ 1866 г., 74 лѣтъ отъ роду. Въ началѣ 1840-хъ гг онъ занимался изслѣдованіемъ земельнаго вопроса въ Россіи, для чего пріѣзжалъ въ Петербургъ, а затѣмъ совершилъ путешествіе по Россіи, которое впослѣдствіи описалъ въ 3-хъ томахъ своихъ „Studien über die inneren Zustände... Russlands" (1847—1852). Ревностный католикъ, онъ видѣлъ въ объединеніи православной церкви съ твердой и установившейся римско-католическою церковью средство для предохраненія ея отъ возможности распаденія на секты. Любопытно, что когда въ апрѣлѣ 1864 года Кавелинъ посѣтилъ Гакстгаузена въ его Вестфальскомъ замкѣ, старый фанатикъ сталъ убѣждать его въ истинахъ римскаго католицизма, стараясь „обратить его въ лоно святой апостольской церкви", что „окончательно вывело изъ себя Кавелина — и онъ поспѣшилъ оставить мрачный баронскій замокъ и его хозяина" (Д. А. Корсаковъ, К. Д. Кавелинъ — „Вѣстн. Евр." 1886 г., кн. 10, стр. 750—751). О баронѣ Гакстгаузенѣ и поѣздкѣ къ нему Кавелина см. въ другой статьѣ Д. А. Корсакова: „Изъ жизни К. Д. Кавелина" въ „Русск. Мысли" 1900 г., кн. 4, стр. 4—6, гдѣ напечатано письмо Кавелина къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ отъ 28-го мая (2-го іюня) 1864 г. съ описаніемъ поѣздки его къ Гакстгаузену въ замокъ Wassenburg. Въ первой статьѣ („Русск. Мысль" 1900 г., кн. 10, стр. 1—2) разсказано о переводѣ Кавелинымъ и Б. И. Утинымъ, по порученію великой княгини Елены Павловны, изданнаго Ганстгаузеномъ сборника „Das Konstitutionelle Prinzip" (Leipzig. 1864).

[3]) Великая княгиня Елена Павловна.

Когда же, Боже мой, Вы станете смотрѣть на вещи спокойнѣе и разсудительнѣй?

Обнимаю Васъ.

Вашъ К. Кавелинъ.

16.

$^{30}/_{18}$ октября 1864. Боннъ. Baumschulallee, 11 [1]).

Любезнѣйшая свирѣпость! Желаю исполнить данное обѣщаніе и вмѣстѣ удовлетворить чувству дружбы; вотъ почему пишу Вамъ еще изъ Бонна, за какихъ-нибудь шесть дней до окончательнаго отъѣзда въ Берлинъ, а оттуда — въ любезное отечество.

Писать надо много; не знаю съ чего начать. Головнинъ [2]) отвѣчалъ мнѣ черезъ своего директора департамента отъ 3-го Октября. Смыслъ отвѣта такой: „Я тебѣ выпрошу у Государя 700 руб. за твои труды; на тебѣ назадъ твои статьи[3]) — и чортъ съ тобой! Не надо мнѣ ни твоихъ статей, ни свѣдѣній“. Я этимъ рѣшеніемъ доволенъ. Но умно ли оно, и выгодно ли для Министерства, — объ этомъ представляю Вамъ судить. Впрочемъ, всѣ слухи согласны въ томъ, что этотъ баринъ не долго останется министромъ. Кто-то изъ его сателлитовъ возвѣстилъ въ „Indép. Belge“, 28 Октября, въ телеграммѣ что онъ выходитъ, но не вслѣдствіе своихъ пронырствъ, несостоятельности и безтактности, а вслѣдствіе будто бы разбитія партіи константиновцевъ, павшей благородной жертвой, отстаивая свободу и либеральныя начала и спасая Польшу изъ когтей ярой русской партіи. Если не читали, — прочтите! Это курьезно! Не надивишься, откуда эти мазурики научились пріемамъ французскихъ императорскихъ салтимбанковъ! Вотъ уже правда, что идеи ходятъ въ воздухѣ и Невскіе мелкіе плуты по вдохновенію говорятъ, думаютъ, чувствуютъ, какъ таковые же мошнорѣзы на Сенѣ! Перевалившись за 46 лѣтъ, я много видѣлъ на своемъ вѣку государственныхъ плутовъ въ Россіи, но не видалъ еще ни одного, который бы такъ глупо расква-

---

[1]) Въ Парижъ.

[2]) Министръ народнаго просвѣщенія. О его пошатнувшемся тогда положеніи см. въ письмѣ баронессы Э. Ѳ. Раденъ къ Кавелину изъ Уши, отъ 25-го сентября (6-го октября 1864 г.) и комментарій къ этому письму Д. А. Корсакова — „Русск. Мысль“ 1900 г., кн. 10, стр. 4—6.

[3]) „Объ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ“. *Б. М.*

силъ себѣ морду, какъ Головнинъ [1]). Въ мазурничествѣ у него недостатка нѣтъ, — и самаго подлаго свойства; но нехватило простого такту, при которомъ онъ могъ бы пакостить очень долго и совершенно безнаказанно! Очень курьезна вотъ какая подробность: статья Каткова о Головинѣ, говорятъ, была запрещена цензурой; но Катковъ, несмотря на это, напечаталъ [2]) и за то принужденъ Валуевымъ [3]) къ 50-тирублевому штрафу. Будь другая статья — „Московскія Вѣдомости" запретили бы; но эта статья была собственно по нутру Валуеву; но чтобъ не показать этого, онъ наложилъ на Каткова штрафъ — ничтожный — и какъ будто сдѣлалъ свое дѣло. Къ нему придраться нельзя. Правду сказать, я никогда не понималъ и до сихъ поръ не понимаю, за что эти два государственные мужа ненавидятъ другъ друга. Очевидно, это печальное недоразумѣніе! Они совершенно достойны другъ друга и могли бы обняться и даже поцѣловаться! [4])

Ваше письмо къ кн. Львову [5]), дорогой другъ, читалъ и пожалѣлъ за Васъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся, но мнѣ кажется, что условное обѣщаніе, данное Вамъ, есть воздушный замокъ, мечта, а между тѣмъ у Васъ выторговано нѣчто очень положительное, именно то, чего имъ такъ хотѣлось. Нѣтъ н-и м а л ѣ й ш а г о сомнѣнія, что Ваша книга [6]) будетъ впущена въ Россію; къ сожалѣнію, я долженъ прибавить, что для меня тоже несомнѣнно, что сбытъ ея будетъ, хотя и вѣрный, но чрезвычайно медленный [7]). Итакъ, Вы ничего не выиграете, а условія съ той стороны выполнены. Что для меня дѣлаетъ условное обѣщаніе, Вамъ данное, особенно

---

[1]) Впослѣдствіи, въ 1870—1880-хъ гг., отношенія между Кавелинымъ и Головнинымъ возстановились и даже пріобрѣли характеръ близости. См. „Русск. Мысль" 1900 г., кн. 10, стр. 14—16.

[2]) Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ": это были три передовыя статьи Каткова о брошюрѣ Шедо-Феротти „Que fera-t-on de la Pologne"; см. подробности въ „Русск. Мысли" 1900 г., кн. 10, стр. 5—6.

[3]) Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ П. А. Валуевъ.

[4]) Подробности о столкновеніи Кавелина съ Головнинымъ см. въ статьѣ Д. А. Корсакова „Изъ жизни К. Д. Кавелина" въ цитованной кн. 10 „Русской Мысли" за 1900 г., стр. 6—9, гдѣ приведенъ и отвѣтъ Кавелина на письмо Головнина.

[5]) Больному князю Георгію Владиміровичу Львову.

[6]) „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II".

[7]) Книга, кажется, не разошлась и донынѣ и продается въ Московскомъ Румянцовскомъ Музеѣ, въ который поступила и вся библіотека А. И. Скребицкаго

подозрительнымъ, — это обстановка, при которой оно дано: сначала попытка склонить Васъ на двойное жалованіе, а потомъ уже канцелярское обѣщаніе. Признаюсь, всѣ эти штуки окончательно уронили это лицо въ моихъ глазахъ, до того, что я бы теперь ни за что въ мірѣ не положилъ ему и мизинца въ ротъ. Повторяю, дай Богъ, чтобъ я ошибся въ этой оцѣнкѣ дѣйствій относительно Васъ! Это бы помирило меня съ нимъ, отчасти.

Въ Вашемъ письмѣ огорчили меня, кромѣ этого, еще двѣ вещи: во-первыхъ Ваши причитанья, чтобъ книга Ваша не была пропущена въ Россію и выраженіе „ненавистная Пруссія", которое Вы мнѣ кладете въ уста. Я понимаю желаніе жить внѣ Россіи;" но систематическую къ ней ненависть, какую Вы питаете, я не понимаю и, признаюсь Вамъ чистосердечно, не умѣю согласить съ Вашимъ сердцемъ. Смотрѣть на свою родину von oben herab за то только, что она груба, неразвита, отчасти несчастна, что въ ней нѣтъ ни дорогъ, ни отелей, ни хорошаго климата, ни удобствъ въ жизни — это мнѣ непонятно и кажется узкимъ и черствымъ; а еслибъ я это когда-нибудь былъ бы въ состояніи понять, то мнѣ бы, по логической связи, показалось бы совершенно натуральнымъ и естественнымъ презирать свою мать за то только, что она мужичка или Лукояновская мѣщанка, ходитъ въ платкѣ вмѣсто шляпки и говоритъ на о, какъ принято между мужиками. Объясните мнѣ, чѣмъ разнятся эти два чувства? чѣмъ одно лучше другого?

Мы съ Вами довольно спорили, чтобъ понимать другъ друга, и потому меня удивило, что Вы приписываете мнѣ ненависть къ Пруссіи. Вы очень хорошо знаете, что я ее не только не ненавижу, а напротивъ люблю и хотѣлъ бы жить въ ней лучше, чѣмъ въ Россіи; но ея режимъ, католическіе и протестантскіе попы, ея юнкера и министры, ея высшая буржуазія, газеты и либералы, — очень, очень мнѣ не нравятся, и ставить теперешнее правительство Пруссіи, ея родовую, поповскую и денежную аристократію выше русской я считаю, извините, непонятнымъ пристрастіемъ, ослѣпленіемъ, почти клеветой; это значитъ судить дѣло по случайнымъ и внѣшнимъ признакамъ, — то же, что уважать или неуважать человѣка по платью или квартирѣ, въ которой онъ живетъ. Чѣмъ Пруссія лучше Россіи, кромѣ удобствъ цивилизаціи, которыя составляютъ дѣло наживное, — я право не додумаюсь! Прошу отъ Васъ не больше, какъ справедливой, разсудительной

оцѣнки, вмѣсто припадковъ ярости, которые понятны въ молодые лѣта, да у беременныхъ женщинъ, а не въ почтенной лысой головѣ, какова Ваша. Если Вы находите, что я слишкомъ строго сужу хлыща Брохоцкаго[1]), то позвольте Вамъ сказать, что въ Вашихъ сужденіяхъ объ отечествѣ есть больше, чѣмъ строгость, — есть эгоизмъ, недостойный Васъ. Оттого, что Россія не оставила Вамъ, лѣтъ восемь тому назадъ, пріятныхъ воспоминаній, Вы плюете на нее, во имя того, что здѣсь Вамъ удобнѣе и спокойнѣе! Придетъ время, когда, отвыкнувши отъ нея совсѣмъ, изжившп свою жизнь въ напрасномъ исканіи спокойствія и довольства, Вы почувствуете, что цѣлая половина Вашего существованія отрѣзана; тогда вы узнаете, можетъ быть слишкомъ поздно, что Вы сами растоптали ногами то, что составляетъ единственную прочную основу нашей дѣятельности, единственно вѣрный центръ тяжести всего нашего существа, — это мысль, что живемъ въ своей средѣ, дышемъ ею, работаемъ для нея и освѣжаемся любовью и привязанностью къ ней. Космополитизмъ вовсе не въ томъ состоитъ, что мы отрѣшаемся вовсе отъ своей почвы, а въ томъ, что понимаемъ предразсудки и ограниченности родной среды и умомъ, чувствомъ возвышаемся надъ ними. Но космополитизмъ удобствъ, высокомѣрнаго отношенія къ родинѣ, плохо скрывающій узкій и близорукій эгоизмъ, есть принадлежность европейской masse flotante, а вовсе не людей съ умомъ, убѣжденіями и сердцемъ. Посмотрите, во что обратился Герценъ![2]). Онъ, какъ и вы, имѣетъ несчастіе быть человѣкомъ съ сердцемъ и съ убѣжденіями. Что изъ него бѣднаго сталось послѣ 20-лѣтней разлуки съ родиной! Побившись надъ невозможной задачей найти точку опоры не въ живой средѣ, въ которой родился и выросъ, а въ космополитическихъ стремленіяхъ, онъ вовсе извѣрился и — мучается. Берегитесь, чтобъ и съ Вами того же не сдѣлалось! Для счастья нужно не одного удобства и спокойствія: нужно любить и жертвовать собой, и чѣмъ жертва безкорыстнѣе, тѣмъ она больше обновляетъ, освѣжаетъ, возстановляетъ силы человѣка. На томъ пути, на которомъ Вы

---

[1]) О немъ см. неоднократныя упоминанія выше.

[2]) О расхожденіи и разрывѣ Кавелина съ Герценомъ см. въ статьѣ Д. А. Корсакова „К. Д. Кавелинъ“ въ „Вѣстн Европы“ 1886 г., кн. 10, стр. 753—756. См. также предисловіе къ книгѣ. „Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева къ Ал. Ив. Герцену“. Съ объяснительными примѣчаніями М. Драгоманова, Genève. 1892.

стоите, не долго закорузнуть, покрыться корой, непроницаемой ни для какихъ иныхъ чувствъ, кромѣ личнаго удовлетворенія, а это очень, очень плохо. Отъ этихъ привычекъ душа отвыкаетъ необыкновенно трудно. Что Вы понимаете мою любовь къ Россіи въ смыслѣ ненависти къ Пруссіи показываетъ, что Вы ужъ начинаете утрачивать то чувство, объ которомъ я говорю и безъ котораго, по моему убѣжденію, человѣкъ не имѣетъ права и не можетъ имѣть твердой точки опоры въ своемъ нравственномъ существованіи.

Dixi et animam levavi. Подумайте, нѣтъ ли правды въ моихъ словахъ.

Крюгеръ передалъ мнѣ, что Вы книгу Бидермана [1]) ко мнѣ пришлете или привезете и чтобъ потому я ее не покупалъ. Послѣднее мнѣ такъ непонятно, что я открылъ большіе глаза, когда это услыхалъ. Вы пріѣдете, когда слѣдъ мой уже простынетъ въ Боннѣ.

Комиссіи Ваши въ Петербургѣ выполнены Княжной [2]) и мной. Я особенно настоятельно писалъ К. К. [3]), который мнѣ писалъ, что также настоятельно говорилъ Семенову [4]) и надѣется, что Вы будете удовлетворены. А я, признаюсь, зная Семенова, не надѣюсь и думаю, что Вы недурно сдѣлаете, если станете съ своей стороны хлопотать черезъ Вел. Кн. [5]); я то же буду толкать отъ себя Семенова, — авось либо общими усиліями мы сдвинемъ камень съ мѣста.

У Князя [6]) бываю черезъ день. Оба продолжаютъ быть въ иллюзіяхъ на счетъ выздоровленія его черезъ нѣсколько лѣтъ. Себя ли они морочатъ, или другъ друга, или насъ, — право, не умѣю Вамъ сказать; только и жалко, и досадно слы-

---

1) Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду какое-нибудь сочиненіе австрійскаго историка-государствовѣда Германа-Игнатія Бидермана (род. 1831, ум. 1892).

2) Княжной Е. В. Львовой, фрейлиной.

3) Вѣроятно — Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ, съ которымъ Кавелинъ познакомился въ Боннѣ, гдѣ Арсеньевъ тогда занимался всеобщей исторіей, мечтая объ ученой карьерѣ („Русск. Мысль" 1899 г., кн. 12 стр. 13).

4) Оберъ-прокуроръ III департамента сената, извѣстный дѣятель по освобожденію крестьянъ Николай Петровичъ Семеновъ, впослѣдствіи сенаторъ, умершій 11-го октября 1904 г. Въ 1870 г. онъ, по порученію Академіи Наукъ, написалъ отзывъ о сочиненіи Скребицкаго „Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II", представленномъ въ Академію на Уваровскія конкурсъ.

5) Черезъ великую княгиню Елену Павловну.

6) Князя Г. В. Львова.

шать это. Фюрстъ [1]) **на-дняхъ подошелъ къ отцу, и... и говоритъ:** „wie es bei dir, Papa, schlecht riecht“. Вотъ россійскій плутъ!

Объ томъ, что меня ждетъ въ Петербургѣ, — рѣшительно не знаю. Если Головнинъ смѣнится, то можетъ быть откроются виды на каѳедру. Это было бы самое лучшее, но пока это „милліонъ въ туманѣ“. Ѣду на неизвѣстное. Эдита Ѳ. [2]) встревожилась было за мою поѣздку въ Петербургъ и написала мнѣ письмо, изъ котораго мнѣ показалось, что тучи опять скопились надъ моей головой и что она объ нихъ отчасти знаетъ. Послѣ это объяснилось. Изъ другихъ свѣдѣній я тоже знаю, что путь мнѣ въ Петербургъ чистъ, — но и только. Ѣду на удалую, куда святая не вывезетъ, но только съ твердымъ намѣреніемъ, — остаться себѣ вѣрнымъ.

Итакъ, прощайте, до свиданья! Когда и гдѣ, — кто это скажетъ! Можетъ быть и никогда! Хоть сообщенія теперь съ Россіей крайне легки, но все какъ-то, отправляясь туда изъ Европы, ѣдешь какъ будто съ Земного шара въ другой міръ! И въ самомъ дѣлѣ другой міръ! Недавно читалъ въ „СПБскихъ Вѣдомостяхъ“, что осмотръ землевладѣнія въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ (для приготовленія оцѣнки земель и поземельныхъ книгъ, необходимыхъ для переложенія податей на землю и введенія ипотекарной системы), далъ неожиданные результаты. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ землевладѣніе крестьянъ устроилось; земли покупаютъ и отдѣльныя лица, и крестьянскія общества, и даже артели не только крестьянъ, но и мѣщанъ; послѣдніе селятся на своихъ участкахъ и образуютъ новыя деревни! Такъ случайно и урывками узнаемъ мы внутреннюю работу, которая совершается у насъ! Надо было думать, что послѣ освобожденія города переполнятся народомъ; а на повѣрку выходитъ, что изъ городовъ бѣжитъ народъ въ деревню!

Обнимаю Васъ крѣпко и цѣлую, Свирѣпычъ! Не поминайте лихомъ; и когда случится, что захочется крѣпко ругнуть Россію, — вспомните обо мнѣ и оставьте!

Вашъ К. Кавелинъ.

PS. Поклонитесь Волкову и Балабину [3]).

---

[1]) Сынъ князя Львова — Евгеній.

[2]) Баронесса Раденъ. Ея переписку за это время съ Кавелинымъ, разсказывавшимъ своей пріятельницѣ обо всемъ, что его тогда волновало, см. въ статьѣ Д. А. Корсакова: „Изъ жизни К. Д. Кавелина“ — въ „Русск. Мысли“ 1900 г., кн. 10, стр. 9—13, гдѣ напечатано и упоминаемое Кавелинымъ письмо Раденъ къ нему, отъ 16-го—28-го октября, изъ Берлина.

[3]) Послѣдняя фамилія поправлена Скребицкимъ: „Баландину“.

На конвертѣ: Paris — France. Monsieur Monsieur le Docteur Alexandre Sckrebitzky. Rue Faubourg St. Honoré. Chez Monsieur le Comte de Kisseleff.

17.

13/25 Января 1865 С.-ПБургъ., Васильевск. О., 13-я линія, д. Лихониной [1]).

Свирѣпычъ! Вы вѣрно копытами выбиваете подъ собой землю, ругаете меня во всю глотку и проклинаете на всѣхъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ, за мое молчаніе. Письмо Ваше получилъ, но отвѣчать не хотѣлъ, пока не буду въ состояніи исполнить Ваши комиссіи; а писать von meiner Wenigkeit не считалъ скромнымъ. Сегодня получилъ всѣ справки и потому пишу тотчасъ же — какая аккуратность! — Справка, впрочемъ, приводитъ къ тому заключенію, что справляться было не о чемъ. Когда шла работа, предполагалось составить тѣ и другія вѣдомости, о чемъ и отмѣчалось въ журналахъ, съ ссылками на нихъ, потому что думалось, что онѣ будутъ доставлены и дополнительно напечатаются. Но дѣло шло на парахъ и потому объ этихъ дополнительныхъ свѣдѣніяхъ перестали думать. Они и не были составлены. Ихъ вовсе нѣтъ, о чемъ Вы можете сдѣлать отмѣтки и примѣчанія, гдѣ нужно [2]). Чего Вамъ недоставлено, — того и не существуетъ. Tenez-vous cela pour dit. Это результатъ очень тщательной справки. Что касается отзывовъ членовъ Редакц. Комиссій, то въ нумераціи ихъ, очевидно, путаница (NB. Нумерація эта существуетъ, не печатная, а карандашевая, только въ 2-хъ экземплярахъ: Публичной библ. и Н. А. М.) [3]). Вы толкуете о № LXV, а такихъ №№ вовсе нѣтъ. Послѣдній есть XLVI (а не LXVI, какъ вы пишете). Такимъ образомъ, № XL есть мнѣніе Б. Ф. Залесскаго, № XLI — его же, № XLII — К. И. Гечевича и Б. Б. Залесскаго, № XLIII — А. А. Грабянки, № XLIV — Н. П. Шишкова, № XLV — В. И. Булыгина, № XLVI — А. Д. Желтухина. Болѣе отдѣльныхъ мнѣній Членовъ Ред. Ком. нѣтъ. Ну и отвяжитесь! Чего пристали? Точно банный листъ! Это я говорю Вамъ на основаніи совершенно точной справки.

---

[1]) Въ Парижъ. Кавелинъ вернулся въ Петербургъ 3 ноября 1864 г. (См. „Русск. Мысль“ 1900 г., кн. 10, стр. 13).

[2]) Въ книгѣ Скребицкаго „Крестьянское дѣло при императорѣ Александрѣ II“.

[3]) Т. е., Н. А. Милютина.

Надѣюсь, что теперь, по крайней мѣрѣ, Вы будете довольны. Поздно, за то аккуратно. Нѣмецкая работа.

Обо мнѣ Вы уже вѣрно знаете. Я состою юристомъ при Департаментѣ К. К. Грота[1]), съ 3 т. жалованья. Работа — кабинетная, по проектамъ, преимущественно, когда касается юридическихъ вопросовъ. Служба сама по себѣ превосходная, особенно съ такимъ человѣкомъ какъ Гротъ. Но я бы не принялъ и этой, еслибъ было чѣмъ кормить семью. А то — ничего не было, хоть съ голоду умирай. Il fallait s'executer — et je me suis executé! Много сижу дома и отъ большихъ обществъ рѣшительно уклоняюсь. Здоровъ — только геморрой надоѣдаетъ. Голова свѣжа, сердце грустно. Огризко[2]) вскорѣ послѣ моего пріѣзда взятъ и увезенъ въ Вильно. Говорятъ его ждетъ каторга. Спасовичъ[3]) только что былъ опредѣленъ на кафедру уголовнаго права въ Казань, какъ книгу его — Учебникъ уголовного права — подвергли, на основаніи статей Баршева[4]) и Юркевича[5]), напечатанныхъ у Каткова, разсмотрѣнію особаго комитета, составленнаго изъ П. П. Гагарина[6]), бар. Корфа[7]) и Панина[8]). Комитетъ при-

[1]) Т. е., въ департаментѣ неокладныхъ сборовъ, гдѣ статсъ-секретарь Константинъ Карловичъ Гротъ былъ тогда директоромъ. См. объ этомъ въ цитированной статьѣ Д. А. Корсакова въ „Русск. Мысли" 1900 г., кн. 10, стр. 13—14.

[2]) Іосафатъ Петровичъ Огризко служилъ тогда (съ 1861 г.) причисленнымъ къ департаменту неокладныхъ сборовъ, гдѣ съ 4 февраля 1863 г. управлялъ II, III и V отдѣленіями на правахъ вице-директора. Кавелинъ былъ знакомъ съ нимъ и ранѣе: см. „Русск. Стар." 1899 г., янв., стр. 142.

[3]) В. Д. Спасовичъ. Въ мартѣ 1859 г. онъ былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, за помѣщеніе въ своей польской газетѣ „Slowo" письма Лелевеля. Кавелинъ пишетъ про арестъ Огрызко въ ноябрѣ 1864 г.; онъ былъ присужденъ затѣмъ къ 20 годамъ каторги и умеръ въ Иркутскѣ въ 1887 г. См. Н. Гогель: І. Огрызко и „Петербургскій революціонный ржондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа", Вильна, 1866, изд. 2-е, съ дополн., Вильна, 1867 г.

[4]) Профессоръ уголовнаго права въ московскомъ университетѣ Сергѣй Петровичъ Баршевъ (род. 1808, ум. 1882); его отзывъ о книгѣ Спасовича былъ напечатанъ въ 4-й книгѣ „Русскаго Вѣстника" за 1864 г.

[5]) Профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ (род. 1827, ум. 1874), сотрудникъ Каткова, ретроградъ. Его разборъ „Учебника уголовнаго права" Спасовича былъ напечатанъ въ № 9, 10 и 11 Катковской „Современной Лѣтописи" за 1864 г.

[6]) Князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, Предсѣдатель департамента законовъ Государственнаго Совѣта.

[7]) Баронъ (впослѣдствіи графъ) Модестъ Андреевичъ Корфъ, членъ департамента законовъ и главноуправляющій II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

[8]) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, бывшій министръ юстиціи, въ 1864 г. — неприсутствующій членъ Государственнаго Совѣта.

судилъ исключить Спасовича изъ учебной службы, съ тѣмъ, чтобъ впредь въ оную не опредѣлять; книгу его недозволять рекомендовать въ качествѣ учебника. Печатать ее новымъ изданіемъ не позволяютъ [1]). Двое бывшихъ моихъ студентовъ — Пантелѣевъ [2]) и Пушторскій (Русскій) [3]) тоже отвезены въ Вильно. Разсказываютъ, будто бы, кромѣ того, множество арестовано по случаю открытія общества „Земли и воли“ [4]). Но не знаю, сколько въ этихъ слухахъ справедливаго. — Катковъ, послѣ сильныхъ притѣсненій со стороны цензуры, отказывается отъ „Моск. Вѣд.“ [5]). Длинные переговоры не повели къ смягченію цензурныхъ преслѣдованій. Университетъ Московскій просилъ о возвращеніи ему права издавать „Моск. Вѣд.“ безъ цензуры, какъ было до 1852 года, но въ этой просьбѣ отказано.

$\frac{14}{26}$ января.

Теперь слышно, что Катковъ, не смотря на то, намѣренъ продолжать издавать „Вѣдомости“. Но такъ ли это — не знаю. Противорѣчивыхъ толковъ — множество. Положеніе его очень трудное. Онъ не имѣетъ твердой программы, при всемъ своемъ талантѣ. Заслуги его по польскому дѣлу — несомнѣнны. Но съ тѣхъ поръ, что Шварценбергъ сказалъ: „Австрія удивитъ міръ черной неблагодарностью“ и въ самомъ дѣлѣ удивилъ, никто болѣе этому не удивляется. При

---

1) Подробнѣе объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Спасовича см. въ его воспоминаніяхъ.

2) Лонгинъ Өедоровичъ Пантелѣевъ, нынѣ здравствующій, тогда студентъ петербургскаго университета, послѣ закрытія его въ 1861 г. посаженный въ крѣпость (изъ которой былъ выпущенъ 6 декабря 1861 г.); онъ былъ хорошо знакомъ съ К. Д. Кавелинымъ, сердечно относившимся къ своему слушателю (см. Л. Ф. Пантелѣевъ, Изъ воспоминаній прошлаго, С.-Пб. 1905, стр. 250—251); онъ былъ арестованъ 11 декабря 1864 г. въ связи съ дѣломъ Огрызко и увезенъ въ Вильно; объ этомъ Л. Ө. Пантелѣевъ оставилъ подробный разсказъ „Дѣла давно минувшихъ дней“ въ своей книгѣ „Изъ воспоминаній прошлаго“, книга II, Спб. 1908, стр. 1—148; см. также у Н. В. Гогеля: „Іосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный ржондъ ...“, Вильно. 1867, изд. 2, стр. 149. Л. Ө. Пантелѣевъ былъ тогда осужденъ на каторжную работу.

3) Студентъ петербургскаго университета П. В. Пушторскій.

4) Объ этомъ раннемъ обществѣ „Земля и воля“ см. подробный разсказъ его участника Л. Ө. Пантелѣева въ его книгѣ „Изъ воспоминаній прошлаго“, Спб. 1905, стр. 249—339.

5) Катковъ редактировалъ „Московскія Вѣдомости“ съ 1863 г., совмѣстно съ П. М. Леонтьевымъ, а съ 1875 г. — одинъ.

томъ же Катковъ, главнымъ образомъ, опирается на партію юнкеровъ, у насъ еще болѣе безнадежную, чѣмъ въ Пруссіи. Это заставило его сдѣлать много нехорошаго, и эта же причина, почему я не вѣрю, чтобъ онъ много подѣлалъ хорошаго впереди. Эта партія точно также опутаетъ его и протащитъ по грязи, какъ всѣ наши партіи, какую не возьмете. А онъ у ней въ рукахъ.

Жена эту зиму чувствуетъ себя гораздо лучше· Соня растолстѣла такъ, что смѣшно на нее смотрѣть [1]). Учится превосходно. Патріотизмъ такой, что даже меня затыкаетъ за поясъ. Просто и ума не приложишь, откуда это все берется! Вообще умный, честный ребенокъ, и къ удивленію весьма, весьма самостоятельный въ чувствахъ и мысляхъ. Она мнѣ доставляетъ много радости и утѣшенія.

Всѣ общіе пріятели объ Васъ вспоминаютъ и Вамъ кланяются самымъ любезнымъ образомъ, мои домашніе à la tête. Я крѣпко жму Вашу руку и желаю Вамъ всего лучшаго.

Не могу не приписать, какъ самую свѣженькую новость, что высшее дворянство (Безобразовъ, магистръ правъ et C-ie) [2]) изъявляютъ въ адресѣ изъ Москвы вожделѣніе получить боярскую думу. Неунимаются олигархи, подъ рукой кажется поощряемые Валуевымъ. Резолюція еще неизвѣстна. Такъ и кидаются нездоровые соки то въ нигилизмъ, то въ боярство! Думаю, что не только правительство не обратитъ вниманія на эти выходки, но и самое большинство дворянства, раскусивъ въ чемъ дѣло, не пойдетъ за олигархами. А послѣдніе пустились на штуку на Московскихъ выборахъ и исключили изъ собранія 70 человѣкъ, на томъ основаніи, что де за выдѣломъ земли крестьянамъ у нихъ не осталось сколько требуется, чтобъ имѣть голосъ. Законъ же остался прежній и правительство нарочно его пока не перемѣняло. Вотъ каковы гуси! Сенатъ кассировалъ это опредѣленіе.

Обнимаю Васъ. Весь Вашъ К. Кавелинъ.

---

[1]) Въ насмѣшку я, носившій ее ребенкомъ на рукахъ, и назвалъ ее Сухоребрикомъ. Эта кличка и осталась за нею въ семьѣ. (Примѣчаніе А. И. Скребицкаго). С. К. Кавелиной тогда былъ 14-й годъ въ началѣ.

[2]) Николай Александровичъ Безобразовъ (род. 1816, ум. 1867), магистръ петербургскаго университета (1838 г. за диссертацію „О началахъ внѣшняго государственнаго права“), авторъ цѣлаго ряда брошюръ по крестьянскому и вотчинному вопросамъ, изданныхъ въ Россіи и за границей; былъ петербургскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ 1863 г. основалъ охранительную крѣпостническую газету „Вѣсть“.

18.

26 Янв. / 7 Февр. 1865. С.-Петербургъ, Вас. О., 13 линія, домъ Лихониной [1]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ! Спѣшу сообщить Вамъ новость, отчасти предложеніе, которому я, съ своей стороны, не могъ отъ всей души непорадоваться за Васъ. Наша общая благопріятельница, княжна Екатерина Владиміровна [2]), потребовала меня къ себѣ, и именемъ Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны предложила вопросъ, можетъ ли успокоить Васъ въ заботахъ Вашихъ на счетъ Вашей будущности, еслибъ Вамъ предложена была, за Ваши попеченія и заботы о графѣ Киселевѣ до его кончины, пожизненная пенсія въ пятьсотъ руб. сер. Само собою разумѣется, что эта пенсія стала бы Вамъ отпускаться изъ суммъ Ея Высочества по истеченіи тѣхъ трехъ лѣтъ, впродолженіи которыхъ Вы будете получать условленное вознагражденіе за окончаніе труда, которымъ Вы теперь заняты [3]).

Въ моемъ отвѣтѣ Вы не можете сомнѣваться. Я считаю такого рода обезпеченіе — лучшимъ, о какомъ можно было для Васъ мечтать. Помните, въ одномъ изъ нашихъ безконечныхъ разговоровъ въ Боннѣ, я даже назвалъ эту самую цифру 500 руб., какъ предѣлъ возможныхъ желаній. Убѣжденъ, что и Вы точно также радостно примите эту вѣсть, какъ я. Само собою, я не могъ говорить отъ Вашего имени и за Васъ, чего, впрочемъ, отъ меня и не требовали. Вамъ будетъ сдѣлано формальное предложеніе, принять или — отклонить его въ Вашей волѣ; меня спросили мнѣніе, и я его выразилъ почти тѣми же словами, какъ Вамъ пишу. Убѣжденъ, что и Вы примете его съ благодарностью и радостью.

Не такъ давно писалъ Вамъ длинное письмо съ свѣдѣніями, какихъ Вы требовали, съ нѣкоторыми новостями [4]). Послѣ прибавились новыя: адресъ Московскаго дворянства о конституціи [5]),

---

[1]) Въ Парижъ.

[2]) Княжна Львова, фрейлина великой княгини Елены Павловны.

[3]) „Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II“.

[4]) См. предыдущее письмо.

[5]) Имѣется въ виду адресъ, принятый, огромнымъ большинствомъ (270 противъ 36) московскаго дворянства на первомъ послѣ изданія Земскаго Положенія о Дворянскомъ Собраніи. Въ адресѣ этомъ, подписанномъ графомъ В. П. Орловымъ-Давыдовымъ, Д. П. Голохвастовымъ и др. и редактированномъ Катковымъ, дворянство просило государя „увѣнчать зданіе реформъ“ созваніемъ представителей отъ земли русской“.

блистательная рѣчь Орлова-Давыдова [1]), начиненная пряностями, обвиняющая правительство въ коммунизмѣ и измѣнѣ, обличающая его за дозволеніе перевода Бокля [2]) на русскій языкъ, провозглашающая Бунзена [3]) атеистомъ, а выдохшагося Московскаго Филарета [4]) — альфой и омегой человѣческой премудрости. Somme faile я все-таки предпочитаю самодержавіе верховной дворянской Думѣ, съ такой программой и съ Филаретомъ-предсѣдателемъ и мудрецомъ. — Глупость насъ заѣдаетъ, невѣжествомъ мы захлебываемся. Есть, здѣсь и тамъ, утѣшительные проблески, но ихъ необыкновенно мало.

Соня толста, красна, довольна всѣмъ на свѣтѣ и плутовата, какъ истая Россіянка. Обнимаю Васъ отъ всего сердца. Надѣюсь, что Вы также хорошо примете мою новость, какъ я ее принялъ.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

19.

27 Марта / 8 Апрѣля 1865. С.-Петербургъ. Васильевск. О., 13-я линія, д. Лихоникой [5]).

Любезнѣйшій другъ Александръ! Я не отвѣчалъ Вамъ столѣтіе на Ваше письмо и не отвѣчалъ потому, что не зналъ, что и какъ отвѣчать. Все, что надобно было Вамъ сказать разумнаго, было говорено ужъ тысячу разъ; повторять и пережевывать то же самое — значило бы сердить Васъ и раздражать себя. Чего Вы желали, Вы теперь кажется получили. Великая Княгиня [6]) и старикъ Графъ [7]), которому Вы, по Вашимъ же словамъ, чуть чуть не пустили графинъ въ лобъ, нашли, наконецъ (удивительно, что они поняли это такъ поздно!), что Вамъ надобно предоставить полную свободу, что это мѣсто не по Васъ. Такъ какъ Вы сами этого желали, то мнѣ остается только радоваться, что цѣль Ваша достигнута. Я могу жалѣть только о томъ, что она достигнута не просто и прямо, а при помощи тысячи неловкостей, которыя поста-

---

1) Графъ Орловъ-Давыдовъ, Владиміръ Петровичъ, былъ оберъ-церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора.

2) „Исторія цивилизаціи въ Англіи" вышла въ 1864 г. въ переводѣ К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена.

3) Знаменитый физикъ.

4) Престарѣлый митрополитъ московскій.

5) Въ Парижъ.

6) Елена Павловна.

7) П. Д. Киселевъ.

вили Васъ въ странное положеніе къ людямъ, къ Вамъ расположеннымъ, и въ еще болѣе странное положеніе — Вашихъ друзей и пріятелей. Точно предчувствуя, что будетъ, я Вамъ твердилъ безъ устали: рѣшитесь и дѣйствуйте по твердому плану. Хотите остаться — поставьте условія спокойно и непоколебимо. Не хотите, — объявите это также спокойно и непреклонно. Вы же не сдѣлали ни того, ни другого: соглашались, жаловались, ворчали, чуть чуть не плакали, грубили, и въ то же время шатались на всѣ стороны. Это, разумѣется, наконецъ, надоѣло всѣмъ до послѣдней степени. Мы было попробовали съ Княжной [1]) Васъ урезонить и получили въ отвѣтъ такія отъ Васъ письма, что руки у насъ отвалились. Мнѣ только больно было за Васъ; а Княжнѣ пришлось читать свое письмо, кому слѣдуетъ, и бѣсовски изворачиваться, чтобъ оно не показалось тѣмъ, что есть, т. е. нестерпимой грубостью и наглостью. Милое положеніе, но спасибо ей за участіе къ Вамъ! Своего письма я, разумѣется, и не думалъ ей показывать. Довольно было съ нея и того, что Вы ей написали.

Теперь, съ Мая, Вы свободны и не будете получать оскорбительной для Васъ пожизненной пенсіи въ 500 руб. Положеніе ясное и чистое, съ прибавкой удивленія старика [2]), Вел. Княгини [3]), Княжны [4]) и, признаюсь, моего. Вы должны, судя по Вашимъ словамъ, быть очень довольны, а я убѣжденъ, что Вы довольны не будете. Вы сердились не вслѣдствіе обдуманной, строго провѣренной мысли, а вслѣдствіе геморроя, каприза, болѣзни печени, недовольства самимъ собою, избалованности и, наконецъ, вслѣдствіе того, что Вы не имѣете обязанностей, которыя давали бы центръ тяжести, спасительный балластъ Вашей жизни. Вы носитесь въ пустомъ пространствѣ, безъ руля и паруса, живя подъ минутными впечатлѣніями, не рѣшаясь ни на что опредѣленное.

Мнѣ сердечно жаль Васъ, но совѣсть моя чиста передъ Вами. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобъ натолкнуть Васъ на прямую дорогу въ этомъ печальномъ дѣлѣ.

Знаете ли что? Если хотите наладиться, — воротитесь въ Россію! Много горькаго увидите и услышите, но за то

---

1) Е. В. Львовой.

2) Графа П. Д. Киселева.

3) Елены Павловны.

4) Львовой.

привыкните понимать, что жизнь — не аллея розъ и не праздникъ. Научитесь терпѣть, лямку тянуть, вмѣсто того, чтобъ биться на кулачкахъ, какъ вы дѣлаете. Вамъ нужно сосредоточиться, Вамъ нужны обязанности. Подумайте объ моихъ словахъ: они также правы, какъ прежніе мои совѣты.

Обнимаю Васъ отъ души. Вашъ К. Кавелинъ.

Антонина и Соня Вамъ кланяются.

20.

$\frac{7}{19}$ Апрѣля 1865. С.-Петербургъ. Вас. Островъ, 13-я линія, д. Лихопиной[1]).

Любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ. Письмо Ваше отъ 12 Апрѣля я получилъ ужъ нѣсколько дней и, признаюсь Вамъ, такъ имъ изумленъ и озадаченъ, что не знаю, какъ Вамъ на него отвѣчать. Княжна Львова[2]), когда письмо Ваше прибыло, уже оставила Петербургъ. Но еслибъ она и была здѣсь, я ни ей, ни того менѣе Эдитѣ Өедоровнѣ[3]) не рѣшился бы его показать. Подобнаго рода порученіе исполнять не только трудно, но рѣшительно невозможно, и я прошу Васъ заранѣе, если случатся подобныя, съ ними ко мнѣ не обращаться, а избрать другого посредника.

Что касается до моего личнаго мнѣнія, то оно состоитъ въ слѣдующемъ: Вы мнѣ разсказывали не одинъ разъ, что Вы постоянно отказывались отъ всякаго денежнаго вознагражденія за присмотръ за Гр. К.[4]), и прибавляли, что остаетесь при немъ „изъ преданности Вел. Кн.“[5]). За тѣмъ, когда рѣчь зашла о томъ, чтобъ Вы остались при графѣ до его кончины, Вамъ предлагались разныя условія, на которыя Вы выражали свое неудовольствіе, въ томъ числѣ и выраженныя въ письмѣ Э. Ө.[6]), которое я очень помню. Такъ какъ всѣ эти условія Вы отвергали, то вамъ предложено наконецъ 500 руб. пожизненной пенсіи. Вы отвергли и его. По этому мнѣ, какъ юристу, кажется, что предложеныя и отвергнутыя предложенія не могутъ почитаться обязательными для того, кто предлагаетъ; и злиться, говорить, что Васъ надули почти на 50%, нѣтъ справедливой причины. Впрочемъ, сколько мнѣ извѣ-

1) Въ Парижъ.
2) Фрейлина.
3) Баронессѣ Раденъ.
4) Киселевымъ.
5) Великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.
6) Раденъ.

стно, Княжна [1]) прислала Вамъ выписку изъ письма Э. Ѳ. съ тою именно цѣлью, чтобъ сказать Вамъ, что Вы за службу при Гр. К. будете вознаграждены согласно съ Вашимъ желаніемъ, независимо отъ расчетовъ по книгѣ. Если же есть недоразумѣніе въ срокахъ, то оно можетъ быть исправлено простымъ спокойнымъ объясненіемъ съ княжной Львовой, не крича, что Васъ надули. Объ сотняхъ и тысячахъ съ Вами спорить не будутъ, повѣрьте.

Что Вамъ затѣмъ сказать на угрозы отказаться отъ 3600 руб., отказаться отъ окончанія работы [2]) и представить ее, недодѣланную, В. К.? Отъ такого безстыднаго и недостойнаго Васъ смѣшенія двухъ совершенно разныхъ вещей, изъ которыхъ по одной Вы сами кругомъ виноваты, а другая идетъ своимъ чередомъ, — у меня выступила краска на лицѣ, и я устыдился того дня, когда рекомендовалъ Васъ В. К. Я съ ней теперь незнакомъ и не вижусь, но ни прежде, ни теперь и никогда неспособенъ угрожать ей такой грязью. Это грязь, Скребицкій, отъ которой надо краснѣть, когда она промелькнетъ въ головѣ; а Вы рѣшаетесь ее написать!! Кому же Вы этимъ, въ самомъ дѣлѣ, напакостите, кромѣ самого себя? В. К. совершенно все равно, кончите Вы работу, или нѣтъ? Брошенную Вами перчатку она, надѣюсь, подыметъ и найдетъ другого, который кончитъ дѣло, такъ или иначе; Вы же покроетесь неизгладимымъ позоромъ и не въ однихъ ея глазахъ. Нѣтъ, Скребицкій, Вы находитесь въ нравственномъ состояніи, которое лучше не высказывать, а то пожалуй похороните себя въ мнѣніи Вашихъ старыхъ друзей. Можно дѣлать ошибки и глупости, но передъ гадостями слѣдуетъ остановиться. Вы надѣлали первыхъ тьму тьмущую во время бытности Вашей при Гр. К. [3]). Бога ради остановитесь, передохните и одумайтесь, куда Вы идете. Вы начинаете обростать такой корой, что за Васъ страшно становится. Вы по натурѣ не эгоистъ, а между тѣмъ выставляетесь копѣечникомъ. Право, мнѣ за Васъ страшно становится.

Прощайте и успокойтесь сколько нибудь.

Вашъ К. Кавелинъ.

---

[1]) Львова.

[2]) Надъ книгой „Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II“.

[3]) Киселевѣ.

21.

С.-Петербургъ. $\frac{3}{15}$ Мая 1865. Васильевск. О., 13-я линія, д. Лихониной.

Ваше послѣднее письмо, Скребицкій, приправленное разными неудовольствіями противъ меня, было потому очень кстати, что объяснило мнѣ по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло, въ чемъ Ваша претензія противъ Бар. Раденъ. Виноватъ, я дѣйствительно не зналъ или забылъ, что условіе выдавать Вамъ 100 таллеровъ въ м-цъ за все время, пока Вы находились при графѣ К. [1]), было вами принято. Названіе „копѣечника" беру назадъ. Но согласитесь сами: въ этомъ страшно-затруднительномъ дѣлѣ Вашихъ переговоровъ, болѣе запутанномъ, чѣмъ отношенія боговъ и людей въ Илліадѣ и почти столько же, сколько во всякой querelle d'Allemands, хотя бы напримѣръ по поводу Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса [2]), — нельзя и требовать, чтобъ память смертнаго, незаинтересованнаго непосредственно въ дѣлѣ, могла, съ фотографической точностью, удержать всѣ важныя и неважныя подробности безчисленныхъ маршей и контръ-маршей, переговоровъ, Marschbereitschaft, Kriegsbereitschaft, Marsch-Kriegsbereitschaft, вылазокъ, засадъ, перемирій и проч. и проч. — Теперь я вижу что Ваши требованія основательны. Я составилъ объ нихъ памятную записку въ 20-ти строкахъ, которую и передалъ вчера Б. Р. [3]). На дняхъ ожидаю отвѣта, безъ малѣйшаго сомнѣнія вполнѣ удовлетворительнаго, потому что нашелъ ее готовою поправить всякую ошибку въ цифрахъ и числахъ, которыя она допускаетъ тѣмъ охотнѣе, что въ перепискѣ съ Вами не считали необходимымъ сохранять брульоны. Еще бы! Ктожъ могъ воображать, что изъ этихъ писемъ Вы станете извлекать матеріалы для уличенія ея въ воровствѣ — мошенничествѣ и по поводу ихъ писать друзьямъ такія рацеи, которыхъ въ подлинникѣ нельзя и плуту показать, не ожидая пощечины, а тѣмъ менѣе порядочной женщинѣ.

Но если въ этомъ пунктѣ я беру назадъ то, что писалъ Вамъ и, какъ видите, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, то во всемъ остальномъ я, къ сожалѣнію, долженъ остаться вполнѣ, всецѣло при томъ, что Вамъ писалъ, — послѣ новаго Вашего письма еще больше и крѣпче, чѣмъ прежде. При

---

1) Киселевѣ.

2) См. выше.

3) Баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ.

воспоминаніи о Вашемъ письмѣ къ кн. Львовой по поводу сдѣланныхъ Вамъ предложеній, сгораю отъ стыда и негодованія за Васъ и за Вашихъ друзей, въ томъ числѣ и за себя! Письмо Ваше ко мнѣ съ просьбой поправить ошибку и недоразумѣніе возмущаетъ меня до глубины души. Эта манера за всякое недоразумѣніе, незная еще путемъ, какъ оно произошло, тотчасъ сжать кулаки, кричать, что Васъ грабятъ, обираютъ, и подносить ихъ къ самой физіономіи женщины, — возмутительна до нельзя. Объясненіе Вашего отказа отъ работы вслучаѣ, если недоразумѣніе не объяснится, — смѣшно и жалко. Чѣмъ больше свидѣтелей и писемъ, доказывающихъ, что Вы пришли къ такой премудрой мысли вслѣдствіе соображеній, о которыхъ Вы мнѣ пишите въ Вашемъ послѣднемъ письмѣ, — тѣмъ хуже для Васъ; лучше бы, еслибъ какъ можно меньше людей знали, что Вы способны такъ заключать. Какъ? У Васъ дѣло съ В. К. [1]), Вы для нея и по ея заказу работаете. Она не знаетъ и по Вашему желанію не должна знать о Вашихъ неудовольствіяхъ противъ Бар. Р. [2]), — и вдругъ, потому только, что Вы недовольны послѣдней, Вы скажете В. К.: „я не хочу больше работать для Васъ"? Гдѣ же здѣсь логика и здравый смыслъ? Нѣтъ, этого не только я, а никто въ мірѣ не могъ, не смѣлъ бы такъ объяснить, какъ Вы пишите, изъ уваженія къ Вамъ и къ Вашей способности дѣлать умозаключенія. Какъ скверное, недостойное и дикое чувство досады и мести, такой поступокъ по крайней мѣрѣ понятенъ; какъ Вы его объясняете — это безсмыслица, на которую можно только пожать плечами.

Но позвольте Вамъ сказать: Вы нечестно обращаетесь съ самимъ собой, — и это всего хуже. Вы въ собственныхъ глазахъ прикрашиваете мотивы негодные и недостойные, хотя, я охотно вѣрю, безсознательно. Но это тѣмъ хуже. Нелѣпость объясненія Вашего показываетъ только, какъ Вы тщательно скрываете или стараетесь скрыть отъ самого себя негодность Вашего намѣренія, и не можете. Психологически дѣло объясняется гораздо проще и естественнѣе. Съ самаго начала Вы повели дѣло неправильно и неловко. Вамъ не хотѣлось оставаться безсрочно при гр. Киселевѣ, и Вы, какъ всякій другой на Вашемъ мѣстѣ поступилъ бы, разсуждали такъ: ужъ если на это рѣшится, то было бы изъ чего. Про-

---

[1]) Великой княгиней.

[2]) Раденъ.

давать себя, такъ подороже и повыгоднѣе! Но Ваше мягкои добросердечіе, Ваша слабохарактерность, Ваши отношенія личныя и по работѣ къ В. К. [1]) дѣлали Вамъ очень труднымъ поставить условія, храбро, прямо и рѣзко сказать, въ чемъ вся суть дѣла. Къ тому же примѣшивалось самолюбіе: Вамъ хотѣлось, чтобъ Вашу мысль отгадали и поставили Васъ въ удобное и пріятное положеніе принять, въ видѣ предложенія, Ваше собственное желаніе. Весьма понятно, что В. К. старалась получить Ваши услуги на возможно выгодныхъ для себя условіяхъ, хотя она и цѣнила ихъ очень высоко. Начались переговоры, въ которыхъ Васъ больше и больше раздражало то, что во всю длинную ихъ эпоху никакъ не попадали на то, что Вы желаете. А Вы — рыцарствовали и бѣсились возрастая. Положеніе Ваше было очень непріятное, но характера и духу у Васъ недоставало взять дѣло за рога, поставить его во всей его рѣзкой правдѣ и твердо ждать неизбѣжныхъ послѣдствій такого шага, дурныхъ или хорошихъ, какія выпадутъ.

Все это было нехорошо, всего больше для Васъ самихъ, но бросать въ Васъ за это камнемъ причины не было. Со стороны В. К. эти переговоры мнѣ не нравились. Они были невеликодушны и не совсѣмъ человѣчны. Я жалѣлъ Васъ и не одобрялъ ея дѣйствія.

Такъ шло до предложенія Вамъ пенсіи.

Мнѣ казалось, что такія условія можно принять; Вы думали, что нельзя. Въ этомъ нѣтъ еще бѣды, потому что каждый судитъ о своемъ собственномъ дѣлѣ по своему, и въ концѣ концовъ никто не имѣетъ права гнѣваться на меня за то, что я понимаю такъ, а не иначе, что для меня хорошо и что дурно. Но свойство предложенія, которое Вамъ было сдѣлано, потому было для Васъ весьма важно и требовало отъ Васъ чрезвычайной осторожности, что оно, въ принципѣ, становилось на ту почву, на которой и Вы ставили Ваши требованія. Разница заключалась въ цифрахъ. Какъ ни важно для Васъ это обстоятельство, но оно, по сущности, было вопросомъ частнымъ — о подробностяхъ, о которыхъ можно было вести переговоры и придти къ какому-нибудь соглашенію, если не къ такому выгодному, какое Вы хотѣли, то къ лучшему, чѣмъ какое Вамъ предлагалось. Но Вы были уже раздражены предшествующими сношеніями, зло у Васъ наки-

[1]) Великой княгинѣ.

пѣло. Въ глубинѣ души Вы себя переоцѣнивали и думали: я имъ необходимъ и безъ меня они не обойдутся. Подъ вліяніемъ всего этого, Вы вполнѣ отдались страсти и натянули струну до того, что она лопнула: Да и какъ ей было не лопнуть, когда Вы, принялись бить по щекамъ женщину, когда слѣдовало переговариваться самымъ осторожнымъ и деликатнымъ образомъ. А Вы этого не поняли. Вы не можете сказать, чтобъ это случилось неожиданно. Я Вамъ говорилъ сто разъ: берегитесь! Ну что Вы скажете, если Вамъ поклонятся и отпустятъ? А это можетъ случиться.

Когда струна лопнула, Вы и тутъ необразумились, и вмѣсто того, чтобъ винить самого себя и принять урокъ къ свѣдѣнію, стали кусаться направо и налѣво съ досады. Первое письмо Ваше ко мнѣ было безобразно, второе — невозможно и дико до послѣдней степени, третье, послѣднее — смѣшно и жалко. Люди съ характеромъ не такъ встрѣчаютъ бѣду; но Вы къ несчастію, принимаете битье по мордѣ за энергію, грубость и нахальство за характеръ. Дрянныя движенія души (какъ иначе называть обвиненіе женщины въ воровствѣ, не убѣдившись твердо, что это такъ) Вы такъ съ грязью и выметываете изъ себя, не подозрѣвая, что это гниль, которую нужно прятать въ какую-нибудь помойную яму. Такія дрянныя движенія бываютъ у всякаго, но не всякій порядочный человѣкъ переводитъ ихъ въ дѣло.

Вы возмущены въ душѣ, что я считаю Васъ избалованнымъ и Вы засыпаете меня вопросами: гдѣ, когда, кѣмъ? Вашими друзьями, Скребицкій, и въ особенности прекраснаго пола. Когда Вы ругались, онѣ принимали это за дурное расположеніе духа, капризъ, оригинальность и прощали Вамъ это, за Ваши хорошія и отличныя стороны. Вы и привыкли объясняться не иначе, какъ ставя женщинамъ фонари подъ глазами; Ваши жалобы выслушивались съ сердечнымъ участіемъ; Вы же вообразили, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе Васъ, и мало по малу убѣдились въ этомъ, ставя себя на пьедестальчикъ страдальца, мученика, какихъ въ мірѣ нѣтъ, обиженнаго Богомъ и людьми, а самолюбіе подсказывало Вамъ, что Вы нѣчто вродѣ непризнаннаго таланта. Не будучи избалованнымъ невозможно и немыслимо дозволить себѣ писемъ въ родѣ тѣхъ, какія Вы писали княжнѣ [1]) и мнѣ, á l'adresse de M-lle R. [2]). Надобно опьянѣть, чтобъ на это рѣшиться, и не только наружно, но и внутренно.

[1]) Е. В. Львовой.

[2]) Раденъ.

Для меня — это самое печальное во всемъ дѣлѣ, не говоря уже объ Вашей неудачѣ. Выходитъ, великіе міра сего—правы: нашего брата нельзя къ себѣ близко подпускать, а не то онъ пожалуй въ рожу запалитъ или по матерну выругаетъ. Вы очень хвастаете своими либеральными взглядами и проводите бездну между собой и высокопоставленными лицами, считая, разумѣется, себя выше, а ихъ ниже. На повѣрку выходитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ они правы, а Вы выходите — опозоренный и посрамленный, потому что Вы засучили рукава, обругали ихъ, а они оказались порядочными людьми. Надо было быть съ ними учтивымъ и твердымъ, а Вы были слабы и невѣжливы до неприличія. Не останавливаюсь на сутяжническихъ извращеніяхъ прямого смысла моихъ словъ и придиркахъ, которыми Вы уснастили послѣднее Ваше письмо ко мнѣ. Я Васъ знаю слишкомъ давно, чтобъ судить Васъ по этому письму. Прежнее и теперешнее мое отношеніе къ Вамъ — совершенно одно и тоже, что бы Вамъ ни внушало уязвленное самолюбіе и нестерпимая досада, вслѣдствіе того, что Вы остались въ дуракахъ во всей этой несчастной исторіи, въ чемъ Вы никакъ не хотите согласиться. Что бы Вы мнѣ ни писали, я знаю, что Вы лучше того, чѣмъ Вы высказались въ этомъ дѣлѣ. Но сказать Вамъ — на этотъ разъ безъ малѣйшей пощады, — что Вы залегли въ грязь и мерзость, что Вы дѣлаете и пишете гадости, что Вы высказываетесь въ самомъ позорномъ свѣтѣ, что Вашъ образъ дѣйствій можетъ подать поводъ людямъ, незнающимъ Васъ, дѣлать Богъ знаетъ какіе оскорбительные для Васъ выводы, что Вы роняете Вашими поступками и письмами цѣлый образъ мыслей, къ которому Вы принадлежите и заставляете краснѣть за себя Вашихъ друзей, — сказать Вамъ все это прямо, безъ обиняковъ, безъ утайки я считалъ и считаю своей обязанностью, что бы изъ этого ни вышло. Лучше поздно, чѣмъ никогда! Потерявъ способность иначе объясняться, какъ съ сжатыми кулаками, Вы отвыкли понимать другой языкъ, и вотъ ужъ въ четвертый разъ въ Вашей жизни проигрываете цѣлое положеніе, которое составили себѣ трудомъ и несомнѣнными достоинствами. Зарубите это въ своей памяти и не идите дальше по этому роковому пути. Какъ англичанинъ, вообразившій что у него стеклянный задъ, Вы вездѣ и во всемъ видите оскорбленіе Вашего демократическаго достоинства, и между тѣмъ образомъ своихъ дѣйствій безпрестанно даете поводъ оскорблять его и дѣлаете другихъ правыми.

Вы меня увѣряете, что Вы только собирались пустить графиномъ въ старика, а я бы это непремѣнно сдѣлалъ. Неправда! Я бы поставилъ себѣ такъ, что не имѣлъ бы къ этому повода, не имѣлъ бы вовсе разговоровъ, которые этимъ бы кончились; а еслибъ никакъ не могъ этого избѣгнуть, то убрался бы заранѣе, а не волочилъ бы дѣла 18 мѣсяцевъ. Когда меня уязвили въ самыхъ дружескихъ моихъ чувствахъ, — я раскланялся и никакія приманки въ мірѣ не могли меня возвратить опять, — вотъ ужъ семь лѣтъ. А я не сказалъ и не написалъ ни одного грубаго слова, ни даже тѣни грубости и невѣжества. Слѣдовательно на меня ссылаться нечего. Мои рѣшенія довольно безвозвратны, но всегда въ самой вѣжливой, благовоспитанной формѣ.

За симъ я предоставляю совершенно на Вашу волю думать обо мнѣ, объ моихъ письмахъ и объ моемъ настоящемъ образѣ дѣйствій, какъ Вы хотите. Дружба у насъ переходитъ въ какое то неприличное деликатничанье, въ какое то взаимное восхваленіе и потворство не только нелѣпостямъ и глупостямъ, но даже гадостямъ. Этого не должно быть. Вмѣсто того, чтобъ приберегать ругню для враговъ и чужихъ, ее слѣдуетъ, особенно въ важныхъ случаяхъ жизни, приберечь для друзей и съ мужественною безпощадностью ставить передъ ними хорошее зеркало, которое бы отчетливо представляло имъ всю гадость ихъ поступковъ и внутреннихъ движеній, драпирующихся въ самыя почтенныя извиненія и оправданія. Эти покрывала и маски нужно, въ важныя минуты, срывать съ близкихъ, хоть бы захвативъ живое мясо. Вотъ это я и дѣлаю, по крайнему разумѣнію. А будете ли Вы на меня за это сердиться, дуться, козерогомъ отъ меня пятиться — это послѣднее дѣло, это для меня совершенно все равно! Придетъ минута, Вы сами скажете, что я былъ совершенно правъ и тогда будете меня судить совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. А теперь лучше ничего не пишите, чтобъ не захлопнуть за собой двери.

Вашъ К. Кавелинъ.

7/19 Мая. P. S. Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Начало, средина и конецъ Вашихъ переговоровъ и о трудѣ, и о службѣ при гр. К. [1]) велись разными лицами, почему Бар. Р. [2]) вовсе не знала объ условіяхъ Вашихъ отно-

[1]) Киселевъ
[2]) Раденъ.

сительно работы. Теперь моя записка представлена В. К. [1]) и отъ нея передана Гартману [2]), которому извѣстны всѣ переговоры и условія съ Вами, для окончательнаго разрѣшенія этой путаницы. Я предлагалъ выдать Вамъ немедленно 1800 тал. и тѣмъ избавить расчеты по работѣ отъ излишней сложности. Что сдѣлаютъ — не знаю, но увѣренъ, что ни ограблены, ни обсчитаны Вы не будете, и протирать глазъ отъ изумленія не будетъ надобности.

На конвертѣ: Paris (France). Monsieur le Docteur Alexandre Screbitzky. Rue. Faubourg St. Honoré, 73. Chez Monsieur le Comte de Risseleff [3]).

22.

С.-Петербургъ. 27 Мая / 8 Іюня 1865. Васильевск. О., 13-ая линія, домъ Лихониной [4]

Скребицкій! Это письмо передастъ Вамъ Николай Алексѣевичъ Вороновъ [5]), который слѣпнетъ, бѣдный, и которому я совѣтовалъ, вмѣсто Графа, обратиться къ Земишу [6]). Послѣднему пишу самъ. Такъ какъ Вы съ Земишемъ дружны, то попросите его и съ своей стороны, чтобъ онъ и приложилъ всевозможное попеченіе о больномъ. Потерять зрѣніе въ 33 года, — это величайшее несчастіе.

Поклонитесь Львову [7]) и Алферову [8]) Маленькихъ Львовыхъ перецалуйте.

Вашъ К. Кавелинъ.

---

[1]) Великой княгинѣ.

[2]) Тайный совѣтникъ Ѳома Егоровичъ Гартманъ, завѣдывавшій канцеляріею великой княгини Елены Пкволовны; дѣловыя сношенія Скребицкаго съ великой княгиней велись именно черезъ Гартмана.

[3]) На оборотѣ конверта рукой Скребицкаго: Непонятное безконечное обвиненіе.

[4]) Въ Боннѣ.

[5]) Вѣроятно — управляющій самарскимъ питейно-акцизнымъ управленіемъ Н. А. Вороновъ; въ 1860-хъ гг., какъ извѣстно, на этихъ должностяхъ было много прогрессивно-настроенныхъ людей и просвѣщенныхъ дѣятелей; такъ, одновременно, такую же должность въ Тулѣ занималъ Михаилъ Александровичъ Языковъ, пріятель Бѣлинскаго, Н. Н. Тютчева, Тургенева, Гончарова и др. писателей, знакомый и съ Кавелинымъ.

[6]) Окулисты въ Боннѣ.

[7]) Больному князю Георгію Владиміровичу Львову, женатому на Е. Л. Давыдовой, жившему съ дѣтьми — Анной и Евгеніемъ — въ Боннѣ

[8]) Помѣщику, лѣчившемуся въ Боннѣ (см. выше.)

23.

$\frac{3}{15}$ Іюля 1865. СПБ. Васильевскій О., 13-ая линія, д. Лихониной [1]).

Любезнѣйшій Александръ Ильичъ! Я писалъ Вамъ съ Вороновымъ, Николаемъ Алексѣевичемъ; писалъ и къ Арсеньеву [2]) съ нимъ же; но онъ вѣрно забылъ бросить письма на почту, потому что Арсеньевъ мнѣ ничего не пишетъ, а письмо было дѣловое. Я его просилъ: во 1-хъ, отправить мой ящикъ съ книгами, оставшійся въ моей боннской квартирѣ, въ Петербургъ черезъ Гамбургъ, моремъ, или сухимъ путемъ, смотря по тому, что дешевле; во 2-хъ заказать мнѣ у Эшбаума точно такіе же эластическіе чулки, какъ онъ мнѣ поставилъ въ послѣдній разъ, только съ тѣмъ, чтобъ а) ступня была короче на ширину большого пальца; б) чтобъ подъ колѣнами чулокъ былъ чуть чуть пошире, какихъ нибудь линіи на двѣ; в) чтобъ тесьма, идущая сзади вдоль всего чулка, была покрѣпче, не такая гнилая, какъ на послѣднихъ чулкахъ, и г) прибора къ чулкамъ, т. е. пояса и подтяжекъ не надо, потому что теперешніе годятся. Затѣмъ я просилъ сказать Эшбауму, что послѣдними чулками я очень доволенъ и убѣдительнѣйше его прошу написать тому, кому онъ ихъ заказывалъ, чтобъ они были сдѣланы такіе же добротные, чтобъ я и на будущее время могъ всегда съ увѣренностью относиться къ Эшбауму.

Будьте такъ добры, спросите Арсеньева (Haus Hertel, Stockenstrasse), получилъ ли онъ мое письмо и что сдѣлалъ по немъ. Если неполучилъ, то возьмите на себя трудъ исполнить эти комиссіи. О чулкахъ условьтесь съ Эшбаумомъ. Они стоятъ талеровъ 12-ть двѣ пары (и нынче я попрошу заказать двѣ же). Отправка ихъ не чрезъ окказію поведетъ къ неисчислимымъ хлопотамъ въ таможнѣ: по этому постарайтесь ее пріискать (напримѣръ, при возвращеніи Княжны Львовой [3]) или В. Кн.) [4]), хотя бы и не въ Боннѣ. Если же Арсеньевъ получилъ письмо и заказалъ чулки, то при полученіи ихъ заплатите Эшбауму, что слѣдуетъ. Исполненіемъ обоихъ коммиссій Вы меня премного обяжете.

---

[1]) Въ Боннъ.

[2]) Къ Константину Константиновичу Арсеньеву, слушавшему тогда въ боннскомъ университетѣ лекціи по исторіи, философіи и политической экономіи (ср. выше).

[3]) Фрейлины великой княгини Елены Павловны, княжны Е. В. Львовой (см. выше).

[4]) Великой княгини Елены Павловны.

Поклонитесь Князю и Княгинѣ Львовымъ [1]) и Княжнѣ Екатеринѣ Владиміровнѣ [2]), если она еще тамъ. Дѣтокъ цѣлую.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

24.

18 Декабря 1872. [Петербургъ].

Любезнѣйшій другъ! Вчера я не былъ у М. [3]) по случаю зубной боли. Какъ только проклятый нервъ немного закроется (я былъ сегодня у Кольбе) [4]), я побываю у Милют. на недѣлѣ и сообщу Вамъ о результатѣ.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

P. S. Сонька [5]) сидитъ дома. Впрочемъ, ей немного получше.

25.

[20 февраля 1873] [г. Петербургъ] [6]).

Андрей Парѳеновичъ Заблоцкій [7]) проситъ насъ съ Вами къ себѣ обѣдать (около 6 часовъ), но не въ Пятницу, а либо въ Четвергъ, либо въ Субботу, ad libitum.

Напишите, когда Вамъ удобнѣе и какъ. Я такъ и извѣщу его.

Вашъ К. Кавелинъ.

---

1) См. въ предыдущемъ письмѣ.

2) Львовой.

3) М. А. Милютина, вдова недавно передъ тѣмъ (26-го января 1872 г.) умершаго Н. А. Милютина. Ея воспоминанія (1855—1861), въ которыхъ много говорится и о Кавелинѣ, помѣщены въ „Русск. Стар." 1899 г., кн. 1, 2 и 3.

4) Зубной врачъ.

5) С. К. Кавелиной шелъ тогда уже 22 годъ. Въ концѣ іюля 1872 г. Кавелинъ писалъ К. К. Гроту изъ своего тульскаго имѣнія: „Соня... немножко хандритъ, разочаровалась въ русской жизни, въ прелестяхъ русскаго народа, но здорова, толста, красна. Марія Аггеевна [Милютина] прислала ей въ подарокъ родъ рубашки съ передникомъ и прицѣпкой съ бантомъ сзади, сшитые изъ деревенскихъ передниковъ и полотенецъ. Видъ пестрый и преудивительный. Она въ этомъ костюмѣ точно мордовка. Но крестьяне и крестьянки не налюбуются — такъ это близко къ ихъ идеалу" („Русск. Стар." 1899 г., янв., стр. 144—145).

6) Дата почтоваго штемпеля.

7) А. П. Заблоцкій-Десятовскій (ум. 1881), членъ Государственнаго Совѣта, дѣятель освобожденія крестьянъ, экономистъ, авторъ книги „Графъ П. Д. Киселевъ и его время", т. I—IV, СПб. 1882. Кавелина связывала съ нимъ дружба, восходившая еще къ 1848 году. Некрологъ Заблоцкаго, написанный Кавелинымъ, помѣщенъ былъ въ газ. „Порядокъ" 1881 г., № 356 (то же въ Собр. соч. Кавелина, т. II, ст. 1238—1243).

На оборотѣ: Открытое Письмо. Городское. Его Высокоблагородію Александру Ильичу Скребицкому. Литейная, д. Красовскаго. Господину доктору.

26.

[26 Февраля 1873 г. Петербургъ] [1]).

Мих. Петр. Боткинъ [2]) принимаетъ каждый день, преимущественно по Воскресеньямъ, отъ 11 до 2-хъ. Завтра и послѣзавтра онъ несвободенъ, а будущее воскресенье послѣднее, такъ какъ онъ послѣ того ѣдетъ изъ Петербурга и не возвратится до слѣдующей зимы. Его адресъ на углу Офицерской и Англійск. просп., д. Масловой (съ балкончик. въ видѣ фонариковъ). Выберите день, когда Вамъ удобно и напишите мнѣ.

К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Открытое письмо. Городское. Его Высокоблагородію Александру Ильичу Скребицкому. Литейная, д. Красовскаго. Господину доктору.

27.

[30 Октября 1873 г. Петербургъ] [3]).

Соня [4]) обѣщаетъ пріѣхать въ Среду, а Ант. [5]) пріѣдетъ, по ея словамъ, раньше, прямо изъ Вѣны. По этому, если я не буду къ 5 часамъ завтра, во Вторникъ, то неждите меня. Неоткажите передать А. М. и В. А.

Вашъ К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Открытое письмо. Городское. Его Высокоблагородію Александру Ильичу Скребицкому. Литейная, д. Красовскаго. Г. Доктору.

28.

30 окт. [1873 г. Петербургъ].

Милый Кибики! Посылаю Вамъ записку Стасюлевича, которая Вамъ объяснитъ, почему Г-гъ [6]) Вамъ не платитъ. Я ему (Ст—чу) говорилъ объ этомъ, встрѣтивъ у него Г—га.

---

1) Дата почтоваго штемпеля.

2) Академикъ живописи, извѣстный художникъ и владѣлецъ музея художественной старины, недавно умершій.

3) Дата почтоваго штемпеля.

4) Дочь Кавелина, Софья Константиновна, въ маѣ 1873 г., въ Баденѣ, вышедшая замужъ за академика живописи и архитектуры Павла Александровича Брюллова.

5) Антонина Ѳедоровна Кавелина, рожд. Коршъ.

6) Баронъ Гинцбургъ (за излѣченіе сына). (Прим. Скребицкаго.)

Никакихъ извѣстій, послѣ моего письма. отъ нашихъ нѣтъ. Но я сижу дома, съ подвязаннымъ ухомъ, которое распухло и покрылось, равно какъ и часть головы, струпьями. Боюсь простудиться.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

M-me Кибики[1]) жму дружески руку.

Къ письму Кавелина приложена слѣдующая записка къ нему М. М. Стасюлевича:

Многоуважаемый Константинъ Дмитріевичъ, я въ тотъ же вечеръ переговорилъ съ Г.[2]). Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я потому не послалъ деньги, что по возвращеніи изъ-за границы намѣревался вновь пользоваться его услугами". Въ Гейдельбергѣ ему вполнѣ одобрили все, сдѣланное С.[3]). Сообщите ему это съ тѣмъ, чтобы онъ не писалъ къ Г.

Весь Вашъ М. Ст.

29.

[1 Ноября 1873 г. Петербургъ][4]).

Получена депеша изъ Варшавы: наши[5]) пріѣзжаютъ въ Субботу, въ половинѣ четвертаго пополудни.

Получили ли Вы мое открытое письмо, а на другой день записку[6]). Я сижу дома.

Вашъ К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Открытое письмо. Городское. Его Высокоблагородію Александру Ильичу Скребицкому. Литейная, д. Красовской. Г. Доктору.

30.

Вторникъ. [13 Ноября 1873 г. Петербургъ][7]).

Милый Кибики!

Вскую разсердился на мя еси и предалъ мя собственной моей участи. Вы воображаете, по словамъ Виктора Антоновича[8]), что я ужъ выхожу; но ему глупѣйшимъ образомъ отказали, не зная, что это онъ, и наврали, что меня нѣтъ дома.

---

1) Это — первая жена Скребицкаго, родомъ нѣмка, по имени Марья Генриховна, рожд. Stromberg; она скончалась 12-го января 1878 г.

2) Гинцбургомъ.

3) Скребицкимъ.

4) Дата почтоваго штемпеля.

5) Т. е. А. Ѳ. Кавелина съ дочерью и зятемъ.

6) См. выше.

7) Дата почтоваго штемпеля.

8) Арцимовича, двоюроднаго брата Скребицкаго.

А я смиренно жду, когда Вы меня освободите изъ подъ ареста. Мнѣ гораздо лучше, но болячки, сошедшія съ головы, открылись на шеѣ. Я каждый день моюсь и мажусь три раза по Вашему предписанію и очень скучаю, особенно неизвѣстностью, что и какъ будетъ и когда меня выпустятъ. Смилуйтесь и навѣстите покорнаго болящаго.

Вашъ К. Кавелинъ.

31.

6 Апрѣля 1874 г. [Петербургъ][1]).

Monsieur u. Madame Кибики[2]).

Сегодня у Сони родился сынъ-бунтовщикъ и буянъ, должно быть, потому, что очень голосистъ[3]). Оба здоровы, но Соня мучилась долго, 39 часовъ, силъ у нея не хватило и ребенка извлекли щипцами.

Сдѣлайте милость, неоткажите сообщить объ этомъ Виктору Антоновичу[4]) и его семейству. Они всегда принимали въ насъ и въ Сонѣ такое горячее и сердечное участіе.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

32.

10 Сентября 1874 г. [Петербургъ].

Милый Кибики! Если Вы здѣсь, навѣстите болящаго. Я пріѣхалъ[5]) 1-го Сентября и былъ молодецъ молодцомъ, а вотъ два-три дня расклеился и не могу никакъ починиться. Сижу дома и вдвойнѣ буду счастливъ Васъ видѣть: пристально заняться не могу, а одному безъ дѣла — скука адская!

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Доктору Александру Ильичу Скребицкому. Близъ Невскаго проспекта, по Литейной, д. Красовской.

---

[1]) Въ началѣ письма рукой А. И. Скребицкаго: Сообщеніе Кавелина о разрѣшеніи отъ бремени его дочери Сони, письма которой ко мнѣ встрѣчаются набросанными ребяческимъ почеркомъ въ половинѣ 60-хъ годовъ.

Скребицкій.

[2]) Кличка, данная мнѣ Соней Кавелиной въ дѣтствѣ и сохранившаяся въ семьѣ. (Прим. А. И. Скребицкаго.)

[3]) У С. К. Брюлловой отъ брака ея съ П. А. Брюлловымъ были сынъ и дочь. Сынъ Вадимъ Павловичъ, родившійся 6-го апрѣля 1874 г., нынѣ инженеръ путей сообщенія.

[4]) Арцимовичу.

[5]) Изъ своего имѣнія — сельца Иванова, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ Кавелинъ проводилъ лѣто со своими „молодыми"—Брюлловыми" и съ новорожденнымъ внукомъ (см. „Вѣстн. Евр.", 1887 г., кн. 8, стр. 766—769).

33.

13 Сентября 1874 г. [Петербургъ].

Милый Кибики! Пораздумавши и поразгадавши, я рѣшилъ у Васъ не лечиться и взялъ другого доктора. Еслибъ Вы были человѣкъ, похожій на другихъ, Вы бы позволили платить себѣ за визитъ, — и я съ безстыдствомъ требовалъ бы Васъ къ себѣ, зная, что не ко мнѣ, такъ къ другому Вы поѣдете же. А теперь и хочется, и нужно Васъ видѣть, а звать къ себѣ за милліонъ верстъ стыдно какъ то; Вы же думаете: болезнь пустая, не для чего часто ѣздить, и не ѣздите безъ зова. Такъ я и порѣшилъ: не буду у него лечиться. Призовутъ на консультацію, когда будетъ очень плохо.

А со мной, съ тѣхъ поръ, что Вы были, вотъ что: благодаря Либрейху, ...[1]) пошло на ладъ, но вотъ ужъ 4 дня ....., за то вчера и сегодня разыгралась пуще прежняго, хоть плачь! Ночью уснешь часа полтора и потомъ бѣгаешь два и три часа: нѣтъ возможности лежать въ постели, а о снѣ и говорить нечего... Позыва на ѣду настоящаго нѣтъ, но ѣмъ съ удовольствіемъ... Не сердитесь на меня, друже, и въ знакъ того почеломкаемся. Хочется скорѣе изъ получеловѣка стать человѣкомъ. „Дѣловъ" и бѣготни ужасъ сколько предстоитъ.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

34.

16 Марта 1876 г. [Петербургъ].

Милый Кибики!

Я полагаю, что между нами произошелъ Stoffwechsel: у Васъ разнесло щеку, а у меня бородавка отвалилась. Не она ли перешла въ Вашу щеку? Вотъ ученый вопросъ, который я хочу предложить на обсужденіе Бутлерова[2]) и Вагнера[3]).

Цѣлую руку Марьи Генриховны[4]). Хотѣлось бы поцѣловать и Васъ, да претитъ; ну, невзначай поцѣлуешь свою же собственную бородавку? Вѣдь это даже въ нѣкоторомъ смыслѣ унизительно.

Обнимаю Васъ. Мамушка изъявляетъ Вамъ свое благоволеніе.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

---

[1]) Выпускаемъ подробности болѣзни.

[2]) Академикъ А. М. Бутлеровъ, извѣстный спиритъ.

[3]) Николай Петровичъ Вагнеръ („Котъ-Мурлыка"), тоже спиритъ.

[4]) Жена Скребицкаго.

35.

27 Октября 1876 г. [Петербургъ].

Любезнѣйшій Александръ Ильичъ.

Наше приходское Общество[1]) проситъ Васъ освидѣтельствовать Лямину, просящую у насъ пособіе и жалующуюся на слабость зрѣнія, мѣшающую ей работать. Совѣтъ желаетъ знать, справедливо ли это.

Очень обяжете, выдавъ ей письменное удостовѣреніе.

Вашъ К. Кавелинъ.

36.

3 Декабря 1876 г. [Петербургъ][2]).

Gnädigste Frau Collegienräthinn!

Einem so jungen Manne, wie ich bin, kan man schon verzeihen, dass er, von Zeit zu Zeit mehr als gebührt, zerstreut ist. Ich kann morgen unmöglich zu Ihnen kommen; aber nähsten Samstag (?) komme ich ganz gewiss und werde eine grosse Freude haben mit Ihnen und Ihrem Manne ein paar Stunden zuzubringen. Auf ihre Freundschaft rechne ich, dass der zornige Kibiky mich nicht zu sehr misshandeln wird für meinen Leichtsinn. Was Sie selbst betrift, so bin ich durch Ihr Mittleid zum voraus geschützt.

Küsse Ihre Hand. Freundlichst ergebener.

C. Cavelin.

S. Petersb.
Den 3 December
1876.

37.

10 Dec. 1876. [St.-Petersburg][3]).

Gnädigste Frau Collegienräthin!

Bei der furchtbaren Kälte 27—29° R. die mich 4 Tage hindurch zu Hause sitzen nöthigt, wird es für mich schwerlich

---

[1]) Андреевское, на Васильевскомъ Островѣ приходское благотворительное общество. Въ послѣдніе годы предсѣдателемъ его былъ П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій. Въ рукописяхъ Кавелина есть статья „Объ Андреевскомъ приходскомъ попечительствѣ“, написанная въ 1870 году; статья его „Приходскія общества въ С.-Петербургѣ“ напечатана въ „Недѣлѣ“ 1875 г., № 28.

[2]) Къ М. Г. Скребицкой. Она скончалась 12-го января 1878 г.

[3]) Къ М. Г. Скребицкой.

möglich morgen Sie zu besuchen. Ich rechne auf Ihre Güte und Milde, die Ihrer jetzigen Rangauszeichnung geziehmt, und bitte Sie um Entschuldigung. Sollte es aber wärmer werden, unter 20°, so behalte ich mir das Recht bei Ihnen zu speisen.

Ihnen ganz ergeneber

C. Cavelin.

P. S. Küssen Sie recht herzlich Kibiki. Der Auftrag wird Ihnen, gewiss, sehr willkomen seyn.

38.

3 Марта 1877. [Петербургъ].

Любезнѣйшій другъ!

Рекомендую Вашему эскулапскому вниманію члена нашего Совѣта по Андреевскому Обществу о бѣдныхъ Ивана Александровича Шалова, страдающаго глазами. Помогите болящему.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

На оборотѣ письма: Александру Ильичу Скребицкому отъ К. Кавелина. Литейная, близъ Невск. проспекта, д. Красовской (на дворѣ).

39.

6 Марта 1877. [Петербургъ].

Милый Кибики!

Примите кающуюся Магдалину, Өедора Ивановича Блока и неотказките ему въ помощи. Въ случаѣ несправедливаго негодованія и припадка ярости позволяется даже слегка его побить, но непремѣнно помочь надо.

Надѣюсь, Ваша жена поправилась. Цѣлую ея руку.

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

P. S. Даю эту записку въ видѣ сальвъ-кондюита, чтобъ Вы ужъ не слишкомъ напугали паціента и къ существующей болезни не прибавилась новая — отъ враче-страха.

Антонина[1]) таетъ при мысли, какъ Вы ей черезъ меня любезно кланяетесь.

40.

10 мая 1878 г.[2]).

Посылаю Вамъ, милый Скребицкій, письмо къ Бобровскому[3]), незапечатаннымъ, чтобъ Вы могли его прочесть.

---

1) Жена Кавелина — Антонина Өедоровна, рожд. Коршъ.

2) Изъ Бонна въ Баденъ-Баденъ.

3) Павелъ Осиповичъ Бобровскій, профессоръ и начальникъ военно-юридической академіи, въ кото й Кавелинъ черезъ $1^1/_2$ года былъ утвер-

Дай Вамъ Богъ успѣха. Надѣюсь, что мы еще увидимся, осенью, или въ теченіи зимы, если будемъ живы. Много прожито вмѣстѣ и хорошаго и дурного. Надо имѣть мужество помнить первое и при послѣднемъ и не даваться совсѣмъ въ руки другому. Поберегите себя. Жизнь и безъ того слишкомъ трудна, чтобъ можно было склоняться передъ ея ударами и помогать ей разбивать наше существованіе [1]).

Весь Вашъ К. Кавелинъ.

Корсакову [2]) передалъ Ваше порученіе.

К. Д. Кавелинъ — П. О. Бобровскому.

10-го мая 1878 г.

Милостивый Государь
Глубокоуважаемый Павелъ Осиповичъ.

Позвольте представить Вашему Превосходительству владѣльца библіотеки разныхъ книгъ политико-юридическаго содержанія, о чемъ я имѣлъ честь говорить съ Вами лично, — доктора Александра Ильича Скребицкаго. Онъ продаетъ свою библіотеку, въ которой можетъ быть найдутся книги, полезныя и для Академіи. По Вашему указанію, я передалъ каталогъ Ѳедору Николаевичу Панову и по случаю скораго отъѣзда изъ Петербурга просилъ его войти съ Скребицкимъ въ личныя сношенія. Позволяю себѣ рекомендовать Скребицкаго, по его желанію и Вамъ, на случай, еслибъ ему нужно было лично съ Вами объясниться.

Съ чувствами глубокого уваженія и преданности имѣю честь быть

Вашего Превосходительства
покорнѣйшимъ слугою
К. Кавелинъ.

жденъ профессоромъ гражданскаго права (начавъ читать лекціи съ осени 1878 года). Скребицкій желалъ продать въ академію свою библіотеку. Письмо Кавелина къ Бобровскому передано не было и сохранилось въ бумагахъ Скребицкаго. См. его ниже, вслѣдъ за настоящимъ письмомъ.

[1]) Здѣсь слышится скорбь по тяжкой утратѣ, которую понесъ Кавелинъ въ лицѣ страстно любимой дочери своей Софьи Константиновны Брюлловой, скончавшейся въ расцвѣтѣ силъ 4-го октября 1877 года. „Съ этого дня", говоритъ Д. А. Корсаковъ: „для Кавелина наступила грустная, унылая пора жизни, полная однихъ воспоминаній о прошломъ и уже ничего не сулившая ему въ будущемъ". („Вѣстн. Евр." 1887 г., кн. 8, стр. 776.)

[2]) Родной племянникъ Кавелина — заслуженный профессоръ казанскаго университета и членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ Дмитрій Александровичъ Корсаковъ, столь много сдѣлавшій для собиранія матеріаловъ по біографіи своего дяди и ея разработки, издатель собранія его сочиненій.

41.

16 мая [1878 г.] Вторникъ. Москва, Лоскутная гостинница Мамонтовыхъ на Тверской № 94 [1]).

Милый Скребицкій. Выигрышъ пришлите во всякомъ случаѣ къ намъ, потому что я продалъ П. А. Брюлову [2]) 10 билетовъ, и слѣд. если выигрышъ палъ не на одинъ изъ моихъ билетовъ, то онъ палъ на одинъ изъ его. Отдайте Антонинѣ [3]), а послѣ мы разберемся, только напишите, на какой именно № палъ выигрышъ, такъ какъ иначе будетъ неизвѣстно, кому онъ достался.

Послѣ завтра ѣду въ деревню, въ 3 часа 30 м. дня. Съ Пятницы 19, если вздумаете писать, адресуйте Тульск. губ. Бѣлевскаго уѣзда въ сельцо Иваново.

Жму Вамъ крѣпко руку. Прощайте. Дай Вамъ Богъ душевнаго мира и покоя. Корсаковъ [4]) идетъ хлопотать по Вашимъ дѣламъ. Мы здѣсь со вчера, съ 4-хъ часовъ пополудни.

Дайте вѣсть обо мнѣ Антонинѣ, хоть пересылкой этой записки. Есть здѣсь дѣла, и писать пока некогда. Если увидите нашихъ, поцѣлуйте крѣпко дѣтей [5]) и передайте мою дружбу Антонинѣ и Павлу Александровичу [6]). Поклонъ всѣмъ общимъ друзьямъ.

Весь Вашъ Кавелинъ.

42.

11-го Іюня 1879 года. Сельцо Иваново [7]).

Вчера получилъ Ваше письмо, любезнѣйшій другъ Александръ Ильичъ, и спѣшу вамъ послать кой-какія карточки. О Вашей поѣздкѣ по Россіи я знаю не изъ газетъ, а отъ нашихъ общихъ пріятелей, которые принимали участіе въ устройствѣ этого дѣла [8]). Очень радуюсь, что Вы переста-

---

[1]) Въ Петербургъ.

[2]) Своему зятю.

[3]) А. Ѳ. Кавелина, рожд. Коршъ.

[4]) Племянникъ Кавелина — Д. А. Корсаковъ (см. въ предыдущемъ письмѣ).

[5]) Т. е., внука и внучку, дѣтей покойной С. К. Брюлловой.

[6]) Брюллову, зятю.

[7]) Въ Бѣлостокъ.

[8]) Скребицкій, состоявшій въ то время консультатомъ въ Максимиліановской лѣчебницѣ, совершалъ тогда свою первую поѣзду отъ Общества помощи слѣпымъ воинамъ, участникамъ войны 1877—1878 гг.

нете сидѣть безвыѣздно на одномъ мѣстѣ, лицомъ къ лицу съ скорбными думами и воспоминаніями [1]). Нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже ихъ: хоть бы они вели къ чему нибудь! А то сушатъ и мучатъ людей безъ малѣйшей пользы кому-нибудь и съ положительнымъ вредомъ для того, кто ими живетъ [2]). Надѣюсь и увѣренъ, что когда Вы проѣздитесь и провѣтритесь, Вы будете нѣсколько благосклоннѣе и справедливѣе смотрѣть на Вашихъ старыхъ друзей.

Я живу здѣсь съ 18-го мая. Дѣла въ имѣніи идутъ недурно; хозяйство подвигается впередъ; травы и всходы очень порядочные. 30-го мая пустили въ ходъ сыроварню и теперь уже 11 сыровъ сварено. Наслаждаюсь деревней несказанно и пишу о задачахъ этики большую статью, которую задумалъ давно и которая по всѣмъ вѣроятіямъ будетъ моею лебединою пѣснью въ серіи работъ это рода [3]).

Изъ Петербурга имѣю самыя противорѣчивыя свѣдѣнія, которыя меня очень тревожатъ. Антонина [4]) пишетъ, что она здорова почти совсѣмъ и переѣзжаетъ въ Гатчино, вмѣсто Шмецко близъ Нарвы; а отъ другихъ я получаю самыя неутѣшительныя сообщенія, что у нея на языкѣ ракъ, который дѣлаетъ успѣхи, что надо спѣшить операціей, иначе будетъ поздно. Незнаю, какъ быть, и не приложу ума въ ожиданіи самыхъ печальныхъ послѣдствій.

Посылаю Вамъ для Кіева — рекомендацію Бунге [5]), ректору У-та и Кистяковскому — проф. Уголовнаго Права [6]); въ

---

1) Рукой Скребицкаго: Смерть первой жены (12 янв. 1878).

2) Рукой Скребицкаго: Платоническія утѣшенія! На мою долю выпали еще болѣе ужасныя страданія: неизлечимая болѣзнь, въ теченіи шести лѣтъ, моей второй жены, Маріи Семеновны, ангела въ плоти, и со дня ея кончины, 22 Марта 1900 г., ничѣмъ не смягчаемое одиночество, хроническое отчаяніе, безцѣльное существованіе, полное нравственныхъ страданій, усугубляемое общественнымъ бѣдствіемъ (10 Апрѣля 1904). Скребицкій.

3) Жена Кавелина, Антонина Ѳедоровна.

4) Напечатана была лишь въ 1884 г. въ „Вѣстникѣ Европы“, кн. 10, 11 и 12 и въ 1885 г. издана посмертно, отдѣльно, съ біографіей и портретомъ Кавелина; перепечатана въ собр. сочиненій Кавелина, т. III, стр. 897—1018; тамъ же, стр. 1244—1245. — Примѣчанія Д. А. Корсакова объ этой работѣ Кавелина.

5) Николай Христіановичъ Бунге, профессоръ полицейскаго права въ Университетѣ св. Владиміра, впослѣдствіи министръ финансовъ, академикъ и предсѣдатель комитета министровъ; умеръ 3-го іюня 1895 г.

6) Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій, криминалистъ.

въ Одессу — Упр. Акц. Сб. Тимченко[1]) и прис. повѣр. Вейнбергу, въ Харьковъ — проф. Стоянову (кажется ректоръ)[2]) и Имшенецкому[3]), проф. Математики. Въ Одессѣ оба знаютъ всѣхъ и могутъ Васъ познакомить, съ кѣмъ Вамъ нужно. Когда будете у Вейнберговъ, поклонитесь отъ меня крѣпко женѣ, Любови Григорьевнѣ (сестра Рубинштейна)[4]) и дочери Марія Яковлевнѣ. Другая дочь, Надежда, замужемъ за проф. Шведовымъ, едва ли въ Одессѣ; но если она тамъ, поѣзжайте къ ней: это мой великій другъ, а ея мужъ — деканъ Естеств. и Математич. факультета[5]).

Обнимаю Васъ. Передайте мой поклонъ и выраженіе душевнаго почтенія Вашей матушкѣ и поклонитесь сестрамъ[6]). Вамъ крѣпко жму руку и прошу не быть слишкомъ требовательнымъ и взыскательнымъ къ старымъ друзьямъ. Старинныя пріязни даютъ право не стѣсняться и не считаться визитами; иначе дружба была бы такая же несносная вещь, какъ большинство людскихъ отношеній.

Вашъ весь К. Кавелинъ.

Приложена визитная карточка Кавелина: Харьковъ г. Профессору Стоянову рекомендуетъ К. Д. Кавелинъ пріятеля своего, доктора глазныхъ болѣзней Александра Ильича Скребицкаго.

43.

17-го января 1883 г. [Петербургъ].

Любезнѣйшій Александръ Ильичъ,

Дениза Андреевна Коршъ[7]) просила меня напомнить Вамъ о нѣкоемъ Соколовѣ, о которомъ она нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ просила Васъ. Этотъ бѣднякъ почти умираетъ съ голоду. Помогите ему пристроиться въ училищѣ слѣпыхъ, гдѣ вы играете первую скрипку.

---

[1]) Григорій Ивановичъ Тимченко, управляющій питейно-акцизнымъ управленіемъ Херсонской губерніи.

[2]) См. ниже рекомендательную визитную карточку Кавелина; Андрей Николаевичъ Стояновъ, проф. исторіи иностранныхъ законодательствъ, деканъ юридическаго факультета.

[3]) Василій Григорьевичъ Имшенецкій, проф. механики, впослѣдствіи (съ 1881 г.) академикъ; ум. 24-го мая 1892 г.

[4]) Композитора Антона Григорьевича Рубинштейна.

[5]) Профессоръ физики и деканъ физико-матматическаго факультета новороссійскаго университета Өедоръ Николаевичъ Шведовъ.

[6]) Онѣ жили въ Бѣлостокѣ, гдѣ родился А. И. Скребицкій.

[7]) Жена зятя Кавелина, Валентина Өедоровича Корша, вскорѣ (25-го іюня 1883 г.) умершаго. Д. А. Коршъ скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Что Вы дѣлаете? Крѣпко пожмите руку Марьи Семеновны [1]). А я все сижу дома. На этихъ дняхъ было очень скверно. Разыгрались личная и челюстная невралогія отъ простуды ли, или отъ страданій уха, — Господь вѣдаетъ.

Вашъ К. Кавелинъ.

Записку Соколова прилагаю.

44.

1-го ноября 1883 г. [Петербургъ] [2])

Сегодня, въ Понедѣльникъ, у насъ въ 8 ч. торжественное собраніе И. В. Э. Общества [3]). Будетъ Вел. Князь [4]), и мнѣ надо быть тамъ по крайней мѣрѣ въ 7½ часовъ. Если не успѣю побывать у васъ на будущей недѣлѣ (на этой немыслимо), то пріѣду послѣ 15-го, такъ-какъ съ 15 по 30 я буду присяжнымъ въ судѣ [5]).

Вашъ К. Кавелинъ.

На оборотѣ: Открытое письмо. Его Высокоблагородію Александру Ильичу Скребицкому. Литейная, близъ Невскаго проспекта, д. г-жи Скребицкой.

---

[1]) Вторая жена А. И. Скребицкаго, рожд. Юрьевичъ, дочь генералъ-адъютанта С. А. Юрьевича, одного изъ воспиталей Александра II, бывшая фрейлина; вышла замужъ за Скребицкаго въ маѣ 1882 г., будучи вдовою извѣстнаго архитектора, профессора Аполинарія Каэтановича Красовскаго (род. 27-го января 1817, ум. 9-го іюня 1875 г.) и живя въ собственномъ домѣ на Литейномъ проспектѣ (№ 62), въ коемъ жилъ и умеръ М. Е. Салтыковъ. М. С. Скребицкая была истинною филантропкою и многимъ благодѣтельствовала безъ шума, анонимно, жертвуя много и на дѣла просвѣщенія. Болѣзнь въ послѣднія 6 лѣтъ ея жизни препятствовала ей работать на поприщѣ, которое она избрала для своего любвеобильнаго сердца; она скончалась въ Лозаннѣ 22-го марта 1900 г., 57 лѣтъ (род. въ Петербургѣ 23-го января 1843 г.). Ея некрологъ см. въ „Вѣстн. Европы" 1900 г., кн. 6, стр. 832—834, а также въ „Новостяхъ" 1900 г., № 83; портретъ — въ журн. „Русская Жизнь" 1900 г. У М. С. Скребицкой было трое дѣтей (два сына и дочь Ольга, впослѣдствіи Ведрова) отъ брака съ Красовскимъ, который первымъ бракомъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ А. И. Скребицкаго — Пелагеѣ Антоновнѣ, рожд. Арцимовичъ (род. 8-го августа 1822, ум. 3-го февраля 1863 г.).

[2]) Дата почтоваго штемпеля.

[3]) Имп. Вольно-Экономическаго Общества, гдѣ Кавелинъ былъ президентомъ съ 1882 до конца 1884 г.

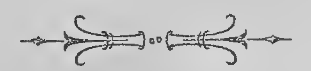
[4]) Почетный президентъ общества съ 1862 г. великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

[5]) Объ одномъ изъ дѣлъ этой сессіи окружнаго суда, въ которомъ Кавелину пришлось столкнуться съ В. Д. Спасовичемъ, см. въ Воспоминаніяхъ послѣдняго о Кавелинѣ въ т. II собранія сочиненій Кавелина, стр. 30—31.

* *
*

Вѣтеръ, въ пространствѣ потерянный,
Рѣетъ угрозой невнятной.
Въ глуби морской неизмѣренной
Холодъ уснулъ невозвратно,
Черныя тучи раскинуты,
Мѣсяцъ, какъ факелъ, потушенъ.
Чьи-то моленья отринуты,
Чей-то упрекъ недослушанъ.

Т. Аѳанасьева.

КАРНАВАЛЪ.

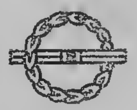
Сквозь снѣжинокъ блескъ несмѣлый,
Весь, какъ тѣнь и серебро,
Пляшетъ вечеръ въ маскѣ бѣлой,
Какъ тоскующій Пьеро.

За мерцающей завѣсой,
Въ пляску грусти влюблена,
Коломбиной и принцессой
Смотритъ нѣжная луна.

Бѣлый призракъ карнавальный
Гонитъ пестрая весна.
Въ праздникъ яркій, безпечальный
Неутѣшна лишь луна.

Легкой кутаетъ завѣсой
Грусть, и тѣнь, и серебро,
Одинокою принцессой,
Помня бѣлаго Пьеро.

Т. Аѳанасьева.

РАЗЪ-ДВА...

*(Посвящается
Вячеславу Алексѣевичу Издебскому.)*

I

Пришлось сдѣлать очень порядочное разстояніе до окраины города, потомъ пройти безконечный заборъ, ограждавшій какой-то садъ, оставалось ужъ немного до его конца, вѣтеръ доносилъ ужъ отрывистую команду. Но только я заборъ обогнулъ — неожиданное препятствіе: часовой. Еще за нѣсколько шаговъ я по глазамъ его увидѣлъ, что пройти не дастъ. Подпустилъ все-таки къ себѣ поближе и тогда спросилъ.

— Куда?

— Въ лагерь. Солдата видѣть надо.

— Теперь нельзя. Отъ двѣнадцати до трехъ.

Замолчалъ, стоитъ неподвижно, смотритъ на меня, какъ на вещь. Дѣло ясное — разговаривать тутъ не очемъ. Досадно очень: крѣпко усталъ, идти назадъ неохота. Отдохнуть бы хоть. Здѣсь же, у дороги, камень большой.

— Посидѣть тутъ можно?

— Можно.

Повернулся и зашагалъ вдоль забора.

Прямо передо мной разстилается большая площадь, далеко въ сторонѣ — разсыпавшіяся палатки, словно сѣвшая на отдыхъ стая большихъ бѣлыхъ птицъ. На площади ученіе. Медленно удаляется вь пыльную сѣрую пустоту густо оперенный штыками длинный рядъ желтовато-сѣрыхъ солдатскихъ спинъ. Движется медленно и неуклонно, все больше исчезая въ пыли, все дальше и дальше, словно тамъ, далеко впереди, тянетъ его къ себѣ невидимая цѣль, и будетъ онъ идти все впередъ, такъ же медленно и неуклонно, пока до этой цѣли не доберется. Ближе ко мнѣ, одиноко выдѣляясь, неподвижно стоитъ человѣческая фигура въ молодцевато одѣтой фуражкѣ, высокая, стройная, перетянутая поясомъ, съ шашкой на

боку и съ рукой, отдыхающей на ея рукояткѣ. Голова его медленно поворачивается вслѣдъ за удаляющимися спинами. А длинный рядъ уходитъ все дальше и дальше, точно хочетъ совсѣмъ уйти отъ этого человѣка. И вдругъ звучный, покойный, но очень сильный голосъ, покрывшій площадь изъ конца въ конецъ:

— Кру-гомъ.....

Живая изгородь штыковъ все идетъ, будто это ея совершенно не касается.

— Аршъ!

Точно сразу натолкнувшись на непреоборимое препятствіе, на мгновеніе замерли спины со штыками, вздрогнулъ отъ конца до конца весь рядъ и такъ же медленно и покойно пошелъ назадъ. Понемногу стали обозначаться подъ плоскими фуражками еще смутныя пятна лицъ, желтовато-сѣрый рядъ выбрасывалъ такой же рядъ черныхъ ногъ, глухой и тяжелой дробью ударяющій о землю. Начинали выясняться отдѣльныя солдатскія лица, и казалось, что вотъ сейчасъ увидимъ отдѣльныхъ живыхъ людей, составляющихъ эти ряды. Но получилось нѣчто совершенно противоположное. По мѣрѣ того, какъ они приближались, стало ясно видно, что люди движутся, вытянутые, какъ по ниткѣ, головы, какъ одна, держатся ровно и неподвижно, не дрогнетъ ни одинъ штыкъ и, точно заведенныя одной пружиной, выбрасываются впередъ ноги, какъ маятникъ, размѣренно и правильно бьющія по землѣ. Несмотря на движеніе, все это было какъ бы спаяннымъ, скованнымъ въ одно цѣлое, и мнѣ начинало казаться, что идутъ не люди, а надвигается на меня живая стѣна, передъ которой самъ я — маленькая мошка, ни вѣсть зачѣмъ попавшая ей на пути. Командиръ теперь глядѣлъ въ мою сторону, и я вдругъ не то понялъ, не то почувствовалъ, что это его глаза сковываютъ стѣну изъ конца въ конецъ, не даютъ ей ни на мигъ нарушить свою тяжелую ровность. Я зналъ, что солдаты сюда не дойдутъ, что сидѣть я могу здѣсь совершенно покойно и все-таки чувствовалъ, что начинаетъ давить меня эта живая, съ острыми концами наверху и безчисленными ногами надвигающаяся стѣна. Несмотря на близкое разстояніе, я не видѣлъ ни лицъ, ни даже отдѣльныхъ людей. И съ каждымъ мгновеніемъ давило все сильнѣй, будто должна она меня сейчасъ раздавить совсѣмъ. Я ужъ собрался встать и уйти, какъ вдругъ площадь опять покрылъ спокойный, звучный и сильный голосъ.

— Рота, стой!

Слово это, короткое и покойно раздавшееся, какъ бы упало на стѣнку чѣмъ-то огромнымъ, еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ она сама: сразу остановилась, занѣмѣла, и чувствовалось — не двинется она, не дрогнетъ, пока опять не дождется слова, сколько бы ей ни пришлось здѣсь стоять.

— Шагомъ...

Я сидѣлъ отъ нихъ на порядочномъ разстояніи, общаго съ ними ничего не имѣлъ и въ то же время чувствовалъ, какъ внутри у меня все напряглось, все ждетъ... Стояли они попрежнему совершенно неподвижно, но я ясно видѣлъ, что эта живая стѣна, напряженная всѣми своими фибрами до послѣдней возможности, ждетъ такъ же, какъ и я, слѣдующаго слова.

— Аршъ!

Мнѣ сразу стало легче, но сразу же и захотѣлось пойти за ней, слиться съ ней, стать ея частью, такъ же послушно и быстро поворачиваться, всецѣло подчиниться звучной и сильной командѣ. А когда солдаты удалились, и желаніе это стало проходить, я вспомнилъ, что очень меня заинтересовалъ голосъ командира. Въ первый разъ почудилось, а теперь я ужъ былъ увѣренъ, что слышалъ я его много разъ. Лицо разглядѣть было трудно: далеко. Но гдѣ я слышалъ этотъ звучный, чуть хриповатый голосъ? А если не тотъ самый, то очень похожій, во всякомъ случаѣ. Только тотъ не такъ звучалъ, какъ будто... Тотъ былъ, насколько помнится, какимъ-то безразличнымъ и даже немного грустнымъ, безъ выраженія, однотонный и тягучій. А этотъ — крѣпкій, свободный и твердый. Но похоже, очень похоже... И чѣмъ больше слушалъ команду, тѣмъ больше убѣждался, что не ошибаюсь. Пока вспоминалъ, стѣна продолжала двигаться, останавливаться, поворачиваться и все время ни на секунду не переставала быть однимъ цѣлымъ. Начинало казаться страннымъ до невѣроятности, что это огромное и тяжелое существо точно и неуклонно выполняетъ волю одного, стоящаго въ сторонѣ, человѣка, что въ его словѣ заключены всѣ источники жизни, движеній, застывшей неподвижности, того „существа“. А команда раздавалась все попрежнему коротко, отрывисто и сильно. Въ ней было даже не приказаніе, а просто покойная, непоколебимая увѣренность, что именно въ ней заключено все, что могутъ и чего не могутъ сдѣлать эти люди.

А голосъ знакомый — хоть убей... Вспомнилъ наконецъ... но сейчасъ же и усомнился, какъ только опять взглянулъ на офицера. Нѣтъ, это — не Искрицкій. Въ офицеры, по нынѣшнимъ временамъ, онъ попасть, конечно, могъ; не захотѣлъ идти рядовымъ и поступилъ въ школу прапорщиковъ. Но это — не онъ... Чтобы человѣкъ, никогда никому ничего не могшій приказать, такъ умѣлъ командовать... Нѣтъ — не онъ. Такая спокойная увѣренность въ своей силѣ у человѣка, котораго обходили и обижали всѣ кто только хотѣлъ... Не онъ, нѣтъ... А голосъ все-таки его. Чѣмъ больше слышу, тѣмъ больше убѣждаюсь. Такъ и стоятъ въ ушахъ эти густые, тогда немного тусклые, звуки и вижу его самого за редакціоннымъ столомъ, когда въ свободныя минуты, онъ бывало развивалъ свою сверхъ-эстетическую теорію о пониманіи міра, о мѣстѣ человѣка въ этомъ мірѣ, объ ужасѣ насилія надъ человѣческой личностью, о ненужности нашей культуры и еще Богъ знаетъ о чемъ. И вотъ этотъ офицеръ, этотъ рожденный командиръ — онъ? Тысячу разъ нѣтъ!.. Я теперь съ одинаковой охотой готовъ былъ держать пари, что голосъ Искрицкаго и что офицеръ этотъ — не онъ. Начинало раздражать до остраго, непреодолимаго желанія сейчасъ же понять, въ чемъ дѣло. Можетъ быть, часовой знаетъ? Но съ нимъ не заговоришь. Ходитъ вдоль забора, поглядываетъ по сторонамъ, вотъ сейчасъ будетъ отъ меня въ какихъ нибудь пяти шагахъ, но я для него не существую. Ясно — рта не раскроетъ. Однако, дай попробую. Не гляжу и я на него, но произношу довольно громко:

— Хорошо командуетъ...

Онъ, не задерживаясь, весело смотритъ на командира и бросаетъ:

— Первый офицеръ въ полку. Нашей роты.

Въ его голосѣ—нотка гордости. Попалъ, значитъ, удачно. Еще два слова, и я узнаю.

— Какъ его фамилія?

— Прапорщикъ Искрицкій.

— Брониславъ Павловичъ?

— Такъ точно. Ну, вы, однако, не разговаривайте.

Я смотрѣлъ на своего пріятеля, придумывалъ все, что могъ и рѣшилъ, что ничего не пойму, пока не увижусь, не поговорю.

II.

Сижу съ нимъ подъ деревомъ, у дверей его офицерскаго барака и не могу надивиться: глаза раньше всегда задумчивые, врядъ ли около себя что видящіе, теперь смотрятъ на меня ясно, прямо и опредѣленно: знаютъ, на что и какъ надо глядѣть. Исчезла въ лицѣ такъ хорошо знакомая мнѣ мягкая, неопредѣленная и вѣчно неуловимая игра. Оно сжалось, подобралось, приняло очень опредѣленное выраженіе готовности сдѣлать требуемое сейчасъ же, какъ только въ этомъ появится надобность. Онъ самъ началъ о себѣ разговоръ.

— Ты, должно быть, собираешься обо мнѣ разсказъ написать, что такъ смотришь? Сознайся.

— Разсказъ — не разсказъ, но интересно, очень. Сдѣлай мнѣ одолженіе: встань и пройдись немножко.

Прошелся, свободно размахивая рукой, свободной и сильной, не признающей никакихъ препятствій походкой. Пространство, казалось, разступается передъ нимъ, какъ предъ полнымъ своимъ хозяиномъ.

— Ну, что — хорошо?

— Здорово тебя вымуштровали. Помнишь, какъ ты всегда ходилъ?

— Меня это никогда не интересовало. А ты вотъ покажи. Любопытно.

Я постарался, какъ могъ. Нагнулъ голову, устремилъ въ пространство и сдѣлалъ задумчивые глаза, заложилъ руки въ карманы пиджака и, еле подымая отъ земли ноги, медленно передъ нимъ прошелся впередъ и назадъ.

— Да, должно быть, такъ... Что ты обо мнѣ тогда думалъ?

— Ничего не думалъ: привыкъ къ тебѣ. А меланхолію твою уважалъ. Вѣдь ты же искалъ и не находилъ. Я уважалъ твои исканія.

— А теперь меня не уважаешь?

— Я тебя не понимаю. Мнѣ говорили, что ты — первый офицеръ въ полку.

— Просто — офицеръ я.

— Ты — строгое начальство! Вѣдь тебя даже редакціонные мальчики не слушались.

— Это не я — начальство.

— Какъ это?

— Если бъ приказывалъ только его благородіе прапорщикъ Искрицкій, солдатъ не былъ бы у меня въ рукахъ.

— Узнаю тебя, Брониславъ! Мы никогда ясно не понимали, о чемъ ты говоришь.

— Теперь, надѣюсь, поймешь.

— Кто же это приказываетъ? Вѣдь подъ твоей командой солдаты маршировали такъ, какъ мнѣ рѣдко приходилось видѣть.

— Мои солдаты чувствуютъ, что имъ приказываетъ то же, что приказываетъ и мнѣ, и всѣмъ намъ.

— Что же это такое?

— Какъ это называется, сейчасъ тебѣ не скажу. У меня теперь мало времени для отысканія нужныхъ словъ. Знаю только, что во время командованія мнѣ ни на одну секунду не приходитъ въ голову, что даже малѣйшее мое приказаніе можетъ быть не исполнено.

— Откуда это у тебя взялось, а?

— Откуда, это пока оставимъ. Но какъ, это я могу тебѣ, пожалуй, сказать. Ты помолчи минутку. Я хочу, чтобъ это было для тебя яснѣй.

— Молчу.

Онъ нагнулъ голову, вытянулъ ноги въ высокихъ грубыхъ сапогахъ. Я подумалъ, что вотъ сейчасъ онъ по-старому устремитъ неопредѣленный взглядъ въ пространство и заговоритъ монотонно, запинаясь, останавливаясь черезъ каждую пару словъ, затянетъ меня въ области, о которыхъ минуту тому назадъ я и не думалъ. Но онъ только вѣки немножко приспустилъ, словно искомое было не въ пространствѣ, а въ немъ самомъ.

— Да... такъ вотъ... Можешь ты точно припомнить, что я раньше говорилъ?

— Въ томъ-то и дѣло, что хорошо помню. Личность человѣка, совершенно свободную личность ты требовалъ, — ради ея красоты. И, какъ примѣръ безобразія, всегда приводилъ казарму...

— Это не все.

— Но это было главное.

— Главное, какъ средство. — А цѣль...

— Ну, скажи.

— Человѣкъ долженъ освободить, очистить свое я отъ всего, искусственно привитаго, отъ всего, что не соотвѣтствуетъ его собственной природѣ. И только тогда, себя понявъ и почувствовавъ, онъ найдетъ свою настоящую, собственную точку слiянiя съ окружающимъ.

— Да... помню... И внѣ этого слiянiя нѣтъ для человѣка спасенiя на землѣ.

— Нѣтъ.

— Ты, значитъ, искалъ въ себѣ этой точки?

— Ну, конечно же...

— Когда ты отъ насъ ушелъ, у тебя этой точки еще не было.

— А теперь я въ ней не нуждаюсь. Пока буду офицеромъ, по крайней мѣрѣ.

— Вотъ какъ... ты...

— Постой. Я сейчасъ разскажу, какъ это произошло.

— Молчу и слушаю.

— То, чему ты удивляешься, я сталъ испытывать гораздо раньше, чѣмъ его понялъ. это—когда къ намъ, въ школу прапорщиковъ, привели первую команду для практики... Я увидѣлъ передъ собою рядъ лицъ, совершенно одинаковыхъ, то есть одинаковыхъ по выраженію: всѣ они смотрѣли на меня съ одинаковой готовностью повиноваться. Я сейчасъ же подчинился этой готовности, будто получилъ отъ нихъ приказаніе приказывать. И все-таки первая моя команда была скорѣй пѣтушиной, чѣмъ офицерской. Я крикнулъ, какъ кричитъ сердитая хозяйка на прислугу. Солдатъ въ школу присылаютъ изъ учебной команды самыхъ понятливыхъ, подвижныхъ и ловкихъ, съ великолѣпной выправкой. Это солдатъ не за страхъ, а за совѣсть. Мы такихъ чувствуемъ... И когда передо мной, послѣ моего идіотскаго выкрика, вся шеренга повернулась, какъ одинъ человѣкъ, мнѣ стало стыдно. Я сразу понялъ, что отъ меня требуется: моя команда должна быть также покойна, тверда и категорична, какъ покоенъ, твердъ и вѣренъ былъ поворотъ этихъ людей. Черезъ нѣсколько минутъ мы — я и моя шеренга — одинаково приказывали другъ другу. Я чувствовалъ, что другъ безъ друга мы—нуль, а вмѣстѣ — части механизма, связанныя одной пружиной. Даже не пружиной, это невѣрно. Передо мной были живые люди; не люди, впрочемъ, а существо. Говорятъ, что у солдата въ строю безсмысленное лицо. Это — ложь. Лицо у него безсмысленное, пока онъ еще — не солдатъ, пока не проникся насквозь требованіемъ офицера. А у настоящаго солдата все лицо заполнено очень сознательной готовностью повиноваться своему командиру. Чувствуетъ и офицеръ солдата, потому что...

— Одну минуту, Брониславъ! Каждый офицеръ чувствуетъ своего солдата?

— Если онъ не сапожникъ. Тѣ стараются запугать и

задергать. Потомъ, когда начались съ солдатами прогулки, я спаивался съ ними каждый разъ сильнѣй. Идешь плечомъ къ плечу, стройные ряды, размѣренно и сразу ударяющіе сотнями ногъ, размѣренный трескъ барабана, все себѣ подчиняющій, собственное размѣренное и правильное дыханіе, — все это дѣлается твоимъ полнымъ хозяиномъ. Я началъ испытывать раньше никогда не испытанную легкость въ тѣлѣ и... въ душѣ. Да, и въ душѣ... Мнѣ дали роту, я сталъ ходить впереди, какъ ея командиръ. Иду и чувствую, что за моей спиной, со мной въ шагъ движется это огромное существо и будетъ идти такъ же покойно и твердо, куда бы я его ни повелъ, — хоть къ чорту въ пасть. Моя власть надъ ними — въ моей отвѣтственности, ихъ надо мной — въ готовности подчиниться. Когда мы идемъ цѣлымъ полкомъ, я больше чувствую, чѣмъ вижу, какъ моя рота связана съ остальными, и командиръ полка такъ же подчиняется намъ, какъ и мы — ему. А если впереди насъ музыка, я подъ размѣренный и звучный тактъ сливаюсь съ каждымъ изъ этихъ тысячъ людей полностью. Мы идемъ ряды за рядами, одной мощной ногой отбивая шагъ, у каждаго изъ насъ въ тактъ шаговъ подымается и опускается грудь, я почти слышу, какъ движется кровь у солдата, а солдаты — я увѣренъ — чувствуютъ мою. Мы движемся всѣ, какъ одинъ человѣкъ, и, если прогулка длинная, то меня охватываетъ особенное, не передаваемое словами, ощущеніе. Кажется, что мы не идемъ, а несетъ насъ что-то, неизмѣримо болѣе сильное, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ, и что не идти впередъ просто нельзя. Если хочешь испытать такое состояніе, совѣтую тебѣ лечь на берегу моря, закрыть глаза и долго прислушиваться къ прибивающей волнѣ. Тогда ты поймешь поглощающую тебя силу этого ритма. Я бывалъ влюбленнымъ, я увлекался философами, упивался поэтами. Было тамъ сліяніе, но это было не то...

— Годъ тому назадъ ты назвалъ бы это стаднымъ чувствомъ, Брониславъ.

— А теперь не назову. Стадность, это, прежде всего, неосознанность самого себя. А здѣсь я чувствую себя насквозь, каждый въ себѣ атомъ. Такъ чувствую, что даже и думать объ этомъ нѣтъ надобности. — Однако, знаешь, что? Мнѣ пора. Пойдемъ, я тебя выведу изъ лагеря. А то запутаешься у насъ.

III.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ и очутились на главной дорогѣ, идущей изъ города и пересѣкающей изъ конца въ конецъ лагерь. Пыль на ней стояла столбомъ, солдаты то группами, то въ одиночку двигались по всѣмъ направленіямъ. Пріятелю моему приходилось безпрерывно козырять. Я человѣкъ, совершенно неопытный въ пріемахъ и оттѣнкахъ отданія военной чести. Но солдаты изъ роты Искрицкаго узнавались какъ-то само собой. Правда, они становились ему, какъ своему ротному командиру, во фронтъ. Но дѣло было не въ этомъ. Проходили и другіе офицеры и имъ солдаты становились во фронтъ. У тѣхъ видна была и поспѣшность, и страхъ сдѣлать неправильно и стараніе во-время передъ начальствомъ повернуться, — стараніе и торопливость были въ каждомъ ихъ движеніи. Солдаты Искрицкаго подпускали къ себѣ командира на положенное разстояніе, не измѣняли ни шага, ни выраженія лица, на секунду замирали и поворачивались сразу и отчетливо. Вытягивался въ струнку, застывала приподнятая голова, и честь отдавало все туловище: и плечи, и поднятая къ козырьку рука, и виденъ онъ былъ весь, — отъ фуражки до кончика носковъ. Глаза не выпячивались, ни о чемъ не старались, ничего не боялись. Покойно и увѣренно глядѣли на начальника, покойно брали на себя отвѣтственность за правильно выполненный долгъ. Искрицкій шелъ быстро, не оглядываясь, и, хоть вокругъ безпрерывно двигалась толпа и очень часто онъ оказывался съ солдатами рядомъ, но былъ онъ внѣ этой толпы. Я думаю, солдаты узнали бы въ немъ офицера даже ночью. Достаточно было видѣть этотъ быстрый, твердый и неуклонный шагъ впередъ, это свободное размахиваніе рукой и увѣренно приподнятую голову, чтобы почувствовать его право приказывать. Только мы прошли рядъ палатокъ, слышу — сзади кто-то бѣжитъ и вслѣдъ за этимъ — запыхавшійся голосъ:

— Ваше благородіе! Дозвольте доложить.

Искрицкій повернулся къ вытянувшемуся, съ рукой у козырька солдату быстро и, я бы сказалъ, вѣжливо. Въ этомъ быстромъ поворотѣ и внимательно устремленныхъ на подошедшаго глазахъ была полная готовность его выслушать, не было скучнаго пренебреженія къ примелькавшимся солдатскимъ лицамъ.

— Говори.

— Не хватаетъ четырехъ паръ сапогъ, ваше благородіе!

— Ты принималъ?

Въ этомъ вопросѣ не было ни строгости, ни начальственности. Просто спрашивалось о дѣлѣ, для обоихъ одинаково интересномъ.

— Такъ точно!

— Искалъ?

— Такъ точно!

— Когда принималъ?

— Сегодня утромъ, ваше благородіе.

— Когда выдавать?

— Сегодня.

Пріятель посмотрѣлъ на часы, потомъ на солдата и совершенно спокойно сказалъ:

— Если къ четыремъ часамъ не будетъ сапогъ, я тебѣ черные погоны одѣну.

— Такъ точно, ваше благородіе, будутъ.

— Иди.

Навстрѣчу намъ, надъ огромнымъ облакомъ пыли двигался узкій, длинный и густой рядъ штыковъ, глухо доносился гулъ бубенъ, а потомъ — рѣзкіе звуки гармоніи, игравшей маршъ. Пріятель мой внимательно и повеселѣвшими глазами посмотрѣлъ въ ту сторону.

— Моя рота идетъ на обѣдъ.

За нѣсколько отъ насъ шаговъ громче запѣли бубны, совсѣмъ залилась гармонія, словно повеселѣли они отъ веселаго взгляда командира. Поровнялся съ нами первый рядъ, и голосъ, охрипшій отъ усталости и пыли, ворвался въ звучно гудящую дробь бубенъ и пѣвучую трель гармоніи.

— Смирно!.. Равняйся направо!

Солдатамъ не за чѣмъ было подправляться: они и такъ шли великолѣпно.

Искрицкій стоялъ неподвижно, внимательными и, попрежнему, веселыми глазами провожая каждый рядъ.

— Здорово, седьмая рота!

Веселымъ, звучнымъ голосомъ было послано привѣтствіе, и солдаты, словно давно ждали этой заслуженной похвалы, отозвались, какъ эхо:

— Здравія желаемъ вашему благородію!

Я не могъ не удержаться, чтобы не сказать:

— Хорошо тебѣ отвѣчаютъ.

Онъ за топотомъ и музыкой не разслышалъ. Поманилъ къ себѣ пальцемъ крайняго солдата.

— Скажи гармонисту, чтобы маршъ игралъ на басахъ!

И когда солдатъ отбѣжалъ, прибавилъ:

— Жалко, что не купилъ гармонію получше.

— Это — не казенная? Ты купилъ?

— Это мой подарокъ ротѣ. У солдата ноги сами движутся, когда впереди музыка. Ему такъ гораздо легче. И ему ритмъ нуженъ. Онъ не разсуждаетъ, но чувствуетъ его, должно быть, даже сильнѣй, чѣмъ мы: вѣдь онъ къ нему ближе. Спроси его, онъ скажетъ, что вмѣстѣ съ музыкой у него играетъ сердце... ну, прощай.

Но черезъ нѣсколько шаговъ меня окликнулъ.

— Постой минутку... Я не все еще тебѣ сказалъ.

Онъ стоялъ съ опущенными глазами и приподнявъ руку, словно вокругъ насъ было что-то, во что онъ внимательно вслушивался.

— Ну...

— Минутку подожди.

Я ждалъ. Онъ постоялъ совершенно неподвижно и вдругъ сталъ медленно считать:

— Разъ-два... Разъ-два... Однажды мы шли очень долго. Я чувствовалъ, какъ у меня внутри что-то бьется: разъ-два, — разъ-два... Будто меня завели... Сначала оно было внутри меня, а потомъ стало расширяться, и я оказался внутри его. Можетъ быть, это были просто мое сердце и кровь, а можетъ быть и еще что-нибудь, не знаю... Я забылъ рѣшительно обо всемъ, даже о своихъ солдатахъ. И я чувствовалъ, какъ въ этомъ растворяются всѣ мои темные вопросы, какъ ночной туманъ растворяется въ лучахъ солнца. Только одно и было: разъ-два, разъ-два... Можетъ быть, это былъ весь міръ, — онъ широко раскрылъ глаза и опустилъ руку. — Если ты думаешь, что это моя фантазія, то — это твое дѣло.

Опять подумалъ и прибавилъ:

— Сердце наше, пока здорово, бьется ритмически: разъ-два... разъ-два...

М. Кисинъ.

МИКОЛА МИЛОСТИВЫЙ.

Улицами шумными, тихими проселками,
Стешками, что топтаны въ полѣ богомолками,
Съ сумочкой холщевою, ростомъ не высокъ,
Держитъ путь ко Господу добрый старичекъ.
Былъ онъ прежде въ золотѣ, митра самоцвѣтная
Украшала голову, да нужда всесвѣтная
Золото и яхонты — все сняла долой,
Лапотки остались да костыль съ сумой.
А въ сумѣ-то цвѣтики — синіе прекрасные.
Всюду знаютъ дѣдушку; всѣ къ нему несчастные,
Всѣ идутъ за радостью, свѣтомъ и тепломъ;
Всѣхъ равняетъ дѣдушка ласковымъ цвѣткомъ.
„Вотъ тебѣ — обиженъ ты за свое смиреніе;
Вотъ тебѣ — другому онъ, — за твое терпѣніе;
Вотъ тебѣ, невѣстушка, и тебѣ, вдова;
Всѣ носите цвѣтикъ мой — съ нимъ душа жива".
Пахаря, и странника, и вельможу-барина
Привѣчаетъ старенькій. Полсумы раздарено, —
Господу помолится — вновь полнымъ полна;
Горя-то не мало вѣдь, — радость всѣмъ нужна.

Алексѣй Липецкій.

ЭМИЛЬ ВЕРХАРНЪ, КАКЪ ПОЭТЪ-ЛИРИКЪ.

Въ настоящее время трудно, почти невозможно говорить и думать о недавно скончавшемся бельгійскомъ поэтѣ Верхарнѣ раздѣльно отъ участи его несчастной родины, отъ судьбы молодой бельгійской литературы, которая такъ ярко расцвѣла въ короткій срокъ 30—35 лѣтъ, а нынѣ лепестки ея развѣяны пронесшейся бурей, и какъ знать — удастся ли снова выпрямиться надломленному стеблю, пустить свѣжіе ростки.

Бельгія богата художественнымъ прошлымъ, но, главнымъ образомъ, лишь въ области живописи и архитектуры. Литература ея, являясь отраслью французской литературы, занимала служебное положеніе по отношенію къ своей метрополіи. Только въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія она чудеснымъ образомъ выдвинулась на первый планъ [1]), и по крайней мѣрѣ трое изъ ея поэтовъ — Матерлинкъ, Верхарнъ и Роденбахъ пріобрѣли общеевропейское значеніе. Двоихъ изъ нихъ уже не стало, а Матерлинку пришлось обмѣнять призваніе поэта на роль трибуна и воина, вставшаго на защиту разгромленной отчизны.

Съ первыхъ шаговъ своихъ „Молодая Бельгія" (какъ извѣстно, таково было названіе журнала, основаннаго Максомъ Waller'омъ въ 80-хъ годахъ въ Брюсселѣ, журнала, вокругъ котораго группировались всѣ начинавшіе еще въ ту пору поэты и писатели „французской" Бельгіи) — примкнула къ движенію, опредѣлившемуся еще раньше во Франціи съ ея главарями Верлэномъ и Малларме, къ той новой школѣ

[1]) Правда, романъ Ш.-де-Костера „Тиль Уленшпигель", пріобрѣтшій нынѣ такую широкую извѣстность, появился еще въ 1876 г., но его долгое непризнаніе даже на родинѣ подтверждаетъ отсутствіе той литературной атмосферы, которая нужна даже для оцѣнки родного шедевра. Лишь въ 80-хъ годахъ романъ былъ прозванъ „Библіей Бельгіи".

поэзіи, которая подъ разными названіями символизма, декадентства, модернизма и т. д. явилась, главнымъ образомъ, реакціей противъ прежняго направленія „парнассизма" въ лицѣ ея главныхъ представителей во Франціи — „старика" Теофиля Готье, Леконта де Лилль и Сюлли Прюдома.

Встрѣченная недовѣрчиво поборниками литературныхъ традицій, новая школа на первыхъ порахъ, дѣйствительно, проявлялась въ такихъ формахъ, которыя озадачивали и смущали, и не разъ выдавала за новыя цѣнности то, что было прихотью минуты, безъ устойчиваго значенія, проявленіемъ временнаго настроенія, безъ будущаго, наконецъ, и просто причудами сомнительнаго достоинства. Но это былъ періодъ исканій и пробиванія новыхъ путей. Многое отпало, отошло, зерно вышелушилось; „декадентство" давно уже стало достояніемъ исторіи, въ которой заняло мѣсто лишь какъ симптомъ времени.

Было въ этомъ движеніи заложено здоровое зерно, которое дало плодотворные ростки. Можно прослѣдить на любомъ изъ новыхъ поэтовъ поучительную эволюцію постепеннаго освобожденія отъ повѣтрія декадентства и перехода къ подлинному художественному творчеству; уцѣлѣли и доросли до значенія настоящихъ величинъ, конечно, лишь сильнѣйшіе.

Верхарнъ изъ ихъ числа. Не все, быть можетъ, въ цѣломъ пріемлемо въ его поэзіи; есть переходныя звенья, есть въ самомъ началѣ его дѣятельности ступени, которыя послужили только временной опорой и, перешагнувъ по нимъ, онъ могъ ихъ откинуть. Самый первый его сборникъ „Les Flamandes", вышедшій въ 1883 г., который онъ не воспроизводилъ въ послѣдующихъ изданіяхъ, быть можетъ наиболѣе спорное изъ его произведеній въ смыслѣ художественнаго достиженія; но собранныя въ немъ стихотворенія интересны, какъ показатель „дерзаній" юнаго поэта, смѣло пролагающаго себѣ особый путь; они интересны по привязямъ къ родной почвѣ, къ картинамъ, быту и строю жизни въ горячо любимой имъ Бельгіи; интересны по своимъ связямъ и отношеніямъ къ старинной фламандской живописи, съ ея откровеннымъ реализмомъ, доведеннымъ Вехарномъ до послѣднихъ крайностей современнаго натурализма, въ такой мѣрѣ, что, казалось, перейдена граница художественности и поэзія обращена въ какое-то хаотическое воспроизведеніе деталей внѣшней жизни, даже не безъ нѣкоторыхъ непристойностей.

Однако, въ молодомъ въ ту пору адвокатѣ, покинувшемъ

лѣтъ двадцати семи-восьми судебные процессы и дѣла, чтобы посвятить себя всецѣло литературной профессіи, зрѣлъ настоящій поэтъ-лирикъ, съ сильнымъ художественнымъ темпераментомъ; поэтъ-живописецъ, умѣющій схватывать и закрѣпить словомъ всѣ краски дѣйствительности, сгущая и претворяя ихъ въ созданіи фантазіи; поэтъ-мыслитель, у котораго форма и образы служатъ выраженіемъ волнующихъ его идей.

Любовь къ родинѣ онъ сохранилъ на всю жизнь, хотя почасту и надолго уѣзжалъ въ чужіе края и даже постояннымъ своимъ мѣстожительствомъ на многіе годы избралъ Сенъ-Клу во Франціи. Онъ посѣщалъ Испанію и Англію, побывалъ напослѣдокъ и въ Россіи, но ежегодно весной возвращался въ родной Сентъ-Аманъ, гдѣ, какъ говорятъ его друзья, имъ написаны лучшія его поэмы. Какъ Антею, ему нужно было прикоснуться къ землѣ, на которой онъ родился, чтобы набраться новыхъ силъ.

Къ воспѣванію родныхъ мотивовъ, природы, обывателей Бельгіи, свѣтскихъ и духовныхъ, особенно духовныхъ — имъ дана серія характеристикъ разныхъ типовъ монаховъ, встрѣчаемыхъ въ монастыряхъ Бельгіи, — ея селеній и городовъ, ея пресловутаго побережья — дюнъ (La guirlandes des dunes), ея героевъ въ прошломъ, ея чаяній и надеждъ въ настоящемъ — ко всему этому Верхарнъ изъ года въ годъ, за небольшими промежутками, возвращался, выпуская томъ за томомъ своихъ стихотвореній. Не привелось ему лишь за послѣдніе два года жизни вернуться къ себѣ: его родное гнѣздо было разорено: тамъ властвовали и еще властвуютъ варвары новѣйшей формаціи; Верхарнъ нашелъ пріютъ въ Англіи, въ которой онъ раньше много разъ бывалъ гостемъ, теперь — въ качествѣ уже бѣженца; и свои чувства горя, негодованія и жажды мести онъ выразилъ на жгучихъ страницахъ сборника статей, подъ общимъ заглавіемъ „Окровавленная Бельгія“. Это былъ его предсмертный стонъ.

И страннымъ образомъ онъ вяжется съ настроеніемъ поэта въ одномъ изъ его раннихъ сборниковъ, 1888 года, подъ общимъ заглавіемъ „Разрухи“ (Les débacles), дословно — начало ледохода, тотъ моментъ, когда рухнетъ ледяная кора, сковывающая рѣки, и съ шумомъ и трескомъ льдины, громоздясь другъ на друга, открываютъ свободный просторъ возродившимся волнамъ. Этотъ моментъ пережилъ Верхарнъ, когда ему было около 30 лѣтъ.

Въ одномъ изъ стихотвореній Les débacles („Діалогъ“) —

невѣдомый голосъ шепчетъ поэту: „Будь самъ своимъ палачемъ... Лобзай отчаянье... насилуй душу... Только тѣ боли сердца, которыя доведены до неистовства, поддаются управленію. Жизнь, увы, исправляется и очищается лишь тогда, когда воля гордостью побѣждаетъ ее“ и въ заключеніе:

„Есть поля притягивающей вражды — они обработаны сильными руками людей изъ мрамора; есть страшные пути, гдѣ слышны ихъ неистовые крики и шумная поступь; тамъ, на красной скалѣ, вечеръ зажигаетъ вдали кровь и убійства, тамъ сверкаютъ, среди поблекшей ползучей травы, отблескъ ножей преступленія и солнца“.

Эта картина намъ кажется теперь пророческимъ видѣніемъ того, что должно было случиться безъ мала черезъ двадцать лѣтъ. Конечно, поэтъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду германскаго нашествія. Какой прямой смыслъ онъ придавалъ приведеннымъ строкамъ въ ту пору, когда ихъ написалъ, довольно трудно установить: онѣ были выраженіемъ его подавленнаго настроенія духа, относятся къ тому періоду жизни, когда Верхарнъ, отчасти подъ вліяніемъ болѣзни, довольно длительныхъ и изнуряющихъ желудочныхъ страданій, отчасти въ связи съ общимъ пессимистическимъ направленіемъ умовъ, характеризующимъ 80-е годы не только у насъ, но и во всей западной Европѣ „конца вѣка“, переживалъ тяжелый душевный кризисъ пессимизма [1]).

Впослѣдствіи онъ отошелъ отъ него, преодолѣвъ мрачныя мысли и возвысился до новаго свѣтлаго міросозерцанія, на почвѣ широкой пантеистической вѣры, которая привела его къ морали, построенной на эстетическомъ воспріятіи міра; онъ выдвинулъ лозунги — „Восхищайтесь другъ другомъ, восхищайтесь человѣкомъ и восхищайтесь землей. Вы будете жить пылкими и ясными“... Нравственный порядокъ зиждется на культѣ энтузіазма. Эти мысли и это настроеніе вылилось въ чудесныхъ стихахъ его сборника, подъ заглавіемъ „Многообразное Великолѣпіе“ (La Multiple Splendeur), появившагося, когда поэтъ достигъ зенита своего творчества.

Ему пришлось уже предъ смертью умѣрить восторгъ

---

[1]) Біографическія данныя о Верхарнѣ см. у Базальжета, переведеннаго и на русскій яз. въ изд. „Всеобщ. Библ.“. Ср. библіогр. о Верхарнѣ въ „Poètes d'aujourd'hui“, Ad. van Bever et Paul Léautaud, 1908 г., и Albert Mockel, „Emile Verhaeren“, avec une note biographique par Francis Vielé-Griffin.

окрыленнаго энтузіазма передъ красотой міра и, увы, вернуться къ темамъ болѣе скептической юности. Но поэта нельзя судить какъ философа только съ точки зрѣнія усвоеннаго имъ міропониманія. Поэтъ весь въ чувствованіяхъ, въ образности рѣчи, въ напѣвности строкъ, въ сочетаніи отвлеченной мысли съ чувственнымъ воспріятіемъ міра. Стройность системы моральной или гностической, убѣдительность или недостаточность аргументовъ логическаго порядка, на которыхъ построена система, теорія, философское ученіе, его большая или меньшая фактическая обоснованность — за этимъ надо обращаться къ философамъ и ученымъ, вступить въ кругъ разсужденій иного порядка. Дѣло поэта прочувствовать идею и привести насъ къ ней путемъ чисто эмоціональнымъ.

Вопросъ идеологической эволюціи Верхарна теперь рѣшенъ. Этапы, чрезъ которые прошла его поэтическая мысль, сводятся къ четыремъ главнымъ моментамъ: онъ послѣдовательно пережилъ — первое, почти безсознательное упоеніе жизнью, въ ея наиболѣе доступныхъ наблюденію формахъ; затѣмъ — переходъ къ самоуглубленію и къ рѣзкому субъективизму, — это и былъ періодъ мрачныхъ мыслей и пессимистическаго настроенія, въ связи съ замкнутостью въ самомъ себѣ; далѣе, постепенное освобожденіе отъ узости своего я, чтобы вжиться въ жизнь другихъ людей, переходъ къ болѣе объективному творчеству и воспроизведеніе въ обобщенной, символической формѣ переживаній и упованій массы; завѣты соціализма, воспринятые и усвоенные имъ отъ близкаго друга и сотрудника по организаціи художественной секціи при „Народномъ домѣ“ въ Брюсселѣ, знаменитаго нынѣ бельгійскаго министра-соціалиста Вандервельде; нѣкоторый налетъ ницшеанской философіи и вѣры въ грядущаго сверхчеловѣка; наконецъ, пантеистическая вѣра и восхищеніе „многообразнымъ великолѣпіемъ“ міра, сверкающаго красотой во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, возбуждая энтузіазмъ. Таковы главныя стадіи духовнаго развитія Верхарна [1]. Онъ самъ отчасти разсказалъ намъ свои переживанія, когда выступалъ съ лекціями въ Петроградѣ и въ Москвѣ. Разви-

---

[1]) Ср. Georges Busserat, „L'évolution idéologique d'Emile Verhaeren“, Paris, 1910. Позволю себѣ сослаться и на свою прежнюю статью — „Чистилище и рай Верхарна“ въ „Зап. Неофилолог. Об-ва при Петрогр. Унив.“ (Сборникъ въ честь проф. Ѳ. А. Брауна), 1915 г.

валъ онъ тогда свои новые взгляды и убѣжденія, но вскользь касаясь и прошлаго. Линія его развитія ясна, и должно сказать, что она чрезвычайно характерна и даже поучительна, свидѣтельствуя между прочимъ, что, на ряду съ поэтомъ, въ Верхарнѣ былъ человѣкъ съ высокими запросами души, человѣкъ прямой, искренній, глубоко честный и привлекательный по своимъ нравственнымъ качествамъ. Но насъ теперь въ особенности интересуетъ поэтъ. Какимъ образомъ Верхарнъ поэтически воспринималъ міръ? Въ какой мѣрѣ онъ сумѣлъ именно какъ поэтъ подойти къ сюжетамъ и темамъ весьма прозаическаго характера? Какъ онъ претворялъ дѣйствительность въ художественныя созданія, обращаясь къ новымъ, необычнымъ раньше него сюжетамъ въ поэзіи, создавая новыя формы стиха, вводя въ употребленіе новыя ритмы, новые обороты фразъ, новые пріемы поэтическаго творчества?

Многихъ обычныхъ традиціонныхъ темъ лирической поэзіи у него нѣтъ или почти нѣтъ. Такъ, почти отсутствуетъ любовная лирика и та любовь, которая все-таки временами одушевляетъ нѣкоторыя интимныя признанія поэта, не имѣетъ ничего общаго съ культомъ любви, съ тѣмъ ея прославленіемъ и возвеличеніемъ, къ которымъ искони обращались поэты разныхъ народностей въ разныя эпохи. У Верхарна любовь — чистое, цѣломудренное чувство, робко пробивающееся въ словахъ, банальное значеніе которыхъ словно пугаетъ поэта довѣрить имъ свою тайну. Природу онъ чувствуетъ, но чисто описательныхъ стихотворей у Верхарна почти нѣтъ: природа не сама по себѣ, въ ея многообразныхъ проявленіяхъ привлекаетъ его, а лишь въ ея отраженіяхъ въ нашей душѣ, въ ея воздѣйствіи на наши чувства, или же какъ служебное средство для символической образности. Верхарнъ символистъ весьма близкій къ той формулѣ символизма, которую когда-то предлагалъ Малларме: не нужно ни описывать, ни даже называть предметовъ, показывая ихъ полностью предъ глазами читателей — это отнимаетъ ту радость, которую испытываешь, когда дѣлаешься соучастникомъ творящаго и самъ доходишь до раскрытія тайны; нужно, чтобы смыслъ образа разгадывался постепенно; нужно внушать настроенія — это мечта символистовъ. Достаточно извѣстна и отрицательная сторона этого пріема: туманность, порой полная непонятность образовъ; обращеніе стиховъ въ какіе-то загадки, ребусы, требующіе не только углубленнаго

вниманія при чтеніи ихъ и творческаго соучастія, но иногда и простой догадливости, какъ при рѣшеніи задачъ, чтобы понять ихъ смыслъ. Съ этой точки зрѣнія не мало было нападокъ на символизмъ, который, тѣмъ не менѣе, самъ по себѣ вѣченъ, такъ же какъ и реализмъ, и первыя его проявленія даютъ намъ первичные образцы народной поэзіи, на которые опирались и реалисты, отстаивая свои положенія.

Я не буду утверждать, что Верхарнъ всегда ясенъ во всѣхъ своихъ творческихъ образахъ и что употребленіе свободнаго стиха, безъ соблюденія силлабическаго размѣра, съ произвольной цензурой и произвольными риѳмами, когда вздумается, вполнѣ освобождало бы его отъ высказанныхъ ему укоровъ въ низведеніи стиха къ художественной прозѣ Но, несомнѣнно, плодотворенъ принципъ труднаго чтенія стиховъ, въ которые надо вчитываться, творчески воспринимать ихъ и научиться переживать, а не только пассивно схватывать на лету внѣшнія очертанія подносимыхъ вамъ готовыми, тщательно выписанными картинокъ жизни. Великіе поэты: Пушкинъ, Гете, Лермонтовъ, Тютчевъ и др., не пользовавшіеся пріемомъ символическаго внушенія, умѣли и при ясной образности влагать долю тайны, заставляющей насъ задумываться и при многократномъ перечитываніи ихъ. Принципъ Маллармэ и всей его школы и поэзіи Верхарна, поскольку онъ къ ней примыкаетъ, значителенъ въ особенности какъ предостереженіе отъ всякой банальности, отъ пошлости, рутины, въ трудномъ искусствѣ писать настоящіе стихи. А свободный стихъ — его нечего и защищать, онъ такъ привился теперь и у насъ, за послѣднее время особенно успѣшно въ поэзіи Ахматовой [1]).

---

[1]) Напомню только, что стихъ, основанный только на ритмѣ, на музыкальномъ принципѣ, стихъ исключительно напѣвный, можетъ встрѣчаться и съ обычными формами стихосложенія и силлабическаго и тоническаго, отвѣчая двоякаго рода условіямъ: и стройности чеканки скованной, размѣренной рѣчи, при точномъ соблюденіи количества, правильномъ чередованіи риѳмъ — чѣмъ не брезгаетъ порой и Верхарнъ, — и одновременно при соблюденіи законовъ музыкальнаго ритма, но можетъ и откинуть первое условіе; во второмъ случаѣ — тѣмъ строже, тѣмъ требовательнѣе мы становимся къ чистому ритму. Верхарнъ вполнѣ сознавалъ эту трудность и, освободивъ стихосложеніе отъ правилъ подсчета слоговъ, онъ придалъ совершенно особую гармонію и пѣвучесть своимъ вольнымъ стихомъ, опирающимся только на музыкѣ умѣло расставленныхъ словъ, иногда усиливая впечатлѣніе введеніемъ аллитерацій. Однако, не мало у него и „правильныхъ“ стиховъ, которымъ мы даже отдали бы преимущество.

Я позволю себѣ процитировать два стихотворенія Верхарна изъ серіи „Вечеровъ" („Les soirs"), гдѣ пріемъ символизма мнѣ кажется особенно удачно примѣненнымъ къ чувственному воспріятію отвлеченныхъ понятій. Первое стихотвореніе озаглавлено „Человѣчество" (Humanité).

Напѣвность строкъ, разумѣется, пропадаетъ въ переводѣ прозой:

„Вечера, распятые на горизонтѣ, — вечера кровью изливаютъ въ болота свои боли и свои раны, въ болота, подобныя краснымъ зеркаламъ, разставленнымъ, чтобы отражать страданья вечеровъ, — вечеровъ, распятыхъ на горизонтѣ, — вечера!

— Вы пастыри, Мессіи, вы, приходящіе по долинамъ за свѣтлыми стадами для вашихъ свѣтлыхъ водопоевъ, — вотъ высится смерть въ прощаньяхъ вечера. — вотъ кровавится руно и шерсть, и вздымается Голгоѳа подъ черными небесами.

Вечера, распятые на черныхъ Голгоѳахъ, сплошь страданія и плачи и раны. Увы, далеко время спокойныхъ надеждъ — и вотъ они истекаютъ кровью, — вечера, унылые вечера на черныхъ Голгоѳахъ!"

Пояснять такіе стихи, значило бы исписать страницы комментаріевъ, чтобы придти къ весьма простому и ясному уподобленію страждущаго человѣчества съ картиной красно-багровыхъ, кровавыхъ закатовъ, охватываемыхъ мракомъ наступающей ночи. Образы-символы должны внушать соотвѣтствующія мысли и ощущенія въ читателѣ. И, несомнѣнно, это впечатлѣніе достигается.

Вотъ другое стихотвореніе изъ того же сборника:

„Псы отчаянья, псы осенняго вѣтра грызутъ въ своихъ завываніяхъ темное эхо вечеровъ, и огромная тѣнь въ пустотѣ нащупываетъ (путь) къ лунѣ, отражающейся въ просвѣтахъ водопоевъ.

— Тамъ и сямъ далекіе огоньки, — и въ небѣ, наверху, чудовищные голоса, идущіе отъ безконечности болотъ и равнинъ, въ безконечность долинъ и лѣсовъ.

— Дороги простираются, какъ паруса, скрещиваются и развертываются вдаль безшумно, и продолжаютъ удлиняться подъ звѣздами — черезъ мракъ и ужасъ ночи".

Совершенно ясно, что этими нѣсколькими штрихами, въ яркой образности сгущенныхъ красокъ, которыми передана картина природы, возбуждается въ насъ ощущеніе безконечности. Такъ стихотвореніе и названо — „Безконечное". Оно вызываетъ чувство какой-то грусти, чего-то невырази-

маго въ словахъ, превышающаго наши познавательныя способности, то, что мы можемъ чувствовать, но не въ силахъ конкретно себѣ представить. Такова безконечность.

Мы видимъ также, на приведенныхъ образцахъ, особенность художественнаго пріема Верхарна: гиперболичность образовъ; краски, очертанія — все сгущено; Верхарнъ смотритъ въ увеличительныя стекла, и фантазія преобразуетъ дѣйствительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, образы и уподобленія мѣтки, выразительны. Эти „вечера, распятые на горизонтѣ", врѣзываются въ память, какъ кошмаръ; ихъ не забыть.

Верхарна прозвали „королемъ гиперболъ". Но въ его уподобленіяхъ нѣтъ нарочитости, дѣланности, надуманности. Они свободно создаются въ воображеніи поэта, который мыслитъ этими образами и иначе думать не умѣетъ.

У него порой такая вакханалія красокъ, какъ у Рубенса, и свѣтотѣни въ такихъ же рѣзкихъ контрастахъ, какъ у Рембрандта. Онъ очень націоналенъ въ своихъ особенностяхъ, а Рембрандта онъ особенно умѣлъ чувствоватъ и написалъ о немъ прекрасную монографію (1905 г.).

Большинство поэмъ Верхарна, собранныхъ отдѣльными томиками, располагается серіями: „Вечера" замыкаютъ первую серію и служатъ преддверіемъ ко второй — „Разрухи", „Черные факелы", „На краю пути". Потомъ идутъ фантастическія явленія, на половину аллегоріи, видѣнія поэта „на пути его жизни" („Les apparus dans mes chemins"). Первое изъ нихъ — „Celui de l'horizon" — пришлецъ изъ-за моря, съ далекихъ горизонтовъ, ищущій дороги къ иной жизни, которая была бы вся освѣщена чудомъ, къ пустыннымъ скаламъ, озареннымъ оракулами, тамъ, гдѣ, — говоря словами нашего поэта Лермонтова — „вѣчно зеленѣя, темный дубъ склонялся и шумѣлъ". И образъ дуба сохраненъ; Верхарнъ хотѣлъ бы, чтобы и онъ жилъ и предоставлено было всѣмъ жить полной, цѣлостной жизнью. Потомъ приходитъ Усталый — Celui de la Fatigue, далѣе — Свѣдующій — Celui du Savoir, ни во что не вѣрящій — Celui du rien, порожденіе гнили и безвѣрія, съ пламенникомъ въ рукѣ, на которомъ значатся — безуміе, мечта, пылкость, ложь, иронія и наглый смѣхъ надъ общей усыпальницей. Серія видѣній заканчивается приходомъ Георгія Побѣдоносца, съ появленіемъ котораго въ душѣ поэта наступаетъ переломъ къ болѣе отраднымъ думамъ, ибо „Заря занимается, какъ совѣтъ довѣрія; кто прислушается къ нему, тотъ спасенъ изъ болотной тины, въ которой еще

ни одинъ грѣхъ не былъ никогда омытъ... Предъ доблестнымъ видѣніемъ я вложилъ въ его блѣдную и смѣлую руку печальные цвѣты своихъ страданій. И онъ вознесся, внушивъ мнѣ бодрость и, запечатлѣвъ на лбу знакъ золотого креста на своемъ копьѣ, полетѣлъ прямо къ своему Богу, унеся мое сердце"... Въ этомъ стихотвореніи есть налетъ мистицизма, хотя вообще Верхарнъ поборникъ раціонализма и построилъ свое міросозерцаніе на знаніи, а не на вѣрѣ [1].

Сборникъ „Разрухи" заканчивается обращеніемъ къ умершей: она кроткая, нѣжная, умѣвшая и въ разгарѣ страсти умерщвлять въ немъ нечистыя желанія, ушла изъ жизни. Но вотъ воображеніемъ поэтъ вызываетъ ея образъ, съ которымъ большеу же никогда не разстанется:

... „Нѣтъ ничего сладостнѣе, какъ чувствовать надъ собою силу свыше жизни, къ которой питаешь и вѣру и довѣріе, про которую узнаешь, что она вся пылаетъ, склонясь надъ вами — въ часы страха — со свѣточемъ въ рукѣ".

„Я ей все говорю, какъ прежде, хотя она теперь все знаетъ заранѣе, хотя она слышитъ душу раньше голоса..."

... „И теперь, найдя въ ней неугасаемый свѣтъ, я больше не боюсь будущаго... до моего избавленія въ послѣднемъ вздохѣ".

Другой сборникъ — „Свѣтлые часы" — посвященъ уже той, которая рядомъ съ нимъ, живой подругѣ жизни, раздѣлявшей его заботы, неизмѣнному товарищу во всѣхъ житейскихъ невзгодахъ, трудахъ и радостяхъ.

Итакъ, съ одной стороны видѣніе Георгія, съ другой — воспоминанія объ умершей, которая ожила въ мечтахъ поэта, подобно дантовской Беатриче, внесли нѣкоторое успокоеніе въ его мятежной душѣ, отворачившейся отъ жизни и отъ міра въ мрачномъ отчаяніи кошмарныхъ грезъ. Отнынѣ Верхарнъ примирился съ жизнью, вновь увѣровалъ въ нее, открылъ глаза на то, что вокругъ дѣлается, и натолкнулся въ первую голову на соціальный вопросъ.

Нѣтъ, продолжать ту жизнь, что раньше — недостойно званія человѣка. Прочь кошмарныя видѣнія и замкнутость особнячества, безнадежное существованіе въ предѣлахъ своего я.

---

[1]) „Тотъ, кто доказываетъ и знаетъ, побѣдитъ того, кто вѣритъ", — писалъ поэтъ въ стихотвореніи „Утопія" (въ сборникѣ „Les forces tumultueuses"). Однако, слѣдуетъ отмѣтить и удивительно задушевное стихотвореніе: „Молитвенное", въ которомъ потребность вѣры побуждаетъ поэта преклониться хотя бы передъ „мечтой".

Надо жить общей жизнью со всѣми; надо окунуться въ самую гущу жизни, воспринять и провѣрить тѣ соціальныя утопіи, которыя одушевляютъ и восхищаютъ прежде всего посулами справедливости для всѣхъ, равенства и свободы. Лучшія душевныя свойства Верхарна пробудились и вдохновили его на новыя темы. Въ эту пору, примѣрно съ 93 года прошлаго вѣка, выпускаетъ онъ одинъ за другимъ сборники стихотвореній на общественныя темы. Это „Обезумѣвшія деревни" („Les campagnes hallucinées"), „Призрачныя селенія" („Les villages illusoires"), „Города со щупальцами" („Les villes tentaculaires"), „Свѣтлые часы" („Les heures claires"), „Лики жизни" („Les visages de la vie") и „Мятежныя силы" („Les forces tumultueuses"). Къ этой же серіи надо отнести и его драму „Зори", въ которой мечты о возстановленіи общественной справедливости и пророчества о возможномъ свѣтломъ будущемъ человѣчества нашли себѣ новое выраженіе въ формѣ лирической драмы [1]).

Названные сборники составляютъ самое значительное выявленіе творчества Верхарна. Онъ смѣло подступилъ къ темамъ и сюжетамъ, которые, казалось, находятся внѣ круга поэзіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, къ вопросамъ экономическимъ, соціальнымъ, политическимъ, ко всему тому, что внѣ своего чисто научнаго значенія, составляетъ область публицистики. Но Верхарнъ сумѣлъ, благодаря своему лирическому темпераменту, богатой образности и умѣлому владѣнію музыкальнымъ ритмомъ, преобразовать публицистическія темы въ созданія подлинно поэтическія. Онъ не разбираетъ теорій, не рѣшаетъ экономическихъ вопросовъ, а только вдохновляется идеями. Въ его поэмахъ нѣтъ разсудочности и вложено въ нихъ очень много чувства. Распадъ деревни, тяготѣніе къ городской жизни, наконецъ, самъ городъ во всемъ многообразіи его формаціи, пестрой жизни, въ рѣзкихъ контрастахъ, кипучей лихорадочности, суетѣ, кажущейся хаотичности жизни — все это въ синтезѣ поэта пріобрѣтаетъ какое-то особое значеніе и смыслъ и захватываетъ странными видѣніями мощной фантазіи. Верхарнъ единственный въ своемъ родѣ поэтъ города, того города, гдѣ бокъ-о-бокъ ютятся и пролетаріи, и богачи, и люди средняго достатка,

---

[1]) Кромѣ „Зорь" (русск. пер. въ изд. „Знаніе", 1906 г.), Верхарномъ написаны еще три драмы: „Монастырь" (1900 г.), „Филиппъ II" (1904) и „Елена Спартанская" (1909 г.). Мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, разсматривая Верхарна какъ лирическаго поэта.

ремесленники, труженники, мыслители, художники, администраторы, банкиры, люди всѣхъ званій и состояній. И къ каждому въ душу сумѣлъ заглянуть Верхарнъ, каждаго выявилъ въ его интимной жизни и общественныхъ выступленіяхъ, описывалъ и отдѣльныя фигуры порознь и давалъ сводныя картины общаго впечатлѣнія городской жизни.

Однако, указывая на тягу въ городъ, какъ на знаменье времени, какъ на результатъ сложныхъ экономическихъ факторовъ, въ силу которыхъ деревни словно обезумѣли — и Верхарнъ образно передаетъ настроеніе въ странныхъ, фантастическихъ пѣсняхъ сумасшедшихъ — „Chanson de fou“, поэтъ самъ вовсе не отвернулся отъ деревни и ея обитателей; онъ даже именно въ средѣ деревенскихъ ремесленниковъ нашелъ для себя тотъ матеріалъ, изъ котораго создалъ величавыя героическія фигуры символическихъ провидцевъ будущаго. Это составляетъ главное содержаніе сборника „Призрачныя селенія“ („Les villages illusoires“). Не разъ указывалось на отличіе этого пріема отъ традиціоннаго, которому послѣдовалъ и Вагнеръ: брать героевъ изъ области легендарныхъ преданій, заимствовать почву изъ старинныхъ сказаній, надѣлить сказачнаго витязя — будь то Лоэнгринъ, Парцивалъ, Зигфридъ или Тристанъ и т. п. — сверхчеловѣческимъ значеніемъ и создать изъ него символъ обобщенныхъ человѣческихъ свойствъ и качествъ, носителя какой-нибудь высшей идеи. Совершенно иначе поступаетъ Верхарнъ: его герои въ большинствѣ безымянные труженики и заимствуются имъ изъ сѣрой будничной массы маленькихъ людей, которые различаются лишь по своему ремеслу. Это — рыбакъ, мельникъ, столяръ, звонарь, гробовщикъ, кузнецъ, босякъ, канатный мастеръ и т. п. Въ этомъ выборѣ сказался не только глубокій демократизмъ Верхарна и не одно теоретическое признаніе возможнаго героизма маленькихъ людей, но также и національная черта: вѣдь Бельгія до послѣдняго времени служила какъ бы образцомъ примѣрной страны въ смыслѣ процвѣтанія въ ней всякаго рода индустріи; работающій, исключительно трудолюбивый народъ, властвующій надъ самой природой, сумѣвшій сковать стихію моря и укрѣпить свои берега колоссальными плотинами [1]), народъ, прославившійся на весь міръ своими издѣліями техническими и ре-

[1]) Они пригодились ему нынѣ, чтобы затопить нѣсколько нѣмецкихъ полковъ.

месленными, не только кружевами, но и всякаго рода производствомъ, этотъ народъ какъ бы весь отдался тихому, но упорному и настойчивому труду въ скромной сферѣ ремесленнаго производства. И Верхарнъ ближе, чѣмъ кто-либо, могъ подслушать и угадать задатки героизма среди смиренныхъ тружениковъ. И опять таки это было пророчествомъ того акта героическаго сопротивленія германскому нашествію, которымъ Бельгія такъ изумила міръ.

Но Верхарнъ, повторяю, не думалъ о возможности событій ближайшаго времени. Его мысли направлены въ сторону не политическихъ, а только соціальныхъ преобразованій. Лишь носителями и провозвѣстниками этого чаемаго лучшаго будущаго онъ сдѣлалъ именно представителей сѣрой массы рабочаго люда, поднявъ ихъ на высшую ступень — обобщенныхъ символовъ.

Наиболѣе извѣстное изъ стихотвореній названной серіи „Кузнецъ". Я напомню коротко другое, не уступающее ему въ значеніи. Это „Канатные мастера":

„Въ своей деревнѣ, у подошвы плотины, окружающей ее своими усталыми очертаніями и изгибами по направленію къ морю, свѣтлый канатный мастеръ — ясновидецъ, пятясь, на дорогѣ, осторожно, въ рукахъ, переплетаетъ, крутя ихъ, дальнія нити, спускающіяся къ нему изъ безконечности".

Таково вступленіе. Затѣмъ идетъ послѣдовательное развитіе символическаго образа. Эти пряди волоконъ — нити дальнихъ горизонтовъ, прошлаго, настоящаго и будущаго. Осторожно закручиваетъ ихъ бѣдный канатный мастеръ своими ловкими еще пальцами, изъ опасенія, какъ бы не сгубить тѣ крупицы золота, которыя ему выпадутъ за его трудъ. А горизонты близятся, и встаютъ поочередно видѣнія прошлаго средневѣковья, которыя смѣняются картиной современной фабричной производительности и, наконецъ, тамъ на берегу морскомъ вырисовываются надежды будущаго. По широкой золотой лѣстницѣ поднимаются рука объ руку мечта и знаніе: они вступили врозь на ступень, но соединятся на одной площадкѣ на верху зданія. Тамъ наверху — замретъ сомнѣніе, которое разожметъ пальцы сжатой понуро руки, и глазъ увидитъ, какъ соединятся въ существѣ въ стройномъ единствѣ законы, до сихъ поръ раздробленно мерцавшіе во временныхъ ученіяхъ... Сердце успокоится, и какая-то кротость словно держитъ въ рукахъ ключи безмѣрной тишины... Тамъ сознается Богъ, который есть всякая человѣческая душа; онъ раскроется, отдастся и найдетъ всѣхъ

тѣхъ, кто нѣкогда колѣнопреклонно молился передъ смиренной любовью и освѣщенными страданіями".

„И вотъ пламенный миръ опускаетъ урны упорядоченнаго счастья на эти вечернія страны, гдѣ зажигаются, подобно свѣточамъ надежды въ воздушномъ пеплѣ, — великія ночныя свѣтила".

Все это видитъ и предвидитъ канатный мастеръ-ясновидецъ, выкручивая верви, за огородами и домами.

Таковъ общій пріемъ „героизаціи" Верхарна: конкретное очертаніе эскизно намѣченной фигурки расплывается въ колоссальный образъ, не теряя связи съ реальнымъ лицомъ, послужившимъ точкой отправленія поэту, но ширясь и возвышаясь въ синтетическую передачу личныхъ настроеній и мыслей Верхарна. Онъ здѣсь, какъ и во всемъ, прежде всего и главнымъ образомъ поэтъ-лирикъ. И нельзя не отмѣтить превосходнаго именно по своему лиризму стихотворенія — „Вечеромъ" (Un soir) въ сборникѣ — „Мятежныя силы", съ заключительнымъ выводомъ: „Il faut aimer, pour décovurir avec génie".

Итакъ, началась тяга въ городъ. Деревни пустѣютъ, они „обезумѣли" и, увы, насталъ конецъ полямъ. Духъ деревни — это былъ духъ Божій, но колокольни сгинули; мельницы разрушены; пашня обратилась въ равнину, которая откашляла свою агонію въ послѣдней икотѣ вечерней молитвы". Всѣ дороги ведутъ въ городъ...

Мы уже замѣтили, что Верхарнъ чуждъ идеализаціи городской жизни, но вѣдь не въ идеализаціи суть поэтическаго воспроизведенія ощущеній города, который захватываетъ сложностью впечатлѣній. Верхарнъ мастерски ихъ комбинируетъ, а затѣмъ все-таки указываетъ на одно преимущество: душа города — это мечта. „Надъ городомъ пылающимъ ужасомъ рѣютъ незримыя, но все же очевидныя — идеи!" Въ этомъ главный смыслъ городской жизни и отчасти ея оправданіе.

Мечта — душа города, но самъ по себѣ старинный, многовѣковый городъ, возникшій нѣкогда изъ бѣдной деревушки — нѣсколько хатокъ, гдѣ жило два-три священнослужителя, постепенно разрастаясь, обращенный то въ крѣпость, то въ замокъ, куда стекаются монахи, аббаты, бароны, челядинцы и крестьяне — это арена длительной борьбы: борьба инстинктовъ, борьба тщеславія, ненависть властителей другъ къ другу; потомъ развратъ, насиліе, — когти народа и челюсти королей, страсти и ненасытныя желанія:

„Ему тысяча лѣтъ — городу, ужасному и глубокому; и несмотря на набѣгъ временъ, и на то, какъ подкапываются народы подъ его тяжеловѣсную гордость — онъ устоялъ отъ разрушенія. Какой океанъ его сердце! Какая буря — его нервы! Какой узелъ сплетенныхъ волей въ его тайнѣ! Побѣдоносный — онъ поглощаетъ землю; побѣжденный — онъ ужасъ міра“...

Такъ не столько описываетъ, какъ вчувствуется Верхарнъ въ сущность города и пронизываетъ его пламеннымъ сердцемъ, сыпля метафорами, гиперболами, уподобленіями, въ которыхъ выливаются его ощущенія, переживанія, сокровенныя мысли. Передъ такимъ натискомъ волнующихся чувствъ поэта не могутъ устоять никакіе предметы, поглощенные его творческимъ воспріятіемъ. Онъ водитъ насъ по всѣмъ частямъ города, заставляетъ остановиться то предъ статуей, то предъ соборомъ, ведетъ въ театры, на биржу, на рынокъ, на фабрики, показываетъ намъ блуждающихъ по тротуару женщинъ — „въ траурѣ по своей душѣ“, рисуетъ городской мятежъ и заканчиваетъ прославленіемъ духа изслѣдованія и царства идей.

Только первоклассный талантъ могъ осилить эти темы, ни на минуту не сбавляя одушевленія, переживая сердцемъ и чувствами, а не теоретически, не разсудочно, всѣ самыя обыденныя явленія, къ которымъ мы привыкли въ обыденной жизни относиться совсѣмъ по-иному. Преобразуя дѣйствительность, поэтъ показываетъ намъ ея сокровенное значеніе и научаетъ по-новому смотрѣть на многія вещи.

Таково свойство лиризма Верхарна, и въ этомъ одна изъ главныхъ заслугъ его поэзіи. Онъ недаромъ отошелъ отъ красивой, но холодной и безстрастной, внѣ жизни, поэзіи парнасцевъ. Смолоду его любимымъ поэтомъ былъ, какъ говорятъ его біографы, Викторъ Гюго. Онъ обвѣянъ былъ на зарѣ жизни старымъ, но не устарѣвшимъ романтизмомъ, воспринялъ и впиталъ въ себя его вѣчныя начала и, отвернувшись отъ высотъ Парнаса, сумѣлъ подойти окрыленной мечтой и съ дѣйственнымъ воображеніемъ къ темамъ повседневной жизни, открывъ новую руду поэтическаго творчества.

Въ „Многообразномъ великолѣпіи“ — итоги идейной эволюціи Верхарна, о которой уже была рѣчь. Въ сборникѣ есть чудесные стихи, но по чисто поэтическимъ качествамъ, онъ производитъ слабѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ прежнія вышеуказанныя произведенія періода зрѣлости отъ 30 до 45 лѣтъ. Ему уже было за пятьдесятъ (род. въ 1855 г.), когда совершился окончательный поворотъ его къ оптимизму, къ востор-

женному отношенію къ той красотѣ вселенной, которой онъ раньше какъ бы не замѣчалъ и не ощущалъ. Но и вообще говоря, славословить гораздо труднѣе, чѣмъ бичевать или, грустить, даже отчаиваться, или вдохновляться картиной жизненной борьбы. Вѣдь и Дантовскій „Адъ“ куда красочнѣе, ярче, выпуклѣе, чѣмъ его видѣнія рая, а въ „Чистилищѣ“ поддерживаетъ интересъ моральная проблема очищенія отъ грѣховъ, слѣдовательно все же чисто человѣческое начало, въ его слабостяхъ, паденіяхъ и возрожденіи.

Идиллическое, примиренное и просвѣтительное настроеніе Верхарна въ еще позднѣйшемъ его сборникѣ стиховъ „Волнующаяся рожь“, было рѣзко нарушено нежданнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ его родной край. Какая тутъ философія „любованія другъ другомъ“, какой культъ энтузіазма и восхищенія міромъ, когда грубая сила могла такъ просто и пока еще безнаказанно надсмѣяться надъ правомъ независимой народности, которой вѣчный міръ казался обезпеченнымъ по столькимъ постановленіямъ международныхъ конвенцій. Но въ томъ-то и дѣло, что кара еще впереди и вѣра въ лучшее будущее только крѣпнетъ отъ испытаній. Верхарнъ въ послѣднихъ стихахъ своихъ — „На красныхъ крыльяхъ войны“ сдѣлалъ нѣкоторую перестановку сражающихся, сохранивъ цѣль. Такъ, въ одномъ изъ прежнихъ стихотвореній, при описаніи воображаемаго мятежа (русск. перев. А. А. Лукьянова, въ сборн. „Знаніе“), какого-нибудь готовящагося соціальнаго переворота, не только бунта, но можетъ быть революціи, — благодаря свойству Верхарна все видѣть въ увеличенномъ масштабѣ, этотъ мятежъ рисуется въ чертахъ настоящаго сраженія. Но это было народное возстаніе противъ своихъ правителей. Между тѣмъ нѣкоторыя строфы въ немъ удивительно предвѣщаютъ то, что произошло при германскомъ нашествіи — грохотъ пушекъ, рѣзня, разстрѣлы, потоки крови, пожары, разореніе... Поэтъ вводитъ припѣвомъ стихъ: „убивать, чтобъ возрождать и создавать“. Конечно, не нѣмцамъ выпала эта миссія. И теперь въ глазахъ Верхарна — коалиція просвѣщеннѣйшихъ народовъ зап. Европы — Франція, Англія, Италія, съ ними и Японія, поднявшая флагъ цивилизаціи на дальнемъ Востокѣ, — вотъ тѣ силы, тотъ „народъ“, который борется за право и правду. Пробилъ часъ, и должна была неминуемо состояться эта схватка двухъ началъ — злого деспотизма, гнета, порабощенія силой, и съ другой стороны, начала — права, правды, справедливости. Верхарнъ вѣритъ, что

вслѣдъ за побѣдой настанетъ общее дружество народовъ на тѣхъ началахъ, которымъ однимъ принадлежитъ будущее (см. его стихотв. „къ Россіи“, русск. перев. В. Брюсова, въ „Русск. Вѣд.“, 25 дек. 1916 г.). Не можетъ того быть, чтобы, въ концѣ концовъ, беззастѣнчивый милитаризмъ не былъ сломленъ, чтобы не возстановлены права и малыхъ народностей и чтобы Бельгія не заняла снова то почетное мѣсто, которое ей теперь особенно подобаетъ въ семьѣ европейскихъ народовъ. А Верхарну, хотя и не суждено будетъ увидѣть этотъ день возмездія, но слава его прочно установлена, значеніе его поэзіи раскроется еще полнѣе, а самъ онъ, въ вѣщихъ строкахъ, указалъ, въ чемъ должна заключаться и сущность героизма, преодолѣвающаго временное для утвержденія вѣчнаго:

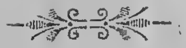
„Любовь, которой могущество еще не все познано, въ своей глубокой кротости и чистомъ милосердіи, будетъ надѣлять равной радостью всѣхъ смирившихся, обездоленныхъ, и человѣкъ, вмѣсто эгоистическаго порыва къ тому, чтобы увѣковѣчить безсмертную душу, отдастъ всего себя, все свое случайное существованіе на благо всѣмъ“ [1]).

Такъ умѣли любить, такъ любятъ и теперь свою родину бельгійцы. „Я сынъ той расы, — писалъ Верхарнъ въ другомъ стихотвореніи, — которой замыслы одержали верхъ въ глубокихъ битвахъ между мірами; — я сынъ той расы — настойчивой, непреклонной, которая умѣетъ желать и, пожелавъ, хочетъ большаго и большаго.

...Вы пользуетесь воздухомъ, водой, почвой, огнемъ, вы поднимаете стихіи и прежнихъ боговъ обращаете въ чистыя идеи...

Чрезъ васъ велѣнія судьбы становятся лишь волей человѣка“. (Стихотв. „Ma race“ въ сборникѣ „Мятежныя силы“.) Но, чтобъ этого достичь, надо умѣть и жертвовать собой. — Такъ умирали бельгійцы передъ натискомъ превосходящаго ихъ врага, который есть и врагъ благъ цивилизаціи. Такъ жертвовали они беззавѣтно своимъ „случайнымъ существованіемъ“ во имя чести, въ защиту свободы и независимости страны.

Ѳ. Батюшковъ.

[1]) В. Брюсовъ, въ общемъ, далъ нѣсколько прекрасныхъ переводовъ по-русски изъ Верхарна (см. т. XXI Собран. сочиненій), но для передачи точнаго смысла приходится все же переводить дословно, проясняя недосказанное.

ПРИРОДА.

Она зоветъ меня — и шопотомъ листовъ,
И вѣтерка чуть слышнымъ дуновеньемъ,
И гамомъ птицъ, и звономъ ручейковъ,
Закатомъ дня и утра восхожденьемъ...

И звѣздъ мерцаніемъ она зоветъ меня —
Лучами звѣздъ и мѣсяца лучами,
Всѣмъ трепетомъ, всей радугой огня,
Всей Вѣчностью за Млечными Путями...

Не перестанетъ звать она изъ вѣка въ вѣкъ:
Владычица — безсмертная Природа —
Зачѣмъ тебѣ я — жалкій человѣкъ,
Идущій въ тьму и плачущій у входа?...

Филаретъ Черновъ.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Она пришла къ нему въ тотъ самый день, когда солнце впервые послѣ пяти мѣсяцевъ бросило быстрый, кокетливый лучъ на стѣны и полотна картинъ въ его мастерской. Она держала въ рукахъ букетъ подснѣжниковъ, изъ-подъ шляпы выбивались волнистые золотые волосы, растрепавшіеся отъ вѣтра, щеки были румяны, въ синихъ глазахъ была радость солнца и весенняго вѣтра.. Такой, точно такой онъ и изобразилъ ее на картинѣ „Ранняя весна", той картинѣ, съ которой началась его слава. Сѣрая улица, голыя деревья, почернѣвшій снѣгъ... И весна, ранняя весна чувствовалась въ движеніи вѣтра, въ солнечныхъ пятнахъ, и въ выраженіи синихъ глазъ, радостныхъ и пьяныхъ отъ весенняго воздуха, и во всей наклоненной отъ вѣтра стройной фигурѣ въ черномъ пальто, съ букетомъ подснѣжниковъ въ рукахъ... Картина была очень хороша. Это находили и газетные критики, и знатоки — дилетанты, и просто публика, и товарищи-художники. Это зналъ онъ самъ, потому что видѣлъ: на картинѣ была она, такая какъ въ жизни, такая, какой онъ любилъ ее... А ей казалось, что на картинѣ она была гораздо лучше, чѣмъ въ жизни, вознесенная его талантомъ, его любовью...

Когда началась эта любовь? Должно быть, въ тотъ самый день, когда она пришла къ нему впервые, а можетъ быть, и еще раньше, на концертѣ, гдѣ они познакомились. Они не таили долго своихъ чувствъ. Они были молоды, свободны и смѣлы. Они любили, они хотѣли счастья. Онъ сказалъ: „Ну довольно работать, поздно...", подошелъ къ ней, взглянулъ, чуть вздрогнулъ... И безъ словъ губы ихъ соединились, и голова съ золотыми волосами прижалась къ его груди... Они подумали: „Такъ нужно, такъ неизбѣжно, такъ хорошо..."

Они были вмѣстѣ все время. Послѣ сеансовъ часто уѣзжали за городъ или просто бродили по улицамъ, улыбающіеся, радостно тихіе, отъ всего міра далекіе и любящіе весь міръ...

въ мастерской, цѣлуя ее, онъ говорилъ: „Въ тебѣ люблю все живущее... Солнце въ твоей улыбкѣ...“ И синіе глаза были вдохновенны и радостны.

Почему они разстались? На это оба затруднились бы отвѣтить. Онъ первый почувствовалъ, что „краски тускнѣютъ“... Тянули недолго. Были молоды, свободны и смѣлы. Разстались быстро, безъ страданій. Впрочемъ, можетъ быть, она и страдала. Онъ подумалъ это одинъ разъ, когда въ синихъ, всегда смѣющихся глазахъ уловилъ тихую печаль. Но не было страшныхъ словъ, рыданій и ссоръ. Ничѣмъ не была омрачена эта радостная, молодая любовь, и какъ вѣчное воспоминаніе о ней осталась его прекрасная картина — „Ранняя весна“.

Это было давно, — когда онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ. и жилъ въ одной комнатѣ, на шестомъ этажѣ.

Они встрѣтились на большомъ званомъ обѣдѣ. Онъ не узналъ ея. Очень полная и неинтересная женщина въ нарядномъ платьѣ — при взглядѣ на нее не могло возникнуть представленіе о модели „Ранней весны“. Но она сказала: „Мы встрѣчались когда-то...“, и назвала свою дѣвичью фамилію. Онъ былъ очень удивленъ. „Вотъ что дѣлаетъ время, — подумалъ онъ, — такая фигура, такое лицо... Какъ ужасно дурнѣютъ, какъ ужасно старѣются эти милыя женщины...“ И невольно съ чувствомъ удовольствія посмотрѣлъ въ зеркало на свою худощавую фигуру, изящный профиль и черные съ просѣдью волосы.

Послѣ обѣда къ нему подошелъ полный, пожилой господинъ, ея мужъ. Съ первыхъ же словъ онъ изложилъ ему свою покорнѣйшую просьбу написать „геніальной кистью“ портретъ его жены. И тутъ же назвалъ сумму гонорара, исключительно большую, какой онъ не получалъ ни за одинъ изъ своихъ фешенебельныхъ портретовъ.

И все-таки у него была мысль отказаться. Слишкомъ мало привлекательна была эта женщина, которую когда-то писать было такъ радостно, и боялся — вдругъ во время сеансовъ будетъ говорить о прошломъ, захочетъ возобновить... Но мужъ упомянулъ въ разговорѣ, что и онъ будетъ присутствовать на сеансахъ, а, кромѣ того, сумма гонорара была велика исключительно... Онъ согласился и назначилъ день перваго сеанса. Когда супруги выходили изъ гостиной, онъ

смотрѣлъ иронически на двѣ идущія рядомъ полныя фигуры, одну — въ щегольской визиткѣ, другую — въ модномъ лиловомъ платьѣ съ мѣхомъ и ажурныхъ чулкахъ...

„И это — моя „Ранняя весна!“ — думалъ онъ, усмѣхаясь.

Она сидѣла посреди его роскошной мастерской, въ креслѣ, откинувшись на бархатную спинку. Полное лицо было безжизненно-спокойно. Только легкая тѣнь усталости и неудовольствія была въ немъ. Мужъ сидѣлъ въ сторонкѣ, сложивъ руки и полузакрывъ глаза, въ позѣ довольнаго, спокойнаго человѣка.

Пріятель художника Гороховъ стоялъ у раскрытаго окна и смотрѣлъ во дворъ.

Это былъ уже пятый сеансъ. Аккуратно въ назначенное время она съ мужемъ появлялась въ его мастерской, молча усаживалась въ большое кресло и молча сидѣла въ немъ часъ, смотря равнодушно, чуть-чуть недовольно.

Ему хотѣлось скорѣе кончить портретъ. Самъ не понимая почему, во время сеансовъ онъ чувствовалъ себя нехорошо. И когда супруги выходили изъ мастерской, онъ торопливо задергивалъ портретъ и намѣренно забывалъ о немъ.

Въ мастерской было сонно-тихо. Весенній воздухъ, проникавшій въ окна, опьянялъ и усыплялъ. Портреты на стѣнахъ, казалось, задремали бы съ удовольствіемъ. Художника тоже клонило ко сну, и онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ окончанія сеанса.

Со двора послышались громкіе звуки шарманки и высокій женскій голосъ. Потомъ сердитый окрикъ дворника.

Гороховъ перегнулся черезъ окно и крикнулъ:

— Дворникъ, не выгоняй, отойди! Подите сюда, слушайте, пѣвица, подите сюда!

Онъ отошелъ отъ окна.

— Ты представь себѣ, — сказалъ онъ оживленно, обращаясь къ художнику, — тамъ эта пѣвица, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, ну такъ живописна, такъ стильна! Она стояла, вся освѣщенная солнцемъ, и эти золотые волосы, эта бѣлая птичка въ рукахъ! Пиши ее! Ты скажешь — сюжетъ избитый, но, понимаешь, такъ хороша натура... Можно изобразить какъ-нибудь иначе... Она сейчасъ придетъ сюда...

Черезъ минуту дѣвочка робко вошла на порогъ

мастерской. Высокая, худая, въ какихъ-то фантастическихъ лохмотьяхъ, съ огромными золотыми косами, закрученными вокругъ головы, и большими, блестящими глазами, она была, дѣйствительно, очень хороша.

Гороховъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ. Она стояла, недоумѣвая, что же ей дѣлать.

— Попка можетъ погадать, — сказала она тихо.

— Пиши ее, пиши, — волновался Гороховъ. — Это будетъ удивительная вещь... И почему я не могу писать!

Художникъ досадливо отмахнулся.

— Ну, оставь свои чудачества... Она хороша, но за каждой интересной натурой не могу же я гоняться... У меня нѣтъ времени, еще масса заказовъ... И надо, чтобы она шла...

Онъ вынулъ изъ бумажника рубль и далъ пѣвицѣ. Мужъ тотчасъ же вынулъ три рубля и также передалъ дѣвочкѣ.

Она вся раскраснѣлась отъ радости и стала еще лучше.

— Благодарю, — шептала она смущенно, уходя изъ мастерской.

Гороховъ съ грустью посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Весна... — сказалъ онъ тихо.

Художникъ, извинившись, вернулся къ прерванной работѣ. Взглянувъ на модель портрета, онъ удивился. Губы ея дрожали, а въ глазахъ, синихъ глазахъ, были слезы...

„Что это? — подумалъ онъ съ недоумѣніемъ, — досадуетъ, что прервалъ сеансъ, сердится, можетъ быть, ревнуетъ?..“

Это былъ шестой сеансъ. Она сидѣла въ большомъ креслѣ, откинувшись на бархатную спинку. День былъ дождливый, сѣрый, и работать было трудно. Мужъ, сначала, по обыкновенію, дремавшій въ креслѣ, посреди сеанса всталъ, посмотрѣлъ на часы и вышелъ, сказавъ, что ему необходимо поѣхать по дѣлу.

Они въ первый разъ остались вдвоемъ. Смотря на нее, онъ замѣтилъ, что она очень блѣдна.

— Вы устали? — спросилъ онъ, испытывая какое-то странное безпокойство. — Вамъ нездоровится?

— Я устала, — сказала она тихо, мѣняя позу. — Подождите немного....

Оба молчали. Потомъ она заговорила тихо и медленно, сдерживая голосъ.

— Когда мой мужъ, встрѣтившись съ вами, сказалъ мнѣ:

„Я закажу ему твой портретъ“, я пожала плечами и отвѣтила увѣренно: „Онъ откажется...“ А черезъ часъ мужъ сказалъ мнѣ: „Онъ согласился...“ Мнѣ не хотѣлось вѣрить...

Слова застыли въ воздухѣ. А за ними тяжело и медленно начали падать другія.

— Двадцать лѣтъ тому назадъ вы писали меня... Это было самое счастливое время моей и вашей жизни... И ничто, ни ваше охлажденіе, ни страданія разлуки, ни мои тяжкія, тяжкія муки, ни моя теперешняя жизнь, семья, богатство, ничто не заглушило этого воспоминанія, этой радости... Одна, потихоньку, я ходила въ музей и смотрѣла на вашу картину... Я плакала передъ ней... И теперь вы пишете меня... теперь... за хорошія деньги... Боже мой, неужели вамъ это не больно?...

Она молчала минуту, опустивъ голову на руки.

— Здѣсь стояла дѣвочка,— опять начала тихо, сдавленнымъ голосомъ. — Прелестная, трогательная, такая, какой я была двадцать лѣтъ тому назадъ... Вашъ пріятель смотрѣлъ на нее со слезами... А вы... вы остались равнодушны... У васъ много заказовъ... Вы пишете меня... меня!

Вдругъ она подняла голову и прямо посмотрѣла на него.

— Вы мнѣ противны, — сказала она отчетливо.

Лицо было блѣдно и полно глубокой внутренней муки, синіе глаза сверкали гнѣвомъ. Онъ не могъ оторвать отъ нея взгляда.

Она ушла, не сказавъ больше ни слова. Торопливо онъ задернулъ портретъ.

Онъ проснулся среди ночи и тотчасъ же вскочилъ съ постели. Онъ чувствовалъ себя необыкновенно бодро, голова была ясна, сердце полно тревожной радости, движенія легки и увѣренны. Это было давно неиспытанное, но хорошо знакомое состояніе — вдохновеніе. Онъ не зналъ, что онъ будетъ писать. Въ головѣ не было яснаго образа. Но онъ зналъ, что будетъ писать, не можетъ не писать теперь.

Онъ наскоро одѣлся и подошелъ къ полотнамъ. И тотчасъ же образъ ея, блѣдной, страдающей, съ глазами, полными гнѣва, всталъ передъ нимъ. И онъ понялъ, что долженъ писать ее.

Онъ отдернулъ кисею съ ея портрета. Полная, не интересная женщина въ шелковомъ платьѣ, откинувшаяся на

бархатную спинку кресла. Одинъ изъ безконечнаго ряда портретовъ, которые онъ написалъ. О нихъ говорили, благоговѣйно удивляясь: „Совсѣмъ какъ живая...“ и равнодушно проходили мимо.

Да, и она здѣсь совсѣмъ какъ живая... Но не такая, какой она ушла отъ него... А онъ хочетъ, онъ долженъ писать такую.

Было совсѣмъ поздно, когда онъ отложилъ кисти и, отойдя отъ мольберта, взглянулъ на портретъ. Лицо ея было блѣдно и полно страданія. Въ синихъ глазахъ сверкалъ гнѣвъ... Блѣдныя губы, казалось, говорили отчетливо:

— Вы мнѣ противны.

Его сердце билось, руки были холодны, какъ ледъ, голова свѣжа, движенія легки и увѣренны. Онъ былъ счастливъ, какъ когда-то давно, когда онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ и жилъ въ одной комнатѣ, на шестомъ этажѣ...

Когда черезъ два дня мужъ и жена позвонили у дверей мастерской, имъ отворила горничная и сказала, что баринъ внезапно долженъ уѣхать и портрета окончить не можетъ. Мужъ недовольно пожалъ плечами и потомъ всю дорогу возмущался безцеремонностью этого художника.

Въ тотъ же день она получила короткую записку: „Портретъ вашъ закончилъ. Прошу милости — позволенія оставить его у себя. На немъ вы такая, какой я видѣлъ васъ въ послѣдній разъ. Въ глазахъ вашихъ — гнѣвъ, Божій гнѣвъ. Это — лучшее, что я написалъ. Лучше „Ранней весны“. И послѣднее. Больше я такъ не напишу. Простите“.

Она стояла съ письмомъ въ рукѣ. Въ синихъ глазахъ было счастье.

Л. Ефимовичъ.

ИЗЪ П. ВЕРЛЭНА.

1.

Небо свѣтлое надъ крышей
Ласково сіяетъ, —
Тополь, дремлющій надъ крышей,
Вѣтерокъ качаетъ.

О, какъ въ небѣ грустно-грустно
Дальній звонъ несется!
Съ темныхъ вѣтокъ птички грустно
Пѣсня плачетъ-льется.

Боже, сколько мирной нѣги
Въ жизни этой малой! —
Городъ, въ ласкѣ дремной нѣги,
Шепчетъ мнѣ устало.

— Глупый, глупый, что ты сдѣлалъ?
Ты, что плачешь кротко,
Что ты сдѣлалъ, что ты сдѣлалъ
Съ юностью короткой?

2.

Мертвы мои вѣжды,
Во дни умиранья, —
Замрите, надежды,
Усните, желанья!

На сердце, на взоры
Палъ сумракъ ненастья, —
Ни мира, ни ссоры,
Ни боли, ни счастья...

Я — зыбка простая
Подъ чьей-то рукою,
Гдѣ сумракъ безъ края...
Покоя! покоя!

Сем. Астровъ.

ПУТЬ КЪ СЛАВѢ.

Романъ Роберта Хитченса.

(Продолженіе.)

XVI.

Чарміанъ готовилась съ лихорадочной энергіей искать студію для мужа. Они отправились вмѣстѣ съ Клодомъ и скоро попали въ Чельси. Конечно, и въ Кенсингтонѣ можно было получить такого рода помѣщеніе; но Клодъ упомянулъ о Чельси, и Чарміанъ сразу же ухватилась за эту идею. Чельси живописно расположенъ близъ рѣки, и столько интересныхъ и знаменитыхъ людей живетъ тамъ теперь и жили раньше!.. Тамъ будетъ именно та атмосфера, которая имъ нужна. Чарміанъ казалось страннымъ, что они поселились не въ Чельси, а въ Консингтонѣ.

Послѣ нѣкоторыхъ поисковъ они нашли студію въ большомъ красномъ домѣ съ аркой и красивыми ступенями. Находилась она въ нижнемъ этажѣ, была достаточно велика, хотя не слишкомъ огромна, и удобно расположена. Была въ ней, правда, одна лишняя подробность, но, впрочемъ, не лишенная пріятности. Въ одномъ углу комнаты было устроено нѣчто въ родѣ платформы, къ которой вела лѣстница, отдѣленная отъ остальной комнаты деревянной перегородкой. Человѣкъ, показывавшій имъ студію, объяснилъ, что это было придумано и устроено жившимъ здѣсь австрійскимъ художникомъ, который пользовался платформой въ качествѣ спальни, а внизу подъ нею устроилъ себѣ кухню.

Плата была сто фунтовъ въ годъ.

Эта цифра показалась Клоду черезчуръ высокой. Ему стало стыдно тратить такую большую сумму на то, что должно представляться окружающимъ простымъ капризомъ. Если бы онъ былъ извѣстнымъ, популярнымъ композиторомъ, тогда другое дѣло: всякій понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что

понимаетъ прихоти знаменитаго человѣка. Но Клодъ и его произведенія были никому неизвѣстны. И сейчасъ онъ сожалѣлъ объ этомъ, какъ никогда еще не жалѣлъ раньше.

Однако Чарміанъ твердо настаивала на томъ, чтобы онъ взялъ непремѣнно эту студію: она замѣтила, что весь entourage ему пришелся по душѣ.

— Здѣсь ты чувствуешь настоящую атмосферу, правда? — сказала она. — Я вижу это. А разъ есть такое чувство, то было бы просто преступленіемъ не послушаться его. Не думай о расходахъ. Въ будущемъ они всѣ будутъ покрыты съ лихвой.

— Покрыты! — повторилъ онъ ошеломленный. — То-есть какъ это?

Чарміанъ спохватилась.

— Право, не знаю. Ну, можетъ быть, когда-нибудь, когда твой отецъ... Но не будемъ говорить объ этомъ. Сто фунтовъ въ годъ вовсе не такъ много. Это будетъ значить только на нѣсколько платьевъ и шляпъ меньше для меня.

Клодъ сильно покраснѣлъ.

— Чарміанъ! Какъ ты можешь думать...

— Неужели жена не имѣетъ права помогать въ чемъ-нибудь мужу?

— Но я не нуждаюсь въ... то-есть я хочу сказать, что не соглашусь никогда...

Чарміанъ выразительно повела бровями въ ту сторону, гдѣ стоялъ привратникъ съ связкой ключей въ красной, изуродованной подагрой рукѣ. Клодъ замолкъ. При выходѣ Чарміанъ сказала съ улыбкой:

— Итакъ, мы беремъ студію. Мужу она нравится.

— Слушаю, мэмъ. Студія ужъ чего лучше! Барону больно жалко было ее оставлять, да надо было возвращаться къ себѣ на родину.

Когда они очутились на улицѣ, Чарміанъ сказала:

— Дѣло сдѣлано. Теперь надо обставить ее.

— Мнѣ нуженъ только рояль, столъ и стулъ, — замѣтилъ Клодъ.

Онъ дѣлалъ большія усилія надъ собой, чтобы говорить естественно, просто.

— Кромѣ того, — торопливо прибавилъ онъ, — обошлась эта исторія слишкомъ дорого. Сто фунтовъ въ годъ... какая нелѣпость!

— А хоть бы и двѣсти — все равно! Это было бы не слишкомъ много, если ты будешь чувствовать себя тамъ спокойно и уютно. Я обставлю ее тебѣ. Конечно, очень скромно. Ковры, одинъ или два дивана, ширма, чтобы замаскировать дверь, два-три удобныхъ кресла, нѣсколько подушекъ, столъ или два. И потомъ нужна спиртовка, чайный приборъ и немного разной кухонной мелочи.

— Но, милая моя Чарміанъ...

— Погоди, не мѣшай, голубчикъ. У тебя талантъ и все что угодно, но этихъ вещей ты не понимаешь. Это все — женское дѣло. Для меня будетъ большое удовольствіе подбирать все это. Неужели ты хочешь испортить мнѣ забаву? Я такъ неудачно устроила твою рабочую комнату... такъ пусть же эта студія будетъ моимъ успѣхомъ.

Что̀ оставалось Клоду? Онъ могъ только поблагодарить ее и предоставить ей дѣйствовать.

Студія была нанята на три года и омеблирована. Чарміанъ думала и говорила лишь объ этомъ. Два желанія окрыляли ее: во-первыхъ, чтобы Клодъ возможно скорѣе взялся за работу, во-вторыхъ, чтобы всѣ оцѣнили ея энергію и умѣлость. Духъ m-me Сеннье поддерживалъ въ ней предпріимчивость, бодрость и терпѣніе.

Когда, наконецъ, все было готово, она сказала:

— Клодъ, я хочу, чтобы завтра ты сдѣлалъ для меня одну вещь.

— Что такое? Конечно, я сдѣлаю. Ты такъ для меня старалась.

— Я хочу устроить завтра новоселье. Никого не будетъ. Только мы съ тобой, вдвоемъ.

— Въ студіи?

— Да, конечно.

— Хорошо, но... — Клодъ улыбнулся, потомъ натянуто разсмѣялся, — что же мы будемъ дѣлать тамъ? И кромѣ того, вѣдь, завтра вечеръ у м-съ Шиффней. Мы должны были ѣхать къ ней.

— Это успѣется, если будетъ желаніе. Но... мнѣ какъ-то не хочется теперь идти къ Аделаидѣ.

— Отчего?

— Это я разскажу тебѣ, можетъ быть... помни, только можетъ быть завтра вечеромъ въ студіи.

Послѣднія слова подчеркнули, что дѣло было рѣшено, и Клодъ не сталъ больше возражать. Онъ видѣлъ, что она

крѣпко стоитъ за свой планъ. Что это? Готовитъ ли она ему какой-то сюрпризъ, или же она задумала рѣшительный разговоръ завтра въ студіи?

На слѣдующій день у Чарміанъ былъ таинственный видъ; при этомъ ей какъ будто хотѣлось, чтобы Клодъ замѣтилъ эту таинственность. Онъ не обратилъ на нее вниманія, хотя видѣлъ, что у нея въ умѣ зрѣетъ какой-то планъ.

— Ну, какъ же насчетъ вечера, Чарміанъ? — спросилъ онъ.

— Будемъ праздновать новоселье. Вѣдь мы это рѣшили вчера.

— Передъ обѣдомъ или послѣ? И какъ же съ м-съ Шиффней?

— Я думаю, что мы пойдемъ въ студію въ половинѣ восьмого, около восьми. Условимся встрѣтиться тамъ, скажемъ, въ половинѣ восьмого!

— Встрѣтиться?

— Да. Мнѣ надо зайти еще кое-куда въ той сторонѣ, такъ что я выйду раньше.

— Отлично. Но обѣдъ? Мнѣ все равно, но все-таки это какъ разъ обѣденное время.

— Мы закусимъ, когда вернемся домой. Я скажу Алисѣ приготовить. Есть пирогъ, и, если захочется, можемъ выпить бутылку шампанскаго за успѣхъ студіи.

— А къ м-съ Шиффней ты не хочешь ѣхать?

— Увидимъ. Вѣдь она просила только къ одинадцати. Успѣемъ одѣться и поѣхать, если будетъ желаніе.

Послѣ ленча Клодъ отправился въ долгую, одинокую прогулку. Онъ бродилъ часа два по парку Бэттерси. Ему казалось, что въ его жизни начинается кризисъ. Вотъ уже почти полгода, какъ онъ бездѣйствуетъ. Онъ, кажется, утратилъ уже привычку къ работѣ. Потеряна власть надъ собой и надъ своей жизнью. Надо опять взять себя въ руки. Клодъ былъ убѣжденъ, что въ одиночествѣ своей студіи ему это удастся. Но настроеніе у него было какое-то расплывчатое, смутное. Онъ самъ не зналъ, что̀ ему хочется дѣлать. Безконечно далекимъ казались тѣ дни, когда его талантъ властно диктовалъ ему, что дѣлать. Тогда онъ почти не зналъ сомнѣній. Библія, неисчерпаемый источникъ высокаго вдохновенія, давала ему матеріалъ для музыки. Но тогда онъ жилъ почти одиноко. Передъ нимъ были спокойные

дни, тихіе вечера. Онъ могъ отдаваться тому, что рождалось въ его душѣ. Впрочемъ, спокойные дни онъ и теперь могъ имѣть, но вечеровъ пустыхъ, конечно, не было. Приходилось часто выѣзжать съ Чарміанъ. Онъ начиналъ знакомиться съ ея обществомъ. Не мало встрѣчалось въ немъ пріятныхъ людей. Клодъ сталъ находить нѣкоторое удовольствіе въ интимныхъ обѣдахъ, театрахъ, даже большихъ пріемахъ. Но онъ долженъ былъ сознаться самому себѣ, что въ этомъ обществѣ ему была непріятна его собственная неизвѣстность. Въ Чарміанъ онъ тоже ощущалъ тайную неудовлетворенность, скрытое нетерпѣніе, и это дѣйствовало на него.

Все это представлялось ему теперь, когда онъ гулялъ въ паркѣ. И онъ думалъ: „Больше такъ не можетъ продолжаться. Я долженъ взяться за работу, долженъ снова овладѣть собой и своей жизнью!"

Но чувствовалъ ли Клодъ въ себѣ жаръ души, силу и увѣренность, какъ въ ту ночь послѣ премьеры Сенньe? Онъ упрямо твердилъ: „Я долженъ!", но не говорилъ: „Я буду!"

Въ половинѣ восьмого онъ поднялся по красивымъ ступенямъ къ студіи. Навстрѣчу ему вышелъ привратникъ съ подагрическими руками.

— Ваша лэди уже здѣсь, сэръ, — сказалъ онъ.

— Ахъ, уже?

— Да. Уже съ полчаса какъ пришли.

Повидимому, этотъ фактъ казался ему страннымъ.

— А-а! — протянулъ Клодъ, не вдаваясь ни въ какія объясненія.

Студія была освѣщена. Какъ только Клодъ отворилъ дверь онъ почувствовалъ запахъ кофе и еще чего-то: сосисокъ, ему показалось. Тутъ онъ догадался, отчего Чарміанъ условилась встрѣтиться здѣсь, а не идти вмѣстѣ.

— Чарміанъ! — окликнулъ онъ жену.

Она вышла изъ-за перегородки въ черномъ платьѣ и очень большомъ синемъ передникѣ. Рукава у нея были засучены до локтей, лицо горѣло.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ онъ.

— Готовлю обѣдъ, — отвѣтила она дѣловымъ тономъ. — Черезъ минуту будетъ готово. Сними пальто и садись.

Она исчезла за перегородкой. На сковородѣ что-то шипѣло.

Посреди комнаты былъ накрытъ столъ: на грубой бѣлой скатерти стояли простыя кофейныя чашки, булка, масло, румяно-выпеченный куличъ. Посреди возвышалась эффектная ваза съ пахучей дикой геранью. Клодъ раздѣлся и сталъ оглядываться.

Да, Чарміанъ умѣло подобрала обстановку. Студія выглядѣла уютно; все было изящно, удобно, безъ излишней роскоши. Клодъ почувствовалъ, что долженъ быть ей весьма благодаренъ.

— Вотъ и я! — воскликнула Чарміанъ, появляясь съ блюдомъ дымящихся сосисокъ. — А сейчасъ еще яйца и кофе!

Еще моментъ, и они тоже очутились на столѣ вмѣстѣ съ поджаренными гренками.

— Petite dinette! — сказала она, снимая передникъ. — Ты удивленъ?

— Въ первый моментъ — да.

— А потомъ?

— Я зналъ, что ты что-то готовишь, что у тебя есть какой-то планъ на сегодня, но я не ассоціировалъ его съ сосисками.

Чарміанъ слегка потускнѣла.

— Можетъ быть, дѣло не въ однѣхъ сосискахъ. Но начинается съ нихъ. Тебѣ хочется ѣсть?

— Очень. Я много ходилъ.

Они принялись за ѣду. Чарміанъ играла въ „Vie de Boheme“, но за нелѣпостью этого импровизированнаго обѣда скрывалось серьезное и важное намѣреніе: обѣдъ былъ только вступленіемъ:

— Вкусно? — спрашивала она.

— Удивительно, — отвѣчалъ Клодъ.—Гдѣ ты была сегодня?

— У madre. Видѣла Сусанну.

— А madre знаетъ про эту нашу dinette?

— Нѣтъ.

— Отчего? Какъ же ты не попросила ее придти? это было бы такъ естественно.

— Я люблю свою мать. Но я не хотѣла даже ея присутствія сегодня вечеромъ.

Клодъ понялъ, что обѣдъ только прелюдія. Когда обѣдъ былъ конченъ, Чарміанъ сказала:

— Теперь я уберу.

— Я помогу тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! не надо. Я хочу, чтобы ты сѣлъ въ удобное кресло и закурилъ сигару или нѣтъ!... даже трубку.

— Я не принесъ ея.

— Ну, тогда сигару.

Она начала убирать со стола. Клодъ послушно вытащилъ свой портъ-сигаръ: Ему было не по себѣ. Что послѣдуетъ дальше? Чарміанъ легко носилась по студіи. Она убрала посуду, вытряхнула и сложила скатерть; наконецъ, вернулась и сѣла.

— Слишкомъ яркій свѣтъ, — сказала она. — Не двигайся. Я сдѣлаю.

Она подошла къ двери и завернула два тюльпана, оставивъ только одинъ.

— Развѣ такъ не лучше? — спросила она, слегка вздохнувъ, и присѣла рядомъ съ Клодомъ.

— Хочу папироску. Маленькую, русскую.

Она вынула свой серебрянный портъ-сигаръ.

Клодъ зажегъ спичку. Она взяла папиросу въ ротъ и нагнулась къ огоньку.

— Спасибо. Знаешь, Клодъ, я рада, что ты не могъ работать въ своемъ кабинетѣ. Благодаря этому мы имѣемъ все это здѣсь.

„Мы!“, — подумалъ Клодъ.

— И знаешь, — продолжала она, — я чувствую, что это начало цѣлой эпохи для тебя. Раньше я невольно тебѣ мѣшала, но теперь я знаю, что надо. Но Боже мой! до чего ты скрытенъ, Клодъ!..

— Развѣ?

— Ну, конечно. Цѣлыхъ два мѣсяца ты молчалъ о томъ, что тебѣ не работается.

— Мнѣ не хотѣлось огорчать тебя послѣ всей возни съ моей комнатой.

— Знаю. Но все-таки вѣдь я поняла, какъ только ты сказалъ мнѣ. Я изъ тѣхъ женъ, которыя умѣютъ понять. Помнишь тотъ вечеръ на премьерѣ оперы Сеннье?

— Да.

— Развѣ я не поняла тебя тогда подъ грохотъ аплодисментовъ? На другой день я получила твое письмо, написанное этой ночью. Какое оно было пламенное! Ты говорилъ, что я вдохновила тебя, что моя любовь вдохнула въ

тебя увѣренность, что со мною вмѣстѣ ты могъ бы создать что-нибудь большое. Ты помнишь?

— Да, Чарміанъ, конечно.

Клодъ старался всѣмъ существомъ своимъ произнести эти слова тепло, воскресить въ себѣ тотъ порывъ, который продиктовалъ ему тогда это письмо. Но, увы! онъ живо помнилъ, какъ мучительно хотѣлось ему вытащить свое письмо обратно изъ ящика. И онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Онъ радъ былъ, что Чарміанъ убавила свѣтъ.

— Мнѣ кажется, — грустно проговорила она, — что въ эти мѣсяцы мы ушли отъ этого письма, отъ этой ночи.

Клодъ похолодѣлъ. Неужели она замѣтила, что онъ не любитъ ея?

— Что ты? — прервалъ онъ ее тревожно. — Какъ ты это понимаешь? Вѣдь тогда было горѣніе, былъ экстазъ. Нельзя жить въ такомъ напряженіи души.

— О, конечно! Но люди геніальные живутъ при высокомъ душевномъ напряженіи. А ты — геній.

Въ этотъ моментъ Клодъ ощущалъ себя ниже обыкновеннаго средняго человѣка: это состояніе характерно для очень одаренныхъ людей въ періоды унынія и реакціи. Слова Чарміанъ еще усилили его.

— Если ты разсчитываешь на то, что мужъ твой геній, то боюсь, что тебѣ придется раскаяться, — проговорилъ онъ напрямикъ.

— Не въ томъ дѣло! — возразила она. — Но я не могу забыть, что говорилъ о тебѣ Максъ Элліотъ давно. И madre тоже такъ думаетъ, хотя она молчитъ. А затѣмъ я слыхала нѣкоторыя твои вещи.

— Что же ты о нихъ думаешь? — спросилъ онъ вдругъ.

Никогда еще онъ не спрашивалъ у жены ея мнѣнія. Очевидно, это былъ вечеръ откровенности. Ну, что жъ! онъ готовъ былъ пойти навстрѣчу.

— Объ этомъ отчасти я и хотѣла говорить съ тобой.

Не собирается ли Чарміанъ сурово критиковать его произведенія? Онъ ощутилъ въ себѣ досадливое презрѣніе къ ея сужденію.

Чарміанъ чувствовала, что онъ весь точно подтянулся, но духъ m-me Сенньe въ ней былъ силенъ и не хотѣлъ сдаваться.

— Ну, что жъ? — спросилъ онъ.

— Я считаю, какъ и мама, что твои сочиненія — чу-

десныя вещи. Но они не для всѣхъ. Да, да! Я знаю, что у толпы вкусъ дурной; madre всегда смѣется надъ моимъ отвращеніемъ къ толпѣ. Но теперь есть большая космополитически воспитанная публика, которая обладаетъ вкусомъ. Посмотри, напримѣръ, успѣхъ Штрауса, Дебюсси, а сейчасъ Жака Сеннье; затѣмъ нашего Эльгара! Я думаю, что твои вещи — для немногихъ. Въ нихъ есть что-то устрашающее, безжалостное.

Она вспомнила Лэна, Дрэковъ и другихъ почитателей Сеннье.

— Мнѣ представляется, — прибавила она, — что отчасти это происходитъ отъ словъ текстовъ, которые ты берешь. Прекрасныя слова, конечно. Но гдѣ ихъ можно пѣть? Не вездѣ. Люди такъ странно относятся къ Библіи.

— Странно относятся?

— Конечно. Англичане и даже американцы тоже. Тутъ есть своего рода нелѣпая традиція. Начинаешь думать объ ораторіи.

Она замолчала. Клодъ ничего не возражалъ: онъ весь горѣлъ.

— Не могу не желать, ради твоего собственнаго блага, чтобы ты не всегда обращался къ Библіи за вдохновеніемъ.

— Повидимому, это съ моей стороны абсурдъ.

— Да нѣтъ, Клоди! Всякій можетъ сдѣлать ошибку. Мнѣ представляется такъ: есть множество каналовъ, изъ которыхъ одни коротки, а другіе длинны и доходятъ почти до сердца вещей. И геній — это жидкость, которая вливается въ нихъ. Я только хочу, чтобы ты влилъ свою въ длинный каналъ. Можетъ быть, это очень глупо или неумѣстно съ моей стороны?

Но въ душѣ Чарміанъ глубоко ощущала, что ея слова умны и полны тонкой женской проникновенности.

— Нѣтъ, Чарміанъ. Конечно, нѣтъ. Значитъ, ты думаешь, что мой каналъ былъ очень коротокъ?.. Я никогда не думалъ объ этомъ.

— Да, понятно. Для этого нуженъ другой человѣкъ.

— Весьма возможно.

— Тебѣ нравится странное. Это видно изъ выбора текста. Но есть странныя и прекрасныя слова не въ одной только Библіи. Вотъ на-дняхъ я просматривала поэмы Россетти. Я прочла „Сестру Елену“ и еще кое-что. Какія мѣста! Мнѣ хотѣлось бы приходить иногда сюда послѣ

твоей работы и читать тебѣ вслухъ, что мнѣ встрѣтилось интересное.

Такъ начались новыя отношенія между мужемъ и женой; такъ началась новая эра въ жизни Клода, какъ композитора.

Чарміанъ предложила подыскивать для него тексты, подходящіе для переложенія на музыку, „въ твоемъ стилѣ“, прибавила она. Клодъ согласился на это и тѣмъ самымъ отказался отъ свободы своего творчества. Онъ не могъ отказать Чарміанъ въ ея просьбѣ. Было бы просто жестоко оттолкнуть ее послѣ всѣхъ ея стараній въ его пользу.

Они вернулись изъ студіи около десяти часовъ. Чарміанъ была въ повышенномъ настроеніи. Она чувствовала себя уже почти въ сотрудничествѣ съ Клодомъ.

— Давай одѣнемся, — предложила она, — и поѣдемъ къ Аделаидѣ!

— Хорошо, — согласился Клодъ. — Да, кстати: ты хотѣла сказать мнѣ что-то про м-съ Шиффней?

— Ахъ, нѣтъ! пустяки!

Въ Гросвеноръ - скверѣ они застали массу народа. Чарміанъ сразу замѣтила, что это одинъ изъ массовыхъ вечеровъ Аделаиды. Она въ общемъ рѣдко созывала много народу.

— Одинъ скучный человѣкъ можетъ погубить все дѣло, — было ея любимымъ изреченіемъ. Но даже она изрѣдка устраивала большія сборища, чтобы „избавиться отъ своихъ долговъ“, какъ она выражалась.

Чарміанъ со дня свадьбы ни разу не была приглашена къ м-съ Шиффней и теперь, войдя въ первую гостиную и оглядѣвши общество, она подумала;

— Она „избавляется“ отъ меня и Клода.

И сразу пожалѣла, зачѣмъ они пріѣхали. Ее охватилъ старый страхъ утонуть въ толпѣ, не быть выдѣленной въ ней избранницей. Но она вспомнила разговоръ съ Клодомъ въ студіи, и рѣшимость ея окрѣпла.

— Онъ будетъ знаменитъ. Я добьюсь этого, хочетъ ли онъ или нѣтъ.

Въ залѣ игралъ небольшой оркестръ. Это былъ уже явный признакъ того, что вечеръ — второразрядный. М-съ Шиффней приглашала оркестръ только для увеселенія скучныхъ людей и всякихъ старыхъ „чучелъ“.

Она съ улыбкой протянула Чарміанъ руку.

— Какъ я рада васъ видѣть! А-а, м-ръ Хіисъ... вѣроятно, вы готовите что-то изумительное, потому что васъ не слышно и не видно. Я полна ожиданія.

Она снова улыбнулась и повернулась къ старой дамѣ съ бѣлыми волосами.

Чарміанъ плотно сжала губы и отошла. Она встрѣтила много знакомыхъ, но болѣзненно чувствовала въ этотъ вечеръ какъ малозначительны они съ Клодомъ, въ видѣ супружеской пары, въ глазахъ общества. Кто они такіе? Просто мужъ и жена, имѣющіе полторы тысячи дохода и больше ничего. Въ качествѣ незамужней дѣвушки, при популярной въ обществѣ матери, у Чарміанъ были перспективы. У нихъ бывали выдающіеся люди. Она участвовала вездѣ и во всемъ. Теперь она ощущала точно надъ ней произнесенъ приговоръ. Можетъ быть та же Аделаида и сказала: „А знаете, Чарміанъ отстала отъ всего". Да нѣтъ, не можетъ быть! Чарміанъ сознавала, что преувеличиваетъ, но все же какой-то новый оттѣнокъ въ обращеніи съ ней былъ у всѣхъ. Это несомнѣнно. Она приписывала его Аделаидѣ. „Аделаида ненавидитъ Клода, оттого что она дѣлала ему всякіе авансы, а онъ не хотѣлъ смотрѣть на нее". Такого рода ненависть была почти пріятна Чарміанъ: но бѣда только въ томъ, что м-съ Шиффней такъ вліятельна!

Клодъ замѣтилъ издали м-съ Мэнсфильдъ и пошелъ къ ней, а Чарміанъ разговаривала съ лэди Мильдредъ Бёрнингтонъ, а потомъ съ Максомъ. Лэди Мильдредъ, всегда измученная и потухшая, оживавшая только, когда бралась за свою скрипку, говорила о перспективахъ опернаго сезона.

— Будетъ скучно. Ковентъ-Гарденъ не часто просыпается изъ своей спячки. Но зато въ іюнѣ мы будемъ слушать Сеннье. Это нѣчто. Если бы не это, право, не стоило бы даже брать ложу. Я сказала такъ м-ру Бреттъ.

— Что же онъ возразилъ?

— Онъ сказалъ, что одинъ Сеннье сдѣлаетъ лѣтній сезонъ.

Въ этотъ моментъ къ нимъ подошелъ Максъ Элліотъ.

— Слыхалъ, что вы ропщете на оперу, — сказалъ онъ, обращаясь къ лэди Мильдредъ, — я видѣлъ только что адмирала. Развѣ нѣтъ надеждъ на новые шедевры?

— Очень мало... если Сеннье не спасетъ положенія.

— А у него есть что-нибудь новое? — спросила Чарміанъ.

Эллiотъ отвѣтилъ уклончиво:

— M-me Сенье говоритъ, что нѣтъ.

— Мы должны были бы имѣть конкурирующiй театръ, какъ въ Нью-Iоркѣ, — сказала лэди Мильдредъ.

— Успѣхъ Сенье въ Метрополитэнѣ почти убилъ „Новую Эру“, — сказалъ Эллiотъ. — Но у Крэйфорда тьма энергiи и неистощимые финансы. Вы знаете, конечно, что онъ будетъ сегодня здѣсь?

— М-ръ Крэйфордъ, антрепренеръ изъ Нью-Iорка! — воскликнула Чармiанъ. — Развѣ онъ въ Англiи?

— Да. Онъ прiѣхалъ сегодня на „Лузитанiи“ въ поискахъ таланта. Аделаида послала ему въ „Савой“ записку, и вотъ онъ появится. Смѣло, не правда ли? Вѣдь это, такъ сказать, вражескiй лагерь.

Максъ весело разсмѣялся. Ему нравилась борьба партiй въ искусствѣ на подкладкѣ коммерческихъ интересовъ.

— Крэйфордъ, не моргнувъ глазомъ, далъ бы сто тысячъ долларовъ, чтобы отбить Жака изъ Метрополитэна, — замѣтилъ онъ.

— А тотъ не пошелъ бы? — спросила лэди Мильдредъ. — Развѣ m-me Сенье требуетъ двухсотъ?

Снова Максъ Эллiотъ принялъ уклончиво-безмятежный видъ.

— Генрiетта! Какое ей дѣло до этого!

— Господь съ вами, м-ръ Эллiотъ! Вѣдь, она устраиваетъ всѣ дѣла мужа.

— Развѣ?.. А-а, вотъ вошелъ Крэйфордъ.

— Гдѣ онъ? — спросила Чармiанъ.

— Подходитъ къ Аделаидѣ. Здоровается. Теперь Марго разговариваетъ съ нимъ.

— Марго! ахъ, вотъ! Но его я не вижу.

— А вамъ такъ интересно его видѣть?

Чармiанъ замѣтила, что Эллiотъ удивленъ ея любопытствомъ.

— Ну, конечно. Я такъ много слыхала отъ Марго о нью-iоркской борьбѣ.

— Ну, да!

— Что? Неужели этотъ маленькiй человѣчекъ — онъ и есть? Какая крошечная бородка! Какая смѣшная бородка!

— У него больше ума, чѣмъ волосъ, — сказалъ Максъ Эллiотъ. — Увѣряю васъ, что м-ръ Крэйфордъ одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, предпрiимчивыхъ и смѣлыхъ людей по

обѣ стороны океана. Дьявольски уменъ въ своемъ родѣ, идеалистъ въ душѣ. Въ Америкѣ нѣкоторые считаютъ, что это послѣднее свойство губитъ его, какъ антрепренера. Но какъ человѣку, оно, конечно, придаетъ ему физіономію и очарованіе.

— Я бы очень хотѣла съ нимъ познакомиться, — сказала Чарміанъ. — Вы, конечно, знакомы?

— Да.

— Представьте мнѣ его.

Чарміанъ замѣтила, что легкая тѣнь сомнѣнія скользнула по лицу Элліота: м-ръ Крэйфордъ былъ сильно окруженъ. М-съ Шиффней бесѣдовала съ нимъ; тутъ же стояла Марго Дрэкъ, не отводя съ него своихъ темныхъ глазъ. Поль Лэнъ тоже былъ въ ихъ группѣ. Нѣсколько извѣстныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ устремлялись къ нему съ разныхъ концовъ зала. Чарміанъ понимала сомнѣніе Макса, но она вспомнила сегодняшній разговоръ свой съ Клодомъ и повторила спокойно, но твердо:

— Пожалуйста, представьте мнѣ его.

XVII.

Есть мужчины, которые любятъ или любили, и есть такіе, которые любятъ женщину вообще. Чарміанъ достаточно было побыть нѣсколько минутъ въ обществѣ м-ра Крэйфорда, чтобы убѣдиться, что онъ принадлежитъ ко второму типу.

Небольшой, худощавый, съ крупными выразительными чертами лица и смѣлыми карими глазами, онъ на первый взглядъ казался смахивающимъ на Наполеона. Можетъ быть, немножко онъ позировалъ подъ него. Смуглая кожа, нервныя руки съ энергичными движеніями, неожиданно-глубокія грудныя ноты въ высокомъ голосѣ — вотъ его общія черты. Держался онъ при первомъ знакомствѣ холодновато-корректно, хотя внимательно. Когда его представили Чарміанъ, онъ взглянулъ на нее такъ, словно говорилъ:

— Чего надо отъ меня этой дамѣ?

Очевидно, въ немъ заискивали, и онъ привыкъ остерегаться всякихъ атакъ.

— Я такъ много слышала о вашей борьбѣ, м-ръ Крэйфордъ, — сказала Чарміанъ, — что мнѣ хотѣлось познакомиться съ самимъ борцомъ.

Она приняла кокетливо-самоувѣренный тонъ, который

такъ знакомъ былъ Клоду въ первые дни ихъ встрѣчъ и такъ нравился многимъ мужчинамъ. Въ немъ было обаяніе и задоръ женственности.

М-ръ Крэйфордъ слегка улыбнулся. У него былъ тикъ, неожиданно подымавшій брови.

— Хорошая встряска время отъ времени не безполезна, — проговорилъ онъ живо.

— Да, но разсказываютъ, что вамъ въ этотъ сезонъ пришлось перенести слишкомъ сильную встряску.

— Ахъ, такъ говорятъ? Что жъ? Весьма любезно съ ихъ стороны.

— Я надѣюсь, что они ошибаются.

— Вы развѣ врагъ великаго и единственнаго Жака Сенньe? — спросилъ м-ръ Крэйфордъ.

— О, нѣтъ! Я была на первомъ представленіи „Рая земного“ — онъ измѣнилъ всю мою жизнь.

— Да, въ Нью-Іоркѣ имъ тоже увлекаются. И я долженъ найти новый „Рай“, чтобы противопоставить тому.

— Надѣюсь, что вы будете имѣть успѣхъ въ этомъ.

— О, я обшарю всю Европу до послѣдняго уголка, — сказалъ м-ръ Крэйфордъ. — По энергіи ужъ трудно со мной сравняться. Вы интересуетесь музыкой?

— Чрезвычайно...

Она запнулась. Сказать ли ему, что она замужемъ за музыкантомъ? Чутье подсказало ей промолчать объ этомъ, и она только прибавила:

— Мнѣ всегда приходилось жить въ музыкальномъ кругу, и я слышала все, что есть лучшаго.

— Да... Сейчасъ впереди всего стоитъ опера. И ей предстоитъ большее будущее, чѣмъ многіе думаютъ.

Его глаза засверкали.

— Вотъ погодите! я построю оперный театръ въ Лондонѣ. Это будетъ получше вашего стараго сарая.

— Вы серьезно проектируете это?

— Отчего же нѣтъ? Но надо имѣть нѣсколькихъ авторовъ. Гдѣ-то они существуютъ. Должны существовать. Надо только найти ихъ. Вѣдь вотъ выскочилъ же Сенньe чисто случайно. Если бъ онъ не женился на своей Генріеттѣ, то и сейчасъ сидѣлъ бы голодный на своей мансардѣ.

Чарміанъ жаждала положить руку на плечо этого сильнаго человѣка и сказать:

— Мой мужъ — музыкантъ. Онъ очень талантливъ. Примите его. Дайте ему возможность проявить себя!

Но она взглянула въ его карiе глаза и увидѣла въ нихъ душу дѣлового человѣка. Клодъ — не дѣловое предложенiе. Безполезно даже упоминать о немъ сейчасъ.

— Желаю вамъ найти своего композитора, — произнесла она съ спокойной небрежностью.

Кто-то подошелъ и настойчиво занялъ вниманiе Крэйфорда.

— Это хорошенькiй звѣрекъ, — сказалъ антрепренеръ. — Она замужемъ? Я не разслышалъ ея фамилiи.

— Да, она недавно вышла замужъ за какого-то никому неизвѣстнаго композитора.

— Ишь, чертенокъ! — сказалъ Крэйфордъ, иронически улыбаясь.

Передъ уходомъ Чармiанъ хотѣла перекинуться словечкомъ съ Сусанной Флитъ, которая помогала хозяйкѣ дома, распоряжалась и угощала. Она нашла ее, наконецъ, у буфета въ разговорѣ съ длинной костлявой особой въ черномъ платьѣ, украшенномъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ пурпурнымъ цвѣтами. Миссъ Флитъ привѣтствовала Чармiанъ со своей обычной невозмутимостью и познакомила ее съ миссъ Гретчъ — такъ она назвала свою собесѣдницу.

Миссъ Гретчъ, поѣдавшая сандвичи, запивая ихъ виномъ, улыбалась съ заискивающей любезностью, а затѣмъ вдругъ стала съ необыкновенной тщательностью разсматривать туалетъ Чармiанъ, ея прическу, брилліанты, вѣеръ.

„Она какъ будто изучаетъ меня", — думала Чармiанъ съ удивленiемъ.

— Вы останетесь здѣсь еще минутку, правда? — сказала ей миссъ Флитъ. — Вижу, что Аделаида ищетъ меня. Я очень скоро вернусь.

Уходя, Сусанна еще шепнула:

— Миссъ Гретчъ пишетъ въ газетахъ.

Чармiанъ повернулась къ костлявой особѣ, и онѣ оживленно разговаривали до тѣхъ поръ, пока не вернулась Сусанна.

Черезъ недѣлю Клодъ, сойдя утромъ къ завтраку, нашелъ среди своихъ писемъ какую-то желтую бандероль. Онъ разорвалъ бумагу, и оттуда выпали три газетныя вырѣзки.

— Что это? — онъ вопросительно взглянулъ на Чармiанъ, сидѣвшую противъ него. — Ромейкъ и Кертайсъ! Что они могутъ посылать мнѣ?

Онъ взялъ одну изъ вырѣзокъ.

— Это изъ журнала „Женщина“.

— О чемъ?

— Повидимому, отчетъ о вечерѣ у м-съ Шиффней... Да... вотъ отмѣчено синимъ карандашемъ: „Очень поздно появилась м-съ Клодъ Хiисъ со своимъ блестящимъ супругомъ. Его замѣчательныя музыкальныя произведенія еще не пользуются той извѣстностью, которую они, несомнѣнно, заслужатъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Слышавшіе музыку м-ра Хiиса ставятъ его на одну доску съ Эльгаромъ и Максомъ Регеромъ“... Дальше идетъ описаніе твоего платья... О Боже! какъ смѣшно и какъ пошло!

У Клода былъ сконфуженный и злой видъ.

— А вотъ еще другое! Статья „Студія композитора“ изъ журнала „Большой свѣтъ“. Положительно, это невыносимо.

— А что́ тамъ?

— „М-ръ Клодъ Хiисъ, — читалъ онъ, — обѣщающій молодой композиторъ, недавно женившійся на прелестной миссъ Чарміанъ Мэнсфильдъ, только что устроилъ себѣ великолѣпно обставленную студію въ Чельси. Чудесные персидскіе ковры...“

Клодъ прервалъ чтеніе, порывистымъ движеніемъ разорвалъ листокъ и бросилъ его на полъ.

— Что же это такое? Кто могъ написать все это? Чарміанъ, ты что-нибудь знаешь?

— Ахъ! — воскликнула она съ отвращеніемъ и удивленіемъ, — это, навѣрное, эта ужасная миссъ Гретчъ!

— Миссъ Гретчъ! Первый разъ слышу такое имя! Кто она?

— Да вотъ у Аделаиды Сусанна Флитъ познакомила меня съ нѣкоей миссъ Гретчъ. Она кажется, сотрудничаетъ въ газетахъ и журналахъ. Я немножко поговорила съ ней, пока Сусанна уходила.

— Ты разсказала ей про студію?

— Постой! Дай вспомнить. Да, я какъ будто сказала что-то. Это вѣдь, было, Клоди, въ тотъ самый вечеръ.

— Да, я знаю. Но какъ ты могла?

— Боже мой! Какъ я могла предполагать, что эта частная бесѣда попадетъ въ печать? Я только сказала, что ты нанялъ студію, потому что занимаешься композиціей и тебѣ нужно спокойствіе и что я подобрала для нея нѣсколько ста-

ринныхъ вещей... Какъ это нескромно со стороны миссъ Гретчъ!

— Она сдѣлала изъ меня посмѣшище. Я — неизвѣстный человѣкъ, и слѣдовательно публика не можетъ интересоваться мною. И что она натараторила! Эльгаръ! Максъ Регеръ! Удивительно еще, что она не сравнила меня съ Скрябинымъ! Какой ужасъ стать вдругъ такимъ смѣшнымъ въ глазахъ всѣхъ!

— Ахъ, этихъ журналовъ, вѣдь, никто не читаетъ. Но все-таки миссъ Гретчъ...

— Миссъ Гретчъ! Что́ за имя! — воскликнула Клодъ и разсмѣялся. Его раздраженіе нѣсколько ушло вмѣстѣ съ этимъ смѣхомъ, но все-таки отправился онъ въ студію въ мрачномъ настроеніи. Послѣ его ухода Чарміанъ подобрала съ ковра разорванныя вырѣзки и долго еще въ этотъ день просидѣла за завтракомъ.

Послѣ встрѣчи съ м-ромъ Крэйфордомъ она безпрерывно думала объ оперѣ. Она не могла забыть его словъ, произнесенныхъ со всѣмъ авторитетомъ спеціалиста. Она не могла забыть, что онъ уѣхалъ изъ Англіи для того, чтобы „обшарить всю Европу“ въ поискахъ композитора, который могъ бы соперничать съ Жакомъ Сеннье. О, если бъ Клодъ написалъ оперу! Если бъ онъ захотѣлъ писать теперь!

Чарміанъ никогда не сомнѣвалась въ способности мужа создать крупную вещь. Она чувствовала въ его своеобразныхъ композиціяхъ какое-то величіе и жаждала услышать нѣкоторыя изъ нихъ въ исполненіи оркестра и пѣвцовъ. Ей не разъ приходило въ голову заинтересовать ими кого-нибудь изъ крупныхъ дирижеровъ. Но ее удержала осторожность. Она понимала всю важность перваго шага. Вотъ, напримѣръ, Жакъ Сеннье! Онъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ Англіи и появился на горизонтѣ, какъ авторъ „Рая земного“. Если бы онъ былъ извѣстенъ раньше въ качествѣ композитора, оставлявшаго публику холодной, добился ли бы онъ такого колоссальнаго успѣха? Вспомнились ей Масканьи и его „Сельская честь“, Леонковалло со своими „Паяцами“. И она почувствовала почти радость отъ того, что Клодъ неизвѣстенъ. Это значило, что онъ не сдѣлалъ ошибокъ. Надо и впередъ оградить его отъ ошибокъ. Но никакого вреда не можетъ быть въ томъ, чтобы вызвать нѣкоторый интересъ къ его личности и произведеніямъ. Вѣдь, Крэйфордъ зорко слѣдитъ за молодыми талантами. Вѣроятно, онъ самъ или кто-нибудь для него

читаетъ все, что пишется о музыкальныхъ новинкахъ. Даже эти неуклюжіе диѳирамбы миссъ Гретчъ могутъ попасть ему на глаза.

Уже недѣлю Клодъ ежедневно ходилъ съ утра въ студію. Чарміанъ не нарушала его уединенія. Она понимала, что съ нимъ нужна мягкость и осторожность. То скрытое, что есть въ немъ, можетъ оказаться весьма упорнымъ. Надо дѣйствовать тонко и постепенно, хотя и вполнѣ опредѣленно. И оттого Чарміанъ предоставила ему недѣлю полной свободы. Это дастъ ему ощущеніе, что его студія — неприкосновенна. Пока же она занялась подыскиваніемъ текста.

Задача была не легка, такъ какъ мысли Чарміанъ были загипнотизированы оперой. Но если бъ Клодъ переложилъ на музыку какую-нибудь чудесную поэму, а Крэйфордъ услышалъ ее, онъ могъ бы увидѣть въ ней талантъ къ оперѣ. И она стала лихорадочно искать яркаго драматическаго текста.

Она перечитала Россети, Китса, Шелли, погрузилась въ Вильяма Морриса, Уотсона. Кое-что ее глубоко захватывало, и она думала: „Подойдетъ ли оно?" И всегда въ такіе моменты ей представлялся Крэйфордъ — его умные глаза, быстрая рѣчь и прямой вопросъ: „Это дѣловое предложеніе?" И глаза ея снова падали на понравившіеся стихи. „Дѣловое ли это предложеніе?"

Чарміанъ была очарована сонетомъ Уотсона „Буйное сердце". Его строфы баюкали ее тихой, дивной меланхоліей. Она прочтетъ ему эти стихи. Онъ можетъ написать на нихъ романсъ, и это будетъ шагъ — на пути къ славѣ.

И вотъ она отправилась однажды въ студію, взявъ съ собой сборникъ Уотсона, и двѣ три книжки французскихъ поэтовъ: Верлэна, Мореаса.

Она хотѣла устроить Клоду чай въ студіи и оттого захватила съ собой мелкаго печенья и бутылку молока — она была нагружена пакетами. Привратникъ поднялъ вверхъ свои подагрическія руки, когда увидѣлъ ее.

— Помилуй Богъ, барыня, гдѣ вамъ нести столько?!

— Ничего. Я — сильная. М-ръ Хіисъ въ студіи?

Человѣкъ еще не успѣлъ отвѣтить, какъ она услышала звуки рояля.

— Ахъ, да, онъ играетъ. Скажите, тамъ вода есть? Хорошо. Я хочу вскипятить чайникъ.

Она тихонько отворила дверь и неслышно проскользнула въ студію.

Клодъ не замѣтилъ ея. Она пробралась за перегородку. Какъ весело! Она приготовитъ чай и принесетъ ему неожиданно, когда онъ перестанетъ играть.

Стараясь хозяйничать возможно тише, она съ пламеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ музыкѣ. Это было что-то новое для нея. Вѣроятно, онъ сочинилъ это и теперь пробуетъ, какъ оно звучитъ. Музыка казалась Чарміанъ таинственной, очень странной и мистической — точно душа говорила сама съ собой.

Чайникъ закипѣлъ. Она стала приготовлять чашки, при этомъ нечаянно уроника ложки. Онѣ со звономъ упали на полъ.

— Чтó это! Кто тамъ? — послышался удивленный и сердитый окликъ Клода. Онъересталъ играть.

— Кто тамъ? — повторилъ онъ еще разъ.

Онъ поднялся и направился къ перегородкѣ.

— Клоди, прости меня! Я вошла тихонько. Думала приготовить здѣсь чай. Я не хотѣла прерывать тебя. Хотѣла подождать, пока ты кончишь.

— Ты здѣсь, Чарміанъ!

Глаза его глядѣли странно, словно издалека. Лицо горѣло возбужденіемъ.

— Да... извини меня, Клодъ. Эти проклятыя ложки!

Она подняла ихъ.

— Ниче... А чтó это за книги?

— Я принесла ихъ. Мнѣ хотѣлось послѣ чаю потолковать съ тобой о текстѣ. Ты помнишь?

— Да, разумѣется... Но я уже началъ кое-что.

— Это ты и игралъ сейчасъ?

— Да, оттуда.

— Чтò это?

— Томпсона „Божій песъ".

Джэкобъ Крэйфордъ... чтó онъ можетъ думать о такой вещи?

— Ты знаешь это? — спросилъ Клодъ.

— Да, я читала, но очень давно. Я плохо помню. Знаю, конечно, что это чудесно. Madre очень любитъ ее.

— Она говорила мнѣ у м-съ Шиффней объ этомъ. Я оттого и взялся за это.

— Ахъ, вотъ!.. Ну и что жъ? Теперь, когда ты все равно не работаешь, выпьемъ чаю, что ли?

— Хорошо. Я сегодня достаточно сдѣлалъ.

Послѣ чаю Чарміанъ сказала:

— Я перечитаю „Божьяго пса". Но теперь ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы я прочитала тебѣ двѣ-три вещи изъ того, что я имѣю здѣсь?

— Ровно ничего, — сказалъ онъ привѣтливо. — Читай, что хочешь.

Клодъ, поглощенный своей новой композиціей, слушалъ безъ интереса, а иногда и вовсе не слушалъ, но когда Чарміанъ на закуску прочитала сонетъ Уотсона, онъ словно проснулся.

— Дай мнѣ это, Чарміанъ!—воскликнулъ онъ въ бурномъ восторгѣ. — Я, вообще, не пишу романсовъ, но это такъ и просится.

Этотъ вечеръ они провели дома. Послѣ обѣда Клодъ ушелъ къ себѣ писать письма, а Чарміанъ сѣла читать „Божьяго пса". Ея рѣшеніе было противъ него. Въ немъ было слишкомъ много мистическаго, религіознаго. Несомнѣнно, многимъ вещь должна быть непонятной.

„Жаль, что мама говорила Клоду объ этой поэмѣ, — думала Чарміанъ. — Можетъ быть это и возвышенно и все прочее, но я принадлежу къ младшему поколѣнію, и я люблю успѣхъ".

Чарміанъ знала вкусъ и вліяніе м-съ Мэнсфильдъ, знала, что она склонна заботиться больше о самомъ талантѣ, чѣмъ о томъ, что онъ приноситъ. Она начинала бояться вліянія матери на мужа.

Однако, ее ожидалъ маленькій успѣхъ. Клодъ очень скоро написалъ романсъ на слова Уотсона. Тихонько подпѣвая, онъ сыгралъ его Чарміанъ. Она пришла въ восхищеніе.

— Это, я знаю, всѣмъ понравится, — вскричала она.

— Если бъ это спѣлъ какъ слѣдуетъ пѣвецъ съ темпераментомъ,—сказалъ Клодъ. — А теперь я буду продолжать „Пса".

Сердце у нея упало.

— Я боюсь, чтобы не подумали, что ты подражаешь Эльгару, — пробормотала она, послѣ паузы.

— Что? Я подражаю?

— Я знаю, что это не такъ. И дѣло даже не въ твоей музыкѣ, а въ сюжетѣ. Мнѣ кажется, что это Эльгаровскій сюжетъ.

— Вотъ какъ!

Разговоръ оборвался и больше не возобновлялся. Но не-

дѣли двѣ спустя, придя въ студію къ чаю, Чарміанъ спросила у Клода, какъ подвигается его новая работа, и получила холодный отвѣтъ:

— Я бросилъ ее.

Онъ былъ подавленъ, и она понимала отчего. Но въ душѣ она торжествовала побѣду своего вліянія. Какъ искусно умѣло брошеннымъ словомъ она отвлекла его отъ своей задачи.

— Сыграй мнѣ еще разъ свой Уотсоновскій романсъ, Клоди, — попросила она. — Я такъ люблю его.

— Это вѣдь пустячекъ.

— Я люблю его, — повторила она.

Клодъ сыгралъ его. Когда онъ окончилъ, Чарміанъ сказала:

— Знаешь, я нашла человѣка, который можетъ безподобно спѣть это.

— Кто?

— Молодой американецъ, который учился въ Парижѣ Я встрѣтила его у Дрэковъ на-дняхъ. Говорятъ, что антрепреперъ нью-іоркскій, м-ръ Крэйфордъ очень покровительствуетъ ему. Можно позвать его къ намъ, чтобы онъ попробовалъ спѣть „Буйное сердце“?

— Хорошо, — сказалъ Клодъ.

— А пока что ты дѣлаешь вмѣсто „Пса“?

Выраженіе лица Клода измѣнилось. Онъ точно застылъ, но отвѣтилъ съ искусственной небрежностью.

— Я хочу попробовать свои силы въ скрипичномъ концертѣ. Это для меня будетъ новая область. Но ты вѣдь знаешь, что скрипка была моей второй спеціальностью въ колледжѣ.

„Нѣтъ, это не то“, — подумала Чарміанъ.

— Если бы Крейслеръ взялъ его, когда онъ будетъ конченъ, — начала она.

Клодъ прервалъ ее.

— Я могу просидѣть надъ концертомъ еще мѣсяцы, такъ что рано думать о томъ, кто будетъ его играть. Можетъ быть, вовсе никто.

— Тогда для чего сочинять? — чуть не сказала Чарміанъ.

Но она промолчала. Къ чему эти слова? Все равно она рѣшила, что концертъ будетъ оставленъ такъ же, какъ и „Песъ“.

Чарміанъ позвала молодого американца — его имя было Эльстонъ Лэкъ — въ студію. Клодъ сразу почувствовалъ къ нему симпатію. Лэкъ спѣлъ „Буйное сердце“, повторилъ еще разъ, пришелъ въ неистовый восторгъ. Его баритонъ изумительно подходилъ къ романсу. Онъ попросилъ у Клода разрѣшенія пѣть его на разныхъ вечерахъ. Они стали серьезно штудировать. Чарміанъ сидѣла въ креслѣ и слушала: все въ ней такъ и горѣло безудержнымъ ожиданіемъ.

Вотъ онъ, первый шагъ на пути къ славѣ! И она заставила Клода сдѣлать его. Безъ нея онъ никогда не набрелъ бы на „Буйное сердце“. Она слушала, какъ мужъ съ пѣвцомъ спорили, обсуждали различные нюансы, репетировали отдѣльныя мѣста, забывъ на время о ней, и трепетала счастливой гордостью. Слава казалась близкой-близкой. Она, какъ дитя, протягивала къ ней руки.

XVIII.

Въ концѣ ноября того же года Чарміанъ и Клодъ сдали свою квартиру, закрыли студію въ Чельси и переселились на нѣсколько дней къ м-съ Мэнсфильдъ прежде чѣмъ отправиться въ Алжиръ, гдѣ они намѣревались прожить неопредѣленное время. Рѣшено было остановиться сразу въ Мустафѣ, а оттуда взяться за поиски маленькой спокойной виллы, удобной для работы Клода. Готовился большой переломъ жизни, и толчекъ къ нему далъ романсъ Клода „Буйное сердце“.

Молодой пѣвецъ Эльстонъ Лэкъ остался вѣренъ своему слову. Въ теченіе лондонскаго сезона онъ вездѣ и всюду исполнялъ эту вещь. Публикѣ — лучшей ея части — она пришлась по душѣ. Одинъ романсъ не можетъ дать автору имени, но все же Хіисъ получилъ извѣстную популярность благодаря „Буйному сердцу“. Кромѣ того, фактъ этотъ имѣлъ еще и другое вліяніе: онъ пробудилъ въ Клодѣ желаніе дальнѣйшаго успѣха. Онъ попрежнему питалъ непреодолимое презрѣніе къ легко добываемымъ лаврамъ и салоннымъ рукоплесканіямъ. Но слабая, суетная сторона натуры Клода съ жадностью принимала комплименты и аплодисменты. Онъ нерѣдко аккомпанировалъ Лэку на разныхъ вечерахъ, гдѣ тотъ выступалъ съ его романсомъ, и Клоду были до чрезвычайности пріятны восторги и похвалы свѣтскихъ любителей.

М-съ Мэнсфильдъ все замѣчала, и это нѣсколько уменьшало ея естественную радость по поводу маленькаго успѣха

зятя. Но Чарміанъ была въ восхищеніи, что Клодъ, наконецъ, „становится живымъ человѣкомъ“. Обстоятельства дѣйствовали съ ней заодно; ея надежды расцвѣтали.

Немалую роль въ этихъ обстоятельствахъ игралъ Эльстонъ Лэкъ.

Его „открылъ“ въ Америкѣ Джэкобъ Крэйфордъ, послалъ въ Европу учиться пѣнію и разсчитывалъ, если молодой талантъ оправдаетъ его надежды, пустить его въ ходъ въ своемъ новомъ оперномъ театрѣ — конкуррентѣ нью-іоркскаго Метрополитэна.

— Изъ этого юнца можетъ выйти второй Баттистини! — говаривалъ антрепренеръ. — Чудесный голосъ! Но я бы не подумалъ тратиться на него, если бъ не другія его свойства.

— А какія?

— Дьявольская энергія и честолюбіе.

Крэйфордъ не ошибся въ своемъ опредѣленіи. Эльстонъ Лэкъ обладалъ желѣзной волей и былъ весь охваченъ страстнымъ стремленіемъ добиться успѣха. Къ тому же у него былъ стимулъ, подстегивавшій его къ напряженію всѣхъ силъ: его отецъ, благоденствующій банкиръ, наложилъ категорическое veto на артистическую карьеру своего сына. Тотъ временно подчинился, сталъ заниматься дѣлами и проявилъ блестящія способности къ дѣлу, которое ненавидѣлъ. Тѣмъ глубже было недовольство отца, когда Эльстонъ внезапно рѣшительно бросилъ всѣ занятія и заявилъ, что онъ будетъ либо пѣвцомъ, либо ничѣмъ. Отецъ пріостановилъ всякую денежную помощь. Вотъ тогда судьба послала Эльстону щедраго импрессаріо, который отправилъ его на три года въ Парижъ. Удивительно ли послѣ этого, что молодой пѣвецъ, стиснувъ зубы, рѣшилъ, что долженъ побѣдить во что бы то ни стало?

Его непреклонная воля, его бурный натискъ на жизнь стали сильнымъ оружіемъ въ рукахъ Чарміанъ. Она быстро оцѣнила его американское безстрашіе, способность зажигаться и зажигать другихъ и увидѣла, какъ много онъ можетъ способствовать ея замысламъ. Клодъ тоже сразу почувствовалъ симпатію къ молодому пѣвцу. „Буйное сердце“ сблизило ихъ, создало интимную связь между всѣми троими. Скоро Эльстонъ сталъ у Хінсовъ своимъ человѣкомъ. Онъ постоянно заходилъ въ студію „попробовать что-нибудь новенькое“, иногда приводилъ съ собой пріятелей-американцевъ. Принималъ участіе въ импровизированныхъ завтракахъ и ужинахъ, въ которыхъ Чарміанъ исполняла роль повара. Иногда оставался ночевать въ студіи, если музыка затягивалась очень поздно.

Этотъ юный энтузіастъ умѣлъ заражать другихъ своимъ настроеніемъ. Онъ заразилъ Клода. Никогда раньше Хиису не приходилось такъ близко сталкиваться съ ясно очерченными идеалами новаго человѣка. Онъ сталъ на многое смотрѣть иными глазами, многое замѣчать впервые. Онъ увидѣлъ красивую сторону честолюбія. Онъ уважалъ рѣшимость Эльстона выйти побѣдителемъ, чтобы оправдать себя въ глазахъ отца и вернуть Крэйфорду съ лихвой все затраченное на него проницательнымъ антрепренеромъ. Хиисъ любилъ въ юношѣ его неистовую пылкость. Когда Эльстонъ врывался въ студію, вся атмосфера становилась молодой и полной обѣщаній.

И однако Эльстонъ, самъ того не зная, былъ злымъ геніемъ Клода. Ибо онъ сводилъ его съ истиннаго торнаго пути своего артистическаго призванія и тянулъ на широкую дорогу, которой Клодъ всегда до женитьбы инстинктивно избѣгалъ.

Парижъ не сумѣлъ развратить Эльстона Лэка, но онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на его вкусъ и художественныя требованія. Все это было у него весьма и весьма современно и чуждо англійскому духу. Эльстонъ чувствовалъ склонность ко всему странному и сложному въ музыкѣ. Его отталкивала банальность, и онъ не любилъ простой ясной гармоніи, хотя французское вліяніе и избавило его отъ влеченія къ туманному. Мечтая о большой карьерѣ на оперной сценѣ, онъ естественно былъ склоненъ считать, что всякое истинное развитіе въ области музыки можетъ произойти только въ этой области.

Онъ былъ первымъ человѣкомъ, серьезно обратившимъ вниманіе Клода въ сторону оперы.

Послѣ успѣшнаго дебюта съ романсомъ, Эльстонъ Лэкъ захотѣлъ услышать еще кое-что изъ сочиненій Клода. Клодъ сыгралъ ему многое. Молодой пѣвецъ былъ заинтересованъ, восхищенъ, но... не вполнѣ вѣрилъ въ этотъ жанръ. И происходило это оттого, что библейскіе тексты и духовный стиль не подходили къ его собственному темпераменту и воспитанію. Какъ искренній, преданный другъ, онъ прямо высказалъ Клоду то, что думалъ. Чарміанъ готова была расцѣловать его за смѣлость. Теперь и она рѣшилась высказать свои тайныя мысли. Общими усиліями они заставили Клода, скромнаго отшельника, выйти на просторъ и помѣряться силами въ общей борьбѣ. Успѣхъ „Буйнаго сердца“ лишилъ его возмож-

ности уклониться отъ этого. Правда, онъ упирался, повторялъ, что одинъ романсъ еще ничего не значитъ. Но Чарміанъ и Эльстонъ возводили первый успѣхъ на степень большого событія и подымали его высоко, точно яркій факелъ, проливающій лучи свѣта на весь путь впереди.

Клодъ давно бросилъ свой скрипичный концертъ и занялся композиціей вокальной сюиты, но до конца было еще далеко, такъ какъ у него отнимали массу времени всякія свѣтскія обязанности, въ которыя втягивали его Чарміанъ и Эльстонъ Лэкъ. Въ это самое время произошло событіе, въ результатѣ котораго было рѣшено уѣхать въ Алжиръ: въ Лондонѣ появился Джэкобъ Крэйфордъ послѣ того, какъ онъ „обшарилъ" всю Европу. Эльстонъ познакомилъ Клода со своимъ патрономъ и устроилъ, чтобы тотъ прослушалъ „Буйное сердце".

М-ръ Крэйфордъ не былъ особенно увлеченъ романсомъ. Романсъ — это дѣло мелкое, а онъ привыкъ къ большимъ дѣламъ. Но онъ питалъ слабость къ Лэку, и увлеченіе пѣвца Клодомъ заставило его внимательнѣе отнестись къ нему. Вѣроятно, въ этомъ Хиисѣ сидитъ талантъ, еще не развитой. Ну, это не бѣда: онъ еще молодъ! Въ личности и наружности Хиса Крэйфордъ увидѣлъ какое-то обѣщаніе. Кромѣ того, ему нравилась Чарміанъ и ея зоркая проницательность. Онъ пожурилъ ее за то, что она такъ лукаво скрыла отъ него профессію мужа во время ихъ встрѣчи у м-съ Шиффней.

Отъ Эльстона Лэка исходили первые настойчивые совѣты Клоду попытать свои силы на оперѣ. Заговорилъ онъ объ этомъ однажды въ студіи.

Вся троица провела вечеръ въ Ковентъ-Гарденѣ и завернула „на часокъ" въ студію передъ тѣмъ, какъ разойтись по домамъ. Они ѣли сандвичи, пили лимонадъ и обсуждали событія вечера.

— Я бы не могъ написать оперу, — сказалъ Клодъ.

— Отчего?

— У меня нѣтъ влеченія къ театру.

Эльстонъ Лэкъ протянулъ руку къ портсигару и вскинулъ свои сѣрые глаза на Чарміанъ.

— А къ чему у васъ есть влеченіе? — спросилъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Клодъ нахмурилъ лобъ.

— Право, я затрудняюсь, — началъ онъ. — Я самъ не знаю теперь...

— Теперь именно?

— То есть нѣтъ... вообще... — запутался Клодъ.

— Если вы не знаете, то, можетъ быть, какъ разъ къ театру у васъ и есть склонность, — торжествовалъ Эльстонъ.

Чарміанъ взглянула па мужа, опустила рѣсницы и закурила папироску. Она выпустила маленькое колечко блѣдно-сизаго дыма и ничего не сказала. Эльстонъ дѣлалъ дѣло за нее.

— Не думаю, чтобы это было такъ, — произнесъ послѣ паузы Клодъ. — Мнѣ двадцать девять лѣтъ и до сихъ поръ у меня не было никогда желанія написать хоть что-либо въ оперномъ духѣ.

— Навѣрное, это оттого, что вамъ не случалось встрѣчаться съ антрепренерами, пѣвцами, дирижерами. Чтобы загорѣлось, нужна спичка.

— Вотъ именно! Я всегда это думала, — сказала Чарміанъ

Клодъ улыбнулся.

— А отъ какой спички вы загорѣлись, Эльстонъ? — спросилъ онъ, глядя на юношу.

— Я болѣе или менѣе всегда горѣлъ. Но все-таки поджогъ произвелъ Крэйфордъ. Это — удивительный человѣкъ. Вы увидите, онъ заткнетъ за поясъ всю компанію Метрополитэна. И мнѣ сдѣлаетъ карьеру.

— То есть вы хотите сказать, что вы сдѣлаете карьеру? — прервалъ его Клодъ.

— Для этого нужно двое.

Онъ снова бросилъ взглядъ на Чарміанъ.

— Безъ Крэйфорда я бы никогда не увѣровалъ, что могу стать крупнымъ пѣвцомъ... А теперь я вѣрую. Больше того, я знаю, что буду. Погодите, Клодъ, не артачьтесь, выслушайте меня. Каждый человѣкъ нуждается въ помощи, пока онъ молодъ; нуждается въ комъ-либо знающемъ, чтобы указалъ ему правильный путь. Сейчасъ какой требуется матеріалъ? Опера и еще разъ опера. И вотъ слушайте; я прямо скажу, я хотѣлъ, чтобы Крэйфордъ прослушалъ ваши большія вещи. Я разсказалъ ему о нихъ и сказалъ, какія онѣ сильныя. „А его темы?“ — спросилъ онъ. Я сказалъ.

— „О, Боже! — говоритъ онъ, — оставьте Библію въ покоѣ. Времена ораторіи канула въ вѣчность“. Я старался объяснить ему, что ваши вещи такъ же непохожи на старомодныя ораторіи, какъ Чикаго не похожъ на Стрэдфордъ, но развѣ онъ слушалъ? Онъ только повторялъ: „Къ чорту ораторію! Скажите, голубчикъ, вашему Хиcу, чтобы онъ далъ мнѣ хоро-

шую оперу, и я сдѣлаю его болѣе извѣстнымъ, чѣмъ Сенньe. Вотъ вамъ, каково положеніе! И вспомните, какой успѣхъ мы имѣли съ романсомъ.

— Это я нашла ему слова! — не утерпѣла Чарміанъ.

— Да, да! А теперь найдите красивое, яркое либретто, м-съ Чарміанъ! Знаете что? Я знакомъ съ массой молодыхъ писателей въ Парижѣ. Еслибъ мы съ вами прокатились въ Парижъ...

— Ты пустилъ бы меня, Клодъ? — прервала Чарміанъ.

— Богъ ты мой! — разсмѣялся Клодъ. — Дѣлайте что хотите, дѣти мои. Выходитъ такъ, какъ будто я самъ ничего ровно не знаю и не понимаю о самомъ себѣ.

— Развѣ вы не были однимъ изъ лучшихъ въ колледжѣ учениковъ по оркестровкѣ? — началъ Эльстонъ. — Не выиграли ли вы...

— Поѣзжайте въ Парижъ и привезите мнѣ либретто, — проговорилъ Клодъ шутливо.

Онъ не спорилъ, такъ какъ принялъ все это за шутку. Но когда въ концѣ сезона онъ заговорилъ о своемъ желаніи заѣздить въ Корнваллисъ повидать родныхъ, Чарміанъ замѣтила.

— Конечно, поѣзжай! А я возьму Сусанну Флитъ въ видѣ компаньонки и прокачусь съ Эльстономъ въ Парижъ.

— Зачѣмъ?... Искать либретто? Но вѣдь въ августѣ въ Парижѣ нѣтъ ни души.

— Предоставь это намъ, — возразила она рѣшительно.

Предпріятіе это все еще казалось Клоду просто забавой. Но онъ не препятствовалъ поѣздкѣ жены, и она привезла съ собой очень интересное, сильно написанное либретто молодого писателя, хорошо знакомаго съ Алжиромъ и арабской жизнью. Клодъ внимательно прочелъ его, затѣмъ изучилъ до мелочей. Фабула была увлекательна и изобиловала эффектными сценическими положеніями. Но все въ цѣломъ было абсолютно не въ духѣ Клода. Онъ такъ и заявилъ Чарміанъ и Лэку.

— Здѣсь надо выдержать восточный колоритъ отъ начала до конца, — сказалъ онъ. — А что я знаю...

— Поѣзжайте и надышитесь! — прервалъ его Лэкъ. — Ничто не связываетъ васъ съ Лондономъ. Поживите въ Алжирѣ годъ... два, если понравится. Дѣло стоитъ этого. Крэйфордъ говоритъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ востокъ будетъ въ страшной модѣ.

Такъ произошло, что Клодъ сжегъ свои корабли, и теперь его багажъ и большой ящикъ партитуръ стояли въ передней у м-съ Мэнсфильдъ.

Поддавшись уговорамъ Эльстона попытать свои силы въ оперѣ, Клодъ усиленно занялся теоріей композиціи. Почти три мѣсяца онъ энергично работалъ, беря уроки у выдающагося музыканта. Его знанія въ этой области были значительны, но ему хотѣлось овладѣть еще всѣми новѣйшими пріемами. Его неутомимая энергія, его упорство въ занятіяхъ поражали окружающихъ. Но побуждало его къ работѣ не то, что раньше въ его большой комнатѣ съ оранжевыми занавѣсями и старыми картинами. Тогда онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ могучаго внутренняго стимула; теперь — подъ вліяніемъ сознательнаго волевого напряженія. Онъ рѣшилъ быть твердымъ и сильнымъ. Впереди въ отдаленіи мерцала для него невѣрная лампада успѣха. Онъ имѣлъ цѣль, которую никогда не слѣдовало упускать изъ виду. Была ли у него цѣль тогда, въ его скиту въ Мёлліонъ-Хоузѣ? Какъ будто нѣтъ, но если и была, то она заключалась въ самой работѣ, въ радости творчества.

Теперь прежняя жизнь казалась Клоду такой странной, такой безконечно далекой! Она утопала въ нѣжномъ сіяніи воспоминанія, но была словно не реальной, почти грёзой. Та жизнь, которую Клодъ начиналъ теперь, ничѣмъ не походила на грёзы: въ ней все было прочно обосновано, сознательно задумано. Онъ прочелъ карточку на ящикѣ съ партитурами: „Клодъ Хіисъ, пассажиръ въ Алжиръ, Via Марсель". Неужели это онъ въ самомъ дѣлѣ ѣдетъ?

Клодъ отвелъ глаза отъ ящика и увидѣлъ на столѣ въ передней почту. Для него была два письма и вырѣзки отъ агентства публикацій. „Ужасная миссъ Гретчъ" заразила другихъ, и теперь его имя часто упоминалось на столбцахъ газетъ.

„М-ръ и м-съ Клодъ Хіисъ, — прочелъ онъ, — собираются покинуть свой очаровательный домъ въ Кенсингтонѣ и переносятъ свою резиденцію въ Алжиръ. Ходятъ слухи, что причиной этого переѣзда является нѣчто, не вполнѣ чуждое дѣламъ опернаго искусства и т. д."

Чарміанъ оставалась неутомимой до конца. Ея энергія была удивительна. Клодъ раздумывалъ объ этомъ, стоя въ передней. Да, Чарміанъ — жена, беззавѣтно преданная его интересамъ. И все-таки... все-таки...

Клодъ сознавалъ, что не любитъ ее. Онъ привыкъ къ ней, восхищался ею, ощущалъ ея силу. Онъ зналъ, что долженъ быть благодаренъ ей за многое. Но закрадывалось сомнѣніе, не предана ли она именно однимъ его „интересамъ", а не ему самому? Что будетъ въ Алжирѣ, когда они останутся вдвоемъ вдали отъ людей?

Онъ вздохнулъ и пошелъ наверхъ. Въ гостиной онъ засталъ м-съ Мэнсфильдъ: она сидѣла у камина и читала. Ей нездоровилось въ послѣднее время. Лицо похудѣло, а глаза возбужденно блестѣли.

Когда Клодъ вошелъ, она отложила книжку и подняла голову. Выраженіе у нея было грустное.

— Чарміанъ еще не вернулась, madre? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Отъ портнихъ не такъ легко вырваться.

Онъ сѣлъ по другую сторону камина, и они нѣсколько минутъ молчали.

— Вы пріѣдете къ намъ весною, правда? — спросилъ Клодъ.

Казалось, печаль м-съ Мэнсфильдъ переходитъ къ нему, обволакиваетъ его точно облакомъ.

— Если вы захотите видѣть меня, — сказала она.

— Если!..

— Я не вполнѣ увѣрена въ этомъ.

Ихъ глаза встрѣтились. Клодъ не выдержалъ взгляда. Дѣйствительно ли онъ хочетъ, чтобы madre увидѣла ту жизнь? Проникла ли она въ тайну его сердца, въ которой онъ боится признаться себѣ?

— Поживемъ — увидимъ, — проговорила она. — Сусанна Флитъ собирается послѣ Рождества, когда Аделаида отправится въ Индію.

— Да, она обѣщала Чарміанъ пріѣхать. И Лэкъ тоже навѣститъ насъ. Но все равно. Мнѣ будетъ недоставать васъ, madre. Я такъ привыкъ быть вблизи отъ васъ.

— Надѣюсь, что вы не очень будете ощущать это лишеніе. Человѣкъ, который никогда не опирается сильно на другого, не падаетъ, когда его опора отнята у него. Я знаю, что вы любите меня, но я вамъ не нужна.

— Такъ вы думаете, что я никогда не опираюсь сильно?

— А вы сами какъ думаете?

— Я... мнѣ кажется, что я не склоненъ вообще искать опоры. Но вѣдь часто приходится дѣлать многое, къ чему нѣтъ склонности.

— Это по-моему ошибка; развѣ только мы дѣлаемъ это по хорошимъ побужденіямъ: по долгу чести, что ли. Но думается, что каждый вполнѣ отчетливо сознаетъ до какихъ предѣловъ возможно идти въ дѣйствіяхъ, которыя противорѣчатъ натурѣ.

— То есть?

— То есть вотъ что: если вещь, казавшаяся сначала неестественной, дѣлается потомъ естественной и становится какъ бы частью насъ самихъ — значитъ, шагъ сдѣланъ правильно. Но если то, что дѣлаешь, продолжаетъ казаться неестественнымъ, то ложный шагъ, шагъ назадъ. Я вѣрю въ силу совѣсти. Впрочемъ, мы объ этомъ не разъ съ вами говорили. А вотъ и Чарміанъ!

Вошла Чарміанъ румяная съ холода, блестя глазами, глубоко всунувъ руки въ огромную муфту.

— Бесѣдуешь съ madre, Клодъ?

— Да. Я говорю, что мы ждемъ ее къ себѣ весною.

— Конечно. Это дѣло рѣшенное. Тутъ опять вырѣзки я нашла ихъ въ передней.

Она вынула изъ муфты бандероль.

— Они пронюхиваютъ о насъ все рѣшительно, — проговорила она. — Но теперь мы ускользнемъ отъ ихъ проницательности. Годъ, можетъ быть, два вдали отъ людей! Это будетъ новая полоса жизни для меня, правда, madretta?

— Совсѣмъ новая.

Чарміанъ взглянула на Клода, и ея глаза засвѣтились:

— И я увижу вмѣстѣ съ тобой тотъ островъ, Клоди.

XIX.

Чарміанъ съ мужемъ остановились въ отелѣ С.-Жоржъ въ Мустафѣ. Но они не разсчитывали оставаться больше двухъ-трехъ недѣль: во-первыхъ, Клодъ не могъ бы работать въ гостиницѣ, а во-вторыхъ надо было экономить. У нихъ были расходы въ Лондонѣ, и квартира была сдана всего на полгода, такъ что нельзя было зря выбрасывать деньги.

Въ первые дни Клодъ весь отдался впечатлѣніямъ, нахлынувшимъ на него со всѣхъ сторонъ. Чарміанъ съ готовностью играла роль чичероне. Она и Клодъ не были обыкновенными туристами, пріѣхавшими посмотрѣть Алжиръ. У нихъ имѣлась опредѣленная цѣль. Нельзя было тратить понапрасну время. Клодъ долженъ скорѣе „окунуться“ въ атмо-

сферу восточной нѣги, и Чарміанъ рѣшительно, но не безъ страха, принялась за это дѣло обращенія своего мужа.

Ей представлялось, что ея намѣренія скрыты отъ Клода. Она знала его натуру и понимала, что онъ будетъ страдать, если почувствуетъ на себѣ слишкомъ властную руку. И она старалась дѣйствовать мягко, исподволь. Но она была вся такъ проникнута мыслью о цѣли ихъ пріѣзда въ Африку, такъ полна предвкушеніемъ успѣха, что чуткій Клодъ не могъ не чувствовать этого. Иногда ему до боли хотѣлось отбросить прочь всѣ предосторожности, поговорить открыто и выйти изъ неволи. Но какой-то голосъ удерживалъ его. И онъ молчалъ.

Чарміанъ повела его смотрѣть маленькій островъ. Владѣлецъ сада былъ въ отъѣздѣ, и старинный арабскій домъ запертъ. Но главный садовникъ узналъ Чарміанъ и разрѣшилъ ей свободный доступъ во всѣ уголки сада. Она повела Клода къ краю пруда и усадила рядомъ съ собою на бѣлой скамьѣ.

— Клоди, — сказала она, — на этомъ мѣстѣ я узнала, что буду твоей женой.

Клодъ, молча глядѣвшій на воду, пальму и извивы берега, покрытые цвѣтущими кустами, повернулся и взглянулъ на нее.

— Узнала, что будешь моей женой? Здѣсь? — повторилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Въ его взглядѣ было что-то, заставившее ее встрепенуться.

— То есть я хочу сказать, что почувствовала тогда, какъ судьба готовитъ соединить насъ.

Онъ все еще глядѣлъ на нее съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ глазахъ, что ей стало не по себѣ.

— Что-то здѣсь, — забормотала она, запинаясь, но призвала свою твердость и продолжала, — шептало мнѣ, что придетъ день, когда я буду здѣсь съ тобой. Не странно ли это?

— Да, пожалуй, это странно, — отвѣтилъ онъ.

Она подумала, что его голосъ звучитъ неискренно.

— Меня удивляетъ, — прибавилъ онъ, — что ты не предложила поѣхать сюда сразу послѣ свадьбы.

— Я думала объ этомъ. Мнѣ хотѣлось.

— Такъ отчего же ты не сказала?

— Я чувствовала, что не пришло настоящее время; что надо еще подождать.

— А теперь оно пришло?

— Да, пришло.

Она силилась выговорить это твердо. Но въ голосѣ звучало сомнѣніе. Странное выраженіе глазъ Клода вызвало въ ней нерѣшительность, посѣяло въ душѣ смутную тревогу.

По дорожкѣ направлялся къ нимъ старый садовникъ. Онъ несъ въ рукахъ букетъ красныхъ и бѣлыхъ розъ и съ поклономъ преподнесъ его Чарміанъ. Изъ-за кустовъ на холмѣ показалась на мгновенье фигура молодого араба, работавшаго въ саду. Клодъ слѣдилъ за нимъ глазами. Чарміанъ встала, и садовникъ хриплымъ голосомъ сталъ разсказывать ей что-то о голубыхъ лиліяхъ, которыми очень гордился. Она взглянула на Клода, а затѣмъ отошла со старикомъ на нѣсколько шаговъ въ сторону и стала толковать. Ей казалось, что Клодъ впалъ въ мечтательное настроеніе.

Позже въ этотъ день Чарміанъ сказала:

— А знаешь, старый Роберъ говорилъ мнѣ объ одной виллѣ.

— Какой Роберъ?

— Да этотъ садовникъ. Мы съ нимъ большіе друзья. Онъ разсказывалъ мнѣ тысячу вещей о своей семьѣ, своей службѣ въ арміи, объ Алжирѣ. Но что меня интересуетъ, это слѣдующее: онъ знаетъ одну виллу, которая сдается на годъ. Называется она Djenan-el-Maqui. Постройка старинная, но въ полной исправности, чистый арабскій стиль и только 80 фунтовъ въ годъ. Конечно, домъ небольшой, но есть садъ. И находится минутахъ въ десяти двѣнадцати ходьбы отсюда. Пойдемъ посмотрѣть?

Djenan-el-Maqui оказался удовлетворяющимъ всѣмъ запросамъ Чарміанъ и Клода и обворожилъ ихъ своей оригинальной красотой. Онъ лежалъ въ сторонѣ отъ дороги и хотя вблизи было много другихъ виллъ, а изъ сада разстилался видъ на весь городъ, вся атмосфера дышала покоемъ и уединеніемъ. Вокругъ дома стояла высокая бѣлая стѣна, изъ-за которой возвышалась плоская бѣлая крыша съ двумя маленькими куполами и пристроенной наверху комнаткой. Войдя въ калитку, Хиисы очутились въ небольшомъ мощеномъ дворикѣ съ каменными скамьями и столомъ.

— Какъ хорошо! Возьмемъ его, — прошептала Чарміанъ.

— Но мы еще не видали, каково внутри, — возразилъ Клодъ, улыбаясь.

— Я знаю, что будетъ прекрасно.

И она была права. Скоро Клодъ полюбилъ этотъ бѣлый домъ еще больше ея; полюбилъ таинственную гостиную съ

колоннами и низкими диванами, покрытыми пестрыми подушками; круглую галлерею, изъ которой черныя двери вели въ спальни; множество нишъ и уголковъ, гдѣ низкія софы и и крошечные кофейные столики манили къ отдыху и спокойствію грезъ. Клодъ наслаждался прохладой и тишиной этого жилья, созданнаго въ лучшія времена арабскаго могущества. Но больше всего ему нравилась его рабочая комната, хотя она была позднѣйшей пристройкой, сдѣланной бывшимъ жильцомъ, французскимъ художникомъ. Это была комната на крышѣ, въ видѣ плоской террасы, откуда открывался великолѣпный видъ на городъ, бухту, мысъ и дальнія гряды Атласскихъ горъ. Стѣны были почти до половины выложены мавританскими плитками — красными, бѣлыми и водянисто-зелеными. Въ глубинѣ комнаты, подъ аркой, висѣла восточная лампа съ пестрыми подвѣсками. Старинный коверъ покрывалъ полъ. Бѣлыя съ зеленымъ драпировки и тѣмъ же крытая мебель гармонировали съ красками плитокъ и гладкимъ кремовымъ цвѣтомъ стѣнъ. Въ окна видны были темные кипарисы, синева моря и бѣлыя пятна скученныхъ домовъ города.

Здѣсь было лучше, чѣмъ въ Кенсингтонъ-скверѣ, лучше чѣмъ въ студіи въ Чельси.

„Здѣсь у меня должна пойти работа!“ — подумалъ Клодъ.

Очень нравился ему и Чарміанъ внутренній арабскій дворикъ съ фонтаномъ и мраморнымъ бассейномъ, въ которомъ плавали три золотыя рыбки. А запущенный садъ, полный апельсиновыхъ, фиговыхъ деревьевъ, дикой герани и розовыхъ кустовъ Чарміанъ взяла подъ свое особое покровительство.

Домашнее хозяйство налаживалось удачно. Въ качествѣ кухарки они имѣли изумительно рослую француженку, по прозвищу „la grande Jeanne“, которая немедленно вошла въ роль домоправительницы; затѣмъ были тонкій, высокій, похожій на птицу, французъ Пьеръ, бывшій солдатъ, а впослѣдствіи служка въ траппистскомъ монастырѣ горничная Чарміанъ и, наконецъ, арабскій мальчикъ, котораго всѣ звали Биби и который изъ томно-задумчиваго настроенія неожиданно впадалъ въ шумную проказливую веселость. Кромѣ нихъ, въ домѣ и во дворѣ постоянно мелькала фигура маленькой арабской дѣвочки, съ звенящими браслетами на рукахъ и краснымъ шелковымъ платкомъ на головѣ. Она была въ родствѣ съ Биби, la grande Jeanne знала ее, и маленькая Фатьма какъ-то нераздѣльно принадлежала къ этому старому дому.

Чарміанъ уѣхала изъ Англіи съ радостью, съ упованіемъ на будущее. Все послѣднее время передъ отъѣздомъ дни были полны и хлопотливы. Надо было сдѣлать тысячу вещей, перевидать множество людей, распрощаться съ друзьями, экипироваться. Клодъ тоже былъ занятъ. Онъ часа четыре въ день занимался теоріей композиціи. Чарміанъ не мѣшала ему. Лондонъ шумѣлъ вокругъ нихъ тысячью голосовъ, говорилъ о тысячѣ интересовъ, дѣлъ, страстей. Огромный городъ держалъ въ напряженіи умы и сердца. Теперь, въ Африкѣ, передъ ними открывалась жизнь въ уединеніи, въ чужой странѣ, безъ друзей, безъ знакомыхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ людей, встрѣченныхъ случайно въ отелѣ, да британскаго генеральнаго консула съ женой.

Тишина и пустота окружали ихъ въ первые дни на бѣлой виллѣ. Даже Чарміанъ не могла сразу найти себя. Ей нравилась романтичность стараго арабскаго дома, глядящаго поверхъ деревьевъ на яркое синее море. Но когда она разставила по своему вкусу мебель, разложила книги, наполнила цвѣтами всѣ вазы и обсудила съ Жанной разные хозяйственные вопросы, она остро почувствовала, что ей нечего дѣлать, некуда дѣвать свое время и силы.

Чарміанъ привыкла къ рутинѣ полной жизни, жизни, перегруженной разнообразными занятіями и развлеченіями, когда каждый день приноситъ что-нибудь новое. Теперь она почти со страхомъ думала о недѣляхъ, а можетъ быть и мѣсяцахъ полнаго одиночества съ Клодомъ. У него своя работа. Подобная работа наполняетъ жизнь до краевъ. Но она? Что ей дѣлать?

Клодъ, съ своей стороны, старался воскресить въ себѣ въ Африкѣ то влеченіе къ славѣ, которое въ послѣднее время владѣло имъ въ Лондонѣ. Но теперь вокругъ не было людей, знавшихъ что-либо о немъ или объ его искусствѣ. Голоса культуры замерли въ его ушахъ. Здѣсь такъ ярко чувствовалась тщета всего земного, ощущалось ничтожество нашей жизни. Его прежнее *я* начинало крѣпнуть въ немъ. Онъ вступилъ съ нимъ въ борьбу. Онъ зналъ, что если дать ему волю, задуманной оперѣ никогда не осуществиться. Ему хотѣлось, чтобы Эльстонъ Лэкъ очутился здѣсь или кто-нибудь другой, кто могъ бы воздѣйствовать на него. Чарміанъ, вырванная изъ своей обстановки, не имѣла сейчасъ той силы, которая вліяла на него.

Съ большимъ трудомъ, съ огромными усиліями, кото-

рыхъ онъ самъ стыдился, Хіисъ заставилъ себя взяться за исполненіе своей задачи. Онъ снова погрузился въ тщательное изученіе либретто. Затѣмъ вынулъ нотную бумагу, заперъ дверь и сталъ ждать вдохновенія или хоть, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго подъема, чтобы сдѣлать начало. Онъ зналъ по опыту, что разъ работа начата, какая-то сила тащитъ его впередъ, не давая остановиться. Но надо сдѣлать первые шаги. Вспомнились страшные дни въ Кенсингтонъ-скверѣ, когда онъ читалъ Карлейля и чувствовалъ себя преступникомъ. Здѣсь не должно быть ничего подобнаго. И, слава Господу, это не Кенсингтонъ-скверъ! Миромъ и красотой дышитъ все вокругъ. Если онъ не напишетъ оперы здѣсь, то это значитъ, что онъ не напишетъ ея нигдѣ и никогда. Однако, вдохновеніе заставляло себя долго ждать, и Клодъ началъ писать наудачу. „Буду писать каждый день извѣстное количество, — рѣшилъ онъ, — есть ли настроеніе или нѣтъ“.

Дни шли, и постепенно онъ и Чарміанъ втягивались въ новую жизнь. Образовались привычки. Клодъ начиналъ „чувствовать“ свою оперу. Новизна задачи взвинчивала его нервы, будила силы. Даже то насиліе надъ своей волей, которое ему приходилось продѣлывать ежедневно, словно укрѣпляло нѣкоторыя струны его интеллекта. Опера давалась не легко. Но она должна, она будетъ написана!

Чарміанъ рѣшила заняться серьезнымъ чтеніемъ. Она написала въ Лондонъ Сусаннѣ Флитъ и просила ее выслать серію книгъ по теософіи, приноровленную къ полному профану въ этой области. Съ самаго начала сближенія съ Сусанной ей хотѣлось овладѣть секретомъ таинственнаго ученія, которое, казалось, ей, дало миссъ Флитъ душевную ясность и внутреннее равновѣсіе. Но никогда не находилось времени. Теперь, наконецъ, представился удобный случай.

Сусанна Флитъ прислала пакетъ руководствъ Анни Безантъ и Лидбитеръ; затѣмъ болѣе крупныя книги Блаватской, Штейнеръ и Синне. Она совѣтовала начать съ руководствъ и читать медленно, понемногу за разъ. При книгахъ было ея письмо, серьезное и спокойное. Прочтя его, Чарміанъ почувствовала тревогу передъ грандіозностью задачи, которую она себѣ поставила. Находить въ себѣ энергію для Клода въ Лондонѣ было легко. Она боялась, что найти ее въ Мустафѣ и для самой — много труднѣе. Но она рѣшила не отступать. Ей представлялось, что черезъ теософію ле-

житъ путь къ терпѣнію и душевной ясности. Теперь и долго еще впереди ей именно нужно терпѣніе. Въ спокойствіи надо продѣлать путь подготовки къ тому, что въ будущемъ наполнитъ жизнь огнями, блескомъ славы...

Чарміанъ рѣшительно принялась за чтеніе. Она начала съ одного изъ руководствъ. Короткое предисловіе захватило ее. „Легче нести жизнь, легче глядѣть навстрѣчу смерти“. Если теософія помогаетъ людямъ разрѣшить эту задачу, то ея цѣнность, дѣйствительно, безспорна. И она съ вниманіемъ проштудировала книгу, затѣмъ взялась за другую.

Она не вполнѣ понимала прочитанное, но все-таки получила отъ этихъ книгъ два впечатлѣнія — безграничной широты и пугающей узости. Она читала, перечитывала, и ея жизнь съ Клодомъ представлялась ей жалкой пылинкой, затерявшейся въ безконечномъ пространствѣ. Какой смыслъ было добиваться, терпѣть, строить планы, какъ будто на вѣчныя времена, когда душа — только гостья на землѣ, переселяющаяся изъ тѣла въ тѣло, словно неудовлетворенный туристъ, который ѣздитъ изъ отеля въ отель? Значитъ, она и Клодъ соединены только на мгновенье? Она пыталась взглянуть на ихъ жизнь съ теософской точки зрѣнія, какъ, скажемъ, смотрѣла бы на свою жизнь Анни Безантъ. Получался какой-то кошмаръ тщеты и суеты, среди котораго растерянно блуждала ея мысль...

Какъ-то во время такихъ размышленій Чарміанъ услышала сверху заглушенный звукъ рояля: Клодъ игралъ мелодію, которую онъ только что сочинилъ для вступительной сцены оперы. Она подошла къ окну, облокотилась и стала слушать. Кошмарное настроеніе мигомъ отлетѣло. Вновь появилось ощущеніе прочности, постоянства. Связь ея съ человѣкомъ, игравшимъ наверху, снова стала казаться крѣпкой, ненарушимой. Клодъ и его талантъ принадлежали ей.

Въ началѣ новаго года Хіиса посѣтилъ Арманъ Жиллье, авторъ его либретто. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа повидаться со своими родными, жившими вблизи Мустафы. Чарміанъ уже встрѣчалась съ нимъ въ Парижѣ, но Клодъ не зналъ его лично, а только переписывался съ нимъ и послалъ ему чекъ въ сто фунтовъ за его работу.

Арманъ Жиллье былъ высокій, плотно сложенный мужчина тридцати двухъ лѣтъ, съ очень вѣжливыми манерами, рѣзкимъ характеромъ, красивымъ лицомъ и чувственнымъ ртомъ съ густыми черными усами.

Когда онъ явился въ Djénan-el-Maqui, Клодъ былъ занятъ, и его приняла Чарміанъ. Она была въ восторгѣ отъ посѣщенія либреттиста. „Этотъ человѣкъ сумѣетъ „зажечь" Клода!" — думала она, сидя съ нимъ въ прохладной гостиной.

Жиллье родился и воспитался въ Алжирѣ. Все, что казалось здѣсь Хиисамъ романтическимъ и страннымъ, было для него обычнымъ. Но у него былъ оригинальный складъ ума и ясное пониманіе couleur locale и вліянія ея на людей. Въ началѣ визита онъ былъ офиціально любезенъ и манерно вѣжливъ. Но подъ вліяніемъ простоты Чарміанъ его чопорность разсѣялась. Онъ сталъ догадываться, каковы цѣли этой женщины, и понялъ, что и его успѣхъ въ значительной степени зависитъ отъ нея. Внезапно оставивъ формальный тонъ, онъ спросилъ:

— Eh bien, madame, какова же натура вашего супруга?

Чарміанъ взглянула на него, колеблясь.

— Смѣлый ли онъ, открытый, сильный, страстный? Или онъ — мягкій, замкнутый, утонченный, болѣзненный? Живетъ ли онъ жизнью во плоти или мечтами, смутными грёзами воображенія?

Онъ покрутилъ свои подвитые усы и воскликнулъ:

— Я хочу знать. Это важно для меня. Мое либретто написано человѣкомъ, который жилъ, и человѣкъ, который положитъ его на музыку, долженъ быть тоже знающимъ жизнь.

Въ его манерахъ и тонѣ, какъ только онъ освободился отъ формальной вѣжливости, чувствовалась особая, вспыльчивая возбудимость, характерная для алжирцевъ.

Чарміанъ была нѣсколько смущена. Впервые она ясно ощутила пропасть между Клодомъ и тѣмъ либретто, которое она нашла для него. Но эта пропасть должна быть перейдена.

— Возьмите папироску, — сказала она. — Я разскажу вамъ о мужѣ.

XX.

Въ вѣчной погонѣ за удовольствіями м-съ Шиффней часто мѣняла свои планы. Теперь все у нея было подготовлено для путешествія въ Индію — куплено безчисленное множество платьевъ и шляпъ, приглашено пріятное общество, и яхта отправлена въ Неаполь, откуда долженъ начаться рейсъ. И вдругъ м-съ Шиффней рѣшила, что она не хочетъ ѣхать въ Индію. Вся затѣя была внезапно отмѣнена, и январь за-

сталъ Аделаиду все еще въ Лондонѣ, нервничающей и не знающей, что́ ей съ собой дѣлать дальше.

Въ такіе періоды она обыкновенно посылала за Сусанной Флитъ. Теперь та была въ Фолькстонѣ, но она выписала ее телеграммой. Когда Сусанна явилась на другой день въ Гросвеноръ-скверъ, то застала м-съ Шиффней одѣтой для выѣзда.

— Ахъ, Сусанна, какая радость видѣть васъ! Мы поѣдемъ къ Ритцу. Позавтракаемъ однѣ. Я хочу посовѣтоваться съ вами, что́ дѣлать. Все какъ-то такъ запуталось. Моторъ поданъ?

— Да.

— Ну, такъ пойдемъ.

У Ритца было множество знакомыхъ, но м-съ Шиффней не хотѣла присоединиться ни къ кому.

— Мы съ Сусанной должны обсудить важное дѣло, — говорила она, улыбаясь.

Видъ у нея сталъ сіяющій и оставался такимъ въ теченіе всего завтрака. Наградой ей были всеобщіе комплименты. Она продолжала выглядѣть красивой даже тогда, когда узнала, что у Сусанны имѣются свои планы ближайшаго будущаго.

— Я обѣщала ѣхать въ Алжиръ, — сказала Сусанна, когда м-съ Шиффней спросила ее, что́ дѣлать, чтобы развеселиться.

— Въ Алжиръ? Зачѣмъ? Что́ тамъ дѣлать?

— Я поѣду къ Чарміанъ.

— А-а! — протянула м-съ Шиффней. — А гдѣ они?

— Въ Мустафѣ.

— Говорятъ, что онъ пишетъ оперу. Бѣдняга! Мнѣ кажется, что это вовсе не въ его средствахъ. Но Чарміанъ подзуживаетъ его. Тотъ романсъ — какъ его? совсѣмъ вскружилъ ей голову. Да и вообще, успѣхъ Сенньe вскружилъ головы всѣхъ молодыхъ композиторовъ. Всѣ кинулись писать оперы. Даже въ Парижѣ это выходитъ комично! Но подумайте, англичанинъ съ темпераментомъ Кромвелля — вѣдь это безуміе!

Сусанна продолжала спокойно ѣсть.

— Вѣдь, онъ — никому неизвѣстный человѣкъ. Она воображаетъ, что этотъ романсъ сдѣлалъ его знаменитостью. Но никто ничего о немъ не знаетъ.

— О Сенньe тоже никто не зналъ до того вечера въ Ковентъ-Гарденѣ, — замѣтила Сусанна.

— О, нѣтъ! о немъ знали! Среди парижанъ en vue онъ былъ очень извѣстенъ.

М-съ Шиффней была склонна преувеличивать славу Сеннье.

— Я не знала этого, — произнесла Сусанна, безъ тѣни ироніи.

— Конечно, откуда вамъ было знать? Кромѣ того, Сеннье — большой человѣкъ, единственный человѣкъ, котораго мы имѣемъ... Значитъ, вы собирались ѣхать къ Хіисамъ?

— Да, я собираюсь. Я обѣщала Чарміанъ.

— А когда вы ѣдете?

— Дней черезъ десять.

— Ахъ, вотъ какъ!.. А что вы думаете о Чарміанъ, Сусанна? Но по чистой совѣсти... Вы любите ее?

— Да, люблю.

— Но я говорю не о вашемъ теософическомъ отношеніи, а о чисто человѣческомъ. Я знаю, что ваша любовь ко всему на свѣтѣ объемлетъ Чарміанъ Хіисъ точно такъ же, какъ меня и м-съ Симпкинсъ и вотъ того метельщика на углу. Это чувство меня не интересуетъ. Я хочу знать любите ли вы ее такъ, какъ вы не любите метельщика и меня?

— Мы съ Чарміанъ въ большой дружбѣ. Она меня интересуетъ.

— Интересоваться женщиной! Какъ странно!

— Именно тѣмъ, что она женщина.

— Я знаю, что вы — въ глубинѣ души суфражистка.

Коснулись слегка политики. Когда подано было кофе, м-съ Шиффней вдругъ проговорила:

— Я отвезу васъ въ Алжиръ, Сусанна.

— Зачѣмъ? Вамъ вѣдь не хочется туда ѣхать.

— Но я не могу допустить, чтобы вы тащились отъ Марселя на одномъ изъ этихъ ужасающихъ пароходовъ, когда моя яхта въ какомъ-нибудь получасѣ разстоянія.

— Полчаса! Но мнѣ казалось, что она въ Неаполѣ.

— Ну, это я такъ приблизительно.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Я предпочитаю поѣхать пароходомъ, — сказала Сусанна.

Настойчивое, хоть и мягкое противодѣйствіе Сусанны, усилило упорство м-съ Шиффней. Она съ самаго начала разговора чувствовала, что Сусаннѣ хочется ѣхать въ Алжиръ одной, и это пробудило въ Аделаидѣ любопытство.

— Милая Сусанна, вы должны разрѣшить мнѣ доставить васъ въ Алжиръ, — проговорила она. — Если вы не хотите моего присутствія тамъ, я просту высажу васъ на берегъ и оставлю вмѣстѣ съ вашими сундуками. Вы у насъ эксцентричная особа, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы вамъ странствовать Богъ знаетъ какъ.

— Отлично. Спасибо, Аделаида. Это страшно мило съ вашей стороны, — отвѣтила Сусанна безъ всякаго раздраженія.

Въ тотъ же день м-съ Шиффней телеграфировала капитану яхты идти въ Марсель. Но она вовсе не намѣрена была совершить путешествіе вдвоемъ съ миссъ Флитъ и остаться въ Алжирѣ между небомъ и землей. Надо было подыскать компанію, она послала Максу Эллiотъ просьбу навѣстить ее. Когда онъ явился, она разсказала ему свой новый планъ:

— Вы должны присоединиться. Всего какихъ-нибудь десять дней. И увидите своего протеже, м-ра Хiнса.

— Моего протеже!..

— Ну да, вы первый открыли его.

— Но онъ невозможенъ. Прекрасный человѣкъ и съ несомнѣннымъ талантомъ, но такой недотрога! Я оставилъ его въ покоѣ, хотя остаюсь попрежнему ихъ другомъ.

— Да, но его романсъ?

— Одинъ романсъ! Что̀ это? И вдобавокъ это жена заставила его написать его. Никто никогда не слышалъ его, дѣйствительно, чудесныхъ вещей: „Te Deum'a" и библейскихъ поэмъ.

— Чарміанъ и ея мать слышали, я думаю.

— Чарміанъ? Да. И она постарается, чтобы никто другой не услышалъ ихъ теперь.

— Отчего?

Максъ Эллiотъ взглянулъ на м-съ Шиффней. Его глаза заблестѣли легкой ироніей.

— Искусство — одно, а свѣтъ — другое, — загадочно произнесъ онъ.

— А вы знаете, Максъ, что Клодъ Хiнсъ удалился въ Алжиръ, чтобы писать оперу.

— Ахъ, все это безумное увлеченіе оперой — результатъ успѣха Жака!

— Да, разумѣется. Я это знаю. Но изъ него можетъ выскочить новый Жакъ. А Генріеттѣ это не понравилось бы.

— О, да! — воскликнулъ Максъ. — Она хочетъ простора для новаго выступленія. И долженъ сказать, что она заслуживаетъ этого.

— Совершенно правильно. Ну что жъ, поѣдемъ въ Алжиръ посмотрѣть, какъ подвигается новая опера?

Максъ взглянулъ въ ея увѣренные глаза.

— Да, я поѣду. Но не дольше, какъ на десять дней. У меня множество работы на рукахъ.

М-съ Шиффней вдругъ наклонилась впередъ: ея лицо приняло возбужденно-лукавое выраженіе.

— А что́, если бъ я позвала Генріетту и Жака Сеннье? Они не ѣдутъ въ Нью-Іоркъ въ этомъ году. Я приглашу ихъ. Чарміанъ Хіисъ будетъ рада познакомиться съ ними, я знаю.

* * *

Въ одинъ изъ первыхъ ясныхъ февральскихъ дней „Странникъ“ вошелъ въ алжирскую бухту. На борту были м-съ Шиффней, Сусанна, m-me Сеннье и ея мужъ и Максъ Элліотъ.

Композиторъ страдалъ всю дорогу. Онъ жаловался и стоналъ: „Ah mon Dieu!“ и „O la là“. Жена не отходила отъ него, ухаживала за нимъ, какъ за маленькимъ ребенкомъ, кормила съ ложечки, натирала виски о-де-колономъ. Теперь она подъ руку вывела его на палубу и надѣла кашнэ на его тонкую шею.

— Ah, mon Dieu! O la là! — отвѣчалъ ея знаменитый супругъ.

— Цыпленочекъ мой, подбодрись!

Сусанна Флитъ сообщила Чарміанъ о своемъ пріѣздѣ и упомянула также о м-съ Шиффней. Но она ничего не написала о четѣ Сеннье по той простой причинѣ, что Аделаида не сказала ей о нихъ ни слова до того момента, когда они въ Парижѣ вошли въ спальный вагонъ.

Какъ только яхта стала на якорь, вся компанія сошла на берегъ. Въ отелѣ С. Жоржъ были заказаны комнаты. А Сусанна должна была сразу отправиться Djenan-el-Maqui.

— Скажите Чарміанъ, Сусанна, что я загляну сегодня къ нимъ съ Максомъ, часамъ къ пяти. Не говорите ничего о Сеннье. Они не пойдутъ, Жакъ ляжетъ въ постель, какъ только пріѣдетъ въ гостиницу.

Съ этими словами м-съ Шиффней опустила свою бѣлую вуалъ, открыла зонтикъ и вошла въ ландо, гдѣ m-me Сеннье

и ея мужъ уже поджидали ее. Композиторъ полулежалъ съ закрытыми глазами. Ни дивный, мягкій воздухъ, ни яркое солнце, ни оживленная сутолока въ порту не способны были расшевелить его. Онъ жаждалъ только одного: лечь въ постель.

Когда Сусанна пріѣхала въ Djenan-el-Maqui; она застала Чарміанъ въ одиночествѣ. Она расцѣловала ее, но поглядѣла съ тревогой и подозрѣніемъ.

— Гдѣ Аделанда? На яхтѣ?

— Нѣтъ. Она поѣхала въ С. Жоржъ.

— Такъ близко отъ насъ! Долго она намѣрена пробыть? Ахъ, Сусанна, зачѣмъ вы допустили ее пріѣхать.

— Я не могла помѣшать. Но что вамъ до этого?

— Аделанда ненавидитъ меня!

— Богъ съ вами!

— О, да! Вы сами знаете.

— Право, Чарміанъ, ей не до того. Она слишкомъ занята многимъ. И она бываетъ такъ мила.

— Ваша теософія мѣшаетъ вамъ видѣть недостатки въ друзьяхъ, Сусанна.

— А вы прочли руководство?

— Да. Но я не могу сейчасъ думать о нихъ. Присутствіе Аделанды испортитъ все.

— Да нѣтъ же! И она останется здѣсь всего два-три дня.

— Но зачѣмъ она пріѣхала?

— Она не говорила мнѣ. Она придетъ къ вамъ сегодня съ Максомъ Элліотъ.

— И онъ здѣсь! Конечно, Аделанда хочетъ видѣть Клода. Я понимаю. Но его нѣтъ теперь.

— А гдѣ же онъ?

— Сусанна, вы знаете, что онъ радъ былъ вамъ, что онъ хотѣлъ видѣть васъ. Но, по правдѣ сказать, — она понизила голосъ, — ему пришлось уѣхать изъ-за оперы. Онъ отправился съ Армано Жиллье — авторомъ либретто, въ Константинъ для изученія туземной и военной жизни. Тамъ стоитъ большой гарнизонъ. Жиллье — очень цѣнный другъ для Клода и можетъ во многомъ помочь ему. То есть въ дѣлѣ оперы.

Она остановилась, потомъ прибавила:

— Аделанда тоже могла бы быть очень полезной Клоду. Но еще передъ нашей свадьбой онъ, кажется, обидѣлъ ее. И теперь она, разумѣется, въ томъ лагерѣ.

M-me Сенньe молча глядѣла на нее.

— Но, — прибавила Чарміанъ, — люди, дѣйствительно понимающіе, держатся высокаго мнѣнія о моемъ мужѣ: напримѣръ, м-ръ Крэйфордъ.

Проговоривъ это, она тотчасъ раскаялась: она поняла, что Клоду ея замѣчаніе было бы въ высшей степени непріятно.

На m-me Сеннье сказанное, казалось, не произвело впечатлѣнія. Въ этотъ самый моментъ остальная компанія вернулась изъ сада. Но Чарміанъ глубоко сожалѣла о вырвавшейся у нея словахъ. Если бъ m-me Сеннье проявила удивленіе, недовѣріе или даже презрѣніе, было бы легче. Но полная невозмутимость француженки выводила изъ равновѣсія.

При разставаніи м-съ Шиффней стала настаивать, чтобы Чарміанъ и миссъ Флитъ обѣдали съ ней въ этотъ вечеръ въ отелѣ С. Жоржъ. Пришлось согласиться, такъ какъ не было никакихъ предлоговъ для отказа.

Жакъ Сеннье, прощаясь, сжалъ руки Чарміанъ и умоляюще смотрѣлъ ей въ глаза.

— Разрѣшите мнѣ приходить иногда къ вамъ въ садъ, madame, — сказалъ онъ. — Хотя бы до возвращенія вашего супруга. Здѣсь есть вдохновеніе!

Чарміанъ понимала, что это вздоръ, но она съ испугомъ взглянула въ сторону m-me Сеннье. Желтые глаза улыбались.

— Пожалуйста! — отвѣтила она, — Приходите, когда вамъ вздумается.

— Она—прелесть! — заявилъ композиторъ, когда вся компанія выходила изъ калитки виллы. — Но она еще очень зеленая. Вѣроятно, никогда не страдала. А женщина не можетъ быть опорой артисту, если она не страдала,

— Генріетта, а вы? — спросила м-съ Шиффней, смѣясь.

— О, она много выстрадала! — отвѣтилъ Жакъ за жену.— Но, къ несчастью, не благодаря мнѣ. Это большой изъянъ въ нашихъ отношеніяхъ.

Онъ нахмурился.

— Я долженъ заставить ее страдать! — пробормоталъ онъ.

— Mon choux, ты говоришь глупости и самъ знаешь это, — проговорила невозмутимо m-me Сеннье. — Господи Боже! Какая пыль!

Они вышли на дорогу, гдѣ ихъ сразу окутало бѣлымъ облакомъ отъ пронесшагося мотора.

— Если не будетъ дождя, я сбѣгу въ Константинъ, — сказала м-съ Шиффней. — Тамъ въ это время года нѣтъ пыли.

XXI.

На другой день Чарміанъ и Сусанна только что сѣли за столъ, а Пьеръ собирался снять крышку съ суповой вазы, какъ раздался звонокъ.

— Кто это можетъ быть? — сказала Чарміанъ и взглянула на Сусанну. — Мнѣ кажется, что это что-то важное.

Весь этотъ день онѣ не видѣли м-съ Шиффней и ея спутниковъ и провели время въ саду за чтеніемъ, работой и бесѣдой. Спокойствіе овладѣло душой Чарміанъ. Вечеромъ она сказала:

— Знаете, Сусанна, никто не вліяетъ на меня такъ хорошо, такъ благодатно, какъ вы. Не знаю, какъ и почему, но ваше присутствіе очищаетъ, словно легкій бризъ съ моря.

Но сейчасъ, ожидая возвращенія Пьера, она вновь почувствовала тревожное возбужденіе.

— А вдругъ это вернулся Клодъ! — воскликнула она.

Вслѣдъ за этимъ изъ вестибюля донесся шумъ разговора, и мужской голосъ воскликнулъ:

— Ça ne fait rien! Laissez moi passer, mon bon!

— Это Сенньe! — сказала Чарміанъ. И дѣйствительно: въ дверяхъ появился композиторъ, отстраняя Пьера, на лицѣ котораго было оскорбленное выраженіе.

— Me voici! — воскликнулъ Сенньe. — Оставленный всѣми, покинутый, я пришелъ къ вамъ. Какъ я могу обѣдать одинъ въ отелѣ! Я сѣлъ, пробовалъ. Мнѣ принесли икры, супу. Я посмотрѣлъ, взялъ ложку, вилку. Невозможно! Хотите ли спасти меня отъ одиночества? Видите, я въ смокингѣ! я не оскорблю ваше зрѣніе.

— Да, конечно, милости просимъ. Присаживайтесь. Пьеръ, поставьте, пожалуйста, еще приборъ. Но кто покинулъ васъ?

— Всѣ: Генріетта, Аделанда, даже вѣрный Максъ. Они предлагали ѣхать съ ними, но я отказался.

— Куда!

— Въ Бискру, Батну, Господь ихъ вѣдаетъ! Аделанда — беспокойное существо. Она мечется, какъ угорѣлая кошка.

Онъ сѣлъ и сталъ жадно ѣсть супъ.

— Ахъ, какъ вкусно! Ваша кухарка достойна любви! Вы разрѣшаете? Онъ, какъ ребенокъ, поднялъ салфетку къ шеѣ, чтобы надѣть ее.

— Вы — ангелъ. Вы — цѣлый сонмъ ангеловъ. Я

сказалъ имъ: зачѣмъ я уѣду изъ этого красиваго городка, чтобы попасть въ объятія сумасшедшаго либреттиста, который жаждетъ моей крови только оттого, что не умѣетъ писать? Неужели геній долженъ погибнуть изъ-за того, что какой-то идіотъ напрактиковался въ стрѣльбѣ по бутылкамъ? Нѣтъ, этого не будетъ!

— Вы говорите о m-ur Жиллье? Значитъ, они ѣдутъ въ Константинъ? — проговорила Чарміанъ рѣзко.

— Въ Константинъ, Бискру, Батну, Сахару, que sais-je? Аделаиду точно муха укусила. Она не можетъ сидѣть спокойно. Она и мою Генріетту соблазнила.

Онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи, отдалъ должное отличному обѣду, шутилъ, болталъ и, наконецъ, даже сѣлъ къ роялю, игралъ и пѣлъ. Въ немъ рядомъ съ человѣкомъ крупнаго таланта, сидѣлъ фарсеръ, а также ребенокъ и обезьяна.

Сразу неожиданный визитъ ошеломилъ Чарміанъ. Но затѣмъ свободный тонъ Сеннье разбилъ лёдъ. Онъ былъ эгоистиченъ до крайности, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно занимателенъ и даже симпатиченъ. Чарміанъ стала изучать этого человѣка. До чего онъ не похожъ былъ на Клода! Бесѣдуя съ Сеннье, она съ особой полнотой, ощущала замкнутость Клода, его сдержанность, лежавшую подъ внѣшней оболочкой общительности.

Когда Сеннье запѣлъ, она была очарована: голоса у него почти не было, но какое умѣніе, какое мастерство! Онъ игралъ, и Чарміанъ подпала подъ обаяніе его музыки.

Былъ второй часъ ночи, когда Сеннье сталъ прощаться. Онъ уходилъ неохотно, обѣщая завтра опять придти, завтракать и обѣдать въ Djenan el Maqui, — словомъ, проводить все свое время здѣсь до тѣхъ поръ, пока его жена и „угорѣлая кошка“ не вернутся. Чарміанъ застегнула ему пальто, и онъ стоялъ послушно, какъ маленькій мальчикъ. Онъ напѣвалъ арію изъ оперы, которую теперь сочинялъ, и шелъ подъ руку съ Пьеромъ, который долженъ былъ проводить его до отеля.

— Я не смѣю пойти одинъ! — говорилъ онъ, — Я боюсь арабовъ! Они — предатели. Они съ удовольствіемъ подколютъ генія Франціи.

Когда онъ ушелъ, снова душой Чарміанъ овладѣла тревога. Она отправила Клода въ Константинъ оттого, что не хотѣла встрѣчи его съ Аделаидой. Дѣйствіе это явилось инстинктивнымъ. М-съ Шиффней пріѣхала сюда изъ любо-

пытства. Поэтому ея любопытство не должно быть удовлетворено. А теперь она поѣхала въ Константинъ и взяла m-me Сеннье съ собой. Чарміанъ вспомнила свое опрометчиво вырвавшееся признаніе насчетъ Крэйфорда, странно-невозмутимый видъ француженки и свою собственную неловкость. Эта неловкость теперь усилилась. Но что можетъ произойти? Что можетъ сдѣлать m-me Сеннье или Аделаида Шиффней, чтобы нарушить миръ ея жизни съ Клодомъ? Конечно, ничего. И все-таки у нея было ощущеніе, что онѣ обѣ настроены враждебно, что онѣ противъ всего, что является ея цѣлью.

Чарміанъ жаждала высказать Сусаннѣ все, что было у нея на душѣ. Но, обвиняя себя въ неумѣніи владѣть собой, проявленномъ наканунѣ, она рѣшила проявить его сегодня. И она только поцѣловала Сусанну, желая ей спокойной ночи.

— Я знаю, что не буду спать, — сказала Чарміанъ.

— Отчего?

— Игра Сеннье меня слишкомъ взволновала.

И дѣйствительно, она пролежала почти всю ночь безъ сна.

Тѣмъ временемъ м-съ Шиффней, m-me Сеннье и Максъ Элліотъ ѣхали ночнымъ поѣздомъ въ Константинъ.

Все это было устроено съ обычной для м-съ Шиффней небрежной легкостью. Днемъ, въ саду отеля, послѣ маленькаго разговора съ Генріеттой она позвала композитора и Макса на террасу и сказала:

— Здѣсь скучно, господа. Чтó намъ дѣлать? Давайте сбѣжимъ въ Бискру.

Максъ Элліотъ взглянулъ на нее зоркимъ взглядомъ, но затѣмъ былъ отвлеченъ ламентаціями Сеннье, который не хотѣлъ очутиться въ опасной близости отъ либреттиста.

Теперь Элліотъ лежалъ въ своемъ купэ. До него слабо доносились голоса изъ сосѣдняго купэ, занятаго Аделаидой Шиффней и m-me Сеннье. М-съ Шиффней занимала верхнее мѣсто.

— Вы, дѣйствительно, вѣрите этому, — кричала m-me Сеннье.

— Какъ знать? Крэйфордъ готовъ перевернуть все вверхъ дномъ, чтобы найти новый талантъ. Онъ, можетъ быть, слѣдитъ за Хіисомъ. Онъ вѣритъ въ молодыхъ.

— Жаку сорокъ лѣтъ.

— Когда успѣхъ уже достигнутъ, то лѣта не имѣютъ значенія.

— А вы не думаете, что Крэйфордъ могъ дать Хінсу секретный заказъ написать оперу?

— О, нѣтъ! Да и если бъ это было, Чарміанъ не могла бы утерпѣть: она сейчасъ же разсказала бы.

— Максъ считаетъ его музыку удивительной, правда?

— Да, но все это въ стилѣ ораторіи. Гимны, „Te Deum“ и всякое такое, чего никто никогда не хочетъ слушать.

— Я бы хотѣла видѣть либретто.

— Что? Я не слышу. Шумъ отъ поѣзда адскій.

— Я говорю, что хотѣла бы видѣть либретто! — прокричала что есть силы m-me Сеннье.

— Вѣроятно, это одно изъ тѣхъ, что Жакъ отвергъ.

— Нѣтъ, не можетъ быть.

— Что?

— Не можетъ быть. У насъ не было либретто изъ алжирской жизни. Интересно знать, хорошее ли оно.

— Пусть онъ покажетъ вамъ его.

— Жиллье! Онъ ни за что не согласится. Онъ ненавидитъ насъ обоихъ.

— Не Жиллье, а Клодъ Хінсъ.

— Что?

М-съ Шиффней, повидимому, наклонилась со своей койки и завопила:

— Клодъ Хінсъ... или я заставлю его показать.

— Мнѣ не особенно по душѣ новое либретто Жака для Метрополитэна. Но оно было лучшее изъ того, что можно было взять. Я перечитала почти сотню. Какъ это похоже на Жиллье: написать, наконецъ, дѣйствительно хорошую вещь и даже не показать ее намъ. Я всегда знала, что онъ талантливъ и можетъ выдвинуться.

— Я достану его для васъ.

— Что?

— Я добуду либретто у Хінса. Когда Жакъ окончитъ свою работу, какъ вы думаете?

— Охъ, еще не скоро. Онъ работаетъ медленно, а я не вмѣшиваюсь. Только идіотъ можетъ вмѣшиваться въ планъ и методъ творчества геніальнаго художника.

— Вы считаете Чарміанъ глупой?

Въ этотъ моментъ поѣздъ замедлилъ ходъ, и дамы перешли на шопотъ.

Максъ Элліотъ былъ старый другъ Аделаиды и былъ весьма преданъ четѣ Сеннье и ихъ дѣлу. Но вся эта экспе-

зиція была ему не по душѣ. Онъ видѣлъ, что этихъ двухъ женщинъ влечетъ въ Константинъ любопытство съ оттѣнкомъ тайной вражды. Конечно, не могло быть и рѣчи о соперничествѣ между Хiисомъ, почти неизвѣстнымъ публикѣ и Сеннье — человѣкомъ съ мiровымъ именемъ. Но эти двѣ женщины были готовы къ борьбѣ. Это нелѣпо, но весьма непрiятно. Отчего Генрiетта такъ ожесточенно-рѣшительна въ своемъ стремленiи сохранить свободнымъ путь для своего мужа? Женѣ мелкаго человѣка извинительно бояться каждаго возможнаго соперника. Но, вѣдь, Сеннье — большой человѣкъ!

(Продолженiе слѣдуетъ.)

Съ англiйскаго перев. **М. Славинская.**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ М. М. КОВАЛЕВСКАГО ВЪ СВЯЗИ СЪ ХАРАКТЕРИСТИКОЮ ЕГО ЛИЧНОСТИ.

I.

Всякій, кто знаетъ, какъ широки были научные интересы М. М. Ковалевскаго, какъ разнообразны и многосторонни тѣ политико-юридическіе вопросы, которые онъ разрабатывалъ, въ первую минуту едва ли сразу согласится съ тѣмъ, что у него была одна основная, большая, всеобъемлющая, всеобъясняющая политическая идея, которую онъ изслѣдовалъ, къ которой отовсюду возвращался и которой онъ, безъ страха и упрека, въ наукѣ и политикѣ служилъ. Между тѣмъ, такая идея не только была, но и составляла самую душу всѣхъ его политическихъ изслѣдованій.

Съ особенною яркостью и силою эта идея выступаетъ у него въ своей отрицательной формулировкѣ: я имѣю въ виду то рѣзкое и безусловное осужденіе, которому подвергалъ Ковалевскій доктрину, построенную на принципѣ всемогущества государства. Особенная благодарность государству за то, что оно не вторгается въ сферу личной свободы, не мѣшаетъ личности свободно думать, вѣрить, говорить, читать, работать, общаться или уединяться въ своемъ „домѣ-замкѣ", все это казалось ему такъ же страннымъ, какъ и особая благодарность тому же государству за то, что оно въ XX вѣкѣ охраняетъ жизнь и имущество личности. Возведеніе этихъ двухъ элементарныхъ обязанностей современнаго государства въ особые status'ы личности и упоеніе особыми правами, проистекающими отсюда для личности, — эти особенности ученія Іеллинека о личности и государствѣ вызывали въ Ковалевскомъ особенную непріязнь. Это всевластіе, эта неограниченность государства, которое одно устанавливаетъ границы своихъ правъ въ отношеніи личности, вызываетъ самые живые протесты Ковалевскаго и подымаетъ его на защиту основныхъ и первичныхъ правъ личности.

„Я полагаю, говоритъ онъ, что господствующее нынѣ ученіе, —

ученіе, раздѣляемое большинствомъ нѣмецкихъ публицистовъ, о томъ, что всякая конституція является не болѣе, какъ добровольнымъ самоограниченіемъ государственной власти, не можетъ служить оплотомъ противъ той опасности, какую для свободы представляетъ доктрина, допускающая неограниченность государственнаго суверенитета". (Общее конституціонное право, II, 102.) Опасность эта заключается въ томъ, что если государственная власть не ограничена въ своихъ правахъ и притязаніяхъ, если она имѣетъ право на все, тогда, въ случаѣ нужды, въ интересахъ государственной необходимости, можно попирать „священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣка — право на жизнь, безнаказанно смѣяться надъ правосудіемъ" и вообще упразднить свободу самоопредѣляющейся личности. Между тѣмъ не трудно видѣть, что эта свобода личности, свобода ея самоопредѣленія составляетъ первичную основу всякаго общенія. Въ самомъ дѣлѣ, если всякое общеніе основано на солидарности людей, т. е. на ихъ совмѣстныхъ усиліяхъ въ обществѣ, то для того, чтобы эти усилія не истощались въ ущербъ союзу, а наоборотъ, давали ему наибольшую пользу, необходимо, чтобы каждому была дана свобода „отдать своимъ согражданамъ всю ту сумму усилій, на какія онъ способенъ", т. е. каждому должна быть обезпечена свобода самоопредѣленія. „Съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшей надобности признавать за государствомъ то полновластіе, которое позволяло бы ему упразднять свободу самоопредѣленія личности въ интересахъ какой-то государственной необходимости. Такой необходимости нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ человѣческая солидарность требуетъ, наоборотъ, сохраненія и развитія свободы личнаго самоопредѣленія". Поэтому „государство должно быть надѣлено только такими правами, при которыхъ вмѣсто того, чтобы быть тормозомъ, оно, наоборотъ, является стражемъ и охранителемъ личной самодѣятельности, какъ необходимаго условія общественной солидарности". (Общее конституціонное право, II, 103—106.)

Въ этихъ словахъ уже пробивается основная политическая идея Ковалевскаго. Въ современномъ обществѣ, для осуществленія общественной солидарности, необходима наличность двухъ условій: необходимы самоопредѣляющаяся личность и охраняющій ее госуд. союзъ; слѣдовательно, личность не только не можетъ быть поглощена государствомъ, но, наоборотъ, государство есть „стражъ и хранитель" личности: „Народное спасеніе, или государственная необходимость, со временъ древнихъ, признавались оправданіемъ всякаго произвола правительства по отношенію къ подданнымъ. Въ такомъ оправданіи отказываетъ государству защищаемая нами

точка зрѣнія“; — „государство не можетъ, въ интересахъ самосохраненія, упразднить личныя права, такъ какъ признаніе ихъ является такимъ же требованіемъ общественной солидарности, какъ установленіе самаго факта государственнаго общежитія“. Другими словами, тотъ, кто отрицаетъ личныя права въ интересахъ государства, т. е. общественнаго блага, забываетъ, что личныя права сами по себѣ являются величайшимъ, даже верховнымъ общественнымъ благомъ, и государство существуетъ не надъ ними, а самое большее — на одномъ съ ними уровнѣ, т. е. государство является въ лучшемъ случаѣ такимъ же, но отнюдь не бо́льшимъ общественнымъ благомъ, чѣмъ личныя права. Слѣдовательно, верховенство одного изъ этихъ благъ надъ другимъ отнюдь не впередъ на всѣ случаи предустановлено, а, напротивъ, должно быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доказано — съ рѣшающей точки зрѣнія общественной солидарности.

Болѣе того, Ковалевскій опредѣленно утверждаетъ, что въ то время, какъ государственная власть принципіально должна быть всегда ограничена, личныя права, напротивъ, обладаютъ принципіально неограниченнымъ характеромъ, такъ какъ не они служатъ цѣлямъ государства, а государство служитъ цѣлямъ „охраны личной самодѣятельности“. Поэтому при оцѣнкѣ различныхъ политическихъ институтовъ надо исходить изъ ихъ значенія не для государства, какъ самостоятельнаго лица, а для личной свободы индивида, какъ цѣли общественнаго союза: если этой свободѣ грозитъ несомнѣнная опасность отъ даннаго института, то этого совершенно достаточно для его отрицанія, и, наоборотъ, если институтъ направленъ на установленіе или гарантію личныхъ правъ, то этого одного, въ идеѣ, достаточно для его защиты и признанія.

Такова постановка идеи личной свободы у Ковалевскаго. Безъ сомнѣнія, онъ не открылъ этой идеи, да и едва ли можно назвать того, кто „открылъ“ эту коллективную идею, воодушевлявшую уже дѣятелей первой англійской революціи и блестяще обоснованную въ сочиненіяхъ Бенжамена Констана. Но Ковалевскій въ самыхъ разнообразныхъ варіаціяхъ и съ неистощимою полнотою пріемовъ соціологической и политической аргументаціи выдвинулъ и обосновалъ эту идею, хотя и не далъ ей типографскаго единства въ формѣ одной книги. Важно то, что въ его работахъ идея личности-самоцѣли проникаетъ собою и предопредѣляетъ всѣ его остальныя политическія воззрѣнія: изъ этой единой идеи можно ихъ легко вывести, и только въ свѣтѣ этой идеи можно правильно понять ихъ. Мы сейчасъ разсмотримъ эти воззрѣнія, безъ всякихъ нашихъ личныхъ оцѣнокъ и пристрастій.

Прежде всего, одна изъ самыхъ его любимыхъ идей —

идея раздѣленія всего фонда государственной силы между нѣсколькими органами, и его рѣшительное осужденіе ея сосредоточенія въ одномъ органѣ, будь то монархъ или парламентъ: это — идея такъ наз. раздѣленія властей. Извѣстно, что ученіе Монтескье подверглось сильному гоненію со стороны не только парламентарной доктрины, въ лицѣ Беджгота, но и догматической школы, въ лицѣ Лабанда, при чемъ въ главную вину доктринѣ было поставлено то, что, раздробляя власть, она разлагаетъ единство государственной воли. Съ особою силою, однако, была недавно развита В. М. Гессеномъ въ его „Основахъ конституціоннаго права“ та мысль, что независимо отъ ошибочнаго элемента уравновѣшенія властей въ доктринѣ Монтескье имѣется — юридически донынѣ полноцѣнная — идея обособленія властей, и, въ особенности, обособленія органовъ законодательной и правительственной власти, — дабы одинъ безличный законъ имѣлъ роковую „власть надъ жизнью, свободою и собственностью гражданъ“.

Этотъ послѣдній мотивъ обособленія властей, какъ стремленіе оградить личную свободу отъ произвола властей, особенно цѣнилъ и выдвигалъ Ковалевскій. Защищая ученіе Монтескье отъ непониманія его противниковъ, онъ говорилъ, что оно донынѣ „сохраняетъ свою силу, если понимать его не въ смыслѣ необходимости отмежевать каждой власти особую и равную другимъ область, а въ томъ, что соединеніе всѣхъ властей въ рукахъ одного субъекта можетъ быть гибельнымъ для свободы“ (Лекціи, I, 303; Отъ народоправства къ представительству, III, 88.) И легко видѣть, почему. Мы старались показать, что, по Ковалевскому, государство принципіально должно быть ограничено въ своемъ правѣ посягать на личную свободу; наоборотъ, принципіальная неограниченность личной свободы безусловно требуется началомъ общественной солидарности. Отсюда слѣдуетъ, что, въ идеѣ, всякая неограниченная власть, кто бы ее ни осуществлялъ, представляетъ огромную общественную опасность. „Непримиримость монархическаго самодержавія съ личною свободою бросается въ глаза каждому“; но и „полновластіе народнаго представительства, неограниченнаго въ своей продолжительности, даже при расхожденіи съ общественнымъ мнѣніемъ, и не связаннаго обязательствомъ согласовать свои мѣры съ конституціею и принятыми ею подъ свою защиту публичными правами гражданъ, равносильно было бы созданію новаго многоголоваго самодержавія, не менѣе опаснаго для свободы, чѣмъ единоголовое.“ Въ бѣдствіяхъ народа отъ неограниченной власти повинны, какъ говорилъ Б. Констанъ, не носители власти, а самая безпредѣльность ея; поэтому-то, по мнѣнію Ковалевскаго, опасенъ для личной свободы и однопалатный парламентъ: „деспотизмъ воз-

моженъ всюду, гдѣ власть остается неограниченною". (Стен. отч. Гос. Думы 1-го созыва, 107.)

Какъ же ограничить власть, какъ оградить личную свободу отъ чьего бы то ни было произвола? — Коренная гарантія личной свободы заключается въ господствѣ права. Замѣчательно, что когда Ковалевскій противополагаетъ законъ произволу, то онъ цѣнитъ въ законѣ не его организаціонную функцію, регулирующую общественную жизнь, не уравнительную его функцію, какъ общаго для всѣхъ правила, не централизующую его мощь, нивелирующую мѣстныя и личныя особенности и стягивающую единый и полновластный народъ вокругъ одного центра, а прежде всего гарантію личности отъ произвола власти. Какъ нравственный человѣкъ связанъ своими принципами при разрѣшеніи конкретныхъ вопросовъ, а не рѣшаетъ ихъ каждый разъ въ зависимости отъ своего интереса или потребности, такъ и государство, издавая законъ, тѣмъ самымъ заявляетъ правило своего будущаго поведенія, связываетъ себѣ руки и очерчиваетъ вокругъ личности волшебный кругъ, запретный для вторженія власти и даже для самаго закона.

Въ самомъ дѣлѣ, каково, по Ковалевскому, отношеніе закона къ личнымъ правамъ? — Оно таково, что „закону личность обязана своею относительною автономіею", и потому-то въ Англіи господство закона „обезпечиваетъ ея гражданамъ пользованіе личными правами"; но это обезпеченіе личныхъ правъ дѣйствительно, благодаря судамъ, только противъ администраціи, а не противъ парламента, который „ежечасно вправѣ принять мѣры къ упраздненію личныхъ вольностей". (Ученія о личныхъ правахъ, 37.) Отсюда двойственное отношеніе къ закону: во-первыхъ, признаніе его огромной положительной силы, какъ правового источника автономіи личности и какъ защиты личности отъ произвола власти, и, во-вторыхъ, поиски гарантіи противъ самаго закона, чтобы отнять у него возможность вторгаться въ личныя права. Недовѣріе къ законодательной власти, которое Ковалевскій находитъ въ С.-А. Соедин. Штатахъ, встрѣчаетъ его полное сочувствіе, ибо только здѣсь „за гражданиномъ признается право искать въ судахъ защиты противъ посягательствъ на его личныя права со стороны законодательной власти"; напротивъ, въ Англіи, со временъ судьи Кока, господствуетъ доктрина всемогущества парламента, который, „не знаетъ другого предѣла своему всемогуществу, кромѣ законовъ природы, а потому можетъ измѣнять границы личной автономіи" (Лекціи, II, 95); слѣдовательно, „индивидуальная свобода принята подъ охрану конституціи только въ Соедин. Штатахъ Америки; во всѣхъ же остальныхъ странахъ ея существованіе стоитъ въ зависимости отъ закона" (Общее ко нстит

право, 80, 75—6, 94.) Такимъ образомъ, признавая исключительное общественное значеніе закона, Ковалевскій цѣнитъ его, прежде всего, какъ гарантію личныхъ правъ, и, поскольку считаетъ эту гарантію недостаточною, привѣтствуетъ подчиненіе самого закона, въ интересахъ личной свободы, контролю судебной власти, какъ бы говоря, перефразируя Дюги: „il y a un droit contre la loi“.

Чтобы отрѣшиться отъ тривіальнаго законопреклоненія во что бы то ни стало, отъ признанія закона верховной и абсолютной цѣнностью, надо было не только быть въ теченіе ряда лѣтъ законодателемъ великой страны, когда критическое отношеніе къ закону есть легальная обязанность, а не мятежное право, — но еще и имѣть то рѣдкое чувство научной мѣры, которое въ такой счастливой степени было свойственно Ковалевскому. Преклоняясь предъ принципомъ права, онъ свободенъ отъ того правового фанатизма, который замѣняетъ изслѣдованіе догматомъ, и рѣшаетъ вопросы въ порядкѣ воли, а не разума, по принципу: Cogito quia volo.

Это живое пониманіе дѣйствительности заставило Ковалевскаго рѣшительно возстать противъ созданія закона въ такой области, гдѣ онъ ему представлялся лишнимъ: въ первой Госуд. Думѣ онъ выступилъ противъ законопроекта о правѣ собраній единственно потому, что, вслѣдъ за Дайси, выводилъ это право изъ двухъ болѣе элементарныхъ правъ — свободы перемѣщенія и свободы рѣчи; а такъ какъ эти два права не нуждаются въ законодательной санкціи, то и сумма ихъ этой санкціи не требуетъ. Не останавливаясь на этомъ вопросѣ по существу, не защищая и не отвергая правильнаго воззрѣнія, мы можемъ здѣсь лишь подчеркнуть, что и въ данномъ вопросѣ законъ для Ковалевскаго былъ только средствомъ для той же цѣли: разъ средство оказывалось сомнительнымъ для цѣлей личной свободы, онъ отвергалъ его, какъ порожденіе „традиціи и практики государства, все опекающаго, за всѣмъ слѣдящаго, все предупреждающаго“, какъ угрозу для „дорогого“ ему принципа свободы собраній, „представляющаго необходимый коррективъ ко всякаго рода несовершенствамъ конституціи“ (Стен. отч. Госуд. Думы, 1459—60).

Въ высшей степени типично для Ковалевскаго исканіе гарантій личной свободы. Его мысль, вѣчно обращенная при рѣшеніи политическихъ задачъ къ защитѣ личныхъ правъ, заставляла его вездѣ и всюду искать, точно ли позаботились о защитѣ того или другого „дорогого“ ему права. Въ деклараціи правъ 1789 г. онъ отмѣчаетъ пробѣлъ: она „не говоритъ о правѣ ассоціацій, правѣ, которое есть не болѣе, какъ одна изъ формъ самоопредѣленія лич-

ности“ (Лекціи, II, 62), т. е. онъ выводитъ право союзовъ изъ той же идеи личнаго самоопредѣленія, которая лежитъ въ основѣ неприкосновенности личности и всѣхъ другихъ правъ личной свободы Въ проектѣ отвѣтнаго адреса первой Гос. Думы онъ открываетъ другой пробѣлъ: „Въ числѣ необходимыхъ свободъ, которыя должны быть обезпечены, вы, какъ мнѣ кажется, напрасно опустили одну свободу петицій, подаваемыхъ на имя Гос. Думы; свобода петицій есть именно та свобода, благодаря которой англичанамъ удалось превратить свой аристократическій строй въ демократическій“ (Стен. отч., 108).

Для Ковалевскаго и характеръ правового государства опредѣляется въ значительной мѣрѣ отношеніемъ государства къ личнымъ правамъ, и именно здѣсь „государственная опека надъ личностью носитъ характеръ не столько предупрежденія, сколько пресѣченія полицейская отвѣтственность замѣняется судебною“ (Лич. права, 9). Вѣрный духу своего ученія, Ковалевскій придавалъ такое исключительное значеніе гарантіямъ личной свободы, что, можно сказать, силою этихъ гарантій онъ измѣрялъ степень совершенства даннаго государственнаго порядка; для него это былъ самый яркій симптомъ, самый показательный реактивъ. Въ первую голову, онъ, конечно, изслѣдуетъ, достаточно ли обезпечена въ данномъ правопорядкѣ отвѣтственность должностныхъ лицъ за нарушенія индивидуальной свободы. Не удовлетворенный съ этой точки зрѣнія французскою постановкою административной юстиціи, онъ всѣ свои симпатіи отдаетъ англійской системѣ отвѣтственности чиновниковъ по общему праву предъ общими несмѣняемыми судами, — такъ какъ эта система сосредоточиваетъ свое вниманіе не на законности административнаго акта, а на отвѣтственности должностнаго лица и въ силу этого даетъ наибольшую „гарантію признанія т. н. личныхъ правъ“, даетъ возможность „призыва въ судъ всякаго, кто бы онъ ни былъ“, за противозаконныя дѣйствія, поражающія личное право (Лич. права, 36, 12.)

На иномъ фундаментѣ строитъ Ковалевскій отвѣтственность министровъ. Конечно, ихъ юридическая отвѣтственность за противозаконныя дѣянія должна строиться такъ же, какъ и отвѣтственность другихъ чиновниковъ, т. е. поскольку министръ—чиновникъ, смыслъ его отвѣтственности тотъ же, что и другихъ чиновниковъ; главная цѣль этой отвѣтственности — огражденіе гражданъ отъ личнаго чиновничьяго произвола и охрана закона, какъ гарантіи личной свободы. Но смыслъ политической отвѣтственности министровъ совершенно иной: при парламентарномъ ежимѣ министерство есть не столько законопослушное собраніе

отдѣльныхъ чиновниковъ, сколько исполнительный комитетъ парламента, т. е. министерство является активной миніатюрой парламента, и постольку оно не можетъ ограничиваться однимъ исполненіемъ дѣйствующаго закона, а обязано проявлять творческую инициативу руководства всею національною жизнью подъ контролемъ парламента и въ согласіи съ волею народа. Въ такомъ случаѣ министерство есть не что иное, какъ органъ самоуправленія народа, такой же, какъ и парламентъ. Если въ основу государственнаго порядка кладется самоопредѣленіе личности, то изъ этого прямо вытекаетъ, что и сумма всѣхъ самоопредѣляющихся личностей не можетъ быть лишена того права самоопредѣленія, которое принадлежитъ отдѣльной личности. Другими словами, самоопредѣленіе личности неизбѣжно влечетъ за собою самоопредѣленіе общества и его самоуправленіе, въ лицѣ его довѣренныхъ органовъ — парламента и министерства, какъ осуществителей парламентской воли. По опредѣленію Ковалевскаго, существо парламентарной монархіи въ томъ, что это есть „подъ верховенствомъ короля самоуправленіе народа чрезъ посредство его представителей, поставляющихъ ему (народу) одинаково и законодателей и министровъ" (Лекціи, I, 358). Очевидно также, что такія же права самоуправленія имѣетъ и всякая соціально-организованная сумма гражданъ: община, округъ, провинція... „Если прибавить, говоритъ Ковалевскій, характеризуя англійскій государственный строй, что основу этого самоуправленія на верхахъ, составляетъ самоуправленіе низшихъ общественныхъ союзовъ", общинъ, городовъ и графствъ, „то можно сказать, что снизу доверху англійское общество призывается къ завѣдыванію своими судьбами", а если присоединить сюда еще монстръ-митинги и монстръ-петиціи, то окажется, что „при парламентскомъ образѣ правленія нація всецѣло овладѣваетъ своими судьбами" (Лекціи, I, 359).

Любопытно, однако, что отвѣтственность министровъ предъ парламентомъ обосновывается не только интересами самоопредѣленія націи, но и непосредственными интересами личной свободы, даже личной безопасности. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтственность министровъ нужна и въ интересахъ единства государственной политики, внутренней и внѣшней, страдающей отъ двоевластія; необходима эта отвѣтственность и для устраненія вліянія группового или сословнаго интереса знати, диктующаго общегосударственную политику. Есть еще другая опасность, менѣе видная, но болѣе угрожающая: она заключается въ томъ, что гдѣ нѣтъ публично отвѣтственной предъ обществомъ власти, тамъ зарождаются и получаютъ опасную силу „безотвѣтственныя вліянія", подъ дѣйствіемъ

которыхъ государство, подобно человѣку съ завязанными глазами, можетъ быть приведено къ гибели, ибо тогда уже ни общее благо, ни личная безопасность не защищены ничѣмъ. „Какія-то невѣдомыя, говорилъ Ковалевскій въ первой Думѣ, тайныя силы, гдѣ-то, но очень близко къ столицѣ и резиденціи, руководятъ извѣстною стороною нашей внутренней политики, подготовляя такіе сюрпризы, какъ бѣлостокскій погромъ и событія въ Эриванской губерніи, которыхъ мы являемся свидѣтелями". — „Если бы у насъ существовала эта политическая отвѣтственность (министровъ), главѣ правительства нечего было бы ссылаться на тотъ фактъ, что тѣ или другія произвольныя дѣйствія, засаживанія въ тюрьмы, административныя ссылки и т. д. были произведены при немъ, вопреки его волѣ, подчиненными ему лицами" (Стен. отч., 159), — не пришлось бы потому, что подлежащій отвѣтственности министръ понесъ бы законную отвѣтственность за допущенныя имъ нарушенія личной свободы. Между тѣмъ теперь безотвѣтственность власти ведетъ къ тому, что судьба отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ становится игрушкою въ безвѣстныхъ рукахъ, что въ любой моментъ самоопредѣленію общества и его членовъ, даже ихъ безопасности и существованію могутъ быть нанесены непоправимые, смертельные удары". Вотъ почему такъ отстаивалъ Ковалевскій свою мысль, что „парламентскій образъ правленія въ Россіи необходимъ" (Стен. отч. Гос. Думы, 106).

Такимъ образомъ, рядъ главнѣйшихъ, рѣшающихъ пунктовъ, изъ которыхъ исходитъ современное правовое государство — личныя права, раздѣленіе властей, господство права, гарантіи конституціи, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ, свободное мѣстное самоуправленіе, двупалатная система и парламентаризмъ, — все это основано у Ковалевскаго на идеѣ самоопредѣленія личности. Даже такіе спеціальные институты, какъ право парламентскаго запроса, обосновывается имъ не только какъ гарантія закономѣрнаго поведенія агентовъ правительства, но и какъ гарантія личности отъ произвола и насилія власти: „право запроса по законамъ 6 августа и 20 февраля является не болѣе, какъ насмѣшкою надъ народными представителями"; „вѣдь право запроса существуетъ для того, чтобы имѣть возможность сразу положить конецъ произволу, насилію и нерадѣнію властей" (Стен. отч., 106). Самая закономѣрность, которую стремится обезпечить право запроса, дорога и важна прежде всего „увѣренностью, что мы можемъ подвергнуться тѣмъ или инымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ только въ случаѣ нарушенія закона, а не по соображеніямъ о государственныхъ пользахъ и нуждахъ, которыя могутъ быть одни въ Ялтѣ,

другіе въ Петроградѣ, одни въ Вологдѣ, другіе въ Москвѣ". (Стен. отч. Госуд. Совѣта, 1907/8, стр. 840.) Подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія разсматриваетъ онъ и отличіе конституціоннаго закона отъ обыкновеннаго: въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ парламентъ не можетъ нарушить своими законами основныя личныя права, ибо ихъ защищаетъ конституція, неотмѣнимая обыкновенными парламентскими законами, а такъ какъ въ Англіи этого отличія не существуетъ, то здѣсь „отъ парламента зависитъ упразднить, — буде онъ того пожелаетъ, — всякіе слѣды личной свободы" (Берджессъ).

II.

Такъ намѣчаются основныя линіи того проникнутаго единствомъ рисунка, въ который складываются политическія идеи Ковалевскаго въ ихъ чисто догматическомъ освѣщеніи. Но не менѣе блеска, силы и единства далъ Ковалевскій и историческому освѣщенію своихъ идей, — въ особенности, своимъ мыслямъ о монархіи, народномъ суверенитетѣ и національности.

Каково его отношеніе къ монархіи? На этотъ вопросъ нельзя дать односложнаго отвѣта. Ковалевскій, несомнѣнно, цѣнилъ и высоко ставилъ республиканскія учрежденія уже потому, что здѣсь самоопредѣленіе народа не встрѣчаетъ, въ идеѣ, никакихъ ограниченій и искаженій. Но, читая у него исторію угасанія Флорентійской республики въ XV и XIV вв. (Отъ народоправства, I, 365 сл.), нельзя не видѣть, что онъ рѣзко отличалъ отвлеченный правовой принципъ отъ его конкретнаго политическаго содержанія, и какъ ни осуждаетъ онъ деспотизмъ, ведущій къ порабощенію личности, классовый республиканизмъ, устраняющій отъ политическаго равноправія цѣлыя части общества, экономически порабощенныя, встрѣчаетъ въ немъ не больше симпатіи. Въ итальянскихъ городскихъ республикахъ среднихъ вѣковъ онъ устанавливаетъ „тѣсную зависимость народнаго недовольства отъ классоваго характера правительства — недовольства, поведшаго къ установленію тираніи" — въ особенности, во Флоренціи XIV в., ибо popolo minuto, простой народъ, получалъ поддержку своихъ интересовъ, „не отъ выборныхъ властей республики, а отъ временно упрочившихся въ ней тирановъ"; а цеховая олигархія не только не удовлетворила „справедливыхъ требованій массы рабочаго люда на раздѣлъ власти съ буржуазіею", но самое возстаніе этого люда, такъ наз. Чіомпи (чернорабочихъ-суконщиковъ), въ 1378 г. „подавлено было въ крови" (Отъ народоправства, I, 365—366).

Эти факты и побудили Ковалевскаго къ внимательному ана-

ливу того политическаго инстинкта, который толкалъ неимущихъ въ городскихъ республикахъ на сочувствіе самодержавію во внутренней политикѣ и на равнодушіе къ утратѣ республиканской независимости во внѣ, хотя бы и въ пользу самодержавнѣйшаго государя. Въ результатѣ этого протеста противъ неравенства правъ въ республикѣ является равенство въ безправіи при абсолютизмѣ, — но неимущими движетъ надежда на то, что безграничность классоваго господства при самодержавіи ослабѣетъ, такъ какъ абсолютизмъ не терпитъ классоваго полновластія. Зная, какъ отрицательно Ковалевскій относится къ полновластію какого бы то ни было лица, физическаго или юридическаго, легко понять, почему классовая республика, будь то средневѣковая Флоренція или Венеція, или такъ наз. республика съ монархическими учрежденіями, какъ современная Франція, встрѣчаютъ у него меньше симпатіи, чѣмъ такая монархія съ республиканскими учрежденіями, какъ Англія, и прежде всего потому, что личная свобода въ Англіи болѣе обезпечена, чѣмъ во Франціи; но сѣверо-американская республика еще больше привлекаетъ къ себѣ его сочувствіе, ибо здѣсь личная свобода еще болѣе гарантирована, чѣмъ въ Англіи. Онъ какъ будто хочетъ сказать намъ, что его своеобразный эмпирическій идеалъ составленъ изъ ряда наилучшихъ учрежденій, встрѣчаемыхъ имъ въ лучшихъ странахъ Запада: если бы это было возможно, онъ взялъ бы для своего идеальнаго строя конституціонныя гарантіи личной свободы изъ Соединенныхъ Штатовъ, мѣстное самоуправленіе у Англіи, всеобщее избирательное право во Франціи и т. д. Съ этой точки зрѣнія и республиканская форма правленія, какъ всякая форма, еще не предрѣшаетъ своего содержанія: между тѣмъ, для Ковалевскаго важно именно это содержаніе, возможность для народа, въ его цѣломъ и частяхъ, овладѣть своею судьбою, т. е. самоопредѣленіе народа, и только наличностью этого признака опредѣляется его отношеніе къ данному государственному порядку (ср. его выводы изъ ученій Спинозы и Монтескье, Отъ народоправства, II, 476; III, 134; Происхожденіе совр. демократіи, ч. III—IV, 362—416).

Такое же чисто-историческое отношеніе мы встрѣчаемъ у Ковалевскаго къ принципу народнаго суверенитета. Мы видѣли, какъ цѣнитъ онъ начало народнаго самоопредѣленія, но мы видѣли также, что оно вытекаетъ у него изъ свободы личнаго самоопредѣленія. Отсюда легко заключить, что народное самоопредѣленіе, какъ вторичный, производный моментъ — не можетъ стать выше личнаго самоопредѣленія, какъ первичнаго момента, изъ котораго оно выведено и которое даетъ ему жизнь. Поэтому, когда органы коллек-

тива, какъ какого-то особаго отвлеченнаго существа, отличнаго отъ суммы его частей, начинаютъ заявлять требованія, противныя интересамъ и жизненнымъ цѣлямъ этихъ реальныхъ частей, тогда мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то обманомъ или насиліемъ: въ силу своеобразнаго правового оптимизма, Ковалевскій не допускалъ здѣсь противорѣчія, а если бы оно оказалось, то разрѣшеніе должно быть въ пользу личной свободы. Слѣдуя Б. Констану, повторявшему въ этомъ случаѣ Локка, Ковалевскій писалъ: „Нельзя считать все дозволеннымъ для власти, даже осуществляемой всѣмъ народомъ или его именемъ", будь то французскій конвентъ 1793 г. или англійскій парламентъ 1649 г., и этимъ положеніемъ опредѣляется его отношеніе къ принципу народнаго суверенитета: признаніе его, какъ права народа на самоопредѣленіе, и отрицаніе его, какъ основы для насильственной диктатуры государства, попирающей всѣ гарантіи личной свободы.

Подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, т. е. угломъ зрѣнія исторіи, а не догмы, разсматриваетъ Ковалевскій вопросъ о національныхъ, сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ различіяхъ въ правѣ. Для него это — вопросъ историческаго преуспѣянія или отсталости даннаго общества, вопросъ степени зрѣлости и роста личности. Разбирая этотъ вопросъ подъ знакомъ исторіи и соціологіи, онъ исходитъ изъ мысли, что превращеніе родовой организаціи въ національную, а національной въ государственную — есть не что иное, какъ „расширеніе той замиренной среды, въ которой начало соперничества смѣняется проявленіемъ солидарности" (Лекціи, II, 104), — среды, въ которой медленно и постепенно „вырабатывается идея братства между людьми, братства не во Христѣ или Магометѣ, но въ силу одного факта принадлежности къ числу существъ, одаренныхъ мыслью и словомъ; это — сознаніе связи, вслѣдствіе принадлежности къ одной семьѣ, родинѣ и человѣчеству, — таковы послѣдовательныя ступени эволюціи чувства солидарности" (Droit comparé, 121). Да и безполезно хранить національныя перегородки, ибо исторически немыслимы застывшія въ своихъ замкнутыхъ рамкахъ національности: „ни одна изъ нихъ не сумѣла сохранить своей первоначальной однородности; возьмите Индію, Персію, Грецію, Римъ, славянскія и кельтійскія государства — всѣ они стали активными факторами человѣческаго прогресса, только соприкоснувшись съ отличными отъ нихъ расами" (Droit comparé, 135).

Съ этой точки зрѣнія національныя и исповѣдныя отличія означаютъ для даннаго народа еще не превзойденную имъ ступень своего развитія: эти отличія часто поддерживаются искусственно государствомъ и заслуживаютъ осужденія уже потому, что рознь на-

ціональная „препятствуетъ упроченію политической свободы", а рознь сословная „искусственно воздвигаетъ перегородки между дѣтьми одной родины" (Лекціи, II, 36). Эта двоякая рознь, конечно, разрушаетъ узы солидарности и ужъ постольку ослабляетъ личность, но главное — она противорѣчитъ принципу гражданскаго равенства, изъ котораго прежде всего вытекаетъ право каждой личности, независимо отъ націи и сословія, на свободное самоопредѣленіе. Тамъ, гдѣ нѣтъ гражданскаго равенства, немыслимо цѣлостное проведеніе коренного и главнѣйшаго для Ковалевскаго начала — свободы личнаго самоопредѣленія: принадлежность къ націи и сословію наслѣдственно и черезъ рядъ поколѣній, связываетъ и предрѣшаетъ это самоопредѣленіе, о свободѣ котораго уже не можетъ быть рѣчи. Когда Ковалевскій говорилъ въ первой Гос. Думѣ о способахъ обезпеченія гражданскаго равенства въ Россіи, онъ привѣтствовалъ „дождь законопроектовъ объ отмѣнѣ сословности въ Россіи, объ уравненіи въ правахъ національностей и вѣроисповѣданій и т. д." (Стен. отч., 1050); онъ говорилъ тогда же, касаясь страннаго для него еврейскаго вопроса: „Мы должны разъ навсегда заявить, что всѣ граждане русскіе — наши братья, что мы всѣ стоимъ другъ за друга, какъ одинъ человѣкъ". Такъ, принципъ національнаго, вѣроисповѣднаго и сословнаго равенства является для Ковалевскаго однимъ изъ коренныхъ основаній не только научнаго, но и политическаго его credo: онъ вытекаетъ изъ начала самоопредѣленія личности и свободы ея духа.

На разсмотрѣнныхъ выше принципахъ народнаго суверенитета, монархическаго порядка и національнаго равенства легко видѣть своеобразный оттѣнокъ его наиболѣе мощнаго научнаго интереса — его историзма: къ служенію своей любимой идеѣ онъ сумѣлъ привлечь и исторію; онъ съ особымъ интересомъ искалъ въ ней путей и принциповъ, обезпечивающихъ самоопредѣленіе личности, ея свободу отъ внѣшняго гнета учрежденій и историческаго рока. У него историческій методъ — не орудіе политическаго консерватизма, средство остановить реформаторскій порывъ доказательствами, сколь древне, неискоренимо и вѣчно данное учрежденіе, — а, наоборотъ, исторія для него средство доказательства того, что данныя учрежденія или идеи, порожденныя конкретными историческими условіями и обстоятельствами, съ отмираніемъ этихъ условій, съ перемѣною этихъ обстоятельствъ, должны также перемѣниться или отмереть. Исторія давала ему паѳосъ осужденія существующихъ несовершенствъ и глубокую увѣренность въ ихъ неизбѣжной гибели, — увѣренность, которую можно сравнить съ безспорностью въ логикѣ того положенія, что нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Здѣсь, въ этомъ историзмѣ, лежитъ источникъ глубокаго политическаго оптимизма Ковалевскаго, его увѣренности, что „la raison finira par avoir raison", и его неизмѣннаго, ничѣмъ непоколебимаго прогрессивнаго настроенія; здѣсь онъ черпалъ вѣру въ растущую мощь личности, освобождаемой силою самого историческаго процесса отъ узъ семейнаго, племенного и государственнаго начала, отъ опеки этихъ союзовъ надъ ея жизнью и стремленіями, отъ чьихъ бы то ни было покушеній на свободу ея самоопредѣленія. Онъ вѣрилъ въ эту освобождающую мощь историческаго процесса и въ творческую силу свободнаго личнаго самоопредѣленія: внутреннія, органическія начала общественнаго развитія, основанныя на личной свободѣ и не искаженныя никакими насильственными задержками и поворотами государственной политики, — вотъ основа его общественныхъ надеждъ и стремленій. Но онъ осуждалъ въ то же время равнодушіе государства къ ходу національнаго развитія, онъ не признавалъ такъ наз. манчестерскихъ идей: нѣтъ, государство должно поддерживать и укрѣплять безпрепятственный органическій ростъ живыхъ и творческихъ элементовъ общества, живыя силы національнаго труда и могучія средства національнаго объединенія и общенія; съ другой стороны, государство, которое становится поперекъ развитію своего народа, вызываетъ самые живые, самые сильные его протесты.

Любопытно однако, что при всей его вѣрѣ въ органическіе элементы національнаго развитія, онъ съ особенною любовью и интересомъ останавливался именно на такихъ критическихъ моментахъ этого развитія, какъ революціи 1649 г. въ Англіи и 1789 г. во Франціи, — можетъ быть, потому, что въ эти періоды твердѣла и крѣпла его главная идея свободной человѣческой личности. Но важнѣе здѣсь другой моментъ. Вспомнимъ, что историзмъ Ковалевскаго прямо противоположенъ историзму исторической школы, какъ радикализмъ противоположенъ консерватизму; такъ же и органическія воззрѣнія Ковалевскаго прямо противоположны ученіямъ органической школы. Онъ будто говоритъ намъ: невѣрно что различныя части общества, какъ органы тѣла, имѣютъ одно разъ навсегда предопредѣленное назначеніе, вслѣдствіе чего и все общество представляется какъ бы своеобразнымъ организмомъ съ навѣки установленными функціями его частей, т. е. соціальныхъ группъ, какъ тому учитъ органическая школа; наоборотъ, неотвратимый, стихійный процессъ органическаго развитія общества неизбѣжно приводитъ его къ такимъ глубокимъ измѣненіямъ, которыя не могутъ быть остановлены или возвращены назадъ по чьей бы то ни было волѣ, и если ихъ свободному ходу создаются препятствія,

то неудержимый историческій потокъ, не найдя себѣ естественнаго ложа, насильственно прорываетъ себѣ русло и течетъ дальше. Это значитъ, что всякое препятствіе, воздвигаемое по пути развитія личной и общественной свободы, не только неправильно по мотиву, но и безцѣльно по результату. Если бы эта мысль не составляла рѣшающаго элемента въ историческихъ и систематическихъ воззрѣніяхъ Ковалевскаго, если бы онъ не вѣрилъ въ силу самоопредѣляющейся личности, возстающей противъ своихъ гонителей, онъ не далъ бы намъ замѣчательнаго портрета знаменитаго левеллера Джона Лильборна; если бы онъ не вѣрилъ въ побѣду самоопредѣленія общества надъ гнетомъ автократіи, онъ не далъ бы намъ классическихъ страницъ, посвященныхъ обѣимъ первымъ революціямъ Англіи и Франціи.

Освѣщенныя яркимъ свѣтомъ его подлиннаго, глубокаго проникновенія въ эпоху, эти страницы читаются съ огромнымъ интересомъ еще и потому, что въ авторѣ неизмѣнно чувствуется судья въ спорѣ двухъ эпохъ, двухъ міровъ, двухъ міропріятій, а вѣдь, какъ онъ самъ однажды выразился, что же такое ученый, какъ не судья въ спорѣ? Эта черта сыграла рѣшающую роль въ другомъ интересномъ и большомъ вопросѣ. Не разъ, и устно и въ работахъ своихъ, Ковалевскій нападалъ на партійность, съ особымъ сочувствіемъ указывалъ на изслѣдованіе М. Я. Острогорскаго о партіяхъ и подчеркивалъ, съ точки зрѣнія своей основной идеи — свободы личнаго самоопредѣленія, — весь вредъ партійнаго гнета надъ личностью, надъ свободою и независимостью ея мнѣній. Онъ признавалъ либо такія органическія, историческія партіи, какъ нидерландскіе „гезы", англійскіе „круглоголовые", французскіе „санкюлоты, — либо возникающія въ отношеніи къ данному правительству соединенія, гдѣ личность не поглощается задачами партіи на всю жизнь или значительную ея часть, а сохраняетъ силу вступать одновременно или вслѣдъ за прекращеніемъ временнаго союза въ новое соединеніе. Отнюдь не отвергая партійнаго самоопредѣленія, какъ своеобразнаго, дѣйствительнаго, исторически-оправдываемаго мѣровоззрѣнія, онъ высказывается противъ всякой организаціи искусственной и теоретической, парализующей свободу самоопредѣленія личности, — въ особенности, если эта организація построена не на исторически-необходимой, а на теоретической, произвольной основѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь рѣшающимъ критеріемъ являются свобода личности и потребности ея внутренняго самоопредѣленія. И такъ во всемъ. Для этого достаточно оглянуться на сказанное и подвести итоги.

Мы видѣли, что всѣ права личной свободы Ковалевскій выво-

дитъ изъ свободы самоопредѣленія, ибо тамъ, гдѣ есть свобода личнаго самоопредѣленія, тамъ неизбѣжно будутъ и неприкосновенность личности и жилища, и свобода собраній и союзовъ, и свобода совѣсти и слова, занятій и передвиженія, національное и сословное равенство и всѣ другія формы, средства и условія личнаго и группового самоопредѣленія. Далѣе, ограниченіе всемогущества государства, даже въ лицѣ власти законодательной, ослабленной дѣленіемъ на двѣ палаты, также диктуется требованіями свободы личнаго самоопредѣленія, ибо и законодательная власть можетъ дѣйствовать противозаконно и нарушать личную свободу: надо ограничить ее въ интересахъ личной свободы, и этому служитъ выдѣленіе изъ общаго права конституціонныхъ законовъ, благодаря чему законодательная власть не можетъ касаться личныхъ правъ, находящихся подъ защитою конституціонныхъ законовъ. Начало господства закона и права также означаетъ, прежде всего, рамки, предѣлы, узы, связывающіе произволъ правящихъ въ отношеніи правъ личности; гарантіями противъ правительственнаго произвола въ области индивидуальной свободы являются право запроса, отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ судомъ и политическая отвѣтственность министровъ. Затѣмъ, парламентаризмъ, мѣстное самоуправленіе, національное самоопредѣленіе, двупартійная система, всѣ эти различныя формы самоопредѣленія и самоуправленія общества и его частей вытекаютъ изъ того же начала свободы личнаго самоопредѣленія, ибо то, что дозволено части, дозволено и цѣлому, если при этомъ сохраняется самоопредѣленіе его частей и личная свобода обезпечивается отъ гнета цѣлаго во всѣхъ его формахъ, будь то государство, церковь, нація, сословіе или партія...

III.

Такова политическая концепція Ковалевскаго. Существуетъ ли какая-нибудь связь между нею и личностью ея автора? Несомнѣнно, такая связь — и при томъ очень глубокая — существуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы только что произвели его теоретическую непріязнь къ партіямъ изъ его опасенія, что партіи окажутся покушеніемъ на свободу личнаго самоопредѣленія. Но его непартійность, отчасти продуктъ историческихъ занятій, объясняется еще привычкой вездѣ и всегда чувствовать себя ученымъ и нигдѣ и никогда стороною въ спорѣ. Выступая на диспутѣ по порученію факультета, онъ былъ не оппонентомъ, а судьею, благожелательнымъ и глубокимъ, рѣшеніе котораго едва ли не всегда принималось факультетомъ; являясь на политическій банкетъ, онъ почти никогда

не выступалъ въ защиту какой-либо партіи, говорилъ только отъ себя, а чаще всего былъ самымъ желаннымъ и любимымъ предсѣдателемъ, т. е., по существу, возможнымъ судьею въ спорѣ. На университетской каѳедрѣ партійность не только была чужда его преподаванію, но и настроенію, которое создавалось имъ въ слушателяхъ, хотя онъ обладалъ дивнымъ даромъ увлекать воображеніе въ такой мѣрѣ, что лекціи его всегда были источникомъ глубокаго идейнаго возбужденія. Наконецъ, въ Гос. Совѣтѣ, онъ никогда не могъ стать настоящею стороною въ спорѣ: при наличности несомнѣнно убѣдительнаго слова и красиваго политическаго темперамента, онъ не обладалъ тою способностью останавливаться на чужихъ ошибкахъ и предаваться по этому поводу словеснымъ излишествамъ, которыя необходимы въ извѣстныхъ политическихъ условіяхъ, а былъ скорѣе экспертомъ по конституціоннымъ дѣламъ, — и его не могли вывести изъ равновѣсія никакія колкости его политическихъ противниковъ, не исключая членовъ кабинета и предсѣдателя Гос. Совѣта.

Вездѣ и всюду, на диспутѣ и въ редакціи, на банкетѣ и въ товарищескомъ судѣ, на каѳедрѣ и въ Гос. Совѣтѣ — вездѣ онъ былъ судьею, и никогда — стороною. Удивительно ли, что онъ не могъ стать ни членомъ, ни лидеромъ партіи? „Я другъ той партіи, которая называется партіею народной свободы,— сказалъ онъ въ первой Думѣ, — но я въ то же время сохраняю за собою свободу критики, свободу самостоятельнаго сужденія“ (Стен. отч., 107). И дѣйствительно, онъ и поддерживалъ, и критиковалъ законопроекты этой партіи, и если исключить кратковременное существованіе партіи „демократическихъ реформъ“, весьма небольшой по составу, Ковалевскій не примкнулъ ни къ одной изъ другихъ партій, — можетъ быть потому, что для активной и постоянной партійности необходимо нѣкоторое, условное, ограниченіе поля вниманія. Надо добиться отъ самого себя на данное время и въ предѣлахъ данной исторической задачи извѣстнаго суженія сферы вниманія и интереса: такое самоотреченіе или совмѣщеніе — по плечу не всякому, и это было особенно трудно цѣльному и непосредственному духу Ковалевскаго, съ его необъятными научными интересами и задачами.

Счастливая цѣльность его натуры была такъ велика, что, вдумываясь въ основныя черты его личности, можно легко замѣтить ихъ глубокое соотвѣтствіе съ основными чертами его ученія. Надо помнить, что идея самоопредѣленія личности у него была не отвлеченнымъ логическимъ постулатомъ, а живымъ политическимъ лозунгомъ потому, что онъ истинно уважалъ и любилъ живого, кон-

кретнаго человѣка. Ему было въ исключительной мѣрѣ свойственно одно простое, но дорогое и рѣдкое въ интеллектуальныхъ кругахъ свойство — доброта, т. е. удовольствіе отъ чужой радости, радость отъ чужого счастья, и, въ особенности, удовлетвореніе отъ радости, которой онъ былъ виновникомъ; и при этомъ рѣдкая скупость въ словахъ участія или симпатіи: онъ любилъ во всемъ, чтобы слова не поспѣвали за дѣломъ... Я думаю, что его призваніемъ, прирожденною чертою его личности былъ духъ изслѣдованія, а не учительство: онъ преподавалъ потому, что давать доставляло ему больше радости, чѣмъ брать, — онъ раздавалъ богатства своего духа, страдая только тогда, когда они не были правильно восприняты. Не забуду той грустной ироніи, съ которою онъ замѣтилъ однажды: „Зачѣмъ стремиться къ преподаванію? Вѣдь это значитъ говорить передъ людьми, изъ которыхъ половина васъ не понимаетъ, а другая понимаетъ навыворотъ“. И это говорилъ человѣкъ, преподаваніе котораго имѣло совершенно исключительный успѣхъ не только въ Россіи, но и на Западѣ; такъ глубока была неутомимая жажда его духа одарять, поднимать, просвѣтлять все, къ чему онъ прикасался, и только истинное воспріятіе того, что онъ давалъ, могло бы его удовлетворить.

Если бы мощное дерево, обремененное плодами, могло сознавать и чувствовать, оно переживало бы тѣ мотивы, которые съ такою силою побуждали Ковалевскаго къ преподаванію, учительству въ широкомъ значеніи этого понятія, какъ удачно выразилъ это К. Н. Соколовъ въ своей рѣчи о Ковалевскомъ. И это, конечно, цѣнили, цѣнили ту стихію чистой свободы, которой было одухотворено все его преподаваніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, требованія его были очень высоки, и не разъ, отъ смущенія, ему давались отвѣты, о которыхъ онъ самъ съ особымъ юморомъ умѣлъ разсказывать. „На мой вопросъ, въ чемъ заключаются гарантіи личной свободы въ Англіи, я получилъ однажды отвѣтъ: — въ томъ, что ни одинъ англичанинъ не можетъ быть арестованъ безъ его собственнаго согласія“. Такъ, иногда шутя, иногда съ истиннымъ огорченіемъ относился Ковалевскій къ шипамъ преподаванія.

Такія же смѣшанныя чувства, смягченныя его неповторимымъ юморомъ, испытывалъ онъ и въ Гос. Совѣтѣ, гдѣ однако ему не разъ приходилось, при всей сдержанности и незлобивости его натуры, очень тяжело. Вотъ классическій діалогъ. Въ теченіе рѣчи Ковалевскій приводитъ историческую справку. Предсѣдатель: „Позвольте васъ просить не упоминать ни о французской коммунѣ, ни о французскомъ террорѣ“. Ковалевскій: „Я только съ осужденіемъ“. Предсѣдатель: „Если вы желаете

говорить по вопросу, то оставайтесь въ рамкахъ, въ которыя онъ вложенъ. Высокое собраніе не нуждается въ лекціяхъ". Ковалевскій: „Я совершенно подчиняюсь распоряженіямъ предсѣдателя". Предсѣдатель: „Покорнѣйше прошу подчиниться безусловно моему распоряженію. Не угодно ли продолжать". Ковалевскій цитируетъ Б. Констана, отвергающаго мотивъ общественнаго блага, какъ оправданіе для нарушенія закона. Предсѣдатель: „Вы опять продолжаете свое. Если вы не подчинитесь моему распоряженію, я васъ лишу слова" и т. д. (Стен. отч. Госуд. Совѣта, 1907/1908, зас. 28 марта 1908 г.).

„Barbarus sum iis quia non intelligor ab illis!"

могъ бы только отвѣтить Ковалевскій, если бы не былъ до того лишенъ слова. Только безграничная вѣра въ общественное значеніе своей работы, потребность излучать свѣтъ знанія и глубокій общественный оптимизмъ Ковалевскаго давали ему силу не только для работы въ такихъ условіяхъ, но еще и для его дивнаго искусства заражать другихъ своимъ оптимизмомъ. Дѣйствительно, у каждаго человѣка есть своя, ему свойственная мелодія рѣчи, извѣстный ритмъ и темпъ; есть мелодіи тривіальныя, есть трогающія до глубины души. У Ковалевскаго былъ изумительный голосъ, — истинный „голосъ, шуму водъ подобный", и секретъ успѣха этого голоса — та бодрящая мелодія, которая ему была свойственна; мелодія его фразы всегда поднимала, ободряла и давала надежду. Конечно, это было результатомъ его необыкновенной не только умственной, но и душевной одаренности, ибо убѣдить значитъ склонить не только разсудокъ, но и волю, заставить не только знать, но и вѣрить. Но больше всего это бодрящее дѣйствіе его рѣчей и бесѣдъ зависѣло все отъ той же глубокой потребности его духа одарять, передавать свои душевныя цѣнности, какъ можно, шире, полнѣе, не считая.

Въ этомъ отношеніи, поразительна была его способность входить во всѣ личныя обстоятельства человѣка. Когда была издана, (точнѣе — воспроизведена) въ 1908 г. конституція Турціи, у меня возникло намѣреніе заняться нѣкоторыми ея особенностями, но онъ удержалъ меня шутливыми словами: „Въ лучшемъ случаѣ вы прослывете знатокомъ турецкой конституціи. Дастъ ли это вамъ удовлетвореніе?"

Вниманіе, симпатія къ человѣку, какъ таковому, порождали въ немъ другое свойство: у него была необыкновенная простота, не какъ примитивная элементарность, а какъ побѣжденная сложность, и она давала ему исключительную способность говорить о самыхъ сложныхъ предметахъ, не упрощая сложнаго и

не усложняя простого; и эта простота дѣлала въ высшей степени естественнымъ его демократизмъ, — непритворный, ненадуманный, основанный на глубокомъ чувствѣ равенства и уваженіи къ человѣку. А это рѣдкое чувство давало ему возможность понимать самыя противоположныя воззрѣнія и настроенія: въ немъ не было ограниченности человѣка опредѣленной вѣры, — и если такое невѣріе нехорошо, то съ нимъ связана способность пониманія всякой другой вѣры. „Вы стоите на границѣ двухъ міровъ, стараго и новаго", — сказалъ ему однажды человѣкъ, хорошо его знавшій, разумѣя аристократизмъ его натуры и демократизмъ его воззрѣній.

Его простота, прямота, отвращеніе къ кривымъ путямъ, ко всякой искусственности, его любовь къ яснымъ, прямымъ и чистымъ линіямъ въ наукѣ и въ личныхъ отношеніяхъ дѣлали его одною изъ самыхъ обаятельныхъ индивидуальностей своего времени. Разрѣшая мнѣ посвятить ему свою книгу о чрезвычайномъ указѣ, написанную по его побужденію, онъ прибавилъ условіе: „если не находите достойнѣйшаго". Его радушіе, терпимость и пониманіе чужой идеологіи, вопреки парадоксу Мопасана „personne ne comprend personne!" — его способность переживать человѣка, какъ неповторимое и недѣлимое цѣлое, дѣлали изъ его небольшого, многимъ здѣсь памятнаго кабинета на Моховой центръ, гдѣ встрѣчались люди всѣхъ политическихъ оттѣнковъ, отъ умѣреннѣйшаго члена Гос. Совѣта до самаго яркаго сотрудника „Русскаго Богатства".

Возможно, что именно эта способность Ковалевскаго быть центромъ, организующимъ и объединяющимъ вокругъ себя общественныя силы, и послужила одною изъ причинъ его долгаго плѣна у австрійцевъ, гдѣ ему пришлось, по словамъ А. Ѳ. Кони, „быть заподозрѣннымъ въ панславистскомъ коварствѣ" и гдѣ онъ на печальномъ опытѣ почувствовалъ тяжелую руку государства, упраздняющаго, во имя государственной необходимости, личную свободу, — живой символъ того порядка идей, противъ котораго онъ всю жизнь боролся... Опасенія австрійскаго правительства были основательны: едва вернулся онъ въ Россію, какъ немедленно сталъ тѣмъ сильнымъ организующимъ центромъ, котораго такъ опасались его противники и которымъ онъ былъ для своихъ друзей. Не внѣшнія событія, не война, которая создаетъ героевъ, сдѣлали его такимъ центромъ: это сдѣлала все та же его широкая открытая натура, его истинная любовь къ людямъ, его желаніе облегчить, устроить, помочь, гдѣ и какъ только можно.

Та же любовь и симпатія къ людямъ влекли за собою его рѣдкую снисходительность въ личныхъ оцѣнкахъ и часто побуждали его возвышать голосъ въ защиту того, кто въ ней нуждался, и это

дѣлалось легко, сердечно, просто, часто шутя и всегда отъ души.

„Однажды, разсказывалъ онъ, въ факультетѣ пришлось мнѣ слышать о диссертаціи молодого ученаго не вполнѣ благопріятный отзывъ, основанный на томъ, что въ ней мало оригинальнаго. Я замѣтилъ тогда, что вѣдь вообще со временъ Аристотеля не было высказано абсолютно новыхъ идей въ государствовѣдѣніи“. Обаяніе его привѣтливости, — какъ и всякой, впрочемъ, было въ томъ, что въ ней свѣтилась его доброта, и несмотря на скептическія ноты въ воззрѣніяхъ, его безмѣрная доброта, его жажда блага людямъ побуждала его вѣчно искать положительныхъ, творческихъ, созидательныхъ началъ жизни и углублять во всякомъ общемъ дѣлѣ моменты сотрудничества, а не соперничества, солидарности, а не конфликта, — и, въ особенности, стремился онъ вездѣ и всюду находить шансы побѣды любимыхъ имъ началъ личнаго и общественнаго самоопредѣленія надъ насильственнымъ внѣшнимъ вмѣшательствомъ, такъ какъ онъ истинно вѣрилъ въ способность свободнаго человѣка самостоятельно организовать свою жизнь и разрѣшать свои жизненныя задачи.

Въ его добротѣ, любви къ человѣку, довѣріи къ его силамъ лежатъ источники и его теоретическаго credo, и его практическаго, бодрящаго оптимизма, его неутомимой общественной дѣятельности, его способности быть центромъ общенія, его привѣтливости и терпимости, его простоты, прямоты, естественности, и его исключительнаго миролюбія. При всѣхъ своихъ необъятныхъ знаніяхъ, онъ рѣдко вступалъ въ далекій споръ; нѣсколько короткихъ замѣчаній — и достаточно; и это потому, что онъ не любилъ чувствовать себя спорящею стороною. Я помню, какъ однажды, вышучивая тяготѣніе людей къ спору и къ немедленному занятію опредѣленной спорной позиціи, онъ замѣтилъ: „вѣдь даже читая какого-нибудь автора, мы стараемся непремѣнно съ нимъ не согласиться“, т. е. удерживаемъ изъ книги только то, чему не сумѣли противопоставить ничего своего, хотя бы наша побѣдившая мысль была хуже чужой, побѣжденной.

Онъ вообще не могъ понять настаиванія на какой-нибудь частности своихъ воззрѣній: этому противилась широта, щедрость, размахъ его натуры; онъ не понималъ удовлетворенія отъ исключительнаго пользованія конструктивнымъ методомъ, не постигалъ радости отъ терзанія буквы закона до забвенія его духа, цѣли и причины; въ немъ было какое-то великолѣпное отсутствіе минимальной научной мелочности, ибо не изъ мелкихъ, едва уловимыхъ и исключительно правовыхъ элементовъ создавалъ онъ свои выводы, а изъ широкаго,

необъятнаго количества яркихъ и бьющихъ въ глаза фактовъ исторіи, соціологіи, политики, экономики, религіи; по извѣстному образу, онъ умѣлъ собирать факты, которые, какъ раковины, выбрасываетъ намъ море жизни; онъ умѣлъ находить ихъ въ неистощимомъ обиліи и многообразіи и уже затѣмъ не настаивалъ на доказательности того или другого изъ нихъ; если нѣкоторые отпадали, то огромная масса остальныхъ дѣлала свою работу и пробивала дорогу мысли навстрѣчу широкимъ просторамъ пониманія и предвидѣнія...

Я. Магазинеръ.

ФРАНЦІЯ И ЭЛЬЗАСЪ-ЛОТАРИНГІЯ.

Письмо изъ Парижа.

(Окончаніе.)

IV [1]).

Какъ ни силенъ былъ протестъ эльзасъ-лотарингцевъ, какъ ни крѣпка ихъ привязанность къ Франціи, время, вліянія и потребности жизни все таки брали свое. Политика имперіи по отношенію къ Эльзасъ-Лотарингіи парализовала въ большой степени вліяніе факторовъ, дѣйствовавшихъ въ пользу сближенія провинцій съ имперіей, но все-таки эти факторы проявляли свое дѣйствіе. Старое поколѣніе, пережившее аннексію, постепенно сходило со сцены его смѣняло поколѣніе, уже родившееся при нѣмецкомъ режимѣ прошедшее нѣмецкую народную школу и казарму. Эльзасская интеллигенція воспитывалась въ германскихъ университетахъ, гдѣ она пріобщалась къ германской наукѣ и культурѣ. Изъ Германіи хлынули въ Эльзасъ-Лотарингію массы эмигрантовъ-нѣмцевъ, которые какъ-никакъ все же были родственники коренному населенію въ расовомъ отношеніи и говорили на одномъ съ ними языкѣ. Между ними и туземными жителямя завязывались связи, заключались браки, Эльзасцы на первыхъ порахъ чуждались нѣмецкихъ эмигрантовъ и вообще всего нѣмецкаго, даже почти бойкотировали его. Но жизнь предъявляла свои властныя требованія, а эльзасцы — народъ, полный жизненной энергіи. Чтобы жить, чтобы найти приложеніе для своихъ силъ, нельзя было долго бойкотировать Германію, сторониться всего нѣмецкаго. И раньше всего въ экономическомъ отношеніи Эльзасъ-Лотарингія обладала уже въ моментъ аннексіи высоко развитой промышленностью. Но аннексія закрыла для нея таможеннымъ барьеромъ французскій рынокъ, а открыла рынокъ германскій. Поневолѣ приходилось завязывать все болѣе прочныя и тѣсныя экономическія связи съ имперіей, срастаться съ ея эко-

---

1) См. февраль, стр. 383.

номической жизнью. А мощное вліяніе такихъ связей въ смыслѣ ускоренія культурнаго и интеллектуальнаго сближенія всѣмъ извѣстно. Точно также и эльзасская молодежь, стремившаяся къ знанію, не могла объявить массоваго бойкота германскимъ школамъ и университетамъ. Поѣздка во Францію для поступленія во французскіе университеты могла быть доступна лишь незначительному меньшинству; да и кромѣ того, окончаніе французскаго университета не давало такихъ правъ въ Эльзасѣ, какъ окончаніе университета нѣмецкаго. Во всѣхъ областяхъ дѣятельности, чтобы составить себѣ карьеру, чтобы создать себѣ болѣе или менѣе прочное положеніе, эльзасцамъ нужно было связываться съ Германіей. Помимо всего этого, съ теченіемъ времени политическая жизнь все болѣе развивалась въ провинціяхъ. А это развитіе, въ свою очередь, связывало эльзасцевъ множествомъ нитей съ Германіей. Эльзасскія политическія партіи должны были вступать въ болѣе или менѣе тѣсныя отношенія съ родственными имъ имперскими партіями, въ особенности католики и соціалисты, болѣе другихъ партій проникнутые духомъ идейной солидарности и дисциплины. Эльзасскіе католическіе депутаты были организаціонно связаны съ католическимъ центромъ, эльзасскіе католическія общества вступали въ общеніе съ таковыми же нѣмецкими обществами, посылали своихъ делегатовъ на общеимперскіе съѣзды католиковъ. О соціалистахъ уже и говорить не приходится. Соціалистическія организаціи обѣихъ провинцій являлись составною частью германской соціалъ-демократіи и крѣпко были съ нею спаяны. То же относится и къ профессіональнымъ союзамъ, которые были объединены съ профессіональными союзами имперіи. Какъ въ соціалистическихъ, такъ и въ профессіональныхъ организаціяхъ участвовали одинаково и коренные эльзасцы, и пришлые нѣмцы. И это обстоятельство, какъ и братаніе эльзасскихъ католиковъ съ католиками имперіи, содѣйствовало и сближенію эльзасцевъ и нѣмцевъ, и культурному сближенію провинцій съ Германіей.

Вліяніе всѣхъ вкратцѣ перечисленныхъ факторовъ усиливалось особенно могучимъ факторомъ — временемъ. Годы, десятилѣтія проходили, а Эльзасъ-Лотарингія продолжала принадлежать Германіи. Для поколѣній, родившихся и воспитывавшихся при нѣмецкомъ режимѣ, это былъ непреложный фактъ дѣйствительности, реальность, воспринятая съ первыхъ же дней сознательной жизни. Французской жизни Эльзасъ-Лотарингіи они не знали, или, вѣрнѣе, знали о ней лишь по разсказамъ стариковъ; ея непосредственному вліянію они не подвергались. Живы были воспоминанія, традиціи, преданія, но сила этихъ факторовъ ослаблялась давленіемъ реальной

дѣйствительности, которая окружала населеніе Эльзасъ-Лотарингіи. И самое главное, надежды на возможность обратнаго перехода къ Франціи все болѣе и болѣе испарялись. Послѣднее обстоятельство вліяло особенно сильно на старое поколѣніе эльзасъ-лотарингцевъ, долго и упорно не свертывавшаго своего знамени протеста. Это поколѣніе долго вѣрило, долго надѣялось, вѣрило и надѣялось вопреки всему, вопреки очевидности. Оно изо всѣхъ силъ поддерживало возмущеніе противъ Германіи, сурово отворачивалось отъ всего нѣмецкаго, отчаянно сопротивлялось непреложнымъ требованіямъ жизни. Но въ концѣ концовъ и старики должны были примириться съ фактами, ибо шансы на ихъ устраненіе, искорененіе они тоже перестали видѣть.

Въ нашумѣвшемъ въ свое время романѣ-анкетѣ „L'Oubli?" двухъ французскихъ писателей, Эрнеста Когю и Луи Форести, очень ясно изображенъ глубоко драматическій процессъ, совершившійся въ настроеніи старыхъ эльзасцевъ. Герой романа, Штикманъ, въ теченіе четверти вѣка былъ суровымъ непреклоннымъ protestataire. Онъ проклялъ свою дочь, вышедшую замужъ за нѣмца, подбивалъ молодыхъ эльзасцевъ эмигрировать въ Францію, чтобы избѣжать германской военной службы, неутомимо велъ антинѣмецкую агитацію, выставлялъ свою кандидатуру отъ партіи протеста. Но, въ концѣ концовъ, и онъ долженъ былъ склониться передъ безпощадной логикой жизни.

„Онъ сталъ чувствовать себя слабымъ передъ судьбой. Его надежды, увы, расшатывались подъ ударами дѣйствительности. Его страсти смягчались; онъ не былъ уже больше обманутой жертвой своего идеала. Долго онъ жилъ обуреваемый одною только мыслью о реваншѣ, съ завѣтной надеждой на близкій возвратъ къ Франціи. Но пробилъ часъ, когда волей-неволей нужно было отказаться отъ интерпретированія событій въ желательномъ для себя смыслѣ. Разочарованія прибавлялись къ разочарованіямъ и отбрасывали надежды далеко, очень далеко, въ туманную область химеръ".

Вообще, нужно сказать, что французское общественное мнѣніе отдавало себѣ отчетъ о томъ, что происходило въ Эльзасъ-Лотарингіи. Эволюція, совершившаяся въ жизни и настроеніи края, всесторонне освѣщалась въ художественной и политической литературѣ и, во всякомъ случаѣ, признавалась, какъ фактъ. Каковы же были результаты этой эволюціи? Раньше всего ослабленіе протеста противъ аннексіи. И то, что провинціи въ экономическомъ и отчасти въ культурномъ отношеніи связывались съ Германіей, и то, что новыя поколѣнія знали о французской жизни лишь по разсказамъ и литературѣ и поэтому не чувствовали такъ остро совершившейся

перемѣны, и то, что исчезли надежды на возможность возврата къ Франціи — все это приводило къ указанному выше результату.

Эльзасъ-лотарингцы не забыли Францію и не воспылали любовью къ нѣмцамъ, но передъ ними былъ фактъ, проникавшій дѣйствительность, въ которой они жили, фактъ прочный, неустранимый, и продолжать свой протестъ противъ него становилось безцѣльнымъ и безнадежнымъ.

„По мѣрѣ того, какъ надежда на возвратъ къ Франціи испарялась изъ эльзасской души, — пишетъ Максимъ Леруа въ своей уже цитированной мною книгѣ, — боевыя настроенія, господствовавшія въ провинціяхъ въ первые годы послѣ аннексіи, мало-помалу исчезли. Они исчезали подъ давленіемъ необходимости. Эльзасъ-лотарингцы вынуждены были приняться за лучшее устройство своего положенія въ предѣлахъ имперіи, которое иначе сдѣлалось бы нестерпимымъ.

Понемногу и постепенно политика протеста прекращается въ провинціяхъ; эльзасскія политическія партіи, не давая своей моральной санкціи аннексіи, не дѣлая никакихъ офиціальныхъ заявленій въ этомъ смыслѣ, однако, примиряются съ фактомъ. Онѣ примиряются съ нимъ не потому, что это диктуется ихъ моральнымъ сознаніемъ, а по той причинѣ, что аннексія превратилась въ прочный фактъ, а партіи, стремящіяся къ активной дѣятельности, не могутъ безконечно отвергать его, не рискуя устраниться отъ жизни. Но означалъ ли отказъ отъ политики протеста, примиреніе съ фактомъ аннексіи, что эльзасъ-лотарингское населеніе потеряло тотъ духъ демократизма и независимости, тѣ традиціи свободы, которыя оно унаслѣдовало отъ Франціи? Душа народа, формировавшаяся вѣками, не можетъ измѣниться въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; его общественная психологія, закаленная въ горнилѣ великой исторической борьбы и передававшаяся однимъ поколѣніемъ другому, не можетъ быть вытравлена въ короткій промежутокъ времени и замѣнена другой.

Эльзасъ-лотарингцы примирились съ фактомъ аннексіи, перестали протестовать противъ него, въ виду того, что выяснилась безцѣльность такого протеста. Но тотъ духъ, та общественная психологія, которые питали собою протестъ, не исчезли. Ихъ проявленіе приняло лишь иную форму въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся положеніемъ вещей. Поскольку утрачивалась надежда на возможность возврата къ Франціи и становилось очевиднымъ, что провинціи прикованы къ Германіи крѣпкими, неразрывными цѣпями, постольку же росло среди эльзасцевъ стремленіе къ тому, чтобы обезпечить себѣ свободу и независимость въ рамкахъ имперіи. И чѣмъ глубже дѣлалось

убѣжденіе о невозможности вырваться изъ желѣзныхъ объятій новаго отечества, тѣмъ нестерпимѣе было для эльзасъ-лотарингцевъ ихъ положеніе гражданъ второго разряда. По мѣрѣ того, какъ слабѣлъ ихъ протестъ, укрѣплялось ихъ стремленіе къ завоеванію національно-политической автономіи.

Исконный демократизмъ эльзасъ-лотарингцевъ, ихъ демократическая общественная психологія, рѣзко отличавшая ихъ отъ нѣмцевъ и толкавшая ихъ ранѣе къ протесту, толкала ихъ теперь на борьбу за эту новую цѣль. Основные побудительные мотивы движенія были тѣ же, — измѣнился лишь его объектъ. Но онѣ же опредѣляли характеръ требованій эльзасъ-лотарингскаго населенія, въ чемъ опять таки сказалось вліяніе „французскихъ традицій".

Въ Эльзасъ-Лотарингіи образовалось нѣсколько крупныхъ политическихъ партій. Эти партіи отличались одна отъ другой своими соціально-экономическими программами и, главнымъ образомъ, своей тактикой по отношенію къ имперіи. Но въ области національно-политическихъ требованій всѣ онѣ были единодушны. Всѣ онѣ одинаково требовали р е с п у б л и к а н с к о-д е м о к р а т и ч е с к о й к о н с т и т у ц і и. И это-то особенно затрудняло, помимо другихъ причинъ, рѣшеніе эльзасскаго вопроса. Ибо требованія эльзасъ-лотарингцевъ противорѣчили всему духу имперіи, всему ея строю, всѣмъ принципамъ, положеннымъ въ ея основу. Если бы эльзасъ-лотарингцы готовы были удовлетвориться монархической конституціей, то германскіе правящіе круги, вѣроятно, предложили бы какой-нибудь компромиссъ. Но подавляющее большинство населенія провинцій предпочитало вовсе остаться безъ конституціи, чѣмъ принять конституцію монархическую, закрѣпляющую господство надъ ними Гогенцоллерновъ и равносильную для нихъ разрыву со всѣмъ своимъ прошлымъ.

„Для насъ французскія традиціи не умерли, — пишетъ эльзасецъ Грумбахъ, въ своей интересной книгѣ, выпущенной въ Швейцаріи уже во время войны, — онѣ были для насъ нерѣдко болѣе живыми, чѣмъ даже для части самихъ французовъ. И вотъ почему мы пытались согласовать съ ними, по мѣрѣ возможности, наши требованія автономіи. Вотъ почему мы высказывались категорически противъ возведенія Эльзасъ-Лотарингіи въ рангъ союзнаго государства на условіи превращенія ея въ наслѣдственную монархію и забили энергично тревогу, когда намъ показалось, что вокругъ дворца намѣстника въ Страсбургѣ бродитъ тѣнь Гогенцоллерна. Вотъ почему, наконецъ, мы требовали республиканской конституціи въ духѣ конституціи Ганзейскихъ городовъ сѣверной Германіи"[1]).

---

1) S. Grumbach. „Le Destin de l'Alsace-Lorraine", стр. 52.

Но именно потому, что эльзасъ-лотарингцы, несмотря на несомнѣнную германизацію, которой они подверглись, оставались вѣрны въ массѣ французскимъ демократическимъ традиціямъ, идеямъ и принципамъ, рѣзко противорѣчащимъ государственному праву Германіи, имперія не могла отказаться отъ своего недовѣрчиваго отношенія къ нимъ, не могла рѣшиться предоставить имъ такую свободу, какой пользовались союзныя государства. Какъ элементъ сугубо-ненадежный, эльзасъ-лотарингцевъ нужно было держать въ ежовыхъ рукавицахъ, чтобы не дать заразѣ распространиться за предѣлы провинцій, чтобы не создать „соблазна“ для остальной Германіи. И недаромъ нѣкоторые французскіе писатели видѣли въ роли Эльзасъ-Лотарингіи въ рамкахъ имперіи своего рода реваншъ демократической Франціи. Пусть Эльзасъ-Лотарингія германизируется, но, тѣснѣе связываясь со своимъ новымъ отечествомъ, она вносить въ него духъ французскихъ идей, и, кто знаетъ, быть можетъ, явится факторомъ, который подкопаетъ или хотя бы расшатаетъ основу полу-абсолютистскаго германскаго политическаго режима. А профессоръ страсбургскаго университета, нѣмецъ Вернеръ Виттихъ, основательно изучившій Эльзасъ-Лотарингію, написалъ въ 1900 году слѣдующія знаменательныя строки: „Не столько отъ развитія эльзасскаго генія въ духѣ генія нѣмецкаго, сколько отъ развитія нѣмецкаго генія въ направленіи генія французскаго завнситъ болѣе или менѣе быстрое исчезновеніе тѣхъ различій, которыя отдѣляютъ Германію отъ Эльзасъ-Лотарингіи“ [1]).

Такъ или иначе, но политика протеста уступаетъ мѣсто въ провинціяхъ политикѣ борьбы за демократическую національно-политическую автономію. Требуя автономіи, эльзасъ-лотарингцы освящали свою фактическую принадлежность имперіи и демонстрировали свое духовное родство съ Франціей. Автономія какъ бы должна была примирить или вѣрнѣе дать синтезъ настоящаго и прошлаго. Этимъ своимъ требованіемъ они какъ бы склонялись передъ правомъ силы, но не настолько низко, чтобы отказаться отъ своего права на свободное развитіе, право, обусловленное ихъ прежней совмѣстной исторіей съ Франціей. Это обстоятельство не могло не оказать вліянія на отношеніе французовъ къ эльзасскому вопросу.

V.

Гамбетта совѣтовалъ французамъ поменьше говорить объ эльзасскомъ вопросѣ, но постоянно думать о немъ. Мы знаемъ, и вся

[1]) Цитируемъ по французскому изданію книги Виттиха „Les génies des races française et allemande en Alsace“, стр. 94.

международная политика Франціи объ этомъ свидѣтельствуетъ, — что французы въ огромномъ большинствѣ своемъ исполняли этотъ завѣтъ. Мы знаемъ также, что мѣшало французамъ забыть о насиліи, совершенномъ Германіей въ 1871 году, и морально „пріять" франкфуртскій договоръ. Это — сознаніе, что эльзасъ-лотарингцы, вопреки своей волѣ, вопреки своимъ протестамъ, насильственно включены въ составъ Германской имперіи.

Пока эльзасъ-лотарингцы придерживались политики протеста, никакое иное рѣшеніе эльзасскаго вопроса, кромѣ возврата провинцій тѣмъ или инымъ путемъ старому отечеству, не могло быть морально пріемлемымъ для французовъ. Но когда политика протеста смѣнилась въ Эльзасъ-Лотарингіи другой политикой, когда эльзасъ-лотарингцы провозгласили, что они готовы примириться съ фактомъ, считаютъ себя лойяльными германскими подданными, но добиваются автономіи въ рамкахъ имперіи, то эльзасскій вопросъ получилъ уже для французовъ иной смыслъ. Попрежнему французы не могли примириться съ Германіей, покуда права Эльзасъ-Лотарингіи подвергались грубому подавленію, но вѣдь теперь для провинціи это подавленіе заключалось, главнымъ образомъ, въ неудовлетвореніи ихъ автономистскихъ требованій.

Между тѣмъ, если эльзасъ-лотарингцы потеряли надежду на возвратъ къ Франціи, то и французы эту надежду все болѣе и болѣе теряли. Мечты о возможности полученія мирнымъ путемъ провинцій отъ Германіи не преминули, конечно, разсѣяться. Въ то же время, политическая эволюція Франціи совершалась въ направленіи широкаго демократизма, лѣвыя демократическія партіи, опираясь преимущественно на городской пролетаріатъ и ненавидящее войну крестьянство, завоевали большинство, а страна проникалась все глубже пацифистскими идеями и о преслѣдованіи „кроваваго идеала", противъ увлеченія которымъ предостерегалъ еще Гамбетта, не хотѣла и слышать. Достаточно вспомнить хотя бы, какой жестокій крахъ потерпѣли націоналисты во Франціи послѣ дѣла Дрейфуса. Идея реванша окончательно была сдана въ архивъ.

Въ 1902 году въ публичной рѣчи Жоресъ заявилъ, что „въ сущности никто не желаетъ во Франціи реванша, ни сейчасъ, ни въ будущемъ". А въ 1904 году ораторъ націоналистовъ, депутатъ Гротанъ, сдѣлалъ въ палатѣ заявленіе, если отличное по формѣ, то весьма аналогичное по содержанію.

„Договоры насъ обязываютъ, мы это знаемъ, — заявилъ онъ. — Франція желаетъ мира. Она знаетъ свой долгъ, но никакая подпись не запрещаетъ намъ добиваться путемъ переговоровъ и арбитража исправленія несправедливости". Со-

вершенно очевидно, что такое заявленіе являлось равносильнымъ отказу отъ идеи реванша. И очень былъ близокъ къ истинѣ бывшій эльзасскій депутатъ и лидеръ эльзасскихъ протестантовъ Августъ Лалансъ, когда онъ утверждалъ въ томъ же 1904 году въ газетѣ „Petite République", что „если бы вопросъ о реваншѣ былъ поставленъ во французскомъ парламентѣ, то парламентъ единогласно рѣшилъ бы его въ отрицательномъ смыслѣ, и такое его рѣшеніе оказалось бы въ полномъ соотвѣтствіи съ единодушной волей страны". Наконецъ, въ 1908 году покойный Франсисъ де Пресcансэ, выступая въ качествѣ докладчика парламентской комиссіи по иностраннымъ дѣламъ, т. е. въ нѣкоторомъ родѣ въ качествѣ офиціальнаго оратора, доказывалъ, что исторически идея реванша всегда была во Франціи лишь фикціей и что никогда ни одинъ французъ серьезно не помышлялъ о новой войнѣ съ Германіей ради отобранія у нея Эльзасъ-Лотарингіи.

Я останавливаюсь здѣсь лишь на нѣкоторыхъ наиболѣе яркихъ выступленіяхъ по эльзасскому вопросу. Но, само собою разумѣется, что эти выступленія являлись проявленіемъ настроеній, широко распространенныхъ въ странѣ. Понятно поэтому, что новая политика эльзасъ-лотарингцевъ должна была сильно влiять на отношеніе французовъ къ эльзасскому вопросу.

Франція не желала войны съ Германіей, но франкфуртскій договоръ мѣшалъ ей примириться съ нею, и это обстоятельство являлось одной изъ опасностей, угрожавшей миру. И вотъ въ удовлетвореніи имперіей эльзасскихъ автономистскихъ требованій передовыя политическія группы Франціи стали видѣть средство для улаженія скрытой франко-германской распри. Разъ Эльзасъ-Лотарингія уже не протестуетъ противъ аннексіи, а требуетъ только широкой автономіи въ рамкахъ Германской имперіи, то удовлетвореніе этого требованія могло успокоить національную и демократическую совѣсть французовъ. И тогда открылась бы, быть можетъ, новая эра въ международныхъ отношеніяхъ, и европейскій миръ покоился бы на болѣе прочномъ фундаментѣ. Французскіе соціалисты именно потому, что они считали франко-германское сближеніе основнымъ условіемъ для мирнаго развитія Европы, первые стали пропагандировать въ странѣ эту идею. Конечно, даже соціалисты не утверждали, что предоставленіе Эльзасъ-Лотарингіи автономіи дастъ окончательное рѣшеніе вопросу. Жоресъ, наиболѣе смѣлый и пылкій проповѣдникъ франко-германскаго сближенія, утверждалъ, что такое рѣшеніе представляется чрезвычайно цѣлесообразнымъ для настоящаго, хотя „вопросъ права все-таки остается". Но Жоресъ, какъ и его единомышленники, надѣялся, что автономія

Эльзасъ-Лотарингіи явится первымъ шагомъ на пути къ ея полной независимости, что будетъ результатомъ демократической эволюціи Франціи и Германіи. По Жоресу, соціалисты не должны были быть ни за франкфуртскій договоръ, ни противъ него, — они должны быть выше его. Но онъ отвергалъ также мысль о томъ, что „усталость и забвеніе приведутъ къ примиренію въ этомъ вопросѣ“.

„Не такъ мы понимаемъ миръ между обоими народами, — писалъ Жоресъ. — Миръ между ними сдѣлается прочнымъ лишь тогда, когда они оба освободятся отъ всякой имперіалистской, милитаристской и капиталистической тираніи. Въ тотъ день Эльзасъ-Лотарингія между двумя очагами свободы и жизни, которые скрестятъ надъ ней свои дружественные лучи, будетъ возвращена себѣ самой и въ той мѣрѣ, въ которой этого пожелаетъ эльзасское сердце, — Франціи“.

Соціалисты, конечно, не ставили вопросъ категорическимъ образомъ: пока Германія не дастъ автономіи провинціямъ, не можетъ быть примиренія съ нею. Они лишь пропагандировали въ массахъ ту мысль, что предоставленіе автономіи Эльзасъ-Лотарингіи должно разсматриваться, какъ цѣлесообразное рѣшеніе эльзасской проблемы, какъ мѣра, мирно разрѣшающая споръ между обоими народами. Эта же мысль встрѣчала все большее сочувствіе и среди другихъ демократическихъ партій Франціи. Ее формулировали и развивали неоднократно въ радикальной печати, обосновывали въ спеціальныхъ работахъ политическіе писатели; не мало писателей, смотрящихъ правѣе радикаловъ, опредѣленно высказали ей свое сочувствіе.

Вообще, можно сказать безъ преувеличенія, что, начиная съ 900-хъ годовъ, огромное большинство французовъ, вся французская демократія видитъ въ удовлетвореніи эльзасскихъ требованій автономіи единственное цѣлесообразное средство, могущее одновременно умиротворить Эльзасъ-Лотарингію и дать моральное успокоеніе Франціи. Это констатируетъ, между прочимъ, въ своей книжкѣ, вышедшей въ свѣтъ уже во время войны, профессоръ Сорбонны Викторъ Бошъ, одинъ изъ наиболѣе искреннихъ и убѣжденныхъ французскихъ демократическихъ писателей.

„Было ли возможно сближеніе между Франціей и Германіей? Да. На какихъ условіяхъ? На одномъ, чтобы Германія дала Эльзасъ-Лотарингіи полную автономію. Число французовъ, готовыхъ принять такое рѣшеніе, росло безпрерывно. Эльзасцы примирились бы съ нимъ; но Германія не позволила, чтобы вопросъ былъ поставленъ [1])“.

[1]) V. Bosch, „La guerre de 1914 et le Droit“.

VI.

Въ 1911 году Германская имперія даетъ Эльзасъ-Лотарингіи конституцію.

Обостреніе политическаго недовольства въ провинціяхъ, ставившаяся все болѣе непреклонной оппозиція эльзасъ-лотарингцевъ, несомнѣнно, послужили въ данномъ случаѣ побудительными мотивами для германскихъ правящихъ круговъ. „Положеніе Эльзасъ-Лотарингіи „анормально", — заявилъ съ трибуны рейхстага государственный секретарь Дельбрюкъ. И понятно, что, по мѣрѣ того, какъ на международномъ горизонтѣ скоплялись грозовыя тучи, а международная атмосфера все болѣе насыщалась электричествомъ, Германіи необходимо было устранить эту „анормальность" въ провинціяхъ, граничащихъ съ Франціей и сравнительно недавно отъ нея оторванныхъ. Но имперія продолжала разсматривать Эльзасъ-Лотарингію, какъ германскій бастіонъ, выдвинутый противъ Франціи. „Провинціи — это нашъ крѣпостной валъ противъ Европы", — провозгласилъ Дельбрюкъ, при обсужденіи проекта эльзасской конституціи. Имперія попрежнему видѣла также въ эльзасъ-лотарингцахъ вольнодумное населеніе, хранящее „французскія традиціи", какъ сказалъ тотъ же Дельбрюкъ. При такихъ условіяхъ новыя попытки удовлетворить уступками Эльзасъ-Лотарингію поневолѣ должны были быть, какъ и раньше, половинчатыми и внутренне противорѣчивыми.

Въ основу эльзасской конституціи 1911 года легли такіе принципы, которыми опредѣлялось общее отношеніе имперіи къ провинціямъ. Конституція представляла собою красивый фасадъ, за которымъ скрывалось весьма непривлядное содержаніе.

Что же дала новаго конституція 1911 года Эльзасъ-Лотарингіи? Прежде всего страна получила нижнюю палату, избираемую всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ. Затѣмъ, конституція лишила рейхстагъ и союзный совѣтъ ихъ прежней роли экстраординарныхъ законодателей для Эльзасъ-Лотарингіи въ случаѣ конфликта между правительствомъ и эльзасскимъ народнымъ представительствомъ. Наконецъ, провинціи получили право посылать трехъ делегатовъ въ союзный совѣтъ. Таковъ фасадъ. Посмотримъ теперь, что за нимъ скрывается. Рядомъ съ нижней палатой была создана верхняя палата, какъ административный и правительственный органъ. По отношенію къ нижней палатѣ верхняя играетъ такую же роль, какую играли раньше рейхстагъ и союзный совѣтъ, т. е. роль верховной, апелляціонной инстанціи для правительства, могущей аннулировать рѣшенія выборной палаты и утверждать правительствен-

ные законопроекты и мѣропріятія, вопреки волѣ послѣдней. Верхняя палата составляется слѣдующимъ образомъ. Половина числа ея членовъ назначается императоромъ. Остальная половина состоитъ изъ высшихъ чиновниковъ, которые, въ силу своихъ функцій, получаютъ право члена верхней палаты, и изъ членовъ, избранныхъ административными корпораціями и муниципальными совѣтами. Такой способъ составленія верхней палаты, конечно, обезпечиваетъ прочное большинство имперскому правительству. Такимъ образомъ, вмѣсто улучшенія получилось для Эльзасъ-Лотарингцевъ ухудшеніе. Рейхстагъ и союзный совѣтъ все же были для нихъ лучше, чѣмъ собраніе нѣмецкихъ чиновниковъ, зависящихъ отъ правительства и имъ назначаемыхъ. Бетманъ-Гольвегъ и не думалъ скрывать той цѣли, которую преслѣдовали авторы проекта конституціи, учреждая верхнюю палату. „Верхняя палата, — разъяснилъ онъ, — должна быть во что бы то ни стало твердыней противъ всякой не нѣмецкой политики въ имперской землѣ. Это не теоретическое требованіе, а требованіе національное и политическое".

Понятно, что учрежденіе верхней палаты совершенно уничтожало для эльзасцевъ выгоды всеобщаго и равнаго голосованія при выборахъ въ нижнюю палату. Ихъ зависимость отъ Берлина не только не уменьшилась, но еще больше усиливалась. Къ тому же былъ сохраненъ и штатгальтеръ въ качествѣ подчиненнаго агента имперскаго правительства. Эльзасъ-Лотарингія попрежнему оставалась, такимъ образомъ, лишь имперскою областью — Reichsland, объектомъ общаго владѣнія имперіи, но отнюдь не равноправнымъ союзнымъ государствомъ. И то обстоятельство, что провинціямъ было предоставлено право посылать трехъ делегатовъ въ союзный совѣтъ, ничуть не смягчало значенія этого факта. Право посылки делегатовъ также явилось чистѣйшей фикціей. Ибо, согласно конституціи, делегаты назначаются и получаютъ инструкціи не отъ кого иного, какъ отъ штатгальтера. Всѣ эльзасъ-лотарингскіе депутаты въ рейхстагѣ, за исключеніемъ одного, единодушно вотировали противъ проекта конституціи, вѣрно отразивъ общее настроеніе провинцій.

Введеніе конституціи въ Эльзасъ-Лотарингіи дало толчокъ крайнему усиленію политическаго движенія среди населенія. Эльзаскія политическія партіи съ еще большей непреклонностью и энергіей выдвигаютъ свое требованіе демократической автономіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же партіи, за исключеніемъ малочисленной группы крайнихъ націоналистовъ („національный союзъ" аббата Ветерле), еще болѣе усиленно, чѣмъ раньше, подчеркиваютъ свою лойяльность по отношенію къ Германіи, свое примиреніе съ

фактомъ аннексіи. Больше того, онѣ обращаются къ французамъ съ заклинаніями не вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю борьбу съ имперіей, не пользоваться эльзасскимъ вопросомъ, какъ боевымъ знаменемъ противъ Германіи, и воздерживаться отъ рѣзкихъ выраженій своихъ чувствъ и мыслей въ этомъ вопросѣ.

Чѣмъ же объясняется это противорѣчивое, на первый взглядъ, явленіе? Новая политика эльзасскихъ партій опредѣлялась нѣсколькими основными соображеніями, которыя можно вкратцѣ свести къ слѣдующему. Конституція, октроированная провинціямъ имперіей, убѣдила эльзасъ-лотаринцевъ въ томъ, что германскіе правящіе круги продолжаютъ относиться къ нимъ съ большимъ недовѣріемъ и что для завоеванія дѣйствительной автономіи придется вести долгую и упорную борьбу, но съ другой стороны, имъ стало ясно, что слишкомъ бурное проявленіе симпатій къ Эльзасъ-Лотарингіи со стороны нѣкоторой части французскаго общества, какъ и черезчуръ громкое выраженіе преданности къ Франціи со стороны нѣкоторой части эльзасцевъ, служитъ для германской реакціи главнымъ поводомъ для отклоненія эльзасскихъ требованій. Эльзасъ-лотарингцы поняли также, что разсчитывать на успѣхъ своей борьбы они могутъ лишь въ томъ случаѣ, если отношенія между Франціей и Германіей измѣнятся въ смыслѣ большей искренности и взаимнаго довѣрія.

Но больше всего на политику эльзасъ-лотарингцевъ повліяла приближавшаяся опасность европейской войны. Эльзасъ-лотарингцы боялись войны по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, они знали, что, въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между Франціей и Германіей, Эльзасъ-Лотарингія превратится въ театръ военныхъ дѣйствій и подвергнется неизбѣжнымъ въ такомъ случаѣ опустошеніямъ и разрушеніямъ. Во-вторыхъ, война сразу могла бы поставить эльзасъ-лотарингское населеніе въ чрезвычайно трагическое положеніе. Какъ подданнымъ Германской имперіи, эльзасъ-лотарингцамъ пришлось бы сражаться въ рядахъ германской арміи противъ Франціи, противъ своего стараго отечества. Понятно, что одна мысль объ этомъ была нестерпима населенію провинцій и повергала его въ отчаяніе. Вотъ почему эльзасъ-литарингцы поставили себѣ цѣлью сдѣлать все отъ нихъ возможное, чтобы эльзасскій вопросъ не усилилъ шансовъ европейскаго конфликта, не могъ служить поводомъ для недоразумѣній между Франціей и Германіей. Отсюда и ихъ намѣренное подчеркиваніе своей лойяльности по отношенію къ имперіи и ихъ заключенія по адресу французовъ.

Болѣе того, эльзасскія партіи выставляютъ еще новый лозунгъ. Эльзасъ-лотарингцы не только должны, въ интересахъ мира,

стремиться къ превращенiю эльзасскаго вопроса въ чисто внутреннiй германскiй вопросъ, но и работать изо всѣхъ силъ въ пользу сближенiя между ихъ старымъ и новымъ отечествами. Будучи связаны съ тѣмъ и другимъ и вдвинуты исторiей между обѣими сторонами, эльзасъ-лотарингцы провозгласили, что ихъ историческая миссiя именно въ томъ и заключается, чтобы примирить Францiю и Германiю, превратившись для нихъ въ своего рода связующее звено. Эльзасъ-лотарингцы утверждали, что, дѣйствуя такимъ образомъ, они окажутъ неоцѣнимую услугу общему дѣлу мира и человѣческаго прогресса и, въ то же время, и самимъ себѣ. Ибо только франко-германское сближенiе даетъ возможность рѣшить эльзасскiй вопросъ въ духѣ свободы и независимости. И эльзасъ-лотарингцы убѣдили французовъ отказаться отъ своего прежняго отношенiя къ эльзасскому вопросу. Они убѣдили ихъ не требовать автономiи для Эльзасъ-Лотарингiи, какъ предварительнаго условiя для франко-германскаго сближенiя, но идти откровенно навстрѣчу такому сближенiю, что въ результатѣ приведетъ къ эльзасской автономiи.

Свою точку зрѣнiя эльзасъ-лотарингскiя партiи проповѣдывали съ чрезвычайной энергiей и съ большимъ единодушiемъ. Эльзасская печать была полна статей, въ которыхъ формулировалась эта точка зрѣнiя. Лидеры партiй давали многочисленныя интервью французскимъ газетамъ, въ которыхъ они излагали и обосновывали свою новую политику. Въ декабрѣ 1912 и въ мартѣ 1913 года соцiалистами и прогрессистами были организованы въ Эльзасѣ рядъ пацифистскихъ митинговъ съ участiемъ католическихъ ораторовъ. Особенно замѣчательна, по ясности и опредѣленности выраженныхъ въ ней чувствъ и настроенiй, резолюцiя мюльгаузенскаго собранiя.

„Въ виду тревожнаго международнаго положенiя нашъ долгъ эльзасъ-лотарингцевъ заключается въ томъ, чтобы не только устранить все то, что могло бы вызвать конфликтъ, но также заявить самымъ рѣшительнымъ и категорическимъ образомъ, что мы не желаемъ войны между Францiей и Германiей и что, наоборотъ, мы горячо желаемъ, чтобы оба эти цивилизованныхъ народа пришли къ мирному соглашенiю. Въ эти дни, наполненные шумомъ войны, мы хотимъ исполнить свой долгъ, какъ эльзасъ-лотарингцы, сознающiе свою отвѣтственность передъ исторiей; хотя мы знаемъ, что наша страна не является единственной причиной военной опасности, но мы не желаемъ, однако, чтобы можно было сказать о насъ, что мы хранили молчанiе, когда нужно было говорить“.

Существенное содержанiе приведенной резолюцiи послужило основой резолюцiи, предложенной эльзасской палатѣ отъ имени всѣхъ партiй Эльзасъ-Лотарингiи и принятой единогласно.

Резолюція гласила: „Палата рекомендуетъ намѣстнику дать делегатамъ Эльзасъ-Лотарингіи въ союзномъ совѣтѣ инструкціи воспротивиться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ мысли о войнѣ между Германіей и Франціей и отстаивать въ совѣтѣ необходимость изученія способовъ, могущихъ привести къ франко-германскому сближенію, такъ какъ такое сближеніе можетъ послужить средствомъ для прекращенія конкуренціи въ области вооруженій между цивилизованными націями Европы".

Не довольствуясь этими громкими манифестаціями, которыя произвели сильное впечатлѣніе въ Германіи и во Франціи, эльзасскіе соціалисты обратились съ непосредственнымъ воззваніемъ къ французскому трудовому народу, въ которомъ точка зрѣнія подавляющаго большинства эльзасъ-лотарингскаго населенія была изложена самымъ подробнымъ и откровеннымъ образомъ.

Въ воззваніи, подписанномъ членами соціалистической фракціи эльзасъ-лотарингской палаты, авторы объясняли, что ихъ побудило обратиться непосредственно къ французамъ то обстоятельство, что аннексія создала атмосферу конфликта, въ которой въ теченіе сорока лѣтъ живутъ Франція и Германія и которая причинила столько же вреда обѣимъ странамъ, сколько Эльзасъ-Лотарингіи. Авторы воззванія заявляли, что они не считаютъ нужнымъ въ данный моментъ посвящать французовъ въ подробности своей борьбы, имѣющей цѣлью завоевать автономію въ рамкахъ Германской имперіи. Сейчасъ обстоятельства поставили населеніе провинцій передъ вопросомъ, который доминируетъ надъ всѣми остальными вопросами. Вопросъ этотъ: „желаютъ ли эльзасъ-лотарингцы войны?" На этотъ вопросъ, утверждало воззваніе, эльзасъ-лотарингскій рабочій классъ отвѣчаетъ троекратнымъ „нѣтъ!". И не только рабочій классъ, но и подавляющее большинство буржуазіи, если ей поставить этотъ вопросъ, не дастъ иного отвѣта. Изъ этого не слѣдуетъ, что Эльзасъ-Лотарингія забыла Францію. Нѣтъ, она попрежнему питаетъ глубокую любовь къ французской культурѣ, сдѣлавшей Францію однимъ изъ первыхъ народовъ въ мірѣ, къ ея революціоннымъ традиціямъ и республиканскимъ учрежденіямъ. Но „тѣ изъ французовъ, которые, чтобы оправдать свою реакціонную и націоналистическую дѣятельность, свои стремленія помѣшать измѣненію франко-германскихъ отношеній въ смыслѣ лойяльнаго и откровеннаго соглашенія ссылаются на „надежды" эльзасъ-лотаринскаго населенія, очень плохо понимаютъ его истинныя надежды. Эльзасъ-Лотарингія надѣется не на то, чтобы быть отвоеванной путемъ новой войны, ужасы которой превзойдутъ все, что можетъ вообразить человѣческій умъ. Сохраненіе мира —

вотъ что въ глазахъ эльзасъ-лотарингцевъ стоитъ выше всего, выше самой Франціи и Германіи". Далѣе въ воззваніи указывается, что Эльзасъ-Лотарингія добивается республиканской конституціи и что Франція можетъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ. Но какимъ образомъ? Если ни одна изъ ея политическихъ партій не будетъ вести пропаганды, результатомъ которой было бы, что нѣкоторые элементы Германіи, всегда готовые возбуждать націоналистическія страсти, приписали бы Франціи идею реванша, а германское правительство воспользовалось бы этимъ предлогомъ, чтобы сохранить въ Эльзасъ-Лотарингіи исключительный режимъ... „Мы желаемъ мира!.. Мы желаемъ лойяльнаго соглашенія между Франціей и Германіей!.. И точно такъ же, какъ мы ждемъ отъ германскаго правительства, чтобы оно поняло, наконецъ, нашъ характеръ и дало намъ автономію, мы умоляемъ Францію, настолько любить Эльзасъ-Лотарингію, чтобы предпочесть видѣть ее провинціей другого государства, чѣмъ разоренной и покрытой труппами"...

Три основныя мысли проходятъ красной нитью черезъ изложенный манифестъ эльзасскихъ соціалистовъ. Мысль о необходимости сохранить миръ, который стоитъ въ глазахъ эльзасъ-лотарингцевъ „выше самой Франціи", провозглашеніе своей горячей симпатіи къ этой же Франціи, ея традиціямъ и учрежденіямъ, — и твердое намѣреніе населенія провинцій добиться республиканско-демократической автономіи. Но и въ этомъ манифестѣ, составленномъ интернаціоналистами, партіей, органически связанной съ германской соціалъ-демократіей и боровшейся особенно энергично противъ всякаго эльзасскаго націонализма, мы не находимъ ни одного слова симпатіи по адресу Германіи, въ то время, какъ въ немъ громко провозглашается любовь къ Франціи. И это чрезвычайно знаменательно. Это обстоятельство показывало, что даже наименѣе доступная націонализму часть эльзасъ-лотарингскаго населенія выражала свою готовность остаться навсегда въ рамкахъ Германской имперіи не вслѣдствіе своей привязанности къ новому отечеству, а потому, что для него миръ былъ выше всякихъ другихъ благъ. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи не было никакой разницы между всѣми политическими партіями Эльзасъ-Лотарингіи. Всѣ онѣ, за исключеніемъ немногочисленной группы „національнаго союза", предпочитали скорѣе навсегда отказаться отъ возврата къ Франціи, чѣмъ подвергнуться риску и ужасамъ кровавой войны.

Въ 1913 году въ газетѣ „Humanité" былъ напечатанъ рядъ интервью съ политическими лидерами Эльзасъ-Лотарингіи.

Я приведу мнѣнія лишь двухъ лицъ, стоявшихъ на противоположныхъ флангахъ эльзасской общественности, — мнѣніе като-

лика Риклина, президента палаты и сторонника болѣе уступчивой политики по отношенію къ имперскому правительству, и мнѣніе націоналиста Прейса. Риклинъ заявилъ, что эльзасъ-лотарингцы враждебны всякой мысли о войнѣ. Они отвергаютъ какое бы то ни было измѣненіе въ ихъ положеніи, если оно должно быть куплено цѣною войны. „Каковы бы ни были наши разногласія, мы всѣ единодушны въ одномъ пунктѣ: мы соглашаемся эволюціонировать въ рамкахъ имперіи, но требуемъ автономныхъ учрежденій... Это не мѣшаетъ намъ питать сыновнія чувства къ нашему старому отечеству... Мы полагаемъ, что, сблизившись съ Германіей, Франція стала бы во главѣ цивилизаціи, и мы желаемъ сближенія между обоими народами".

Прейсъ, въ свою очередь, заявилъ, что Эльзасъ-Лотарингія добивается равенства съ другими частями имперіи. Она желаетъ имѣть собственное правительство и собственную законодательную власть. Но Прейсъ полагалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, — и это отличало его отъ эльзасскихъ дѣятелей другихъ направленій, — что Германія не дастъ автономіи провинціямъ. И тѣмъ не менѣе въ основномъ пунктѣ онъ повторилъ мысли своего антагониста Риклина. „Мы никого не призываемъ поддержать наши права и свободу насиліемъ или угрозами; мы умѣемъ ждать и мы будемъ ждать. Намъ не нужно войны ни сейчасъ, ни позже" [1]).

Мы видимъ, что господствующимъ стремленіемъ эльзасъ-лотарингцевъ въ послѣдніе годы передъ войной было стремленіе содѣйствовать по мѣрѣ силъ поддержанію европейскаго мира и это стремленіе, главнымъ образомъ, побуждало ихъ усиленнѣе подчеркивать свой лойялизмъ по отношенію къ Германіи и убѣждать французовъ окончательно отказаться отъ всякой мысли о реваншѣ.

VII.

Эльзасъ-лотарингцы выставили лозунгъ: „франко-германское сближеніе, какъ условіе, подготовляющее справедливое рѣшеніе эльзасскаго вопроса". Французскіе соціалисты первые подхватили этотъ лозунгъ.

Какъ разъ въ послѣдніе годы передъ войной они развили особенно широкую и энергичную пропаганду въ пользу сближенія съ Германіей, въ чемъ они видѣли средство для упроченія европейскаго мира. Французскіе соціалисты ставили вопросъ точно такъ же, какъ и эльзасъ-лотарингцы. Они утверждали, что нужно

---

[1]) „Humanité" 13 Avril, 1913.

сначала расчистить путь для франко-германскаго сближенія, устранить всѣ искусственныя недоразумѣнія между обѣими странами, и тогда разрѣшеніе эльзасской проблемы само собою приблизится.

Еще въ 1911 году Жоресъ заявилъ съ трибуны палаты депутатовъ, что Франція и Германія, признавъ одновременно невозможность вырвать изъ сердца Эльзасъ-Лотарингіи воспоминаніе о Франціи и невозможность исправить насилія прошлаго путемъ новыхъ войнъ, должна, забѣгая впередъ будущаго, объединить свои усилія для общаго и высшаго дѣла человѣческой цивилизаціи"[1]).

Еще болѣе категорически и опредѣленно выразилъ мнѣніе партіи по этому вопросу Франсисъ де Прессансэ на соціалистическомъ конгрессѣ въ Брестѣ, въ 1913 году.

Доказывая необходимость франко-германскаго сближенія, Прессансэ, при всеобщемъ и бурномъ одобреніи конгресса, заявилъ, что нельзя выдвигать разрѣшеніе эльзасскаго вопроса, какъ обязательное предварительное условіе такого сближенія. Мы счастливы, — утверждаетъ ораторъ, — что Эльзасъ-Лотарингія ставитъ требованіе полной автономіи, мы горячо желаемъ помочь ей добиться его осуществленія. Но... „мы не можемъ, ни съ точки зрѣнія внѣшней, ни съ точки зрѣнія внутренней политики, предъявить въ этомъ вопросѣ своего рода ультиматумъ Германіи... Свободы имѣютъ цѣнность, если онѣ завоеваны путемъ непосредственной борьбы, но Эльзасъ-Лотарингія должна и хочетъ сама завоевать себѣ автономію, и она вѣритъ, что своими собственными усиліями она ея добьется"[2]).

Насколько эта точка зрѣнія на эльзасскій вопросъ распространялась широко среди французскихъ демократическихъ партій, показала особенно ярко франко-германская парламентская конференція, состоявшаяся въ Бернѣ, въ 1912 году. Эта конференція явилась откликомъ на манифестацію эльзасъ-лотарингской палаты. Франція была представлена на конференціи болѣе, чѣмъ ста пятьюдесятью парламентаріями. И несмотря на то, что на конференціи эльзасскій вопросъ совершенно не обсуждался, резолюція съ провозглашеніемъ необходимости сближенія между Франціей и Германіей была вотирована единогласно. Больше всего резолюція выражала благодарность конференціи эльзасъ-лотарингскому народному представительству за то, что „его заявленія, вотированныя единогласно, облегчили сближеніе между обѣими странами для общаго дѣла цивилизаціи". Это уже обозначало, что французскіе делегаты присоединяются къ точкѣ зрѣнія эльзасъ-лотарингцевъ въ эльзасскомъ во-

[1]) J. Jaurès, La Protestation du Droit, стр. 32, Paris 1912.
[2]) „F-de Pressensé „Le Parti Socialiste et la loi de sang", стр. 6.

просѣ. Правда, наканунѣ войны, подъ вліяніемъ международныхъ и внутреннихъ причинъ, націоналистическая пропаганда во Франціи значительно усилилась. Но выборы 1914 года показали, что націоналистическое движеніе не проникло въ народную толщу. Выборы кончились торжествомъ демократическихъ партій и полнымъ пораженіемъ откровенныхъ и замаскированныхъ націоналистовъ. Франція глубоко и искренне желала мира, и это желаніе опредѣляло эволюцію общественнаго мнѣнія въ эльзасскомъ вопросѣ, приближая его къ точкѣ зрѣнія самихъ эльзасцевъ. Но вспыхнувшая война совершенно перевернула всю сущность проблемы.

Какъ повліяла война на позицію самихъ эльзасъ-лотарингцевъ? Твердыхъ данныхъ для сужденія объ этомъ вопросѣ, конечно, не имѣется въ нашемъ распоряженіи. Эльзасъ-Лотарингія съ самаго начала войны подвержена драконовскому военному режиму и тщательно отгорожена отъ всего остального міра. Проникнуть въ провинцію сейчасъ чрезвычайно трудно, почти невозможно и подданнымъ нейтральныхъ державъ. Изъ провинціи въ нейтральныя страны тоже никого не выпускаютъ. Но все же имѣется не мало матеріала, позволяющаго составить нѣкоторое приблизительное представленіе о настроеніяхъ эльзасъ-лотарингскаго населенія.

Во Францію и Швейцарію удалось все-таки пробраться не малому числу эльзасскихъ политическихъ дѣятелей и среди нихъ нѣсколькимъ лидерамъ партій. Всѣ эти лица, прекрасно знающія свою страну, единогласно утверждаютъ, что огромное подавляющее большинство эльзасъ-лотарингскаго населенія жаждетъ побѣды Франціи и возврата въ лоно стараго отечества. Правда, заявляютъ они, эльзасъ-лотаринцы до войны не желали возврата къ Франціи, если такой возвратъ долженъ былъ быть купленъ цѣною кроваваго конфликта. Именно поэтому они примирялись съ фактомъ аннексіи, стремились быть лойяльными германскими подданными, призывали къ франко-германскому сближенію, надѣясь такимъ путемъ добиться автономіи; но Германія не дала Эльзасъ-Лотарингіи автономіи и объявила войну. Главное условіе — сохраненіе мира, ради котораго эльзасъ-лотарингцы готовы были жертвовать своимъ влеченіемъ къ Франціи, — нарушено. А въ случаѣ побѣды Германіи провинціямъ, конечно, не придется разсчитывать на свободу и независимость въ рамкахъ имперіи. Между тѣмъ Эльзасъ-Лотарингія попрежнему демократична, и перспектива остаться навсегда подъ желѣзнымъ игомъ милитаристической имперіи ей невыносима.

Вотъ, напримѣръ, декларація депутата рейхстага отъ Метца и

члена германской соціалъ-демократіи, Жоржа Вейля, нынѣ служащаго добровольцемъ въ рядахъ французской арміи. Жоржъ Вейль до войны, какъ убѣжденный интернаціоналистъ, особенно энергично проповѣдывалъ идею франко-германскаго сближенія. Вейль объясняетъ въ своей декларации, почему онъ, членъ высшаго законодательнаго учрежденія и эльзасскій соціалъ-демократъ, поступилъ добровольцемъ во французскую армію. „Эльзасъ-лотарингцы во время тяжелаго періода иностраннаго господства пытались подчинить свое требованіе права и свои надежды высшимъ интересамъ мира. Въ мирѣ они боролись за то, чтобы добиться режима, который далъ бы имъ возможность сохранить свою культурную физіономію и свой національный характеръ. Эльзасъ-лотарингцы не раскаиваются въ этомъ. Ихъ прежняя тактика дала имъ сознаніе, какъ и всѣмъ французамъ, что ими было сдѣлано все, чтобы предупредить войну. Ихъ совѣсть чиста. Но врагъ самъ освободилъ насъ отъ тѣхъ ограниченій, которыя диктовались намъ заботой о мирѣ.

„Вчера еще, когда мы находились еще подъ его всемогущей властью, онъ отказывался удовлетворить наши скромныя требованія; въ своей безумной и слѣпой гордости онъ дошелъ до того, что отрицалъ самое существованіе эльзасскаго вопроса. Теперь этотъ вопросъ поставленъ во всей своей полнотѣ. Вызвавъ войну, къ которой онъ стремился, врагъ вернулъ намъ тѣмъ самымъ всю нашу свободу мысли и дѣйствія. Нѣтъ больше ограниченій для нашихъ надеждъ, для нашей патріотической воли! Мы снова вернемся въ лоно французской націи, къ которой мы принадлежимъ своей исторіей и своими традиціями. Право народовъ, подавленное 44 года назадъ, будетъ возстановлено во всей своей интегральности“ [1]).

Эту же точку зрѣнія подробно обосновываетъ и развиваетъ другой эльзасскій соціалистъ, Грумбахъ, котораго я уже нѣсколько разъ цитировалъ выше и который еще болѣе, чѣмъ Вейль, былъ извѣстенъ своей неустанной борьбой противъ эльзасскихъ націоналистовъ. Грумбахъ также оправдываетъ прежнюю тактику эльзасъ-лотарингцевъ. Соціалисты, въ частности, сознательно связывали свои требованія съ опроверженіемъ всякой мысли о выходѣ изъ состава Германской имперіи, потому что въ мирное время только такая тактика могла бы дать какіе-нибудь результаты. Эльзасъ-лотарингцы боялись войны, не желали ея. И тѣмъ болѣе не желали ея эльзасъ-лотарингскіе соціалисты, глубоко вѣрившіе, что мирная эволюція Европы обезпечитъ свободу развитія всѣмъ націямъ и приведетъ постепенно къ справедливому разрѣшенію всѣхъ націо-

[1]) „Humanité“ 20 Décembre, 1914.

нальныхъ вопросовъ. Но теперь эльзасъ-лотарингцы должны выдвинуть иныя требованія, ибо основное условіе, опредѣлявшее характеръ прежнихъ требованій — миръ — болѣе не существуетъ. „Всѣ ограниченія, которыя мы сами себѣ ставили во имя мира, всѣ компромиссы, которые мы принимали и которые мы считали своимъ долгомъ принимать изъ любви къ миру, теперь потеряли свое оправданіе. Наше право и нашъ долгъ сказать откровенно и рѣзко не только истину, но еще и всю истину" [2]).

Я ограничиваюсь цитированіемъ заявленій эльзасскихъ соціалистовъ, такъ какъ они въ мирное время были особенно ярыми противниками всякой мысли объ отпаденіи отъ имперіи; но само собою разумѣется, что другіе эльзасскіе дѣятели, находящіеся сейчасъ во Франціи, выражаютъ взгляды и мнѣнія столь же рѣшительные и опредѣленные, какъ и приведенные выше. Вообще же, насколько можно судить по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, какъ разъ соціалисты Эльзасъ-Лотарингіи, отличавшіеся въ мирное время своимъ особеннымъ подчеркиваніемъ лойяльности провинцій по отношенію къ Германской имперіи, иллюстраціей чего можетъ служить хотя бы ихъ манифестъ къ французскому трудовому народу, изложенный въ предыдущей главѣ, теперь наиболѣе рѣзкимъ и откровеннымъ образомъ выражаютъ свою непримиримую враждебность имперіи.

Такъ, еще въ 1914 году, когда вся Германія была охвачена патріотическимъ угаромъ, соціалистическая фракція эльзасъ-лотарингской палаты единогласно вотировала противъ бюджета. Декларація фракціи по мотивамъ голосованія была составлена въ такомъ духѣ, что германская цензура запретила газетамъ ее напечатать. И сейчасъ же послѣ этого имперскія власти обрушились суровыми преслѣдованіями на соціалистическихъ дѣятелей Эльзасъ-Лотарингіи. Депутатъ Мартэнъ былъ арестованъ и сидитъ въ тюрьмѣ по сей день; другой депутатъ, Пейротъ, высланъ подъ надзоръ полиціи въ восточныя провинціи Германіи; цѣлый рядъ соціалистическихъ муниципальныхъ совѣтниковъ и главарей соціалистическихъ организацій также были арестованы или высланы. Помимо того, нигдѣ въ предѣлахъ Германіи военные суды не имѣютъ столько работы, сколько въ Эльзасъ-Лотарингіи. Эльзасскія газеты печатаютъ почти каждую недѣлю длинные списки осужденныхъ военными судами. Мѣры наказаній варьируютъ отъ каторги до простого ареста. Осужденнымъ ставятся въ вину преимущественно крики „Vive la France", открытое выраженіе желанія снова перейти къ Франціи, высказы-

---

[2]) S. Grumbach, „Le Destin de l'Alsace-Lorraine", стр. 24-ая.

ваніе пожеланія французской побѣды, предсказанія о неизбѣжномъ пораженіи Германіи, демонстративный разговоръ на французскомъ языкѣ и т. п.

Одинъ французскій авторъ, пользуясь матеріаломъ эльзасскихъ газетъ, сдѣлалъ подсчетъ лицъ, осужденныхъ за время войны въ провинціяхъ военными судами; оказалось, что число ихъ достигаетъ почти десяти тысячъ и что 70% осужденныхъ составляютъ рабочіе и ремесленники. Общее число лѣтъ тюремнаго заключенія, къ которому приговорены осужденные, превышаетъ три тысячи[1]). Не менѣе знаменателенъ также тотъ фактъ, что, согласно официальнымъ германскимъ даннымъ, около 15 тысячъ военно-обязанныхъ эльзасцевъ числятся дезертирами, между тѣмъ, какъ болѣе 10 тысячъ эльзасцевъ, германскихъ подданныхъ, поступили добровольцами во французскую армію; наконецъ, извѣстно, что въ 1915 году прусскій военный министръ предписалъ удалить съ западнаго фронта всѣхъ солдатъ эльзасъ-лотарингцевъ въ виду ихъ франкофильскихъ чувствъ. Конечно, мы знаемъ, что Эльзасъ-Лотарингія прочно связана съ Германіей узами экономическихъ интересовъ. До войны многіе эльзасцы откровенно говорили, что ихъ чувство влечетъ ихъ къ Франціи, а ихъ экономическіе интересы къ Германіи. Извѣстно также, что нѣкоторые слои высшей эльзасской буржуазіи, чиновной интеллигенціи и духовенства успѣли пропитаться серьезными симпатіями къ новому отечеству. Но во всякомъ случаѣ, и дошедшіе до насъ факты позволяютъ предполагать это — въ широкихъ народныхъ массахъ война разбудила съ огромной силой неумиравшее стремленіе къ Франціи, подавить и вытравить которое были безсильны германизирующая политика имперскаго правительства и полувѣковое вліяніе германизирующихъ факторовъ, которому подвергались провинціи.

Нѣкоторые изъ хорошо освѣдомленныхъ нейтральныхъ наблюдателей идутъ еще дальше въ этомъ отношеніи и утверждаютъ, что все эльзасъ-лотарингское населеніе отъ низа до верха, за немногими исключеніями, пламенно и страстно желаетъ возврата къ Франціи. Такое утвержденіе было высказано, между прочимъ, въ январѣ 1916 года въ Базельской газетѣ „National Zeitung", не скрывающей своихъ германофильскихъ тенденцій. Не забудемъ также, что Базель находится на самой границѣ Эльзаса, и базельская газета обладаетъ поэтому особенной компетенціей въ эльзасскихъ дѣлахъ. Такъ вотъ что писала „National Zeitung".

„Война выкапываетъ все болѣе глубокую пропасть въ импер-

---

[1] A. Fribourg, „Le Martyr de l'Alsace-Lorraine".

ской землѣ между обоими элементами — нѣмецкими и эльзасскими. Послѣдствіемъ этого является то, что взоры все болѣе и болѣе обращаются къ Франціи. И это приходится констатировать даже для тѣхъ круговъ, которые раньше готовы были окончательно примириться съ историческими фактами. Въ дѣйствительности, эльзасскій народъ, взятый въ цѣломъ, если отвлечься отъ нѣкоторыхъ исключеній, встрѣтитъ возвратъ къ Франціи, какъ освобожденіе, кладущее конецъ положенію, сдѣлавшемуся для него нестерпимымъ".

Во всякомъ случаѣ, насколько можно судить по заявленіямъ видныхъ эльзасскихъ политическихъ дѣятелей, находящихся сейчасъ за границей, сторонники возврата къ Франціи раздѣлены въ Эльзасъ-Лотарингіи на два направленія.

Первое направленіе желаетъ возсоединенія съ старымъ отечествомъ безъ всякаго предварительнаго опроса населенія. Точка зрѣнія этого направленія была формулирована бывшимъ мэромъ Кольмара Блюменталемъ на послѣднемъ конгрессѣ французской „Лиги правъ человѣка и гражданина". Эльзасъ-Лотарингія, заявилъ Блюменталь, не стала бы просить Францію, чтобы она начала войну съ Германіей ради отвоеванія провинцій. До войны можно было говорить о плебисцитѣ и арбитражѣ, — теперь же условія измѣнились, — теперь ужъ слишкомъ поздно. Слишкомъ поздно, потому что Германія сама разорвала франкфуртскій договоръ; слѣдовательно, Эльзасъ-Лотарингія ей болѣе не принадлежитъ, точно такъ же, какъ не принадлежатъ ей Лилль, Валансьенъ и Мезьеръ, временно находящіеся въ ея власти. Эльзасъ-Лотарингія — не нація и даже не провинція, — это кусокъ французской территоріи, вырванный силой у отечества-матери... Эльзасъ-Лотарингія не будетъ снова аннексирована Франціей, — она просто вернется въ предѣлы Франціи .. Плебисциты, автономія, превращеніе провинцій въ нейтральную территорію, — отъ этихъ химеръ нужно отказаться... Да будетъ всѣмъ извѣстно, что Эльзасъ-Лотарингія ждетъ со страстнымъ нетерпѣніемъ своего возсоединенія, безъ всякихъ условій, съ французской націей, частью которой она никогда не переставала себя чувствовать" [1]).

Грумбахъ въ упомянутой выше книжкѣ выражаетъ взгляды противоположнаго направленія. И Грумбахъ, какъ мы знаемъ, желаетъ возврата Эльзасъ-Лотарингіи къ Франціи, но онъ доказываетъ, что Франція, въ случаѣ своей побѣды, должна предварительно выяснить волю эльзасъ-лотарингскаго населенія путемъ плебисцита. Не то, чтобы онъ сомнѣвался въ стремленіи этого населенія къ

---

1) Газета „La Victoire", отъ 2 ноября 1916 г.

Францiи; наоборотъ, онъ въ этомъ глубоко увѣренъ, но онъ выдвигаетъ свое требованiе въ интересахъ будущаго мира. Грумбахъ предполагаетъ, что если Эльзасъ-Лотарингiя будетъ присоединена къ Францiи, „purement et simplement“, то германскiе нацiоналисты завопятъ о насилiи, совершенномъ надъ якобы исконнымъ нѣмецкимъ населенiемъ, и идея нѣмецкаго реванша ради освобожденiя эльзаскихъ „братьевъ“, сможетъ найти благопрiятную почву въ Германiи.

„Совершенно очевидно, что будутъ говорить о „изнасилованномъ Эльзасѣ“, объ „Эльзасѣ, перешедшемъ къ Францiи вопреки своей волѣ“. И въ доказательство этого „насилiя“ будутъ ссылаться на тотъ фактъ, что́ Францiя не осмѣлилась опросить само населенiе; несомнѣнно также, что́ съ теченiемъ времени, принципiальные сторонники войны въ Германiи сдѣлаютъ изъ этого факта цѣлый рядъ выводовъ въ пользу своего новаго „освободительнаго тезиса“, если... вотумъ эльзасъ-лотарингскаго народа не закроетъ герметически дверь всякой дiалектической интерпретацiи исторiи, всякому демагогическому анализу желанiй и симпатiй Эльзасъ-Лотарингiи“...

Война перевернула и для французовъ сущность эльзасской проблемы, какъ она перевернула ее для эльзасъ-лотарингцевъ. Время смягчило было остроту и горечь понесенной утраты, но война разбудила нацiональную страсть французовъ, и паутина, обволакивавшая рану, которую соткало время, разорвалась.

Боль отъ старой раны остро почувствовалась, а то основное условiе, ради котораго французы, какъ и эльзасъ-лотарингцы, мирились съ аннексiей — миръ — перестало существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всякiе шансы на возможность полученiя автономiи Эльзасъ-Лотарингiей совершенно исчезли, а населенiе провинцiй, насколько могутъ судить французы, тянется всѣми фибрами къ Францiи. И точно такъ же, какъ въ первые годы аннексiи французское демократическое сознанiе протестовало и возмущалось противъ насильственнаго подавленiя права эльзасъ-лотарингцевъ на свободное самоопредѣленiе, точно также и по тѣмъ же мотивамъ, оно не можетъ допустить теперь мысли, чтобы Эльзасъ-Лотарингiя осталась подъ властью Германiи. Поскольку эльзасъ-лотарингцы проявляютъ свою волю вырваться изъ тисковъ Германской имперiи, постольку осуществленiе этой воли является для французовъ священнымъ долгомъ нацiональной чести и демократической совѣсти. Францiя не начала бы войны для отвоеванiя Эльзасъ-Лотарингiи, но разъ война стала фактомъ, разъ французская кровь все равно льется рѣкой, то Францiя, объявившая своей цѣлью въ настоящей войнѣ обезпеченiе

права народовъ на свободу и независимость, не можетъ не стремиться прежде всего обезпечить это право для эльзасъ-лотарингцевъ, протягивающихъ къ ней руки, какъ дѣти къ своей матери. Указанныя причины, главнымъ образомъ, опредѣляютъ теперь отношеніе французовъ къ эльзасскому вопросу, что̀, конечно, не исключаетъ и вліянія другихъ причинъ, стратегическихъ и экономическихъ, диктующихъ теперь, когда германскій милитаризмъ проявилъ себя во всей своей красѣ, необходимость обратнаго отвоеванія провинцій. Но не эти послѣднія причины являются, однако, доминирующими въ народномъ сознаніи.

И вотъ почему, съ первыхъ же недѣль войны, всѣ французскія политическія партіи — отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ — провозгласили единодушно, что освобожденіе Эльзасъ-Лотарингіи изъ-подъ нѣмецкаго господства есть одна изъ главныхъ задачъ республики въ настоящей войнѣ.

И опять таки чрезвычайно характерна позиція въ этомъ вопросѣ соціалистовъ, которые, какъ мы знаемъ, до войны особенно энергично проповѣдывали необходимость примиренія съ историческимъ фактомъ. Теперь требуетъ возврата провинцій къ Франціи не только патріотическое большинство партіи, но и ея оппозиціонное меньшинство, добивающееся возстановленія отношеній съ германской соціалъ-демократіей. Въ манифестѣ, принятомъ на партійномъ конгрессѣ въ декабрѣ 1915 года и вотированномъ делегатами обоихъ партійныхъ направленій, возвратъ Эльзасъ-Лотарингіи къ Франціи былъ выдвинутъ, какъ одно изъ основныхъ условій длительнаго мира.

„Не можетъ быть длительнаго мира, — гласилъ манифестъ, — если не будетъ возвращена угнетеннымъ національностямъ Европы свобода распоряженія своей судьбой, если не будетъ возстановлена между Франціей и Эльзасъ-Лотарингіей та связь, которую время не можетъ упразднить и которая была насильственно разорвана въ 1871 году, вопреки соціалистическимъ протестамъ Бебеля и Либкнехта въ нѣдрахъ самой германской націи“. А въ своемъ органѣ „Le Populaire“ партійное меньшинство, проповѣдуя принципы интернаціоналистической ортодоксіи, упрекаетъ однако германскую соціалъ-демократическую оппозицію, съ которой она находитъ точки соприкосновенія, что ея нежеланіе, какъ и всей соціалъ-демократіи, признать эльзасскій вопросъ международнымъ вопросомъ затрудняетъ сближеніе между соціалистами Франціи и Германіи.

Среди французскихъ соціалистовъ по отношенію къ вопросу объ Эльзасъ-Лотарингіи имѣются два направленія: одни находятъ, что провинціи должны быть „purement et simplement“ возвращены Фран-

ціи, — другіе утверждаютъ, что нужно предварительно офиціально и точно выяснить волю самого эльзасъ-лотарингскаго населенія путемъ народнаго плебисцита. Въ томъ же манифестѣ декабрьскаго конгресса, о которомъ я выше упоминалъ, дана была формула, примирившая въ этомъ вопросѣ оба направленія.

Вслѣдъ за утвержденіемъ о необходимости возврата провинцій къ Франціи, въ манифестѣ выражена увѣренность, что, осуществивъ эту цѣль, „Франція сумѣетъ показать себя дальновидной и справедливой, предложивъ Эльзасъ-Лотарингіи самой снова подтвердить въ торжественной формѣ, какъ это сдѣлали ея представители въ 1871 году, свою волю принадлежать французской коллективности". Однако, всѣ остальныя французскія партіи не придерживаются такой точки зрѣнія и высказываются категорически противъ идеи плебисцита въ Эльзасъ-Лотарингіи. Главный ихъ аргументъ — и этотъ аргументъ былъ формулированъ также бывшимъ министромъ-президентомъ Вивіани въ парламентской рѣчи — заключается въ томъ, что, прибѣгнувъ къ плебисциту, Франція тѣмъ самымъ признаетъ правовую силу за франкфуртскимъ договоромъ. Эльзасъ-Лотарингія была оторвана насильно отъ Франціи, вопреки ея протестамъ; какія же могутъ быть сомнѣнія насчетъ ея желанія вернуться въ лоно отечества? Когда мать освобождаетъ отъ неволи своихъ дѣтей, она не спрашиваетъ ихъ, желаютъ ли они вернуться къ ней, — она заключаетъ ихъ въ свои объятія. Такъ должна поступить Франція и съ Эльзасъ-Лотарингіей.

„Плебисцитъ будетъ равносиленъ признанію порядка вещей, созданнаго завоеваніемъ, — пишетъ радикалъ-соціалистъ и извѣстный демократическій дѣятель, профессоръ Сеайль. И это уже для насъ достаточное основаніе, чтобы его отвергнуть. Мы не признаемъ права войны. И для насъ не существуетъ эльзасскаго вопроса, потому что Эльзасъ-Лотарингія ни разу не признала себя нѣмецкой и не дала своего согласія на аннексію. Характеръ ея протеста мѣнялся, потому что ей необходимо было приспособляться къ новымъ условіямъ, но самый протестъ Эльзасъ-Лотарингіи никогда не переставалъ звучать. Договоръ, связывающій эти провинціи съ Германской имперіей, былъ опороченъ съ перваго же дня, и не обладаетъ авторитетомъ"[1]. Эльзасскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ только силой. Мы, увы, живемъ сейчасъ въ такое время, когда не право, а сила рѣшаетъ судьбы націй, и право можетъ восторжествовать, лишь опираясь на силу. Это прекрасно понимаютъ французы; понимаютъ они и то, что исходъ войны, богатой такими не-

---

[1]) G. Séaille, „L'Alsace-Lorraine", стр. 53. Paris 1916.

ожиданностями и сюрпризами, еще трудно съ точностью заранѣе предвидѣть. Но во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что для Франціи, для французскаго сознанія вопросъ объ отобраніи Эльзасъ-Лотарингіи стоитъ сейчасъ почти въ такой же повелительной формѣ, какъ и вопросъ объ освобожденіи сѣверо-восточныхъ департаментовъ, оккупированныхъ нѣмцами.

Эльзасскій вопросъ долго считался однимъ изъ самыхъ больныхъ и обостренныхъ національныхъ вопросовъ въ Европѣ. Эволюція, совершившаяся въ Эльзасъ-Лотарингіи и вліявшая на позицію французовъ, смягчила было его остроту. Теперь этотъ вопросъ снова пріобрѣлъ свое прежнее значеніе, сдѣлавшись гораздо болѣе сложнымъ и труднымъ. Ибо если въ 1871 году германская демократія, устами своихъ вождей, мужественно и энергично протестовала противъ аннексіи Эльзасъ-Лотарингіи, а германскій народъ въ цѣломъ не былъ твердо увѣренъ въ своемъ правѣ владѣть ею, то теперь дѣло обстоитъ иначе. Завѣты Маркса, Либкнехта и Бебеля давно забыты даже соціалъ-демократіей. И не только буржуазныя партіи, не только соціалъ-демократическое большинство, но и оппозиціонное соціалъ-демократическое меньшинство провозглашаетъ какъ догматъ сохраненіе во всей ея неприкосновенности нынѣшней территоріи Германской имперіи. И таково, несомнѣнно, настроеніе германскихъ народныхъ массъ.

Радикально разрѣшить эльзасскій вопросъ можно лишь путемъ примѣненія принциповъ свободы, т. е. предоставивъ населенію провинцій свободно и открыто высказать свою волю и привести ее въ исполненіе. Но для этого не только необходимо пораженіе германскаго милитаризма, — необходимо также, чтобы по обѣ стороны Вогезовъ такой способъ разрѣшенія вопроса былъ признанъ единственно правильнымъ и справедливымъ.

Е. Сталинскій.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ МЕЖДУ ИТАЛІЕЮ И РОССІЕЙ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Одинъ русскій журналистъ писалъ по поводу вступленія Италіи въ войну: „Проведемъ золотой мостъ отъ сердца Италіи къ сердцу Россіи". Лирически настроенный литераторъ разумѣлъ эту фразу „духовно", но реалистическіе элементы итальянской общественности серьезно задумались надъ тѣмъ, какъ взаправду соорудить золотой мостъ между обѣими странами. Въ многочисленныхъ проектахъ и планахъ по-военной („dopo-guerra") организаціи народно-хозяйственнаго уклада страны, — вопросъ о наиболѣе тѣсномъ торгово-экономическомъ единеніи съ Россіей, о возможномъ „использованіи" восточной союзницы сталъ однимъ изъ наиболѣе настоятельныхъ.

Мы имѣемъ теперь въ Италіи цѣлый рядъ конкретно предпринятыхъ шаговъ въ дѣлѣ сближенія съ Россіей. Со времени пребыванія здѣсь русской парламентской делегаціи существуетъ особый итало-русскій комитетъ, поставившій себѣ цѣлью создать почву для плодотворнаго обмѣна идеями между обоими народами, пока продолжается война, и товарами — по заключеніи мира. Въ составъ комитета входятъ выдающіеся политическіе дѣятели Италіи, а также представители торговли и промышленности: графъ Ди-Санъ-Мартино (председ.); синдикъ Рима князь Колонна; синдикъ Турина сенаторъ Росси; деп. Торре, предсѣд. національной ассоціаціи печати; деп. Артомъ, предсѣд. колоніальнаго института, ректоръ римскаго университета проф. Тонелли; извѣстный математикъ сенаторъ Вито Волтерра; сен. Понти, предсѣд. національнаго комитета по реформѣ таможенныхъ тарифовъ; рядъ предсѣдателей коммерческихъ камеръ и т. д.

Заинтересовавшись Россіей, не могли, конечно, въ первую голову не заинтересоваться и русскимъ языкомъ. Не такъ давно всю печать обошло письмо ректора феррарскаго университета проф.

Пьетро Ситта, адресованное итало-русскому комитету по поводу желательности введенія русскаго языка въ коммерческихъ школахъ, — по крайней мѣрѣ высшихъ — Италіи. Надо думать, что предложеніе это, встрѣченное печатью и господствующимъ общественнымъ мнѣніемъ съ живой симпатіей, получитъ осуществленіе съ начала будущаго учебнаго года. А пока въ Римѣ основана спеціальная школа изученія русскаго языка, организованная другимъ итало-русскимъ комитетомъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ сенаторъ проф. Блазерна. Открытіе школы носило весьма торжественный характеръ, правительство делегировало своего представителя, прислали привѣтственныя письма рядъ министровъ, а также королева Елена. О спеціальной миссіи, отправившейся въ Россію съ тѣмъ, чтобы завязать дѣловыя отношенія съ нашими торгово-промышленными кругами, говорить не будемъ, такъ какъ наши читатели объ этомъ достаточно освѣдомлены изъ русскихъ газетъ.

Наконецъ, съ ноября началъ выходить посвященный все тому же вопросу итало-русскаго сближенія ежемѣсячный журналъ „Monitore Italo-Russo [1])“, издаваемый г. Ахилломъ Фумазони-Біонди, бывшимъ итальянскимъ консуломъ и коммерческимъ делегатомъ въ Москвѣ. До настоящаго времени вышли въ свѣтъ двѣ книжки журнала, позволяющія заключать, что мы имѣемъ дѣло съ предпріятіемъ болѣе или менѣе серьезнымъ. Отсутствіе реторики и общихъ фразъ; стремленіе дать фактическую картину состоянія русскаго рынка и развитія производительныхъ силъ и на почвѣ этой конкретной картины подойти къ основной задачѣ журнала выгодно отличаютъ его отъ другихъ писаній, посвященныхъ Россіи, гдѣ увы! все еще преобладаетъ „anima slava“ и тому подобныя невѣсомыя и пустопорожнія понятія. Если редакція будетъ и впредь выдерживать тотъ же серьезный и необычный здѣсь по отношенію къ Россіи тонъ, итальянская буржуазія получитъ въ этомъ органѣ цѣнное изданіе. (Издатель намѣревается организовать подобнаго рода предпріятіе и въ Россіи на русскомъ языкѣ.) Въ двухъ вышедшихъ книжкахъ мы встрѣчаемъ, на ряду съ довольно обильной хроникой итало-русскихъ отношеній, русской политической жизни, данныхъ о состояніи русскаго рынка, разныхъ отраслей производства и статьи болѣе общаго содержанія, какъ, напримѣръ: „Нижегородская ярмарка“, „Нѣмецкій капиталъ въ торговлѣ и промышленности Россіи“ (проф. Серафини), „Японія на завоеваніи русскаго рынка“ (проф. Риверта), „Внѣшняя торговля

---

[1]) Адресъ редакціи и конторы: Roma, Via Gregoriana, 25.

Россiи", „Русскiе города", „Русская женщина"), „Кустарное производство игрушекъ" и мн. др. Кромѣ того, въ журналѣ переведена изъ сборника „Чего ждетъ Россiя отъ войны" статья М. Славинскаго: „Война и нацiональные вопросы Россiи".

Присмотримся теперь поближе къ аргументацiи торгово-промышленныхъ круговъ Италiи на проектахъ дѣлового сближенiя съ Россiей. Изложимъ вкратцѣ содержанiе меморандума, розданнаго членамъ миссiи, въ скоромъ времени, по инициативѣ неаполитанской коммерческой камеры, отправляющейся въ Россiю. Пользуясь безконечными богатствами русской почвы, англичане, французы, американцы, японцы стремятся приложенiемъ своего труда и капиталовъ содѣйствовать экономическому расцвѣту Россiи. Съ каждымъ днемъ растутъ новыя потребности, и необходимо поэтому приняться за изученiе возможностей дальнѣйшаго развитiя производительныхъ силъ Россiйской имперiи. Прежде всего, нужно прiобрѣсти точныя знанiя о томъ, какiе продукты Россiя въ состоянiи будетъ вывозить за границу, въ частности въ Италiю, — изъ тѣхъ, въ которыхъ эта послѣдняя нуждается, — а также объ условiяхъ возможной конкурренцiи послѣ войны на внутреннемъ русскомъ рынкѣ со стороны различныхъ европейскихъ и неевропейскихъ странъ. Фундаментальной проблемой, прежде всего требующей разрѣшенiя, является практическое осуществленiе коммерческой организацiи, которая должна обслуживать Россiю и Италiю. Безъ подобнаго рода организацiи нельзя думать объ интенсификацiи обмѣна между обѣими странами. Базой для созданiя организацiи должно явиться изученiе вопроса о путяхъ сообщенiя между этими странами и о таможенной политикѣ Россiи по отношенiю къ итальянскимъ продуктамъ. Для интенсификацiи обмѣна необходимо созданiе кредитнаго учрежденiя съ равномѣрно вложенными итало-русскими капиталами, безъ чего итальянскимъ экспортерамъ было бы невозможно выдерживать конкурренцiю при продажи своихъ продуктовъ на русскомъ рынкѣ. Надо имѣть въ виду, что въ Россiи обычно товаръ прiобрѣтается при условiи уплаты черезъ четыре, шесть, девять мѣсяцевъ послѣ его полученiя. Такимъ образомъ, продавецъ, соглашаясь на подобныя условiя, вынужденъ связать свой капиталъ на 6 мѣсяцевъ въ среднемъ; онъ долженъ, слѣдовательно, располагать значительными средствами, ибо итальянскiй банкъ съ трудомъ учтетъ ему векселя на срокъ свыше трехъ мѣсяцевъ. Если спецiально созданный банкъ не поддержитъ своимъ кредитомъ дѣятельности экспортера, — итальянскiй экспортъ въ Россiю никогда не приметъ серьезныхъ размѣровъ и будетъ осуществляться, какъ прежде, при

помощи иностранныхъ посредниковъ. Японія, напримѣръ, начавшая тотчасъ же послѣ портсмутскаго мира работу экономическаго проникновенія въ Россіи, немедленно приступила къ созданію спеціальнаго русско-японскаго банка въ указанныхъ цѣляхъ, вложивъ въ него 20 милліоновъ іенъ.

Итальянскіе экспортеры земледѣльческихъ продуктовъ должны были бы усилить свою торговлю съ Россіей, но для этого необходимо предварительно устранить кое-какія трудности и, прежде всего, таможеннаго характера. Такъ, за вагонъ цвѣтной капусты, фасоли, апельсиновъ, лимоновъ, мандариновъ приходится платить 2 тысячи франковъ пошлины — и это еще изъ минимальныхъ обложеній: вагонъ винограда или миндаля доходитъ до 5 тысячъ! Далѣе, существуетъ рядъ неудобствъ и несоотвѣтствій въ дѣлѣ транспорта продуктовъ, въ Россіи не хватаетъ подходящихъ вагоновъ, продукты портятся и т. п. Особаго упоминанія заслуживаетъ обработанный кораллъ, на который въ Россіи даже въ 1916 году имѣлся большой спросъ. Тарифъ столь высокъ, что покупатели предпочитаютъ пріобрѣтать итальянскіе кораллы не въ Италіи (Торре дель-Греко), а въ Калькуттѣ. Наконецъ, для того, чтобы въ Москвѣ, Петроградѣ и т. п. можно было заключать сдѣлки и вообще для усиленія торговли съ Россіей, необходимо присутствіе въ крупнѣйшихъ русскихъ центрахъ коммерческихъ представителей Италіи, владѣющихъ русскимъ языкомъ („говоря на другихъ языкахъ, можно встрѣтить недовѣріе“, — въ скобкахъ вставляетъ авторъ меморандума) и располагающихъ достаточными фондами для рекламы, печатанія каталоговъ, образчиковъ и т. п.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе дѣлового документа, который мы считаемъ нужнымъ дополнить и иллюстрировать нѣкоторыми данными.

Каковы были до сихъ поръ дѣйствительные размѣры итало-русскаго обмѣна? По даннымъ русской торговой статистики за 1913-й годъ Италія ввезла въ Россію непосредственно продуктовъ на сумму въ 40 милліоновъ лиръ (шелкового сырья на 22 мил., апельсиновъ и лимоновъ — на 10 мил., сѣры — на 1 мил. 10.077, мрамора— на 1 мил. и т. д.). Въ Италію же импортировалось русскихъ продуктовъ на 214 мил. лир. (зерна — на $179\frac{1}{2}$ мил., шелков. коконовъ — на $12\frac{1}{2}$ мил., дерева почти на 3 мил., минер. масл. — на $2\frac{1}{2}$ м., льна и конопли — на $2\frac{1}{2}$ мил., керосина — почти на 2 мил., ржи — на $5\frac{1}{2}$ мил. и т. д.). Но всѣ эти данныя страдаютъ неполнотой: въ упомянутомъ выше меморандумѣ уже указывалось на большую роль, которую играло до сихъ поръ посредничество въ дѣлѣ итало-русскаго обмѣна. „Monitore Italo-Russo“ въ редакціон-

ной статьѣ 1-го нумера исчисляетъ эту добавочную сумму въ 20—25 милліоновъ для экспорта и въ 80—90 мил. для импорта. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы передъ войной — 1912 и 1913 — Италія ввозила въ Россію своихъ товаровъ приблизительно на 65 мил. лир., а Россія въ Италію — на 300 слишнимъ мил. лир. Вмѣшательство постороннихъ посредниковъ играло, слѣдовательно, весьма существенную роль въ итало-русскихъ торговыхъ отношеніяхъ. Немудрено поэтому, что заинтересованные круги въ своихъ проектахъ на будущее удѣляютъ этому вопросу особое вниманіе.

Съ наступленіемъ войны, такъ радикально портящей экономическую конъюнктуру рынка и, прежде всего, создавшей небывалыя трудности транспортнаго характера, не могъ, конечно, не измѣниться характеръ итало-русскаго обмѣна. Цѣлый рядъ товаровъ совершенно пересталъ экспортироваться изъ Италіи въ Россію, какъ напр., дубильныя кислоты, оливковое масло, шелковое сырье, мраморъ и алебастръ, камни и минералы, резина и гутаперча; экспортъ другихъ продуктовъ свелся къ минимуму, какъ, напр., апельсины, лимоны и мандарины, игравшіе прежде такую видную роль въ итало-русскихъ торговыхъ отношеніяхъ: такъ, за періодъ отъ 1 янв. до 1 сент. 1914 года въ Россію ввезено было около 340 тысячъ квинталовъ этихъ продуктовъ, въ 1915 году за тѣ же мѣсяцы — уже около 10.877 кв., а въ 1916-мъ — 10 тысячъ кв. Съ другой стороны, потребности войны вызвали со стороны Россіи небывалый прежде спросъ на автомобили, фото-электрическіе матеріалы, приспособленія для подводныхъ лодокъ, пулеметы, аэропланы, снаряды и т. п. Точныхъ статистическихъ данныхъ пока еще въ нашемъ распоряженіи не имѣется, но цитированный журналъ исчисляетъ стоимость всѣхъ этихъ военныхъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ Россіей въ Италіи за время войны, въ полмилліарда лиръ. По даннымъ итальянскаго министерства финансовъ, Италія вывезла въ Россію за первые 8 мѣсяцевъ 1916 г. разнаго рода автомобилей — 2536, — 1915-го года — 1162, между тѣмъ какъ за тотъ же періодъ времени 1914-го года всего 136. Также усилился ввозъ различныхъ машинъ для соотвѣтствующихъ сроковъ и научныхъ приборовъ (оптическихъ, исчислительныхъ и т. п.). Стóитъ также отмѣтить усиленный ростъ вывоза трехъ категорій товаровъ, къ войнѣ никакого отношенія не имѣющихъ: объ одномъ изъ нихъ уже упоминалось въ меморіалѣ — кораллы (за 8 м. 1914 г. — 262 кгр., 1916-го — 581); кинематографическіе фильмы (соотвѣтств. данныя: 2188 кгр. и 7034) и, наконецъ, шляпы.

Какъ мы видимъ, для оптимистическихъ надеждъ на будущій расцвѣтъ итало-русскихъ торговыхъ отношеній имѣются достаточно

вѣскія основанія. Но при реалистическомъ учетѣ осуществленія этой возможности встаетъ, прежде всего, какъ conditio sine qua non первостепенной важности, вопросъ о путяхъ сообщенія между обѣими странами. А этотъ послѣдній, въ свою очередь, тѣсно связанъ съ тѣмъ или инымъ исходомъ войны, — будетъ ли рѣчь идти о желѣзнодорожномъ пути черезъ Балканы къ Адріатическому морю или о морскомъ, соединяющемъ порты Средиземнаго съ портами Чернаго и Балтійскаго морей, не говоря уже о старомъ, наиболѣе близкомъ и непосредственномъ сообщеніи черезъ Австро-Венгрію. Ясно, что если проекту созданія двухъ экономическихъ трестовъ — Mittel-Europa и Circum-Europa — суждено осуществиться, на дѣлѣ итало-русскаго сближенія пришлось бы поставить крестъ.

Раф. Гр.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Первый мѣсяцъ послѣ революціи. — Дѣятельность Временнаго Правительства. — Вопросъ о войнѣ. — Вопросъ о двоевластіи. — Депутаціи и съѣзды. — Проповѣдь единенія. — Годовщина смерти М. М. Ковалевскаго. — В. М Хижняковъ †.

Позже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, совершилась революція въ Россіи. Отсюда необычайная многочисленность и сложность задачъ, ставшихъ передъ новою властью и передъ всѣмъ народомъ. Почти вездѣ побѣдоносный революціонный взрывъ происходилъ на политической почвѣ; соціальныя проблемы онъ заставалъ едва намѣченными или не вышедшими изъ зачаточнаго состоянія. У насъ разрѣшенію подлежатъ давно назрѣвшіе вопросы и того, и другого рода. Такъ было уже двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, во время перваго революціоннаго кризиса; но, подавленный въ самомъ началѣ, онъ достигъ немногаго, и это немногое оставилъ словно висящимъ въ воздухѣ, не получившимъ общаго признанія и твердыхъ точекъ зрѣнія. Дѣло государственнаго и общественнаго устроенія, въ особенности послѣ 3 іюня 1907 года, пошло не впередъ, а назадъ; неотложныя реформы отклонялись или отодвигались въ неопредѣленное будущеее; въ среду населенія вносились новыя сѣмена раздора; въ правительственныхъ сферахъ открывался все болѣе и болѣе широкій просторъ для дѣятельности „темныхъ силъ". Одно только не удавалось отжившему режиму водворить около себя непроницаемый мракъ. Лучи свѣта проникали въ недоступную для нихъ прежде область и раскрывали ужасающую картину. Не осталось мѣста для иллюзій, для самообольщенія. Поколебались устои, долго казавшіеся незыблемыми, и порядокъ, державшійся только подобіемъ внѣшней силы, рухнулъ безславно и безслѣдно.

И какъ ни тяжело наслѣдство, которое онъ оставилъ странѣ, самая эта тяжесть послужила на пользу безотлагательно предпринятому дѣлу. Несостоятельность учрежденій, ненормальность отношеній между различными частями государства, между народностями, сословіями и классами, все обнаружило необходимость коренного и

общаго обновленія. Работа закипѣла, въ теченіе одного мѣсяца получены результаты, которыхъ при частичномъ измѣненіи государственнаго строя пришлось бы ждать — и, можетъ быть, не дождаться, въ теченіе долгихъ лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько препятствій встрѣтило бы, напримѣръ, возстановленіе законныхъ правъ финскаго народа! Сколько усилій понадобилось бы для того, чтобы снести безобразную постройку, возведенную, семь лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ прежней финляндской автономія! Теперь эта постройка болѣе не существуетъ: обновленъ финляндскій сенатъ, собрался финляндскій сеймъ, и однимъ изъ первыхъ его дѣлъ будетъ, по видимому, закономѣрное уравненіе русскихъ гражданъ съ финляндскими въ области торговли и въ мѣстномъ самоуправленіи. Столь же просто и радикально разрѣшенъ польскій вопросъ, поставленный прежнимъ правительствомъ въ началѣ войны, но затѣмъ, несмотря на возроставшую его серьезность, точно заглохшій среди безконечныхъ колебаній и противорѣчій. Уничтожены всѣ національныя и религіозныя ограниченія, стѣна которыхъ, воздвигнутая предразсудками, поддерживаемая рутиной, страхомъ и узкимъ расчетомъ, такъ долго казалась несокрушимой. Не считается больше неприкосновенной святыней господство государственнаго языка въ судѣ, въ управленіи и въ школѣ. Блеститъ заря областныхъ автономій, о которыхъ не хотѣла и думать самодержавная монархія. Амнистія, съ самаго созыва первой Думы, представлявшая предметъ народныхъ требованій, упорно отвергавшаяся мстительною, жестокою властью, положила конецъ многолѣтнимъ страданіямъ и безправію людей, раньше и упорнѣе другихъ вступившихъ въ борьбу съ вѣковымъ зломъ. Въ нѣсколько дней осуществлено то, что было мечтою долгихъ десятилѣтій: дѣйствительное равенство передъ закономъ. Въ плоть и кровь облекся образъ русскаго гражданина, давно носившійся передъ глазами мыслителей и поэтовъ, проникшій въ жизнь вмѣстѣ съ первыми волнами освободительнаго движенія, но стертый до неузнаваемости въ реакціонные годы.

Все сдвинулось съ мѣста, какъ въ сказочномъ замкѣ, внезапно очнувшемся отъ навѣяннаго злымъ волшебствомъ сна. Неясно виднѣвшееся въ отдаленномъ будущемъ становится дѣломъ сегодняшняго или завтрашняго дня. Вмѣстѣ съ всевластіемъ административнаго произвола исчезаетъ одно изъ главныхъ его орудій — полиція, глубже всѣхъ другихъ органовъ стараго порядка впитавшая въ себя худшіе его пороки. Въ среду, анти-общественную par excellence широкой струей вливается общественное начало. „Общественность" въ послѣдніе годы сдѣлалась моднымъ словомъ; теперь это слово быстро переходитъ въ дѣло. Возникаетъ самоуправляю-

щаяся волость, необходимость которой стала ясной вслѣдъ за паденіемъ крѣпостного права, но о которой до самаго послѣдняго времени не хотѣли и слышать эпигоны крѣпостничества. Въ земское и городское самоуправленіе проникаютъ, не ожидая близкой его перестройки, новые элементы, несущіе съ собою новую жизнь. Доживаетъ послѣдніе дни одно изъ самыхъ ненавистныхъ порожденій эпохи „контръ-преобразованій“: устраняются земскіе начальники отъ которыхъ, конечно, не отказался бы безъ упорной борьбы создавшій ихъ режимъ. Вмѣстѣ съ ними рушится одно изъ главныхъ препятствій къ повсемѣстному введенію мирового суда. Успѣшно дѣйствуютъ временные суды, смѣло призванные къ жизни правильнымъ пониманіемъ потребностей минуты. Больше десяти лѣтъ продолжалось уродливое совмѣщеніе, въ области правосудія, двухъ существенно далекихъ другъ отъ друга уголовныхъ кодексовъ; теперь ему предвидится близкій конецъ, не ожидая котораго изъ стараго права вырвана всецѣло, безъ остатка смертная казнь. Это — одно изъ самыхъ крупныхъ дѣлъ новой власти, пошедшей въ этомъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ, гораздо дальше, чѣмъ французское временное правительство 1848-го года, отмѣнившее смертную казнь только за политическія преступленія. Правда, вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ предрѣшенъ нашей первой Государственной Думой, примѣру которой не могла не послѣдовать власть, созданная торжествомъ революціи; но это не умаляетъ значенія великодушной мѣры. Чтобы оцѣнить ее по достоинству, достаточно вспомнить, что очень недавно смертная казнь была въ Россіи „бытовымъ явленіемъ“. Число исполненныхъ, въ теченіе 3—4 лѣтъ, смертныхъ приговоровъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ; цѣлыя категоріи дѣлъ были изъяты изъ вѣдѣнія общаго суда и подчинены дѣйствію военныхъ судовъ именно потому, что этимъ открывался широкій просторъ для примѣненія жестокой кары. Великъ, при другихъ условіяхъ, могъ бы быть соблазнъ расплаты тою же монетой; но свободно отъ мстительности было настроеніе побѣдителей, и они не захотѣли поднять оружіе, выпавшее изъ рукъ побѣжденнаго врага. Общимъ закономъ будетъ нормирована отвѣтственность за преступленія, совершенныя представителями падшей власти; общимъ судомъ будетъ опредѣлена ихъ виновность или невиновность. Одновременно съ пересмотромъ уголовнаго уложенія, направленнымъ, главнымъ образомъ, къ устраненію пережитковъ стараго порядка, предпринятъ пересмотръ судебныхъ уставовъ, съ цѣлью очищенія ихъ отъ чуждыхъ элементовъ, внесенныхъ туда длительной реакціей. Очищенію подлежитъ и личный составъ судебныхъ мѣстъ; какъ великъ ни былъ гнетъ, вызывавшій сдѣлки съ совѣстью, нѣ-

которыя изъ нихъ были настолько серьезны, что исключаютъ возможность дальнѣйшей судейской дѣятельности виновныхъ.

До крайности разстроеннымъ перешло въ руки Временнаго Правительства продовольственное дѣло. Поправить всѣ сдѣланныя ошибки, положить конецъ всѣмъ злоупотребленіямъ и неустройствамъ въ короткое время не было возможно. Сдѣлано, однако, не мало, благодаря не только согласованности и планомѣрности принятыхъ мѣръ, но и довѣрію къ новой власти. Миновалъ критическій моментъ, предшествовавшій революціи; устранена, можно надѣяться, опасность голода, грозившаго столицамъ и многимъ другимъ мѣстностямъ. Готовится такая радикальная мѣра, какъ установленіе хлѣбной монополіи. Широко примѣняется система равномѣрнаго распредѣленія продуктовъ первой необходимости. Въ значительной мѣрѣ проведено провозглашенное въ первой декларацiи Временнаго Правительства освобожденіе солдатъ отъ ограниченій, не оправдываемыхъ законными требованіями воинской дисциплины. Случавшіяся, въ первые послѣ-революціонные дни, нарушенія свободы слова и собраній исходили не отъ правительства, неуклонно вѣрнаго даннымъ имъ обѣщаніямъ. Начата разработка вопросовъ, связанныхъ съ созывомъ Учредительнаго Собранія. Собираются и разсматриваются матеріалы для новаго аграрнаго законодательства, введеніемъ къ которому служатъ мѣры, принятыя по отношенію къ землямъ удѣльнымъ и кабинетскимъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, громадная работа, отчасти исполненная, отчасти исполняемая Временнымъ Правительствомъ. Изъ числа условій, при которыхъ она происходитъ, нѣкоторыя безспорно благопріятствуютъ ея успѣхамъ. Сюда относится, прежде всего, глубокое паденіе нравственнаго авторитета старой власти. Убѣжденныхъ, безкорыстныхъ сторонниковъ у нея не было; она окончательно ихъ растеряла въ послѣдніе мѣсяцы своего мнимаго всемогущества. Въ предыдущей книжкѣ нашего журнала проведена съ этой точки зрѣнія параллель между двумя февральскими революціями. Еще болѣе яркій свѣтъ на изолированность низвергнутой династіи бросаетъ исторія великаго переворота 1789-го года. Французское дворянство раздѣлилось тогда на два лагеря: одинъ, сравнительно малочисленный, сталъ на сторону новаго строя и взялъ на себя, въ ночь на 4-е августа, иниціативу отмѣны сословныхъ привилегій; другой, неисправимый и ослѣпленный, эмигрировалъ за границу, измѣняя родинѣ, поднималъ возстанія, гдѣ для нихъ былъ подходящій матеріалъ, или шелъ на смерть, защищая въ отчаянныхъ схваткахъ съ народомъ сначала версальскій, потомъ тюльерійскій дворецъ. У насъ мы не видимъ ничего

подобнаго. Въ нашей дворянской средѣ, очень мало имѣющей общаго съ до-революціонной французской аристократіей, нѣтъ данныхъ ни для порыва, напоминающаго ночь 4-го августа, ни для поголовнаго бѣгства изъ предѣловъ государства, ни для открытой борьбы за старый порядокъ. Во Франціи первыми эмигрантами явились принцы королевскаго дома; у насъ члены бывшей императорской фамиліи поспѣшили признать новый государственный строй. На всемъ пространствѣ Россіи не найдется мѣстности, которая могла бы стать „русской Вандеей", потому что нигдѣ нѣтъ почвы для объединенія помѣщиковъ, духовенства и крестьянства — объединенія, надолго вырывшаго глубокую пропасть между прибрежьями нижней Луары и остальной Франціей. Еще меньше сходства между католическимъ духовенствомъ до-революціонной Франціи и православнымъ духовенствомъ современной Россіи. Подчиненное иноземцу, въ лицѣ папы, насквозь проникнутое нетерпимостью, привыкшее считать себя однимъ изъ правящихъ сословій, французское духовенство, разсматриваемое какъ цѣлое, не могло примириться ни съ даннымъ ему свѣтскою властью, не признаннымъ въ Римѣ „гражданскимъ устройствомъ", ни съ идеями равенства и свободы. Русское православное духовенство правящимъ сословіемъ никогда не было; въ государственной жизни его роль, въ особенности съ начала XVIII вѣка, была исключительно служебная. Его угнетали „князья церкви", въ свою очередь испытывавшіе гнетъ свѣтской власти. Мало вліявшіе на народъ священники, въ массѣ, мало отличались и отличаются отъ народа. Тѣ члены Государственной Думы изъ среды духовенства, которые были обязаны своимъ избраніемъ свободной волѣ избирателей, становились, большею частью, въ ряды оппозиціонныхъ партій. Печальная роль, сыгранная духовенствомъ на выборахъ въ четвертую Думу, была ему навязана сверху — и все же между священниками-депутатами оказались и на этотъ разъ рѣшительные противники реакціонныхъ теченій. Въ первые же послѣ-революціонные дни возникла мысль объ образованіи въ средѣ духовенства демократическаго союза. Съ этой стороны, слѣдовательно, новому строю опасность не угрожаетъ. Общею для всѣхъ свободой совѣсти будетъ, конечно, пользоваться и православное духовенство, а посягать на свободу другихъ исповѣданій оно, безъ давленія сверху, не станетъ. Въ преслѣдованіи старообрядцевъ и сектантовъ оно являлось, обычно, не чѣмъ инымъ, какъ орудіемъ свѣтской власти... Что касается до крестьянства, то уже одна его роль при избраніи двухъ первыхъ Думъ доказываетъ невозможность активныхъ его выступленій въ защиту самодержавнаго режима. Для крестьянъ всего важнѣе

аграрный вопросъ — а въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій они не могли не убѣдиться, что не отъ самодержавія они могутъ ожидать желаннаго для нихъ разрѣшенія этого вопроса.

Если новому строю не угрожаетъ гражданская война, то нельзя отрицать существованіе серьезной внѣшней опасности. И здѣсь невольно приходятъ на память знаменательныя страницы французской исторіи. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда достигла своего апогея великая революція, когда монархія, фактически сокрушенная 10-го августа, формально уступила мѣсто республикѣ (21-го сентября 1792-го года), прусскія и австрійскія войска, не встрѣтивъ стойкаго сопротивленія, приближались къ Парижу. Положеніе было тѣмъ серьезнѣе, что армія не успѣла еще получить новое устройство, мало вѣрила своему командному составу и нуждалась во многомъ, для нея необходимомъ. Въ Парижѣ царилъ хаосъ, нашедшій крайнее свое выраженіе въ сентябрьскихъ убійствахъ. Сраженіе при Вальми подняло духъ французской арміи, не только заградившей союзникамъ дорогу къ столицѣ, но и перешедшей въ наступленіе. Необходимо, однако, помнить, что спасительной для Франціи оказалась, въ эту минуту, не столько ея собственная сила, сколько слабость ея враговъ, несогласія между ихъ вождями, устарѣлость ихъ военнаго искусства, крайне несовершенный способъ комплектованія ихъ армій... Съ иностраннымъ нашествіемъ совпала и сентябрьская революція 1870-го года; но на этотъ разъ многочисленнымъ превосходно дисциплинированнымъ и вооруженнымъ, талантливо руководимымъ нѣмецкимъ войскамъ Франція могла противопоставить, на половину уничтоженную, всецѣло дезорганизованную армію и вовсе не организованныя, еще только формируемыя боевыя единицы. Врагъ, теперь стоящій на русской почвѣ, занимающій обширное пространство между Двиною и Днѣпромъ, такъ же силенъ, какъ и тотъ, который побѣдилъ при Седанѣ; онъ въ изобиліи снабженъ орудіями разрушенія, прежними и новыми. Опасность велика; но средства обороны и наступленія, которыми располагаетъ Россія, несравненно больше тѣхъ, которыми располагала Франція въ моментъ паденія второй имперіи. Россія, при томъ имѣетъ могущественныхъ союзниковъ; Франція въ 1870-мъ году была предоставлена собственнымъ силамъ. Дальнѣйшее различіе между ними заключается въ томъ, что за наполеоновскую имперію подали голосъ при майскомъ плебисцитѣ того же 1870-го года милліоны избирателей; бонапартизмъ не былъ вырванъ съ корнемъ даже военными неудачами и не замедлилъ поднять голову вмѣстѣ съ другими монархическими партіями, какъ только открылось національное собраніе. У насъ, за три мѣ-

сяца до революціи, едва ли много оставалось сознательныхъ и искреннихъ приверженцевъ стараго порядка; позднѣйшія событія еще больше, конечно, уменьшили ихъ число... Съ другой стороны, наша армія, въ теченіе трехъ лѣтъ войны проявившая высокую доблесть, не понесла ни одного рѣшительнаго пораженія, одержала много блестящихъ побѣдъ; она вѣритъ своимъ вождямъ, сразу ставшимъ на сторону новаго строя; крѣпче чѣмъ когда-либо связь между офицерами и солдатами, построенная на новыхъ началахъ. Все обѣщаетъ ей окончательное торжество, если она сохранитъ внутренне единство и встрѣтитъ единодушную поддержку народа. Пока во главѣ враговъ Россіи стоитъ Вильгельмъ II или родственный ему по духу членъ Гогенцоллерскаго дома, до тѣхъ поръ ихъ побѣда неизбѣжно повлекла бы за собою крушеніе только что завоеванной русской свободы.

Въ нѣсколькихъ органахъ нашей печати тяжелая неудача, понесенная нашими войсками, 21-го марта, на берегу Стохода, была названа, какъ будто по общему уговору, первымъ предостереженіемъ или предупрежденіемъ. И таково, дѣйствительно, ея значеніе. Она показала, къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ можетъ привести даже непродолжительное ослабленіе бдительности, даже кратковременный упадокъ дисциплины [1]). Противъ войскъ освобожденной Россіи германскія войска дѣйствуютъ съ такимъ же ожесточеніемъ, съ такимъ же напряженіемъ силъ, съ какимъ они дѣйствовали противъ арміи Николая II — или, быть можетъ, съ напряженіемъ еще бо́льшимъ, потому что они полны надежды на легкую побѣду. Возможны ли, послѣ этого тяжелаго опыта, дальнѣйшія иллюзіи относительно дѣйствія, произведеннаго русской революціей на широкія массы гарманскаго народа? Можно ли ожидать, что воззваніе представителей русскаго пролетаріата будетъ теперь же услышано нѣмецкой соціалъ-демократіей?.. Шансы успѣха агитаціи, направленной къ скорѣйшему во что бы то ни стало прекращенію войны уменьшаются съ каждымъ днемъ; все больше и больше распространяется и укрѣпляется у насъ сознаніе, что нельзя говорить о мирѣ, пока непріятель стоитъ на русской землѣ. Не все, однако, вошло уже въ нормальную колею; не изсякли еще источники смуты, могущей поколебать чувство воинскаго долга.

Для побѣды, которая одна только можетъ упрочить новый порядокъ, необходима не только самоотверженная дѣятельность арміи;

---

[1]) Чрезвычайно важныя данныя по этому предмету можно найти въ бесѣдѣ генералъ-квартирмейстера штаба верховнаго главнокомандующаго съ сотрудникомъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 69).

необходимъ неустанный, также самоотверженный трудъ рабочихъ, создающихъ матеріальныя средства обороны. И въ этомъ отношеніи не обошлось безъ недочетовъ. Не вездѣ заводская работа непрерывно шла тѣмъ темпомъ, котораго требуетъ серьезность положенія. Способствовали этому тѣ же причины, которыми было вызвано временное разстройство фронта. Къ счастію, съ каждымъ днемъ растетъ число признаковъ, свидѣтельствующихъ о перемѣнѣ къ лучшему. Съ увѣщаніями къ рабочимъ обращаются солдаты; сами рабочіе все больше и больше сознаютъ свою солидарность съ арміей. Въ этомъ духѣ говорятъ, за немногими исключеніями, газеты, выражающія настроеніе рабочаго класса. Когда депутація отъ одной изъ армій — на знаменахъ которой были надписи: „Солдаты въ окопахъ, рабочіе къ станкамъ", „Война до почетнаго мира, достойнаго свободной Россіи", — пришла, 28-го марта, въ Госуд. Думу, членъ Думы М. И. Скобелевъ (с. д.) привѣтствовалъ ее словами: „Какъ вы готовы сражаться на фронтѣ, такъ мы, рабочіе, въ тылу падемъ отъ изнеможенія, чтобы защитить завоеванную свободу и дать побѣду арміи". Въ числѣ пожеланій, заявленныхъ этою депутаціею Временному Правительству, имѣются, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „Война въ согласіи съ союзниками до побѣдоноснаго конца, для возстановленія свободы всѣхъ народовъ"; „Строгая дисциплина на основахъ ротнаго суда". И эта депутація — только одна изъ многихъ, однородныхъ по мысли и чувству. Столь же характерна и состоявшаяся 27-го марта резолюція петроградскихъ войскъ, признающая необходимымъ довести войну до побѣднаго конца. Армія, по словамъ резолюціи, „считаетъ, что даже миръ, которымъ бы возстановились прежнія границы государства, миръ безъ согласія союзниковъ, явится миромъ позорнымъ, угрожающимъ русской свободѣ, отдѣляющимъ насъ пятномъ измѣны и предательства отъ свободной Англіи, республиканской Франціи, разбитыхъ и поруганныхъ за други своя Бельгіи, Сербіи, Черногоріи и Румыніи, отъ клятвеннаго обѣщанія возстановить свободную Польшу изъ нѣмецкихъ и русскихъ земель". Настроеніе, выразившееся въ этихъ словахъ, все больше и больше, повидимому, распространяется и укрѣпляется въ рядахъ арміи. При той тѣсной связи, которая установилась между солдатами и рабочими, оно не можетъ не расти и среди послѣднихъ.

Новыя доказательства этому принесли происходившіе на-дняхъ съѣзды — кооператоровъ въ Москвѣ и уполномоченныхъ отъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ въ Петроградѣ. Въ своей „общеполитической" резолюціи кооперативный съѣздъ призналъ, что революція возложила на русскихъ гражданъ двух-

стороннее обязательство: полнаго, всесторонняго обновленія всего внутренняго устройства Россіи — и веденія міровой войны. Когда, въ слѣдующемъ засѣданіи, была предложена резолюція, выражавшая полную солидарность съѣзда съ обращеніемъ петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ къ трудящимся всего міра, противъ этого былъ заявленъ рѣшительный протестъ, между прочимъ, извѣстнымъ членомъ первой Думы Аникинымъ, воскликнувшимъ: „Недопустимо протягивать руку черезъ трупы, надъ пролитой русской кровью". Съѣздъ нашелъ, что въ спеціальной резолюціи о войнѣ нѣтъ надобности, такъ какъ и въ обще политической резолюціи и въ теченіе всѣхъ занятій съѣзда съ полною отчетливостью выразилось его отношеніе къ защитѣ родины. Объ этой страстной готовности защищать родину постановлено занести въ протоколъ съѣзда.

Еще знаменательнѣе рѣшеніе совѣщанія уполномоченныхъ отъ восьмидесяти двухъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Отъ имени исполнительнаго комитета И. Г. Церетели (бывшій членъ второй Думы, отбывшій каторжныя работы и революціею возвращенный изъ ссылки) внесъ подробную резолюцію о войнѣ, гласившую, между прочимъ, слѣдующее: „пока продолжается война, россійская демократія признаетъ, что крушеніе фронта, ослабленіе его устойчивости и крѣпости было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы. Въ цѣляхъ самой энергичной защиты революціонной Россіи отъ всякихъ посягательствъ на нее извнѣ, въ видахъ самаго рѣшительнаго отпора всѣмъ попыткамъ помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ революціи, совѣщаніе призываетъ демократію Россіи мобилизовать всѣ живыя силы страны во всѣхъ отрасляхъ народной жизни для укрѣпленія фронта и тыла"[1]. Противъ резолюціи говорили большевики, поддерживаемые представителемъ меньшинства соціалистовъ революціонеровъ, въ ея защиту — многіе солдаты и представители меньшевиковъ. Блестящую рѣчь произнесъ И. Г. Церетели. Онъ утверждалъ, что время переговоровъ съ международной демократіей еще не наступило. „Пораженіе Россіи, — воскликнулъ онъ, — означало бы, что вся демократія пала подъ гнетомъ милитаризма". Побѣда защитниковъ резолюціи была полная; всѣ поправки — кромѣ одной, упомянутой выше (въ примѣчаніи) —

---

[1]) Редакція этого пункта резолюціи нѣсколько измѣнена поправкою, внесенною солдатомъ Ромми — единственною, принятою большинствомъ. Она усилила основную мысль резолюціи, говоря противъ ослабленія не только устойчивости и крѣпости фронта, но и противъ способности его къ активнымъ операціямъ". Къ словамъ „величайшимъ ударомъ для свободы" она прибавила слова: „и для жизненныхъ интересовъ страны".

были отвергнуты, и резолюція принята большинствомъ 325 голосовъ противъ 57, при 20 воздержавшихся отъ участія въ голосованіи. Нужно надѣяться, что этимъ устранено одно изъ препятствій на пути къ побѣдѣ.

Для успѣшнаго окончанія войны, какъ и для продолженія громадной внутренней работы, необходимо спокойствіе внутри страны, необходимо объединеніе вокругъ общепризнаннаго центра. Одно время можно было опасаться, что этому помѣшаетъ „двоевластіе", обусловленное треніями между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Но есть основаніе думать, что оно становится все меньше и меньше. Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ представляетъ собою тѣ силы, благодаря которымъ стало возможно торжество революціи ему поэтому принадлежитъ по праву вліятельная роль въ развитіи и укрѣпленіи достигнутыхъ ею результатовъ. Онъ можетъ и долженъ контролировать дѣятельность Временнаго Правительства, служить, въ случаѣ надобности, посредникомъ между нимъ и широкими народными массами, но не долженъ вторгаться въ область управленія, за правильный ходъ котораго отвѣтственно Временное Правительство, и только оно одно. Это ясно сознаютъ войска, какъ сражающіяся на фронтѣ, такъ и готовящіяся принять участіе въ войнѣ. „Только въ полномъ единеніи Временного Правительства и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, — говоритъ одна изъ упомянутыхъ выше депутацій, — залогъ нашей побѣды и торжество свободы... Честь и слава Временному Правительству, принявшему въ столь серьезный моментъ власть въ свои руки". Другая депутація заявляетъ, что Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ „долженъ осуществлять свои требованія только черезъ Временное Правительство, какъ единственный органъ государственной власти, на вѣрность которому присягали страна и армія". Однородныя мысли высказываются и въ нѣкоторыхъ органахъ соціалъ-демократической печати. Вновь основанное „Единство", выходящее при ближайшемъ участіи Г. В. Плеханова, видитъ „историческую заслугу русскаго пролетаріата въ томъ, что онъ сознательно поддержалъ буржуазную демократію въ ея борьбѣ за власть и поддерживаетъ ее въ ея стремленіи установить и укрѣпить новый демократическій строй". Временному Правительству, по словамъ газеты, „должна быть предоставлена вся полнота власти. Серьезность момента не терпитъ никакого двоевластія; оно чревато гибельными послѣдствіями. Частности должны быть принесены въ жертву общему дѣлу".

Какъ и вопросъ о войнѣ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Временнаго Правительства и Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депу-

татовъ былъ разсмотрѣнъ обоими съѣздами, московскимъ и петроградскимъ. Кооперативный съѣздъ призналъ необходимость единой власти, „во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ опирающейся на общественное мнѣніе организованныхъ силъ страны. Власть эта создана бурными днями революціи въ лицѣ Временнаго Правительства... И поскольку Временное Правительство будетъ неуклонно проводить объявленную имъ демократическую программу, постольку всѣ кооперативныя организаціи должны оказать ему всестороннюю сознательную поддержку“. Къ этой резолюціи присоединилась всецѣло рабочая группа съѣзда, протестуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ слуховъ, приписывающихъ совѣтамъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ стремленіе къ захвату власти. Менѣе гладко тотъ же вопросъ прошелъ въ совѣщаніи уполномоченныхъ отъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Послѣ двухдневныхъ преній имъ принята слѣдующая резолюція:

„Совѣщаніе признаетъ необходимость постояннаго политическаго контроля и воздѣйствія революціонной демократіи на Временное Правительство и на его органы на мѣстахъ, для побужденія его къ самой энергичной борьбѣ съ контръ-революціонными силами, къ рѣшительнымъ шагамъ въ сторону полной демократизаціи всей русской жизни и къ подготовленію всеобщаго мира безъ аннексій и контрибуцій, на основѣ самоопредѣленія народовъ. Совѣщаніе призываетъ демократію, не принимая на себя отвѣтственности за всю дѣятельность правительства въ цѣломъ, оказывать поддержку Временному Правительству, поскольку оно будетъ неуклонно идти въ направленіи къ упроченію и расширенію завоеваній революціи и поскольку свою внѣшнюю политику оно строитъ на почвѣ отказа отъ захватныхъ стремленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣщаніе призываетъ революціонную демократію Россіи, организуясь и сплачивая свои силы вокругъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, быть готовой дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ правительства уйти изъ-подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ“.

Эта резолюція встрѣтила упорное сопротивленіе со стороны представителей крайнихъ теченій, но, въ концѣ концовъ, послѣ двухдневныхъ преній, она также была принята значительнымъ большинствомъ, и опасность конфликта можетъ считаться устраненной.

Отсутствіе двоевластія, отсутствіе борьбы за власть — условіе первостепенной важности, но не единственное, необходимое для мирнаго и плодотворнаго движенія впередъ. Очень знаменательно, съ этой точки зрѣнія, настроеніе, господствовавшее на кооперативномъ съѣздѣ. Оно обнаружилось съ особенною яркостью въ докладѣ Е. Д. Кусковой и въ обсужденіи ея предложеній. „Есть миссія, — сказано въ докладѣ, — которая никому другому, кромѣ коопераціи, не по силамъ, и миссія важности чрезвычайной... Гонимыя, дробимыя самодержа-

віемъ политическія партіи сейчасъ слишкомъ еще слабы и не могуть быстро развернуться, втянуть въ себя широкія демократическія массы. Объединить ихъ на опредѣленныхъ политическихъ лозунгахъ можетъ только кооперація, которая входитъ въ самую толщу деревни. Миссія коопераціи въ этотъ моментъ — быть цементомъ между различными партійными группами, призывая каждую изъ нихъ къ самоотреченію, къ отказу отъ партійнаго эгоизма, отъ крайнихъ, особенно острыхъ партійныхъ требованій. Кооперація своимъ прошлымъ пріучена уже къ такой примиряющей роли, къ стиранію острыхъ угловъ. Теперь она должна использовать весь свой громадный, широко развѣтвленный аппаратъ для сплоченія различныхъ теченій на одной общей платформѣ". Послѣ горячихъ дебатовъ, съѣздъ согласился съ положеніями доклада, признавъ, что „кооперативы должны всемѣрно стремиться къ единству политическихъ и соціальныхъ выступленій демократіи".

Призывы къ примиренію, къ единству, раздаются съ разныхъ сторонъ, достигая порою большой силы. Они идутъ, между прочимъ, отъ такихъ лицъ, на которыхъ особенно тяжело отразился низвергнутый революціей порядокъ. „Разумъ народа понялъ, — сказалъ И. Г. Церетели на съѣздѣ уполномоченныхъ отъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, — что демократическая республика есть та общая въ данную минуту платформа, которая можетъ объединить и пролетаріатъ, и буржуазные классы". „Въ настоящій моментъ, — воскликнулъ возвратившійся въ Россію 31-го марта Г. В. Плехановъ, при встрѣчѣ его на финляндскомъ вокзалѣ, — единства мало: необходимо полное сплоченіе всѣхъ борцовъ за свободу Россіи для того, чтобы грудью дать отпоръ внѣшнему врагу, стоящему угрозой какъ Россіи, такъ и ея свободѣ". Особенно трогательно звучитъ та же нота въ рѣчи, которую произнесла Е. К. Брешко-Брешковская въ день пріѣзда ея въ Петроградъ. Всю долгую свою жизнь самоотверженно служившая осуществляемымъ теперь идеаламъ, Е. К. видитъ въ встрѣченномъ ею со всѣхъ сторонъ восторженномъ пріемѣ доказательство широко распространеннаго стремленія къ совмѣстной работѣ. „Кто изъ насъ, — сказала она, — можетъ усомниться въ томъ, что всѣ партіи, всѣ участвующіе въ борьбѣ за свободу, желали бы слиться... Для того, чтобы достигнуть полной свободы и отъ внутренняго, и отъ внѣшняго врага надо дѣлать усилія. Само собою ничто не дѣлается; на все требуются усилія, жертвы и страданія. Приходится еще поработать сильно и энергично, чтобы окончательно стряхнуть всякій гнетъ, откуда бы онъ ни шелъ. Поэтому я еще разъ и еще разъ, какъ всю свою жизнь, буду говорить: будемъ стоять заодно, будемъ крѣпко помогать другъ

другу и, не придавая значенія мелочной розни, будемъ имѣть въ виду нашу главную цѣль: свободу и счастье всего народа".

Живымъ символомъ единенія между элементами, выдвинутыми революціей на первый планъ, служитъ присутствіе въ Временномъ правительствѣ А. Ф. Керенскаго, представляющаго собою въ то же время Исполнительный Комитетъ Госуд. Думы и Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Его авторитетъ, укрѣпляемый его выдающимся краснорѣчіемъ и кипучею дѣятельностью, стоитъ чрезвычайно высоко. Когда онъ узналъ о распространеніи ложныхъ слуховъ, могущихъ внести раздоръ въ демократическія массы, онъ немедленно явился, 26 марта, въ засѣданіе Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и произнесъ рѣчь, вызвавшую общее одобреніе. „Дѣло Временнаго Правительства, — воскликнулъ онъ, — огромное и отвѣтственное. Временное Правительство стоитъ за свободу, право и русскую независимость и стоитъ до конца. На всѣхъ насъ, на нашемъ Временномъ Правительствѣ, лежитъ одинаковая отвѣтственность за судьбу родины, и во имя долга передъ родиной мы должны работать всѣ вмѣстѣ въ полномъ единеніи". Въ томъ же смыслѣ онъ говорилъ, 29-го марта, на съѣздѣ уполномоченныхъ отъ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и его рѣчь, по всей вѣроятности, не мало способствовала рѣшенію съѣзда по вопросу о войнѣ. На московскомъ кооперативномъ съѣздѣ призывомъ къ единенію была проникнута рѣчь другого министра, А. И. Шингарева. Онъ закончилъ ее словами: „Міръ — великъ человѣкъ; великому человѣку все по силамъ, а кооперація — организующее начало міра. Дайте же вашу руку Временному Правительству. Оно нуждается въ вашей рукѣ". И это содѣйствіе было съ полной готовностью обѣщано министру. Съѣздъ выразилъ сочувствіе выдающимся дѣятелямъ коопераціи, согласившимся принять активное участіе въ правительственной работѣ. Одинъ изъ нихъ, В. Н. Зельгеймъ, назначенъ товарищемъ министра земледѣлія; онъ работаетъ, главнымъ образомъ, по продовольственному дѣлу.

Въ какой мѣрѣ Временное Правительство, разсматриваемое какъ одно цѣлое, сознаетъ свою отвѣтственность передъ народомъ, это видно изъ прекрасныхъ словъ, сказанныхъ министромъ путей сообщенія, Н. В. Некрасовымъ, на съѣздѣ партіи народной свободы: „Временное Правительство приняло свою власть отъ народа и народу должно передать ее въ Учредительномъ Собраніи... Мы съ негодованіемъ отвергаемъ, когда намъ говорятъ испугавшіеся люди: отдайте эту власть въ другія руки, отойдите. Нѣтъ, мы не уйдемъ; мы можемъ погибнуть, сохраняя власть, но мы не уйдемъ".

На-дняхъ исполнился годъ со времени кончины М. М. Ковалевскаго. Глубоко жаль, что ему не было суждено дожить до торжества свободы. Какъ горячо онъ привѣтствовалъ бы ее, послѣ долгихъ лѣтъ ожиданія, послѣ столькихъ неисполнившихся надеждъ! И сколько свѣта онъ могъ бы внести въ разработку безчисленныхъ и безконечно важныхъ вопросовъ, революціею поставленныхъ на очередь! Какое широкое поле зрѣнія для изслѣдователя „Происхожденія современной демократіи" открыли бы первые самостоятельные шаги русской народной массы! Для историка французскаго учредительнаго собранія 1789—91 гг. нашлось бы мѣсто въ первомъ русскомъ Учредительномъ Собраніи, какъ нашлось въ первой русской Государственной Думѣ. Нужны были совершенно особыя условія, чтобы закрыть ему доступъ въ Думы слѣдующихъ созывовъ и ограничить его законодательную дѣятельность безнадежно узкой сферой Государственнаго Совѣта. Теперь этихъ условій больше нѣтъ, но для М. М. какъ и для многихъ, противъ нихъ протестовавшихъ, ихъ паденіе пришло слишкомъ поздно.

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены земскіе дѣятели, въ теченіе долгихъ лѣтъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не мирившіеся съ административнымъ гнетомъ и готовившіе почву для широкаго развитія земскаго самоуправленія. За П. А. Гейденомъ, кн. Н. Долгоруковымъ, А. А. Стаховичемъ, А. А. Савельевымъ послѣдовалъ В. М. Хижняковъ, вынесшій на своихъ плечахъ, какъ предсѣдатель черниговской губернской земской управы, борьбу съ худшимъ изъ числа губернаторовъ, воспитанныхъ бездушною политикою гр. Д. А. Толстого. Работа подъ надзоромъ и воздѣйствіемъ Анастасьева была своего рода мученичествомъ; каждый ея мѣсяцъ можно было бы считать за годъ, какъ это дѣлается иногда по отношенію къ службѣ въ осажденномъ городѣ... Добрую память В. М. Хижняковъ оставилъ по себѣ и въ бытность черниговскимъ городскимъ головою. Въ „Вѣстникѣ Европы" онъ помѣстилъ интересную статью: „Изъ переселенческихъ скитаній". (1910 г., янв. и февр.).

К. Арсеньевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Русская революція и западная Европа. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ. — Призывъ къ германской соціалъ-демократіи и заявленіе Временнаго Правительства о цѣляхъ войны. — Нѣмецкіе отвѣты. — Обѣщанія реформъ въ Пруссіи. — Подводная война и активное вмѣшательство Америки.

Русская революція, такъ быстро и радикально освободившая Россію отъ невыносимаго гнета царской власти, внесла совершенно новый элементъ въ общее положеніе дѣлъ въ Европѣ. На первыхъ порахъ она поразила всѣхъ своею неожиданностью и не сразу была понята во всемъ ея объемѣ и значеніи. Царская власть казалась столь крѣпкою и столь неразрывно связанною съ существованіемъ Россійскаго государства, что нельзя было представить себѣ возможность полнаго ея крушенія. Даже послѣ побѣды революціоннаго движенія нѣкоторые изъ думскихъ дѣятелей надѣялись лишь на перемѣну царствованія, съ регентствомъ великаго князя Михаила Александровича. Революція совершилась не по заграничнымъ образцамъ, и не въ силу заговора или временнаго соглашенія оппозиціонныхъ „буржуазныхъ" партій съ рабочимъ классомъ, а благодаря удивительному совпаденію стихійныхъ обстоятельствъ и условій, подготовленныхъ старымъ режимомъ.

Съ одной стороны, династія дошла до небывалаго еще нравственнаго паденія и не стѣснялась открыто, передъ всѣмъ міромъ, ставить жизненные интересы государства въ зависимость отъ придворныхъ безобразій, связанныхъ съ именами Распутина и его высокопоставленныхъ фавориток. Самыя мрачныя подозрѣнія вызывались загадочными дѣйствіями и распоряженіями высшей власти, которыя систематически мѣшали всякимъ военнымъ успѣхамъ и создавали невѣроятную путаницу во всѣхъ областяхъ внутренней жизни страны. На руководящіе правительственные посты умышленно назначались бездарные и невѣжественные карьеристы, люди sans foi ni loi, готовые сознательно погубить Россію изъ уваженія къ принципу самодержавія. Все дѣлалось наперекоръ ясно выраженному общественному мнѣнію: чѣмъ чаще и сильнѣе протестовала Государственная Дума противъ господства „темныхъ силъ",

тѣмъ болѣе расширялось и подчеркивалось властное значеніе этихъ силъ и тѣмъ чаще, въ угоду имъ, мѣнялись выдвигаемые ихъ перемѣнчивымъ вліяніемъ министры. Трагическая смерть Распутина не образумила руководителей и участниковъ придворной вакханаліи; напротивъ, именно послѣ этого событія созрѣла рѣшимость идти напроломъ, распустить Государственную Думу и устроить кровавую бойню для подавленія возможныхъ безпорядковъ при помощи заказанныхъ и собранныхъ заранѣе пулеметовъ.

Между тѣмъ, съ другой стороны, хаотическое разстройство желѣзнодорожныхъ сообщеній, отсутствіе подвоза необходимыхъ продуктовъ, нелѣпыя противорѣчивыя мѣры по продовольствію и грозные признаки приближающагося голода постепенно привели народныя массы въ состояніе крайняго возбужденія и тревоги. Начались уличные безпорядки изъ-за отсутствія хлѣба и муки; заволновался рабочій классъ, и его стройно организованныя манифестаціи производили несравненно болѣе внушительное впечатлѣніе, чѣмъ обычныя выступленія прежнихъ временъ. Противъ рабочихъ двинуты были войска; но послѣ вынужденной стрѣльбы по улицамъ Петрограда назначенные для этого печальнаго дѣла гвардейскіе полки возмутились и вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ остальными частями столичнаго гарнизона направились къ Государственной Думѣ. Какъ разъ въ этотъ историческій день, 27 февраля, Дума узнала о своемъ неожиданномъ роспускѣ и рѣшила не подчиниться указу, подписанному за два дня передъ тѣмъ „въ царской ставкѣ". Принимая рѣшеніе „не расходиться" въ виду начавшагося революціоннаго броженія, которое легко могло бы превратиться въ опаснѣйшую анархію, думскій президіумъ не зналъ еще, что войска самостоятельно возстали и ищутъ нравственной и политической опоры въ Государственной Думѣ. Въ свою очередь и отдѣльныя части арміи, отдаваясь торжественно въ распоряженіе народнаго представительства, не подозрѣвали вовсе о роспускѣ Думы и о революціонномъ рѣшеніи ея президіума.

Такимъ образомъ три рѣшающихъ фактора сошлись одновременно въ одномъ пунктѣ, дѣйствуя въ одномъ направленіи, — рабочій классъ, армія и Государственная Дума, чѣмъ и обезпеченъ былъ блестящій успѣхъ революціи. Народное недовольство получило опредѣленную организацію и реальную силу только благодаря рабочему классу; созданное рабочими движеніе могло одержать дѣйствительную побѣду только при содѣйствіи возставшихъ войскъ, а соединенныя силы рабочаго класса и арміи могли благополучно завершить дѣло государственнаго переворота только благодаря существованію такого безспорнаго авторитетнаго центра, какъ Государ-

ственная Дума, къ которой инстинктивно примкнули всѣ революціонные элементы. Если бы возмутившіеся полки не знали въ точности, куда направиться и гдѣ, подъ какимъ знаменемъ, имъ слѣдуетъ сосредоточиться, революція могла бы остаться безплодною или привести къ страшному хаосу, и надо считать весьма счастливымъ то обстоятельство, что Дума фактически не разошлась, что Таврическій дворецъ не былъ закрытъ и могъ служить объединяющимъ сборнымъ пунктомъ для представителей арміи и народа. Подъ фирмой Думы революція находитъ единство направленія и цѣли, получаетъ сдерживающее планомѣрное руководительство и съ твердою увѣренностью движется по пути къ новому политическому строю. Крайнее нравственное убожество и злобное скудоуміе носителей самодержавія подняли на борьбу рабочій народъ и всѣ живыя общественныя силы страны, возмутили армію и заставили умѣренное большинство Государственной Думы взять на себя формальное ниспроверженіе монархіи. Дальнѣйшее уже само собою вытекало изъ создавшагося положенія вещей. Дума тотчасъ же дала готовый матеріалъ для образованія новой власти, въ видѣ временнаго комитета изъ членовъ президіума и лидеровъ всѣхъ прогрессивныхъ и лѣвыхъ партій; этотъ же комитетъ немедленно образовалъ Временное Правительство, способное внушить довѣріе не только русскому обществу, но и нашимъ заграничнымъ кредиторамъ и союзникамъ. Революціонныя массы войскъ и рабочихъ имѣютъ свой особый контролирующій органъ — Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, выдѣлившій изъ своей среды исполнительный комитетъ для наблюденія за дѣятельностью Временнаго Правительства. Стройное сочетаніе главныхъ реальныхъ силъ, участвовавшихъ въ революціи, объясняется сознательнымъ единодушіемъ всѣхъ классовъ народа — кромѣ, конечно, бюрократіи и части землевладѣльческаго дворянства — въ стремленіи избавиться отъ правительственнаго безумія, возведеннаго въ систему.

Партійные и классовые интересы не играли замѣтной роли въ образованіи новой власти, вопреки утвержденіямъ нѣкоторыхъ иностранныхъ и отечественныхъ доктринеровъ. Говорятъ, что Временное Правительство представляетъ собою буржуазію, которая неправильно завладѣла плодами революціи, устроенной рабочимъ классомъ, или что послѣдній по великодушію уступилъ власть буржуазному министерству, оставивъ за собою право смѣнить его во всякое время, въ случаѣ какого-либо серьезнаго отступленія отъ условленной программы или отъ взглядовъ и требованій Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Въ дѣйствительности Временное Правительство, хотя и состоящее изъ лицъ весьма умѣренныхъ направленій, никакъ не

можетъ быть названо партійнымъ или узко-буржуазнымъ; напротивъ, оно съ первыхъ же шаговъ своихъ обнаружило широкое пониманіе предстоящихъ задачъ и истинно-демократическій духъ, который ярко выразился въ рядѣ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, устранившихъ династію и обезвредившихъ ея недавнихъ слугъ и сообщниковъ. Имѣя въ своемъ составѣ одного изъ наиболѣе выдающихся и энергичныхъ представителей демократіи, состоящаго товарищемъ предсѣдателя Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Временное Правительство ни въ чемъ не стѣсняло его иниціативы и свободы дѣйствій, какъ министра юстиціи, и черезъ его посредство поддерживало постоянную связь съ Совѣтомъ, который вообще оказывалъ благотворное возбуждающее вліяніе на новыхъ правителей. Указанія и требованіи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не выходили изъ предѣловъ законной парламентской оппозиціи и большею частью достигали своей цѣли, безъ всякаго ущерба для авторитета Временнаго Правительства. Право контроля и критики не вырождается тутъ въ притязаніе на исполнительную власть; мы не видимъ здѣсь ни двоевластія, ни партійнаго или классоваго антагонизма, а находимъ только вполнѣ нормальное воздѣйствіе болѣе настойчивыхъ и послѣдовательныхъ революціонныхъ силъ на менѣе рѣшительныхъ отвѣтственныхъ дѣятелей. Временное Правительство, совмѣстно съ Совѣтомъ, очистило путь для республики, добившись формальнаго отреченія не только бывшаго императора, но и назначеннаго имъ преемника, при чемъ послѣдній въ своемъ заявленіи долженъ былъ признать за Временнымъ Правительствомъ „всю полноту власти“ впредь до созыва Учредительнаго Собранія, которому предстоитъ окончательно рѣшить вопросъ о формѣ правленія.

Такъ не могла бы дѣйствовать буржуазія, какъ своекорыстный классъ, враждебный народнымъ массамъ; такъ дѣйствуютъ только убѣжденные сторонники демократическихъ идеаловъ, готовые пожертвовать своими сословными и соціальными интересами во имя общаго блага страны. Этотъ идеализмъ сказывается во всѣхъ особенностяхъ русской революціи, — въ ея великодушіи по отношенію къ злѣйшимъ врагамъ народа, въ торопливой отмѣнѣ смертной казни, въ немедленномъ признаніи автономіи связанныхъ съ Россіею народностей и полнаго равноправія всѣхъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданій, въ широкой терпимости къ чужимъ идеямъ и стремленіямъ, и, наконецъ, въ глубоко гуманномъ взглядѣ на войну и на задачи международнаго мира. Здѣсь не могло быть и рѣчи о борьбѣ за власть, за министерскіе портфели, ибо всякій понималъ, что принятіе власти при данныхъ условіяхъ есть величайшее самоотверженіе, — и если Со-

вѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ не претендовалъ на министерскіе посты, а предоставлялъ думскому комитету образовать первый общественный кабинетъ, то онъ руководствовался при этомъ только яснымъ сознаніемъ, что министрами должны быть люди свѣдущіе, достаточно извѣстные въ обществѣ, какихъ не могли еще выдвинуть изъ своей среды рабочіе и солдатскіе депутаты. Тутъ не было передачи власти въ руки буржуазіи, а было только разумное распредѣленіе чрезвычайно трудныхъ и страшно отвѣтственныхъ обязанностей между руководителями и участниками государственнаго переворота. Подводить нашу революцію подъ шаблонныя формулы классовой борьбы — значило бы извращать великій историческій смыслъ всенароднаго низверженія сильнѣйшей самодержавной монархіи, существовавшей еще въ культурной Европѣ.

Иностранная печать вообще мало интересовалась нашими внутренними дѣлами и не придавала большого значенія происходившему у насъ почти непрерывно правительственному кризису. Газеты союзныхъ странъ или намѣренно избѣгали говорить о нашихъ неурядицахъ, или изображали ихъ въ видѣ случайныхъ, незначительныхъ явленій, за которыя высшая власть всего менѣе отвѣтственна. Парижскій „Temps“ постоянно выгораживалъ „его величество царя“ и еще наканунѣ переворота доказывалъ своимъ читателямъ, что все зло заключается въ упорномъ нежеланіи бюрократіи исполнять благожелательныя предначертанія, подтвержденныя еще недавно въ рескриптѣ на имя князя Голицына относительно совмѣстной работы съ Думою: вопреки царской волѣ, бюрократія распустила Думу и этимъ ухудшила положеніе, которое, впрочемъ, по увѣренію „Temps“, не можетъ отразиться на рѣшимости правительства продолжать войну до полной побѣды. Отчеты парижскихъ газетъ о пребываніи французскихъ делегатовъ на союзной конференціи въ Петроградѣ полны комплиментовъ по адресу царя, который „очаровывалъ всѣхъ своею любезностью“, и ни однимъ словомъ не упоминается при этомъ о той придворной вакханаліи, которая должна была вскорѣ привести къ позорному крушенію монархіи. Такъ же точно и англичане, какъ заявилъ корреспондентамъ лордъ Мильнеръ, „нашли съ самаго начала большое поощреніе въ весьма милостивомъ пріемѣ со стороны императора, который пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы выразить свое удовольствіе по поводу ихъ прибытія, и если совѣщанія конференціи привели къ удовлетворительному результату, то этимъ она въ значительной мѣрѣ обязана поддержкѣ его величества“. Этотъ льстивый тонъ по отношенію къ бывшему царю соблюдался въ печати союзныхъ странъ даже тогда, когда опасность его раздражающей

внутренней политики становилась очевидною и для поверхностныхъ наблюдателей.

Газета „Temps" въ передовой статьѣ отъ 18 (5) марта, говоря объ актахъ отреченія Николая II и вел. кн. Михаила Александровича, истолковываетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что въ „императорскомъ манифестѣ" царь съ большимъ достоинствомъ устраняется добровольно отъ власти въ пользу своего брата, вдохновляясь исключительно благомъ своего народа и заботою объ успѣшномъ веденіи войны, и что „царь Михаилъ", принявъ корону подъ условіемъ соблюденія нѣкоторыхъ формальностей, предоставилъ Временному Правительству осуществить необходимыя либеральныя реформы. Очевидно, нѣкоторые французскіе публицисты очень желали бы, чтобы русская революція ограничилась только перемѣною лицъ, съ сохраненіемъ династіи и ея обычной придворной обстановки.

Во Франціи и въ Англіи господствовало убѣжденіе, что союзныя обязательства Россіи держатся исключительно на личной волѣ царя, такъ какъ народное представительство не имѣетъ у насъ права голоса въ вопросахъ внѣшней политики; поэтому паденіе царской власти возбудило у союзниковъ безпокойство относительно будущаго, и они не могли быть довольны революціею, которая подвергала сомнѣнію дальнѣйшее существованіе русскаго союза. Они видѣли частыя колебанія этого союза при господствѣ Распутиныхъ и Штюрмеровъ, но они могли каждый разъ ссылаться на царское слово и требовать подтвержденія его смѣняющимися министрами; фразы о совмѣстной съ союзниками войнѣ „до побѣднаго конца" періодически повторялись въ офиціальныхъ рѣчахъ и заявленіяхъ при всякомъ подходящемъ случаѣ, и эти повторенія какъ будто укрѣпляли прочность поколебленныхъ союзныхъ связей. Наши заграничные друзья, по всей вѣроятности, понимали, что дѣйствительная полная побѣда немыслима для насъ при старомъ режимѣ, и все-таки они надѣялись на Россію, на ея неисчерпаемый „человѣческій матеріалъ" и на добросовѣстность правящаго ею „вѣрнаго союзника". Какъ въ Англіи, такъ и во Франціи руководящіе министры и вліятельныя газеты выражали сочувствіе павшему монарху и выказывали неувѣренность въ политическихъ планахъ и намѣреніяхъ Временнаго Правительства, — потому что, въ сущности, за границей никто не имѣетъ яснаго представленія ни о свойствахъ русскаго самовластья, ни о русскихъ общественныхъ настроеніяхъ. Союзники отчасти успокоились, когда узнали, что революція произошла не на почвѣ протеста противъ войны и что новая власть вовсе не расположена отказываться отъ союзныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя прежнимъ правительствомъ.

Въ Европѣ только съ трудомъ примиряются съ мыслью, что у насъ совершилась не простая перемѣна правительственной системы, а замѣна стараго государственнаго строя совершенно другимъ, противоположнымъ ему по духу и характеру. Только мало-по-малу входитъ въ общее сознаніе тотъ несомнѣнный фактъ, что у насъ совершилось великое міровое событіе, — одно изъ тѣхъ событій, которыя опредѣляютъ ходъ исторіи на цѣлыя столѣтія и оказываютъ огромное вліяніе на жизнь всего культурнаго человѣчества. Вопросъ о продолженіи или скорѣйшемъ окончаніи навязанной намъ убійственной войны далеко не исчерпываетъ собою значенія русской революціи; онъ составляетъ только одну изъ частностей, вытекающихъ изъ общаго революціоннаго движенія. Народилась новая могущественная демократія, способная служить живымъ укоромъ и урокомъ для сосѣднихъ націй, терпѣливо выносящихъ на себѣ бремя старыхъ воинственныхъ, разорительныхъ династій Габсбурговъ, Гогенцоллерновъ и десятковъ болѣе мелкихъ германскихъ „владѣтельныхъ" фамилій. Нѣмецкая соціалъ-демо кратическая партія, которая болѣе сорока лѣтъ тому назадъ поставила на своемъ знамени лозунги „свободнаго государства" и „революціонной диктатуры пролетаріата", должна была чувствовать особенное смущеніе при извѣстіи о радикальномъ политическомъ переворотѣ въ Россіи. Германскіе соціалисты, взявшіе на себя постыдную роль сообщниковъ и прислужниковъ Вильгельма II, стали уже раньше отрекаться отъ агрессивныхъ плановъ имперіализма въ виду тяжкихъ разочарованій и бѣдствій, вызванныхъ чрезмѣрною продолжительностью и неудачнымъ ходомъ войны; но они очутились въ крайне затруднительномъ и щекотливомъ положеніи, когда представители русской демократіи обратились къ нимъ или, вѣрнѣе, „къ народамъ всего міра", съ краснорѣчивымъ воззваніемъ отъ 14 (27) марта:

„Мы, русскіе рабочіе и солдаты, объединенные въ петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, шлемъ вамъ нашъ пламенный привѣтъ и возвѣщаемъ о великомъ событіи. Россійская демократія повергла въ прахъ вѣковой деспотизмъ царя и вступаетъ въ вашу семью полноправнымъ членомъ и грозной силой въ борьбѣ за наше общее освобожденіе. Наша побѣда есть великая побѣда всемірной свободы и демократіи. Нѣтъ больше главнаго устоя міровой реакціи и „жандарма Европы". Да будетъ тяжкимъ гранитомъ земля на его могилѣ. Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ международная солидарность пролетаріата и его борьба за окончательную побѣду!

„Наше дѣло еще не завершено: еще не разсѣялись тѣни стараго порядка, и не мало враговъ собираютъ силы противъ русской революціи. Но все же огромны наши завоеванія. Народы Россіи

выразятъ свою волю въ Учредительномъ Собраніи, которое будетъ созвано въ ближайшій срокъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія. И уже сейчасъ можно съ увѣренностью предсказать, что въ Россіи восторжествуетъ демократическая республика. Русскій народъ обладаетъ полной политической свободой. Онъ можетъ нынѣ сказать свое властное слово во внутреннемъ самоопредѣленіи страны и во внѣшней ея политикѣ. И, обращаясь ко всѣмъ народамъ, истребляемымъ и разоряемымъ въ чудовищной войнѣ, мы заявляемъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительствъ всѣхъ странъ; наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ.

„Въ сознаніи своей революціонной силы, россійская демократія заявляетъ, что она будетъ всѣми мѣрами противодѣйствовать захватной политикѣ своихъ господствующихъ классовъ, и она призываетъ народы Европы къ совмѣстнымъ рѣшительнымъ выступленіямъ въ пользу мира.

„И мы обращаемся къ нашимъ братьямъ-пролетаріямъ австрогерманской коалиціи и, прежде всего, къ германскому пролетаріату. Съ первыхъ дней войны васъ убѣждали въ томъ, что, поднимая оружіе противъ самодержавной Россіи, вы защищаете культуру Европы отъ азіатскаго деспотизма. Многіе изъ васъ видѣли въ этомъ оправданіе той поддержки, которую вы оказали войнѣ. Нынѣ не стало и этого оправданія: демократическая Россія не можетъ быть угрозой свободѣ и цивилизаціи.

„Мы будемъ стойко защищать нашу собственную свободу отъ всякихъ реакціонныхъ посягательствъ какъ изнутри, такъ и извнѣ. Русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей и не позволитъ раздавить себя внѣшней военной силой. Но мы призываемъ васъ: сбросьте съ себя иго вашего полусамодержавнаго порядка, подобно тому, какъ русскій народъ стряхнулъ съ себя царское самовластье; откажитесь служить орудіемъ захвата и насилія въ рукахъ королей, помѣщиковъ и банкировъ, — и дружными объединенными усиліями мы прекратимъ страшную бойню, позорящую человѣчество и омрачающую великіе дни рожденія русской свободы.

„Трудящіеся всѣхъ странъ! Братски протягивая вамъ руку черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры, мы призываемъ васъ къ возстановленію и укрѣпленію международнаго единства. Въ немъ залогъ нашихъ побѣдъ и полнаго освобожденія человѣчества. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Подъ вліяніемъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, Временное Правительство, съ своей стороны, опубликовало 27 марта весьма важное принципіальное заявленіе о военномъ положеніи и о цѣляхъ войны:

„Временное Правительство, — сказано въ этомъ заявленіи, — обсудивъ военное положеніе Русскаго государства, во имя долга передъ страной, рѣшило прямо и открыто сказать народу всю правду.

„Свергнутая нынѣ власть оставила дѣло обороны страны въ тяжеломъ разстроенномъ положеніи. Своимъ преступнымъ бездѣйствіемъ и своими неумѣлыми мѣрами она внесла разруху въ наши финансы, въ дѣло продовольствія и перевозокъ, въ дѣло снабженія арміи. Она подорвала нашъ хозяйственный строй.

„Временное Правительство, при живомъ и дѣятельномъ содѣйствіи всего народа, положитъ всѣ силы на дѣло исправленія этихъ тяжкихъ послѣдствій стараго режима. Но время не ждетъ. Кровь многихъ сыновъ родины безъ мѣры лилась за эти два съ половиною долгихъ года войны, но страна все еще остается подъ ударомъ сильнаго врага, захватившаго цѣлыя области нашего государства и нынѣ, въ дни рожденія русской свободы, грозящаго намъ новымъ рѣшительнымъ напоромъ.

„Оборона во что бы то ни стало нашего собственнаго родного достоянія и избавленіе страны отъ вторгнувшагося въ наши предѣлы врага — первая насущная и жизненная задача нашихъ воиновъ, защищающихъ свободу народа.

„Предоставляя волѣ народа въ тѣсномъ единеніи съ нашими союзниками окончательно разрѣшить всѣ вопросы, связанные съ міровою войной и ея окончаніемъ, Временное Правительство считаетъ своимъ правомъ и долгомъ нынѣ же заявить, что цѣль свободной Россіи — не господство надъ другими народами, не отнятіе у нихъ національнаго ихъ достоянія, не насильственный захватъ чужихъ территорій, но утвержденіе прочнаго мира на основѣ самоопредѣленія народовъ. Русскій народъ не добивается усиленія внѣшней мощи своей за счетъ другихъ народовъ, онъ не ставитъ своей цѣлью ничьего порабощенія и униженія. Во имя высшихъ началъ справедливости имъ сняты оковы, лежавшія на польскомъ народѣ. Но русскій народъ не допуститъ, чтобы родина его вышла изъ великой борьбы униженной и подорванной въ жизненныхъ своихъ силахъ. Эти начала будутъ положены въ основу внѣшней политики Временнаго Правительства, неуклонно проводящей волю народную и ограждающей права нашей родины при полномъ соблюденіи всѣхъ обязательствъ, принятыхъ въ отношеніи нашихъ союзниковъ.

„Временное Правительство свободной Россіи не въ правѣ скрывать истину отъ народа. Государство въ опасности. Нужно напрячь всѣ силы для его спасенія. Пусть отвѣтомъ страны на сказанную правду будетъ не безплодное уныніе, не упадокъ духа, а единодушный порывъ къ созданію единой народной воли. Она дастъ намъ новыя силы къ борьбѣ и приведетъ насъ къ спасенію.

„Въ часъ суроваго испытанія пусть вся страна найдетъ въ себѣ силы закрѣпить завоеванную свободу и отдаться неустанной работѣ на благо свободной Россіи. Временное Правительство, давшее торжественную клятву служитъ народу, твердо вѣритъ, что при общей и единодушной поддержкѣ всѣхъ и каждаго, и само оно будетъ въ состояніи выполнить свой долгъ передъ страной до конца".

Широкая программа справедливаго международнаго мира, изложенная въ приведенныхъ документахъ, одинаково осуждаетъ стре-

мленіе къ захвату и пріобрѣтенію чужихъ территорій, требуетъ уваженія къ чужимъ національнымъ правамъ и на первый планъ выдвигаетъ право народовъ на свободное самоопредѣленіе. Австро-венгерское правительство также утверждаетъ, что оно стремится лишь къ огражденію правъ и интересовъ подвластныхъ ему народовъ и не думаетъ ни о какихъ завоеваніяхъ; и Германія такъ же точно, по увѣреніямъ ея офиціозныхъ публицистовъ, желаетъ только обезпечить свободу и независимость своего будущаго развитія, безъ подавленія чужихъ народностей. На конференціи германской соціалъ-демократической партіи единогласно принята была 9 (22) марта резолюція, которая съ перваго взгляда могла показаться вполнѣ удовлетворительною. Текстъ этой резолюціи гласитъ:

„Германскій рабочій классъ безповоротно рѣшилъ содѣйствовать тому, чтобы Германская имперія вышла изъ этой войны свободнымъ государствомъ. Мы требуемъ немедленнаго устраненія всѣхъ неравенствъ въ области государственныхъ правъ въ имперіи, королевствѣ и общинахъ, а также устраненія бюрократическаго режима и замѣны его рѣшительнымъ вліяніемъ народнаго представительства. Соціалистическая партія Германіи, равно какъ и соціалисты всѣхъ странъ, борются противъ мечтаній о міровомъ владычествѣ и противъ честолюбиваго шовинизма правительствъ, стремясь заставить ихъ опредѣленно отказаться отъ какой бы то ни было завоевательной политики и возможно скорѣе начать окончательные мирные переговоры на этой основѣ. Никакой народъ не долженъ быть поставленъ послѣ заключенія мира въ унизительное, невыносимое положеніе. Наоборотъ, каждому должна быть предоставлена возможность путемъ добровольнаго участія въ особой сверхгосударственной организаціи и признанія обязательнаго третейскаго суда содѣйствовать обезпеченію въ будущемъ всеобщаго мира“.

Если перевести эти общія фразы австро-германскихъ миролюбцевъ на языкъ реальныхъ фактовъ, то получится впечатлѣніе полной неопредѣленности. Очиститъ ли Австро-Венгрія занятыя ею территоріи Сербіи и Черногоріи и согласится ли возстановить политическую независимость этихъ странъ? Покинутъ ли германцы Бельгію, если ихъ къ тому не принудятъ? Предоставятъ ли они право свободнаго самоопредѣленія бельгійцамъ и полякамъ, безъ соотвѣтственныхъ компенсацій? Нѣмецкіе патріоты, начиная съ имперскаго канцлера, говорятъ глухо о „гарантіяхъ“ за будущее, которыя должны быть потребованы отъ противниковъ и о неизбѣжныхъ „возмѣщеніяхъ расходовъ и убытковъ“ при заключеніи мира; эти существенные вопросы старательно обходятся даже оппозиціонными соціалъ-демократами, отрекающимися отъ всякихъ аннексій и контрибуцій. Добровольно выпустить изъ своихъ рукъ захваченную добычу гораздо труднѣе, чѣмъ отказываться отъ будущихъ пробле-

матическихъ завоеваній, и въ этомъ заключается разница въ нынѣшнемъ фактическомъ положеніи Германіи и ея противниковъ. Единственнымъ утѣшеніемъ нѣмцевъ въ испытываемыхъ ими бѣдствіяхъ войны является именно то, что они успѣли завладѣть значительными и богатыми территоріями враждебныхъ націй, и нельзя себѣ представить, чтобы они даромъ отдали обратно чужія земли, доставшіяся имъ цѣною страшныхъ жертвъ и усилій. Зачѣмъ стали бы они воевать съ могущественною коалиціею, если бы не разсчитывали на крупныя и выгодныя пріобрѣтенія? Только силою можно заставить центральныя имперіи вернуть награбленное ими, а такъ какъ нельзя уже бросить Бельгію, сѣверную Францію и Сербію на произволъ побѣдителей, то не можетъ быть рѣчи о прекращеніи войны со стороны державъ согласія, даже если бы Россія рѣшилась отречься отъ занятыхъ нѣмцами русскихъ областей. Поэтому скорѣйшее заключеніе мира нисколько не зависитъ отъ доброй воли русской демократіи и солидарныхъ съ нею рабочихъ классовъ Франціи и Англіи; оно могло бы быть достигнуто только въ томъ случаѣ, если бы германская соціалъ-демократическая партія послѣдовала призыву русскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и уничтожила старый монархическій строй, олицетворяемый Вильгельмомъ II и его союзниками. Свободный нѣмецкій народъ, избавившись отъ наслѣдственнаго гнета старыхъ феодальныхъ династій, могъ бы дѣйствительно протянуть руку такимъ же свободнымъ сосѣднимъ націямъ и устроить съ ними прочный миръ на новыхъ началахъ культурнаго международнаго общенія. Но нѣмецкіе соціалисты всегда отличались необыкновенною скромностью своихъ политическихъ требованій и упованій; они не осмѣливаются даже допускать мысль объ устраненіи Гогенцоллерновъ, хотя и надѣются почему-то на превращеніе Германской имперіи въ „свободное государство“ подъ вліяніемъ настоящей войны. Какъ совмѣстить идею „свободнаго государства“ съ господствомъ побѣдоносной военной династіи — этого не поясняютъ авторы соціалъ-демократической резолюціи. Газета „Vorwärts“ приняла за обиду призывъ русскихъ „товарищей“ свергнуть Вильгельма II, усмотрѣвъ въ этомъ призывѣ незаконную попытку вмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи; нѣмцы, дескать, не нуждаются въ чужихъ совѣтахъ и вовсе не чувствуютъ потребности мѣнять своихъ правителей и передѣлывать свои государственные порядки. Оказывается, что эти передовые нѣмецкіе демократы ничего не имѣютъ противъ владычества Вильгельма II и согласны и впредь подчиняться не только ему самому, но и его скудоумному кронпринцу; они были бы вполнѣ довольны осуществленіемъ тѣхъ маленькихъ реформъ, которыя императоръ

король великодушно обѣщаетъ своему народу послѣ окончанія войны. Опубликованный 25 марта (7 апрѣля) рескриптъ на имя прусскаго министра-президента Бетмана-Гольвега по своему общему тону и стилю какъ нельзя лучше характеризуетъ положеніе нѣмецкаго народа подъ властью Гогенцоллерновъ. Въ своемъ „высочайшемъ“ рескриптѣ Вильгельмъ II пишетъ:

„Стремясь къ строгому сохраненію единства между народомъ и монархіей для общаго ихъ блага, я намѣренъ приступить къ переустройству нашей внутренно-политической, хозяйственной и соціальной жизни, какъ только это будетъ возможно въ зависимости отъ войны.

„Милліоны нашихъ согражданъ еще находятся на полѣ сраженія, и поэтому тотъ рѣшительный обмѣнъ мнѣній въ тылу, который неизбѣженъ при коренномъ измѣненіи конституціи, во имя высшихъ интересовъ родины, откладывается до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время возвращенія нашихъ воиновъ, дабы они сами совѣтомъ и дѣломъ могли способствовать успѣху новыхъ начинаній.

„Чтобы, однако, при благопріятномъ исходѣ войны, который, какъ я твердо увѣренъ въ томъ, не заставитъ себя долго ждать, могли быть тотчасъ предприняты необходимыя цѣлесообразныя дѣйствія въ этомъ направленіи, я желаю, чтобы къ подготовительнымъ работамъ было приступлено немедленно.

„Я особенно близко принимаю къ сердцу преобразованіе прусскаго ландтага, а также освобожденіе всей нашей внутренно-политической жизни отъ этого вопроса. Для измѣненія закона о выборахъ въ ландтагъ, по моимъ указаніямъ уже въ началѣ войны были произведены подготовительныя работы.

„Теперь я поручаю представить мнѣ министерскія законодательныя предположенія, дабы, при возвращеніи нашихъ воиновъ домой, эта основная для внутренняго устройства Пруссіи работа могла быть незамедлительно проведена въ законодательномъ порядкѣ.

„Послѣ огромныхъ трудовъ, понесенныхъ всѣмъ народомъ за время этой ужасной войны, нѣтъ уже, по моему убѣжденію, мѣста для классоваго избирательнаго права въ Пруссіи. Въ дальнѣйшемъ законопроектъ долженъ предусматривать прямое и избирательное право, съ тайною подачей голосовъ.

„Ни одинъ прусскій король не будетъ отрицать заслугъ палаты господъ, ея неизмѣннаго значенія для государства. Однако, при крайне возвышенныхъ требованіяхъ грядущаго времени, палата господъ справится со своей работой гораздо успѣшнѣе, если въ составъ ея войдутъ въ болѣе широкомъ и болѣе равномѣрномъ объемѣ, чѣмъ это было до сихъ поръ, люди различныхъ круговъ и профессій, пользующіеся уваженіемъ своихъ согражданъ.

„Выражая мое довѣріе нашему вѣрному, храброму, способному, высоко-развитому народу при обновленіи нашего закономѣрнаго, выдержавшаго многія невзгоды государственнаго строя, я остаюсь въ согласіи съ традиціями моихъ великихъ предковъ“.

Это благожелательное выраженіе довѣрія къ своему преданному, высоко-культурному народу напоминаетъ милостивые акты королей прежняго самодержавнаго типа, бравшихъ на себя отеческую роль по отношенію къ своимъ подданнымъ. Народъ долженъ получить награду за свои великія кровавыя и матеріальныя жертвы, а награждать можетъ только король, которому эти жертвы приносятся. Покорно отдавая жизнь милліоновъ своихъ сыновъ для славы и величія Гогенцоллерновъ, такъ называемые низшіе и средніе классы народа, по мнѣнію монарха, заслуживаютъ уже нѣкотораго расширенія избирательныхъ правъ, которыми въ полной мѣрѣ пользуются въ Пруссіи только крупные землевладѣльцы и капиталисты. Если бы нѣмцы воевали по собственной волѣ и для собственной пользы, или для блага будущихъ поколѣній, то, конечно, они служили бы только самимъ себѣ и своимъ потомкамъ, а не своимъ наслѣдственнымъ правителямъ, и не нуждались бы въ снисходительныхъ поощреніяхъ и награжденіяхъ со стороны короля; они и безъ того обладали бы всѣми тѣми правами, которыя должны принадлежать взрослымъ свободнымъ гражданамъ. Но въ качествѣ ограниченныхъ, смиренныхъ и самоотверженныхъ подданныхъ они могутъ ждать улучшенія своей участи только сверху, отъ своихъ прирожденныхъ господъ, и это обстоятельство особенно подчеркивается указаніемъ на заслуги существующей въ Пруссіи привилегированной „палаты господъ". Король намѣревается великодушно пріобщить къ разряду этихъ офиціальныхъ „господъ" избранныхъ представителей либеральныхъ профессій, „пользующихся уваженіемъ своихъ согражданъ", — при чемъ разумѣется само собою, что настоящіе, прирожденные господа могутъ обойтись и безъ уваженія своихъ согражданъ. Эти замѣчательныя политическія реформы, однако, предполагаются только послѣ окончанія войны, при благопріятномъ ея исходѣ, который, въ силу „твердой увѣренности" Вильгельма II „не заставитъ себя долго ждать". И такая убогая, жалкая программа выставляется передъ всѣмъ свѣтомъ послѣ русской революціи, а твердая увѣренность въ скорой окончательной побѣдѣ высказывается вслѣдъ за выступленіемъ противъ Германіи новыхъ могущественныхъ враговъ, въ лицѣ великой американской республики. И при такихъ условіяхъ нѣмецкіе соціалъ-демократы собираются содѣйствовать тому, чтобы имперія Гогенцоллерновъ вышла изъ войны „свободнымъ государствомъ". Война — еще въ полномъ разгарѣ, и въ нее только что вступили новые, сильные, богатѣйшіе противники германскаго имперіализма, а „король-императоръ", какъ ни въ чемъ не бывало, заявляетъ, что успѣшный конецъ войны предстоитъ уже въ ближайшемъ будущемъ. Что это — издѣва-

тельство надъ своимъ народомъ, или насмѣшливый вызовъ по адресу враговъ? Если осуществленіе обѣщанныхъ реформъ должно зависѣть отъ побѣдоноснаго окончанія войны, то серьезно разсчитывать на нихъ было бы слишкомъ наивно, ибо военное торжество не благопріятствуетъ внутреннимъ преобразованіямъ и только укрѣпляетъ реакціонныя силы; а въ случаѣ пораженія потребуются совсѣмъ другія внутреннія перемѣны, которыя едва ли будутъ соотвѣтствовать намѣреніямъ Вильгельма II.

Какъ бы то ни было, при нынѣшнемъ невозмутимо-побѣдоносномъ настроеніи Германіи безполезно разсуждать о немедленномъ заключеніи мира, и еще безполезнѣе говорить о коренной реформѣ германскаго государственнаго строя при участіи революціонной нѣмецкой демократіи: послѣднее возможно только при неудачномъ для нѣмцевъ окончательномъ исходѣ войны, который пока еще предвидится только въ принципѣ или въ теоріи и рисуется лишь въ неопредѣленномъ туманѣ. Большинство нѣмецкихъ соціалистовъ одобряетъ содержаніе реформаторскаго рескрипта и комментируетъ его въ сочувственномъ тонѣ, но доказываетъ необходимость ввести уж ныя реформы въ возможно скорѣйшемъ времени, не дожидаясь окончанія войны. Въ этомъ смыслѣ передовые публицисты обращаются съ своими настоятельными совѣтами и доказательствами къ канцлеру, избѣгая критиковать личные взгляды Вильгельма II, изложенные въ его рескриптѣ. Поведеніе нѣмецкой соціалъ-демократіи должно было разочаровать нашихъ идеалистовъ, разсчитывавшихъ на практическіе результаты миролюбиваго воззванія Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ къ германскому пролетаріату. Нѣмцы не созрѣли еще для революціи; въ нихъ крѣпко держатся традиціонныя холопскія чувства по отношенію къ династіямъ, властвующимъ и распоряжающимся Германіею. Недаромъ еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка одинъ изъ талантливыхъ нѣмецкихъ писателей называлъ свой народъ „лакейскимъ“ — Lakaienvolk. Подобострастная покорность установившемуся государственному режиму, олицетворяемому монархомъ, сказывается въ важнѣйшихъ политическихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ высоко-культурной нѣмецкой націи. Императоръ твердитъ, что увѣренъ въ конечной побѣдѣ, и народъ слѣпо вторитъ ему, не имѣя къ тому въ сущности никакихъ разумныхъ основаній. Правительство ожесточаетъ противниковъ своими вызывающими актами варварства, затягивая этимъ войну до безконечности, — и патріоты рукоплещутъ ему и превозносятъ его спасительную энергію. Вильгельмъ II и его совѣтники систематически съ непонятнымъ ослѣпленіемъ заставляютъ Соединенные Штаты присоединиться къ врагамъ Германіи, и народъ подчи-

няется и идетъ на новыя жертвы безъ протеста и безъ критики. Нелѣпая мысль уничтожить Англію при помощи безпощадной подводной войны, засѣла въ умахъ германскихъ правителей, — и народъ поддается этому гипнозу, не замѣчая безумнаго звѣрства такого рода пиратскихъ подвиговъ. Можно ли надѣяться на скорый и справедливый миръ, имѣя дѣло съ подобными маніаками?

Правительство Соединенныхъ Штатовъ долго и упорно убѣждало германскую дипломатію отказаться отъ возмутительныхъ пріемовъ подводной войны, подвергающихъ опасности жизнь мирныхъ пасажировъ, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, и каждый разъ рѣшительно протестовало, когда въ числѣ погибшихъ оказывались американскіе граждане; оно неоднократно грозило разрывомъ и наконецъ добилось какъ будто опредѣленныхъ обѣщаній и уступокъ, но эти обѣщанія и уступки, въ концѣ концовъ, оставались безплодными, и дипломатическій споръ возобновлялся съ новою силою. Рядомъ съ этою формально-дружескою полемикою, берлинскій кабинетъ велъ секретныя интриги и подготовлялъ нѣкоторыя таинственныя комбинаціи съ цѣлью парализовать свободу дѣйствій Соединенныхъ Штатовъ. Въ Вашингтонѣ было перехвачено письмо германскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ Циммермана къ представителю Германіи въ Мексикѣ, фонъ-Экардту, отъ 19 января текущаго года. Предвидя возраженія Америки противъ назначенной съ 1 февраля подводной войны „безъ ограниченій“, министръ предлагаетъ своему подчиненному завязать съ мексиканскимъ президентомъ, генераломъ Карранца, переговоры о союзѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: „Обѣ стороны обязываются совмѣстно вести войну и вмѣстѣ заключить миръ; мы будемъ оказывать финансовую помощь, чтобы Мексика могла обратно завоевать утраченныя территоріи — Новую Мексику, Техасъ и Аризону. Вамъ предоставляется установленіе деталей. Объ изложенномъ вы сообщите президенту Мексики самымъ конфиденціальнымъ образомъ, какъ только война съ Соединенными Штатами станетъ несомнѣнною. Президентъ Мексики долженъ по собственной иниціативѣ вступить въ сношенія съ Японіею и побудить ее примкнуть къ этому плану, предложивъ ей въ то же время свое посредничество между Германіею и Японіею. Обратите вниманіе президента, что безпощадное примѣненіе подводныхъ лодокъ въ настоящее время обѣщаетъ заставить Англію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключить миръ“. Это письмо было уже въ рукахъ президента Вильсона, когда Бетманъ-Гольвегъ заявлялъ въ рейхстагѣ, что Германія „всегда поддерживала и высоко цѣнила дружбу съ Соединенными Штатами, какъ наслѣдіе Фридриха

Великаго", и что Соединенные Штаты „рѣзко порвали эту дружбу безъ точныхъ основаній". Раскрытіе коварной нѣмецкой интриги произвело въ Америкѣ сильное впечатлѣніе и окончательно оттолкнуло отъ офиціальной Германіи даже многочисленныхъ гражданъ нѣмецкаго происхожденія.

Русская революція, уничтожившая ненавистный американцамъ царскій деспотизмъ, разрушила послѣднюю преграду, удерживавшую республику отъ присоединенія къ державамъ, среди которыхъ дѣйствуетъ Россія. Американцы не могли забыть, что русское правительство, вопреки принципу взаимности, подтвержденному договорами, не допускало въѣзда въ предѣлы имперіи американскихъ гражданъ іудейскаго вѣроисповѣданія, хотя бы занимающихъ крупные офиціальные посты, и что на этомъ основаніи позорно задержанъ былъ на русской границѣ бывшій посолъ Соединенныхъ Штатовъ въ Константинополѣ. Американцы всѣхъ народностей и вѣроисповѣданій стали восторженными друзьями Россіи, благодаря провозглашенной у насъ отмѣнѣ всякихъ національныхъ и религіозныхъ ограниченій. Между тѣмъ германцы продолжали топить пассажирскіе и иные пароходы, также безъ всякихъ національныхъ различій. Въ февралѣ былъ потопленъ безъ предупрежденія роскошный пароходъ „Laconia", при чемъ погибли между прочимъ, двѣ американки, мать и дочь Гау; братъ ихъ, представитель одной крупной чикагской фирмы, обратился къ президенту Вильсону съ слѣдующимъ краткимъ, но многозначительнымъ письмомъ: „Я — американскій гражданинъ, проживающій въ Европѣ въ интересахъ развитія американской торговли. Я люблю нашъ флагъ и вѣрю въ его значеніе. Моя любимая мать и сестра, находившіяся на „Лаконіи", были предательски убиты въ открытомъ морѣ. Какъ американскій гражданинъ, я призываю свое правительство къ защитѣ и избавленію моихъ согражданъ отъ ударовъ, подобныхъ тому, который обрушился на меня. Если мое отечество можетъ употребить меня противъ этихъ гнусныхъ убійцъ, я отдаю себя въ его распоряженіе. Если же оно оставитъ безъ примѣненія мои силы и мужество моей націи, сохраняя пассивность подъ ударомъ оскорбленія, то я долженъ буду искать возмездія подъ другимъ флагомъ". Такихъ призывовъ и упрековъ приходилось получать очень много президенту Вильсону, и однако онъ до послѣдней возможности старался избѣжать прямого участія въ войнѣ. Онъ думалъ ограничиться вооруженнымъ нейтралитетомъ, снабдивъ американскія торговыя суда пушками для защиты отъ нападенія подводныхъ лодокъ; но Германія объявила, что будетъ поступать съ матросами этихъ вооруженныхъ кораблей какъ съ морскими разбойниками, и тогда

не оставалось другого выхода, кромѣ открытаго вооруженнаго столкновенія между республикою и имперіею. Германіи удалось создать враждебное ей общественное мнѣніе въ Соединенныхъ Штатахъ и заставить такого убѣжденнаго пацифиста, какъ Вильсонъ, рѣшиться на войну. Въ засѣданіи конгресса, 20 марта (2 апрѣля), прочитано было посланіе президента, которое приводится здѣсь въ сокращенномъ изложеніи.

„Президентъ созвалъ конгрессъ на чрезвычайную сессію для немедленнаго серьезнаго политическаго рѣшенія въ виду положенія, создавшагося безпощадной подводной войной, ведущеюся Германіей, вопреки ея прошлогоднимъ обязательствамъ предъ Соединенными Штатами.

„Германія топитъ всякаго рода суда не только враждебныхъ, но и нейтральныхъ дружественныхъ державъ, даже госпитальныя суда, снабженныя пропусками, выданными германскимъ же правительствомъ. Все это дѣлается съ грубымъ нарушеніемъ даже тѣхъ очень скромныхъ границъ, которыя устанавливаются современнымъ правомъ войны. Война, нынѣ ведущаяся Германіей, является войной противъ всего человѣчества, противъ всѣхъ народовъ, каждый изъ которыхъ долженъ рѣшить, какъ ему относиться къ германскому вызову.

„Въ своемъ образѣ дѣйствій Соединенные Штаты должны руководиться исключительно желаніемъ отстоять принципы человѣколюбія. Прежнее ихъ положеніе вооруженнаго нейтралитета нынѣ безцѣльно. Германское правительство отрицаетъ право нейтральныхъ на принятіе какихъ-либо мѣръ защиты ихъ правъ въ предѣлахъ запретной зоны, доселѣ никѣмъ неоспаривавшихся. Германія заявила, что отряды, размѣщаемые на нейтральныхъ судахъ для защиты послѣднихъ, будутъ разсматриваться ею какъ пираты. Соединенные Штаты не въ состояніи допустить попранія ихъ священныхъ правъ. Дѣйствуя безъ колебаній и въ полномъ сознаніи моего конституціоннаго долга, предлагаю конгрессу заявить императорскому германскому правительству, что народъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ формально признаетъ наличность навязаннаго ему состоянія войны, а равнымъ образомъ, предлагаю принять немедленныя мѣры не только къ приведенію страны въ положеніе полной обороны, но и къ использованію національныхъ средствъ для побужденія Германіи принять условія Соединенныхъ Штатовъ и тѣмъ закончить войну“.

Президентъ Вильсонъ испрашивалъ у конгресса кредиты для вышеозначенной цѣли. Всѣ указанныя мѣропріятія должны осуществляться съ крайней предусмотрительностью и при томъ такъ, чтобы военныя приготовленія Соединенныхъ Штатовъ не затруднили имъ исполненія ихъ долга по снабженію націй, уже воюющихъ съ Германіей, всѣмъ военнымъ снаряженіемъ, которое они могутъ получить только отъ Сѣверной Америки. Эти народы, — продолжаетъ Вильсонъ, — уже вступили на арену борьбы, и нашъ долгъ помочь имъ всѣми силами для успѣшнаго продолженія и завершенія ихъ военныхъ дѣйствій. При этомъ не должна оставаться въ сто-

ронѣ и широкая финасовая помощь со стороны Штатовъ этимъ народамъ. Перечисляя рядъ мѣръ, вызываемыхъ войной съ Германіей, президентъ Вильсонъ испрашиваетъ у конгресса немедленное образованіе арміи въ 500.000 человѣкъ на основѣ всеобщей воинской повинности, съ предоставленіемъ ему полномочія въ случаѣ нужды увеличить эту силу тѣмъ же количествомъ. Президентъ надѣется, что конгрессъ одобритъ всѣ мѣры, тщательно разработанныя органами правительства. Этимъ путемъ откроется возможность защитить основы мира и справедливости отъ посягательствъ со стороны автократическихъ и эгоистическихъ германцевъ и тѣмъ установить прочный миръ въ средѣ, дѣйствительно, свободныхъ народовъ.

„Война, замышленная и начатая германскимъ правительствомъ, явилась возможной только тогда, когда никто въ государствѣ не имѣлъ права задавать вопроса относительно нея. Подобные замыслы невозможны тамъ, гдѣ общественное мнѣніе получаетъ исчерпывающія объясненія въ вопросахъ, касающихся націи“. Въ заключеніе президентъ Вильсонъ ссылается на поразительный переворотъ въ глубоко демократической Россіи, свергнувшей иго самодержавія и несущей свою великую силу къ тѣмъ, кто борется за дѣло справедливости, свободы и мира.

„Мы убѣдились, въ томъ, что самодержавная Пруссія, наводнявшая своими шпіонами ваше гражданское управленіе и нашу торговлю, не могла быть нашимъ другомъ; это съ достаточной ясностью установлено нашими уголовными судами. Мы убѣждены, что германское правительство не только не платило намъ искренней дружбой, но еще стремилось нарушить нашу безопасность. Мы принимаемъ его вызовъ и вступаемъ въ бой съ естественнымъ врагомъ свободы, для чего мы вложимъ въ эту борьбу всю силу нашего народа. Во исполненіе это долга мы пожертвуемъ нашей жизнью, нашимъ имуществомъ и всѣмъ тѣмъ что у насъ есть, въ гордомъ сознаніи, что наконецъ, наступилъ день, когда Америка можетъ отдать свою кровь за тѣ самыя начала, въ которыхъ она возникла, равно какъ за счастье и миръ, которыми она наслаждалась. Съ Божьей помощью Америка не можетъ поступить иначе“.

Обѣ палаты конгресса приняли затѣмъ слѣдующую резолюцію:

„Такъ какъ послѣднія дѣйствія германскаго имперскаго правительства являются военными дѣйствіями, направленными противъ правительства и народа Соединенныхъ Штатовъ, то сенатъ и палата представителей, собравшіеся въ конгрессъ, рѣшили настоящимъ формально заявить, что Соединенные Штаты и германское имперское правительство находятся въ состояніи войны, которая такимъ образомъ навязана Соединеннымъ Штатамъ, и что президентъ настоящимъ уполномочивается непосредственно предпринять шаги не только къ тому, чтобы привести страну въ состояніе обороны, но также и для того, чтобы воспользоваться всѣми ея силами и рессурсами для веденія войны противъ германскаго имперскаго правительства и доведенія ея до успѣшнаго конца“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ рѣшеніи Соединенныхъ Штатовъ сыграло свою роль появленіе на сценѣ всемірной исторіи новой русской демократіи, способной внушить сочувствіе и довѣріе великой американской республикѣ. Солидарность съ Россіею въ борьбѣ противъ грубыхъ притязаній и посягательствъ германскаго милитаризма никого уже не смущаетъ, а напротивъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Демократическія силы всего культурнаго міра соединились противъ хищныхъ военныхъ монархій центральной Европы, и судьба этихъ монархій зависитъ теперь уже не только отъ внѣшняго хода войны, но и отъ степени внутренняго политическаго развитія и демократической сознательности подвластныхъ народовъ [1]).

Л. Слонимскій.

[1]) Считаемъ нелишнимъ замѣтить, что настоящее обозрѣніе является первымъ, вполнѣ свободнымъ отъ цензуры, которая своими произвольными сокращеніями и вычеркиваніями искажала наши статьи до неузнаваемости. Въ январской книгѣ, напр., было „изъято" около $5^1/_2$ печатныхъ страницъ въ самомъ началѣ обозрѣнія, такъ что кое-гдѣ получилась даже безсмыслица.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

В. М. Викентьевъ. Древне-египетская повѣсть о двухъ братьяхъ. Съ 1 табл. и 14 рис. (Вып. 4 изъ серіи „Культурно-историческіе памятники древняго Востока".) М. 1917. Ц. 1 рубль.

Передъ нами — новый выпускъ серіи культурно-историческимъ памятниковъ древняго Востока, подъ редакціей проф. Б. А. Тураева, новый цѣнный вкладъ въ научно-популярную литературу. Напомнимъ, что въ предыдущихъ выпускахъ были изданы такіе цѣнные памятники, какъ законы вавилонскаго царя Хаммураби (вып. 1), арамейскіе документы іудейской колоніи на Элефантинѣ V в. до Р. Х. (вып. 2), разсказъ египтянина Синухета и образцы египетскихъ документальныхъ автобіографій (вып. 3). Изданіе переводовъ этихъ памятниковъ сопровождалось и общимъ вступленіемъ, въ которомъ характеризовалось значеніе документовъ, и соотвѣтствующими комментаріями и опредѣленными выводами, вытекавшими изъ изученія памятниковъ...

Новый выпускъ принадлежитъ перу В. М. Викентьева и посвященъ „Древне-египетской повѣсти о двухъ братьяхъ".

Книжка распадается на три части, изъ которыхъ первая заключаетъ въ себѣ предварительныя замѣчанія („Предисловіе", стр. 3—27), вторая — переводъ самой повѣсти и третья — комментаріи и фольклористическія сопоставленія (стр. 53—94).

Въ первой части авторъ, сдѣлавъ общее указаніе на существованіе поэзіи и изящной литературы въ Египтѣ, въ чемъ раньше, до открытія папирусовъ съ подобной литературой, сомнѣвались, и, въ частности, на существованіе многочисленныхъ сказокъ, останавливается на папирусѣ леди д'Орбини, заключавшемъ въ себѣ разбираемую повѣсть, говоритъ объ изученіи этого папируса, о переводахъ повѣсти (также и на русскій яз., но не съ подлинника), о переписчикѣ повѣсти Эннанѣ, извѣстномъ и по другимъ папирусамъ и, во всякомъ случаѣ, не авторѣ сказки, о цѣломъ рядѣ литературныхъ и стилистическихъ особенностей произведенія и потомъ

во стр. 17 переходитъ къ характеристикѣ героевъ повѣсти Батъ и Анупу, приведя (стр. 22 слѣд.) цѣлый рядъ аргументовъ въ пользу того, что они являются прототипами древнихъ боговъ Анупу (Анубиса) и Батъ, и отмѣчаетъ, что Навилль и Лаутъ сближаютъ Бата даже съ доисторическимъ царемъ Bytis, предшественникомъ извѣстнаго Мины, такъ что, согласно послѣднему мнѣнію, „время жизни Бата-Битиса падаетъ, если слѣдовать наиболѣе скромной хронологической схемѣ, около 3750 г. до Р. Х." (стр. 26).

Итакъ, разбираемая повѣсть — очень древняго происхожденія. По словамъ автора, „вытѣсненный изъ религіи Батъ нашелъ пріютъ въ сказкѣ", въ главномъ героѣ которой „мы находимъ черты древняго божества". Но эта сказка на протяженіи вѣковъ, конечно, потерпѣла много измѣненій, „на ней отразились новыя культурныя пріобрѣтенія египетской цивилизаціи; кое-что было утрачено, запамятовано, спутано разсказчиками, кое-что пріобщено новаго". Наиболѣе замѣтныя вліянія (Сиріи, гиксовъ и т. д.) авторъ отмѣчаетъ на стр. 27, этимъ и заканчивая свое предисловіе.

Во второй части книжки идетъ переводъ повѣсти. Мы не будемъ говорить о сюжетѣ, который, кстати сказать, былъ изложенъ въ переводѣ съ французскаго яз. В. Стасовымъ на страницахъ „Вѣстника Европы" (1868 г., т. V, стр. 702—732), при чемъ Стасовъ даже указалъ почти полную аналогію съ „повѣстью о двухъ братьяхъ" въ исторіи царевича Сіявуша въ Шахъ-Намэ (см. Викентьевъ, стр. 91).

Мы въ нашей замѣткѣ обратимъ лишь вниманіе на то, что на протяженіи всего перевода В. М. Викентьевъ оговариваетъ всѣ сколько-нибудь сомнительныя или спорныя мѣста, всѣ имѣющіяся въ текстахъ пробѣлы и разночтенія ученыхъ; дѣлая иногда литературный переводъ, онъ всегда приводитъ переводъ и дословный (срвн., напр., стр. 33 и прим. 4 и мн. др.) и т. д. Такая осторожность автора, несомнѣнно, особенно цѣнна для читателя, который съ большимъ довѣріемъ отнесется къ предложенному матеріалу, а съ другой стороны, будетъ болѣе критически его воспринимать.

Но не менѣе цѣнной является и третья часть книги. Авторъ не хочетъ оставить читателя въ неясномъ пониманіи особенностей египетской жизни, отразившейся въ сказкѣ, и шагъ за шагомъ ведетъ его къ точному уясненію отдѣльныхъ непонятныхъ мѣстъ повѣсти.

При этомъ по поводу отдѣльныхъ моментовъ сказки авторъ

приводитъ и фольклористическія параллели, указывающія на распространенность того или иного мотива.

Такъ, напр., относительно первой части повѣсти, гдѣ жена Анупу хочетъ соблазнить юношу Бата, а при отказѣ послѣдняго обвиняетъ его передъ мужемъ въ попыткѣ соблазнить ее, авторъ указываетъ много аналогій въ западномъ фольклорѣ, а также и въ азіатскомъ, гдѣ, по записи извѣстнаго изслѣдователя Гр. Ник. Потанина, жена Тахтамыша пытается соблазнить юношу Идыге, за отказомъ котораго послѣдовалъ ложный доносъ и преслѣдованіе юноши, порученное Джанбаю (см. Викентьевъ, стр. 58)...

Мы не будемъ останавливаться на другихъ параллеляхъ и отмѣтимъ только, что ихъ весьма много и подобраны онѣ весьма интересно, но на основаніи ихъ авторъ все же не рѣшается затронуть вопросъ о вліяніи разбираемой повѣсти на сказочные мотивы другихъ народовъ и высказываетъ (стр. 92, прим. 1) мысль о необходимости большихъ доказательствъ въ утвержденіи Брэстеди, будто сказка въ первой ея части изъ Египта перешла „въ Палестину, въ Моисеевы книги, вмѣстѣ съ которыми дошла до насъ, какъ исторія Іосифа“...

Въ небольшомъ заключительномъ словѣ авторъ сводитъ общія положенія, выявившіяся изъ изслѣдованія „повѣсти о двухъ братьяхъ“, о главномъ героѣ Батѣ, который „вырисовывается передъ нами, какъ человѣкъ, какъ богъ и какъ символъ нравственнаго очищенія черезъ страданіе“ (стр. 93).

Наша замѣтка была бы неполной, если бы мы ничего не упомянули объ иллюстраціяхъ, а между тѣмъ удачно подобранные рисунки еще болѣе увлекаютъ читателя въ чтеніи древней, сѣдой сказки. Отмѣтимъ, что рисунки не носятъ чисто случайнаго характера, а приноровлены къ тексту: такъ, сказка намъ говоритъ о томъ, что „младшій братъ засталъ жену старшаго брата, сидящей за прической“, и рядомъ съ этимъ текстомъ на стр. 32 мы видимъ рисунокъ, изображающій туалетъ египетской дамы; читая о полевыхъ работахъ Бата, мы на стр. 29 и 31 видимъ рисунки съ изображеніемъ египетскихъ полевыхъ работъ и т. д.

Заканчивая нашу замѣтку, мы еще разъ подчеркиваемъ, что передъ нами цѣнная, интересная книжка, которая, конечно, найдетъ себѣ широкій кругъ читателей, и о которой можно сказать заключительными словами писца Эннана объ этой повѣсти:

„Если кто станетъ говорить противъ этой книги (пусть) ополчится на того Джехути (Тотъ, богъ мудрости)“.

Викторъ Смолинъ.

Д-ръ Мюллеръ-Лiэръ. Формы брака, семьи и родства. Авторизованный переводъ И. Степанова. М. Изд. Дауге.

Мюллеръ-Лiэръ извѣстенъ какъ авторъ крупнаго труда изъ области соціологіи, первый томъ котораго въ оригиналѣ вышелъ изъ печати еще восемь лѣтъ назадъ. Въ своемъ цѣломъ этотъ трудъ носитъ заглавіе „Ступени развитія человѣчества" и долженъ явиться завершенной историко-соціологической системой, но до сихъ поръ въ печати появилась приблизительно лишь половина всей работы. Томы, входящіе въ составъ этой первой половины изслѣдованія (II—VII), посвящены по преимуществу вопросамъ развитія экономики и семьи въ широкомъ смыслѣ этого слова, первый же томъ, озаглавленный „Смыслъ жизни и наука", носитъ какъ бы вводный характеръ: представляя собою нѣчто въ родѣ предисловія ко всему изслѣдованію въ его цѣломъ, онъ содержитъ изложеніе обще-философскихъ принциповъ и предпосылокъ, на которыхъ базируетъ авторъ.

Опредѣляя соціологію какъ науку „о закономѣрностяхъ человѣчески культурной или (что то же самое) сверхъ-органической жизни" и полагая высшую и конечную цѣль этой науки въ томъ, чтобы „пріобрѣсти господство надъ культурнымъ развитіемъ", подобно тому, какъ это господство въ значительныхъ размѣрахъ уже пріобрѣтено надъ внѣшней природой благодаря успѣхамъ естествознанія, Мюллеръ-Лiэръ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что для этого прежде всего должны быть установлены законы этого культурнаго развитія, и что послѣднее, въ свою очередь, предполагаетъ самое широкое ознакомленіе съ фактами исторіи и самую тщательную ихъ разработку. Вполнѣ признавая, что изслѣдователю соціальныхъ отношеній несравненно труднѣе остаться строго объективнымъ въ своихъ сужденіяхъ нежели естествоиспытателю и вполнѣ учитывая отрицательную въ этомъ отношеніи роль личныхъ склонностей и предразсудковъ Мюллеръ-Лiэръ полагаетъ, что съ точки зрѣнія методологіи наилучшихъ результатовъ въ изслѣдованіи соціальныхъ фактовъ все же можно ждать при условіи примѣненія того сравнительнаго метода, которому обязаны своимъ блестящимъ развитіемъ естественныя науки и который въ его примѣненіи къ наукѣ о культурѣ онъ предлагаетъ называть методомъ „фазеологическимъ". Сущность метода въ указанномъ его примѣненіи такова: „отъ соціологическихъ фактовъ (которые — таковъ идеалъ — должны бы охватывать всѣ народы всѣ области земного шара и всѣ эпохи) къ фазамъ культуры, къ линіямъ направленія прогресса, отъ линій прогресса къ закономѣрностямъ развитія культуры". А установленіе законовъ, въ свою очередь, по мнѣнію автора, дастъ человѣчеству господство надъ ними.

Весь трудъ, какъ мы уже говорили, представляетъ собою въ сущности говоря, одно цѣлое. Но, несмотря на эту тѣсную связь частей, каждая изъ послѣднихъ является въ свою очередь съ извѣстной точки зрѣнія самостоятельнымъ и законченнымъ цѣлымъ. Это слѣдуетъ сказать и о томѣ, заглавіе котораго приведено выше. „Формы брака, семьи и родства" — это какъ бы введеніе въ соціологію воспроизведенія человѣка или генеономію, какъ, слѣдуя Э. Геккелю, предлагаетъ называть ее авторъ. „Какъ экономія (въ соціологическомъ смыслѣ), — пишетъ Мюллеръ-Ліэръ, — есть совокупность всѣхъ явленій, связанныхъ съ производствомъ потребительныхъ стоимостей, такъ генеономія есть совокупность всѣхъ соціологическихъ явленій, которыя непосредственно или косвенно соприкасаются съ производствомъ людей". Вся широкая область подходящихъ сюда отношеній подвергается авторомъ слѣдующей классификаціи. 1. Основаніе появленія новой жизни есть опредѣленное отношеніе между полами. Отсюда, въ первую группу фактовъ входятъ вопросы о любви, бракѣ (его заключеніи, формѣ и расторженіи) и соціальномъ положеніи женщины. 2. Указанное отношеніе между полами ведетъ къ отношенію между поколѣніями. Здѣсь затрагиваются вопросы о семьѣ, половомъ отборѣ, воспитаніи, наслѣдованіи и положеніи старшаго возраста. 3. Болѣе широкое пониманіе отношенія между поколѣніями приводитъ насъ къ разсмотрѣнію новой генеономической формы — къ разсмотрѣнію родства, проблемы, охватывающей вопросы о родѣ, системахъ родства и брачныхъ порядкахъ.

Такова область генеономіи въ ея цѣломъ. Но прежде чѣмъ приступить къ фазеологической разработкѣ всей массы входящаго сюда матеріала, Мюллеръ-Ліэръ полагаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ уяснить напередъ въ общемъ важнѣйшія генеономическія формы, дабы оперировать впредь съ точно опредѣленными понятіями. Разработкѣ системы генеономіи въ ея цѣломъ онъ предпосылаетъ нѣкоторое какъ бы введеніе, морфологію. Этой морфологіей и является книга, носящая заглавіе „Формы брака, семьи и родства", которая вышла не такъ давно въ русскомъ переводѣ.

Какъ вся область генеономіи распадается на три особыхъ части, такъ, сообразно этому, и непосредственно интересующая насъ книга, сообразно своему назначенію, имѣетъ три отдѣла, ясно отмѣченные въ самомъ заглавіи. Этимъ тремъ отдѣламъ, составляющимъ центръ и сущность работы, предшествуетъ введеніе, вкратцѣ резюмирующее выводы, сдѣланные въ предшествующихъ томахъ и содержащее нѣкоторыя замѣчанія методологическаго характера.

Первая часть трактуетъ проблему брака. Прежде всего авторъ

касается „неупорядоченнаго брака“ (Promiscuität), разсматривая въ качествѣ его разновидности такъ назыв. „домъ холостяковъ“ и затрагивая, какъ родственныя формы, проституцію и ритуальныя неупорядоченныя половыя отношенія. Потомъ трактуется бракъ групповой (пуналуальный) въ его различныхъ видахъ и, какъ особый видъ, та его форма, которая въ общемъ можетъ быть охарактеризована терминомъ „братство по избранію“. Далѣе разсматривается поліандрія, а какъ особый видъ, cicisbeat и полигамія или — какъ правильно предпочитаетъ выражаться авторъ — полигинія. При разсмотрѣніи послѣдней Мюллеръ-Ліэръ особо останавливается на вопросахъ о формахъ многоженства, числѣ женъ и распространенности этой формы брака. Въ заключеніе говорится о моногаміи.

Предполагая, что характеризовать бракъ числомъ участниковъ союза не является достаточнымъ, Мюллеръ-Ліэръ привлекаетъ къ разсмотрѣнію еще два вопроса. 1. Вопросъ о продолжительности брака, при чемъ съ этой точки зрѣнія классифицируетъ браки какъ a) легко расторжимые, b) постоянные, но могущіе быть расторгнуты въ любой моментъ и c) постоянные, длительность которыхъ охраняется нормой обычая или закона. Въ связи разсматривается вопросъ о судьбѣ дѣтей при расторженіи брака. 2. Вопросъ о чистотѣ брака. Изъ комбинаціи точекъ зрѣнія продолжительности и чистоты авторъ даетъ новое дѣленіе браковъ на микрохористію, хагнохористію, микростазію и хагностазію, то есть бракъ непостоянный и нечистый, непостоянный, но чистый и т. д.

Въ результатѣ первой части своего труда Мюллеръ-Ліэръ отмѣчаетъ слѣдующія „фактически существующія формы брака“. 1. Неупорядоченныя половыя отношенія, общность женщинъ, коммунизмъ женъ или общій бракъ. 2. Групповой бракъ, пуналуальный бракъ. 3. Поліандрія. 4. Полигинія. 5. Синдіасмія („моногамія по нуждѣ“). 6. Моногамія (по принципу). Смотря по тому, заключается ли она на всю жизнь и охраняется ли ея длительность закономъ, авторъ различаетъ моногамію длинтельную и принудительную.

Вторая часть интересующей насъ работы посвящена изслѣдованію формъ семьи. Послѣ краткихъ вступительныхъ замѣчаній авторъ трактуетъ о большой и малой семьѣ, матріархатѣ, патріархатѣ и гинекократіи. Впрочемъ, этому отдѣлу удѣлено весьма небольшое количество страницъ.

Наконецъ, третья часть труда Мюллера-Ліэра представляетъ собою изслѣдованіе формъ родства. Авторъ послѣдовательно касается вопросовъ о родѣ, его задачахъ и функціяхъ, тотемизмѣ и выражающей ту же идею, что и тотемъ, татуировкѣ, а также разсматриваетъ высшія формы организаціи, являющіяся результатомъ

установленія свойства между родами. Далѣе авторъ останавливается на выясненіи сущности материнскаго права, права отцовскаго и родительскаго, говоритъ о фратріяхъ и заключаетъ свою книгу разсмотрѣніемъ союзовъ, носящихъ характеръ локальный.

Таково въ общемъ содержаніе разсматриваемой работы. Въ узкихъ рамкахъ нашей рецензіи мы не можемъ остановиться на болѣе или менѣе подробномъ ея разборѣ, но, говоря вообще, несомнѣнно нужно указать, что какъ часть труда, являющагося первой попыткой дать завершенный курсъ генеономіи, она вполнѣ заслуживаетъ вниманія, а какъ книга, носящая характеръ введенія въ сферу генеономіи, устанавливающая такъ или иначе ясныя понятія и точную терминологію, она является необходимой для всякаго пожелавшаго бы болѣе серьезно ознакомиться съ основаніями столь волнующаго общество „полового вопроса". На это значеніе данной книги вполнѣ справедливо указываетъ и ея издатель.

Б. П. Ивановъ.

Альманахъ „Стремнины". Москва. Кн-во Л. А. Слонимскаго. Ц. 2 р. 50 коп.

Разнообразіе содержанія отличаетъ московскій альманахъ, въ который, на ряду съ именами К. Бальмонта, В. Брюсова, Б. Зайцева, А. Ремизова и Ѳ. Сологуба, включены произведенія менѣе извѣстныхъ авторовъ, при чемъ значительную часть альманаха, бо́льшую его половину, заполняетъ романъ Валерія Язвицкаго „Изъ книги бытія".

Въ то время, какъ Брюсовъ ставитъ себѣ задачу возсозданія и обработки, по черновымъ наброскамъ и отрывкамъ, незаконченныхъ Пушкинымъ „Египетскихъ ночей", Бальмонтъ поетъ „области сна", „сонеты солнца и луны", Сологубъ безмятежность левкоя въ pendant „безумству бурь, пылающимъ боямъ", романъ В. Язвицкаго возвращаетъ читателя къ, казалось бы, давно отзвучавшимъ мотивамъ, составляющимъ, такъ сказать, прошедшій день, изжитую полосу нашей литературы. Словно какое-то проклятіе, нависла съ нѣкоторыхъ поръ надъ русской литературой половая проблема, и съ тѣми или иными ея отголосками то и дѣло встрѣчаемся и понынѣ. Такъ и романъ В. Язвицкаго въ своей существенной части проходитъ подъ знакомъ этой именно проблемы, уже на первыхъ страницахъ мучащей и томящей подпоручика Алмазова. Исполненный рефлексіи и яда сомнѣній, нелишенный поэтическаго дарованія и жгучихъ запросовъ духа, онъ представляетъ себѣ жизнь въ видѣ чудовищнаго экрана, на которомъ ему грезятся люди-тѣни.

Онъ испытываетъ на себѣ и „власть плоти", и чары безпорочной любви. Онъ теряется въ мучительныхъ загадкахъ и противорѣчіяхъ жизни. Нѣкогда студентъ университета, исключенный за какую-то исторію, онъ пріемлетъ религію соціализма, входитъ въ его гущу — въ водоворотъ идей и чувствъ, которыя порождаютъ новыя муки, новыя сомнѣнія... Передъ нами партійная среда, ея разновидности, настроенія, споры, увлеченія, разочарованія, искренніе носители мысли, люди идеи и, на ряду съ ними, отщепенцы-провокаторы. Передъ нами, словомъ, все то, что уже расписывалось на разные лады и большими и малыми художниками, свидѣтелями эпохи смятенія и бури. Не взирая на это, отдѣльныя главы романа читаются съ интересомъ. И это, главнымъ образомъ, потому, что В. Язвицкій владѣетъ даромъ письма, умѣетъ фиксировать читательское вниманіе на дѣлахъ, какъ будто давно наскучившихъ и позабытыхъ. Его письмо — образное, живое; идейная сторона произведенія полна страдальчества. Кромѣ Алмазова, главнаго лица романа, задерживаетъ на себѣ вниманіе фигура студента Кочкина, ближайшаго друга Алмазова, человѣка трезвыхъ взглядовъ и реальнаго міровоззрѣнія, его жены Мани, одной изъ рядовыхъ, но своеобразныхъ работницъ движенія, о. Чапурскаго, горюющаго о неустройствѣ и раздробленности Россіи, высказывающаго въ этомъ смыслѣ не мало горькихъ истинъ, и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе подымающихъ „проклятые" вопросы. Нимало не приближая этихъ вопросовъ къ какому-либо ихъ разрѣшенію, В. Язвицкій сумѣлъ передать тягостную драму мятущейся человѣческой души, ищущей просвѣтовъ, путей перерожденія. Затерянный въ омутѣ „бытія" со всею его сложностью и неразгаданностью, съ его добромъ и зломъ, свѣтомъ и тьмой, подпоручикъ Алмазовъ хочетъ осмыслить окружающее. Онъ томимъ вопросами „богоискательства", „религіознаго мірообщущенія", соціальнаго подвижничества, борьбой чувственности съ идеалистической въ человѣкѣ стихіей. Подобно о. Чапурскому, онъ скорбитъ о „распадающейся" Россіи, объ отсутствіи у насъ національнаго чувства, „понятія о государствѣ, какъ о цѣломъ", о томъ, что „мы не мыслимъ себя, какъ часть цѣлаго, живемъ только личной жизнью", о томъ, что „мы сами, мы русскіе, перегрозимъ Россіи". Онъ прошелъ черезъ горнило испытаній, пережилъ муки россійскаго революціонера — мракъ крѣпостного каземата, эмиграціи и пр.; и, какъ предѣлъ своего земного бытія, отдаетъ жизнь родинѣ, падая „смертью храбрыхъ" на одномъ изъ аэроплановъ въ поединкѣ съ непріятельскимъ дирижаблемъ... Такъ завершилась жизнь, пресѣклось „бытіе" человѣка, искавшаго выхода изъ тупиковъ и аномалій жизни.

Въ романѣ В. Язвицкаго много надуманнаго, но не мало трогающаго и больно ранящаго; романъ изобилуетъ длиннотами, но въ общемъ написанъ живо; его художественная и психологическая цѣнность не очень велики, все же ощутительны. И въ конечномъ итогѣ романъ читается съ интересомъ.

Кромѣ „дерзновеннаго" заданія В. Брюсова — довершить незавершенное созданіе — поэму нашего геніальнаго поэта — и другого, отмѣченнаго выше матеріала, мы находимъ въ альманахѣ незначительныя по размѣру, но своеобразныя по формѣ и оригинальныя по содержанію вещи Б. Зайцева и А. Ремизова.

М. Королицкій.

Борисъ Зайцевъ. Тихія зори. Разсказы. Изданіе четвертое. К-во писателей въ Москвѣ. 1916 стр. 100. Ц. 75 к.

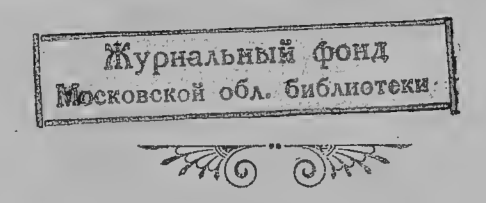
Нѣжною акварелью, мягкой живописью ласкаютъ эти разсказы, такіе кроткіе и интимные, углубленно-грустные. И контуры внѣшніе, и основа внутренняя до того въ нихъ слитны и неотдѣлимы, что перечитываешь эти разсказы съ чувствомъ истиннаго увлеченія.

Предѣлы темъ — не обширны.

Охота на волка („Мгла"); голодная волчья стая на фонѣ зимнихъ полей, суровыхъ и безжизненныхъ („Волки"); воспоминанія о близкомъ другѣ и уплывшемъ прошломъ („Тихія зори"); жизнь въ приходѣ („Священникъ Кронидъ"); безостановочная работа унылой желѣзнодорожной станціи, пропускающей „въ черноту ночи" поѣзда съ солдатами („Хлѣбъ, земля и люди"); глухая усадебная жизнь („Деревня") и жизнь ласковая, солнечная („Миѳъ"); стихія темной, разъяренной толпы („Черные вѣтры") и, на ряду съ этимъ, высокіе душевные подъемы массъ („Завтра") — вотъ темы.

Но каковы бы ни были темы этихъ разсказовъ, „свѣча любви" въ нихъ теплится ярко; любовь къ „великой, гигантской странѣ", къ праматери-родной землѣ съ ея необъятными просторами, съ ея сиротливыми деревушками и селами мелькаетъ свѣтлыми очертаньями въ этихъ тихихъ и затуманенныхъ грустью разсказахъ.

М. К.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

С. И. Солнцевъ. Общественные классы. Важнѣйшіе моменты въ развитіи проблемы классовъ и основныя ученія. Томскъ, 1917. Стр. VI+399. Ц. 3 р.

Чрезвычайно важный въ наше время вопросъ объ общественныхъ классахъ является, по словамъ г. Солнцева, настолько сложнымъ, что исчерпать его во всей его полнотѣ въ одной книгѣ не было никакой возможности; поэтому авторъ ограничилъ свою задачу, во-первыхъ, выясненіемъ главныхъ моментовъ въ развитіи идеи соціальныхъ классовъ въ двухъ передовыхъ странахъ Европы — Франціи и Англіи съ конца восемнадцатаго вѣка, и во-вторыхъ, разборомъ основныхъ политико-экономическихъ ученій объ общественныхъ классахъ. Въ сущности изслѣдованіе г. Солнцева заключаетъ въ себѣ изложеніе разныхъ теорій и сочиненій, — иногда, по его собственнымъ словамъ, мало основательныхъ и не заслуживающихъ вниманія, — причемъ разбираемыя книги слѣдуютъ одна за другою по какой-то странной системѣ, которую трудно уловить читателю: напр. основные взгляды Маркса, самые значительные по данному вопросу, изложены только въ концѣ книги, а непосредственно передъ тѣмъ разбирается почему-то сочиненіе г. А. Богданова; впереди послѣдняго идутъ американецъ Гентъ и Карлъ Каутскій, еще раньше—гг. Туганъ-Барановскій, Викторъ Черновъ, Шарль Жидъ, Лоріа, Оверберг̃ъ и другіе, въ хаотическомъ безпорядкѣ. На стр. 255—261 дается отчетъ о книгѣ Пеша, который „въ трактованіи вопроса о классахъ проявляетъ мало самостоятельности, слѣдуя главнымъ образомъ за Овербергомъ“, а объ ученіи самого Оверберга говорится на стр. 319—330, такъ что комментаторы и критики чужихъ теорій излагаются и обсуждаются раньше изложенія этихъ теорій. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ содержаніе множества книгъ, авторъ доходитъ наконецъ до Маркса и Энгельса, съ которыхъ лучше было начать, ибо только у нихъ, по мнѣнію г. Солнцева, содержится все цѣнное, что мы имѣемъ въ литературѣ по вопросу объ общественныхъ классахъ. Правда, Марксъ „нигдѣ не останавливался надъ нимъ, какъ надъ самостоятельной проблемой; все ученіе его о классахъ лишено поэтому цѣльности, разрознено, разбросано по частямъ“; многое только намѣчено, и выясняется лишь общая постановка вопроса и общій путь его разрѣшенія, но все же у Маркса и Энгельса существенная подготовительная часть задачи исполнена, и „прочное начало науки (?) о классахъ и классовомъ строеніи общества положено“. Этотъ утѣшительный выводъ получается на основаніи матеріала, занимающаго около 24-хъ печатныхъ страницъ; все остальное содержаніе книги могло бы быть съ пользою оставлено въ сторонѣ, и тогда не пришлось бы написать цѣлый объемистый томъ только для того, чтобы подойти къ постановкѣ вопроса по Марксу и Энгельсу. Между прочимъ, въ книгѣ встрѣчаются нѣкоторыя ошибки или недосмотры: такъ въ одномъ мѣстѣ революція 1848 года названа іюльскою (стр. 381); на стр. 56 и слѣд. нѣсколько разъ упоминается о брошюрѣ „Бѣднаго діавола“ (по-французски—„d'un pauvre diable“, т. е. бѣдняги), и т. п.

В. І. Ярроцкій. Курсъ лекцій политической экономіи. Выпускъ I. Петроградъ, 1916. Стр. X+476. Ц. 3 р.

Въ лекціяхъ проф. Яроцкаго проводится тотъ взглядъ, что предме-

томъ политической экономіи является „не только современная денежно-капиталистическая система хозяйства, а хозяйственная дѣятельность вообще, въ ея прошломъ, настоящемъ и будущемъ, въ многообразномъ сочетаніи или взаимодѣйствіи ея съ бытовыми, правовыми и политическими условіями жизни и развитія человѣческаго общества вообще, равно какъ и составляющихъ его отдѣльныхъ странъ и народовъ, съ присущими имъ многими своеобразными свойствами“. Авторъ не включаетъ въ свой курсъ „излюбленныхъ многими профессорами опредѣленій и мнѣній различныхъ ученыхъ по однимъ и тѣмъ же вопросамъ“; онъ по возможности избѣгаетъ „прогулокъ по учено-литературнымъ кладбищамъ, каждепія ѳиміама однимъ изъ живущихъ авторовъ и коллегъ и полемики съ другими“. Первая, общая часть курса состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: о методѣ политической экономіи, о процессѣ развитія хозяйства и экономическихъ ученій, объ исторіи хозяйственнаго быта въ связи съ развитіемъ экономическихъ ученій, объ основныхъ элементахъ хозяйства. Вторая часть — объ организаціи хозяйства и хозяйственныхъ процессахъ — не закончена еще печатаніемъ; въ книгѣ помѣщены пока три главы. Общедоступный научно-популярный характеръ курса дѣлаетъ его весьма полезныхъ руководствомъ для лицъ желающихъ ознакомиться съ основными началами политической экономіи.

Б. Ишханянъ. Развитіе милитаризма и имперіализма въ Германіи. Историко-экономическое изслѣдованіе. Съ предисловіемъ проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Петроградъ, 1917. Стр. 352. Ц. 3 руб.

Въ книгѣ г. Ишханяна собрано очень много интереснаго литературнаго и фактическаго матеріала относительно причинъ и условій, приведшихъ Германію къ возбужденію міровой войны. По мнѣнію автора, необыкновенно быстрый ростъ германскаго капитализма вызвалъ необходимость и подготовилъ техническую возможность лихорадочныхъ вооруженій съ цѣлью удовлетворенія агрессивныхъ требованій крупной промышленности, развившейся до степени міроваго хозяйства. „Міровое хозяйство есть тотъ базисъ, на которомъ создаются крупныя программы міровыхъ колоніальныхъ завоеваній. Въ основѣ германской имперіалистской догмы лежитъ эта матеріалистическая точка зрѣнія“ (стр. 325). Говоря о ближайшихъ причинахъ войны, авторъ отмѣчаетъ забавныя противорѣчія и явные абсурды въ аргументаціи германскихъ имперіалистовъ: они въ одно и то же время утверждали, что война была вызвана „бурными требованіями панславизма въ Россіи“, что Франція и Англія присоединились къ Россіи, хотя вовсе не были подготовлены къ выступленію, и что во всемъ виновата безсильная въ военномъ отношеніи Англія, завидовавшая процвѣтанію Германіи, которая съ своей стороны находилась въ данный моментъ въ полной боевой готовности. У насъ, г. Ник. Сухановъ доказывалъ, наоборотъ, что иниціатива войны исходила будто бы отъ неподготовленныхъ къ войнѣ западныхъ державъ, и что Россія, безъ всякаго повода и основанія, втянута ими въ войну, объявленную ей Германіею. Авторъ называетъ подобныя разсужденія „абсурдными, не имѣющими подъ собою никакой почвы“. Германія, — заключаетъ онъ, — была той страной, гдѣ острое противорѣчіе между ея міровымъ хозяйствомъ и міровою колоніальною политикою категорически требовало разрѣшенія, которое и явилось въ видѣ міровой войны. Въ книгѣ много говорится также о личной роли Вильгельма, объ его идеяхъ и заявленіяхъ, но не поставленъ общій вопросъ о сословно-монархическомъ государственномъ строѣ, какъ источникъ традиціоннаго культа войны и связанной съ нимъ имперіалистической предпріимчивости.

А. Сентъ Ивъ д'Альвейдръ. Миссія Индіи въ Европѣ. Петроградъ, 1916. Стр. 157. Ц. 1 р.

Въ книжкѣ маркиза Сентъ-Ива ничего не сообщается о миссіи Индіи въ Европѣ, но говорится о тайнахъ индійскихъ маговъ и волшебныхъ небесныхъ мірахъ, о священныхъ пещерахъ мудрецовъ и разныхъ другихъ вещахъ, недоступныхъ пониманію обыкновенныхъ смертныхъ.

Этотъ „драгоцѣнный трудъ“ изданъ анонимными „друзьями“ автора, которому удалось, по ихъ словамъ, „проникнуть въ самыя тайныя святилища земли, чтобы провѣрить устныя ученія“. Русскій переводчикъ, съ своей стороны, увѣряетъ, что если кто „обратится въ минуты тоски и духовнаго одиночества съ призывомъ о помощи къ верховному понтифу Парадезы“, то „въ отвѣтъ на этотъ призывъ душа его будетъ вся проникнута потокомъ яркой и живой любви, надежды и утѣшенія“; однако, чтобы „ощутить этотъ отвѣтъ, необходимо обладать развитымъ астральнымъ тѣломъ, надо имѣть развитые духовные органы воспріятій“, и наступаетъ моментъ, когда „пробужденныя очи духа увидятъ на юго-востокѣ Пирамиду интеллектуальнаго свѣта Рами; — тогда станетъ ясной вся огромная цѣнность этой книги“. Очевидно, книжка предназначена спеціально для любителей псевдо-мистической абракадабры.

Л. С.

Въ теченіе февраля мѣсяца 1917 г. въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Куклярскій, Федоръ. Философія культуры. Идеалы человѣческой культуры въ свѣтѣ трагическаго міропониманія. Книга первая: Культура и познаніе. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Груздевъ, С. А. Очеркъ продовольственной помощи населенію Россіи въ войну 1914—1916 годовъ. Пгр., 1917 г. Ц. 55 к.

Ревуцкой, Е. Д. Русскія мѣсторожденія исландскаго шпата. (Матеріалы для изученія естественныхъ производительныхъ силъ Россіи. Вып. 14). Пгр., 1917 г. Ц. 20 к.

Бертенсонъ, Сергѣй. Къ библіографіи матеріаловъ о Гоголѣ. Вып. 4. Пгр., 1917 г.

Гронскій, П. П. Земская реформа въ Государственной Думѣ. Пгр., 1917 г. Ц. 50 к.

Поплавскій, И. А. Опыты теоріи желѣзнодорожной статистики и экономическихъ изысканій въ Россіи. Посв. памяти А. А. Русова. Москва, 1916 г.

Усовъ, М. Л. Еврейство и крестьянство (политико-экономическій очеркъ). Изд. „Разумъ“. 1917 г. Ц. 1 р.

Чуковскій, К. Англія наканунѣ побѣды. Пгр., Ц. 1 р. 50 к.

Мечниковъ, И. И. Этюды о природѣ человѣка. „Научное Слово“. Москва, 1917 г. Ц. 3 р. 20 к.

Котомкинъ-Савинскій. Князь Вячко и меченосцы. Историческая поэма изъ эпохи войнъ XIII столѣтія — завоеваніе нѣмцами Прибалтійскаго края. Посвящается августѣйшему поэту К. Р. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Солнцевъ, С. И. Общественные классы. Важнѣйшіе моменты въ развитіи проблемы классовъ и основныя ученія. Томскъ, 1917 г. Ц. 3 р.

Лозина-Лозинскій, А. Благочестивыя путешествія. 1) Цвѣты руинъ. 2) Море! Море! 3) Санктъ-Петербургъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Скиталецъ. За тюремной стѣной. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

Треневъ, К. Т. II. Мокрая балка, разсказы. Т-во „Книгоиздат. писателей въ Москвѣ“, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ив. Бунинъ. Чаша жизни, разсказы 1913—14 гг. Т-во „Книгоиздательства писателей въ Москвѣ“, 1917 г. Ц. 1 р. 60 к.

И. Сургучевъ. Т. III. Осеннія скрипки и разсказы. Т-во „Книгоиздательства писателей въ Москвѣ“, 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Кроссъ, Викторія. Анна Ломбардъ. Романъ, т. I. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Война, Иванъ. Сны одинокіе. Поэзія. Москва, 1916 г. Ц. 30 к.

Спасскій, Сергѣй. Какъ снѣгъ. Предисловіе Константина Больша-

кова. Москва, 1917 г. Ц. 1 р. Изд. журн. „Млечный Путь".

Курчинскій, М. А. Проф. юрьевскаго унив. Поземельная задолженность. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Игнатьевъ, Е. И. Основные законы природы. Изданіе Сойкина. Знаніе для всѣхъ. Пгр., 1916 г. Ц. 75 к.

Воспоминанія братьевъ Бестужевыхъ. Библіотека мемуаровъ „Огни". Пгр., 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

Русскій біографическій словарь. Герберскій-Гогенлоэ. Изд. Русскаго историческаго общества. Москва, 1916 г. Ц. 3 р.

Георгій Чулковъ. Метель. Романъ. Москва, „Сѣверные Дни". 1917 г. Ц. 2 р.

Вл. Лидинъ. Полая вода. Москва. „Сѣверные Дни". 1917 г. Ц. 1 р. 75 к.

М. А. Гутковскій. Финансовое хозяйство Варшавы (Очеркъ варшавскихъ городскихъ бюджетовъ.) Съ предисл. проф. М. И. Фридмана, подъ ред. прив.-доц. А. И. Буковецкаго. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Алексѣй Ильинъ. Очерки городского хозяйства въ Сѣверной Америкѣ. Съ біографическ. очеркомъ А. Ильина, Любови Гуревичъ. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Евгеній Гликманъ. Стихотворенія (1908—1016 г.) Листопадъ. Просвѣтлѣло. Послѣ грозы. Трауръ. Саратовъ, 1917 г. Ц. 1 р.

Чролли. Сынъ Фауста. Пгр., 1916 г. Ц. 70 к.

Шота Руставели. Носящій барсову шкуру, Грузинская поэма XII в. Переводъ К. Бальмонта, Москва, 1917 г. Ц. 1 р. 25 к.

Зайцевъ, В. Дальній край. Ром. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Серафимовичъ, А. Лихорадка. Разсказы. Москва 1917 г. Ц. 1 р. 65 к.

Сборникъ „Слово", № 7. Москва, 1917 г. Ц. 2 р. 25 к.

Записки *Н. В. Басаргина.* Библіотека мемуаровъ „Огни". Пгр., 1917 г. Ц. 3 р. 50 к.

М. Спиридоновъ. Райскій садъ, „Огни". Пятая книга. Пгр., 1916 г. Ц. 1. 25 к.

Н. Б. Емельяновъ. Реформа въ бюрократическомъ строѣ Государственной Думы. Пгр., 1917 г. Ц. 50 к.

Н. Батюшковъ. Неиспользованные источники народнаго богатства. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Знанія". Пгр., 1916 г.

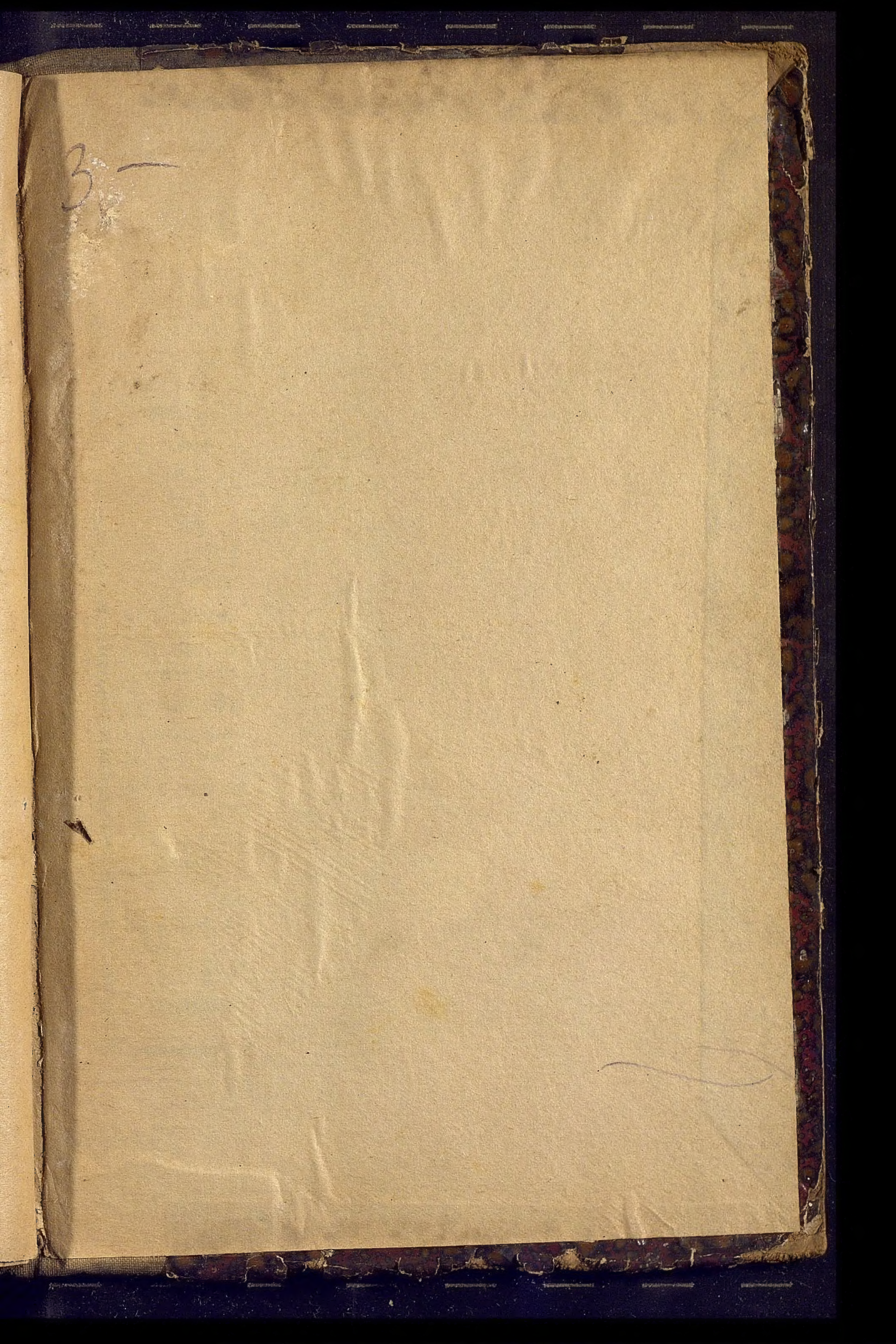
Вольнинъ, Павелъ. Будемъ тихи. Пгр., Ц. 1 р.

Плеханъ, И. Законъ, Положеніе и инструкція о госуд. подоходномъ налогѣ. Пгр., 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.

ПОПРАВКА. Въ февральской книгѣ „Вѣстника Европы", на стр. 64 подъ стихотвореніемъ „Вечеръ", по недосмотру, поставлена подпись Вл. Вѣтвицкаго, вмѣсто „Григорій Гнѣсинъ".

Издатель: Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ред.: Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

3 —

